

Н. ЛЕНИН  
В. УЛЬЯНОВ

СОБРАНИЕ  
СОЧИНЕНИЙ

XVI

---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКВА

В

Т

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевики)

---

*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

# СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XVI

ПРОЛЕТАРИАТ У ВЛАСТИ

1919 год

46 -- 82 тыс.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКВА

*Печатается по постановлению  
IX съезда Р. К. П.*

# ПРОЛЕТАРИАТ У ВЛАСТИ

1919 год

## Письмо к рабочим Европы и Америки.

Товарищи! В конце своего письма к американским рабочим от 20 августа 1918 г. <sup>1)</sup> я писал, что мы находимся в осажденной крепости, пока другие армии международной социалистической революции не пришли нам на помощь. Рабочие разрывают со своими социал-предателями, Гомперсами <sup>2)</sup> и Реннерами <sup>3)</sup>, добавляя. Рабочие приближаются медленно, но неуклонно к коммунистической и большевистской тактике.

С тех пор, как написаны эти слова, прошло менее пяти месяцев, и приходится сказать, что назревание всемирной пролетарской революции, в связи с переходом рабочих разных стран к коммунизму и большевизму, шло за это время чрезвычайно быстро.

Тогда, 20 августа 1918 г., только наша большевистская партия порвала решительно со старым, II Интернационалом 1889—1914 г.г., который так позорно обанкротился во время империалистской войны 1914—1918 г.г. Только наша партия перешла вполне на новый путь, от опозорившего себя союзом с грабительской буржуазией социализма и социал-демократизма к коммунизму, от мелко-буржуазного реформизма и оппортунизма, которые насквозь пронизывали и пронизывают официальную социал-демократию и социалистические партии, к действительно пролетарской и революционной тактике.

Теперь, 12 января 1919 г., мы видим уже целый ряд коммунистических пролетарских партий, не только в пределах бывшей империи царя, например, в Латвии, Финляндии, Польше, но и в Западной Европе, в Австрии, Венгрии, Голландии, наконец, в Германии <sup>4)</sup>. Когда германский „Союз Спартака“ <sup>5)</sup> с такими всемирно известными и всемирно знаменитыми вождями, с такими верными сторонниками рабочего класса, как Либкнехт, Роза Люксембург <sup>6)</sup>, Клара Цеткин <sup>7)</sup>, Франц Меринг <sup>8)</sup>, порвав окончательно свою связь с социалистами вроде Шейдемана <sup>9)</sup> и Зюдекума <sup>10)</sup>, с этими социал-шовинистами (социалистами на словах, шовини-

стами на деле), навсегда опозорившими себя союзом с грабительской империалистской буржуазией Германии и с Вильгельмом II, когда „Союз Спартака“ назвал себя „коммунистической партией Германии“, — тогда основание действительно пролетарского, действительно интернационалистского, действительно революционного III Интернационала, коммунистического Интернационала, стало фактом. Формально это основание еще не закреплено, но фактически III Интернационал теперь уже существует.

Теперь уже все сознательные рабочие, все искренние социалисты не могут не видеть, какое подлое предательство социализма совершили те, кто подобно меньшевикам и „социалистам-революционерам“ в России, подобно Шейдеманам и Зюдекумам в Германии, подобно Реноделям<sup>11)</sup> и Вандервельдам<sup>12)</sup> во Франции, Хендерсонам<sup>13)</sup> и Уэббам<sup>14)</sup> в Англии, Гомперсам и Комп. в Америке, поддерживал „свою“ буржуазию в войне 1914—1918 г.г. Эта война вполне разоблачила себя, как империалистская, реакционная грабительская война и со стороны Германии, и со стороны капиталистов Англии, Франции, Италии, Америки, которые теперь начинают ссориться из-за дележа награбленной добычи, из-за дележа Турции, России, африканских и полинезийских колоний, Балкан и т. п. Лицемерные фразы Вильсона и „вильсонистов“ о „демократии“ и „союзе народов“<sup>15)</sup> разоблачаются удивительно быстро, когда мы видим захват левого берега Рейна французской буржуазией, захват Турции (Софии, Месопотамии) и части России (Сибирь, Архангельск, Баку, Красноводск, Асхабад и т. д.) французскими, английскими и американскими капиталистами, — когда мы видим все усиливающуюся вражду из-за дележа награбленной добычи между Италией и Францией, между Францией и Англией, между Англией и Америкой, между Америкой и Японией.

И рядом с теми трусливыми, половинчатыми, насквозь пропитанными предрассудками буржуазной демократии, „социалистами“, которые вчера защищали „свои“ империалистские правительства, а сегодня ограничиваются платоническими „протестами“ против военного вмешательства в Россию, — рядом с ними растет в странах Антанты число людей, которые идут по дороге коммунистической, по дороге Маклина<sup>16)</sup>, Дебса<sup>17)</sup>, Лорио<sup>18)</sup>, Ладзари<sup>19)</sup>, Серрати<sup>20)</sup>, таких людей, которые поняли, что только свержение буржуазии, разрушение буржуазных парламентов,

только Советская власть и диктатура пролетариата способны подавить империализм, обеспечить победу социализма, обеспечить прочный мир.

Тогда, 20 августа 1918 г., пролетарская революция ограничивалась Россией, и „Советская власть“, т.е. принадлежность всей власти в государстве Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, казалась еще (да и была на деле) только российским учреждением.

Теперь, 12 января 1919 г., мы видим могучее „советское“ движение не только в частях бывшей империи царя, например, в Латвии, в Польше, на Украине, но и в западно-европейских странах, и в нейтральных (Швейцария, Голландия, Норвегия), и в пострадавших от войны (Австрия, Германия). Революция в Германии, которая особенно важна и характерна, как одна из наиболее передовых капиталистических стран, сразу приняла „советские“ формы. Весь ход развития германской революции и особенно борьба „спартаковцев“, т.е. истинных и единственных представителей пролетариата, против союза предательской сволочи, Шейдеманов и Зюдекумов, с буржуазией, — все это показывает ясно, как поставлен вопрос историей по отношению к Германии: „Советская власть“ или буржуазный парламент, под какими бы вывесками (вроде „Национального“ или „Учредительного“ Собрания) он ни выступал.

Такова всемирно-историческая постановка вопроса. Теперь это можно и должно сказать без всякого преувеличения.

„Советская власть“ есть второй всемирно-исторический шаг или этап развития диктатуры пролетариата. Первым шагом была Парижская Коммуна. Гениальный анализ содержания и значения этой Коммуны, данный Марксом в его „Гражданской войне во Франции“, показал, что Коммуна создала новый тип государства, пролетарское государство. Всякое государство, в том числе и самая демократическая республика, есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим. Пролетарское государство есть машина для подавления буржуазии пролетариатом, а такое подавление необходимо в силу того бешеного, отчаянного, ни перед чем не останавливающегося сопротивления, которое оказывают помещики и капиталисты, вся буржуазия и все ее приспешники, все эксплуататоры, когда начинается их свержение, когда начинается экспроприация эксплуататоров.

Буржуазный парламент, хотя бы самый демократический в самой демократической республике, в которой сохраняется собственность капиталистов и их власть, есть машина для подавления миллионов трудящихся кучками эксплуататоров. Социалисты, борцы за освобождение трудящихся от эксплуатации, должны были использовать буржуазные парламенты, как трибуну, как одну из баз для пропаганды, агитации, организации, пока борьба наша ограничивалась рамками буржуазного строя. Теперь, когда всемирная история поставила на очередь дня вопрос о разрушении всего этого строя, о свержении и подавлении эксплуататоров, о переходе от капитализма к социализму, — теперь ограничиваться буржуазным парламентаризмом, буржуазной демократией, прикрашивать ее, как „демократию“ вообще, затушевывать ее буржуазный характер, забывать, что всеобщее избирательное право, пока сохраняется собственность капиталистов, есть одно из орудий буржуазного государства,—это значит позорно изменять пролетариату, переходить на сторону его классового врага, буржуазии, быть изменником и ренегатом.

Три направления во всемирном социализме, о которых с 1915 года неустанно говорит большевистская печать, стоят теперь перед нами, в свете кровавой борьбы и гражданской войны в Германии, с особенной отчетливостью.

Карл Либкнехт—это имя известно рабочим всех стран. Повсюду, и особенно в странах Антанты, это имя есть символ преданности вождя интересам пролетариата, верности социалистической революции. Это имя есть символ действительно искренней, действительно готовой на жертвы, беспощадной борьбы с капитализмом. Это имя—символ непримиримой борьбы с империализмом не на словах, а на деле, борьбы, готовой на жертвы, как раз тогда, когда „своя“ страна охвачена угаром империалистских побед. С Либкнехтом и „спартаковцами“ идет все, что осталось честного и действительно революционного среди социалистов Германии, все, что есть лучшего и убежденного в пролетариате, все массы эксплуатируемых, в которых кипит возмущение и растет готовность на революцию.

Против Либкнехта—Шейдеманы, Зюдекумы и вся эта банда презренных лакеев кайзера и буржуазии. Это такие же предатели социализма, как Гомперсы и Викторы Бергеры<sup>21)</sup>, Хендерсоны и Уэббы, Ренодели и Вандервельды. Это—та верхушечка под-

купленных буржуазией рабочих, которых мы, большевики, звали (адресуя это название к русским Зюдекумам-меньшевикам) „агентами буржуазии в рабочем движении“, и которых лучшие из социалистов Америки окрестили великолепным по экспрессивности и по глубокой правдивости выражением: „labor lieutenant of the capitalist clan“, „рабочими-лейтенантами класса капиталистов“. Это новейший „modern“, тип социалистического предательства, ибо во всех цивилизованных, передовых странах буржуазия грабит—путем ли колониального угнетения или путем финансового извлечения „выгод“ с формально-независимых слабых народов—грабит население, во много раз превышающее население „своей“ страны. Отсюда экономическая возможность „сверх-прибылей“ для империалистской буржуазии и употребления доли из этой сверхприбыли на подкуп известного верхушечного слоя пролетариата, на превращение его в реформистскую, оппортунистическую, боящуюся революции мелкую буржуазию.

Между спартаковцами и шейдемановцами—колеблющиеся, бесхарактерные „каутскианцы“, единомышленники Каутского<sup>22)</sup>, на словах „независимые“, на деле зависящие целиком и по всей линии сегодня от буржуазии и шейдемановцев, завтра от спартаковцев, частью идущие за первыми, частью за вторыми, люди без идей, без характера, без политики, без чести, без совести, живое воплощение растерянности филистеров, на словах стоящих за социалистическую революцию, на деле неспособных понять ее, когда она началась, и защищающих по-ренегатски „демократию“ вообще, т.-е. на деле защищающих буржуазную демократию.

В каждой капиталистической стране всякий мыслящий рабочий узнает, в измененной соответственно национальным и историческим условиям обстановке, именно эти три основные направления и среди социалистов и среди синдикалистов, ибо империалистская война и начало всемирной пролетарской революции во всем мире порождает однородные идейно-политические течения.

\* \* \*

Предыдущие строки были написаны до зверского и подлого убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург<sup>23)</sup> правительством Эберта<sup>24)</sup> и Шейдемана. Эти палачи, лакействуя перед буржуазией, предоставляли германским белогвардейцам, сторожевым псам свя-

щенной капиталистической собственности, линчевать Розу Люксембург, убивать выстрелами в спину Карла Либкнехта, с явно ложной ссылкой на его „побег“ (русский царизм, подавляя в крови революцию 1905 года, много раз прибегал к подобному убийству с такой же ложной ссылкой на „побег“ арестованных),— и в то же время эти палачи прикрывали белогвардейцев авторитетом, якобы, ни в чем неповинного, якобы, выше классов стоящего правительства. Не найти слов для выражения всей мерзости и низости этого палачества, совершаемого, якобы, социалистами. Очевидно, история избрала такой путь, на котором роль „рабочих лейтенантов класса капиталистов“ должна быть доведена до „последней черты“ зверства, низости и подлости. Пусть дурачки каутскианцы толкуют в своей газете „Фрейхейт“ о „суде“ из представителей „всех“ „социалистических“ партий (палачей Шейдеманов эти лакейские души продолжают называть социалистами). Эти герои филистерского тупоумия и мещанской трусости не понимают даже того, что суд есть орган государственной власти, а борьба и гражданская война в Германии идет как раз из-за того, в чьих руках будет эта власть: в руках ли буржуазии, которую будут „обслуживать“ Шейдеманы, как палачи и погромщики, Каутские, как хвалители „чистой демократии“, или в руках пролетариата, который свергнет эксплуататоров-капиталистов и раздавит их сопротивление.

Кровь лучших людей всемирного пролетарского Интернационала, незабвенных вождей международной социалистической революции, закалит новые и новые массы рабочих к борьбе не на жизнь, а на смерть. И эта борьба приведет к победе. Мы пережили в России летом 1917 г. „июльские дни“<sup>25</sup>), когда русские Шейдеманы, меньшевики и эс-эры, также „государственно“ прикрывали „победу“ белогвардейцев над большевиками, когда на улицах Петербурга казаки линчевали рабочего Воинова<sup>26</sup>) за распространение большевистских воззваний. Мы знаем по опыту, как быстро такие „победы“ буржуазии и ее холопов излечивают массы от иллюзий буржуазного демократизма, „всенародного голосования“ и тому подобное.

\* \* \*

Среди буржуазии и правительства Антанты замечаются теперь некоторые колебания. Часть видит, что разложение союзнических войск в России, помогающих белогвардейцам, служа-

щих самой черной монархической и помещичьей реакции, уже начинается; — что продолжение военного вмешательства и попытки победить Россию, требующие миллионной оккупационной армии на долгое время, что этот путь есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты. Пример немецких оккупационных войск на Украине достаточно убедителен.

Другая часть буржуазии в странах Антанты стоит по-прежнему за военное вмешательство в России, за „экономическое окружение“ (Клемансо) и удушение советской республики. Вся пресса, служащая этой буржуазии, т.-е. большинство купленных капиталистами ежедневных газет Англии и Франции, пророчит быстрый крах Советской власти, расписывает ужасы голода в России, врет про „беспорядки“ и про „непрочность“ советского правительства. Войска белогвардейцев, помещиков и капиталистов, которым помогает Антанта и офицерами, и снарядами, и деньгами, и вспомогательными отрядами, эти войска отрезают голодный центр и север России от самых хлебобородных районов, от Сибири и от Дона.

Бедствия голодающих рабочих в Петербурге и Москве, в Иванове-Вознесенске и других рабочих центрах действительно велики. Никогда не вынесли бы рабочие массы таких бедствий, таких мук голода, на которые обрекает их военное вмешательство Антанты (вмешательство, зачастую прикрытое лицемерными обещаниями не посылать „своих“ войск, при продолжающейся посылке „чернокожих“, затем снарядов, денег, офицеров), — массы не вынесли бы таких бедствий, если бы рабочие не понимали, что они отстаивают дело социализма и в России и во всем мире.

„Союзные“ и белогвардейские войска цержат Архангельск <sup>27)</sup>, Пермь, Оренбург <sup>28)</sup>, Ростов на Дону <sup>29)</sup>, Баку, Асхабад <sup>30)</sup>, но „советское движение“ завоевало Ригу <sup>31)</sup> и Харьков <sup>32)</sup>: Латвия и Украина становятся советскими республиками. Рабочие видят, что великие жертвы приносят они не напрасно, что победа Советской власти идет и ширится, растет и крепнет по всему миру. Каждый месяц тяжелой борьбы и великих жертв усиливает дело Советской власти во всем мире, ослабляя ее врагов, эксплуататоров.

У эксплуататоров есть еще достаточно силы в руках, чтобы убивать и линчевать лучших вождей всемирной пролетарской революции, чтобы усугублять жертвы и муки рабочих в оккупированных или завоевываемых странах и областях. Но у эксплоа-

таторов всего мира не хватает сил, чтобы удержать победу всемирной пролетарской революции, несущей освобождение человечества от ига капитала, от вечной угрозы новых и неизбежных при капитализме империалистских войн.

*Написано около 12 января;  
напечатано в „Правде“ № 16  
24 января 1919 г.*

## **О профессиональных союзах.**

(Речь на 2-м Всероссийском съезде профсоюзов, 20 января 1919 г.).

Мне кажется, товарищи, что пресловутый лозунг „независимости“ профессионального движения заслуживает внимания не только с профессиональной точки зрения. Вся борьба, которая теперь наполняет мир, с неслыханной силой обостряется в вопросе диктатуры пролетариата или диктатуры буржуазии. Только в этой плоскости вся эта борьба может быть правильно понята и правильно учтена.

Дать возможность рабочему классу, сознательным его представителям, правильно в этой борьбе участвовать возможно лишь при том условии, если мы поймем, каким самообманом для одних и обманом для других является этот лозунг „независимости“ рабочего движения и „независимости профессиональных союзов“. Прежде всего я хотел бы отметить, хотя бы вкратце, насколько этот лозунг является теоретически неправильным, насколько он теоретически же не выдерживает и тени критики.

Товарищи! Последняя схватка в Германии, зверское убийство Либкнехта и Люксембург<sup>23)</sup>, представляют собой не только самое драматическое и трагическое событие начинающейся немецкой революции. Они, кроме того, проливают необыкновенно яркий свет на постановку вопросов современной борьбы в теперешних течениях различных политических взглядов и теоретических построений. Как раз из Германии мы больше всего слышали речей (хотя бы, напр., о пресловутой демократии) и лозунгов—вроде лозунга „независимости“ класса от государственной власти.

Эти лозунги, которые кажутся на первый взгляд, пожалуй, не связанными друг с другом, на самом деле тесно связаны. Они тесно связаны потому, что показывают, как до сих пор, несмотря

на громадный опыт классовой борьбы пролетариата, сильны еще мелко-буржуазные предрассудки, как до сих пор классовая борьба сплошь и рядом признается по немецкому выражению „только губами“, не проходя ни в голову, ни в сердце тех, кто о ней говорит.

Если мы припомним хотя бы азбуку политической экономии, как мы ее усваивали из „Капитала“ Маркса, если мы припомним учение о классовой борьбе, на которой мы все стоим обеими ногами, если нам сейчас ясно, что социалистическая революция стала в порядок дня во всем мире, если это практически ясно из действий в самых практических странах, каким образом тут можно говорить о демократии вообще, или каким образом тут можно говорить о „независимости“?

Кто думает таким образом, тот ни одной страницы не понял в „Капитале“ Маркса, которым у нас теперь клянутся без исключения все социалисты всех стран. Но на самом деле, клянясь этим произведением, они однако, почти подойдя к той главной борьбе, которую провозгласил „Капитал“ Маркса, от этой классовой борьбы отступают. Они воображают, что может существовать внеклассовая или надклассовая демократия, что демократия в современном обществе (пока капиталисты остаются при собственности) может быть иная, что может быть демократия не буржуазная, т.-е., в действительности, прикрытая фальшивыми, лживыми демократическими вывесками, буржуазная диктатура

Как раз из этой самой Германии недавно неслись к нам голоса о том, что вот там диктатура пролетариата может и даже, наверное, не выйдет из рамок демократии, что демократия останется именно там осуществленной в полном порядке. Как раз люди, претендовавшие на то, что они учителя марксизма, люди бывшие идеологами всего II-го Интернационала с 1889 г. по 1914 г., вроде Каутского, выступили со знаменем „демократии“, не понимая, что демократия, пока собственность остается у капиталистов, есть только насквозь лицемерное прикрытие буржуазии, и что ни о каком серьезном решении вопроса об освобождении труда из-под ига капитала не может быть и речи, если это лицемерное прикрытие не будет сорвано.

Если мы не поставим вопроса так, как его всегда учил ставить Маркс, как его учила ставить повседневная борьба пролетариата, и как учила ставить каждая стачка, каждое обострение

профессиональной борьбы, если мы не поставим вопроса в той плоскости, что, пока собственность остается за капиталистами, всякая демократия будет только лицемерной, прикрытой буржуазной диктатурой, то всякие речи о всеобщем голосовании, о всенародной воле, о равенстве голосующих, все это будет сплошным обманом, ибо не может быть равенства между эксплуататором и эксплуатируемым, между владельцем капитала и собственностью и современными наемными рабами.

Конечно, буржуазная демократия есть исторически громадный прогресс по сравнению с царизмом и самодержавием, монархиями и всякими остатками феодализма. Конечно, мы должны будем ее использовать и тогда будем ставить вопрос так, что пока на очереди не стоит борьба рабочего класса за всю власть, то использование формы буржуазной демократии для нас обязательно. Но дело в том, что мы к этому решительному моменту борьбы как раз пришли в международном масштабе.

Теперь вопрос встает в плоскости—удержат ли капиталисты власть над средствами производства? А если это так, то это означает, что они готовят новые войны. Война империалистическая показала нам с полной очевидностью, как капиталистическая собственность связана с этой бойней народов и приведет к ней неудержимо и неуклонно, но тогда всякие речи о демократии в смысле выражения общенародной воли наглядно для всех оказываются обманом и привилегией капиталистов и богачей для одурманивания наиболее отсталых слоев трудящихся.

Вопрос стоит так и только так. Либо диктатура буржуазии, прикрытая учредилками, всякого рода голосованиями, речами о демократии и т. п. буржуазным обманом, которым ослепляют дураков и которым могут теперь козырять и щеголять только люди, насквозь и по всей линии ставшие ренегатами марксизма и ренегатами социализма,—либо диктатура пролетариата. чтобы железной рукой подавить буржуазию, натравливающую самые несознательные элементы на лучших вождей всемирного пролетариата. А эта диктатура есть победа пролетариата для подавления буржуазии, которая тем более бешено сейчас организует самое отчаянное сопротивление восставшему пролетариату.

Буржуазия теперь очень ясно понимает, что вопрос поставлен глубоко глубже, чем она думала, ибо до сих пор, в громадном большинстве случаев, она считала возмущение рабочих

временным выражением их недовольства. До сих пор капиталисты английские, самые, может быть, опытные в деле политического обмана рабочих, самые политически воспитанные и организованные, до сих пор сплошь и рядом так и рассматривают дело, а именно: война, конечно, привела к недовольству, и это неизбежно порождает и породит рабочие волнения, но чтобы вопрос состоял теперь в том, кто же будет теперь во главе государства, в рабочих ли руках будет государственная власть, или останется собственность у господ капиталистов—об этом они еще не думают.

А между тем события показали, что именно эти вопросы стоят, несомненно, не только в России, но и в целом ряде западно-европейских стран, и даже не только участвовавших в войне, но и в нейтральных, которые, следовательно, меньше пострадали, вроде Швейцарии и Голландии. Буржуазия больше всего воспитывалась и воспитывала массы в духе буржуазных понятий, но и в этих массах ширится сознание, что растет советская революция и грядет Советская власть.

Эта Советская власть перестала быть русской формой власти пролетариата. Она стала позицией международного пролетариата в его борьбе за власть, она стала вторым шагом во всемирном развитии социалистической революции.

Первым его шагом была Парижская Коммуна, которая показала, что она ведет к социализму рабочий класс не иначе, как через диктатуру, через насильственное подавление экспроприаторов. Рабочий класс не может идти к социализму через старое буржуазно-демократическое парламентарное государство, а лишь через государство нового типа, которое и капитализм, и чиновничество разбивает снизу доверху.

Вторым шагом, с точки зрения всемирного развития социалистической революции, явилась пролетарская власть, и если ее считали сначала (а ее можно было считать, и даже должно было считать, если не сходить с почвы фактов) явлением только русским, то теперь события показали, что это—не только русское явление, что это—международная форма борьбы пролетариата. Война по-новому перетасовала пролетарские и полупролетарские массы, дала им новую организацию и противопоставила грабительскому империализму в новой форме, повсюду создавая эти новые массовые организации борьбы,—организации пролетариата для свержения власти буржуазии.

Не все сознавали это значение советов, когда советы возникли. Не все и сейчас это значение сознают. Но нам-то, которые пережили зачатки этих советов в 1905 году, нам-то которые пережили после февральской революции 1917 года долгую полосу колебаний между советской организацией масс и мелко-буржуазной, социал-предательской идеологией, нам-то теперь эта картина яснее ясного. Она лежит перед нами, как на ладони, и мы видим, как разворачивалась и разворачивается с каждым днем все шире и глубже борьба пролетариата за власть против государства капиталистов.

С этой точки зрения, чего стоят те указания и фразы о „независимости“, и тому подобные речи, постоянно сбивающиеся на «внеклассовую позицию»? Мы ведь знаем, что в капиталистическом обществе господствует буржуазия, что капиталистическое общество рождается из власти буржуазии и в политической, и в экономической сфере. Кто говорит о независимости профессионального движения, кто говорит о демократии вообще, гот сознательно или несознательно предполагает что-то среднее, что-то межклассовое.

Но во всех случаях это есть самообман, это есть обман, это есть прикрытие той мысли, что, пока власть капиталистов остается, до тех пор, пока у капиталистов остается собственность на орудия производства, до тех пор демократия, хотя и может быть менее или более цивилизованной, на деле остается буржуазной диктатурой.

Чем шире распространена демократия, тем очевиднее и сильнее из каждого крупного противоречия бьет ключем гражданская война. И факты гражданской войны становятся тем более бешеными, чем более стары, чем более исторически продолжительны демократии западно-европейских государств и Америки. Эти факты пробуждают самые отсталые, самые тупые головы, и скоро люди, которые толкуют о демократии вообще и о „независимости“, будут исчезать. Об этих людях будут говорить, как об ископаемых.

Считаясь с условиями, в которых профессиональное движение в России протекало, росло и теперь выросло уже окончательно, оно может отбросить уроки воспитания вчерашнего дня. На мой взгляд такое воспитание, до некоторой степени, было необходимо; наше профессиональное движение проходит в эпоху начавшейся всемирной социалистической революции

и поэтому пережило особенно крутой излом; в это время идеологи буржуазии особенно усердно пытались ловить рыбу в мутной воде.

Профессиональным союзам, как самым многочисленным организациям пролетариата, как раз теперь, после политического переворота, передавшего им власть, приходится играть особенно большую роль и стать, до известной степени, главными политическими органами, ибо все старые понятия политики опрокинуты и перевернуты политическим переворотом.

Старое государство, хотя бы наилучшее и наидемократическое из буржуазных республик, никогда не было и не могло быть ничем другим, как диктатурой буржуазии и тех, у кого были в руках орудия производства, земля, железные дороги, одним словом, все материальные средства, все орудия труда, без обладания которыми труд остается в рабстве.

С переходом же политической власти в руки пролетариата, профессиональным союзам приходится выступать все более и более в роли строителей нового общества, организация которого должна заменить прежний эксплуататорский класс, все старые традиции и предрассудки старой науки.

Верно было сказано одним из ученых: „ведите свою экономику, а политику будет вести партия буржуазных элементов“.

Все это оказалось прямым оружием в руках класса эксплуататоров и их палачей для того, чтобы подавлять большинство, переходящее повсюду к восстанию и борьбе.

И здесь, товарищи, профессиональным союзам в их работе государственного строительства приходится ставить совершенно новый вопрос, вопрос об огосударствлении профессиональных союзов, как назван этот вопрос в резолюции, предложенной фракцией коммунистов

Здесь профессиональным союзам больше всего приходится продумать одно из самых глубоких и знаменитых изречений основателей современного коммунизма: „чем шире и чем глубже происходящий в обществе переворот, тем многочисленнее должно быть число людей, которые этот переворот совершают, которые являются творцами этого переворота в подлинном смысле этого слова“.

Возьмите старое крепостническое, дворянское общество.

Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать ее другой такой же кучке. Возьмите буржуазное

общество. Оно хвалится своим всеобщим голосованием, которое на самом деле, как мы знаем, превращается в обман, ибо громадное большинство трудящихся забито и задавлено, даже в самых передовых культурных и демократических странах,—задавлено капиталистической каторгой, так что фактически в политике не участвует и участвовать не может.

Переворот социалистический означает не перемену форм государства, не замену монархии республикой, не новое голосование людей, которое предполагает совершенно равных людей и которое является искусственным завершением того, что один собственник, а другой—неимущий. В буржуазном обществе массой трудящихся управляла при помощи тех или иных форм, более или менее демократических,—буржуазия, меньшинство, имущие, участвующие в капиталистической собственности, превратившие образование и науку в высший оплот и высший цвет капиталистической цивилизации, в орудие эксплуатации, в монополию — для того, чтобы громадное большинство людей держать в рабстве.

Переворот, который мы два года совершаем, возможен. Этот переворот возможен и осуществим лишь при том условии, что мы достигнем перехода власти к новому классу, что на месте буржуазии, буржуазных интеллигентов, этих представителей всех имущих, всех собственников, во все области управления, во все дело государственного строительства, во все дело руководства новой жизнью, с низов до верхов, вступит новый класс.

Вот задача, которая стоит теперь перед нами.

Лишь тогда, когда этот новый класс воспитается,—не из книжек, не из митингов, не из речей,—а из практики своего управления, лишь тогда, когда он привлечет к этому самые широкие массы трудящихся, лишь тогда, когда он выработает такие формы, которые могут облегчить положение всех трудящихся, и когда он привлечет их к делу управления государством и созидания всего государственного порядка,—лишь тогда социалистический переворот может быть прочен; при этом условии он не может не быть прочным. При наличии этого условия он будет представлять такую силу, которая отбросит назад капитализм и все его пережитки, как соломинку, как прах. Вот задача, которая с точки зрения классовой, говоря вообще, стоит перед нами, как условие победоносного социалистического переворота. Эта задача близко и непосредственно смыкается с задачей профессиональных союзов.

В капиталистическом обществе, в лучших случаях в самых передовых странах, после десятилетий, иногда после столетий развития цивилизации и культуры, у буржуазной демократии никогда не случалось, чтобы профессиональные союзы охватывали больше, чем одну пятую часть наемных работников. Небольшая верхушка участвовала в них и из этой верхушки ничтожная часть подкупала капиталистов, чтобы, в качестве вождей рабочих, занимать места в капиталистическом обществе. Американские социалисты называли этих людей „рабочими лейтенантами капиталистического класса“. Они в стране самой свободной буржуазной культуры, самой демократической буржуазной республики, лучше всего видели эту роль — ничтожных верхушек пролетариата, которые фактически поступали на службу буржуазии, ею были подкупаемы и покупаемы и создали те кадры социал-патриотов и оборонцев, героями которых остаются навсегда Эберт <sup>24)</sup> и Шейдеман <sup>9)</sup>.

У нас, товарищи, теперь иное положение. Профессиональные союзы могут начать государственное, экономическое строительство по-новому, опираясь на все, созданное капиталистической культурой, опираясь на то, что создало капиталистическое производство, строя капитализм именно из этой материальной базы, из того крупного производства, которое ложилось на нас, которое создано против нас, которое делалось для бесконечного угнетения рабочих масс, но которое их объединяло, сплачивало и тем самым создавало авангард нового общества.

И этот авангард начал, после Октябрьской революции, после перехода власти к пролетариату, браться за свое настоящее дело, — воспитания трудящейся, эксплуатируемой массы, привлечения ее к управлению государством, к управлению производством, без чиновников, без буржуазии, без капиталистов.

Вот почему резолюция, которая вам предлагается <sup>33)</sup>, отвергает всякий буржуазный план и все эти предательские речи. Вот почему она говорит, что неизбежно огосударствление профессиональных союзов. Вместе с тем она делает шаг вперед. Мы уже не теоретически только ставим теперь вопрос об огосударствлении профессиональных союзов.

Мы ушли от той стадии, когда занимались постановкой этих вопросов на теоретическую дискуссию и только. Мы даже успели, может быть, иногда позабыть про те времена, когда мы занимались такими свободными дискуссиями на чисто теоретическую

тему. Эти времена давно похоронены, и эти вопросы мы ставим теперь на основании годовичного опыта профессиональных союзов, которые, в своей роли организаторов производства, создали такие организации, как Высший Совет Народного Хозяйства, которые в этом деле, деле неимоверно трудном, наделали массу ошибок и делают их постоянно и, само собой разумеется, не обращая внимания на злобное хихикание буржуазии

Буржуазия воображает, что, когда она принимала дела из рук царя и дворянчиков, она ошибок не делала. Она воображает, что реформа 1861 г., чинившая крепостническое здание, оставившая доходы и власть в руках крепостников, прошла гладко, что у них не было на десятки лет в России хаоса. Нет ни одной страны, где бы господа дворяне не насмехались над выскочками буржуазии и разночинцами, которые брались за задачу управления государством.

Само собой понятно, что теперь весь цвет, или, лучше сказать, пустоцвет буржуазной интеллигенции, тоже издевается над каждой ошибкой, которую делает новая власть, особенно, когда в силу бешеного сопротивления эксплуататоров; в силу похода всемирного союза эксплуататоров на одну из самых слабых и наименее подготовленных стран—Россию, когда новому классу пришлось делать свой переворот с бешеной быстротой. Ведь союзу трудящихся приходилось думать не столько о гладком течении этого переворота, сколько о том, чтобы его удалось закрепить до тех пор, пока начнет пробуждаться западно-европейский пролетариат.

Эту задачу мы решили

В этом отношении, товарищи, мы можем сказать уже сейчас, что мы во много раз более счастливы, чем деятели французской революции, которая была побита союзом монархических и отсталых стран, хотя в лице власти низших слоев тогдашней буржуазии продержалась годы, которая не вызвала сразу однородного движения в других странах, но которая, тем не менее, для буржуазии, для буржуазной бюрократии сделала столько, что все развитие всего цивилизованного человечества во всем XIX веке—все исходит от великой французской революции, всем ей обязано. Мы гораздо счастливее

То, что сделали тогдашние деятели в годы развития буржуазной бюрократии, то мы в такой же срок, за этот минувший год, сделали в гораздо большем размере для нового строя, сде-

лали так, что уже сейчас движение в России, начавшееся не в силу наших заслуг, а в силу особого стечения обстоятельств и условий, ставит Россию между двумя империалистскими гигантами современного культурного мира. Это движение и победы Советской власти за нынешний год достигли того, что самое движение стало международным, что основан Коммунистический Интернационал, что все лозунги и идеалы старой буржуазной демократии разбиты и теперь нет ни одного сознательного политика во всем мире, какой бы партии он ни был, который мог бы не видеть, что международная социалистическая революция началась, что она уже происходит.

У нас есть годовой опыт, который дал нам сейчас неизмеримо больше успехов в деле победы пролетариата и его революции, чем в конце прошлого века год диктатуры буржуазной демократии дал для победы этой буржуазной демократии во всем мире. Но за этот год мы, кроме этого, приобрели громадный практический опыт, который нам позволяет, если не учитывать с точностью каждый шаг, то, по крайней мере, наметить темп развития, быстроту его, видеть практические трудности, видеть практические шаги, которые от одной частичной победы в деле свержения буржуазии поведут к другой.

Возвращаясь назад, мы видим, какие ошибки надо нам исправить; мы ясно видим то, что нам надо строить и как надо строить дальше. Вот почему наша резолюция не ограничивается провозглашением огосударствления профессиональных союзов, принципиальным провозглашением диктатуры пролетариата, необходимости того, что мы идем, как говорит одно из мест резолюции, „неизбежно к слиянию организации профессиональной с организацией государственной власти“.—Это мы знаем и теоретически, это мы наметили и перед октябрём, это надо было наметить и раньше, но этого мало.

Для партии, которая подошла целиком к практическому строительству социализма, для профессиональных союзов, которые уже выделили органы управления промышленностью в общероссийском и общегосударственном масштабе, которые уже создали Высший Совет Народного Хозяйства, которые тысячами ошибок приобрели тысячи элементов своего собственного организационного опыта, вопрос стоит не так, как прежде.

Теперь нам уже недостаточно ограничиться провозглашением диктатуры пролетариата. Неизбежно огосударствление про-

фессиональных союзов, неизбежно слияние их с органами государственной власти, неизбежен переход в их руки всецело строительства крупного производства

Но этого всего недостаточно

Нам надо также учесть наш практический опыт, чтобы учесть современный момент. В этом сейчас для нас гвоздь задачи. И вот к этому моменту резолюция подходит, когда она говорит, что если бы сейчас профессиональные союзы попробовали самочинно взять на себя функции государственной власти, из этого вышла бы только каша. Мы достаточно от этой каши пострадали. Мы много боролись с теми остатками проклятого буржуазного строя и с мелко-собственническими, не то анархистскими, не то эгоистическими стремлениями, которые засели глубоко и в рабочих.

Рабочий никогда не был отделен китайской стеной от старого общества. У него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества. Рабочие строят новые общества, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоят по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно. Это было бы утопией, которая на практике только отодвинула бы царство социализма на небеса.

Нет, мы беремся за устройство социализма не так. Мы беремся, стоя на почве капиталистического общества, борясь со всеми теми слабостями, недостатками, которые имеются и у трудящихся, которые тянут пролетариат книзу. В этой борьбе много сепаратистских старых мелко-собственнических привычек и навыков; жив еще старый лозунг: „каждый за себя, один бог за всех“. Этого было слишком достаточно в каждом профессиональном союзе, в каждой фабрике, которые думали сплошь да рядом только о себе, а об остальном — пусть позаботится господь бог да начальство. Это мы испытали, это мы видели на своем горбе, это нам стоило столько ошибок, столько тяжелых ошибок, что этот опыт мы теперь учитываем и говорим товарищам: мы самым решительным образом предостерегаем вас от всех самочинных действий в этой области.

Мы говорим: это будет не строительство социализма, это будет тем, что мы все поддадимся слабостям капитализма. Мы научились теперь учитывать всю трудность задачи, стоящей перед

нами. Мы в центре работы по строительству социализма, и с этой точки зрения мы против всяких самочинных действий в этой области. Против этих самочинных действий сознательные рабочие должны быть предостерегаемы и должны сказать: сейчас, одним махом профессиональные союзы сливать с органами государственной власти мы не можем. Это будет ошибкой. Задача ставится не так.

Мы знаем теперь, что пролетариат выдвинул несколько тысяч, может быть, несколько десятков тысяч пролетариев на дело управления государством. Мы знаем, что пролетариат теперь имеет своих представителей в каждой отрасли государственного управления, в каждом клочке социализированной им области хозяйства. Это пролетариат знает. Он взялся за дело практически и видит теперь, что нужно дальше продолжать по этому же пути, нужно сделать еще не мало шагов, прежде чем можно будет сказать: профессиональные объединения трудящихся окончательно слились со всем государственным аппаратом.

Это будет тогда, когда органы насилия одного класса над другим рабочие окончательно приберут в свои руки. И это будет, мы это знаем.

Мы хотим теперь сосредоточить все ваше внимание на ближайшем практическом деле. Необходимо еще и еще расширить участие самих трудящихся в управлении хозяйством и строительстве нового производства. Если мы этой задачи не решим, если мы не превратим профессиональные союзы в органы воспитания десятикрато более широких масс, чем теперь, для непосредственного участия в управлении государством, тогда мы дело коммунистического строительства не доведем до конца. Это мы ясно видим.

Профессиональные союзы рядом с величайшим переворотом, который наступил в истории, когда пролетариат взял в свои руки государственную власть, испытывают величайший перелом во всей своей деятельности. Они становятся главным созидателем нового общества, потому что созидателями этого общества могут быть только многомиллионные массы, как сотни были этими созидателями в эпоху крепостного права, как тысячи и десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма, так теперь социалистический переворот может быть сделан только при активном непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов. Мы к этому пошли, но мы до этого еще не дошли.

Профессиональные союзы должны знать, что рядом с теми задачами объединения организаций, которые частью ставятся, а частью отпали, но которые, во всяком случае, если бы даже они остались, не могут не остаться для нас мелкими, ставится более высокая задача: научить массу управлению, не по книжному, не лекциями, не митингами, научить на опыте делать так, чтобы на место передового слоя, который пролетариат дал из своей среды, который он поставил командовать и организовывать, вступали все новые и новые слои рабочих. Чтобы на место одного деятеля из этого нового слоя пришло десять таких же. Эта задача кажется необъятной и трудной. Но если мы подумаем, как быстро опыт революции дал возможность выполнить самые необъятные задачи, поставленные в октябре, как потянулись к знанию те слои трудящихся, которым эти знания были недоступны и ненужны, если мы об этом подумаем, то эта задача перестанет нам казаться необъятной.

Мы увидим, что мы можем эту задачу разрешить, что можно научить неизмеримо большие массы трудящихся такому делу, как управление государством и управление промышленностью, развить практическую работу, разрушить то, что в течение веков и десятилетий вкоренялось в рабочие массы—тот вредный предрассудок, что дело управления государством—есть дело привилегированных, что это есть какое-то особое искусство.

Это неправда. Мы будем неизбежно делать ошибки, но на каждой ошибке теперь будут учиться не группы студентов, теоретически изучающих какой-нибудь курс государственного управления, а миллионы трудящихся, которые на себе будут чувствовать последствия каждой ошибки, сами будут видеть, что перед ними стоят неотложные задачи учета и распределения продуктов и которые на опыте видят, что власть в их руках, что никто им не поможет, если они не помогут себе сами,—вот та новая психология, которая в рабочем классе создается; вот та новая задача колоссально-исторической важности, которая стоит перед пролетариатом, которая больше всего должна внедриться в сознание профессиональных союзов и деятелей профессионального движения.

Они не только профессиональные, теперь они профессиональные союзы постольку, поскольку они объединены в единственно возможных рамках, связанных со старым капитализмом, и объединяют наибольшее число трудящихся. А задача их—

двинуть эти миллионы и десятки миллионов трудящихся от одной деятельности, более простой к более высокой, никогда не уставая двигать их до самых трудных задач, воспитывать, таким образом, более и более широкую массу управлению государством, сливаться с той борьбой пролетариата, который взял в руки диктатуру и перед всем миром держит ее теперь, привлекая во всех странах отряд за отрядом промышленных рабочих и социалистов, вчера еще терпевших указания социал-предателей и социал-оборонцев, ныне подходящих все больше и больше к знамени коммунизма и Коммунистического Интернационала.

Держать это знамя и вместе с тем неуклонно расширять ряды строителей социализма, помнить, что надо быть строителями новой жизни, быть воспитателями новых миллионов, которые бы на своем опыте учились не делать ошибок, отбрасывать старые предрассудки, учиться на своем опыте управлять государством и управлять производством,— вот задача профессиональных союзов,— только в этом безошибочная гарантия, что дело социализма победит полностью, исключая всякие возможности возврата назад.

*„Протоколы II Всеросс.  
съезда профес. союзов“.*

## **Все на работу по продовольствию и транспорту.**

Мне уже довелось, на последнем заседании В. Ц. И. К. <sup>34)</sup>, указать на то, что началось особенно трудное полугодие для советской республики. В первое полугодие 1918 года заготовлено хлеба 28 миллионов пудов, во второе—67 миллионов пудов. Первое полугодие 1919 года будет тяжелее предыдущего полугодия.

Голод становится все сильнее. Сыпной тиф превращается в самую грозную опасность <sup>35)</sup>. Необходимы героические усилия, а у нас делается далеко и далеко недостаточно.

Можно ли спастись и поправить положение?

Несомненно да. Взятие Уфы и Оренбурга <sup>28)</sup>, победа на юге <sup>36)</sup>, затем победа советского восстания на Украине <sup>32)</sup> открывают самые благоприятные перспективы.

Теперь мы в состоянии достать значительно больше хлеба, чем необходимо для полуголодной продовольственной нормы.

Миллионы пудов хлеба ссыпаны уже в восточном районе. Задерживает их плохое состояние транспорта. На юге освобождение от казаков-красновцев всей Воронежской губернии и части Донской области дает полную возможность получения, сверх всех наших прежних расчетов, больших количеств хлеба. Наконец, прямо-таки громадными являются излишки хлеба на Украине, и советское правительство Украины предлагает нам помощь.

Мы можем теперь не только спастись от голода, но и накормить досыта изголодавшееся население неземледельческой России.

Дело за плохим положением транспорта и за крайним недостатком продовольственных работников.

Надо напрячь все силы, еще и еще раз возбудить энергию в рабочих массах. Надо решительно порвать с привычной колеей обыденной жизни и обыденной работы. Надо встряхнуться! Надо взяться за революционную мобилизацию работников для продовольствия и транспорта, не ограничиваясь рамками „текущей“ работы, а выходя за их пределы, разыскивая новые и новые приемы извлечения и привлечения добавочных сил.

Мы имеем теперь самые веские основания считать—с точки зрения наиболее „осторожного“ и даже пессимистического расчета,—что победа над голодом и тифом в это полугодие (победа вполне возможная) даст нам полный поворот к улучшению всего хозяйственного положения, ибо связь с Украиной и с Ташкентом избавляет нас от главных и коренных причин скудости и недостатка сырья.

Разумеется, изголодавшиеся массы устали, иногда эта усталость сверхчеловечески велика, но выход есть и подъем энергии все же безусловно возможен: тем более, что нарастание пролетарской революции во всем мире становится все более очевидным, обещает нам коренное улучшение не только нашего внутреннего, но и нашего международного положения.

Надо встряхнуться. Надо, чтобы каждая организация партии, каждый профессиональный союз, каждая группа профессионально-организованных рабочих или даже неорганизованных, но имеющих желание „повоевать“ против голода,—чтобы каждая группа советских работников и граждан вообще поставила перед собой вопрос:

Что можем мы сделать для расширения и усиления всенародного похода против голода?

Не можем ли мы заменить мужской труд женским и двинуть еще и еще мужчин на труднейшие задачи транспортной и продовольственной работы?

Не можем ли мы дать комиссаров на заводы по ремонту паровозов и вагонов?

Не можем ли мы дать рядовых работников продовольственной армии?

Не должны ли мы десятого или пятого человека из нашей среды, из нашей группы, из нашего завода и т. д. выделить в продовольственную армию или на более трудную и более тяжелую, чем обычно, работу в железнодорожных мастерских?

Не заняты ли некоторые из нас такой советской или вообще иной работой, которую можно ослабить или даже прекратить без гибели основных и коренных устоев государства? Не обязаны ли мы тотчас мобилизовать этих работников на продовольствие и транспорт?

Еще и еще раз поднимемся возможно более широкой массой для нанесения нового удара проклятому правилу старого капиталистического общества, тому правилу, которое мы унаследовали от этого общества, тому правилу, которым каждый из нас, в большей или меньшей степени, заражен и развращен, правилу: „каждый за себя, один бог за всех“. Нас больше всего душит, давит, режет, гнетет, губит это наследие грабительского, грязного и кровавого капитализма. От этого наследия нельзя избавиться сразу, с ним нужна неустанная борьба, против него надо не раз и не два, а много раз, объявлять и проводить новый крестовый поход.

Спасти миллионы и десятки миллионов от голода и от тифа можно, спасение близко, надвинувшийся голодный и тифозный кризис можно преодолеть и победить вполне. Отчаиваться наивно, глупо, позорно. Бежать поодиночке, в рассыпную, кто во что горазд, чтобы как-нибудь одному „вывернуться“, как-нибудь одному оттолкнуть более слабых и пробиться вперед,—это значит дезертировать, покидать больных и усталых товарищей, ухудшать общее положение.

Мы создали крепкий фундамент Красной армии, которая пробила сь теперь через неслыханные трудности, через железную стену поддерживаемых богатейшими англо-французскими

миллиардерами войск помещиков и капиталистов, пробилась к главным источникам сырья, к хлебу, к хлопку, к углю. Мы создали этот фундамент работой по-новому, политической пропагандой на фронте, организацией коммунистов в нашей армии, самоотверженной организацией и борьбой лучших людей рабочей массы.

Мы одержали ряд побед и на внешнем, военном, фронте, и на внутреннем фронте, на борьбе с эксплуататорами, на борьбе с саботажем, на борьбе за трудный, тяжелый, тернистый, но правильный путь социалистического строительства. Мы близки к полной и решительной победе не только в русском, но и в международном масштабе.

Еще несколько усилий, — и мы вырвемся из цепких лап голода.

То, что мы сделали и делаем для Красной армии, сделаем это еще раз и с новой энергией для оживления, расширения, усиления работы по продовольствию и транспорту. Все лучшие работники должны быть на такой работе. Всем, кто хочет и может работать, найдется место, всякий поможет, если захочет, организованной и массовой победе над разрухой и над голодом, всякой активной силе, всякой способности, всякой специальности, всякой профессии, всякому отзывчивому человеку может и должно быть найдено занятие в этой мирной армии продовольственных и транспортных работников — мирной армии, которая должна теперь, для полной победы, поддержать Красную армию, закрепить и использовать ее победы.

Все на работу по продовольствию и транспорту!

*Написано 26 января;  
напечатано в „Правде“ № 19  
28 января 1919 г.*

## **Ответ на запрос крестьянина.**

В „Известиях Ц. И. К.“ от 2-го февраля было помещено письмо крестьянина Г. Гулова, который ставит вопрос об отношении нашего рабоче-крестьянского правительства к крестьянам-середнякам и рассказывает про распространенные слухи, будто Ленин с Троцким не ладят, будто между ними есть крупные разногласия и как раз на счет середняка-крестьянина <sup>37</sup>).

Товарищ Троцкий уже дал свой ответ в „Письме к крестьянам-среднякам“, напечатанном в „Известиях Ц. И. К.“ от 7-го февраля. Товарищ Троцкий говорит в этом письме, что слухи о разногласиях между мною и им самая чудовищная и бессознательная ложь, распространяемая помещиками и капиталистами или их вольными и невольными пособниками. Я, с своей стороны, целиком подтверждаю заявление товарища Троцкого. Никаких разногласий у нас с ним не имеется и относительно крестьян-средняков нет разногласий не только у нас с Троцким, но и вообще в коммунистической партии, в которую мы оба входим.

Товарищ Троцкий в своем письме подробно и ясно объяснил, почему партия коммунистов и теперешнее рабоче-крестьянское правительство, выбранное Советами и принадлежащее к этой партии, не считает своими врагами крестьян-средняков<sup>33</sup>). Я подписываюсь обеими руками под тем, что сказано тов. Троцким.

Нет ни одного декрета (закона), ни одного постановления Советской власти, в котором бы не проводилось различия между тремя главными группами крестьян. Первая группа—беднота (пролетарии и полупролетарии, как принято говорить в экономической науке). Таких очень много. Когда была власть помещиков и капиталистов, весь гнет их падал больше всего на бедноту. Во всех странах мира самой прочной опорой истинного социалистического движения являются рабочие и поддерживающая их деревенская беднота. Вторая группа—кулаки, т.е. богатые крестьяне, которые угнетают чужой труд, либо нанимая работников, либо давая деньги в рост и тому подобное. Эта группа тянет руку помещиков и капиталистов, врагов Советской власти. Третья группа—крестьяне-средняки. Это не враги Советской власти. Они могут быть друзьями ее, мы этого добиваемся и этого добьемся. Все учителя социализма всегда признавали, что рабочие должны будут свергнуть помещиков и капиталистов, чтобы осуществить социализм, но с средними крестьянами возможно соглашение и необходимо соглашение.

При господстве помещиков и капиталистов, совсем немногие из средних крестьян,—разве один на сотню,—добивались прочного благосостояния, да и то добивались только, выходя в кулаки, садясь на шею бедноте. А громадное большинство средних крестьян, при власти помещиков и капиталистов, неизбежно будет испытывать нужду и издевательство со стороны богатых.

Во всех капиталистических странах дела обстоят таким образом:

При социализме возможно полное и прочное благосостояние и всех рабочих, и всех средних крестьян поголовно, без всякого грабежа чужого труда. Никогда ни один большевик, ни один коммунист, ни один разумный социалист не допускал и мысли о насилии против среднего крестьянина. Все социалисты всегда говорили о соглашении с ними, о постепенном добровольном переходе средних крестьян к социализму.

Наша страна разорена четырехлетней преступной войной капиталистов больше, чем другие страны. Везде разруха и расстройство, нет товаров, в городах и в неземледельческих губерниях страшный, мучительный голод. Приходится напрягать все силы, чтобы победить разруху, победить голод, победить войска помещиков и капиталистов, пытающихся добиться восстановления старой власти царя и богачей, эксплуататоров. На юге, и на Дону, и на Украине белогвардейцы побеждены, дорога к топливу (углю) и к хлебу очищается. Еще немного последних усилий—и мы сможем спастись от голода. Но разруха, оставленная войной, велика, и только долгая самоотверженная работа всех трудящихся в состоянии вывести нашу страну на путь прочного благосостояния.

Из тех жалоб, которые раздаются из среды крестьян-середняков, двоякого рода жалобы надо отметить: Во-первых, жалобы на чрезмерно „начальническое“, недемократическое, а иногда и на прямо безобразное поведение местных властей, особенно в захолустьях. Нет сомнения, что в деревнях труднее поставить правильный контроль и надзор за местными властями, что иногда примазываются к коммунистам худшие элементы, недобросовестные люди. С такими людьми, которые вопреки законам Советской власти несправедливо обращаются с крестьянством, необходима беспощадная борьба, немедленное удаление их, самый суровый суд над ними. Все усилия честных рабочих и крестьян направляются на то, чтобы очистить Россию от таких „последышей“ помещичьего и капиталистического быта, которые позволяют себе вести себя как „начальники“, тогда как, по законам нашей рабоче-крестьянской республики, они обязаны быть выборными от советов, дающими пример добросовестности и строгого исполнения законов. Советская власть не мало расстреляла таких должностных лиц, которые попадались, например, во взяточничестве, и борьба против подобных негодяев будет доведена до конца.

Другого рода жалобы раздаются на отбирание хлеба, на строгое запрещение свободной торговли хлебом. С произволом и отступлением от закона наше правительство борется неумолимо. Но можно ли разрешить свободную торговлю хлебом? В разоренной стране хлеба недостает или достает в обрез, а к тому же железные дороги испорчены войной так, что подвоз идет крайне плохо.

При недостатке хлеба, свободная торговля хлебом означает бешеную спекуляцию и повышение цен до сотен рублей за пуд, ибо голодный человек отдаст все за кусок хлеба. Свободная торговля хлебом в голодной стране—это значит бешеная нажива кулаков, бессовестных богатых крестьян, набивающих мощну на нужде и голоде народа. Свободная торговля хлебом в голодной стране означает победу богатых над бедными, ибо богатые купят хлеб даже по безумной, бешеной цене, а бедные останутся не при чем. Свободная торговля хлебом—это значит свобода наживаться для богатых, свобода умирать для бедных. Свободная торговля хлебом—это поворот назад, к господству и всевластию капиталистов.

Нет. Мы не хотим итти и не пойдем назад, к восстановлению власти капиталистов, власти денег, к свободе наживы. Мы хотим итти вперед к социализму, к правильному распределению хлеба между всеми трудящимися. Все излишки хлеба должны быть по справедливой цене отданы советскому государству, а государство должно распределить их между трудящимися поровну. Этого нельзя добиться сразу, установить такой справедливый социалистический порядок нелегко. Надо много трудиться, долго работать, устраивать строгую товарищескую дисциплину рабочих и крестьян, чтобы искоренить старую, капиталистическую, свободу торговли, свободу наживы, свободу грызни, свободу угнетения, залившую кровью всю землю.

Но за эту трудную работу взялись теперь миллионы и миллионы рабочих и крестьян. Всякий честный, добросовестный крестьянин и рабочий понял значение социализма и настойчиво борется за него.

Во всем мире растет социалистическая революция. Власть капиталистов, „свобода торговли“ не возвратится. Социализм победит.

*Написано 14 февраля;  
напечатано в „Правде“ № 35  
15 февраля 1919 г.*

ДОКЛАД И РЕЧИ  
НА ПЕРВОМ КОНГРЕССЕ  
КОММУНИСТИЧЕСКОГО  
ИНТЕРНАЦИОНАЛА

*2—7 марта 1919 г.*

*„Первый конгресс Коммунистического Интернационала“. Протоколы заседаний в Москве Комм. Инт. Петр. 1921.*

## Вступительная речь.

(2 марта 1919 г.)

По поручению Центрального Комитета Р. К. П., я открываю первый международный Коммунистический Конгресс <sup>39</sup>). Прежде всего я прошу всех присутствующих почтить вставанием память лучших представителей III Интернационала: Карла Либкнехта и Розы Люксембург

Товарищи! Наш съезд имеет великое всемирно-историческое значение. Он доказывает крах всех иллюзий буржуазной демократии. Ведь не только в России, но и в наиболее развитых капиталистических странах Европы, как, напр., в Германии, гражданская война стала фактом.

Буржуазия испытывает безумный страх перед ростом революционного движения пролетариата. Это станет понятным, если мы примем во внимание, что ход событий после империалистической войны неизбежно способствует революционному движению пролетариата, что международная мировая революция начинается и усиливается во всех странах.

Народ сознает величие и значение разыгрывающейся в настоящее время борьбы. Необходимо только найти ту практическую форму, которая даст возможность пролетариату осуществить свое господство. Таковой является советский строй с диктатурой пролетариата. Диктатура пролетариата,— до сих пор эти слова были для масс латынью. Благодаря распространению системы советов по всему миру, эта латынь переведена на все новые языки; практическая форма диктатуры найдена рабочими массами. Она стала понятной широким массам рабочих, благодаря Советской власти в России, благодаря спартаковцам в Германии и подобным организациям в других странах, как, напр., „Комитетам заводских старост“ (Shop Stewards Committees) в Англии <sup>40</sup>). Все это доказывает, что революционная форма пролетарской диктатуры найдена и пролетариат теперь в состоянии практически использовать свое господство.

Товарищи! Я думаю, что после событий в России, после январской борьбы в Германии—особенно важно отметить, что и в других странах пробивается к жизни и приобретает господство новейшая форма движения пролетариата. Сегодня, напр., я читал в одной антисоциалистической газете телеграфное сообщение о том, что английское правительство приняло Бирмингемский Совет рабочих депутатов и высказало готовность признать советы, как экономические организации. Советская система победила не только в отсталой России, но и в наиболее культурной стране Европы—в Германии, а также и в самой старой капиталистической стране—в Англии.

Пусть буржуазия свирепствует, пусть она еще убивает тысячи рабочих,—победа за нами, победа всемирной коммунистической революции обеспечена.

Товарищи! Сердечно приветствую вас от имени Центрального Комитета Р. К. П.

## **Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата.**

(4 марта 1919 г.)

1. Рост революционного движения пролетариата во всех странах вызвал в среде буржуазии и ее агентов в рабочих организациях судорожные усилия найти идеально-политические аргументы для оправдания власти эксплуататоров. Среди этих аргументов в особенности выделяется отказ от диктатуры и защита демократии. Лживость и лицемерие подобного аргумента, который на тысячу ладов повторяется и капиталистической прессой, и заседавшей в Берне в феврале 1919 года конференцией желтого Интернационала <sup>41)</sup>, ясны каждому, кто не хочет стать предателем принципов социализма.

2. Аргументация эта прежде всего оперирует с понятием „демократия вообще“ и „диктатура вообще“, не ставя вопроса о классах. Подобная постановка вопроса с вне-или над-классовой точки зрения, как бы с точки зрения всего народа, является прямой насмешкой над основным учением социализма, а именно—над учением о классовой борьбе, которая забывается на деле, но признается на словах перешедшими в лагерь буржуазии социалистами. Ни в одной цивилизованной капиталистической стране

не существует „демократии вообще“, а существует лишь буржуазная демократия, и нет речи о „диктатуре вообще“, а лишь о диктатуре угнетенного класса, т.-е. пролетариата над угнетателями и эксплуататорами, т.-е. буржуазией, для преодоления сопротивления, которое оказывают эксплуататоры в борьбе за власть.

3. История нас учит, что еще никогда угнетенный класс не получал и не мог получить власти без предшествовавшего периода диктатуры, т.-е. без завоевания политической власти и насильственного прекращения самого отчаянного, дикого, не отступающего ни пред каким преступлением сопротивления, которое эксплуататоры всегда оказывают. Сама буржуазия, власть которой теперь защищается социалистами, высказывающимися против „диктатуры вообще“, и душой и телом стоящими за „демократию вообще“, получила свою власть в цивилизованных странах, благодаря целому ряду восстаний, гражданских войн, насильственному свержению королевской власти, феодальных рабовладельцев и подавлению попыток реставрации. Социалисты всех стран разъясняли народу классовый характер этой буржуазной революции тысячи, миллионы раз в своих книгах, брошюрах, резолюциях своих конгрессов, в агитационных речах. Поэтому теперь защита „буржуазной демократии“ в речах, в крикливых выпадах за „демократию вообще“ и против диктатуры пролетариата, „диктатуры вообще“, есть прямое предательство социализма, фактический переход в лагерь буржуазии, отрицание права пролетариата на свою пролетарскую революцию, защита буржуазного реформизма как раз в тот исторический момент, когда буржуазный реформизм потерпел крушение во всем мире и когда война создала революционную ситуацию.

4. Все социалисты, разъясняя классовый характер буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, выражали мысль, которую когда-то с величайшей научной точностью высказали Маркс и Энгельс, говоря, что самая демократическая из буржуазных республик представляет собой не что иное, как машину для угнетения рабочего класса буржуазией, трудящихся масс—горсточкой капиталистов. Нет хотя бы одного такого марксиста из поднимающих ныне вопль против диктатуры и за демократию, который не клялся бы всеми святыми перед рабочими, что он признает эту основную истину социализма; теперь же, когда среди революционного пролетариата началось брожение

и движение, направленное на уничтожение этого аппарата угнетения и на завоевание диктатуры пролетариата, эти предатели социализма рисуют дело в таком виде, как будто бы буржуазия принесла трудящимся в дар чистую „демократию“, как будто бы буржуазия отказалась от сопротивления и готова подчиниться большинству трудящихся, как будто бы в демократической республике не существовал и не существует государственный аппарат для подчинения рабочих капиталу.

5. Парижская Коммуна, которая на словах прославляется всеми, желающими считаться социалистами и знающими, что рабочие массы питают к ней большую и искреннюю симпатию,— особенно ясно показала нам невысокую ценность буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии, которые, конечно, по сравнению со средними веками, представляют собой учреждения прогрессивные, но в период пролетарской революции требуют неизбежных и коренных изменений. Именно Маркс, который особенно ценил историческое значение Коммуны, в своем анализе выяснил эксплуататорский характер буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, которые дают угнетенному классу право решать один раз в течение многих лет, кто из делегатов имущих классов будет в парламенте представлять народ и предавать его интересы. Как раз теперь, когда движение в пользу советов, охватывающее весь мир, является в глазах всех продолжением дела Коммуны, предатели социализма забывают опыт, практику и конкретное учение Парижской Коммуны и повторяют старую буржуазную сказку про „демократию вообще“. Коммуна не была парламентским учреждением.

6. Значение Коммуны заключается далее в том, что она предприняла попытку разбить буржуазный государственный аппарат, а также аппараты—чиновничий, судейский, военный и полицейский, разрушить их до основания и заменить их самоуправляющейся массовой организацией рабочих, без разделения власти законодательной и исполнительной. Все буржуазно-демократические республики нашего времени, среди них и германская, которую, в насмешку над истиной, социал-предатели называют „пролетарской“, сохраняют этот буржуазный государственный аппарат. Все это опять с ясностью и точностью подтверждает, что вопль о защите „демократии вообще“ является ничем иным, как защитой буржуазии и ее эксплуататорских привилегий.

7. Примером требования „чистой демократии“ может служить „свобода собраний“. Всякий сознательный рабочий, который не порвал со своим классом, сразу поймет, что было бы нелепостью обещать эксплуататорам право свободы собраний в такой момент и при таком положении, когда они могут противодействовать своему низвержению и защищать свои привилегии. Буржуазия, когда она была революционной, не разрешала ни в Англии в 1648 г., ни во Франции в 1793 году монархистам и дворянам свободно собираться, когда они призывали в страну иноземные войска и „собирались“, чтобы организовать попытку реставрации. Если теперешняя буржуазия, давно уже ставшая реакционной, требует у пролетариата, чтобы он заранее поручился, что эксплуататорам, не взирая на то, каким образом капиталисты будут сопротивляться при отчуждении их имущества, будет дарована „свобода собраний“, то рабочие будут лишь насмехаться над таким лицемерием буржуазии.

С другой стороны, рабочие отлично знают, что „свобода собраний“ является пустым звуком даже в самых демократических буржуазных республиках, так как в распоряжении богачей имеются лучшие общественные и частные здания, имеется и достаточное количество свободного времени, и они пользуются защитой буржуазного аппарата власти. У городских и сельских пролетариев, равно как и у мелких крестьян, т.-е. у подавляющего большинства населения, нет ни того, ни другого, ни третьего. Пока дело обстоит таким образом, „равенство“, т.-е. „чистая демократия“, является обманом. Чтобы завоевать настоящее равенство, чтобы дать трудящимся осуществить действительную демократию, необходимо сначала отнять у эксплуататоров все общественные и частные дворцы, дать сперва работающим досуг, и необходимо, чтобы свободу их собраний защищали вооруженные рабочие, а не дворянские сынки или офицеры из капиталистических кругов с помощью запуганных солдат.

Лишь после такой перемены можно будет говорить о свободе собраний и равенстве, не издеваясь над рабочими, трудовым народом и беднотой. Но осуществить эту перемену может только авангард трудового народа—пролетариат, который свергнет эксплуататоров, буржуазию.

8. „Свобода печати“ также служит одним из главных лозунгов „чистой демократии“. Тем не менее рабочие знают, а социалисты всех стран признавали это миллионы раз, что эта сво-

бода—обман до тех пор,—пока лучшие типографии и самые большие запасы бумаги будут находиться в руках капиталистов, а власть капитала будет продолжать царить над прессой, та власть, которая проявляется во всем мире тем яснее, резче и циничнее, чем более развитым оказываются демократизм и республиканский режим, как, например, в Америке. Чтобы завоевать для рабочих масс, рабочих и крестьян настоящее равенство, необходимо сначала лишить возможности капиталистов пользоваться услугами писателей, скупать издательские фирмы и подкупать газеты. А для этого необходимо свергнуть иго капитала, разбить угнетателей и сломить их сопротивление. Капиталисты всегда называли „свободой“ свободу извлекать прибыли для богатых и свободу умирать с голоду для бедных. Капиталисты под свободой печати подразумевают свободу подкупа прессы богачами, свободу употреблять богатство для фабрикации и подделки, так называемого, общественного мнения. Защитники „чистой демократии“ на деле опять-таки оказываются защитниками самой грязной и самой продажной системы господства богатых над средствами просвещения масс; эти обманщики народа отвлекают его громкими, но насквозь лживыми фразами от конкретной исторической задачи освобождения печати от капитала. Настоящую свободу и равенство даст тот строй, который устанавливают коммунисты, при котором нельзя будет обогащаться за чужой счет, не будет объективной возможности прямо или косвенно подчинить прессу могуществу денег, не будет препятствий для рабочих (или безразличной, столь многочисленной группе рабочих) осуществлять право пользования принадлежащими обществу типографиями и бумагой.

9. История XIX и XX веков, еще до войны, показала нам что представляет собой на самом деле хваленая „чистая демократия“ при капитализме. Марксисты всегда утверждали, что чем развитее, чем „чище“ демократия, тем более неприкрытой грубой и беспощадной становится классовая борьба, и тем очевиднее гнет капитала и диктатура буржуазии. Дело Дрейфуса <sup>421</sup> в республиканской Франции, кровавые расправы вооруженной капиталистами армии наемников над бастующими рабочими свободной и демократической Американской республики,—эти и тысячи других подобных фактов раскрывают правду, которую буржуазия напрасно старается скрыть, а именно ту правду, что в самых демократических республиках царят террор и диктатура

буржуазии, проявляющиеся открыто каждый раз, когда власть капитала начинает, как будто, терять почву под ногами.

10. Империалистическая война 1914—1918 г.г. раз-на-всегда показала, даже отсталым рабочим, в самых свободных республиках, что настоящая буржуазная демократия носит характер диктатуры буржуазии. Для обогащения немецких и английских миллионеров и миллиардеров десятки миллионов людей были убиты, а в самых свободных республиках была установлена военная диктатура буржуазии. Эта военная диктатура продолжает существовать в странах Антанты и после победы над Германией. Именно война раскрыла рабочим глаза более, чем что-либо другое; она сорвала с буржуазной демократии ложные прикрасы и открыла народу всю бездну спекуляции и погони за наживой, которые проявились во время войны и в связи с нею. Во имя свободы и равенства вела буржуазия эту войну, во имя свободы и равенства невероятно обогатились военные поставщики. Никакие усилия желтого бернского Интернационала не помогут скрыть от масс теперь окончательно вскрытый эксплуататорский характер буржуазной свободы, буржуазного равенства и буржуазной демократии.

11. В капиталистически наиболее развитой стране континентальной Европы, а именно в Германии, первые месяцы полной республиканской свободы, которую принесла с собой победа над империалистической Германией, показали немецким рабочим и всему миру, в чем заключается истинная классовая сущность буржуазно-демократической республики. Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург<sup>33)</sup> представляется событием мирового, исторического значения не только потому, что трагически погибли лучшие люди и вожди настоящего пролетарского коммунистического Интернационала, но и потому, что в нем окончательно выявился классовый характер европейского капиталистического и, можно без преувеличения сказать, первого государства во всем мире. Если арестованные, т.-е. люди, принятые под покровительство государственной власти, могли безнаказанно быть убиты офицерами и капиталистами при правительстве социал-патриотов, то, значит, правильно утверждение, что в той демократической республике, в которой нечто подобное могло случиться, царила диктатура буржуазии. Люди, негодующие по поводу убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но не понимающие этой истины, доказывают тем самым лишь свое ту-

поумие или лицемерие. В одной из самых свободных и передовых республик мира—в германской республике—существует „свобода“ убивать безнаказанно арестованных вождей пролетариата. Иначе и быть не может до тех пор, пока капитализм одерживает верх, так как развитие демократизма не ослабляет, а обостряет классовую борьбу, которая теперь, как следствие войны и под влиянием войны и ее последствий, достигла точки кипения.

Во всем культурном мире происходят теперь высылки, преследования и аресты большевиков, как, например, в одной из самых свободных буржуазных республик—в Швейцарии; также в Америке имеют место большевистские погромы и т. п. С точки зрения „демократии вообще“ или „чистой демократии“, прямо смешно, чтобы передовые, культурные, демократические, вооруженные до зубов государства боялись присутствия нескольких десятков людей из отсталой, голодной, разоренной России, которую буржуазные газеты, выходящие в миллионах экземпляров, называют дикой и преступной. Ясно, что общественный строй, который может породить такое вопиющее противоречие, представляет из себя на самом деле диктатуру буржуазии.

12. При подобном положении вещей диктатуру пролетариата не только можно вполне оправдать, как средство для свержения ига угнетателей и подавления их сопротивления, но и признать вполне необходимою для всей массы трудящихся, в качестве единственной защиты против диктатуры буржуазии, которая привела к войне и готовит новые войны.

Чего прежде всего не понимают социалисты и в отношении чего проявляется их теоретическая близорукость, их зависимость от буржуазных предрассудков, их политическое предательство по отношению к пролетариату, это—то, что в капиталистическом обществе, при обострении лежащей в его основе классовой борьбы, не может быть чего-либо среднего, находящегося между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата. Всякая мечта о чем-то третьем есть реакционная, мелко-буржуазная lamentация. Об этом свидетельствует опыт более чем столетнего развития буржуазной демократии и рабочего движения во всех прогрессивных странах, и, в особенности, опыт последних пяти лет. В пользу этого говорит и все учение политической экономии, все содержание марксизма, который объясняет экономическую необходимость диктатуры буржуазии при существовании всякого товарного хозяйства,—диктатуры, которая может быть

устранена только тем классом, который, благодаря развитию капитализма, сам все более развивается, увеличивается, объединяется и крепнет,—классом пролетариев.

13. Вторая теоретическая и политическая ошибка социалистов заключается в их непонимании того, что формы демократии изменялись за тысячелетия, начиная с ее зачатков в древности, по мере того, как один господствующий класс сменял другой. В республиках древней Греции, в городах средних веков, в передовых капиталистических государствах демократия имела разные формы и различный объем. Было бы величайшей нелепостью предположить, что самая глубокая революция в истории человечества, первый переход власти из рук меньшинства эксплуататоров в руки большинства эксплуатируемых произойдет в рамках старой, буржуазной, парламентарной демократии без величайших потрясений, без создания новых форм демократии, новых установлений, новых условий их применения и т. д.

14. Диктатура пролетариата подобна диктатуре других классов в том отношении, что она, как всякая другая диктатура, вызывается необходимостью подавить силою сопротивление того класса, который теряет свою политическую власть. Основное различие между диктатурой пролетариата и диктатурой других классов—диктатурой крупных землевладельцев в средние века, диктатурой буржуазии во всех цивилизованных капиталистических странах—состоит в том, что диктатура крупных землевладельцев и буржуазии представляла собой насильственное подавление сопротивления большинства населения, а именно трудящихся масс, между тем как в противоположность этому диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплуататоров, т.-е. явного меньшинства населения—крупных помещиков и капиталистов.

Отсюда опять-таки следует, что диктатура пролетариата должна неизбежно повлечь за собой, вообще говоря, не только изменение формы и установление демократии, но и такое их изменение, которое привело бы к еще невиданному в мире распространению действительного использования демократизма на поработанные капитализмом трудящиеся классы.

И в самом деле, форма диктатуры пролетариата, которая фактически уже выработана, т.-е. Советская власть в России,

система Советов в Германии, „Shop Stewards Committees“ \*) и другие аналогичные советские установления в других странах, все они позволяют трудящимся классам, т.-е. подавляющему большинству населения, осуществлять пользование демократическими правами и свободами, каковой возможности еще никогда не бывало, хотя бы в приблизительной степени, в лучших демократических буржуазных республиках.

Сущность Советской власти заключается в том, что массовая организация именно тех классов, которые были угнетаемы капиталистами, т.-е. рабочих и полупролетариев (крестьян, которые не эксплуатируют чужого труда и которые принуждены постоянно продавать хотя бы часть произведений своего труда), является постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата. Именно те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках были по закону равноправны, а на деле при помощи разных средств и ухищрений отстранялись от участия в политической жизни и от использования демократических прав и свобод, ныне привлекаются к постоянному, беспрепятственному и при этом решающему участию в демократическом управлении государством.

15. То равенство граждан, без различия пола, вероисповедания, национальности, которое буржуазная демократия всегда и везде обещала, но нигде не выполняла, и вследствие господства капитализма и не могла выполнить,—Советская власть, или диктатура пролетариата, осуществила сразу и вполне, так как только власть рабочих, которая не заинтересована в частной собственности на орудия производства и в борьбе за их раздел и распределение, могла это осуществить.

16. Старая, т.-е. буржуазная, демократия и парламентаризм были так организованы, что именно трудящиеся классы были более всего далеки от правительственного аппарата. Советская же власть, т.-е. диктатура пролетариата, так организована, что она приближает рабочие массы к правительственному аппарату. Той же цели служит объединение законодательной и исполнительной властей в советской организации государства и замена территориальных выборных округов производственными единицами,—заводами, фабриками.

---

\*) Комитеты фабричных старост.

17. Армия служила аппаратом для угнетения не только в монархии; она оставалась таковым и во всех буржуазных, даже самых демократических, республиках. Только Советская власть, как единственная постоянная государственная организация угнетаемых капиталистами классов, в состоянии избавить армию от подчинения буржуазному командованию и действительно спаять пролетариат с армией; она может вооружить пролетариат и разоружить буржуазию, без нее победа социализма невозможна.

18. Советская организация государства приноровлена к тому, чтобы пролетариат, как класс наиболее сплоченный под влиянием капитализма и наиболее сознательный занял руководящую роль в государстве. Опыт всех движений угнетенных классов, опыт социалистического мирового движения нас учит, что только пролетариату дано соединить воедино рассеянные и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения и повести его за собой.

19. Только советская организация государства может разрушить—сразу и окончательно—старый, т.-е. буржуазно-чиновничий и судейский, аппарат, который продолжал существовать и должен был продолжать существовать при капитализме даже в самых демократических республиках, и фактически служивший самым большим препятствием для рабочих и трудящихся масс при осуществлении ими демократизма. Парижская Коммуна сделала на этом пути первый всемирно исторический шаг, а Советская власть—второй.

20. Все социалисты, среди них и во главе их Маркс, поставили себе целью уничтожение государственной власти. Без осуществления этой цели настоящий демократизм, т.-е. свобода и равенство, не достижимы. К этой цели ведет, однако, на деле лишь Советская власть, или пролетарская демократия, ибо она сейчас же начинает готовить полное отмирание всякой государственности, привлекая массовые организации трудящегося народа к постоянному и безусловному участию в государственном управлении.

21. Полнейший крах социалистов, собравшихся в Берне, полное отсутствие у них понимания новой, т.-е. пролетарской, демократии в особенности видны из следующего: 10 февраля 1919 года Брантинг <sup>49)</sup> объявил закрытым международный съезд желтого Интернационала в Берне <sup>41)</sup> 11-го февраля 1919 года

участники его обнародовали в Берлине в газете „Freiheit“ воззвание независимых к пролетариату. В этом воззвании признается буржуазный характер шейдемановского правительства, ему бросается упрек, что оно желает отменить советы, которые там называются „носителями и хранителями революции“, и делается предложение легализовать советы, придать им государственно-правовой характер, а также дать им право приостанавливать постановления Национального Собрания, которые в этих случаях должны подлежать народному голосованию.

Такое предложение свидетельствует о полной духовной несостоятельности теоретиков, которые, защищая демократию, не поняли ее буржуазного характера. Смешная попытка соединить систему советов, т.-е. диктатуру пролетариата с Национальным Собранием, т.-е. с диктатурой буржуазии, окончательно обнаруживает бездарность желтых социалистов и социал-демократов, их реакционно-мещанскую политику, равно их боязливые уступки неудержимо растущим силам новой пролетарской демократии.

22. Большинство желтого бернского Интернационала, осуждающее большевизм, но из боязни перед рабочими массами не дерзнувшее голосовать формально за соответствующую резолюцию, с классовой точки зрения поступило правильно. Как раз это большинство вполне солидарно с русскими меньшевиками, социал-революционерами и шейдемановцами в Германии. Русские меньшевики и эс-эры, которые жалуются на преследования большевиков, стараются скрыть то обстоятельство, что преследования вызваны участием меньшевиков и эс-эров в гражданской войне на стороне буржуазии против пролетариата. Точно также шейдемановцы и их партия участвовали в Германии в гражданской войне на стороне буржуазии.

Вполне естественно поэтому, что большинство участников бернского желтого Интернационала высказалось за осуждение большевиков. В этом, однако, нашла себе выражение не защита „чистой демократии“, а самозащита тех, которые сознавали, что в гражданской войне они стоят на стороне буржуазии против пролетариата.

Исходя из этих оснований, следует признать постановление большинства желтого Интернационала с классовой точки зрения — правильным. Но пролетариат не должен бояться правды, а смотреть ей прямо в лицо, а затем делать свои политические выводы.

---

Товарищи! Мне хотелось бы прибавить еще кое-что к последним двум пунктам. Я думаю, что товарищи, которые должны нам сделать доклад о Бернской конференции, расскажут нам об этом подробнее.

В течение всей Бернской конференции не было сказано ни одного слова о значении Советской власти. Уже в течение двух лет мы обсуждаем этот вопрос в России. В апреле 1917 года мы уже теоретически и политически поставили на съезде партии вопрос: „Что такое Советская власть, что служит ее содержанием, в чем ее историческое значение?“ Уже почти два года обсуждаем мы этот вопрос, и на нашем партийном съезде вынесли резолюции по поводу него.

Берлинская „Freiheit“ напечатала 11 февраля воззвание к немецкому пролетариату, подписанное не только вождями независимых социал-демократов Германии, но и всеми членами фракции независимых. В августе 1918 года величайший теоретик этих независимых, Каутский, писал в своей брошюре „Диктатура пролетариата“, что он сторонник демократии и советских органов, но советы должны бы иметь лишь хозяйственное значение и отнюдь не признаваться в качестве государственных организаций. Каутский повторяет то же самое в номерах „Freiheit“ от 11 ноября и 12 января. 9 февраля появляется статья Рудольфа Гильфердинга <sup>4)</sup>, который считается также одним из главных авторитетных теоретиков II-го Интернационала. Он предлагает юридически, законным путем, объединить систему советов Национальным Собранием. Это было 9 февраля. И-го это предложение принимается всей партией независимых и опубликовывается в виде воззвания.

Несмотря на то, что Национальное Собрание уже существует, даже после того, как „чистая демократия“ воплотилась в действительность, после того, как самые великие теоретики независимых социал-демократов объяснили, что советские организации не должны быть государственными организациями, несмотря на все это—опять колебания! Это доказывает, что эти господа действительно ничего не поняли в новом движении и в условиях его борьбы. Но это доказывает еще и другое, а именно: должны быть условия, причины, вызывающие это колебание! После всех этих событий, после этой почти двухлетней победоносной революции в России, когда нам предлагают такие резолюции, как принятые на Бернской конференции, в которых ни-

чего не говорится о советах и их значении, и на которой ни один делегат не обмолвился об этом в какой-либо речи, мы можем с полным правом утверждать, что все эти господа, как социалисты и теоретики, умерли для нас.

Но практически, с точки зрения политики, это, товарищи, доказательство того, что среди масс происходит большой сдвиг,— раз эти независимые, бывшие теоретически и принципиально против этих государственных организаций, вдруг предлагают такую глупость, как „мирное“ соединение Национального Собрания с системой советов, т.-е. соединение диктатуры буржуазии с диктатурой пролетариата. Мы видим, как они обанкротились в политическом и теоретическом отношениях, и какая огромная перемена происходит в массах. Отсталые массы немецкого пролетариата идут к нам, пришли к нам! Значение Независимой партии германских социал-демократов, лучшей части Бернской конференции с теоретической и социалистической точек зрения, таким образом, равно нулю; некоторое значение, однако, за ней остается, и оно состоит в том, что эти колеблющиеся элементы служат нам показателем настроения отсталой части пролетариата. В этом, по моему убеждению, заключается также и величайшее историческое значение этой конференции. Нечто подобное мы пережили в нашей революции. У наших меньшевиков шаг за шагом происходило такое же развитие, как у теоретиков независимых в Германии. Когда они имели в советах большинство, они были за советы. Тогда только и слышно было: „Да здравствуют советы!“, „За советы!“, „Советы и революционная демократия!“. Когда же большинство в советах получили мы, большевики, тогда запели они другие песни: советы не должны существовать на-ряду с Учредительным Собранием; а различные меньшевистские теоретики делали почти такие же предложения, вроде соединения системы советов с Учредительным Собранием и включения их в государственную организацию. Здесь опять выяснилось, что общий ход пролетарской революции одинаков во всем мире. Сначала стихийное образование советов, затем их распространение и развитие, далее появление на практике вопроса: советы или Национальное Собрание или Учредительное Собрание, или буржуазный парламентаризм; полнейшая растерянность среди вожаков и, наконец,— пролетарская революция. Но мне кажется, что после почти двух лет революции мы не должны так ставить вопрос, а должны вы-

носить конкретные решения, так как распространение системы советов является для нас и, в особенности, для большинства западно-европейских стран важнейшей задачей.

Иностранцу, ничего не слышавшему про большевизм, весьма трудно составить собственное мнение о наших спорных вопросах. Все, что утверждают большевики, оспаривают меньшевики,— и наоборот. Конечно, во время борьбы и не может быть иначе, поэтому-то весьма важно, что последняя конференция партии меньшевиков в декабре 1918 года приняла длинную, подробную резолюцию, которая была напечатана полностью в меньшевистской „Газете типографских рабочих“<sup>46)</sup>. В этой резолюции меньшевики сами вкратце излагают историю классовой борьбы и гражданской войны. В резолюции говорится, что они осуждают те группы партии, которые находятся в союзе с имущими классами на Урале, на юге, в Крыму и в Грузии,—и перечисляют все эти области<sup>47)</sup>. Те группы меньшевистской партии, которые в союзе с имущими классами шли против Советской власти, осуждаются теперь в резолюции, а последний пункт осуждает и тех, кто перешел к коммунистам. Отсюда следует: меньшевики вынуждены признать, что в их партии нет единства, и что они стоят или на стороне буржуазии, или на стороне пролетариата. Большая часть меньшевиков перешла на сторону буржуазии и во время гражданской войны боролась против нас. Мы, конечно, преследуем меньшевиков, мы их даже расстреливаем, когда они в войне против нас борются против нашей Красной армии и расстреливают наших красных офицеров. Буржуазии, объявившей войну, мы ответили войной пролетарской; другого исхода не может быть. Таким образом с политической точки зрения все это—лишь меньшевистское лицемерие. Исторически непонятно, каким образом на Бернской конференции люди, официально не объявленные сумасшедшими, могли, по поручению меньшевиков и эс-эров, говорить о борьбе большевиков с ними, но умолчать о своей борьбе в союзе с буржуазией против пролетариата.

Все они с ожесточением выступают против нас, так как мы их преследуем. Это верно. Но они не говорят ни словечка о том, какое участие они сами принимали в гражданской войне! Я думаю, что я должен буду предоставить для протокола полный текст резолюции, а иностранных товарищей попрошу обратить внимание на эту резолюцию, так как она представляет собой исторический документ, в котором вопрос ставится правильно

и который дает лучший материал для оценки спора „социалистических“ направлений в России между собой. Между пролетариатом и буржуазией существует еще класс людей, склоняющихся то в одну, то в другую сторону; так было всегда и во всех революциях, и абсолютно невозможно, чтобы в капиталистическом обществе, где пролетариат и буржуазия образуют два враждебных лагеря, не существовало бы между ними промежуточных слоев. Существование этих колеблющихся элементов исторически неизбежно; к сожалению, эти элементы, которые сами не знают, на чьей стороне станут завтра сражаться, будут еще сравнительно долго существовать.

Я хочу сделать практическое предложение, заключающееся в том, чтобы была принята резолюция, в которой должны быть особенно подчеркнуты три пункта.

Во-первых: одна из самых важных задач для товарищей из западно-европейских стран состоит в разъяснении массам значения, важности и необходимости системы советов. В этом пункте наблюдается недостаточное понимание. Если Каутский и Гильфердинг, как теоретики, и обанкротились, то последние статьи в „Freiheit“ все же доказывают, что они правильно изображают настроение отсталых частей немецкого пролетариата. И у нас происходило то же самое: в первые восемь месяцев русской революции вопрос о советской организации очень много обсуждался, и рабочим было неясно, в чем состоит новая система, и можно ли из советов сделать государственный аппарат. В нашей революции мы продвигались вперед не теоретическим путем, а практическим. Напр., вопрос об Учредительном Собрании мы раньше теоретически не выставляли и не говорили, что не признаем Учредительного Собрания. Лишь позднее, когда советские учреждения распространились по всей стране и завоевали себе политическую власть, лишь тогда решили мы разогнать Учредительное Собрание. Теперь мы видим, что в Венгрии и в Швейцарии вопрос стоит гораздо острее. С одной стороны, это очень хорошо; мы черпаем отсюда твердую уверенность в том, что революция в западно-европейских государствах движется быстрее и принесет нам большие победы. С другой же стороны, в этом кроется известная опасность, а именно та, что борьба будет столь стремительна, что сознание рабочих масс не будет поспевать за таким развитием. Значение системы советов и теперь еще не ясно для больших масс политически образованных не-

мецких рабочих, так как они воспитаны в духе парламентаризма и в буржуазных предрассудках.

Во-вторых: о распространении системы советов. Когда мы слышим, как быстро распространяется идея советов в Германии и даже в Англии, для нас это является важнейшим доказательством, что пролетарская революция победит. Задержать ход ее можно только на короткое время. Другое дело, когда т.т. Альберт <sup>48)</sup> и Платтен <sup>49)</sup> нам заявляют, что у них в деревнях среди сельских рабочих и мелкого крестьянства почти не существует советов. Я прочел в „Rote Fahne“ <sup>50)</sup> статью против крестьянских советов, но (совершенно правильно) за советы батрацкие и советы деревенской бедноты. Буржуазия и ее лакеи, как Шейдеман и К<sup>о</sup>, уже выставили лозунг: крестьянские советы. Но нам нужны лишь советы батрацкие и деревенской бедноты. К сожалению, из докладов т.т. Альберта и Платтена и друг. мы усматриваем, что, за исключением Венгрии, для распространения советской системы в деревне делается весьма немногое. В этом, быть может, и заключается еще практическая и довольно большая опасность для достижения верной победы германским пролетариатом. Победа может лишь тогда считаться обеспеченной, когда будут организованы не только городские рабочие, но и сельские пролетарии, и притом организованы не так, как прежде— в профсоюзы и кооперативы, а в советы. Нам победа далась легче потому, что в октябре 1917 года мы шли вместе со всем крестьянством. В этом смысле наша революция тогда была буржуазной. Первый шаг нашего пролетарского правительства заключался в том, что старые требования всего крестьянства, выраженные еще при Керенском крестьянскими советами и сходами, были признаны в законе, изданном нашим правительством 26 октября (старого стиля) 1917 года <sup>51)</sup>, на другой день после революции. В этом заключалась наша сила, поэтому-то нам было так легко завоевать симпатии подавляющего большинства. Для деревни наша революция еще продолжала быть буржуазной, но позже, через полгода, мы были принуждены в рамках государственной организации положить в деревнях начало классовой борьбе, учреждать в каждой деревне комитеты бедноты, полупролетариев, и систематически бороться с деревенской буржуазией. У нас это было неизбежно, так как Россия страна отсталая. В Западной Европе дело произойдет иначе, поэтому мы и должны подчеркнуть, что распространение системы советов и на сельское

население в соответствующих, быть может новых, формах абсолютно необходимо.

В третьих: мы должны сказать, что завоевания коммунистического большинства в советах составляет главную задачу во всех странах, где Советская власть еще не победила. Наша комиссия резолюций вчера обсуждала этот вопрос. Быть может, другие товарищи еще выскажутся, но я хотел бы предложить принять этот третий пункт, как особую резолюцию. Мы не в состоянии, конечно, предписывать путь развитию. Весьма вероятно, что во многих западно-европейских государствах очень скоро наступит революция, но мы, в качестве организованной части рабочих и партии, стремимся и должны стремиться получить большинство в советах. Тогда наша победа обеспечена, и никакая сила не будет в состоянии что-либо предпринять против коммунистической революции. Иначе победа достанется не так легко и не будет долговечна.

## **Заключительная речь.**

(7 марта 1919 г.)

Если нам удалось собраться, несмотря на все полицейские затруднения и репрессии, если нам удалось без существенных разногласий в короткое время вынести важные решения по всем животрепещущим вопросам современной революционной эпохи, то это благодаря тому, что пролетарские массы всего мира практически поставили все эти вопросы в порядок дня своими фактическими действиями и начали уже их фактически решать.

Нам пришлось здесь отметить лишь то, что массы уже завоевали в своей революционной борьбе.

Не только в восточно-европейских, но и в западно-европейских странах, не только в побежденных странах, но и в странах победительницах, — как, например, в Англии, — все дальше и дальше распространяется движение в пользу советов, и это движение есть не что иное, как движение с целью создания новой, пролетарской демократии, — оно самый значительный шаг вперед к диктатуре пролетариата, к полной победе коммунизма.

Пусть буржуазия всего мира продолжает злобствовать, пусть она изгоняет, сажает в тюрьмы, даже убивает спартаковцев и большевиков, это ей больше не поможет. Это послужит

лишь к просвещению масс, к освобождению их от старых буржуазно-демократических предрассудков и к закаленности их в борьбе. Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание Международной Советской Республики.

## **Заявление участников Циммервальдской конференции на 1-ом конгрессе Коминтерна.**

(7 марта 1919 г.)

Пиммервальдская<sup>52)</sup> и Кингальская<sup>53)</sup> конференции имели значение в то время, когда необходимо было объединить все те пролетарские элементы, которые готовы были, в той или иной форме, протестовать против империалистической бойни. Но в состав Циммервальдского объединения вошли, наравне с вполне определенными коммунистическими элементами, также элементы „центра“, пацифистские и колеблющиеся элементы. Элементы „центра“, как это показала Бернская конференция<sup>41)</sup>, объединяются теперь с социал-патриотами для борьбы с революционным пролетариатом и используют, таким образом, Циммервальд в интересах реакции.

В то же самое время коммунистическое течение в целом ряде стран окрепло и борьба с элементами из „центра“, препятствующими развитию социальной революции, стала теперь важнейшей задачей революционного пролетариата.

Циммервальдское объединение изжило себя. Все, что было в Циммервальдском объединении действительно революционного, переходит и примыкает к Коммунистическому Интернационалу.

Нижеподписавшиеся участники Циммервальда заявляют, что они рассматривают Циммервальдскую организацию ликвидированной и предлагают Бюро Циммервальдской конференции передать все его документы Исполнительному Комитету III Интернационала.

Х. Раковский, Н. Ленин, Г. Зиновьев, Л. Троцкий, Фриц Платтен.

## Завоеванное и записанное

Прочно только то в революции, что завоевано массами пролетариата. Записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано.

Основание III Коммунистического Интернационала в Москве 2-го марта 1919 года было записью того, что завоевали не только русские, не только российские, но и германские, австрийские, венгерские, финляндские, швейцарские,—одним словом, международные пролетарские массы.

И именно поэтому основание III Коммунистического Интернационала есть дело прочное.

Всего 4 месяца тому назад нельзя еще было сказать, что Советская власть, советская форма государства есть завоевание международное. В ней было нечто, и притом существенное, принадлежащее не только России, но и всем капиталистическим странам. Но нельзя еще было сказать, до проверки на деле, какие изменения, какой глубины, какой важности принесет дальнейшее развитие мировой революции.

Германская революция дала эту проверку. Передовая капиталистическая страна—после одной из самых отсталых—показала всему миру за короткий срок, за какую-нибудь сотню с небольшим дней, не только те же основные силы революции, не только то же основное направление ее, но и ту же основную форму новой пролетарской демократии: советы.

А на-ряду с этим в Англии, в стране победительнице, в стране, самой богатой колониями, в стране, всего дольше бывшей и слывшей образцом „социального мира“, в стране самого старого капитализма, мы видим широкий, неудержимый, кипучий и могучий рост советов и новых советских форм массовой пролетарской борьбы, „Shop stewards committees“ комитетов фабричных старост.

В Америке, в самой сильной и в самой молодой капиталистической стране—громдное сочувствие рабочих масс советам

Лед тронулся.

Советы победили во всем мире.

Они победили прежде всего и больше в том отношении, что завоевали себе сочувствие пролетарских масс. Это—самое главное. Этого завоевания никакие зверства империалистской буржуазии, никакие преследования и убийства большевиков не в силах отнять у масс. Чем больше будет свирепствовать „демократическая“ буржуазия, тем прочнее будут эти завоевания в душе пролетарских масс, в их настроении, в их сознании, в их героической готовности к борьбе.

Лед тронулся.

И поэтому так легко, так гладко, с такой спокойной и твердой решимостью шла работа московской международной конференции коммунистов, основавшей III Интернационал.

Мы записывали то, что уже завоевано. Мы заносили на бумагу то, что уже было прочно в сознании масс. Все знали,— мало того: все видели, чувствовали, осязали, каждый на опыте своей страны, что закипело новое, невиданное в мире по силе и глубине, пролетарское движение, что оно не укладывается ни в какие старые рамки, что его не удержать великим мастерам мелкого политиканства, ни всемирно-опытным, всемирно-искусным Ллойд-Джорджам и Вильсонам англо-американского „демократического“ капитализма, ни прошедшим огонь, воду и медные трубы Гендерсонам, Реноделям, Брантингам и всем прочим героям социал-шовинизма.

Новое движение идет к диктатуре пролетариата, идет, несмотря на все колебания, несмотря на отчаянные поражения, несмотря на неслыханный и невероятный, „русский“ хаос (если судить повнешности, со стороны),—идет к Советской власти с силой все сметающего с пути потока миллионов и десятков миллионов пролетариев.

Мы это записали. В наших резолюциях, в тезисах, докладах и речах запечатлено уже завоеванное.

Теория марксизма, освещенная ярким светом нового всемирно-богатого опыта революционных рабочих, помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира яснее сознать цели своей борьбы, тверже идти по намечившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и закреплять победу.

Основание III Коммунистического Интернационала есть преддверие интернациональной республики советов, международной победы коммунизма.

*Написано 5 марта 1919 г.;*  
*напечатано в брошюре*  
*„III Интернационал“.*  
*Госиздат. 1919 г.*

## **Об основании Коммунистического Интернационала.**

(Речь 6 марта 1919 г. в Московском Совете Р., К. и К. Д.).

Товарищи, нам не удалось собрать на первый съезд Коммунистического Интернационала представителей всех стран, где есть вернейшие друзья этой организации, где есть рабочие, всецело сочувствующие нам. Позвольте мне поэтому начать небольшой цитатой, которая покажет вам, насколько действительно больше у нас друзей, чем мы видим, чем мы знаем и чем мы могли собрать здесь, в Москве, вопреки всем преследованиям, вопреки всему объединению кажущейся всемогущей буржуазии всего мира. Эти преследования дошли до того, что нас пытались окружить китайской стеной, и что большевиков высылают десятками и дюжинами из самых свободных республик мира, точно боясь, как будто десяток или дюжина большевиков способны заразить весь мир,—но мы-то знаем, что эта боязнь смешна, ибо они уже заразили весь мир, ибо борьба русских рабочих сделала уже то, что рабочие массы всех стран знают, что здесь, в России, решается судьба общей всемирной революции.

Товарищи, вот у меня в руках газета „Юманите“<sup>54)</sup>, французская газета, по направлению соответствующая больше всего нашим меньшевикам или правым эс-эрам. Во время войны эта газета травила людей, которые стояли на нашей точке зрения, самым беспощадным образом. Сейчас эта газета отстаивает тех, кто во время войны шел с буржуазией своих стран. И вот эта газета, в номере от 12 января 1919 г., рассказывает, что в Париже было громадное, как признает сама газета, собрание рабочих и членов партии синдикалистов в Париже и Сенской федерации, т. е. ближайшего к Парижу округа, центра пролетарского движения, центра всей политической жизни Франции. На этом собрании

выступил прежде всего социалист, который в течение всей войны стоял на точке зрения наших меньшевиков и правых обронцев. Он держался теперь тише воды, ниже травы. Ни слова ни об одном больном вопросе. Закончил тем, что он — против вмешательства правительства своей страны в борьбу пролетариата других стран. Слова покрыты рукоплесканиями. Дальше выступил один из его единомышленников, некий Пьер Лаваль <sup>55</sup>). Речь идет о вопросе демобилизации, самом больном вопросе теперешней Франции, страны, которая потеряла, пожалуй, больше жертв в этой преступной войне, чем какая-либо другая. И эта страна видит теперь, что демобилизация затягивается, тормозится, нет желания ее выполнить, и подготавливается новая война, явно возлагающая на французских рабочих новые жертвы из-за того, сколько добычи получают еще французские или английские капиталисты. И вот газета заявляет, что оратора Пьера Лавала толпа слушала, но его заявления, враждебные большевизму, вызывают такие протесты, наступает такое возбуждение, что собрание не может продолжаться. После этого гражданин Пьер Лаваль не может получить слова, и собрание заканчивается коротким вмешательством гражданина Перите <sup>56</sup>); это один из тех немногих представителей французского рабочего движения, который в основном солидарен с нами. И вот газета вынуждена признать, что собрание не дало говорить оратору, как только он заговорил против большевиков.

Товарищи, мы не могли в настоящее время непосредственно из Франции получить сюда ни одного делегата, но, все же, хотя и с большим трудом, пробрался сюда один из французов, товарищ Гильбо <sup>57</sup>). Он будет говорить сегодня. Он месяцы просидел в швейцарских тюрьмах, в этой свободной республике, и его обвиняли в том, что он находится в сношениях с Лениным и подготавливает революцию в Швейцарии. Через Германию его везли в сопровождении жандармов и офицеров, боясь, очевидно, как бы не обронил он спички, которая зажгла бы Германию. Но Германия горит и без такой спички. И во Франции, как мы видим, имеются сочувствующие большевистскому движению.

Французские массы, это, может быть, одни из самых опытных, из самых политически-воспитанных, из самых живых и отзывчивых масс, не позволяют оратору на народном собрании взять ни одной фальшивой ноты,—его останавливают. Хорошо еще, что, при французском темпераменте, его не стащили с трибуны.

Поэтому, когда газета, враждебная нам, признает, что происходило на этом большом собрании, мы говорим: французский пролетариат за нас.

Я приведу еще одну коротенькую цитату из итальянской газеты. Нас настолько пытаются отрезать от всего мира, что мы номера социалистических газет других стран получаем, как великую редкость. Как редкость, пришел к нам один номер итальянской газеты „Аванти“<sup>58)</sup>, органа итальянской партии, которая участвовала в Циммервальде, боролась против войны, которая теперь постановила, что на съезд желтых в Берне, на съезд старого Интернационала, где участвуют люди, вместе со своими правительствами помогавшие затягивать эту преступную войну,—итальянская партия итти отказывается. До сих пор газета выходит под строгой цензурой. Но вот в этом номере, случайно попавшем к нам, я читаю корреспонденцию из партийной жизни, из какого-то местечка Каприодо, должно быть большого захолустья, потому что его нельзя найти на карте, и оказывается, что собравшиеся там рабочие принимают резолюцию, выражающую сочувствие своей газете за ее непримиримость, и заявляют, что они одобряют немецких спартаковцев, а дальше идут слова, которые понятны, хотя написаны по-итальянски, но понятны во всем мире: „Советист Руси“, приветствуют русских советистов и выражают пожелания, чтобы программа русских и немецких революционеров была принята во всем мире и послужила бы к тому, чтобы довести до конца борьбу против буржуазии и военного господства. И вот, когда читаешь такую резолюцию из какого-то итальянского Пошехонья, тогда можешь с полным правом говорить себе: итальянские массы за нас, итальянские массы поняли, что такое русские советисты, что такое программа русских советистов и германских спартаковцев.

А у нас тогда и не было такой программы. У нас не было никакой общей программы с германскими спартаковцами, а итальянские рабочие отбрасывают все то, что они видели в своей буржуазной прессе, которая в миллионах экземпляров, подкупленная миллионерами и миллиардерами, распространяет против нас клевету.

Итальянских рабочих они не обманули. Итальянские рабочие поняли, что такое спартаковцы и советисты, и сказали, что они сочувствуют их программе, когда этой программы совершенно еще не было. Вот почему так легка была наша задача

на этом конгрессе. Нам нужно было только записать, как программу, то, что уже запечатлелось в сознании и в сердцах даже запятанных в каком-то захолустье рабочих, отрезанных от нас полицейскими и военными кордонами. Вот почему так легко, с таким полным единодушием добились мы того, что по всем главным вопросам мы пришли к единодушному решению, и мы имеем полную уверенность, что эти речи встретят могучий отклик в пролетариате всех стран.

Советское движение, товарищи, вот та форма, которая в России была завоевана, которая теперь во всем мире распространяется, которая одним своим названием дает рабочим целую программу. Товарищи, я надеюсь, что мы, которым досталось большое счастье развить советскую форму до победы, что мы не попадем в положение людей, про которых можно было бы сказать, что они зазнались.

Товарищи, мы очень хорошо знаем, что нам пришлось первым принять участие в советской пролетарской революции не потому, что мы были одинаково подготовлены, или лучше подготовлены, чем другие рабочие, а потому, что были хуже подготовлены. Именно это обстоятельство делало то, что перед нами стоял самый дикий, самый гнилой враг, именно это обстоятельство вызвало внешний размах революции. Но мы знаем также, что советы существуют у нас и до сего времени, борются с гигантскими трудностями, которые обусловлены недостаточным культурным уровнем и тяжестью, павшей на нас в течение более чем года,—на нас, стоящих на своем посту в одиночестве, когда нас окружают со всех сторон враги и когда—вы превосходно это знаете—невероятные муки тяжести голода и зверские страдания обрушились на нас.

Товарищи, те люди, которые прямо или косвенно становятся на сторону буржуазии, нередко пытаются обращаться к рабочим и вызвать негодование их, указывая на то, какие тяжелые страдания причиняются теперь рабочим. А мы говорим им: да, эти страдания тяжелы, и мы их не скрываем от вас, мы говорим рабочим, и они знают это твердо на своем собственном опыте. Вы видите, что мы боремся не только за победы социализма для нас, не только за то, чтобы дети наши вспоминали о капиталистах и помещиках, как о доисторических чудовищах,—мы боремся за то, чтобы рабочие всего мира победили вместе с нами.

И этот Первый Съезд Коммунистического Интернационала, который устанавливает, что советы во всем мире завоевывают себе сочувствие рабочих, показывает нам, что дело победы международной коммунистической революции обеспечено. Буржуазия будет еще неистовствовать в ряде стран, там буржуазия только начинает готовиться к гибели лучших людей, лучших представителей социализма, как это показывает зверское убийство белогвардейцами Розы Люксембург и Либкнехта. Такие жертвы неизбежны. Мы не ищем с буржуазией соглашения, мы идем с ней на последний и решительный бой, но мы знаем, что после мучений, терзаний и бедствий войны, когда массы во всем мире борются за демобилизацию, чувствуют себя обманутыми, понимают, как невероятны тяжести налогов, взваленных на них капиталистами, убитыми десятки миллионов людей из-за того, кто больше получит барышей,—господство этих разбойников—дело прошлого!

Теперь, когда слово „Совет“ стало понятным для всех, победа коммунистической революции обеспечена. Товарищи, присутствующие в этом зале, видели, как основалась Советская Республика, они видят теперь, как основался Коммунистический Интернационал, они увидят все, как будет основана Всемирная Советская Федеративная Республика.

*Напечатано отдельной  
брошюрой в марте 1919 г.*

## **Успехи и трудности Советской власти.**

(Речь на митинге в Петербурге 13 марта 1919 года.)

Теперь как раз, когда нам удалось восстановить Интернационал революционный, Интернационал коммунистический, теперь как раз, когда советская форма движения сама собой стала программой и теоретической, и практической для всего Третьего Интернационала, когда это сделано сразу,—именно теперь уместно вспомнить об общем развитии советов.

Что такое советы, какое значение имеет эта форма, созданная массами и не придуманная кем-либо?

Только с этой точки зрения можно правильно, мне кажется, оценить и те задачи, которые перед нами поставлены уже,—перед завоеванной пролетариатом властью, и то выполнение этих

задач, которые мы в течение последнего года, имея уже диктатуру пролетариата в России, пытались дать и давали.

Только с точки зрения общей роли советов, их общего значения, их места во всемирном историческом развитии можно понять, в каком положении мы оказались, почему мы должны были действовать так, а не иначе, и чем надо проверять, глядя назад, правильность или неправильность наших шагов.

А такие более общие, более широкие или более далеко идущие взгляды нам сейчас вдвойне необходимы, потому что партийным людям приходится теперь в России страдать иногда и замечать недочеты, недостатки и неудовлетворительность своей работы оттого, что практическое выполнение неотложных, текущих, очередных, злободневных задач управления, которые на Советскую власть легли и ложатся, часто отвлекает, засоряет внимание, заставляет нас, вопреки всем нашим усилиям,—тут против условий деятельности ничего не поделаешь,—слишком много внимания уделять мелким частностям управления и забывать общий ход развития всей пролетарской диктатуры в мировом масштабе, ее развитие через власть Советов, вернее сказать, через советское движение, через блуждание пролетарских масс внутри советов—то, что мы все пережили и забыли—и через попытку внутри советов осуществлять диктатуру.

Вот какие трудности легли на нас, и вот на какие общие задачи, на мой взгляд, надо стараться обратить внимание, чтобы самих себя, по возможности, вырвать несколько из мелочей управления, лежащих на каждого человека, занятого практической советской работой, и чтобы понять, какой большой шаг осталось нам сделать—нам, как отряду всемирной пролетарской армии.

Победить в мировом масштабе, полностью, окончательно нельзя в одной России, а можно только тогда, когда во всех, по крайней мере передовых, странах или хотя в нескольких из крупнейших передовых стран победит пролетариат. Только тогда мы можем с полной уверенностью сказать, что дело пролетариата победило, что наша первая цель свержения капитализма достигнута.

Она была у нас осуществлена по отношению к одной стране и поставила перед нами вторую задачу. Если власть Советов осуществлена, если буржуазия свергнута в одной стране, второй задачей является борьба в международном масштабе, борьба на иной плоскости, борьба пролетарского государства в среде капиталистических государств.

Положение чрезвычайно новое и трудное.

А с другой стороны, если власть буржуазии свергнута, главной задачей становится задача организации строительства.

Желтые социалисты, которые теперь, собравшись в Берне <sup>41)</sup>, собираются осчастливить нас визитом знатных иностранцев, более всего любят бросать фразы вроде таких: „большевики верят во всемогущество насилия“. Эта фраза показывает только, что бросают ее люди, которые в пылу революционной борьбы, когда их целиком давит насилие буржуазии (смотрите, что делается в Германии), не умеют свой пролетариат научить тактике необходимого насилия.

Есть условия, при которых насилие и необходимо, и полезно, и есть условия, при которых насилие не может дать никаких результатов. Бывали примеры, однако, что это различие не усваивалось всеми, и об этом говорить надо. В октябре насилие, свержение буржуазии Советской властью, удаление старого правительства, революционное насилие дало блестящий успех.

Почему? Потому что массы были организованы в советах — во-первых, и потому, во-вторых, что неприятель, буржуазия, был подкопан, подорван, размыт длинным политическим периодом с февраля по октябрь, точно кусок льда весенней водой, и уже внутренне был совершенно обессилен. Движение в октябре, если сравнить хотя бы с теперешним, революционным движением в Германии, так легко дало у нас полную, блестящую победу революционного насилия.

Можно ли предполагать, что такой путь, такая форма борьбы, легкая победа революционного насилия осуществима без этих условий?

Так предполагать было бы величайшей ошибкой. И чем крупнее революционные победы, в известных условиях одерживаемые, тем чаще является опасность, что мы дадим себя обольстить этими победами, не думая хладнокровно, спокойно и внимательно над тем, при каких условиях это было возможно.

Когда правительство Керенского, коалиционное министерство Милюкова мы истрепали, можно сказать, по ниточке, испробовали, как их сажать на министерские места во всех комбинациях, заставили их проиграть министерскую чехарду справа налево и слева направо, снизу вверх и сверху вниз, то оказалось, что, как они ни садились, они в музыканты не годились, и тогда они полетели, как пушинки.

Похоже ли на это положение то, что стало теперь перед нашей практической задачей по отношению к мировому империализму? Конечно, нет.

Вот почему в области внешней политики вопрос о Брестском мире причинил такие трудности. Массовый характер движения помог их преодолеть.

Но в чем источник ошибок, которые заставляли часть товарищей думать, что мы делаем неслыханное преступление? Теперь есть такие одинокие чудачки из людей, умеющих владеть пером и воображающих, что они лично кое-что представляют, имеют опыт, могут учить и т. п., и которые и сейчас уверяют, что это было соглашательство с германским империализмом.

Да, такое соглашательство было, когда мы „соглашались“ с царем, идя в отвратительную реакционную Думу и взрывая ее изнутри.

Можно ли было рассчитывать, с одним применением насилия, свергнуть всемирный империализм без соответствующего развития пролетариата в этих империалистских странах?

Если так ставить задачу,—а мы все время, как марксисты, учили, что надо ставить так и только так,—то тут применять политику насилия было бы сплошной нелепостью и вздором и полным непониманием условий, при которых политика насилия имеет успех

Теперь мы это видим. Мы обогащены опытом.

В то время, как мы в период Брестского мира должны были собирать силы и с мучительнейшими трудностями закладывать фундамент новой армии, Красной армии, в стране, которая разорена и измучена войной, как ни одна страна в мире, в то время, как мы камешек по камешку закладывали в первой половине и в начале второй половины 1918 года фундамент настоящей социалистической Красной армии, в это время империализм других стран подтачивался внутренним разложением, нарастанием протеста—и обессиливался. Революционное насилие в Германии одержало победу тогда, когда многомесячное развитие борьбы подточило в этой стране империализм, и то же самое теперь повторяется до известной степени—до известной степени, а не полностью—по отношению к странам Согласия.

Один американец, который наблюдал происходящее в западно-европейских странах очень внимательно, непосредственно никоим образом не предвзято, говорил мне недавно: „Франции

предстоит, несомненно, величайшее разочарование, крах иллюзий; французов кормят обещаниями—вы, мол, победили“. Старые патриотические чувства всего французского народа, озлобление на то, как их раздавили в 70 году, бешеное возмущение тем, как страна за 4 года войны обезлюдела, обескровлена, изнемогает— все это буржуазия использует, чтобы направить по руслу шовинизма: „Мы победили немцев, у нас будут полные карманы и мы отдохнем“. Но трезвый, по-купцовски смотрящий на вещи американец говорит: „немец не заплатит, потому что ему платить не из чего“.

Оттого-то французский народ и кормят обещаниями и сказками, что вот-вот наступит мир, окончательная победа. Но мир— это крах всех надежд на то, что можно из этого кровавого болота вылезти хоть сколько-нибудь живыми, с поломанными руками и ногами, но живыми. Вылезти из этого мира при старом капитализме нельзя, потому что накопилась такая лавина капиталистических долгов, такая глыба разорений во всем капиталистическом мире, причиненных войной, что нельзя вылезти, не свергнув самой лавины.

Даже те, кто не является революционерами и в революцию не верят и боятся революции, теоретически все же ее обсуждают и будут принуждены ходом событий, последствиями империалистской войны убедиться, что другого выхода нет, кроме революции.

Повторяю, меня особенно поразила оценка положения, сделанная американцем с точки зрения купца, который, конечно, изучением теории классовой борьбы не занимается и искренно считает ее вздором, но который интересуется миллионами и миллиардами и, умея считать, спрашивает: „заплатят или не заплатят?“—и отвечает, опять-таки с точки зрения совершенно делового коммерческого расчета: „Заплатить не из чего! И даже 20 коп. за рубль не получишь!“.

Вот положение, при котором во всех странах Согласия мы видим громаднейшее и повсеместное брожение на почве симпатий рабочих к советской форме.

Например, в Париже толпа,—самая чуткая, может быть, из всех народных собраний других стран, потому что в Париже она прошла большую школу, проделала ряд революций,—там толпа, самая отзывчивая, которая не позволит оратору взять фальшивую ноту, теперь обрывает тех, кто смеет говорить против большевизма; а всего несколько месяцев тому назад нельзя было и

заикнуться перед парижской толпой за большевизм, не встретив насмешливых отзывов этой же толпы.

В Париже, между тем, буржуазия всю свою систему лжи, клеветы, обмана пускает в ход против большевизма. Но мы уже знаем, что это значит, когда в 1917 году мы, большевики, пережили травлю всей буржуазной печати. У нас господа буржуа немножко просчитались и пересолили, думая, что большевиков они затыгивают в сетях лжи и клеветы; да так пересолили, переборщили в своих нападках, что дали нам даровую рекламу и заставили самых отсталых рабочих думать: „Если большевиков так ругают капиталисты, то, значит, эти большевики умеют с капиталистами бороться!“.

Вот почему та политика, которую нам пришлось вести в течение Брестского мира <sup>59)</sup>, самого зверского, насильнического, унижительного, оказалась политикой единственно правильной. Я думаю, что не бесполезно вспомнить об этой политике еще раз теперь, когда похожим становится положение по отношению к странам Соглашения, когда они все также полны бешеного желания свалить на Россию свои долги, нищету, разорение, ограбить, задавить Россию, чтобы отвлечь от себя растущее возмущение своих трудящихся масс.

Смотря трезво на вещи, мы вынуждены совершенно ясно сказать себе, если мы не хотим морочить головы себе и другим,— а это вредное занятие для революционера,—мы должны сказать, что Антанта сильнее нас с точки зрения военной силы. Но если мы возьмем дело в его развитии, то скажем также с полной отчетливостью и убеждением, которое основано не только на наших революционных воззрениях, а и на опыте, что это могущество стран Соглашения не надолго; они стоят накануне громадного перелома в настроении своих масс. Они и французских и английских рабочих накормили обещаниями: „Мы весь мир ограбим, а тогда ты будешь сыт“. Вот, что кричит вся буржуазная пресса, вбивая все это в голову неразвитых масс.

Через несколько месяцев они, положим, заключат мир, если не подерутся тут же между собою, на что имеется целый ряд серьезнейших признаков. Но если им удастся, не вцепившись друг другу в волосы и в глотку, заключить мир, то этот мир будет началом краха немедленного, потому что заплатить по этим неслыханным долгам и помочь отчаянному разорению, когда

во Франции производство пшеницы уменьшилось больше, чем вдвое, а голод стучится всюду и производительные силы разрушены,—помочь этому они не в состоянии.

Если трезво смотреть на вещи, надо признать, что тот способ оценки вещей, который дал такую правильную меру в руки при оценке русской революции, дает с каждым днем и утверждение на мировую революцию. Мы знаем, что ручьи, которые захватят эти льдины Антанты—льдины Соглашения, капитализма, империализма,—с каждым днем крепнут. С одной стороны—страны Соглашения сильнее нас, с другой стороны—им не удержаться ни в коем случае по их внутреннему положению на сколько-нибудь долгое время.

Из этого же положения вытекают сложные задачи международной политики—задачи, которые нам, может быть и даже вероятно, придется решать в ближайшие дни и о которых я недостаточно осведомлен во всей конкретности, но о которых я бы хотел сказать и более всего,—именно для того, чтобы опыт в области деятельности Совета Комиссаров, в области внешней политики стоял перед вами, товарищи, в форме ясной и захватывающей.

Самый существенный наш опыт—Брестский мир. Вот что самое существенное в итоге внешней политики Совета Комиссаров. Мы должны были выжидать, отступать, лавировать, подписывать самый унижительный мир, получая через то возможность строить новый фундамент новой социалистической армии. Фундамент мы заложили, а наш могучий и всесильный некогда противник оказался уже бессильным. К этому идет дело и во всем мире, и это главный и основной урок, который надо как можно тверже усвоить и постараться как можно яснее понять, чтобы не сделать ошибки в очень сложных, очень трудных, очень запутанных вопросах внешней политики, которые не сегодня-завтра станут перед Советом Комиссаров, перед Центральным Комитетом Р. К. П., вообще перед всей Советской властью.

На этом я и покончу с вопросом о внешней политике, чтобы перейти к некоторым из других важнейших вопросов.

Товарищи, что касается военной деятельности, то в феврале и в марте 1918 г.—год тому назад—мы не имели никакой армии. Мы имели, может быть, 10 миллионов вооруженных рабочих и крестьян, составлявших старую армию, совершенно разложившуюся, проникнутую абсолютнейшей готовностью и решимостью

уйти, убежать и все бросить во что бы то ни стало. Это явление тогда рассматривалось, как исключительно русское. Думали, что русские, со свойственной русским нетерпеливостью или недостаточной организованностью, не вынесут, а немцы вынесут.

Так говорили нам. А мы видим теперь, что прошло несколько месяцев—и с организацией немецкой армии, которая была неизмеримо выше нашей в смысле культурности, техники, дисциплины, в смысле человеческих условий для больных, раненых, в смысле отпусков и т. д., что и там с ее организацией вышла такая же история. Бойни, многолетней бойни самые культурные и дисциплинированные массы не вынесли, наступил период абсолютного разложения, когда и передовая немецкая армия спасовала.

Очевидно, не только для России, но для всех стран есть предел. Для разных стран разный предел, но—предел, дальше которого вести войну, ради интересов капиталистов, нельзя. Вот то, что мы наблюдаем теперь.

Немецкий империализм себя разоблачил до конца, что он был хищником. Самое важное то, что и в Америке, и во Франции, в этих пресловутых демократиях (о демократиях болтают предатели социализма, меньшевики и эс-эры, эти несчастные люди, называющие себя социалистами), в этих передовых демократиях мира, в этих республиках с каждым днем наглет империализм, и обнаруживаются дикие звери, хищники, как нигде. Они грабят мир, дерутся между собою и вооружаются друг против друга. Скрывать это долго нельзя. Это можно было скрывать, когда был угар войны. Угар проходит, мир надвигается, и массы именно в этих демократиях видят, несмотря на всю ложь, что война привела к новому грабежу. Самая демократическая республика есть не что иное, как наряд для хищника, самого зверского, циничного, который готов разорить сотни миллионов людей, чтобы заплатить долги, т.-е. заплатить господам империалистам, капиталистам за то, что они милостиво позволили рабочим резать друг другу горло. С каждым днем для масс это становится яснее.

Вот положение, при котором является возможность таких политических выступлений, как статья одного военного обозревателя в передовой газете самой богатой и самой политически-опытной буржуазии—в английском „Таймсе“ оценивающего события в таких выражениях: „Во всем мире армии разлагаются,

но есть только одна страна, где армия строится, и эта страна—Россия“.

Вот факт, который вынуждена признать оуржуазия, в военном отношении гораздо более сильная, чем советский большевизм. И с этим фактом мы подходим к оценке того, что сделали мы за этот год советской работы.

Нам удалось достигнуть перелома, когда, на месте 10-миллионной армии, сплошь бежавшей, не вынесшей ужасов войны и понявшей, что эта война преступна, начала строиться, сотня тысяч за сотней тысяч, армия социалистическая, знающая, за что борется, и идущая на жертвы и лишения, бóльшие, чем было при царизме, но потому, что она знает, отстаивает свое дело, свою землю, свою власть на фабрике, защищает власть трудящихся, а трудящиеся в других странах, хотя трудно и тяжело, но просыпаются.

Таково положение, которое характеризует годичный опыт Советской власти.

Война невероятно трудна для Советской России, война невероятно трудна для народа, который 4 года переносил ужасы империалистской войны. Война для Советской России невероятно тяжела. Но в данное время и сильные враги признают, что их армия разлагается, а наша строится. Потому что, первый раз в истории, армия строится на близости, на неразрывной близости, можно сказать—на неразрывной слитности советов с армией. Советы всех трудящихся и эксплуатируемых объединяют,—и армия строится на началах социалистической защиты и сознательности.

Один прусский монарх в XVIII веке сказал умную фразу: „Если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, то нельзя было бы вести ни одной войны“. Старый прусский монарх был неглупым человеком. Мы же теперь готовы сказать, сравнивая свое положение с положением этого монарха: „Мы можем вести войну потому, что массы знают, за что воюют, и хотят воевать, несмотря на неслыханные тяжести (повторяю, тягота войны теперь больше, чем при царизме), зная, что приносят отчаянные, непосильно-тяжелые жертвы, защищая свое социалистическое дело, борясь рядом с теми рабочими в других странах, которые начали понимать наше положение“.

Есть глупые люди, которые кричат о красном милитаризме; это политические мошенники, которые делают вид, будто бы они в эту глупость верят, и кидают подобные обвинения направо и

налево, пользуясь для этого своим адвокатским умением сочинять фальшивые доводы и засорять массам глаза песком. Меньшевики и эс-эры кричат: „Смотрите, вместо социализма, вам дают красный милитаризм!“.

Действительно, ужасное преступление! Империалисты всего мира бросились на Российскую республику, чтобы задушить ее, а мы стали создавать армию, которая первый раз в истории знает, за что она борется и за что приносит жертвы, и с успехом сопротивляется более численному врагу, приближая с каждым месяцем сопротивления в доселе еще невиданном масштабе всемирную революцию,—и это осуждают, как красный милитаризм!

Повторяю—либо это глупцы, не поддающиеся никакой политической оценке, либо это политические мошенники!

Всем известно, что война эта нам навязана; в начале 1918-го года мы старую войну кончили и новой не начинали; все знают, что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты, кидавшей миллионы направо и налево, при чем громадные запасы снаряжения и военного имущества, оставшиеся от империалистической войны, были собраны передовыми странами и брошены на помощь белогвардейцам, ибо эти господа миллионеры и миллиардеры знают, что тут решается их судьба, что тут они погибнут, если не задавят немедленно нас.

Социалистическая республика делает неслыханные усилия, приносит жертвы и одерживает победы; и если теперь, в результате года гражданской войны, взглянуть на карту: что было Советской Россией в марте 1918-го года, что стало ею к июлю 1918-го года, когда на западе стояли немецкие империалисты по линии Брестского мира, Украина была под игом немецких империалистов, на востоке до Казани и Симбирска господствовали купленные французами и англичанами чехо-словаки, и если взять карту теперь,—то мы увидим, что мы расширились неслыханно, мы одержали победы громадные <sup>60</sup>).

Вот положение, при котором говорить сильные слова, обвиняя нас в красном милитаризме, могут только самые грязные и низкие политические мошенники.

Таких революций, которые, завоевав, можно положить в карман и почтить на лаврах, в истории не бывало. Кто думает что такие революции мыслимы, тот не только не революционер

а самый худший враг рабочего класса. Не бывало даже ни одной такой революции второстепенной, даже буржуазной, когда речь шла о том, чтобы от одного имущего меньшинства передать власть другому меньшинству. Мы знаем примеры! Французская революция, на которую ополчились в начале XIX века старые державы, чтобы раздавить ее, называется Великой именно потому, что она сумела поднять на защиту своих завоеваний широкие народные массы, давшие отпор всему миру; тут и лежит одна из ее больших заслуг.

Революция подвергается самым серьезным испытаниям на деле, в борьбе, в огне. Если ты угнетен, эксплуатируешь и думаешь о том, чтобы скинуть власть эксплуататоров, если ты решил довести дело свержения до конца, то должен знать, что тебе придется выдержать натиск эксплуататоров всего мира; и если ты готов этому натиску дать отпор и пойти на новые жертвы, чтобы устоять в борьбе, тогда ты революционер; в противном случае тебя раздавят.

Вот как поставлен вопрос историей всех революций.

Настоящим испытанием нашей революции является то, что мы в отсталой стране, раньше, чем другие, сумели взять власть, завоевать советскую форму правления, власть трудящихся и эксплуатируемых. Сумеет ли мы ее и удержать, хотя бы до тех пор, пока расшевелиются массы других стран?

Если мы не сумеем пойти на новые жертвы и удержаться, то скажут: „революция оказалась исторически неправомерной“. Демократы цивилизованных стран, вооруженные до зубов, боятся, однако, появления в какой-нибудь стомиллионной свободной республике, вроде Америки, каких-нибудь ста большевиков; это такая зараза! Борьба с сотней выходцев из голодной, разоренной России, которые станут говорить о большевизме, оказывается демократам не под силу! Симпатии масс на нашей стороне! У буржуев одно спасение: пока меч не выпал у них из рук, пока пушки в их руках, направить эти пушки на Советскую Россию и задавить ее в несколько месяцев, потому что потом ее ничем не задавишь. Вот в каком положении мы находимся, вот чем определяется военная политика Совета Народных Комиссаров за этот год, и почему мы, указывая на факты, на результаты, имеем право сказать, что мы испытание выдерживаем только потому, что рабочие и крестьяне, неслыханно истомленные войной, сози-

дают новую армию в еще более мучительных условиях, но проявляя новое геройство.

Это краткие итоги политики Советской власти в области военной. Я здесь позволю себе сказать еще несколько слов по одному пункту, где Политика в военном вопросе смыкается с политикой в других вопросах, с политикой хозяйственной,—я говорю о военных специалистах.

Вы, вероятно, знаете, какие споры вызвал этот вопрос, как часто товарищи, принадлежащие к числу самых преданных и убежденных большевиков коммунистов, возбуждали горячие протесты против того, что в строительстве Красной социалистической армии мы пользуемся старыми военными специалистами, царскими генералами и офицерами, запятнавшими себя служением царизму, а иногда и кровавыми расправами с рабочими и крестьянами. Противоречие бросается в глаза, негодование тут является, можно сказать, само собою. Каким образом строить социалистическую армию при помощи специалистов царизма?!

Оказалось, что мы построили ее только так. И если мы подумаем над задачей, которая здесь выпала на нашу долю, то нетрудно понять, что так только и можно было построить. Это дело не только военное, эта задача стала перед нами во всех областях народной жизни и народного хозяйства.

Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хороших, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социалистов. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика.

Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе. Есть пролетарии, которые закалены так, что способны переносить в тысячу раз большие жертвы, чем любая армия; есть десятки миллионов угнетенных крестьян, темных, разбросанных, но способных, если пролетариат поведет умелую тактику, вокруг него объединяться в борьбе. И затем есть специалисты науки, техники, все насквозь проникнутые буржуазным миросозерцанием, есть военные специалисты, которые воспитались в буржуазных условиях; и хорошо еще, если в буржуазных, а то в помещичьих, в палочных, в крепостнических. Что касается народного хозяйства, то все агрономы, инженеры, учителя—

все они взялись из имущественного класса; не из воздуха они упали! Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройди университета не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника—для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой. У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов. Если вы не постройте коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны.

Вот как вопрос поставлен историческим наследием мирового капитализма! Вот та трудность, которая стала перед нами конкретно, когда мы взялись за власть, когда мы получили советский аппарат!

Это одна половина задачи, и это большая половина задачи. Советский аппарат—значит, что трудящиеся объединены так, чтобы весом своего массового объединения раздавить капитализм. Они его и раздавили. Но от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство—в руках специалистов и в их головах.

Так поставлена задача во всех областях—задача противоречивая, как противоречив весь капитализм, труднейшая, но выполнимая. Не потому, что мы воспитаем чистеньких коммунистических специалистов лет через двадцать: первое поколение коммунистов без пятна и упрека; нет, извините, нам надо все устроить теперь, не через 20 лет, а через два месяца, чтобы бороться против буржуазии, против буржуазной науки и техники всего мира. Тут мы должны победить. Массовым весом своим заставить бур-

жуазных специалистов служить нам—трудно, но можно; и если мы это сделаем, мы победим.

Когда мне недавно т. Троцкий сообщил, что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч, тогда я получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования нашего врага; как заставить строить коммунизм тех, кто являлся его противниками, строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас! Других кирпичей нам не дано! И вот из этих кирпичей, под руководством пролетариата, мы должны заставить буржуазных специалистов строить наше здание. Вот что трудно, и вот в чем залог победы!

На этом пути, конечно, как новом и трудном, сделано не мало ошибок, на этом пути нас ждало не мало поражений; все знают, что из специалистов определенное число систематически изменяло нам: среди специалистов на заводах, в агрономии, в деле управления мы на каждом шагу натывались и натываемся на злостное отношение к делу, на злостный саботаж.

Мы знаем, что все это громадные трудности и их одним насильем не победишь... Мы, конечно, не против насилия; мы над теми, кто относится отрицательно к диктатуре пролетариата, смеемся и говорим, что это глупые люди, не могущие понять, что должна быть либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии. Кто говорит иначе—либо идиот, либо политически настолько неграмотен, что его не только на трибуну, но и просто на собрание пускать стыдно. Может быть или насилие над Либкнехтом и Люксембург<sup>23</sup>), избивание лучших вождей рабочих, или насильственное подавление эксплуататоров, а кто мечтает о середине—самый вредный и опасный нам противник. Так сейчас стоит вопрос. И когда мы говорим об использовании специалистов, надо иметь в виду урок советской политики за год; за этот год мы сломили и победили эксплуататоров, а нам теперь надо решить задачу использования буржуазных специалистов. Здесь, повторяю, одним насильем ничего не сделаешь. Тут, в добавление к насилию, после победоносного насилия, нужна организованность, дисциплина и моральный вес победившего пролетариата, подчиняющего себе и втягивающего в свою работу всех буржуазных специалистов!

Скажут: вместо насилия Ленин рекомендует моральное влияние! Но глупо воображать, что одним насильем можно решить

вопрос организации новой науки и техники в деле строительства коммунистического общества. Вздор! Мы, как партия, как люди, научившиеся чему-нибудь за этот год советской работы, в эту глупость не впадем и от нее будем массы предостерегать. Исползовать весь аппарат буржуазного капиталистического общества—такая задача требует не только победоносного насилия, она требует, сверх того, организации, дисциплины, товарищеской дисциплины среди масс, организации пролетарского воздействия на все остальное население, создания новой массовой обстановки, при которой буржуазный специалист видит, что ему нет выхода, что к старому обществу вернуться нельзя, а что он свое дело может делать только с коммунистами, которые стоят рядом, руководят массами, пользуются абсолютным доверием масс и идут к тому, чтобы плоды буржуазной науки, техники, плоды тысячелетнего развития цивилизации не доставались кучке людей, пользующихся этим для того, чтобы выделяться и обогащаться, а доставались поголовно всем трудящимся.

Задача громадной трудности, на которую, чтобы полностью решить ее, надо положить десятки лет! А чтобы решить ее, надо создать такую силу, такую дисциплину, товарищескую дисциплину, советскую дисциплину, пролетарскую дисциплину, которая бы не только физически раздавила контр-революционеров буржуазии, но и охватила бы их полностью, подчинила бы себе, заставила бы идти по нашим рельсам, служить нашему делу.

Повторяю, что в деле военного строительства и строительства хозяйственного и в работе каждого совета народного хозяйства, и в работе каждого заводского комитета, каждой национализированной фабрики мы каждый день на эту задачу натыкались. Едва ли была хоть одна неделя, когда бы в Совете Народных Комиссаров в этом году, так или иначе, в той или в другой форме, не ставился такой вопрос и не решался нами. Я уверен, что не было ни одного заводского комитета в России, ни одной сел.-хоз. коммуны, ни одного советского хозяйства, ни одного уездного земельного отдела, который бы, за год советской работы, десятки раз не натыкался на этот же вопрос.

Вот в чем трудность задачи, но вот в чем и настоящая благодарная задача, вот, что мы должны сделать теперь, на другой день после того, как сила пролетарского восстания раздавила эксплуататоров. Мы раздавили их сопротивление, это надо было сделать; но надо было не только это сделать, а силой новой ор-

ганизации, товарищеской организации трудящихся, надо заставить их служить нам, надо излечить их от старых пороков, помешать им вернуться к своей эксплуататорской практике. Они остались старыми буржуа и сидят на офицерских постах и в штабах нашей армии, они инженеры и агрономы, эти старые буржуа, называющие себя меньшевиками и эс-эрами. От клички ничто не меняется, но они буржуа насквозь, с головы до пяток, по своему миросозерцанию и привычкам.

Что же, мы разве выкинем их? Сотни тысяч не выкинешь! А если бы мы и выкинули, то себя бы подрезали. Нам строить коммунизм не из чего, как только из того, что создал капитализм. Надо не выкидывать, а сломить сопротивление, наблюдая за ними на каждом шагу, не делая никаких политических уступок, на которые бесхарактерные люди поддаются ежеминутно. Культурные люди поддаются политике и влиянию буржуазии потому, что они восприняли всю свою культуру от буржуазной обстановки и через нее. Вот почему они на каждом шагу спотыкаются и делают политические уступки контр-революционной буржуазии.

Коммунист, который говорит, что нельзя впасть в такое положение, чтобы рук не пачкать, что у него должны быть чистые коммунистические руки, что он будет чистыми коммунистическими руками строить коммунистическое общество, не пользуясь презренными контр-революционными буржуазными кооператорами,—пустой фразер, потому что, напротив, нельзя не пользоваться ими.

Задача практически сейчас стоит так, чтобы тех, кто против нас капитализмом воспитан, повернуть на службу к нам, каждый день смотреть за ними, ставить над ними рабочих комиссаров в обстановке коммунистической организации, каждый день пресекать контр-революционные поползновения и в то же время учиться у них.

У нас, в лучшем случае, есть наука агитатора, пропагандиста, человека, закаленного дьявольски-тяжелой судьбой фабричного рабочего или голодного крестьянина, наука, которая учит долго держаться, оказывать упорство в борьбе, что и спасало нас до сих пор; это все необходимо; но этого мало, с этим одним победить нельзя; чтобы победа была полная и окончательная, надо еще взять все то, что есть в капитализме ценного, взять себе всю науку и культуру.

Откуда же это взять? Надо поучиться у них, у наших вра-

гов, нашим передовым крестьянам, сознательным рабочим на своих фабриках, в уездном земельном отделе у буржуазного агронома, инженера и пр., чтобы усвоить плоды его культуры.

В этом отношении та борьба, которая возникала в нашей партии за минувший год <sup>61)</sup>, была чрезвычайно плодотворна; она вызвала не мало резких столкновений, но борьба и не бывает без резких столкновений; мы же приобрели практический опыт в вопросе, который никогда перед нами не ставился, но без которого коммунизм осуществить не удастся. Задача—как соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой, бывшей до сих пор достоянием немногих, задача, еще раз скажу, трудная. Здесь все дело в организации, в дисциплине передового слоя трудящихся масс. Если бы в России, во главе миллионов забитых, темных, совершенно неспособных к самостоятельному строительству, веками угнетаемых помещиками крестьян, если бы около них не было передового слоя городских рабочих, которые им понятны, близки, которые пользуются их доверием, которому крестьянин поверит, как своему рабочему человеку, если бы не было этой организации, способной сплотить трудящиеся массы и внушить им, разъяснить, убедить их в важности задачи взять всю буржуазную культуру себе, тогда дело коммунизма было бы безнадежно.

Говорю это не с точки зрения отвлеченной, а с точки зрения ежедневного опыта в течение целого года. Если в этом опыте много мелочей, иногда скучных, неприятных, то за всеми этими мелочами надо увидеть нечто поглубже, надо понять, что в этих мелочах работы, столкновениях между заводскими комитетами и инженером, таким-то красноармейцем и таким-то буржуазным офицером, таким-то крестьянином и буржуазным агрономом, в этих конфликтах, трениях, мелочах есть неизмеримо более глубокое содержание. Мы победили предрассудок, что следует этих буржуазных специалистов выкинуть вон. Мы взяли эту машину, она еще идет плохо, не будем делать иллюзий, на каждом шагу она спотыкается, на каждом шагу делает ошибки, на каждом шагу сваливается в канаву, а мы опять вытаскиваем ее, но она пошла, и мы будем вести ее по правильному пути. Так, только так мы вылезем из той трясины разрухи, страшных трудностей, разорения, одичания, нищеты, голода, в которую нас война вкинула и империалисты всех стран стараются втолкнуть и заставить застрять там.

И мы начали вылезать. Это первые шаги.

Год советской работы научил эту задачу ясно понимать в каждом отдельном случае заводской практики и практики крестьянской работы и усваивать эту работу. Это громаднейшее завоевание Советской власти за год. На это потерять год было не жаль. Мы не будем, как в старые времена, теоретически рассуждать вообще о значении буржуазных специалистов и о значении пролетарских организаций, мы будем каждый шаг нашего опыта в любом заводском комитете и в любой земельной организации использовать. Если мы положили фундамент Красной армии, если у нас есть небольшой фундамент, если есть такие национализированные предприятия, в которых рабочие свои задачи поняли и начали повышать производительность труда при помощи тех буржуазных специалистов, которые на каждом шагу пытаются вернуться назад, а массовые организации рабочих заставляют их идти вперед нога в ногу с Советской властью,—это самое большое завоевание Советской власти. Эта работа не видная, в ней ничего нет блестящего, трудно ее во всем значении оценить, но именно в том-то и сказывается шаг вперед нашего движения, что мы от простой задачи простого подавления эксплуататоров пришли к задаче научить самих себя, научить массы строить коммунизм из капиталистических кирпичей, заставлять капиталистических буржуазных специалистов работать на нас. Только на этом пути мы добьемся победы. Теперь мы знаем, что, идя так, как шли до сих пор, мы этой победы, действительно, добьемся

Товарищи, я перейду к последнему вопросу, который я хотел бы, хотя вкратце, осветить ввиду того, что я слишком затянул свою речь,—к вопросу об отношении к деревне.

Если я до сих пор говорил о работе военной, о диктатуре, об использовании буржуазных специалистов, то здесь—новая громадная трудность коммунистического строительства.

Как быть, если власть перешла в руки пролетариата в стране, в которой городского пролетариата меньшинство, а большинство крестьян, привыкших хозяйничать поодиночке, насквозь пропитанных этими привычками раздробленного хозяйничанья?

Большинство из этих крестьян, однако, так разорены, обнищали и измучены гнетом помещиков и капиталистов, что идут охотно на помощь к пролетариям. Если городской рабочий

сколько-нибудь толково, тактично, по-человечески, а не так, как когда человек хочет начальствовать и вызывает законную ненависть, если сколько-нибудь по-человечески городской рабочий подходит к крестьянину, он встречает в нем самое товарищеское доверие и полную поддержку. Это мы знаем. На этом Советская власть держится в деревне. Она могла держаться лишь при помощи самой искренней поддержки большинства трудящихся. Эту поддержку мы получили потому, что городские рабочие тысячами путей, о которых мы и не подозреваем, пришли в связь с деревенской беднотой. Государственная власть, которая прежде этому мешала, теперь все делает, чтобы этому помочь. Только благодаря этому Советская власть держится, только в этом залог победы.

Громадные трудности, о которых я только что упомянул, заключаются в том, что крестьянин привык работать в одиночку, свободно торговать хлебом, и ему кажется, что это законная вещь. Как это, я, рассуждает он, трудящийся, чтобы получить хлеб, который стоил мне столько крови и пота, и не имею права его свободно продать? Крестьянину это представляется обидой.

Но мы знаем из всего опыта развития России, что свободно торговать—это значит свободно насаждать капиталистов; а свободно торговать в стране, которая измучена голодом, где голодный человек за кусок хлеба готов отдать все, что угодно, даже себя в рабство, свободно торговать, когда страна голодает,—это значит свободно обогащать меньшинство и разорять большинство. Мы должны доказать, что в стране, которая измучена голодом, первая задача—помочь крестьянину; но помочь можно, только объединив его действия, объединив массы, ибо крестьяне распылены, раздроблены, привыкли жить и работать врозь. Внешних препятствий для осуществления этой трудной задачи нет; тут то, что надо было сделать насильем, сделано; мы от насилия не отказываемся; мы знаем, что есть кулаки среди крестьян, которые деятельно сопротивляются нам, прямо устраивая белогвардейские восстания; это не относится ко всей массе крестьян. Кулаков—меньшинство; и тут борьба и борьба, их надо подавить, и мы и подавляем, но после победоносного решения задачи подавления эксплуататоров в деревне встает вопрос, который насильем решить нельзя; в этой области, как и во всех остальных, можно решить нашу задачу только массовой организацией, длительным воспитательным влиянием городского пролетариата на крестьянство.

Осуществим ли мы эту задачу?

Да, мы это знаем из опыта; и только потому, что громадное большинство крестьян доверяет рабочей власти, на опыте этого доверия к рабочим можно строить фундамент, который уже начат, и строить его дальше должно, но строить путем товарического воздействия и дисциплины. Вот задача, которая стала перед нами практически.

Когда мы создавали комитеты бедноты <sup>62)</sup>, когда старались произвести товарообмен с деревней, мы стремились не к тому, чтобы богатый получил товары, а чтобы в первую голову получил бедняк те немногие товары, которые мог дать город, дабы, помогая бедноте, мы могли с ее помощью победить кулака и взять от него излишки хлеба.

Решить задачу снабжения населения хлебом в громадной стране с худыми средствами сообщения, с разъединенным крестьянством было невероятно трудно, и эта задача больше всего причинила нам хлопот. Вспоминая все заседания Совета Комиссаров, скажу: не было ни одной задачи, над которой бы так упорно работала Советская власть, как над этой задачей. У нас громадная распыленность крестьян, раздробленность, в деревне больше всего темноты, привычек к отдельному хозяйству, там смотрят на запрет свободно торговать хлебом, как на обиду, а тут кстати, конечно, являются политические мошенники, всякие эс-эры и меньшевики, и поджигают крестьян и говорят им: „вас грабят!“.

Есть ведь такие мерзавцы, которые после года советской работы, когда, между прочим, продовольственники доказали, что мы 42 тысячи вагонов с продуктами за последние месяцы дали деревне, а получили взамен хлеба только 39 т. вагонов, есть мерзавцы, которые все же кричат: „крестьяне, вас грабит Советская власть!“.

В то время, как рабочие надрываются в городах и нигде нет такого мучительного голода, как в городах и неземледельческой России,—в то время, как крестьяне взяли все помещичьи земли и взяли себе хлеб, в то время, как крестьяне в массе, мы знаем это, в первый год Советской власти работали на себя, а не на барина и не на купца, и свое питание улучшили, в такое время, когда страна терзается от голода в городах и неземледельческих местностях, когда все капиталисты стараются подорвать нас голодом,—в это время находятся люди, переодетые в меньшевист-

ские и эс-эровские или другие шутовские наряды, и смеют твердить: „вас грабят!“. Это агенты капитализма, и никак, иначе как с агентами капитализма, с ними мы обращаться не будем и не должны.

В такое время, когда Советская власть самую главную трудность видит в вопросе о голоде, обязанность всякого советского гражданина все излишки хлеба отдать голодному. Это так ясно, очевидно, это так понятно всякому трудящемуся человеку, что против этого возразить нельзя. Тут нужен обман, политическое мошенничество для того, чтобы простую, ясную, очевидную истину затемнить, сделать ее непонятной или извратить ее!

На эту истину опирается городской рабочий. Благодаря очевидности этой истины, он делает свое труднейшее дело. До сих пор он говорил крестьянской бедноте: мы вместе с вами составляем настоящую опору Советской власти. Для этого создавались комитеты бедноты, организация товарообмена, обязательное привлечение кооперативов к тому, чтобы они объединили все население. Все декреты в области земледелия, которые издавались, проникнуты этой основной мыслью, все воззвания к рабочим города говорили: объединяйтесь с деревенской беднотой, без этого вы не разрешите самого важного и трудного вопроса—вопроса о хлебе. А крестьянину мы говорили: либо ты объединишься с городским рабочим и тогда мы победим, либо ты поддашься увещаниям и назиданиям капиталистов и их приказчиков и лакеев в меньшевистских костюмах, которые внушают тебе: „не давай себя грабить городу, торгуй свободно; кто богат, тот и наживается, а если от голода будут умирать, тебе какое дело“. Тогда ты сам погибнешь и станешь рабом капиталиста и Советскую Россию разоришь. Только при капитализме так рассуждали: „я торгую, я наживаюсь, каждый за себя, а бог за всех“. Так рассуждал капитализм и породил войну; и вот почему рабочие и крестьяне были нищими, а ничтожное количество—миллиардерами.

Задача в том, как в практической работе подойти к крестьянину, как организовать бедноту и среднего крестьянина, чтобы на каждом шагу бороться с их влечением к старине, с их попыткой вернуться назад к свободной торговле, с постоянным стремлением „свободно“ хозяйничать. Слово „свобода“—хорошее слово! На каждом шагу—„свобода“: свобода торговать, продавать, продаваться и т. д. Находятся меньшевики и эс-эры, жулики,

которые это прекрасное слово „свобода“ склоняют и спрягают в каждой газете и речи; но все это сплошь обманщики, проститутки капитализма, которые тащат народ назад.

Главным предметом, наконец, забот и целью действий Совета Народных Комиссаров, как и Совета Обороны, за последнее время, за последние месяцы и недели, была борьба с голодом.

Громадным злом для нас является голод именно теперь, накануне весны; а весной нам предстоит самый тяжелый период. Как в прошлом году конец зимы, весна и начало лета были самым тяжелым временем, так и в этом году мы как раз теперь вступаем в тяжелую полосу. Теперь усиливаются снова надежды белогвардейцев, помещиков и капиталистов на то, что они, не будучи в состоянии сломить Советскую власть в открытой борьбе, может быть, сыграют еще раз на голоде.

Да и люди, называющие себя меньшевиками и эс-эрами, правыми и левыми, падающие так низко, что на словах заявляют себя сторонниками рабочего народа, а когда продовольственное положение обостряется, когда надвигается голод, пытающиеся на нем сыграть и натравливающие народные массы против власти рабочих и крестьян, не понимают, что как измена левого эс-эра Муравьева <sup>63)</sup> в прошлом году на восточном фронте стоила жизни десяткам тысяч рабочих и крестьян в войне с белогвардейцами, так и теперь всякая такого рода политика, всякая агитация и игра на голоде, которую левые эс-эры якобы ведут для пользы рабочих, есть не что иное, как прямая помощь белогвардейцам. Всякая такая агитация стоит тысячи лишних жертв в войне против белогвардейцев. В прошлом году, когда Муравьев совершил измену, он едва не открыл всего фронта и навлек целый ряд тяжелых поражений.

Поэтому я бы хотел прежде всего и больше всего коснуться самым кратким образом главных фактов.

Если теперь наше положение опять, как и весной прошлого года, в продовольственном отношении ухудшилось, то мы имеем теперь серьезную надежду не только на то, что победим это затруднение, но что лучше выйдем из него, чем в прошлом году. Надежда основана на том, что на востоке и юге дела обстоят гораздо лучше, а восток и юг—главные хлебные житницы России. В целом ряде совещаний Совета Обороны и Совета Комиссаров за последние дни мы точно выяснили, что на дорогах от Казани до Саратова и на Волго-Бугульминской дороге, от Самары и

востоку, за Волгой, скоплено ссыпанного готового хлеба до 9 милл. пудов. Вся громадная трудность, вся великая опасность заключается в том, что наш транспорт так болен и нехватка паровозов так велика, что мы не уверены, вывезем ли мы этот хлеб. Вот была главная забота в деятельности нашей за последнее время, и вот почему мы пошли на такую меру, как прекращение, как полная остановка пассажирского движения с 18 марта до 10 апреля. Мы знаем, что это тяжело. Найдутся агитаторы, помогающие белогвардейцам, они станут кричать: „смотрите, народ голодает, а у него отняли пассажирские поезда, чтобы нельзя было везти хлеба“. Эти агитаторы есть. Но мы говорим себе: „мы при всех трудностях рассчитываем на сознательность честных рабочих, и они будут за нас“.

Приостановка движения, как нам дали сведения специалисты, освободит 200 паровозов. Эти пассажирские паровозы слабее товарных, менее способны, но мы подсчитали, что они в состоянии за это время дать до трех с половиною миллионов пудов. А если за это время возили бы хлеб в одиночку мешечники, голодные люди, которые бросаются кто куда, то они вывезли бы, в самом лучшем случае, полмиллиона пудов. Эту правду подтвердит каждый опытный железнодорожный рабочий, всякий, кто был на Заволжской дороге и видел, как хлеб свален иногда прямо на снег. Мешки с хлебом могут погибнуть, хлеб и без того сырой; в особенности будет плохо, когда начнется половодье. Но мы на эту тяжелую меру пошли, уверенные, что правду от громадной массы рабочих не скроешь, что с правильного пути агитаторы левых эс-эров их не собьют и что эта правда победит. Такая тяжелая мера, как приостановка пассажирского движения, в состоянии дать несколько миллионов пудов хлеба. Отметая в сторону ложь, клевету и побасенки, будто бы пассажирское движение прекращать вредно, мы должны сказать, что это даст достаточно хлеба при помощи петроградских, московских и иваново-вознесенских рабочих, которые отправляются за ним на юг. Ни один город не дал так много сил для организации продовольственного дела, упомяну между прочим, как Петроград; все лучшие силы его уже двинуты на работу; и так и должны поступать рабочие передовых городов.

Социалистическую революцию нельзя совершить без рабочего класса; ее нельзя совершить, если в рабочем классе не накоплено столько сил, чтобы руководить десятками миллионов

забитых капитализмом, измученных, неграмотных и распыленных деревенских людей. А руководить ими могут только передовые рабочие. Но лучшие силы уже исчерпались, надорвались и утомились. Их надо заменять, двигая средняков, молодежь. Возможно, что они будут делать ошибки, — не беда; только бы были преданы рабочему делу, воспитаны в обстановке пролетарской борьбы.

Мы приняли уже ряд мер, чтобы на Волго-Бугульминскую дорогу отправить лучшие силы. Вместе с отрядом рабочих тов. Брюханов <sup>64)</sup> поехал туда. Отправлены на другие дороги военные отряды и с ними рабочие, и, повторяю, есть серьезная надежда, что хлеб у нас будет. Будет тяжелое полугодие, но последнее тяжелое полугодие, потому что вместо врага, который крепнет, мы имеем врага, который разлагается, растет советское движение во всех странах.

Таковы основания, по которым мы, рассуждая осторожным образом и много раз проверив расчеты, заявили, что прекращение пассажирского движения дает возможность привезти несколько миллионов пудов хлеба и возможность использовать богатейшие житницы востока и юга. В это тяжелое полугодие нашего главного врага, голод, мы победим, и, кроме того, мы теперь в условиях лучших, чем в прошлом году, потому что у нас есть запасы. В прошлом году чехо-словаки дошли до Казани и Симбирска <sup>65)</sup>, Украина была под пятой немцев <sup>66)</sup>, Краснов <sup>67)</sup> на немецкие деньги строил войска на Дону, и юг был от нас отрезан; теперь же Украина освобождается от немецких империалистов <sup>68)</sup>, которые хотели вывезти из Украины 60 миллионов пудов, а вывезли всего только 9 миллионов и в придачу вывезли такую штуку, какую им не переварить — вывезли большевизм. На нем и полетели немецкие империалисты, на нем полетят и французские, и английские империалисты, если приобретут возможность двигаться дальше в глубь России.

Мы имеем теперь Советскую Украину. А советское правительство на Украине в отношении к нам, когда встанет вопрос о хлебе, поставит цену не по-торгашески, не так, как ставит спекулянт и тот мужик, который говорит: „голодный даст и тысячу за пуд, плюю на государственную монополию, мне бы только нажиться, а если народ голодает, тем лучше, больше дадут“. Деревенская буржуазия так рассуждает, кулаки, спекулянты так рассуждают, и им помогают все, кто кричит против хлебной

монопольи, кто стоит за „свободу“ торговли, т.-е. за свободу нажиться богатому мужику и за свободу умереть окончательно с голоду рабочему, который не получит ничего.

Украинское правительство сказала: „Первая задача — помочь голодному северу. Украина не может удержаться, если не удержится измученный голодовками север; Украина продержится и победит наверняка, если она поможет голодному северу“.

Запасы хлеба на Украине гигантские. Взять все сразу нельзя. Мы послали на Украину наши лучшие советские силы и уже в один голос получили такое сообщение: „Запасы хлеба громадные, но всего сразу вывезти нельзя, нет аппарата. Немцы разорили Украину до такой степени, что там только начинает складываться кой-какой аппарат; там полный хаос. Худшие времена, когда мы сидели в Смольном в первые недели после Октябрьской революции и боролись с разрухой, ничто в сравнении с теми трудностями, которые переживает сейчас Украина“. Вопль несется от советских товарищей, что нет людей, что некому строить Советскую власть, что нет никакого аппарата, нет такого пролетарского центра, как Питер или Москва, а украинские пролетарские центры в руках неприятеля. Киев не пролетарский центр, Донецкий бассейн, измученный голодом, не освобожден от казаков. „На помощь к нам, рабочие севера!“

Мы говорим поэтому от лица украинских товарищей питерским рабочим, зная, что они дали более, чем какой бы то ни было другой город: „Дайте еще, напрягите еще ваши усилия! Мы можем теперь, и мы должны помочь украинским товарищам, потому что им приходится строить аппарат Советской власти на месте, очищенном и опустошенном страданиями так, как нигде не терпели и не страдали!“

Мы, в Центральном Комитете нашей партии, обсудив это положение, дали задание — сначала сделать все для постройки аппарата на Украине и взяться за работу, когда будет оружие в руках и будет аппарат, а 1 июня получить за это 50 милл. пуд. хлеба.

Я несколько не хочу вас уверять, что эта задача будет выполнена. Мы все знаем, что сколько задач мы ни брали на себя, мы их не могли выполнить к указанному сроку. Пускай лишь часть этой задачи будет выполнена. А все же знайте твердо, что на черный день, когда голод будет все обостряться у нас и когда на востоке и юге будет в полном ходу весь аппарат продоволь-

ственный, есть возможность получить экстренную помощь с Юга и улучшить наше положение.

Кроме Украины, есть еще у нас источник — Донская область. Там победы Красной армии уже сделали чудеса. Несколько недель тому назад на Дону в войне с Красновым, с главным врагом, с офицерами, с казаками, которых миллионами подкупали сначала немцы, а потом англичане и французы, продолжающие и теперь помогать им, — несколько недель назад наше положение было тяжелое; а нынче с громадной быстротой мы завоевали территорию области не только до Царицына, но прошли еще к югу от Царицына. Красновские и донские контр-революционеры сломлены, и никакая помощь империалистов им не помогла.

Что же это значит? Это значит, что мы подошли к углям и к хлебу, без которых мы гибнем, так как из-за недостатка угля останавливаются железные дороги и фабрики, из-за недостатка хлеба рабочие в городах и вообще неземледельческих местностях испытывают муки голода.

Запасы хлеба на Дону тоже, как и на Украине, громадны; там мы, кроме того, не можем сказать, что нет аппарата; в каждой воинской части есть коммунистическая ячейка, комиссары из рабочих, группы рабочих продовольственников; там главная трудность заключалась в том, что белогвардейцы при отступлении взрывали мосты, и поэтому ни одна из двух главных путейных линий не была годна. Последнее заседание Совета Оборона и Совета Народных Комиссаров мы посвятили вызову специалистов и допрашиванию их о том, как достать материал для починки линий и как починить хотя бы одну из них. На последнем заседании Совета Оборона мы могли удостовериться, что, благодаря громадному напряжению сил, не только были доставлены материалы, но мы имеем от товарищей с мест уверения, что они почти гарантируют нам до половодья восстановление обеих линий. Это восстановление транспорта на двух линиях стоит, может быть, многих побед над казаками, и это дает возможность сказать: „Надо продержаться еще несколько тяжелых месяцев, напрячь усилия, дать нам помощь петроградскими, московскими и иваново-вознесенскими рабочими“. Кроме востока, откуда трудно что-нибудь подвезти, кроме Украины, где громадные запасы, но нет аппарата, есть Дон, побежденный Красной армией. Вот почему мы с осторожностью, с трезвым расчетом, проверив все это многократными докладами и сообщениями с мест и выслушав

специалистов по продовольственному и железнодорожному делу, говорим, что у нас есть самая серьезная, обоснованная уверенность, что не только мы можем пролержаться так, как в прошлом году, но можем и значительно улучшить еще свое положение.

Враг наш разлагается внутренне, ни в коем случае не продержится долго и внешний враг. Товарищи, нас особенно убедило в этом то, что мы услыхали от приехавших сюда иностранных товарищей, с которыми вместе недавно мы основали в Москве Коммунистический Интернационал. В Париже сгоняют с трибуны на народных собраниях ораторов за нападки на большевизм. Да! Победа за нами! Империалисты могут пролить кровь тысяч и тысяч рабочих, убить еще Розу Люксембург и Либкнехта и сотни лучших представителей Интернационала, могут наполнять тюрьмы Англии, Франции, Германии и Италии социалистами, но это не поможет! Победа за нами! Ибо, что такое Советы, что такое Советская власть—это, вопреки всей лжи, всем потокам вранья и мрачной клеветы, рабочие всех стран поняли. Капиталистам всех стран выхода нет. Повторяю, они переделаются в то время, когда заключат мир. Франция готова броситься на Италию, они не поделят добычу, Япония вооружается против Америки. Они свалили на народы неслыханную дань, миллиарды и миллиарды военных займов. Но народы измучены войной везде, везде недостача продуктов, остановка производства, везде голод. Антанты, которая обещает помогать контр-революционерам направо и налево, не может накормить свои страны. Рабочие массы и Парижа, и Лондона, и Нью-Йорка перевели слово советъ на свои языки, сделали это слово понятным для каждого рабочего, зная, что старой буржуазной республикой помочь делу нельзя, что помочь может только рабочая власть.

Если в России перед Советской властью стоят громадные трудности, то потому, что на Россию обрушилась военная сила самых вооруженных, самых сильных держав мира. Несмотря на это, Советская власть России сумела завоевать чувство, внимание и нравственную поддержку рабочих всего мира. На основании этих данных, нисколько не преувеличивая их, не закрывая глаза на то, что как в Германии, так и в других странах проливается кровь рабочих и гибнут многие лучшие вожди социализма, замученные зверски,—это мы знаем и не закрываем глаз на это,—мы утверждаем, что победа за нами, победа полная, потому что империалисты других стран подогнулись, рабочие уже выходят

из состояния угара и обмана, Советская власть уже завоевала себе признание рабочих всего мира; везде надежды возлагаются только на устройство советов, надежду видят только в том, что рабочие возьмут власть в свои руки.

А когда рабочие знают, что даже неразвитые, в отсталой стране, объединенные рабочие, взяв власть в свои руки, смогли создать силу, которая сопротивляется империалистам всего мира; когда рабочие сумели взять фабрики у капиталистов и отдать помещичьи земли крестьянам; когда эта правда просочится в рабочие массы всех стран, можно сказать во всеуслышание с полной уверенностью еще раз, что победа обеспечена за нами в мировом масштабе, так как буржуазия пошатнулась, ей обмануть рабочих больше не удастся, ибо советское движение народилось везде, и мы увидим скоро, как мы видели 25 октября 1917 года рождение Советской Республики, как на-днях видели в Москве рождение Коммунистического III Интернационала, так мы скоро увидим рождение международной Советской Республики.

*Брошюра „Успехи и трудности  
Советской власти“. Издание Петерб.  
Совета Р. и К. Д. 1919 г.*

## **Памяти Я. М. Свердлова.**

(Речь в В. Ц. И. К. 6 созыва 18 марта 1919 г.)

Товарищи! В день, когда рабочие всего мира чествуют героический подъем Парижской Коммуны и ее трагический конец, нам приходится хоронить Я. М. Свердлова <sup>69)</sup>.

В ходе нашей революции, в ее победах, довелось Свердлову выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было, самую сущность пролетарской революции. В этом в бóльшей степени, чем в беззаветной преданности его делу революции, заключается значение его, как вождя пролетарской революции.

Людям поверхностным, нашим врагам, людям, колеблющимся между революцией и ее противниками, больше всего бросается в глаза решительная, беспощадно-твердая расправа революции с эксплуататорами и врагами трудового народа. Без революционного насилия пролетариат, конечно, не смог бы победить, но нет сомнения, что революционное насилие является необходимым и законным лишь в определенных условиях, а гораздо более существенным в революции и условием ее побед является органи-

зация пролетарских масс. В этой организации заключается глубокий источник ее побед.

Именно эта сторона пролетарской революции и выдвинула в процессе борьбы своих вождей, воплотивших особенность пролетарской революции,—организацию масс. Эта черта пролетарской революции и выдвинула Свердлова, который прежде всего и больше всего был организатором.

Товарищи! Нам, русским, особенно в тяжелые времена продолжительной, мучительной и непомерно-долгой подготовки революции приходилось больше всего страдать от расхождения между теорией, принципами, программой и делом. История нашего революционного движения в течение многих десятилетий знает людей, преданных революции, которые, однако, не могли найти практического применения своим революционным идеалам... Лишь пролетарская революция дала настоящую базу, настоящую обстановку, настоящую аудиторию. И здесь более всего проявляются те вожди, которые сумели завоевать себе выдающееся место, как практики-организаторы. Такое место по праву занимал Я. М. Свердлов.

Если мы посмотрим на его жизнь, то увидим, что этот замечательный организаторский талант выработался в долгой борьбе. Каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковал он сам, переживши и испытавши различные эпохи в наиболее тяжелых условиях деятельности революционера-профессионала. В первый период своей работы—еще юношей, едва проникнувшись политическим сознанием, он целиком отдал себя революции. Он порвал с семьей и со всеми привычками буржуазного общества и в течение долгих лет, меняя тюрьму на ссылку, а ссылку на тюрьму, закалял себя, как революционера.

Но этот профессионал-революционер никогда, ни на минуту, не отрывался от масс. Условия царизма обрекали его, как и всех тогдашних революционеров, на деятельность подпольную, нелегальную, но и в ней Свердлов шел всегда плечо с плечом, рука об руку с передовыми рабочими, которые как раз с начала XX века стали заменять своими рядами прежние поколения революционеров-интеллигентов. Именно тогда передовые рабочие выступили на работу десятками и сотнями... Они воспитали в себе ту закаленность революционной борьбы, не теряя вместе с тем крепчайшей связи с массами, без которых не могло бы быть успешной пролетарской революции.

Некоторые, чаще всего наши враги или колеблющиеся люди, жужжали, что нелегальная работа — эта обязательная черта профессионала-революционера — отрывает его от масс. Но деятельность Свердлова показывает, насколько ошибочен этот взгляд. Именно беззаветная преданность революции человека, прошедшего через многие тюрьмы и самые отдаленные сибирские ссылки, создавала таких вождей, как Свердлов, когда она сочеталась с умением разбираться в людях и налаживать организационную работу. Только она выковывала организаторские таланты. Через нелегальные кружки, через революционную подпольную работу, через нелегальную партию Свердлов пришел к посту первого человека в первой социалистической республике, к посту первого из организаторов широких пролетарских масс.

Товарищи! Кто работал со дня в день со Свердловым, тем особенно ясно, что его исключительный организаторский талант обеспечивал нам то, чем мы гордились с полным правом. Он обеспечивал возможность дружной целесообразной организованной работы, которая была бы достойна организованных пролетарских масс, той работы, без которой не могло бы быть успеха и которая всецело отвечала потребностям пролетарской революции.

В той кипучей работе, которую во время революции приходится вести революционерам, громадной ценностью является моральный авторитет, почерпнувший свою силу, конечно, не в отвлеченной морали, а в морали революционного борца, в морали рядов и шеренг революционных масс. Если нам удалось в течение более, чем года вынести те тяжести, которые падали на узкий круг беззаветных революционеров, если руководящие группы могли так твердо и единодушно разрешать труднейшие вопросы, то только потому, что выдающееся место среди них занимал такой исключительный талантливый организатор, как Яков Михайлович. Только ему удалось соединить в себе удивительное знание личного состава руководителей пролетарского движения, только ему удалось за долгие годы борьбы выработать в себе чутье практика и талант организатора, тот непререкаемый авторитет, благодаря которому целые крупнейшие отрасли работы В. Ц. И. К., которые под силу были бы лишь группам людей, вел единолично Яков Михайлович. Только ему удалось завоевать такое положение, что достаточно было одного его слова и без всяких совещаний, без всяких формальных голосований вопрос разрешался раз-на-всегда, и у всех была уверенность, что он раз-

решен так именно, как надо, что не только передовые рабочие, но и все трудящиеся массы сочтут это решение окончательным.

История всегда показывала, что великие революции выдвигают великих людей и развертывают такие таланты, которые раньше казались невозможными. Никто не поверил бы, что из школы нелегального кружка и подпольной работы, из школы маленькой гонимой партии и Туруханской тюрьмы мог выйти такой организатор, который завоевал абсолютно непререкаемый авторитет, организатор всей Советской власти в России и единственный по своим знаниям организатор работы партии, которая создавала советы и практически осуществляла Советскую власть, совершающую теперь мучительно-тяжелое, кровью залитое, но победоносное шествие по всем странам всего мира.

Такого человека нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одного товарища, совмещающего в себе такие способности. Ни один из знавших Якова Михайловича не может сомневаться в том, что в этом смысле Свердлов незаменим. Та работа, которую он делал один, теперь будет под силу лишь целым группам людей, которые, идя по его стопам, будут продолжать его дело.

Но пролетарская революция сильна именно глубиной своих источников. На место людей, беззаветно отдавших свою жизнь революции и павших в борьбе, она выдвигает шеренги других, может быть, менее опытных, менее знающих, менее подготовленных, но людей, которые связаны с широкими массами и которые способны на месте ушедших крупнейших талантов продолжать их дело. В этом смысле, я глубоко уверен, пролетарская революция и в России, и во всем мире выдвинет группы и группы людей, выдвинет многочисленные слои из пролетариата и трудящегося крестьянства, которые дадут практическое знание жизни и тот, если не единоличный, то коллективный организаторский талант, без которого нельзя идти к победе.

Память об Я. М. Свердлове будет служить не только символом преданности революционера своему долгу, не только образцом сочетания практической трезвости и практической умелости, полной связи с массами с умением их направлять, но будет служить и залогом того, что все более и более широкие массы пролетариата пойдут вперед и вперед к полной победе коммунистической революции.

*„Правда“ № 60*

*20 марта 1919 г.*

ДОКЛАДЫ И РЕЧИ  
НА VIII СЪЕЗДЕ Р. К. П.

18—28 марта 1919 года.

*„VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков)“.  
Стенографический отчет. Книгоиздательство „Коммунист“, Москва  
1919.*

## Вступительная речь <sup>70)</sup>.

(Заседание 18 марта 1919 г.)

Товарищи, первое слово на нашем съезде должно быть посвящено тов. Я. М. Свердлову <sup>69)</sup>. Если для всей партии в целом и для всей Советской Республики Я. М. Свердлов был главнейшим организатором, о чем сегодня на похоронах высказывались многие товарищи, то для партийного съезда он был гораздо ценнее и ближе. Здесь мы потеряли товарища, который последние дни целиком отдал съезду. Его отсутствие скажется на всем ходе нашей работы, и съезд особенно остро будет чувствовать его отсутствие. Товарищи, я предлагаю почтить его память вставанием. *(Все встают.)*

Товарищи, нам приходится открывать работы нашего партийного съезда в очень сложный своеобразный момент русской и всемирной пролетарской революции. Если первое время после октября силы партии и силы Советской власти почти целиком были поглощены задачей непосредственной защиты, непосредственного отпора врагам, буржуазии и внешней и внутренней, которая не допускала мысли о сколько-нибудь длительном существовании социалистической республики,— то постепенно мы стали укрепляться, и на первое место начали выдвигаться задачи строительства, задачи организационные. Мне кажется, что нашему съезду придется целиком пройти под знаком этой работы строительства и работы организационной. И вопросы программы, которые в теоретическом отношении представляют громадную трудность, больше всего сводятся к этим вопросам строительства, и специально стоящие в порядке дня вопросы о Красной армии и в особенности о работе в деревне,—все это требует от нас напряжения и сосредоточения внимания на главном вопросе, представляющем наибольшие трудности, но и наиболее благодарную задачу для социалистов: на вопросе организационном. В особен-

ности надо подчеркнуть здесь, что одна из самых трудных задач коммунистического строительства в стране мелкого крестьянства теперь как раз должна стать перед нами: это—задача об отношении к среднему крестьянству.

Товарищи, естественно, что в первое время, когда мы должны были отстаивать право Советской Республики на жизнь, естественно, что в такое время этот вопрос в широких размерах не мог быть выдвинут на первый план. Беспощадная война с деревенской буржуазией и кулаками на первое место выдвигала задачи организации пролетариата и полупролетариата деревни. Но дальнейшим шагом для партии, которая хочет создать прочные основы для коммунистического общества, выдвигается задача—правильно разрешить вопрос о нашем отношении к среднему крестьянству. Эта задача более высокого порядка. Мы не могли ее поставить во всей широте, пока не были обеспечены основы существования Советской Республики. Эта задача более сложная. Она требует определения нашего отношения к многочисленному и сильному слою населения. Это отношение не может быть определено простым ответом: борьба или опора. Если по отношению к буржуазии задача наша формулируется словом „борьба, подавление“, если по отношению к пролетариям и полупролетариям деревни эта задача формулируется словом „опора“,—здесь наша задача, несомненно, более сложная. Тут лучшие представители социализма старого времени,—когда они еще верили в революцию и теоретически служили ей, — говорили о нейтрализации крестьянства, т.-е. о том, чтобы сделать из этого среднего крестьянина общественный слой, если не активно помогающий революции пролетариата, то по крайней мере не мешающий нашей работе. Эта отвлеченная, теоретическая постановка задачи для нас вполне ясна. Но она недостаточна. Мы вошли в такую стадию социалистического строительства, когда надо выработать конкретно, детально, на опыте работы в деревне, основные правила и указания, какими мы должны руководиться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянину стать на почву прочного союза, чтобы исключить возможность тех неоднократно случающихся уклонений и неправильностей, которые отторгали от нас среднего крестьянина, тогда как на самом деле мы могли бы рассчитывать на полное его доверие, как руководящая коммунистическая партия, впервые помогшая русскому крестьянству скинуть до конца помещиков и основать для него настоящую

демократию. Эта задача не того типа, которая требует беспощадного, быстрого подавления и наступления. Она несомненно более сложная. Но я позволю себе выразить уверенность, что после годовой предварительной работы нам удастся с этой задачей сладить.

Еще несколько слов о нашем международном положении. Товарищи, вы все конечно знаете, что основание Третьего Коммунистического Интернационала в Москве является актом крупнейшего значения в смысле определения нашего международного положения. Против нас до сих пор еще стоит во всеоружии громадная реальная военная сила всех сильнейших держав мира. И тем не менее мы с уверенностью говорим себе, что по внешности гигантская и с точки зрения физической несравненно более могучая, чем мы, что эта сила—уже не сила. В ней нет той прочести, какая была раньше. Поэтому наша задача и цель—выйти победителями в борьбе с гигантом—не утопична. Напротив, несмотря на то, что мы искусственно отрезаны от всего мира, не проходит дня без того, чтобы газеты не приносили известий о росте революционного движения во всех странах. Мало того, мы видим, что этот рост принимает советскую форму. А в этом залог того, что, осуществив Советскую власть, мы нащупали международную, всемирную форму диктатуры пролетариата. И мы полны твердой уверенности, что весь пролетариат всего мира стал на дорогу такой борьбы, на путь созидания таких форм своей пролетарской власти,—власти рабочих и трудящихся,—что никакая сила в свете не задержит хода всемирной коммунистической революции ко Всемирной Советской Республике.

## Отчет Центрального Комитета Р. К. Л.

(Заседание 18 марта 1919 г.).

Товарищи, позвольте мне начать с политического отчета Центрального Комитета. Представить отчет о политической деятельности Центрального Комитета со времени последнего съезда—это значит в сущности дать отчет о всей нашей революции. И, я думаю, все согласятся со мною, что выполнить такую задачу одному человеку не только не под силу в короткий срок, но и вообще одному с такой задачей не справиться. Я, поэтому, решил ограничиться такими пунктами, которые на

мой взгляд имеют особенно важное значение не только в истории того, что нашей партии пришлось сделать за этот период, но и с точки зрения настоящих задач. Отдаться целиком истории в такое время, какое мы переживаем, вспоминать о прошлом, не думая о настоящем и о будущем, для меня, признаюсь, было бы вещь непосильной.

Если начать с внешней политики, то само собой разумеется на первом месте стоят наши отношения к германскому империализму и Брестский мир. Мне кажется, говорить по этому вопросу стоит, ибо он представляет значение не только историческое. Мне кажется, то предложение, которое сделала Советская власть союзным державам, или вернее то согласие, которое наше правительство дало на известное всем предложение насчет конференции на Принцевых островах <sup>71)</sup>, — мне кажется, это предложение и наш ответ кое в чем, и в довольно существенном, воспроизводит отношение к империализму, установленное нами во время Брестского мира <sup>69)</sup>. Вот почему я думаю, что коснуться этой истории при теперешнем быстром темпе событий необходимо.

Когда решался вопрос о Брестском мире, строительство советское, не говоря уже о партийном, находилось еще в первой стадии. Вы знаете, что тогда было еще очень мало опыта у партии в целом для того, чтобы определить, хотя бы приблизительно, быстроту нашего движения по тому пути, на который мы стали. Неизбежно унаследованная от прошлого известная хаотичность делала тогда еще чрезвычайно трудным обозрение событий, точное ознакомление с тем, что происходит. А громадная оторванность от Западной Европы и всех остальных стран не давала нам никаких объективных материалов для суждения о возможной скорости или о формах нарастания пролетарской революции на западе. Из этого сложного положения вытекало то, что вопрос о Брестском мире вызвал немало разногласий в нашей партии.

Но события показали, что то вынужденное отступление перед германским империализмом, прикрывшимся чрезвычайно наильническим, вопиющим, грабительским миром, что это отступление с точки зрения отношения молодой социалистической республики ко всемирному империализму (к одной половине всемирного империализма) было единственно правильным. Тогда нам, только что свергшим помещиков и буржуазию в России, решительно не оставалось никакого другого выбора;

кроме как отступить перед силами всемирного империализма. Те, кто осуждали это отступление с точки зрения революционера, стояли в действительности на точке зрения в корне неправильной и немарксистской. Они забыли при каких условиях, после какого, долгого и трудного, развития эпохи Керенского, какой ценой громадной подготовительной работы в советах мы дошли до того, что после тяжелых июльских поражений, после корниловщины, вполне назрела наконец в октябре среди громадных масс трудящихся решимость для этого. Понятно, что ни о чем подобном в международном масштабе тогда не могло быть и речи. С этой точки зрения задача борьбы со всемирным империализмом стояла так: действовать и дальше в смысле разложения этого империализма, в смысле просвещения и объединения рабочего класса, всюду начинавшего волноваться, но до сих пор еще не приобретшего полной определенности в своих действиях.

Вот почему единственно правильной оказалась та политика, которую мы предприняли по отношению к Бресту, хотя, конечно, эта политика обострила тогда нашу вражду с целым рядом мелко-буржуазных элементов, которые далеко не при всех условиях и далеко не во всех странах являются, могут являться и должны являться противниками социализма. Тут история дала нам урок, который нужно хорошенько усвоить, ибо нет сомнения, что им придется пользоваться неоднократно. Этот урок состоит в том, что отношения партии пролетариата к мелко-буржуазной демократической партии, к тем элементам, слоям, группам, классам, которые в России особенно сильны и многочисленны и которые есть во всех странах,—что эти отношения представляют задачу чрезвычайно сложную и трудную. Мелко-буржуазные элементы колеблются между старым обществом и новым. Они не могут быть ни двигателями старого общества, ни двигателями нового. В то же время они являются приверженцами старого не в такой степени, как помещики и буржуазия. Патриотизм, это—такое чувство, которое связано с экономическими условиями жизни именно мелких собственников. Буржуазия более интернациональна, чем мелкие собственники. Нам пришлось с этим столкнуться в эпоху Брестского мира, когда Советская власть поставила всемирную диктатуру пролетариата и всемирную революцию выше всяких национальных жертв, как бы тяжелы они ни были. При этом столкновение с мелко-буржуазными элементами было самое резкое и беспощадное. Против нас

в это время сплотился вместе с буржуазией и помещиками целый ряд таких элементов, которые потом стали колебаться.

Поднятый здесь некоторыми товарищами вопрос об отношении к мелко-буржуазным партиям в значительной степени затронут нашей программой и в сущности будет затрагиваться при обсуждении каждого из пунктов порядка дня. Этот вопрос в ходе нашей революции потерял свою абстрактность, общность и становится конкретным. В эпоху Брестского мира задача наша, как интернационалистов, состояла в том, чтобы дать, во что бы то ни стало, возможность окрепнуть и сплотиться пролетарским элементам. Это и откололо тогда от нас мелко-буржуазные партии. Мы знаем, как после германской революции мелко-буржуазные элементы опять стали колебаться. Эти события открыли глаза многим, кто в эпоху назревающей пролетарской революции судил с точки зрения старого патриотизма, судил не только несоциалистически, но и вообще неверно. Теперь в связи с трудным продовольственным моментом, в связи с войной против союзных держав, мы опять переживаем волну колебаний мелко-буржуазной демократии. Нам приходилось учитывать эти колебания и раньше, но старые ситуации не повторяются в их прежнем виде. Новая ситуация более сложна. Она может быть правильно учтена и наша политика может быть правильной, если мы вооружимся опытом Брестского мира. Тогда мы ответили согласием на предложение конференции на Принцевых островах. Мы знали, что идем на мир чрезвычайно насильнического характера. Но с другой стороны мы теперь больше знаем и о том, как подымается в Западной Европе революционная пролетарская война, как брожение переходит там в сознательное недовольство, как оно ведет к организации всемирного советского пролетарского движения. Если тогда мы шли ощупью, если тогда мы гадали на основе наших теоретических убеждений, когда может разразиться революция в Европе,—то теперь у нас уже есть целый ряд фактов, показывающих, как назревает революция в других странах, как началось это движение. Вот почему по отношению к Западной Европе и к союзным державам нам приходится или придется повторить многое из того, что мы совершили во время Брестского мира. После Брестского опыта нам будет гораздо легче это сделать. Когда нашему Ц. К. пришлось обсуждать вопрос об участии в конференции на Принцевых островах вместе с белыми,—что в сущности сводилось к аннексии всего, что белыми занято.—

этот вопрос о перемирии не вызвал ни одного негодующего голоса в среде пролетариата, и так же отнеслась к этому и партия. По крайней мере мне не пришлось слышать о недовольстве или негодовании ниоткуда. Это произошло потому, что наш урок международной политики дал свои результаты.

Что касается мелко-буржуазных элементов, то здесь задача партии еще не разрешена окончательно. В целом ряде вопросов, в сущности во всех без исключения вопросах, стоящих в порядке дня, мы за истекший год создали фундамент для правильного решения этой задачи, особенно по отношению к среднему крестьянину. Теоретически мы сошлись на том, что средний крестьянин не наш враг, что он требует особого отношения, что здесь дело будет меняться в зависимости от многочисленных привходящих моментов революции, в частности в связи с решением вопроса: за патриотизм или против патриотизма? Для нас это—вопросы второстепенные или даже третьестепенные, но мелкую буржуазию они ослепляют абсолютно. С другой стороны все эти элементы колеблются в борьбе и делаются совершенно бесхарактерными. Они не знают, чего они хотят, и неспособны отстаивать свое положение. Тут от нас требуется тактика чрезвычайно гибкая, чрезвычайно осторожная, ибо приходится иногда давать одной рукой и брать другой. Вина в этом падает не на нас, а на те мелко-буржуазные элементы, которые не могут собрать свои силы. Мы это видим теперь на практике, и еще сегодня нам пришлось читать в газетах, к чему стали стремиться немецкие независимые, имеющие такие крупные силы, как Каутский и Гильфердинг<sup>45</sup>). Вы знаете, что они хотели включить систему Советов в конституцию Германской демократической республики, т.-е. сочетать законным браком „учредилку“ и диктатуру пролетариата. Для нас это—такое издевательство над здравым смыслом нашей революции, немецкой революции, назревающей всемирной революции, что мы можем только развести руками. Иногда элементы образованные и развитые, в такой капиталистически передовой стране как Германия, выступают во сто раз более сумбурно и крикливо, чем наша отсталая мелкая буржуазия. Отсюда урок для России по отношению к мелко-буржуазным партиям и к среднему крестьянству. Наша задача долгое время будет задачей сложной и двойственной. Эти партии долгое время будут неминуемо делать шаг вперед, два назад, потому что они осуждены на это своим экономическим положением, потому что они пойдут

за социализмом вовсе не в силу абсолютного убеждения в негодности буржуазного строя. Преданности социализму—этого с них и спрашивать нечего. Рассчитывать на их социализм—смешно. Они пойдут к социализму лишь тогда, когда убедятся, что другого пути нет, когда буржуазия будет разбита и подавлена окончательно.

Я не имею возможности систематически подвести итог опыту истекшего года, я оглядывался на прошлое только с той точки зрения, что понадобится завтра или послезавтра для нашей политики. Главный урок—быть чрезвычайно осторожным в нашем отношении к среднему крестьянству и к мелкой буржуазии. Этого требует опыт прошлого, это пережито на примере Бреста. От нас потребуются частая перемена линии поведения, что для поверхностного наблюдателя может показаться странным и непонятным. „Вчера вы давали обещания мелкой буржуазии,—скажет он,—а сегодня Дзержинский <sup>72)</sup> объявляет, что левые эс-эры и меньшевики будут поставлены к стенке. Какое противоречие!..“ Да, противоречие. Но что же делать, если противоречиво поведение самой мелко-буржуазной демократии, которая не знает, где ей сесть, пробует усесться между двух стульев, перескакивает с одного на другой и падает то направо, то налево. Мы переменили по отношению к ней свою тактику, и всякий раз, когда она поворачивается к нам, мы будем говорить: „Милости просим!“. Мы нисколько не хотим экспроприировать среднего крестьянства, мы вовсе не желаем употреблять насилие по отношению к мелко-буржуазной демократии. Мы ей говорим: „Вы не серьезный враг. Наш враг—буржуазия. Но если вы выступаете вместе с ней, тогда мы принуждены применять и к вам меры пролетарской диктатуры“.

Я перейду теперь к вопросу внутреннего строительства, вкратце остановлюсь на главном, что характеризует политический опыт, итог политической деятельности Ц. К. за это время. Политическая деятельность Ц. К. проявлялась в вопросах громадной важности в течение каждого дня. Не будь усиленной дружной работы, о которой я говорил, мы не могли бы действовать, как действовали, не могли бы решать боевых задач. По вопросу о Красной армии, который теперь вызывает такие дебаты и которому посвящен особый пункт порядка дня на съезде,—мы приняли массу отдельных мелких решений, которые выдвигал Центральный Комитет нашей партии, проводя их через Совет

Народных Комиссаров и через В. Ц. И. К. Еще больше провели мы отдельных, но важнейших назначений, которые делали Народные Комиссары каждый от себя, но которые все систематически, последовательно проводили одну общую линию.

Вопрос о строении Красной армии был совершенно новый, он совершенно не ставился даже теоретически. Когда-то Маркс говорил, что заслуга парижских коммунаров в том, что они проводили в жизнь решения, не заимствованные ими из каких-нибудь предвзятых доктрин, а предписанные фактической необходимостью. Эти слова Маркса по отношению к коммунарам носили характер известной ядовитости, потому что в Коммуне преобладало два течения—бланкистов и прудонистов—и обоим течениям приходилось поступать вопреки тому, чему учила их доктрина. Но мы поступали согласно тому, чему учил нас марксизм. В то же время политическая деятельность Центрального Комитета в конкретных проявлениях всецело определялась абсолютными требованиями неотложной насущной потребности. Мы должны были сплошь и рядом идти ошупью. Этот факт сугубо подчеркнет всякий историк, который способен будет развернуть в целом всю деятельность Центрального Комитета партии и деятельность Советской власти за этот год. Этот факт более всего бросается в глаза, когда мы пытаемся охватить одним взглядом пережитое. Но это нисколько не поколебало нас даже 10 октября 1917 года, когда решался вопрос о взятии власти<sup>73</sup>). Мы не сомневались, что нам придется, по выражению тов. Троцкого, экспериментировать—делать опыт. Мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался.

То же самое и с Красной армией. Когда после окончания войны, армия стала разлагаться, многие думали, что это только русское явление. Но мы видим, что русская революция была в сущности генеральной репетицией или одной из репетиций всемирной пролетарской революции. В то время, как мы обсуждали Брестский мир, в то время, как в начале января 1918 г. ставили вопрос о мире, мы не знали еще, когда и в каких других странах начнется это разложение армии. Мы шли от опыта к опыту, мы пробовали создать добровольческую армию, нащупывая, каким путем при данной обстановке может быть решена задача. А задача стояла ясно. Без вооруженной защиты социалистической республики мы существовать не могли. Господствующий класс никогда не отдаст своей власти классу угнетенному. Но

последний должен доказать еще на деле, что он не только способен свергнуть эксплуататоров, но и организовать для самозащиты, поставить на карту все. Всегда мы говорили: „Есть война и война“. Мы осуждали империалистическую войну, но не отрицали войну вообще. Запутались те люди, которые пытались нас обвинять в милитаризме. И когда мне приходилось читать отчет о Бернской конференции желтых, когда Каутский употребил выражение, что у большевиков не социализм, а милитаризм, я усмехнулся и развел руками.

Точно была в самом деле в истории хоть одна крупная революция, которая не была связана с войной. Конечно, нет! Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской Республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что пролетариат, как господствующий класс, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это также своей военной организацией. Как создать своих командиров классу, который до сих пор играл роль серой скотины для командиров господствующего империалистического класса? Как решить задачу сочетания энтузиазма, нового революционного творчества с использованием того запаса и склада буржуазной науки и техники милитаризма в самых худших их формах, без которых он не сможет овладеть современной техникой и современным способом ведения войны?

Здесь встала задача, которая у нас на протяжении годовичного опыта обобщилась. Когда мы в революционной программе нашей партии писали по вопросу о специалистах, мы подытоживали практический опыт нашей партии по одному из самых крупных вопросов. Я не помню, чтобы прежние учителя социализма, которые очень много предвидели в грядущей социалистической революции и очень многое наметили в ней,—я не помню, чтобы они высказывались по этому вопросу. Он для них не существовал. Он встал только тогда, когда мы взялись за строительство Красной армии. Это значило: построить из угнетенного класса, который превращен был в серую скотину,—армию, полную энтузиазма, и заставить эту армию использовать самое насильническое, самое отвратительное из того, что осталось нам в наследство от капитализма...

Это противоречие, стоящее перед нами в вопросе о Красной армии, стоит и во всех областях нашего строительства. Возьмите вопрос, которым больше всего занимались: переход от рабочего контроля к рабочему управлению промышленности. Сотни декретов, тысячи постановлений Совета Народных Комиссаров и практических мер органов Советской власти—все они творили наш политический опыт в этой области. Центральному Комитету в сущности приходилось только подытоживать. Он едва ли мог в таком вопросе руководить в подлинном значении этого слова. Достаточно припомнить, насколько беспомощны, стихийны и случайны были первые шаги, декреты и постановления о рабочем контроле над промышленностью. Нам казалось, что это легче всего. На практике это привело к тому, что была доказана необходимость строить, но мы совершенно не ответили на вопрос, как строить. Каждая национализированная фабрика, каждая область национализированной промышленности, транспорт, в особенности железнодорожный транспорт,—самое крупное выражение капиталистического механизма, наиболее централизованно построенное на основе крупной материальной техники и наиболее необходимое для государства,—все это воплощало в себе сконцентрированный опыт капитализма и причиняло нам неизмеримые трудности.

Из этих трудностей мы далеко еще не вылезли и в настоящее время. В начале мы смотрели на них совершенно абстрактно, как революционеры, которые проповедывали, но совершенно не знали, как взяться за дело. Конечно, масса людей обвиняла нас, и до сих пор все социалисты и социал-демократы обвиняют за то, что мы взяли за это дело, не зная, как довести его до конца. Но это смешное обвинение людей мертвых. Кто когда-либо мог делать величайшую революцию, зная заранее, как ее делать до конца? Откуда можно взять такое знание? Оно не почерпается из книг. Таких книг нет. Только из опыта масс могло родиться наше решение. И я считаю, что заслугой нашей было то, что мы с невероятными трудностями взяли за решение вопроса, который до сих пор на половину был нам неизвестен, что мы привлекли пролетарские массы к самостоятельной работе, что мы пришли к национализации промышленных предприятий и т. д. Мы помним, как в Смольном <sup>74)</sup> мы проводили за раз по 10 и 12 декретов. То было проявление нашей решимости и желания пробудить опыт и самостоятельность пролетарских масс.

Теперь этот опыт у нас есть. Теперь мы от рабочего контроля перешли или подошли вплотную к рабочему управлению промышленностью. Теперь вместо абсолютной беспомощности у нас есть целый ряд указаний опыта, и поскольку это было возможно, мы подытожили его в нашей программе. Этого придется подробно касаться в вопросе организационном. Мы не могли бы исполнить этой работы, если бы нам не помогли и не работали с нами товарищи в профессиональных союзах.

В Западной Европе вопрос стоит иначе. Товарищи видят там зло в профессиональных союзах, так как там этими союзами настолько овладели желтые представители старого социализма, что в их поддержке коммунисты видят мало толку. Многие представители западных коммунистов, даже Роза Люксембург, провозглашают ликвидацию профессиональных союзов<sup>75</sup>). Это показывает, насколько труднее наша задача в Западной Европе. У нас же мы не могли бы продержаться без поддержки этих союзов ни одного месяца. В этом отношении у нас есть опыт громадной практической работы, который позволяет приступить к решению труднейших вопросов.

Возьмем вопрос о специалистах, который на каждом шагу встает у нас, который ставится при каждом назначении, который приходится ставить и представителям народного хозяйства и Центральному Комитету партии. В теперешней обстановке Центральный Комитет партии не может работать так, чтобы соблюдать форму. Если бы не было возможности выделять товарищей, которые в своей отрасли работают самостоятельно, то нам совсем нельзя было бы работать. Только благодаря тому, что у нас были такие организаторы, как Я. М. Свердлов, мы могли в обстановке войны работать так, что у нас не было ни одного конфликта, который заслуживал бы внимания. И в этой работе мы неизбежно должны были использовать помощь тех людей, которые предлагали нам свои услуги, облеченные знанием, полученным от старых времен.

В частности возьмем вопрос об управлении промышленностью. Здесь без деятельности крупных организаторов-специалистов нельзя решать вопрос. В частности у нас были разногласия по этому поводу, но в основе сомнений быть не могло.

Мы прибегали к помощи буржуазных специалистов, которые насквозь проникнуты буржуазной психологией и которые нас предавали и будут предавать еще годы. Тем не менее, если ста-

звить вопрос так, чтобы мы руками чистых коммунистов, а не с помощью буржуазных специалистов могли построить коммунизм, то эта мысль ребяческая. У нас есть закаленность в борьбе, есть силы, единство, и мы должны идти путем организационной работы, используя знания и опыт специалистов. Это необходимое условие, без которого социализма построить нельзя. Без наследия капиталистической культуры, нам не построить социализма. Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм

Нам нужно строить сейчас практически, и приходится руками наших врагов создавать коммунистическое общество. Это кажется противоречием, быть может, даже неразрешимым противоречием, но на самом деле только этим путем может быть разрешена задача коммунистического строительства. И когда мы глядим на наш опыт, на ежедневное столкновение с этим вопросом, когда мы видим практическую работу Ц. К., то мне кажется, что в основном наша партия эту задачу разрешила. Это представляло громадные трудности, но только так задача и могла быть решена. Организационная творческая дружная работа должна сжать буржуазных специалистов так, чтобы они шли в шеренгах пролетариата, как бы они ни сопротивлялись и ни боролись на каждом шагу. Мы должны поставить их на работу, как техническую культурную силу, чтобы сохранить их и сделать из некультурной и дикой капиталистической страны—культурную коммунистическую страну. И я думаю, что за этот год мы научились строить, мы стали на верный путь и с этого пути не собьемся.

Я хотел бы еще вкратце коснуться вопроса продовольственного и вопроса о деревне. Продовольственный вопрос был у нас всегда самым трудным вопросом. В стране, где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства, где пролетариату выпала роль агента мелко-буржуазной революции,—наша революция до организации комитетов бедноты, т.-е. до лета и даже осени 1918 года, была в значительной мере революцией буржуазной. Мы это сказать не боимся. Мы так легко проделали Октябрьскую революцию потому, что крестьянство в целом шло с нами, потому, что оно шло против помещиков, видело, что здесь мы пойдем до конца. Мы осуществляли в виде законов то, что было напечатано в эс-эровских газетах, то, что трусливая мелкая буржуазия обе-

щала, но сделать не могла. Но когда стали организовываться комитеты бедноты,—с этого момента наша революция начала переходить в революцию пролетарскую. Перед нами встала задача, которую мы далеко еще не решили. Но чрезвычайно важно то, что мы ее практически поставили. Комитеты бедноты были переходной ступенью. Первый декрет об организации комитетов бедноты Советской властью был проведен по инициативе товарища Цюрупы <sup>76)</sup> который стоял во главе продовольствия. Нужно было спасти от гибели неземледельческое население, которое терзалось муками голода. Это возможно было сделать только при посредстве комитетов бедноты, как пролетарских организаций. И, когда мы увидели, что в деревне, летом 1918 года, началась и произошла Октябрьская революция, только тогда мы стали на свой настоящий пролетарский базис, только тогда наша революция не по прокламациям, не по обещаниям и заявлениям, а на деле стала пролетарской.

Мы сейчас еще не решили задачи, которая стоит перед нашей партией, задачи создания форм организации пролетариата и полупролетариата деревни. Недавно мне пришлось быть в Петрограде и присутствовать на одном из первых съездов сельско-хозяйственных рабочих Петроградской губернии. Я увидел, как мы еще ошупью подходим к этому делу. Но я думаю, что оно несомненно будет подвинуто вперед. Я должен сказать, что главный опыт, который нам дало политическое руководство за этот год, состоит в том, чтобы здесь найти организационную опору. Мы к этому сделали шаг, образовав комитеты бедноты, переизбрав советы, перестроив продовольственную политику, где встречались трудности невероятные. Может быть, на тех окраинах России, которые сейчас становятся советскими,—Украина, Дон,—придется эту политику видоизменять. Было бы ошибкой, если бы товарищи просто по шаблону списывали декреты для всех мест России, если бы большевики-коммунисты, советские работники на Украине и на Дону, стали бы без разбора, огулом распространять их на другие области. Придется пережить не мало своеобразности, мы ни в коем случае не связываем себя единообразным шаблоном, не решаем раз-на-всегда, что наш опыт, опыт Центральной России, можно перенести целиком в опыт всех окраин. Мы только что подошли к задаче настоящего строительства, мы только еще делаем первые шаги в этом отношении,—перед нами открывается необъятное поле работы <sup>77)</sup>.

Я указывал, что первым решающим шагом советской власти было образование комитетов бедноты. Это было проведено продовольственниками и вызвано необходимостью. Но для того, чтобы наши задачи довести до конца, нужны не такие временные организации, как комитеты бедноты. У нас рядом с советами существуют профессиональные организации, которые мы используем, как школу воспитания отсталых масс. Слой рабочих, которые управляли фактически Россией в этот год и проводили всю политику, которые составляли нашу силу,—этот слой в России неимоверно тонок. Мы в этом убедились, мы это чувствовали на себе. Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы управляли эти 18 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе всю эту работу, несли на себе неимоверную тяжесть управления страной,—никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил. Количество это ничтожно потому, что интеллигентные, образованные, способные политические руководители в России были в небольшом количестве. Этот слой в России был тонок и за истекшую борьбу надорвался, переработался, сделал больше, чем мог. Я думаю, что в настоящем съезде мы будем изыскивать практические средства, как нам в промышленности и в деревне использовать новые силы в массовом масштабе, как перетянуть на советскую работу рабочих и крестьян, стоящих на уровне середняка или даже ниже этого уровня. Без их помощи в массовом масштабе дальнейшая деятельность, по нашему мнению, невозможна.

Так как мое время почти истекло, я скажу еще только несколько слов о нашем отношении к среднему крестьянству. Принципиально это отношение было ясно для нас и перед началом революции. Задача нейтрализации крестьянства была поставлена нами. На одном московском собрании<sup>78)</sup>, где приходилось ставить вопрос об отношении к мелко-буржуазным партиям, я привел точные слова Энгельса, который не только указывал, что среднее крестьянство является нашим союзником, но выражал даже уверенность, что, быть может, удастся обойтись без репрессий, без мер подавления, и по отношению к крупному крестьянству. В России это предположение не оправдалось. Мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно. Мы видели это на практике. Но сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса,

удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрелись чрезвычайно. Собранный в этом отношении опыт поможет нам сделать все для того, чтобы избежать этого в дальнейшем. Вот задача, которая стоит перед нами не теоретически, а практически. Вы прекрасно знаете, что эта задача трудная. У нас нет таких благ, которые мы могли бы дать среднему крестьянству, а он — материалист, практик и требует конкретных материальных благ, которых мы сейчас дать не можем и без которых страна должна обходиться, быть может, еще месяцы тяжелой борьбы, обещающей теперь полную победу. Но мы можем многое сделать в нашей административной практике: улучшить наш аппарат, исправить массу злоупотреблений. Мы можем и должны выравнять и выправить линию нашей партии, которая недостаточно шла на союз, на соглашение со средним крестьянством.

Вот в кратких чертах то, что я имел возможность сейчас отметить вам относительно экономической и политической работы Ц. К. за истекший год. Я должен теперь перейти самым кратким образом ко второй части порученной мне Центральным Комитетом задачи, к организационному отчету Ц. К. Эту задачу мог выполнить как следует только Я. М. Свердлов, который назначен был докладчиком Ц. К. по этому вопросу. Обладая громадной невероятной памятью, он в ней держал большую часть своего отчета, и личное знакомство с организационной работой на местах давало ему возможность сделать этот отчет. Я не в состоянии даже на сотую долю заменить его, потому что в этой работе мы были вынуждены всецело полагаться и имели полное основание полагаться на товарища Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения.

Я могу дать здесь небольшие отрывки из готовых письменных отчетов. Но секретариат Ц. К., который не имел возможности закончить своей работы, самым определенным образом обещал, что на ближайшей неделе отчеты будут готовы к печати, размножены на ротаторе и предоставлены в распоряжение всех членов съезда. Они пополнят беглые отрывочные указания, которые я могу здесь дать. том матер нале отчета, который имеется сейчас в письменной форме, мы прежде всего находим сведения о входящих бумагах: за декабрь 1918 года 1.483, за январь 1919 года 1.537 и за февраль 1.840. Есть процентное распределение этих бумаг, но я позволю себе не читать этого.

Интересующиеся товарищи увидят из отчета, который будет розд н, что например за ноябрь месяц мы имеем 490 посещений секретариата. И здесь товарищи, передавшие мне этот отчет, говорят, что он едва ли может охватывать половину того, что секретариат ведал. Десятки делегатов каждый день принимались товарищем Свердловым, и из них большая половина была, вероятно, не советских, а партийных работников.

Я должен обратить внимание на отчет о деятельности федерации иностранных групп. Эта область работы знакома мне, поскольку я имел возможность бегло обозреть иностранные группы. Их было в начале 7, теперь 9. Товарищи, живущие в чисто великорусских местностях, не имевшие возможности непосредственно ознакомиться с этими группами и не выдавшие отчетов в газетах, благоволят просмотреть выборки из газет, которые я позволю себе не читать полностью. Я должен сказать, что здесь замечается настоящая основа того, что сделано нами для Третьего Интернационала. III Интернационал был основан в Москве на кратком съезде, подробный отчет о котором даст тов. Зиновьев, равно как он доложит вам и о том что предлагается Ц. К. по всем вопросам, касающимся Интернационала. Если в короткий срок мы могли так много сделать на съезде коммунистов в Москве, то это благодаря тому, что была выполнена гигантская подготовительная работа Ц. К-ом нашей партии и его организатором тов. Свердловым. Велась пропаганда и агитация среди находящихся в России иностранцев и был организован целый ряд иностранных групп. Целые десятки членов этих групп были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики в смысле руководящих линий. Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком. И если там господствуют группы или партии с нами солидарные, то это благодаря той, по внешности не видной и в организационном отчете суммарной и краткой, работе иностранных групп в России, которая составляла одну из важнейших страниц в деятельности рабочей коммунистической партии, как одной из ячеек всемирной коммунистической партии.

Дальше в материалах, которые переданы мне, имеются данные о том, как и от каких организаций поступали сведения в Ц. К. Здесь наша российская неорганизованность выступает

во всем посрамляющем нас убожестве. Регулярные сведения поступали от организаций 4-х губерний, нерегулярные сведения поступали из 14-ти губерний, случайные сведения поступали из 16-ти губерний. Названия этих губерний имеются в списке, вы мне позволите их не читать. Конечно, многое в этой крайней нашей неорганизованности, крайнем недостатке организованности, объясняется условиями гражданской войны, но далеко не все. Покрываться, защищаться и отговариваться этим меньше всего следовало бы. Организационная деятельность никогда не составляла сильной стороны русских вообще и большевиков в частности, а между тем главная задача пролетарской революции это—именно организаторская задача. Здесь организационный вопрос недаром поставлен на одно из выдающихся мест. Здесь надо решительно и твердо, и еще раз решительно и еще раз твердо, бороться всеми мерами. Без длительного воспитания и перевоспитания мы здесь ничего не сделаем. Тут та область, где революционное насилие, диктатура употребляется для того, чтобы злоупотреблять, и от этого злоупотребления я бы осмелился вас предостеречь. Прекрасная вещь революционное насилие и диктатура, если они применяются, когда следует и против кого следует. Но в области организации их применять нельзя. Этой задачи воспитания, перевоспитания и длительной организационной работы мы совершенно не решились. К этому мы должны систематически приступить.

Подробный финансовый отчет имеется здесь. Из отдельных статей, крупнейшая—по рабочему книгоиздательству и на газеты 1 миллион, 1 миллион и еще 1 миллион—три миллиона. Партийным организациям 2.800.000, редакционные расходы 3.600.000. Более детальные цифры имеются в этом отчете, который будет воспроизведен и роздан всем делегатам. Пока товарищи могут ознакомиться через представителей от групп. Позвольте этих цифр не читать. Товарищи, представившие отчет, дали здесь главное и самое наглядное, именно: общие итоги пропагандистской работы в смысле издательства. Издательство „Коммунист“<sup>79)</sup> выпустило 62 издания.. Газета „Правда“ дала за 1918 г. 2 миллиона чистой прибыли, выпустила 25.000.000 экземпляров. Газета „Беднота“ дала чистой прибыли 2.370.000 и выпустила 33.000.000 экземпляров. Товарищи из Организационного Бюро Ц. К. обещали переработать имеющиеся у них подробные цифры еще таким образом, чтобы можно было сравнить хотя бы два

исходных пункта. Тогда всякому будет видна та гигантская просветительная работа партии, которая первый раз в истории использует современную крупно-капиталистическую технику не для буржуазии, а для рабочих и крестьян. Тысячи и миллионы раз обвиняли и обвиняют нас за нарушение свободы печати, за отказ от демократии. Демократией обвинители называют то, чтобы пресса была куплена капиталом, чтобы богатые люди могли пользоваться печатью в своих целях. Мы это называем не демократией, а плутократией. Все то, что буржуазная культура создала, чтобы обманывать народ и защищать капиталистов, мы отняли у них для того, чтобы удовлетворять политические запросы рабочих и крестьян. И мы в этом отношении сделали столько, сколько ни одной социалистической партии не удавалось сделать за четверть века или полвека. Но все же мы сделали неизмеримо мало по сравнению с тем, что следует сделать.

Последний материал, переданный мне Бюро,—циркулярные письма. Их 14, и товарищи, которые не знакомы или мало знакомы с ними, приглашаются ознакомиться. Конечно, в этом отношении деятельность Ц. К. была далеко не полна. Но нужно принять во внимание те условия, в которых мы работали. Ежедневно приходилось давать политические директивы по ряду вопросов и лишь в исключительных, даже редких случаях делать это через политическое бюро или пленум Ц. К. При таких условиях предполагать, чтобы мы часто могли обращаться к политическим циркулярам, невозможно.

Я повторяю, что мы, как боевой орган боевой партии в эпоху гражданской войны, иначе работать и не можем. В противном случае это будут либо полуслова, либо парламент, а парламентом в эпоху диктатуры нельзя ни решать вопросы, ни направлять партию или советские организации. В эпоху, когда мы пользуемся аппаратом буржуазных типографий и прессы, значение циркулярных писем Ц. К. ослабело.

На этом, товарищи, я заканчиваю свой доклад.

## Партийная программа <sup>81)</sup>

(Заседание 19 марта 1919 г.)

Товарищи, согласно разделению тем, о котором мы условились с тов. Бухариным, на меня возложено выяснение точки

зрения комиссии по целому ряду конкретных и наиболее спорных или наиболее интересующих в настоящее время партию пунктов.

Я начну вкратце с тех пунктов, которые в конце своего доклада затронул Бухарин, как пунктов спорных между нами, внутри комиссии. Первый—это характер построения общей части программы. Бухарин по-моему не совсем верно изложил здесь то, почему большинство комиссии отвергло все попытки построить программу с вычеркиванием всего того, что говорилось о старом капитализме. Бухарин говорил таким образом, что у него иногда выходило, будто бы большинство комиссии боялось того, что про это скажут, боялось, что большинство комиссии будет обвинено в недостаточном почтении к старому. Нет сомнения, что при таком изложении позиции большинства комиссии, она представляется весьма смешной. Но это далеко от истины. Большинство комиссии отвергло такие попытки, потому что они были бы неверны. Они не соответствовали бы действительному положению дела. Чистый империализм, без основной базы капитализма, никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет. Это есть неверное обобщение всего того, что говорилось о синдикатах, картелях, трестах, финансовом капитализме, когда изображали финансовый капитализм так, как будто никаких основ старого капитализма под ним нет.

Это неверно. Особенно это будет неверно для эпохи империалистской войны и для эпохи после империалистской войны. Еще Энгельс писал в одном своем рассуждении о грядущей войне, что это будет гораздо более свирепое опустошение, чем после 30-летней войны <sup>82)</sup>, что человечество в значительной степени придет к одичанию, что наш искусственный аппарат торговли и промышленности потерпит крах. В начале войны социал-предатели оппортунисты хвастались по поводу живучести капитализма и высмеивали „фанатиков или полуанархистов“, как они нас называли. Эти предсказания не исполнились. События показали, что это было верно лишь по отношению к весьма небольшой части стран и на весьма небольшой период времени. А теперь не только в России и не только в Германии, но и в странах победительницах начинается именно такое гигантское разрушение современного капитализма, которое сплошь и рядом снимает этот искусственный аппарат и возрождает старый капитализм.

Когда тов. Бухарин говорил о том, что можно попытаться дать цельную картину разрушения капитализма и империализма, мы возражали в комиссии, и я должен возразить здесь: попробуйте и вы увидите, что не удастся. Тов. Бухарин сделал одну такую попытку там, в комиссии, и сам от нее отказался. Я совершенно уверен, что если бы кто-нибудь мог это сделать, то больше всего тов. Бухарин, который очень много и очень обстоятельно этим вопросом занимался. Я утверждаю, что такая попытка удачной быть не может, потому что задача неверна. Мы в России сейчас переживаем последствия империалистской войны и начало диктатуры пролетариата. В то же время в целом ряде областей России, которые были более отрезаны друг от друга, чем прежде, мы переживаем возрождение капитализма и развитие его первой стадии. Из этого не выскочить. Если написать программу так, как хотел тов. Бухарин,—эта программа будет неверна. Она будет пожалуй воспроизводить лучшее, что сказано о финансовом капитализме и империализме, но не воспроизведет действительности, потому что в этой действительности как раз такой цельности нет. Программа, составленная из разнородных частей—это, конечно, неизящно. Но с этим ничего не поделаешь. Из этой разнокалиберности, из этого построения из разного материала, как это ни неприятно, мы не выскочим в течение очень долгого периода. Когда выскочим, тогда создадим другую программу. Но тогда мы будем жить уже в социалистическом обществе. Претендовать на то, что там будет так же, как теперь, было бы смешно.

Мы живем в такое время, когда целый ряд элементарнейших основных явлений капитализма воскрешен. Взять хотя бы крах транспорта, который мы так хорошо или, вернее, так плохо на себе испытываем. Это ведь есть и в других странах, даже в странах победительницах. А что значит крах транспорта в империалистской системе? Возвращение к самым первоначальным формам товарного производства. Мы знаем хорошо, что такое мешечники. Это слово до сих пор иностранцам было непонятно. А теперь приехавшие на съезд III Интернационала товарищи рассказывают, что начинают зарождаться подобные слова и в Германии и даже в Швейцарии. Эту категорию вы не подведете ни под какую диктатуру пролетариата, а должны будете вернуться к низам капиталистического общества и товарного производства.

Выскочить из этой печальной действительности посредством создания гладкой и цельной программы, значит выскочить в нечто безвоздушное и заоблачное, написать программу неверную. И вовсе не почтение к старому, как вежливо намекал Бухарин, заставляло нас вставлять здесь места из старой программы. Выходило так: писалась программа в 1903 г. при участии Ленина, несомненно программа плохая, но так как старые люди больше всего любят вспоминать прошлое, то из почтения к старому составили в новую эпоху новую программу, в которой повторяют старье. Если бы это было так, то таких чудачков можно было бы осмеять. Я утверждаю, что это не так. Тот капитализм, который был обрисован в 1903 г., продолжает оставаться и в 1919 г. в Советской пролетарской республике, как раз благодаря разложению империализма, как раз в силу его краха. Такой капитализм можно найти, напр., и в губернии Самарской и в губернии Вятской, не слишком далеких от Москвы. В эпоху, когда гражданская война разрывает страну на части, из этого положения, из этого мешечничества мы выйдем не скоро. Вот почему иное построение программы было бы неверно. Надо сказать то, что есть: программа должна заключать абсолютно непререкаемое, фактически установленное. Только тогда она—программа марксистская.

Тов. Бухарин теоретически это вполне понимает и говорит, что программа должна быть конкретна. Но одно дело понимать, а другое дело фактически проводить. Конкретность Бухарина—это книжное изложение финансового капитализма. В действительности мы наблюдаем разнородные явления. В каждой земледельческой губернии мы наблюдаем наряду с монополизированной промышленностью свободную конкуренцию. Никогда в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать. Описать такую систему это значит написать систему, оторванную от жизни и неверную. Если Маркс говорил о мануфактуре, что она явилась надстройкой над массовым мелким производством, то империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом. Если разрушить его верхушку, обнаружится старый капитализм. Стоять на той точке зрения, что будто бы есть цельный империализм без старого капитализма—это значит принять желаемое за действительность.

Это—естественная ошибка, в которую впадают очень легко.

Если бы перед нами был цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, наша задача была бы во сто тысяч раз легче. Это давало бы такую систему, когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу. Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности. Развитие в действительности таково, что приходится поступать совершенно иначе. Империализм есть надстройка над капитализмом. Когда он разрушается, приходится иметь дело с разрушением верхушки и обнажением основания. Вот почему наша программа, если она хочет быть верной, должна сказать то, что есть. Есть старый капитализм, который в целом ряде областей дорос до империализма. Его тенденции—только империалистические. Коренные вопросы можно рассматривать только с точки зрения империализма. Нет ни одного крупного вопроса внутренней или внешней политики, который мог бы быть решен иначе, как с точки зрения этой тенденции. Программа не об этом сейчас говорит. В действительности существует громадная подпочва старого капитализма. Есть надстройка империализма, которая привела к войне, и из этой войны вытекло начало диктатуры пролетариата. Из этой фазы вы не выскочите. Этот факт характеризует самый темп развития пролетарской революции во всем мире, и останется фактом на много лет.

Западно-европейские революции, может быть, пройдут более гладко, но все же для реорганизации всего мира, для реорганизации большинства стран потребуется много и много лет. А это означает, что в тот переходный период, который мы переживаем, мы из этой мозаичной действительности не выскочим. Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, как бы она неизящна ни была. Неверна будет программа, составленная иначе, чем она составлена.

Мы говорим, что пришли к диктатуре. Но надо же знать, как пришли. Прошлое нас держит, хватает тысячами рук и не дает шага вперед ступить или заставляет делать эти шаги так плохо, как мы делаем. Чтобы понять, в какое положение мы попадаем, надо сказать, как мы шли, что нас подвело к самой социалистической революции. Нас подвел капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах. Надо все это понимать, потому что, только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к сред-

нему крестьянству. На самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чисто-империалистического капитализма? Ведь даже в странах просто капиталистических его не было. Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата, мы много набьем себе шишек. Если же нам менять свое отношение к среднему крестьянству, — тогда и в теоретической части потрудитесь сказать, откуда он взялся, что он такое. Он есть мелкий товаропроизводитель. Вот та азбука капитализма, которую сказать нужно, потому что мы из этой азбуки все еще не вылезли. От этого отмахнуться и сказать: „зачем нам заниматься азбукой, когда мы финансовый капитализм изучаем!“ — Это в высшей степени несерьезно.

То же самое я должен сказать по отношению к национальному вопросу. Здесь также Бухарин принимает желаемое за действительность. Он говорит, что признавать право наций на самоопределение нельзя. Нация — значит: буржуазия вместе с пролетариатом. Мы, пролетарии, будем признавать право на самоопределение какой-то презренной буржуазии! Это ни с чем не сообразно. Нет, извините, это сообразно с тем, что есть. Если вы это выкините, у вас получится фантазия. Вы ссылаетесь на процесс дифференциации, происходящий в недрах нации, на процесс отделения пролетариата от буржуазии. Но посмотрим еще, как пойдет эта дифференциация.

Возьмите, например, Германию, образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки. Она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм — Германия была выше Америки. Казалось бы, это — образец. А что происходит там? Дифференцировался германский пролетариат от буржуазии? Нет! Ведь только о нескольких крупных городах сообщалось, что большинство рабочих против шейдемановцев. Но как это получилось? Путем союза спартаковцев с немецкими трижды проклятыми меньшевиками независимцами, которые путают все, и хотят поженить систему

советов с „учредилкой“! Вот что происходит в этой самой Германии. А ведь это—передовая страна.

Бухарин говорит: „зачем нам право наций на самоопределение?“. Я должен повторить то, что возражал ему, когда он в 1917 году летом предлагал откинуть программу-минимум и оставить только программу-максимум. Я тогда ответил: „не хвались, едучи на рать, а хвались едучи с рати“. Когда мы завоеваем власть, да немного подождем, тогда мы это сделаем. Мы власть завоевали, немножечко подождали, теперь я согласен сделать. Мы вошли в социалистическое строительство, отбились от первого натиска, который грозил нам. Теперь это будет уместно. То же самое относится к праву наций на самоопределение. „Я хочу признавать только право трудящихся классов на самоопределение“,—говорит тов. Бухарин. Вы, значит, хотите признать то, чего в действительности не достигли ни в одной стране, кроме России? Это смешно.

Посмотрите на Финляндию: страна демократическая, более развитая, более культурная, чем мы. В ней идет процесс выделения, дифференциации пролетариата, идет своеобразно, гораздо более мучительно, чем шел у нас. Они испытали диктатуру Германии, теперь испытывают диктатуру союзных держав. Но благодаря тому, что мы признали право наций на самоопределение, процесс дифференциации был облегчен. Я очень хорошо помню сцену, когда мне пришлось в Смольном давать грамоту Свинхувуду<sup>84</sup>) (что значит в переводе на русский язык „свиноголовый“), представителю финляндской буржуазии, который сыграл роль палача. Он мне любезно жал руку, мы говорили комплименты. Как это было нехорошо! Но это нужно было, потому что тогда эта буржуазия обманывала народ, обманывала трудящиеся массы тем, что москали, шовинисты, великороссы, хотят задушить финнов. Надо было это сделать.

А вчера разве не пришлось то же сделать по отношению к башкирской республике? Когда Бухарин спрашивал, для кого можно это право признать, так я даже записал, для кого именно. У него в этот список попали готтентоты, бушмены, индусы. Слушая это перечисление, я думал: каким образом Бухарин забыл одну маленькую мелочь, забыл башкиров? Бушменов в России не имеется, на счет готтентотов я тоже не слышал, чтобы они претендовали на автономную республику. Но у нас есть башкиры, киргизы, сарты, целый ряд других народов, и по отношению

к ним мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказывать в этом никому из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи. Допустим даже, что башкиры свергли бы эксплуататоров, и мы помогли бы им это сделать. Но ведь это возможно только в том случае, если переворот вполне назрел. Сделать это надо осторожно, чтобы своим вмешательством не задержать тот самый процесс дифференциации пролетариата, который мы должны ускорить. Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, сарты, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл? У нас в России население, после долгого опыта с попами, помогло нам их скинуть. Но вы знаете, как плохо еще прошел в жизнь декрет о гражданском браке <sup>85</sup>). Можем ли мы подойти к этим сартам и сказать: „мы скинем ваших эксплуататоров“? Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дожидаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно.

Бухарин не хочет ждать. Им овладевает нетерпение: „С какой стати? Когда мы сами свергли буржуазию, провозгласили Советскую власть и диктатуру пролетариата, с какой стати нам поступать так?“. Это действует как бодрящий призыв, содержит указание нашего пути, но если мы будем это провозглашать только в программе, то получится не программа, а прокламация. Мы можем провозгласить Советскую власть и диктатуру пролетариата и полное презрение к буржуазии, которого она стоит тысячу раз. Но в программе надо писать с абсолютной точностью то, что есть. Тогда наша программа будет непререкаема.

Мы стоим на строго классовый точке зрения. То, что мы пишем в программе, есть признание того, что случилось на деле после эпохи, когда мы писали о самоопределении наций вообще. Тогда не было еще пролетарских республик. Когда они явились и только в той мере, в какой они явились, мы смогли написать то, что мы тут написали: „федеративное объединение государств, организованных по советскому типу“. Советский тип еще не советы, как они существуют в России, но советский тип становится международным. Только это мы можем сказать. Итти дальше, на шаг дальше—будет уже неверно, и поэтому для программы не годится.

Мы говорим: надо считаться с тем, на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демокра-

тии и от буржуазной демократии—к демократии пролетарской. Это абсолютно правильно. Все нации имеют право на самоопределение, — о готтентотах и бушменах специально говорить не стоит. Гигантское большинство, наверно девять десятых всего населения земли, может быть 95%, подходит под эту характеристику, ибо все страны на пути от средневековья к буржуазной демократии, или от буржуазной к пролетарской демократии. Это— путь совершенно неизбежный. Больше сказать нельзя, потому что это будет неправильно, потому что это не будет то, что есть. Откинуть самоопределение наций и поставить самоопределение трудящихся совершенно неправильно, потому что такая постановка не считается с тем, с какими трудностями, каким извилистым путем идет дифференциация внутри наций. В Германии она идет иначе, чем у нас. В некоторых отношениях скорее, а в некоторых отношениях более медленным и кровавым путем. У нас такой чудовищной идеи, как сочетание советов и „учредилки“, ни одной партией принято не было. Ведь мы должны жить рядом с этими нациями. Сейчас уже говорят шейдемановцы, что мы хотим завоевать Германию. Это, конечно, смехотворно, вздор. Но буржуазия имеет свои интересы и свою прессу, которая в сотнях миллионов экземпляров на весь свет кричит об этом, и Вильсон в своих интересах это поддерживает. У большевиков, дескать, большая армия, и они хотят путем завоевания насадить свой большевизм в Германии. Лучшие люди Германии—спартаковцы указали нам, что немецких рабочих натравливают против коммунистов: смотрите, мол, как плохо у большевиков! А чтобы у нас было очень хорошо, мы сказать не можем. И вот наши враги в Германии действуют на массы тем доводом, что пролетарская революция в Германии означает такие же беспорядки, как в России. Наши беспорядки—наша затяжная болезнь. Мы боремся с отчаянными трудностями, создавая пролетарскую диктатуру у себя. Пока буржуазия или мелкая буржуазия или хотя бы часть немецких рабочих находится под действием этого пугала: „большевики хотят насильственно установить свой строй“,— до тех пор формула „самоопределение трудящихся“ не облегчит положения. Мы должны поставить дело так, чтобы немецкие социал-предатели не могли говорить, что большевики навязывают свою универсальную систему, которую будто бы можно на красноармейских штыках внести в Берлин. А с точки зрения отрицания принципа самоопределения наций так и может выйти.

Наша программа не должна говорить о самоопределении трудящихся, потому что это неверно. Она должна говорить то, что есть. Раз нации стоят на разных ступенях от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии к пролетарской, это положение нашей программы абсолютно верно. На этом пути у нас было весьма много зигзагов. Каждая нация должна получить право на самоопределение, и это способствует самоопределению трудящихся. В Финляндии процесс отделения пролетариата от буржуазии идет замечательно ярко, сильно, глубоко. Там все будет идти во всяком случае не так, как у нас. Если мы скажем, что не признаем никакой финляндской нации, а только трудящиеся массы—это будет пустяковеннейшей вещью. Не признавать того, что есть—нельзя: оно само заставит себя признать. В различных странах размежевание пролетариата и буржуазии идет своеобразными путями. На этом пути мы должны действовать осторожнейшим образом. Особенно нужно быть осторожным по отношению к различным нациям, ибо нет вещи хуже, чем недоверие нации. У поляков идет самоопределение пролетариата. Вот последние цифры относительно состава Варшавского Совета Р. Д.: от польских социал-предателей—353 <sup>84</sup>), от коммунистов—297. Это показывает, что там по нашему революционному календарю недалек уже октябрь. Это не то август, не то сентябрь 1917 г. Но, во-первых, не издан еще такой декрет, чтобы все страны должны были жить по большевистскому революционному календарю, а если бы и был издан, то не исполнялся бы. А во-вторых, сейчас дело обстоит таким образом, что большинство польских рабочих более передовых, чем наши, более культурных, стоит на точке зрения социал-оборончества, социал-патриотизма. Нужно выждать. Тут нельзя говорить о самоопределении трудящихся масс. Мы должны пропагандировать эту дифференциацию. Это мы делаем, но нет ни тени сомнения в том, что нельзя не признавать самоопределения польской нации сейчас. Это ясно. Польское пролетарское движение идет по тому же пути, что наше, идет к диктатуре пролетариата, но не так, как в России. Рабочих там запугивают тем, что москаль, великороссы, которые всегда поляков давили, хотят внести в Польшу свой великорусский шовинизм, прикрытый названием коммунизма. Не путем насилия внедряется коммунизм. Одному из лучших товарищей польских коммунистов я сказал: „Вы сделаете иначе“.—„Нет,—ответил он мне:—мы сделаем то же самое, но

мы сделаем лучше, чем вы“. Против такого довода я решительно ничего не мог возразить. Надо предоставить возможность исполнить скромное желание сделать Советскую власть лучше, чем у нас. Нельзя не считаться с тем, что там пролетарская революция идет несколько своеобразно, и нельзя сказать: „Долой право наций на самоопределение! Мы предоставляем право самоопределения только трудящимся массам“. Это самоопределение идет очень сложным и трудным путем. Его нет нигде, кроме России. Надо, предусматривая все стадии развития в других странах, ничего не декретировать из Москвы. Вот почему это предложение принципиально не приемлемо.

Перехожу к дальнейшим пунктам, которые, согласно выработанному у нас плану, я должен осветить. На первом месте я поставил вопрос о мелких собственниках и среднем крестьянине. По этому поводу в § 47 говорится:

„По отношению к среднему крестьянству, политика Р. К. П. состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отделять его от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований“.

Мне кажется, здесь мы формулируем то, что много раз основоположники социализма говорили по отношению к среднему крестьянству. Недостатком этого пункта является только недостаточная его конкретность. В программе мы едва ли смогли бы дать больше. Но на съезде придется ставить не только вопросы программные, и на вопрос о среднем крестьянстве мы должны обратить сугубое и трижды сугубое внимание. У нас имеются данные о том, что в этих восстаниях, которые происходили в некоторых местах, ясно виден общий план, и этот план ясно связан с военным планом белогвардейцев, решивших на март общее наступление и организацию ряда восстаний. В президиуме имеется проект обращения от съезда, который будет вам доложен. Эти восстания показывают нам яснее ясного, что левые эс-эры и часть меньшевиков играют роль прямых агентов белогвардейцев. Общее наступление белогвардейцев, вос-

стания в деревнях, перерыв железнодорожного движения:—не удастся ли скинуть большевиков хоть так? Тут в особенности ясно, в особенности жизненно-настоятельно выступает роль среднего крестьянина. На съезде мы должны не только особенно подчеркнуть наше уступчивое отношение к среднему крестьянству, но и подумать о целом ряде возможно более конкретных мер, которые непосредственно давали бы что-нибудь среднему крестьянству. Этих мер настоятельно требуют и интересы самоохранения, и интересы борьбы против всех наших врагов, которые знают, что средний крестьянин колеблется между нами и ими, и которые стараются отвлечь его от нас. Сейчас наше положение таково, что у нас есть громадные резервы. Мы знаем, что и польская и венгерская революции нарастают очень быстро. Все эти революции подадут нам помощь, облегчат наше положение и в громадных размерах подкрепят нашу пролетарскую базу. Это может случиться в ближайшие месяцы, но мы не знаем, когда это случится.

Дальше я бы хотел остановиться на теме о кооперации,— это § 48. В известной степени этот параграф устарел. Когда мы писали его в комиссии, у нас существовала кооперация и не было потребительских коммун, но через несколько дней прошел декрет о слиянии всех видов кооперации в единую потребительскую коммуну. В этом отношении этот параграф уже устарел, но мне кажется, он тем не менее нужен, ибо мы все хорошо знаем, что от декретов до исполнения—дистанция порядочного размера. С кооперативами мы бьемся и возимся уже с апреля 1918 г., и хотя мы достигли значительного успеха, но еще не решающего. Объединения кооперативами населения мы достигли иногда в таких размерах, что на 98% сельское население во многих уездах уже объединено. Но эти кооперативы, существовавшие в капиталистическом обществе, насквозь проникнуты духом буржуазного общества, и во главе их стоят меньшевики и с. -р., буржуазные специалисты. Их мы себе подчинить еще не сумели, тут наша задача остается неразрешенной. Наш декрет делает шаг вперед в смысле создания потребительских коммун, декретирует, что во всей России все виды кооперации должны слиться. Но и этот декрет, если даже мы проведем его полностью, оставит автономную секцию рабочей кооперации внутри будущей потребительской коммуны. Товарищи, практически знакомые с делом, сказали и доказали нам, что рабочая

кооперация, как более развитая организация, должна быть сохранена, поскольку ее действия вызываются необходимостью. У нас в партии было немало разногласий и споров на счет кооперации, бывали трения между большевиками в кооперации и большевиками в советах. Принципиально, мне кажется, вопрос должен быть решен несомненно в том смысле, что аппарат этот, как единственный, который капитализм подготовил в массах, как единственный, который действует в деревенских массах, стоящих еще на стадии примитивного капитализма,—должен быть во что бы то ни стало сохранен, развит и во всяком случае не отброшен. Тут задача трудная, потому что кооперативы в большинстве случаев имеют в качестве своих вождей буржуазных специалистов, сплошь и рядом действительных белогвардейцев. Отсюда явилась ненависть к ним, законная ненависть, отсюда явилась борьба с ними. Но ее надо проводить умело: нужно пресекать контр-революционные поползновения кооператоров, но не должно быть борьбы с аппаратом кооперации. Отсекая этих контр-революционных деятелей, самый аппарат мы должны подчинить себе. Задача стоит тут точно так же, как и по отношению к буржуазным специалистам.

Вопрос о буржуазных специалистах вызывает немало трений и разногласий. Когда мне пришлось выступить на-днях в Петроградском Совете, из тех записок, которые мне подавали, несколько было посвящено вопросу о ставках. Меня спрашивали: разве можно в Социалистической Республике платить до 3.000 рублей? Мы в сущности поставили этот вопрос в программу, ибо недовольство на этой почве пошло довольно далеко. Вопрос о буржуазных специалистах стоит в армии, в промышленности, в кооперативах, стоит везде. Это очень важный вопрос переходного периода от капитализма к коммунизму. Мы можем построить коммунизм лишь тогда, когда средствами буржуазной науки и техники сделаем его более доступным массам. Иначе построить коммунистического общества нельзя. А чтобы построить его таким образом, надо взять аппарат от буржуазии, надо привлечь к работе всех этих специалистов. Мы в программе нарочно развили этот вопрос подробно, чтобы он был радикально решен. Мы превосходно знаем, что значит культурная неразвитость России, что делает она с Советской властью, которая в принципе дала неизмеримо более высокую пролетарскую демократию, дала образец этой демократии для всего мира. Мы

отлично знаем, как эта некультурность принижает Советскую власть и воссоздает бюрократию. Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем им доступен. И вовсе не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при буржуазии: наши законы, наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало, необходима масса воспитательной работы,—чего нельзя сделать быстро законом, что требует громадного длительного труда. Этот вопрос о буржуазных специалистах на настоящем съезде должен быть решен с полной определенностью. Такое решение даст возможность товарищам, которые несомненно прислушиваются к этому съезду, опереться на его авторитет, увидеть, на какие трудности мы наталкиваемся. Оно поможет тем товарищам, которые на каждом шагу сталкиваются с этим вопросом, принять участие хотя бы в пропагандистской работе.

Товарищи представители спартаковцев <sup>5)</sup> на съезде здесь в Москве рассказали нам, что в западной Германии, где более всего развита промышленность, где больше всего влияние спартаковцев среди рабочих, хотя спартаковцы еще не победили, но на очень многих, самых крупных предприятиях инженеры, директора приходили к спартаковцам и говорили: „мы пойдем с вами“. У нас этого не было. Очевидно, там более высокий культурный уровень рабочих, большая пролетаризированность технического персонала, может быть, целый ряд других причин, которых мы не знаем, создали такие отношения, которые несколько различны от наших.

Во всяком случае для нас здесь одно из главных препятствий к дальнейшему движению вперед. Нам надо сейчас же, не ожидая поддержки от других стран, поднять производительные силы. Сделать это без буржуазных специалистов нельзя. Это надо раз-на-всегда сказать. Конечно, большинство этих специалистов насквозь проникнуто буржуазным мирозерцанием. Их надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунистическими ячейками, поставить их так, чтобы они не могли вырваться, но надо дать им возможность работать в лучших условиях, чем при капитализме, ибо этот слой, воспитанный буржуазией, иначе работать не станет. Заставить работать из-под палки целый слой нельзя. Можно заставить их не участвовать активно в контр-революции, можно устрасить их, чтобы они боялись руку протянуть к белогвар-

дейскому воззванию. Это сделать можно и это мы делаем достаточно. Но заставить работать целый слой таким способом невозможно. Эти люди привыкли к культурной работе, они двигали ее в рамках буржуазного строя, т.-е. обогащали буржуазию огромными материальными приобретениями, а для пролетариата уделяли их в ничтожных дозах. Но они все-таки двигали культуру, в этом состояла их профессия. Поскольку они видят, что рабочий класс выдвигает организованные передовые слои, которые не только ценят культуру, но и помогают проводить ее в массах, они меняют свое отношение к нам. Когда врач видит, что в борьбе с эпидемиями пролетариат поднимает самодеятельность трудящихся, он относится к нам уже совершенно иначе. У нас есть большой слой этих буржуазных врачей, инженеров, агрономов, кооператоров, и когда они увидят на практике, что пролетариат вовлекает в это дело все более широкие массы, они будут побеждены морально, а не только политически стеснены от буржуазии. Тогда наша задача станет легче. Тогда они будут сами собой вовлечены в наш аппарат, сделаются его частью. Для этого итти на жертвы необходимо. Для этого заплатить хотя бы два миллиарда—пустяки. Бояться этой жертвы было бы ребячеством, ибо это значило бы не понимать тех задач, которые стоят перед нами.

Расстройство транспорта, расстройство промышленности и земледелия подрывают самое существование Советской Республики. Тут мы должны итти на самые энергичные меры, напрягающие до последней степени все силы страны. По отношению к специалистам мы не должны придерживаться политики мелких придилок. Эти специалисты—не слуги эксплуататоров, это—культурные деятели, которые в буржуазном обществе служили буржуазии и про которых все социалисты всего мира говорили, что в пролетарском обществе они будут служить нам. В этот переходный период мы должны дать им как можно более хорошие условия существования. Это будет лучшая политика, это будет самое экономное хозяйничание. Иначе мы съэкономим несколько сотен миллионов, а можем потерять столько, что никакая затрата миллиардов не восстановит потерянного.

Когда мы беседовали по вопросу о ставках с Комиссаром Труда тов. Шмидтом<sup>87)</sup>, он указал такие факты: Он говорит, что для выравнивания заработной платы мы сделали столько, сколько, сколько нигде не сделало и не может сделать в десятки лет ни одно-

буржуазное государство. Возьмите ставки до-военные: чернорабочий получал 1 р. в день, а специалисты 500 р. в месяц, не считая тех, которым платили сотни тысяч. Специалист получал в 20 раз больше рабочего. В наших теперешних ставках колебания идут от 600 р. до 3.000 р., — разница только в пять раз. Для выравнивания мы много сделали. Конечно, специалистам мы теперь переплачиваем, но заплатить им лишка за науку не только стоит, а и обязательно и теоретически необходимо. В программе этот вопрос разработан по-моему достаточно детально. Необходимо его сугубо подчеркнуть. Необходимо решить его здесь не только принципиально, но и сделать так, чтобы все члены съезда, разъехавшись на места, в докладах своим организациям, во всей своей деятельности добились того, чтобы это было осуществлено.

Мы уже произвели в среде колеблющейся интеллигенции громадный перелом. Если вчера мы говорили о легализации мелко-буржуазных партий, а сегодня арестовываем меньшевиков и эс-эров, то в этих колебаниях мы проводим совершенно определенную систему. Через эти колебания идет одна, самая твердая линия: контр-революцию отсекают, культурно-буржуазный аппарат использовать. Большевики есть худшие враги социализма, ибо они одеваются в буржуазную шкуру, но большевики — слой непролетарский. В этом слое только ничтожные верхушки пролетарские, а сам он состоит из мелкой интеллигенции. Этот слой отходит к нам. Мы его весь заберем, как слой. Каждый раз, когда они идут к нам, мы говорим: „милости просим“. При каждом из этих колебаний часть их отходит к нам. Так было с меньшевиками, новожиженцами<sup>88)</sup> и эс-эрами, так будет со всеми этими колеблющимися элементами, которые долго еще будут путаться в ногах, хныкать, перебегать из одного лагеря в другой — с ними ничего не поделаешь. Но мы через все эти колебания будем получать слои культурной интеллигенции в ряды советских работников и отсекают те элементы, которые продолжают поддерживать белогвардейцев.

Дальнейший вопрос, который согласно разделению тем входит в мою задачу, это — вопрос о бюрократизме и о вовлечении широких масс в советскую работу. Жалобы по поводу бюрократизма раздаются давно, жалобы несомненно основательные. Мы в борьбе с бюрократизмом сделали то, чего ни одно государство в мире не сделало. Тот аппарат, который насквозь был

бюрократическим и буржуазно-угнетательским, который остается таковым даже в самых свободных буржуазных республиках,— мы уничтожили до основания. Взять хотя бы суд. Здесь, правда, задача была легче, здесь не пришлось создавать нового аппарата, потому что судить на основе революционного правосознания трудящихся классов может всякий. Мы еще далеко не довели здесь дело до конца, но в целом ряде областей создали из суда то, что надо. Мы создали органы, через которые не только мужчины, но и женщины, самый отсталый и неподвижный элемент, могут быть проведены поголовно.

Служащие в других областях управления—более заскорузлые чиновники-бюрократы. Тут задача труднее. Жить без этого аппарата мы не можем, всякие отрасли управления создают потребность в таком аппарате. Тут мы страдаем от того, что Россия была недостаточно развита капиталистически. Германия по видимому переживет это легче, потому что у нее этот бюрократический аппарат прошел лучшую школу, где выжимают все соки, но где заставляют делать дело, а не просиживать кресла, как бывает в наших канцеляриях. Этот старый бюрократический элемент мы разогнали, переворошили и затем начали опять ставить на новые места. Царистские бюрократы стали переходить в советские учреждения и проводить бюрократизм, переkreщаться в коммунистов и для большей успешности карьеры доставать членские билеты Р. К. П. Их прогнали в двери, они влезают в окно! Тут больше всего сказывается недостаток культурных сил. Их можно было бы раскассировать, но нельзя их сразу перевоспитать. Здесь перед нами выступают прежде всего задачи организационные, культурные и воспитательные.

Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении. В большинстве республик это было не только невозможно, но и противозаконно. Самые лучшие буржуазные республики, как бы демократичны они ни были, имеют тысячи законодательных помех, которые препятствуют участию трудящихся в управлении. Этих помех у нас не осталось, но до сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении. Кроме закона есть культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Благодаря этому низкому культурному уровню советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются

органами управления для трудящихся, через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы.

Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием. Сейчас эта задача непомерно трудна, потому что, как мне не раз случалось указывать, слой рабочих, который управляет, невероятно тонок. Мы должны получить подмогу. По всем признакам такой резерв внутри страны растет. Громадная жажда знаний и громаднейший успех образования, достигаемый чаще всего внешкольным путем,—гигантский успех образования трудящихся масс не подлежит ни малейшему сомнению. Этот успех не укладывается ни в какие школьные рамки, но он колоссален. Все признаки говорят за то, что в близком будущем мы получим громадный резерв, который займет места слишком надорвавшихся над работой представителей тонкого слоя пролетариата. Но во всяком случае сейчас наше положение в этом отношении чрезвычайно трудно. Бюрократия побеждена. Эксплоататоры устранены. Но культурный уровень еще не поднят, и поэтому бюрократы занимают старые места. Бюрократию можно потеснить только организацией пролетариата и крестьянства в гораздо более широком размере, чем до сих пор, наряду с действительным проведением мер по привлечению рабочих к управлению. Эти меры вы все знаете в области каждого народного комиссариата, и на них я останавливаться не буду.

Последний пункт, которого мне следует коснуться, это—руководящая роль пролетариата и обобщение избирательного права. Наша конституция признает преимущество пролетариата над крестьянством и лишает избирательных прав эксплуататоров. На это больше всего нападали чистые демократы из Западной Европы. Мы им отвечали и отвечаем, что они забыли самые основные положения марксизма, забыли, что речь идет о буржуазной демократии, а мы перешли к демократии пролетарской. Нет ни одной страны в мире, которая сделала бы хоть десятую долю того, что сделала за истекшие месяцы Советская Республика для рабочих и беднейших крестьян в смысле привлечения их к управлению государством. Это абсолютная истина. Никто не станет отрицать, что для демократии действительной, а не бумажной, для привлечения рабочих и крестьян мы сделали столько, сколько за сотни лет не сделали самые лучшие демократические республики и сделать не могли. Это определило

значение советов, благодаря этому советы стали лозунгом пролетариата всех стран.

Но это несколько не избавляет нас от того, что мы спытаемся о недостаточную культурность масс. Вопрос о лишении избирательных прав буржуазии мы никоим образом не рассматривали с абсолютной точки зрения, потому что теоретически представляется вполне допустимым, что диктатура пролетариата будет подавлять буржуазию на каждом шагу, но может не лишать буржуазию избирательных прав. Это теоретически вполне мыслимо, и нашу конституцию мы не выдвигаем, как образец для других стран. Мы говорим только: кто понимает переход к социализму без подавления буржуазии, тот—не социалист. Но если необходимо подавлять буржуазию, как класс, то лишать ее избирательных прав и равенства не необходимо. Свободы для буржуазии мы не хотим, равенства эксплуататоров и эксплуатируемых мы не признаем, но мы рассматриваем в программе этот вопрос таким образом, что меры такого рода, как неравенство рабочих с крестьянами, конституцией вовсе не предписываются. Конституция их записала после того, как они были введены в жизнь. Даже не большевики выработали конституцию Советов, ее выработали до большевистской революции меньшевики и эс-эры против себя. Они выработали ее так, как выработала жизнь. Организация пролетариата шла гораздо быстрее, чем организация крестьянства, что делало рабочих опорой революции и давало им фактически преимущество. Буржуазию до Октябрьской революции и после нее никто из Советов не изгонял. Буржуазия сама ушла от советов.

Вот как обстоит дело с избирательными правами буржуазии. Наша задача—поставить вопрос с полной ясностью. Мы несколько не извиняемся за наше поведение, но совершенно точно перечисляем факты, как они есть. Наша конституция, как мы указываем, вынуждена была внести это неравенство, потому что культурный уровень слаб, потому что организация у нас слаба. Но мы не превращаем этого в идеал, а напротив, по программе партия обязуется систематически работать над уничтожением этого неравенства более организованного пролетариата с крестьянством. Это неравенство мы отменим, как только нам удастся поднять культурный уровень. Тогда мы сможем обойтись без таких ограничений. Эти ограничения уже сейчас, после каких

нибудь 17 месяцев рабоче-крестьянской революции, играют практически весьма небольшое значение.

Вот те главные пункты, товарищи, на которых я счел нужным остановиться в общем обсуждении программы с тем, чтобы предоставить дальнейшее обсуждение дискуссии.

## **Заключительное слово по вопросу о партийной программе.**

(Заседание 19 марта 1919 г.)

Товарищи, я не мог разделить в этой части вопроса с Бухариным так же детально, предварительно посоветовавшись, как мы это сделали по отношению к докладу. Может быть, в этом не будет и надобности. Мне кажется, что прения, которые здесь развернулись, показали главным образом одно: отсутствие какого-нибудь определенного и оформленного контр-предложения. Много говорили по частям, отрывочно, но никакого контр-предложения не было. Я остановлюсь на главных возражениях, которые прежде всего были направлены против вводной части. Бухарин указал мне, что он принадлежит к числу тех, которые защищают мысль о возможности соединить во введении характеристику капитализма и характеристику империализма в одно связное целое, но что за отсутствием такового мы должны будем принять существующий проект.

Многие из говоривших, в особенности Подбельский<sup>89)</sup>, выдвигали ту точку зрения, что проект в том виде, как он нам представлен, является неверным. Доказательства Подбельского были в высшей степени странными. Вроде, например, того, что в § 1 революция названа революцией такого-то числа. Это почему-то припомнило Подбельскому, что будто бы даже эта революция за номером. Я могу сказать, что мы в Совете Народных Комиссаров имеем дело с очень многими бумагами за номерами и часто от этого устаем, но зачем же переносить это впечатление и сюда? Ну, при чем тут в самом деле номер? Мы определяем день праздника и чувствуем его. Как же можно отрицать, что именно 25 октября власть взята? Если вы это попытаете изменить как-нибудь, то это будет искусственно. Если вы назовете революцию октябрьско-ноябрьской, то тем дадите возможность сказать, что дело сделано не в один день. Но, конечно, она пре-

исходила в более долгий период—не за октябрь, не за ноябрь и даже не в год. Подбельский нападал на то, что в одном из параграфов говорится о предстоящей социальной революции. Он изображал на этом основании программу, как чуть ли не какое-то покушение на „оскорбление величества“ социальной революции. Мы в социальной революции находимся, а нам говорят о ней, как о предстоящей! Такой довод явно несостоятелен, ибо у нас в программе речь идет о социальной революции в мировом масштабе.

Нам говорят о том, что мы подходим экономически к революции. Нужно это или нет? Здесь многие увлекающиеся товарищи договорились до всемирного Совнархоза и до подчинения всех национальных партий Центральному Комитету Р.К.П. Товарищ Пятаков <sup>90)</sup> чуть не договорился до этого...

Он сейчас бросает замечание, что это было бы недурно. Я должен ответить, что, если бы что-нибудь подобное стояло в программе, то критиковать ее не было бы надобности: авторы такого предложения сами убили бы себя. Эти увлекающиеся товарищи не приняли во внимание, что в программе мы должны исходить из того, что есть. Один из этих товарищей, кажется (Суница <sup>91)</sup>), который очень решительно критиковал программу, как убогую и т. д., сказал, что он не может согласиться, что должно быть то, что есть, а предлагает, что должно быть то, чего нет. (С м е х.) Я думаю, что эта формулировка вопроса по своей явной неверности возбуждает смех законно. Я не говорил, что должно быть только то, что есть. Я говорил, что мы должны исходить из абсолютно установленного. Мы должны пролетариям и трудящимся крестьянам сказать и доказать, что коммунистическая революция неизбежна. Сказал ли кто-нибудь здесь, что этого говорить не нужно? Если бы кто-нибудь попробовал такое предложение выдвинуть, то ему доказали бы, что это не так. Никто ничего подобного не сказал и не скажет.

Несомненен тот факт, что наша партия пришла к власти, опираясь не только на коммунистический пролетариат, но и на все крестьянство. Неужели мы ограничимся только тем, что скажем всем этим массам, которые сейчас идут с нами: „Дело партии только проводить социалистическое строительство. Коммунистическая революция сделана, осуществляйте коммунизм“. Такая точка зрения несостоятельна в корне, теоретически неверна. Наша партия впитала в себя прямо, а еще более косвенно

миллионы людей, которые сейчас разбираются в вопросе о классовой борьбе, в вопросе о переходе от капитализма к коммунизму

Теперь можно сказать без всякого преувеличения, что нигде, ни в какой другой стране не интересовалось так трудящееся население вопросом о превращении капитализма в социализм, как теперь у нас. Об этом думают гораздо более, чем в какой-нибудь другой стране. Неужели же партия не должна дать ответа на этот вопрос? Мы должны научно показать, как эта коммунистическая революция пойдет. В этом отношении все остальные предложения половинчаты. Вычеркнуть это полностью никто не хотел. Говорили неопределенно: может быть, можно сократить, не цитировать старой программы, потому что она неверна. Но если бы она была неверна, как бы мы могли исходить из нее в течение стольких лет нашей работы? Может быть, у нас будет общая программа, когда создастся Всемирная Советская Республика. До тех пор мы наверно напишем еще несколько программ. Писать их сейчас, когда существует только одна Советская Республика на месте старой Российской империи, было бы преждевременно. Даже Финляндия, которая, несомненно, идет к Советской Республике, еще не осуществила ее, — Финляндия, которая отличается от всех остальных народов, населявших прежнюю Российскую империю, большей культурностью. Так что претендовать сейчас на то, чтобы дать в программе выражение законченного процесса, было бы величайшей ошибкой. Это было бы похоже на то, как если бы мы сейчас в программе выставили всемирный Совнархоз. А между тем к этому уродливому слову „Совнархоз“ мы сами еще не сумели привыкнуть; с иностранцами же, говорят, бывают случаи, когда они ищут в справочнике, нет ли такой станции. (С м е х.) Эти слова мы не можем декретировать всему миру.

Чтобы быть международной, наша программа должна учитывать те классовые моменты, которые экономически характерны для всех стран. Для всех стран характерно, что капитализм в массе местностей еще развивается. Это верно для всей Азии, для всех тех стран, которые переходят к буржуазной демократии, это верно для целого ряда частей России. Вот тов. Рыков <sup>92)</sup>, который в области хозяйства факты знает очень хорошо, сказал нам о новой буржуазии, которая у нас существует. Это правда. Она рождается не только из наших советских служащих — ни-

чтожным образом она может нарождаться и оттуда, — она нарождается из среды крестьянства и кустарей, освобожденных от ига капиталистических банков и отрезанных теперь от железнодорожного транспорта. Это факт. Каким же образом вы этот факт хотите обойти? Вы этим только тешите свои иллюзии, или вносите недостаточно продуманную книжку в действительность, которая гораздо сложнее. Она показывает нам, что в России капиталистическое товарное хозяйство живет, действует, развивается, рождает буржуазию, как во всяком капиталистическом обществе.

Рыков говорил: „Мы боремся с буржуазией, которая нарождается у нас потому, что крестьянское хозяйство пока еще не исчезло, а это хозяйство порождает буржуазию и капитализм“. У нас нет об этом точных данных, но это несомненно. Во всем мире Советская Республика существует пока только в пределах бывшей Российской империи. В целом ряде стран она растет и развивается, но ни в одной другой стране ее еще нет. Поэтому претендовать в своей программе на то, до чего мы еще не дошли, это — фантазия, это — желание выскочить из неприятной действительности, показывающей, что муки родов социалистической республики в других странах несомненно более тяжелы, чем то, что пережили мы. Нам это далось легко, потому что мы узаконили 27 октября 1917 г. то, чего требовали крестьяне в эс-эровских резолюциях<sup>51</sup>). Этого нет ни в одной стране. Тов. швейцарец и немецкий товарищ указали на то, что крестьяне вооружились против забастовщиков в Швейцарии, как никогда, и что в Германии никакого свободного ветерка незаметно в деревне в смысле возникновения советов из батраков и мелких крестьян. У нас после первых месяцев революции Советы Крестьянских Депутатов охватили почти всю страну. Отсталая страна их создала. Тут встает гигантская проблема, которую народы капиталистические еще не разрешили. А какая же мы образованная капиталистическая нация! До 1917 года у нас еще были остатки крепостничества. Но ни одна капиталистически построенная нация не показала еще, как этот вопрос на практике разрешается. Мы достигли власти в условиях исключительных, когда гнет царизма заставил с большим порывом произвести коренную и быструю перемену, и мы сумели в этих исключительных условиях опереться на несколько месяцев на все крестьянство в целом. Это исторический факт. Не менее чем до лета 1918 года, до осно-

вания комитетов бедноты, мы держались, как власть, потому, что опирались на все крестьянство в целом. Ни в одной капиталистической стране это невозможно. Вот этот основной экономический факт вы забываете, когда говорите о коренной перестройке всей программы. Без этого ваша программа не будет покоиться ни на каком фундаменте.

Мы обязаны исходить из того марксистского положения, которое всеми признается, что программа должна быть построена на научном фундаменте. Она должна объяснить массам, как коммунистическая революция возникла, почему она неизбежна, в чем ее значение, ее сущность, ее сила, что она должна решить. Наша программа должна быть руководством для агитации, такой же сводкой, какой были все программы, какой была, например, Эрфуртская программа. Каждый параграф этой программы содержал в себе сотни тысяч речей и статей агитаторов. В нашей программе каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать всякий трудящийся. Если он не понимает, что такое капитализм, если он не понимает, что мелкое крестьянство и кустарное хозяйство неминуемо и обязательно рождает этот капитализм постоянно,—если он этого не понимает, то хоть бы он сто раз объявлял себя коммунистом и блистал радикальнейшим коммунизмом, этому коммунизму грош цена. Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически.

Социалистическая революция изменит очень многое даже в некоторых передовых странах. Капиталистический способ производства продолжает существовать во всем мире, часто сохраняя свои менее развитые формы, хотя империализм собрал и сконцентрировал финансовый капитал. Ни в одной самой развитой стране нельзя найти капитализма исключительно в наиболее совершенной его форме. Ничего подобного нет даже в Германии. Когда мы собирали материал относительно наших конкретных задач, то заведующий Центр. Статист. Бюро сообщил, что в Германии немецкий крестьянин скрыл от продовольственных органов 40% своих излишков картофеля. В капиталистическом государстве, где капитализм находится во всем своем развитии, продолжают существовать мелкие крестьянские хозяйства, с мелкой свободной продажей, с мелкой спекуляцией. Таких фактов нельзя забывать. Много ли найдется из трехсот тысяч членов партии, здесь представленных, таких людей, которые вполне разбираются в этом вопросе? Смешное самонадеяние—полагать, что

так как для нас, которые имели счастье писать проект, все это известно, то и масса коммунистов до всего этого дошла. Нет, им нужны эти азы, им они нужны в сто раз больше, чем нам, ибо коммунизма не может быть у людей, которые не усвоили, не добились объяснения, что такое коммунизм и что такое товарное хозяйство. Мы каждый день, на каждом вопросе практической хозяйственной политики, продовольственной, земледельческой или касающейся В. С. Н. Х., упираемся в эти факты мелкого товарного хозяйства. Но об этом не должно будто бы говорить в программе! Если бы мы так сделали, мы только показали бы, что мы не умеем этот вопрос решить, что успех революции в нашей стране объясняется исключительными условиями.

К нам приезжают товарищи из Германии, чтобы уяснить себе формы социалистического строя. И нам надо поступать так, чтобы доказать заграничным товарищам свою силу, чтобы они видели, что в своей революции мы несколько не выходим из рамок действительности, чтобы им дать материал, который будет для них неопровержимым. Было бы смешно выставлять нашу революцию каким-то идеалом для всех стран, воображать, что она сделала целый ряд гениальных открытий и ввела кучу социалистических новшеств. Я этого ни от кого не слышал, и утверждаю, что ни от кого не услышим. У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет. Если будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвастуны.

Мы на марксистской программе воспитали партию пролетариата, и так же надо воспитать те десятки и миллионы трудящихся, которые у нас есть. Мы собрались здесь, как идейные руководители, и должны сказать массам: „Мы воспитали пролетариат и мы всегда и прежде всего исходили из точного экономического анализа“. Эта задача не дело манифеста. Манифест III Интернационала—это призыв, это прокламация, это обращение внимания на то, что стоит перед нами, это есть апелляция к чувствам масс. Потрудитесь научно доказать, что у вас есть экономическая база, и что вы стоите не на песке. Если вы не можете сделать этого, не беритесь за составление программы. А чтобы сделать это, мы должны поступить не иначе, как пересмотреть то, что мы пережили за 15 лет. Если 15 лет тому на-

зад мы сказали, что идем к предстоящей социальной революции, а теперь пришли, то неужели это нас ослабляет? Это укрепляет нас, усиливает. Все сводится к тому, что капитализм переходит в империализм, а империализм приводит к началу социалистической революции. Это скучно и длинно, и ни одна капиталистическая страна этого процесса еще не прошла. Но отметить этот процесс в программе необходимо.

Вот почему теоретические возражения, которые были сделаны, и тени критики не выдерживают. Я не сомневаюсь, если бы посадить на работу по три-четыре часа в сутки 10-20 литераторов, опытных в изложении своих мыслей, то в течение месяца они построили бы программу лучше, цельнее. Но требовать, чтобы это было сделано в один-два дня, как говорил Подбельский, это смехотворно. Мы работали не один-два дня и даже не две недели. Повторяю, если бы можно было на месяц выбрать комиссию в 30 человек и посадить ее на несколько часов работы в день, да чтобы не тревожили телефонные звонки, то, нет сомнения, они дали бы в пять раз лучшую программу. Но сути дела здесь никто не оспаривал. Программа, которая не скажет об основах товарного хозяйства и капитализма, не будет марксистской интернациональной программой. Чтобы быть интернациональной, ей мало еще провозгласить Всемирную Советскую Республику, или отмену наций, как провозгласил Пятаков: наций никаких не нужно, а нужно объединение всех пролетариев. Конечно, это великолепная вещь и это будет, только совсем на иной стадии коммунистического развития. Пятаков с видимым превосходством говорит: „Вы были отстали в 1917 году и вы подвинулись теперь“. Мы подвинулись тогда, когда вставили в программу то, что стало соответствовать действительности. Когда мы сказали, что нации двигаются от буржуазной демократии к пролетарской власти, мы сказали то, что теперь есть, а в 1917 году это было то, что вам было желательно.

Когда у нас со спартаковцами будет то полное товарищеское доверие, которое нужно для единого коммунизма, то товарищеское доверие, которое с каждым днем рождается и может быть через несколько месяцев создается, тогда оно будет запечатлено в программе. Но пока этого еще нет, провозглашать это—значит притягивать их к тому, до чего они своим опытом еще не дошли. Мы говорим, что советский тип получил интернациональное значение. Бухарин указывал на английские коми-

теты фабричных старост. Это не совсем то, что советы. Они растут, но они еще в утробе. Когда они выйдут на свет, тогда мы „будем посмотреть“. А сказать, что мы русские советы дауем английским рабочим, это не выдерживает ни тени критики.

Далее мне следует остановиться на вопросе о самоопределении наций. Этот вопрос в нашей критике получил раздутое значение. Тут сказалась слабость нашей критики. Такой вопрос, в сущности играющий в общем строительстве программы, в общей сумме программных требований менее чем второстепенное значение,—получил в нашей критике значение специальное.

Когда Пятаков говорил, я диву давался, что это такое: рассуждение о программе, или спор двух организационных бюро. Смысл его речи был таков: к чему все эти самоопределения, когда есть прекрасный Ц. К. в Москве! Это—точка зрения детская. Она упускает из виду другие страны. Украина отделена была от России исключительными условиями и национальное движение не пустило там корни глубоко. Насколько оно проявилось, немцы вышибли его. Это факт, но факт исключительный. Там даже с языком дело так обстоит, что неизвестно: масовый ли украинский язык или нет? Трудящиеся массы других наций были полны недоверия к великороссам, как к нации кулацкой и давящей. Это факт. Мне рассказывал финский представитель, что среди финляндской буржуазии, которая ненавидела великороссов, раздаются голоса: „Немцы оказались большим зверем, союзные державы—большим зверем, давайте лучше большевиков“. Вот громаднейшая победа, которую мы в национальном вопросе одержали над финской буржуазией. Это несколько не помешает нам бороться с ней, как с классовым противником, выбирая для этого подходящие средства. Советская республика, образовавшаяся в той стране, царизм которой угнетал Финляндию, должна сказать, что она уважает право независимости наций. С красным финским правительством, которое существовало короткое время, мы заключили договор, пошли на известные территориальные уступки, из-за которых я слышал не мало возражений чисто шовинистических: „там, дескать, хорошие рыбные промыслы, а вы их отдали“. Это—такие возражения, по поводу которых я говорил: поскрести иного коммуниста—и найдешь великорусского шовиниста.

Мне кажется, что этот пример относительно Финляндии, как и относительно башкир показывает, что в национальном во-

просе нельзя рассуждать так, что нужно во что бы то ни стало хозяйственное единство. Конечно, нужно! Но мы должны добиваться его проповедью, агитацией, добровольным союзом. Башкиры имеют недоверие к великороссам, потому что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкиров грабить. Поэтому в этих глухих местах имя великоросса для башкир значит „угнетатель“, „мошенник“. Надо с этим считаться, надо с этим бороться. Но ведь это — длительная вещь. Ведь этого никаким декретом не устранишь. В этом деле мы должны быть очень осторожны. Осторожность особенно нужна со стороны такой нации, как великорусская, которая вызвала во всех других нациях бешеную ненависть, и только теперь мы научились это исправлять, да и то плохо. У нас есть, например, коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! По моему такой коммунист, это — великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас и с ним надо бороться.

Вот почему мы должны сказать другим нациям, что мы до конца интернационалисты и стремимся к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций. Это нисколько не исключает войн. Война, это — другой вопрос, вытекающий из сущности империализма. Если мы воюем с Вильсоном, а Вильсон превращает маленькую нацию в свое орудие, мы говорим: мы боремся с этим орудием. Мы никогда против этого не высказывались. Мы никогда не говорили, что социалистическая республика может существовать без военной силы. При известных условиях война может представляться необходимостью. А в вопросе о самоопределении суть дела в том, что разные нации идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками, и что более культурные нации идут заведомо иначе, чем менее культурные. Финляндия шла иначе. Германия идет иначе. Пятаков тысячу раз прав, что нам необходимо единство. Но надо бороться за него пропагандой, партийным влиянием, созданием единых профессиональных союзов. Однако и тут нельзя действовать по одному шаблону. Возьмите Германию. Мы завоевали профессиональное движение, а товарищи немцы говорят: „у нас такие желтые вожди сидят во всех профессиональных союзах, что наш лозунг — ликвидация профессиональных союзов“ Мы говорим им: „у вас национальные особенности, вы вполне правы“. Если бы мы уничтожили этот пункт

или редактировали его иначе, мы бы вычеркнули национальный вопрос из программы. Это можно было бы сделать, если бы были люди без национальных особенностей. Но таких людей нет, и иначе социалистического общества мы никак не можем построить.

Я думаю, товарищи, что программу, предложенную здесь, надо взять за основу, сдать в комиссию, пополнив ее представителями оппозиции, или вернее товарищами, делавшими здесь деловые предложения, и из этой комиссии вынести: 1) перечисленные исправления проекта и 2) те теоретические возражения, относительно которых соглашения быть не может. Я думаю, что это будет самая деловая постановка вопроса, которая самым быстрым образом даст нам правильное решение.

## **О работе в деревне.**

(Заседание 23 марта 1919 г.)

Товарищи! Я должен извиниться, что мне не удалось присутствовать на всех заседаниях секции, которую избрал съезд по вопросу о работе в деревне, дополнением поэтому явятся речи товарищей, которые участвовали в этой секции с самого начала ее работы. Секция выработала в конце концов тезисы, которые были сданы в комиссию и которые вам будут доложены. Я хотел бы остановиться на общем значении вопроса, как он встал перед нами в итогах работы секции и как он, на мой взгляд, встал теперь перед партией в целом.

Товарищи, совершенно естественно, что в развитии пролетарской революции нам приходится выдвигать на первое место один, то другой из наиболее сложных и важных вопросов общественной жизни. Совершенно естественно, что при переводе, который затрагивает и не может не затрагивать самые глубокие основы жизни, самые широкие массы населения,—ни одна партия, ни одно даже самое близкое к массам правительство абсолютно не в состоянии охватить сразу все стороны жизни.

Если сейчас нам приходится останавливаться на вопросе о работе в деревне и из этого вопроса выделить преимущественно положение среднего крестьянина,—то, с точки зрения развития пролетарской революции вообще, тут не может быть ничего странного и ненормального. Понятно, что пролетарской революции пришлось начать с основного отношения между двумя:

враждебными классами, между пролетариатом и буржуазией. Основной задачей было передать власть в руки рабочего класса, обеспечить эту диктатуру, свергнуть буржуазию и отнять у нее те экономические источники ее власти, которые безусловно являются помехой в деле всякого социалистического строительства вообще. Все мы, поскольку знакомы с марксизмом, никогда не сомневались в той истине, что решающее значение в капиталистическом обществе может иметь, по самому экономическому строению общества, либо пролетариат, либо буржуазия. Теперь мы видим много бывших марксистов,—напр., из лагеря меньшевиков,—утверждающих, будто в период решительной борьбы пролетариата с буржуазией может господствовать демократия вообще. Так говорят меньшевики, всецело спевшиеся с эс-эрами. Точно не сама буржуазия создает или отменяет демократию, смотря по тому, что ей выгоднее! А раз так, то не может быть никакой речи о демократии вообще во время обостренной борьбы буржуазии с пролетариатом. Приходится только удивляться, как быстро эти марксисты или яко-бы марксисты,—напр., наши меньшевики,—как быстро они разоблачают себя, как быстро выходит наружу настоящая их природа, природа мелко-буржуазных демократов.

Маркс всю жизнь боролся против иллюзий мелко-буржуазной демократии и буржуазного демократизма. Маркс больше всего высмеивал свободу рабочих умирать с голоду, или равенство человека, продающего свою рабочую силу, с буржуа, который будто бы на свободном рынке свободно и равноправно покупает его труд и т. п. Маркс во всех своих экономических произведениях выяснял это. Можно сказать, что весь „Капитал“ Маркса посвящен выяснению той истины, что основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат.—Буржуазия, как строитель этого капиталистического общества, как его руководитель; пролетариат, как его могильщик, как единственная сила, способная сменить ее. Едва ли найдется хоть одна глава в каком бы то ни было сочинении Маркса, которая не была бы посвящена этому. Можно сказать, что социалисты всего мира во II Интернационале бесчисленное количество раз клялись и божились перед рабочими в понимании этой истины. Но когда дошло дело до настоящей и притом решительной борьбы между пролетариатом и буржуазией за власть, тогда мы увидели, что наши меньшевики и эс-эры,

а также вожди старых социалистических партий во всем мире эту истину забыли и принялись чисто механически повторять филистерские фразы о демократизме вообще.

У нас иногда пытаются придать этим словам нечто как будто более „крепкое“, когда говорят—„диктатура демократии“. Это уже совершенная бессмыслица. Мы из истории прекрасно знаем, что диктатура демократической буржуазии обозначала не что иное, как расправу с восставшими рабочими. Так было начиная с 1848 г., во всяком случае не позже, но отдельные примеры можно найти и раньше. История показывает нам, что именно в буржуазной демократии развертывается широко и свободно самая острая борьба между пролетариатом и буржуазией. Нам пришлось убедиться в правильности этой истины на практике. Если шаги советского правительства с октября 1917 г. отличались твердостью во всех коренных вопросах, то это именно потому, что мы от этой истины никогда не отступали, никогда ее не забывали. Только диктатура одного класса—пролетариата—может решить вопрос о борьбе с буржуазией за господство. Победить буржуазию может только диктатура пролетариата. Свергнуть буржуазию может только пролетариат. Вести за собой массы против буржуазии может только пролетариат.

Однако отсюда ни в коем случае не следует,—это было бы глубочайшей ошибкой,—что и в дальнейшем строительстве коммунизма, когда буржуазия уже свергнута, когда политическая власть уже в руках пролетариата,—будто и дальше нам можно обойтись без участия средних промежуточных элементов.

Естественно, что в начале революции,—пролетарской революции,—все внимание ее деятелей устремляется на главное, основное: на господство пролетариата и обеспечение того, чтобы буржуазия не могла вернуться к власти снова. Мы прекрасно знаем, что в руках буржуазии до сих пор остаются преимущества, связанные с ее богатствами в других странах, или состоящие, иногда даже у нас, в денежном богатстве. Мы хорошо знаем, что буржуазия не оставила мысли о возвращении своей власти, не прекратила попыток к восстановлению своего господства.

Но это далеко еще не все. Буржуазия, которая больше всего выдвигает принцип: „где хорошо, там отечество“, буржуазия, которая в смысле денег всегда была интернациональна, буржуазия в мировом масштабе сейчас еще сильнее нас. Ее господ-

ство быстро подрывается, она видит такие примеры, как венгерская революция,—о которой мы имели счастье вчера вам сообщить, и о которой сегодня приходят подтверждающие сведения,—она уже начинает понимать, что ее господство колеблется, у нее не остается свободы действий. Но сейчас, если учитывать материальные средства во всемирном масштабе, нельзя не признать, что материально буржуазия теперь еще сильнее нас.

Вот почему девять десятых нашего внимания, нашей практической деятельности были и должны были быть посвящены этому основному вопросу—свержению буржуазии, утверждению власти пролетариата, устранению всякой возможности возврата буржуазии к власти. Это совершенно естественно, законно, неизбежно и очень многое в этом отношении было с успехом сделано.

Теперь же мы должны поставить на очередь вопрос о других слоях. Мы должны,—это было общее наше заключение в аграрной секции, и в этом, мы уверены, сойдутся все партийные работники, потому что мы только подытожили опыт их наблюдений,—мы должны поставить на очередь во всем его объеме вопрос о среднем крестьянстве.

Конечно, найдутся люди, которые вместо обдумывания хода нашей революции, вместо размышления о том, какие задачи стоят сейчас перед нами,—вместо этого используют всякий шаг Советской власти для хихиканья и критиканства того типа, что мы наблюдаем у господ меньшевиков и правых эс-эров. Это—люди, которые до сих пор не поняли, что они должны сделать выбор между нами и буржуазной диктатурой. Мы проявили по отношению к ним много терпения и даже добродушия, мы предоставим им еще раз возможность испытать это наше добродушие, но в недалеком будущем этому терпению и добродушию мы положим конец и, если они своего выбора не сделают, мы совершенно серьезно предложим им отправиться к Колчаку.

Мы не ожидаем особенно блестящих умственных способностей от этих людей. (Смех). Но можно было бы ожидать, что, испытав на себе зверства Колчака, они должны бы понять, что мы имеем право требовать от них, чтобы они сделали выбор между нами и Колчаком. Если в первые месяцы после октября многие наивные люди имели глупость думать, что диктатура пролетариата это нечто преходящее, случайное, то теперь даже меньшевики и эс-эры должны бы понять, что есть что-то законо-

жерное в той борьбе, которая идет под натиском всей международной буржуазии.

На деле создались только две силы: диктатура буржуазии и диктатура пролетариата. Кто не вычитал этого из Маркса, кто не вычитал этого из сочинений всех великих социалистов,— тот никогда социалистом не был, ничего в социализме не понимал, а только называл себя социалистом. Этим людям мы даем короткий срок на размышление и требуем, чтобы они этот вопрос решили. Я упомянул о них потому, что теперь они говорят или будут говорить: „Большевики поставили вопрос о среднем крестьянстве, хотят заигрывать с ним“. Я превосходно знаю, что аргументация этого рода и гораздо более худшая находит широкое место в меньшевистской печати. Мы ее отбрасываем, мы никогда не придаем значения болтовне наших противников. Люди, способные до сих пор перебегать между буржуазией и пролетариатом, могут говорить, что хотят. Мы идем своей дорогой.

Наш путь определяется прежде всего классовым учетом сил. В капиталистическом обществе развивается борьба буржуазии и пролетариата. Пока эта борьба еще не закончена, наше усиленное внимание будет сосредоточено на том, чтобы довести ее до конца. Она еще не доведена до конца. В этой борьбе уже многое удалось сделать. Сейчас международная буржуазия уже не может действовать со свободными руками. Лучшее доказательство этому то, что произошла венгерская пролетарская революция. Поэтому ясно, что наше строительство в деревне вышло уже за те рамки, когда все подчинено было основному требованию борьбы за власть.

Это строительство прошло две главные фазы. В октябре 1917 года мы брали власть вместе с крестьянством в целом. Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась. Как я уже говорил, только летом 1918 года началась настоящая пролетарская революция в деревне. Если бы мы не сумели поднять эту революцию, работа наша была бы негодна. Первым этапом было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты—не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне.

Этот этап в основном также закончен. Те организации,

которые мы первоначально для этого создали, комитеты бедноты настолько упрочились, что мы нашли возможным заменить их правильно выбранными советами, т.е. реорганизовать сельские советы так, чтобы они стали органами классового господства, органами пролетарской власти в деревне. Такие мероприятия, как закон о социалистическом землеустройстве и о переходных мерах к социалистическому земледелию, — который прошел не очень давно через Центральный Исполнительный Комитет и всем, конечно, известен,—подводят итог пережитому с точки зрения нашей пролетарской революции.

Главное, что является первой и основной задачей пролетарской революции, мы сделали. Именно потому, что мы это сделали,—на очередь стала задача более сложная: отношение к среднему крестьянству. Кто думает, что выдвигание этой задачи является чем-либо похожим на ослабление характера нашей власти, на ослабление диктатуры пролетариата, на изменение, хотя бы частичное, хотя бы совсем слабое изменение нашей основной политики,—тот совершенно не понимает задач пролетариата, задач коммунистического переворота. Я уверен, что таких людей в нашей партии не найдется.

Я хотел только предостеречь товарищей против тех людей, которые найдутся вне рабочей партии и будут так говорить не потому, чтобы это вытекало из какого-нибудь миросозерцания, а просто для того, чтобы испортить дело нам и помочь белогвардейцам,—говоря проще, чтобы натравить на нас среднего мужика, который всегда колебался, не может не колебаться и довольно долго еще будет колебаться. Чтобы натравить его на нас, они будут говорить: „смотрите, они заигрывают с вами! Значит, учли ваши восстания, значит поколебались“ и т. д. и т. п. Нам нужно, чтобы против такой агитации все наши товарища были вооружены. И я уверен, что они будут вооружены, если мы добьемся теперь постановки этого вопроса с точки зрения классовой борьбы.

Совершенно ясно, что этот основной вопрос является задачей более сложной, но не менее насущной: как определить точно отношение пролетариата к среднему крестьянству?

Товарищи, этот вопрос для марксистов не представляет трудности с точки зрения теоретической, которую усвоило громадное большинство рабочих. Я напому, например, что в книге Каутского об аграризме вопросе <sup>93)</sup>),—написанной еще в то время.

когда Каутский правильно излагал учение Маркса и признавался бесспорным авторитетом в этой области,—в этой книге об аграрном вопросе он говорит по поводу перехода от капитализма к социализму: задачей социалистической партии является нейтрализация крестьянства, т.-е. достижение того, чтобы крестьянин остался нейтральным в борьбе между пролетариатом и буржуазией, чтобы крестьянин не мог оказать активной помощи буржуазии против нас.

В течение громадного периода господства буржуазии крестьянство поддерживало ее власть, было на стороне буржуазии. Это понятно, если принять во внимание экономическую силу буржуазии и политические средства ее господства. Мы не можем рассчитывать, чтобы средний крестьянин стал немедленно на нашу сторону. Но если мы правильно будем вести политику, то через некоторое время эти колебания прекратятся, и крестьянин сможет встать на нашу сторону.

Еще Энгельс, который вместе с Марксом заложил основы научного марксизма, т.-е. учения, которым руководится наша партия постоянно и в особенности во время революции,—еще Энгельс устанавливал подразделение крестьянства на мелкое, среднее и крупное. И это деление для громадного большинства европейских стран и теперь соответствует действительности. Энгельс говорил: „может быть даже крупное крестьянство не везде придется подавлять насильем“. А чтобы мы могли когда-нибудь применять насилье к среднему крестьянству (мелкое— наш друг),—об этом ни один разумный социалист никогда не думал.

Так говорил Энгельс в 1894 г., за год до своей смерти, когда аграрный вопрос встал на очередь дня. Эта точка зрения нам показывает ту истину, которую иногда забывают, но относительно которой в теории мы все согласны. По отношению к помещикам, к капиталистам наша задача—полная экспроприация. Но никаких насилий по отношению к среднему крестьянину мы не допускаем. Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков. В нашей программе это различие проведено. Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контр-революционных поползновений. Это не есть полная экспроприация.

Основное различие, которое определяет наше отношение к буржуазии и к среднему крестьянству,—полная экспроприация буржуазии, союз с средним крестьянством, не эксплуатирующим других,—эта основная линия в теории всеми признается. Но на практике эта линия соблюдается непоследовательно, на местах не научились еще соблюдать ее.

Когда, свергнув буржуазию и укрепив свою власть, пролетариат взялся с разных сторон за дело созидания нового общества, вопрос о среднем крестьянстве выдвинулся на первый план. Ни один социалист в мире не отрицал того, что созидание коммунизма пойдет по-разному в странах крупного и в странах мелкого земледелия. Это самая элементарная, азбучная истина. Из этой истины вытекает, что по мере того, как мы приближаемся к задачам коммунистического строительства, центральное внимание наше должно сосредоточиться в известной мере как раз на среднем крестьянстве.

Многое зависит от того, как мы определим наше отношение к среднему крестьянству. Теоретически этот вопрос решен, но мы превосходно испытали, мы по себе знаем разницу между теоретическим решением вопроса и практическим проведением решения в жизнь. Мы подошли вплотную к этой разнице, которая так характерна для великой французской революции, когда французский конвент размахивался широкими предприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не знал даже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры.

Мы стоим в условиях неизмеримо более счастливых. Благодаря целому веку развития мы знаем, на какой класс мы опираемся. Но мы знаем также и то, что практического опыта у этого класса очень еще не достаточно. Основное для рабочего класса, для рабочей партии было ясно: свергнуть власть буржуазии и дать власть рабочим. Но как это сделать? Все помнят, с какими трудностями, через сколько ошибок мы переходили от рабочего контроля к рабочему управлению промышленностью. А ведь это было работой внутри нашего класса, внутри пролетарской среды, с которой нам всегда приходилось иметь дело. А теперь нам приходится определять наше отношение к новому классу, к тому классу, которого городской рабочий не знает.

Необходимо определить отношение к классу, который не имеет определенного устойчивого положения. Пролетариат в массе за социализм, буржуазия в массе против социализма: опре-

делить отношение между двумя этими классами легко. А когда мы переходим к такому слою, как среднее крестьянство, то оказывается, что это такой класс, который колеблется. Он отчасти собственник, отчасти труженик. Он не эксплуатирует других представителей трудящихся. Ему десятилетия приходилось с величайшим трудом отстаивать свое положение, он испытал на себе эксплуатацию помещиков и капиталистов, он вынес все, и в то же время он — собственник.

Поэтому наше отношение к этому колеблющемуся классу представляет громадные трудности. Основываясь на нашем более чем годичном опыте, на нашей более чем полугодовой пролетарской работе в деревне, на том, что уже произошло классовое расслоение деревни, — мы больше всего должны остерегаться здесь торопливости, неумелой теоретичности, претензий счесть готовым то, что нами вырабатывается, чего мы еще не выработали. В резолюции, которую предлагает нам комиссия, выбранная секцией, и которую вам прочтет один из дальнейших ораторов, вы найдете достаточное предостережение на этот счет.

С точки зрения экономической ясно, что нам нужно пойти на помощь среднему крестьянству. В этом теоретически нет никакого сомнения. Но при наших нравах, при нашем уровне культуры, при нашем недостатке культурных и технических сил, которые мы могли бы предложить деревне, и при том бессилии, с которым мы часто подходим к деревне, — товарищи очень часто проводят принуждение, чем портят все дело.

Еще далее, как вчера мне один товарищ дал брошюрку, называемую „Инструкция для партийной работы в Нижегородской губ.“, издание Нижегородского Комитета Р. К. П. (большевиков), — и в этой брошюрке я читаю, например, на странице 41: „декрет о чрезвычайном налоге должен всей тяжестью лечь на плечи деревенских кулаков, спекулянтов и вообще средний элемент крестьянства“. Вот это можно сказать „поняли“! Либо это — опечатка, но нетерпимо, чтобы такие опечатки допускались! Либо это — спешная, торопливая работа, которая показывает, как опасна всякая торопливость в этом деле. Либо тут (это самое худшее предположение, которое я не хочу сделать по отношению к нижегородским товарищам), либо тут просто непонимание. Очень может быть это — просто недосмотр.

На практике происходят такие случаи, как рассказывал один товарищ в комиссии. Его обступили крестьяне и каждый спра-

шивал: „Определи, середняк я или нет? У меня две лошади и одна корова. У меня две коровы и одна лошадь“ и т. д. И вот этому агитатору, разъезжающему по всем уездам, необходимо обладать таким безошибочным термометром, чтобы можно было поставить его крестьянину и сказать, середняк он или нет. Для этого надо знать всю историю хозяйства этого крестьянина, отношение его к низшим и высшим группам,—а знать этого с точностью мы не можем...

Тут надо много практического умения, знания местных условий. Этого у нас еще нет. Сознаться в этом вовсе не совестно: мы должны открыто это признать. Мы никогда не были утопистами и не воображали, что коммунистическое общество мы будем строить чистенькими руками чистеньких коммунистов, которые должны рождаться и воспитываться в чисто коммунистическом обществе. Это—детские побасенки.

Строить коммунизм мы должны из обломков капитализма, и только тот класс, который закален в борьбе против капитализма, может это сделать. Пролетариат,—вы превосходно это знаете,—не лишен недостатков и слабостей капиталистического общества. Он борется за социализм и вместе с тем борется против своих собственных недостатков. Лучшая передовая часть пролетариата, которая в городах десятилетиями вела отчаянную борьбу,—могла перенимать в этой борьбе всю культуру городской столичной жизни и в известной степени ее восприняла. Вы знаете, что деревня была осуждена даже в передовых странах на темноту. Конечно, культурность деревни будет нами повышена, но это дело годов и годов. Вот что у нас всюду забывают товарищи и вот что особенно наглядно рисует перед нами каждое слово людей с мест, не здешних интеллигентов, не людей ведомственных,—их мы много слышали,—а людей, практически наблюдавших работу в деревне. Вот эти голоса нам были особенно ценны в аграрной секции. Эти голоса будут особенно ценны теперь, я уверен в этом,—для всего партийного съезда, так как взяты они не из книг, не из декретов, а из самой жизни.

Все это побуждает нас работать в том смысле, чтобы внести побольше ясности в наши отношения к среднему крестьянству. Это очень трудно, потому что ясности этой нет в жизни. Этот вопрос не только не разрешен, но и неразрешим, если хотят решить его сразу и сейчас же. Есть люди, которые говорят: „не нужно было писать такого количества декретов“,—

и упрекают советское правительство за то, что оно взялось записание декретов, не зная, как их провести в жизнь. Эти люди в сущности не замечают, как они скатываются к белогвардейцам. Если бы мы ожидали, что от написания сотни декретов изменится вся деревенская жизнь, мы были бы круглыми идиотами.

Но если бы мы отказались от того, чтобы в декретах наметить путь, мы были бы изменниками социализму. Эти декреты, которые практически не могли быть проведены сразу и полностью, играли большую роль для пропаганды. Если в прежнее время мы пропагандировали общими истинами, то теперь мы пропагандируем работой. Это—тоже проповедь, но это проповедь действием—только не в смысле единичных действий каких-нибудь выскочек, над чем мы много смеялись в эпоху анархистов и старого социализма

Наш декрет есть призыв, но не призыв в прежнем духе: „рабочие, поднимайтесь, свергайте буржуазию!“ . Нет, это призыв к массам, призыв их к практическому делу. Декреты, это—инструкции, зовущие к массовому практическому делу. Вот что важно. Пусть в этих декретах многое негодно, много такого, что в жизнь не пройдет. Но в них есть материал для практического дела, и задача декрета состоит в том, чтобы научить практическим шагам те сотни, тысячи, миллионы людей, которые прислушиваются к голосу Советской власти. Это—проба практического действия в области социалистического строительства в деревне. Если мы будем так смотреть, тогда из суммы наших законов, декретов и постановлений мы вынесем чрезвычайно много. Мы не будем смотреть на них, как на абсолютные постановления, которые надо во что бы то ни стало, тотчас же, сразу провести.

Надо избегать всего, что могло бы поощрить на практике отдельные злоупотребления. К нам присосались кое-где карьеристы, авантюристы, которые назвали коммунистами и надувают нас, которые полезли к нам потому, что коммунисты теперь у власти, потому, что более честные „служилые“ элементы не пошли к нам работать вследствие своих отсталых идей, а у карьеристов нет никаких идей, нет никакой честности. Эти люди, которые стремятся только выслужиться, пускают на местах в ход принуждение и думают, что это хорошо. А на деле это приводит иногда к тому, что крестьяне говорят: „да здравствует Советская власть, но долой коммунию!“ (т.-е. коммунизм). Такие случаи не выдуманы, а взяты из живой жизни, из сообщений

товарищей с мест. Мы не должны забывать того, какой гигантский вред приносит всякая неумеренность, всякая скоропалительность и торопливость.

Нам нужно было спешить во что бы то ни стало, путем отчаянного прыжка, выйти из империалистической войны, которая нас довела до краха, нужно было употребить самые отчаянные усилия, чтобы раздавить буржуазию и те силы, которые грозили раздавить нас. Все это было необходимо, без этого мы не могли бы победить. Но если подобным образом действовать по отношению к среднему крестьянству,—это будет таким идиотизмом, таким тупоумием и такой гибелью дела, что сознательно так работать могут только провокаторы.

Задача должна быть здесь поставлена совсем иначе. Тут речь идет не о том, чтобы сломить сопротивление заведомых эксплуататоров, победить их и низвергнуть,—задача, которую мы ставили раньше. Нет, по мере того, как мы эту главную задачу решили, на очередь становятся задачи более сложные. Тут насилеи́ем ничего не создашь. Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред. Это—слой многочисленный, многомиллионный. Даже в Европе, где он нигде не достигает такой силы, где гигантски развита техника и культура, городская жизнь, железные дороги, где всего легче было бы думать об этом,—никто, ни один из самых революционных социалистов, никогда не предлагал насильственных мер по отношению к среднему крестьянству.

Когда мы брали власть, мы опирались на все крестьянство целиком. Тогда у всех крестьян была одна задача—борьба с помещиками. Но до сих пор у них осталось предубеждение против крупного хозяйства. Крестьянин думает: „если крупное хозяйство, значит я опять батрак“. Конечно, это ошибочно. Но у крестьянина с представлением о крупном хозяйстве связана ненависть, воспоминание о том, как угнетали народ помещики. Это чувство остается, оно еще не умерло.

В Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по самой сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе. Здесь нет той верхушки, которую можно срезать, оставив весь фундамент, все здание. Той верхушки, которою в городе были капиталисты, здесь нет. Действовать здесь насилеи́ем, значит погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания:

Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире, является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что „коммуния“ лучше всего. Конечно, не выйдет никакого толку, если в деревне будут появляться скоропалительные люди, которые порхнули туда из города, приехали, покалякали, учинили несколько интеллигентских, а то и не интеллигентских склок, и, расплевавшись, разъехались. Это бывает. Вместо уважения, они вызывают насмешку и совершенно законно.

По этому вопросу мы должны сказать, что коммуны мы поощряем, но они должны быть поставлены так, чтобы завоевать доверие крестьянина. А до тех пор мы—учащиеся у крестьян, а не учителя их. Нет ничего глупее, когда люди, не знающие сельского хозяйства и его особенностей, люди, которые бросились в деревню только потому, что они слышали о пользе общественного хозяйства, устали от городской жизни и желают в деревне работать,—когда такие люди считают себя во всем учителями крестьян. Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина.

Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать! Вот правило, которое мы себе поставили. (*Аплодисменты всего съезда.*)

Вот правило, которое мы постарались изложить в нашем проекте резолюции, ибо в этом отношении, товарищи, мы действительно погрешили не мало. Признаться в этом несколько не стыдно. У нас не было опыта. Самая борьба с эксплуататорами взята нами из опыта. Если нас иногда осуждали за нее, то мы можем сказать: „Господа капиталисты, вы в этом виноваты. Если бы вы не оказали такого дикого, такого бессмысленного, наглого и отчаянного сопротивления, если бы вы не пошли на союз с буржуазией всего мира,—переворот принял бы более мирные формы“.

Теперь, отразив бешеный натиск со всех сторон, мы можем перейти к иным методам, потому что мы действуем не как кружок, а как партия, ведущая за собой миллионы. Миллионы не могут сразу понять перемены курса и поэтому сплошь да рядом удары, предназначенные для кулаков, попадают на среднего крестьянина. Это неудивительно. Надо только понять, что это

вызывается историческими условиями, которые изжиты, и что новые условия и новые задачи, по отношению к этому классу, требуют новой психологии.

Наши декреты относительно крестьянского хозяйства в основе правильны. Мы ни от одного из них не имеем оснований отказываться, ни об одном жалеть. Но если декреты правильны, то неправильно навязывать их крестьянину силой. Ни в одном декрете об этом не говорится. Они правильны, как намеченные пути, как призыв к практическим мероприятиям. Когда мы говорим: „поощряйте объединение“, мы даем директивы, которые много раз должны быть испробованы, чтобы найти окончательную форму их проведения. Раз сказано, что необходимо добиваться добровольного согласия, значит нужно крестьянина убеждать и нужно убеждать практически. Словами они не дадут себя убедить и прекрасно сделают, что не дадут. Плохо было бы, если бы они давали себя убеждать одним прочтением декретов и агитационными листками. Если бы так можно было переделать экономическую жизнь, вся эта переделка не стоила бы ломаного гроша. Нужно сначала доказать, что такое объединение лучше, объединить людей так, чтобы они действительно объединились, а не расплевались,—доказать, что это выгодно. Так ставит вопрос крестьянин и так ставят вопрос наши декреты. Если мы до сих пор этого добиться не умели, в этом ничего постыдного нет, мы должны это открыто признать.

Мы решили пока только основную для всякого социалистического переворота задачу,—задачу победы над буржуазией. Эту задачу в основном мы решили, хотя сейчас начинается страшно трудное полугодие, когда империалисты всего мира делают последние усилия, чтобы нас задавить. Мы можем теперь сказать, нисколько не преувеличивая, что они сами поняли, что после этого полугодия их дело абсолютно безнадежно. Либо теперь они воспользуются нашим истощением и победят одну страну либо мы окажемся победителями не только по отношению к нашей стране, а ко всему миру. В это полугодие, когда продовольственный и транспортный кризисы сгрудились и империалистские державы пытаются наступать на нескольких фронтах, наше положение чрезвычайно тяжело, но это—последнее тяжелое полугодие.

Необходимо по-прежнему напрягать все усилия на борьбу со внешним врагом, который нападает на нас. Но когда мы го-

ворим о задачах деревенской работы, мы должны, несмотря на все трудности, несмотря на то, что весь наш опыт устремлен на непосредственное подавление эксплуататоров,—мы должны помнить и не забывать, что в деревне, по отношению к среднему крестьянству, задачи стоят иначе.

Все сознательные рабочие, питерские, иваново-вознесенские, московские, которые бывали в деревне, все рассказывали нам примеры того, что целый ряд недоразумений, самых, казалось бы, неустранимых, целый ряд конфликтов, самых, казалось бы, крупных, устранялись и ослаблялись тем, что выступали толковые рабочие, которые говорили не по книжному, а на понятном мужику языке, говорили не как командиры, позволяющие себе командовать, хотя они не знают деревенской жизни, а как товарищи, разъясняющие положение, взывающие к их чувству трудящихся против эксплуататоров. И на этой почве товарищеского разъяснения достигалось то, чего не могли достигнуть сотни других, которые вели себя как командиры и начальники.

Вот каким духом проникнута вся резолюция, которую мы теперь предлагаем вашему вниманию.

Я пытался в своем кратком докладе остановиться на принципиальной стороне, на общем политическом значении этой резолюции. Я пытался доказать,—и мне хочется думать, что мне удалось доказать,—что с точки зрения интересов всей революции в целом у нас нет никакого поворота, нет никакого изменения линии. Белогвардейцы и их помощники кричат или будут кричать об этом. Пусть кричат. Нас это не трогает.

Мы последовательнейшим образом развиваем наши задачи. Нам необходимо от задачи подавления буржуазии перенести наше внимание на задачу устройства жизни среднего крестьянства. Мы должны с ним жить в мире. Среднее крестьянство в коммунистическом обществе только тогда будет на нашей стороне, когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни. Если бы мы могли дать завтра 100.000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это—фантазия), то средний крестьянин сказал бы: „я за коммунию“ (т.-е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить. Только так будет верно поставлен вопрос.

Крестьянин нуждается в промышленности города, без нее он жить не может, а она в наших руках. Если мы возьмемся за дело правильно, тогда крестьянин будет благодарен нам за то, что мы понесем ему из города эти продукты, эти орудия, эту культуру. Их понесут ему не эксплуататоры, не помещики, а такие же товарищи-труженики, которых он ценит чрезвычайно глубоко. Но ценит практически, ценит только их фактическую помощь, отвергая—и вполне справедливо отвергая командование, „предписания“ сверху.

Сначала помогите, потом добивайтесь доверия. Если правильно будет вестись это дело, если правильно будет поставлен каждый шаг каждой нашей группы в уезде, в волости, в продовольственном отряде, в любой организации, если каждый шаг будет внимательно проверен с этой точки зрения,— мы завоеваем доверие крестьянина и лишь тогда мы сможем идти дальше. Теперь мы должны дать ему помощь, дать совет. Это не будет приказ командира, а совет товарища. Крестьянин будет тогда вполне за нас

Вот что, товарищи, содержит наша резолюция, вот что, мне кажется, должно стать решением съезда. Если мы это примем, если это будет определять всю работу наших партийных организаций, тогда мы справимся и со второй великой задачей, которая перед нами стоит.

Как свергнуть буржуазию, как ее подавлять,—этому мы научились и этим гордимся. Как урегулировать отношения с миллионами среднего крестьянства, каким путем завоевать его доверие,—этому мы еще не научились. Это надо сказать открыто, но задачу мы поняли, мы ее поставили и мы говорим себе со всей надеждой, со всем знанием и со всей решительностью: с этой задачей мы справимся и тогда социализм будет абсолютно непобедим.

## **Заключительная речь.**

(Заседание 23 марта )

Товарищи! Нам пришлось собраться в минуту тяжелую не только потому, что мы потеряли нашего лучшего организатора и практического руководителя Якова Михайловича Свердлова <sup>(3)</sup>). Нам пришлось собраться в особенно трудную минуту потому,

что международный империализм,—теперь в этом уже нет совсем сомнений,—делает последнюю, особенно сильную попытку раздавить Советскую Республику. Для нас нет сомнений, что усиленное наступление с запада и востока, совместно с целым рядом белогвардейских восстаний, попытка разобрать железные дороги в нескольких местах,—что все это представляет из себя совершенно ясно обдуманый и очевидно решенный в Париже шаг империалистов союзных держав. Мы все знаем, товарищи, с какими трудностями Россия, перенесшая четырехлетнюю империалистскую войну, должна была снова взяться за оружие, чтобы отстаивать Советскую Республику против хищников империалистов. Мы все знаем, как тяжела эта война, как она нас истощает. Но мы знаем также, что если война эта ведется с повышенной энергией, с повышенным героизмом, то только потому, что в первый раз в мире создана армия, вооруженная сила, знающая, за что она воюет и в первый раз в мире рабочие и крестьяне, приносящие невероятно тяжкие жертвы, ясно сознают, что они защищают Советскую Социалистическую Республику, власть трудящихся над капиталистами, защищают дело всемирной пролетарской социалистической революции.

При этих трудных условиях нам в короткий срок удалось сделать очень крупное дело. Нам удалось утвердить и притом единогласно,—как и все существенные решения съезда,—нам удалось утвердить программу. Мы уверены, что она, несмотря на многочисленные редакционные и другие недочеты, уже вошла в историю III Интернационала, как программа, подводящая итоги новому этапу всемирного освободительного движения пролетариата. Мы уверены, что в целом ряде стран, где у нас гораздо больше союзников и друзей, чем мы знаем, простой перевод нашей программы будет лучшим отчетом на вопрос, что сделала Российская Коммунистическая Партия, которая представляет один из отрядов всемирного пролетариата. Наша программа будет сильнейшим материалом для пропаганды и агитации, будет тем документом, на основании которого рабочие скажут: „здесь наши товарищи, наши братья, здесь делается наше общее дело“.

Товарищи, нам удалось также на этом съезде провести другие важнейшие решения. Мы одобрили создание III Коммунистического Интернационала, который основан здесь в Москве. Мы пришли к единодушному решению по вопросу военному. Как ни велики казались в начале разногласия, как ни разноречивы

были мнения многих товарищей, с полной откровенностью высказавшихся здесь о недостатках нашей военной политики,—нам чрезвычайно легко удалось в комиссии притти к решению абсолютно единогласному. Мы уйдем с этого съезда уверенные, что наш главный защитник, Красная армия, ради которой вся страна приносит такие неисчислимые жертвы,—что она во всех членах съезда, во всех членах партии встретит самых горячих, беззаветно преданных ей помощников, руководителей, друзей и сотрудников.

Товарищи, по организационному вопросу мы решили так легко стоявшие перед нами проблемы потому, что история отношений партий к Советам наметила все эти решения. Нам пришлось только подытоживать. По вопросу о работе в деревне единодушным и быстрым решением съезда мы наметили линию в особенно нужном и особенно трудном вопросе, который в других странах считается даже неразрешимым,—в вопросе об отношении свергнувшего буржуазию пролетариата к среднему многомиллионному крестьянству. Мы все уверены, что эта резолюция съезда укрепит нашу власть. В то тяжелое время, которое мы переживаем, когда империалисты делают последнюю попытку насилем свергнуть Советскую власть, когда острая продовольственная нужда, когда транспортная разруха, ставит снова и снова сотни, тысячи и миллионы людей в отчаянное положение,—в это тяжелое время резолюция, которую мы вынесли, тот дух, которым были воодушевлены члены съезда, помогут это испытание перенести, помогут выйти из этого тяжелого полугодия.

Мы уверены, что это будет последнее тяжелое полугодие. Нас особенно укрепляет в этой уверенности то известие, которое на-днях мы сообщили съезду, известие о победе пролетарской революции в Венгрии<sup>94</sup>). До сих пор Советская власть побеждала только внутри, среди входивших в состав бывшей Российской империи народов. До сих пор близорукие люди, особенно трудно расстающиеся с рутинной, со старыми привычками мысли (хотя бы они и принадлежали к лагерю социалистов), могли думать, что только особенности России вызвали этот неожиданный поворот к пролетарской советской демократии, что в особенностях этой демократии, быть может, отражаются, как в кривом зеркале, старые особенности царской России. Но теперь такое мнение разрушено до основания. Товарищи, известия, которые получены сегодня, рисуют нам картину венгер-

ской революции. Мы узнаем по сегодняшним сообщениям, что союзные державы предъявили самый зверский ультиматум Венгрии о пропуске войск. Буржуазное правительство, видя, что союзные державы хотят провести свои войска через Венгрию, видя, что на Венгрию падает опять неслыханная тяжесть новой войны,—буржуазно-соглашательское правительство само подало в отставку, само вошло в переговоры с коммунистами, венгерскими товарищами, находившимися в тюрьмах, и само признало, что нет иного выхода, кроме как передача власти трудящемуся народу.

Товарищи, если про нас говорили, что мы захватчики, если в конце 1917 года и в начале 1918 года не было другого слова у буржуазии и у многих ее сторонников по отношению к нашей революции, как насилие и захват, если до сих пор раздаются голоса, всю бессмысленность которых мы не раз доказывали, будто бы насилием держится большевистская власть, если такую бессмыслицу можно было повторять раньше,—то теперь пример Венгрии заставляет умолкнуть такие речи. Даже буржуазия увидела, что не может быть другой власти, кроме власти Советов. Буржуазия более культурной страны увидела яснее, чем наша буржуазия накануне 25 октября, что страна гибнет, что все более и более тяжелые испытания ложатся на народ,—значит, власть должна быть в руках Советов, значит, рабочие и крестьяне Венгрии, новая советская пролетарская демократия должна спасти ее.

Трудности венгерской революции, товарищи, громадны. Эта маленькая по сравнению с Россией страна гораздо легче может быть задумана империалистами. Но каковы бы ни были трудности, несомненно стоящие еще перед Венгрией, мы имеем здесь, кроме победы Советской власти, нашу моральную победу. Самая радикальная, наиболее демократическая, соглашательская буржуазия признала, что в момент величайшего кризиса, когда на истощенную войной страну надвигается новая война, Советская власть является исторической необходимостью, признала, что в такой стране не может быть иной власти, кроме власти Советов, кроме диктатуры пролетариата.

Товарищи, за нашими спинами стоит целый ряд революционеров, которые приносили свою жизнь в жертву освобождения России. На долю большинства этих революционных деятелей выпала тяжелая судьба. На их долю выпали преследования ца-

ризма, им не дано было счастье присутствовать при победоносной революции. А нам досталось счастье еще более высокое. Мы не только видели победу нашей революции, мы не только видели, как она среди неслыханных трудностей укреплялась и создавала новые формы власти, привлекающие к нам симпатии всего мира, но мы видим также, что семя, посеянное русской революцией, всходит в Европе. Это создает в нас абсолютную, непреклонную уверенность, что как бы тяжелы ни были испытания, которые могут на нас еще обрушиться, как бы велики ни были беды, которые может еще принести нам издыхающий зверь международного империализма,—этот зверь погибнет и социализм победит во всем мире.

Объявляю VIII съезд Р. К. П. закрытым.

### **Резолюция об отношении к среднему крестьянству <sup>95</sup>).**

(Принята съездом 23 марта 1919 г.)

По вопросу о работе в деревне VIII съезд, стоя на почве принятой 22-го марта 1919 года партийной программы и всецело поддерживая проведенный уже Советской властью закон о социалистическом землеустройстве и переходных мерах к социалистическому земледелию, признает, что в настоящий момент особо важное значение имеет более правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству, в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со стороны местных властей и стремления к соглашению с ним.

1) Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты Советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата с средним крестьянством, в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплуатации.

2) Среднее крестьянство, имеющее сравнительно крепкие экономические корни, в силу отсталости сельско-хозяйственной техники от промышленной даже в передовых капиталистических странах, не говоря уже о России, будет держаться довольно долгое время после начала пролетарской революции. Поэтому

тактика советских работников в деревне, равно как и деятелей партии, должна быть рассчитана на длительный период сотрудничества с средним крестьянством.

3) Партия должна во что бы то ни стало добиться полной ясности и твердого сознания всеми советскими работниками деревни той, вполне установленной научным социализмом истины, что среднее крестьянство не принадлежит к эксплуататорам, ибо не извлекает прибыли из чужого труда. Такой класс мелких производителей не может потерять от социализма, а, напротив, выигрывает в очень сильной степени от свержения ига капитала, эксплуатирующего его тысячью способами во всякой, даже самой демократической республике.

Вполне правильная политика Советской власти в деревне обеспечивает таким образом союз и соглашение победоносного пролетариата со средним крестьянством.

4) Поощряя товарищества всякого рода, а равно сельскохозяйственные коммуны средних крестьян, представители Советской власти не должны допускать ни малейшего принуждения при создании таковых. Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проведены ими на практике. Чрезмерная торопливость в этом деле вредна, ибо способна лишь усилить предубеждения среднего крестьянства против новшеств.

Те представители Советской власти, которые позволяют себе употреблять не только прямое, но хотя бы и косвенное принуждение, в целях присоединения крестьян к коммунам, должны подвергаться строжайшей ответственности и отстранению от работы в деревне.

5) Всякие произвольные реквизиции, т.-е. не опирающиеся на точные указания законов центральной власти, должны беспощадно преследоваться. Съезд настаивает на усилении контроля нар. ком. земледелия, нар. ком. внутренних дел, а равно В. Ц. И. К. в этом отношении.

6) В настоящий момент крайняя разруха, вызванная во всех странах мира 4-летней империалистской войной из-за грабительских интересов капиталистов и особенно обострившаяся в России, ставит средних крестьян в трудное положение.

Принимая это во внимание закон Советской власти о чрезвычайном налоге в отличие от всех законов всех буржуазных правительств в мире, настаивает на том, чтобы тяжесть налога

жилилась целиком на кулаков, на немногочисленных представителей эксплуататорского крестьянства, нажившего себе особые богатства за время войны. Среднее же крестьянство должно облагаться чрезвычайно умеренно, лишь в размере вполне сильном и необременительном для него.

Партия требует, чтобы по отношению к среднему крестьянству взывание к чрезвычайному налогу было смягчено во всяком случае, не останавливаясь даже перед уменьшением общей суммы налога.

7) Социалистическое государство должно развернуть широчайшую помощь крестьянству, заключающуюся, главным образом, в снабжении средних крестьян продуктами городской промышленности и в особенности улучшенными сельско-хозяйственными орудиями, семенами и всяческими материалами для повышения сельско-хозяйственной культуры и для обеспечения труда и жизни крестьян.

Если настоящая разруха не позволяет провести эти меры немедленно и полностью, то на обязанности местных советских властей лежит изыскивать всевозможные пути к оказанию беднейшему и среднему крестьянству всяческой реальной помощи, которая поддержала бы его в настоящий трудный момент. Партия находит необходимым ассигновать для этого крупный государственный фонд.

8) В особенности надо добиваться, чтобы действительно проводился в жизнь и притом полностью закон Советской власти, требующий от советских хозяйств, сельско-хозяйственных коммун и всех подобных объединений оказания немедленной и всесторонней помощи окрестным и средним крестьянам. Только на основе такой, фактически оказываемой, помощи осуществимо соглашение с средним крестьянством. Только так можно и должно завоевать его доверие.

Съезд обращает внимание всех партийных работников на необходимость немедленного реального проведения в жизнь всех требований, которые указаны в аграрной части партийной программы, а именно

а) упорядочение крестьянского землепользования (устранение чересполосицы, длинноземелья и пр.), б) снабжение крестьян улучшенными семенами и искусственными удобрениями, в) улучшение породы крестьянского скота, г) распространение агрономических знаний, д) агрономическая помощь крестьянам, е) ре-

монт в советских ремонтных мастерских сельскохозяйственного крестьянского инвентаря, ж) устройство прокатных пунктов, опытных станций, показательных полей и т. п., з) мелиорация крестьянских земель.

9) Кооперативные объединения крестьян: в целях поднятия сельского производства, в особенности в целях переработки с.-х. продуктов, мелиорации крестьянских земель, поддержки кустарной промышленности и т. д. должны находить со стороны государства широкую помощь как финансовую, так и организационную.

10) Съезд напоминает, что ни в постановлениях партии, ни в декретах Советской власти никогда не было отступлений от линии соглашения со средним крестьянством. Так, например, в важнейшем вопросе о строительстве Советской власти в деревне, когда были созданы комитеты бедноты, был опубликован циркуляр за подписью председателя Совнаркома и народного комиссара продовольствия, указывающий на необходимость включения в комитеты бедноты и представителей среднего крестьянства. При упразднении комитетов бедноты Всероссийский Съезд Советов вновь указал на необходимость включения в волостные Советы представителей среднего крестьянства. Политика рабоче-крестьянского правительства и коммунистической партии должна вестись и впредь в этом духе соглашения пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством.

---

## Ответ на открытое письмо специалиста.

Я получил сегодня нижеследующее:

Открытое письмо „специалиста“ тов. Ленину.

„Прочитал в „Известиях“ ваш доклад о специалистах и не могу подавить в себе крика возмущения. Неужели вы не понимаете, что ни один честный специалист не может, если в нем сохранилась хоть капля уважения к самому себе, пойти работать ради того животного благополучия, которое вы собираетесь ему обеспечить? Неужели вы так замкнулись в своем кремлевском одиночестве, что не видите окружающей вас жизни, не заметили, сколько среди русских специалистов имеется, правда, не правительственных коммунистов, но настоящих тружеников, добывших свои специальные познания ценой крайнего напряжения сил, не из рук капиталистов и не для целей капитала, а путем упорной борьбы с убийственными условиями студенческой и академической жизни прежнего строя. Эти условия не улучшились для них при коммунистической власти (для меня это не совпадает с понятием о коммунистическом строе). На этих, самых настоящих пролетариев, хотя и вышедших из разнообразных классов, служивших трудящемуся брату с первых шагов сознательной жизни и мыслью, и словом, и делом—на них, сваленных вами в одну зачумленную кучу „интеллигенции“, были натравлены бессознательные новоявленные коммунисты из бывших городских, урядников, мелких чиновников, лавочников, составляющих в провинции нередко значительную долю „местных властей“, и трудно описать весь ужас пережитых ими унижений и страданий. Постоянные вздорные доносы и обвинения, безрезультатные, но в высшей степени унижительные обыски, угрозы расстрела, реквизиции и конфискации, вторжение в самые интимные стороны

личной жизни (требовал же от меня начальник отряда, расквартированного в учебном заведении, где я преподаю, чтобы я обязательно спал с женой в одной кровати). Вот обстановка, в которой пришлось работать до самого последнего времени многим специалистам высшей школы. И все же эти „мелкие буржуи“ не оставили своих постов и свято исполняли взятое на себя моральное обязательство сохранить, ценою каких угодно жертв, культуру и знание для тех, кто их унижал и оскорблял по наущению руководителей. Они понимали, что нельзя смешивать свое личное несчастье и горе с вопросом о строительстве новой лучшей жизни, и это помогло и помогает им терпеть и работать.

„Но, верьте, из среды этих людей, которых вы огульно окрестили буржуями, контр-революционерами, саботажниками и т. п., только потому, что они подход к будущему социалистическому и коммунистическому строю мыслят себе иначе, чем вы и ваши ученики, вы не купите ни одного человека той ценой, о которой вы мечтаете. Все же „специалисты“, которые ради сохранения шкуры пойдут к вам, они пользы стране не принесут. Специалист не машина, его нельзя просто завести и пустить в ход. Без вдохновения, без внутреннего огня, без потребности творчества ни один специалист не даст ничего, как бы дорого его ни оплачивали. Все даст доброволец, работающий и творящий среди уважающих его товарищей-сотрудников в качестве знающего руководителя, а не поднадзорного, охраняемого комиссаром из коммунистов урожая 1919 года.

„Если вы хотите, чтобы у вас были не „специалисты“ из-за окладов, если вы хотите, чтобы новые честные добровольцы присоединились к тем специалистам, которые и теперь кое-где работают с вами, не за страх, а за совесть, несмотря на принципиальное расхождение с вами по многим вопросам, несмотря на унижительное положение, в которое часто ставит их ваша тактика, несмотря на беспримерную бюрократическую неразбериху многих советских учреждений, губящих иногда самые живые начинания, — если вы хотите этого, то, прежде всего, очистите свою партию и ваши правительственные учреждения от-бессовестных Mitläufer'ов, возьмитесь за таких рвачей, авантюристов, прихвостней и бандитов, которые, прикрываясь знаменем коммунизма, либо по подлости расхищают народное достояние, либо по глупости подсекают корни народной жизни своей нелепой дезорганизаторской возней.

„Если вы хотите „использовать“ специалистов, то не покупайте их, а научитесь уважать их, как людей, а не как нужный вам до поры до времени живой и мертвый инвентарь.

М. Дукельский.

„Профессор Воронежского Сельско-Хозяйственного Института. Председатель Центрального Управления Государственными предприятиями и кожевенной промышленности“.

---

Письмо злое и, кажется, искреннее. На него хочется ответить.

По-моему, все же таки у автора преобладает личное раздражение, отнявшее способность обсуждать события с массовой точки зрения и с точки зрения их действительной последовательности.

У автора выходит, что мы, коммунисты, оттолкнули специалистов, „окрестив“ их всякими худыми словами.

Не так было дело.

Рабочие и крестьяне создали Советскую власть, свергнув буржуазию и буржуазный парламентаризм. Теперь трудно не видеть, что это было не „авантюрой“ и не „сумасбродством“ большевиков, а началом всемирной смены двух всемирно-исторических эпох: эпохи буржуазии и эпохи социализма, эпохи парламентаризма капиталистов и эпохи советских государственных учреждений пролетариата. Если год с лишним тому назад этого не хотело (частью не могло) видеть большинство интеллигентов, то виноваты ли мы в этом?

Саботаж<sup>96)</sup> был начат интеллигенцией и чиновничеством, которые в массе буржуазны и мелко-буржуазны. Эти выражения содержат классовую характеристику, историческую оценку, которая может быть верна или неверна, но принимать которую за поносящее слово или за ругань никак нельзя. Озлобление рабочих и крестьян за саботаж интеллигенции неизбежно, и „винить“ если можно кого, то только буржуазию и ее вольных и невольных пособников.

Если бы мы „натравливали“ на „интеллигенцию“, нас следовало бы за это повесить. Но мы не только не натравливали народ на нее, а проповедывали от имени партии и от имени власти необходимость предоставления интеллигенции лучших

условий работы. Я это делал с апреля 1918 года, если не раньше. Не знаю, на какой номер „Известий“ ссылается автор, но крайне странно человеку, привыкшему заниматься политикой, т.-е. разбирать явления с массовой, а не с личной точки зрения, слышать, будто отстаивание более высокого заработка есть непременно недостойное или вообще худое желание „купить“. Пусть извинит меня почтенный автор, но, ей-богу, это мне напомнило литературный тип „кисейной барышни“.

Допустим, речь шла бы о высоком заработке для особого искусственно подобранного кружка лиц, т.-е. такой группы, которая раньше, по общесоциальным причинам, не получала и не могла бы получать более высокого жалованья. Тогда можно бы предполагать правительственную цель „купить“ эту группу. Но когда речь идет о сотнях тысяч, если не миллионах, которые всегда получали лучшее жалованье, то каким образом можно, не впадая в тон бешеного раздражения, придирающегося ко всему, усматривать нечто вроде подвоха или вроде „обиды“ в защите мысли о необходимости отдавать на известное время пониженные, но все же более высокие, чем средний заработок, оклады?

Мало того, что это вообще ни с чем несообразно. Автор сам побивает себя, рассказывая, как о величайшей обиде, об унижительном обращении, про тот случай, когда начальник отряда, расквартированного в учебном заведении, требовал у профессора, чтобы он обязательно спал с женой в одной кровати.

Во-первых, поскольку желание интеллигентных людей иметь по две кровати, на мужа и на жену отдельно, есть желание законное (а оно, несомненно, законное), постольку для осуществления его необходим более высокий заработок, чем средний. Не может же автор письма не знать, что в „среднем“ на российского гражданина никогда по одной кровати не приходилось!

Во-вторых. Был ли неправ начальник отряда в данном случае? Если не было грубости, оскорблений, желаний поиздеваться и т. п. (что могло быть и за что нужно карать), если этого, повторяю, не было, то, по-моему, он был прав. Солдаты измучены, месяцами не видали ни кроватей, ни, вероятно, сносного ночлега вообще. Они защищают социалистическую республику при неслыханных трудностях, при нечеловеческих условиях, и они не в праве забрать себе кровать на короткое время отдыха? Нет, солдаты и их начальник были правы.

Мы против того, чтобы общие условия жизни интеллигентов понижались сразу до средних—следовательно, мы против понижения их заработка до среднего. Но война подчиняет себе все, и ради отдыха для солдат интеллигенты должны потесниться. Это не унижительное, а справедливое требование.

Автор требует товарищеского отношения к интеллигентам. Это правильно. Этого требуем и мы. В программе нашей партии как раз такое требование выставлено ясно, прямо, точно. Если, с другой стороны, группы беспартийных интеллигентов или партийно враждебных большевикам так же ясно изложат свои требования к своим сторонникам: относитесь товарищески к измученным солдатам, к переутомленным рабочим, озлобленным веками эксплуатации, тогда дело сближения работников физического и умственного труда пойдет вперед гигантскими шагами.

Автор требует, чтобы мы очистили нашу партию и наши правительственные учреждения „от бессовестных случайных попутчиков, от рвачей, авантюристов, прихвостней, бандитов“.

Правильное требование. Мы его давно поставили и осуществляем. „Новичкам“ в нашей партии мы не даем ходу. Съезд назначил даже особую перерегистрацию. Пойманных бандитов, рвачей, авантюристов мы расстреливаем и расстреливать будем. Но, чтобы очищение шло полнее и быстрее, надо, чтобы искренняя беспартийная интеллигенция помогала нам в этом. Когда она будет составлять группу лично знакомых друг другу лиц, выступать от их имени с призывом лояльной работы в советских учреждениях, с призывами „служить трудящемуся брату“, если употребить выражение открытого письма, тогда муки родов нового общественного уклада значительно сократятся и облегчатся.

*Написано 27 марта,  
напечатано в „Правде“ № 67,  
28 марта 1919 г.*

## **Внешнее и внутреннее положение.**

(Речь в Московском Совете Р., К. и К. Д. 4 апреля 1919 г.)

Товарищи! Мой доклад о внешнем и внутреннем положении Советской Республики мне приходится начинать с того, что как раз теперешние месяцы, с наступающей весной, мы опять

переживаем чрезвычайно трудное положение. Я думаю, что условия войны как гражданской, так и войны с Антантой, позволяют нам, во всяком случае, рассуждая даже с наибольшей осторожностью (я еще об этих условиях буду говорить, когда дойду до международного положения),—позволяют нам даже при наибольшей осторожности рассуждений сказать, что это полугодие, в самую середину которого мы вступили, будет последним тяжелым полугодием, потому что Антанта и французские и английские капиталисты не в силах будут выдержать повторение такого натиска, который они сейчас развивают изо всех сил, а с другой стороны все завоевания, которые сделала наша Красная армия на Украине и на Дону, которые мы имеем возможность закрепить, дадут самое существенное облегчение для внутреннего положения, дадут хлеб и уголь, продовольствие и топливо. Сейчас же, пока борьба не кончилась, пока еще приходится действовать в условиях величайших затруднений при сборе хлеба на Украине,—теперь, в весеннюю распутицу, положение весьма трудное.

Мы не раз говорили, что все силы Советской власти покоятся на доверии и сознательном отношении рабочих. Мы не раз доказывали, что, как ни силен враг, который нас окружает, и многочисленны шпионы, которых посылает к нам Антанта и которые помогают белогвардейцам, мы нисколько не закрывали глаза, что всякое слово, которое будет здесь произнесено, будет перетолковываться, что к нашим признаниям будут прислушиваться агенты белогвардейцев, но мы говорим: пусть! Мы гораздо больше пользы извлечем из прямой и открытой правды, потому что мы уверены, что, когда правда ясно слышна, всякий сознательный представитель рабочего класса, всякий трудящийся крестьянин извлечет из нее единственный верный вывод. А они извлекают, в конце концов, единственный возможный вывод, что наше дело близко к победе во всем мире и что, как ни отчаянно тяжело положение трудящихся масс, уставших, изголодавшихся, истерзанных за четыре года империалистской войны, а теперь еще за два года самой страшной гражданской войны,—как ни тяжело это положение, как бы ни обострилось оно в данный момент,—мы имеем самые серьезные шансы на победу не только в России, но и во всем мире. Поэтому мы сумеем справиться, несмотря на то, что очень тяжелы эти 4—5 месяцев, которые нам предстоит еще и еще раз пережить еще

и еще раз эти затруднения победить и показать таким образом врагам, показать соединенным капиталистам всего мира, что их натиск на Россию не удастся. А они как раз, несомненно, сейчас по заранее обдуманному плану, и с запада и с востока делают попытки военным путем раздавить нас, чтобы спасти гибнущие банды Краснова.

Вчера было получено и известие о взятии Мариуполя; Ростов таким образом оказывается окруженным полукругом, но страны Согласия все усилия направляют на то, чтобы выручить Краснова <sup>97)</sup> и чтобы как раз нынешней весной нанести нам сильный удар. Они действуют, несомненно, по соглашению с Гинденбургом. Товарищ из Латвии говорил о том, в какое положение попали тамошние товарищи. Большая часть страны переживала такие бедствия, о которых мы не имеем представления,— бедствия нашествия и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск. Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу <sup>31)</sup>. С севера помогают им эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают датчане и шведы, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки. Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану, пользуясь тем, что в Германии они до сих пор кровавыми подавлениями ослабляли движение спартаковцев и революционеров. Хотя они чувствуют, что дышат на ладан, они все же сочли момент достаточно удобным для использования, чтобы предоставить Гинденбургу часть войск, чтобы усилить натиск с запада на истерзанную, измученную Латвию. С другой стороны, Колчак <sup>98)</sup> одержал ряд побед на востоке и, таким образом, подготавливает условия для последнего и самого решительного натиска стран Согласия.

Но, как всегда, не ограничиваясь внешним натиском, враг действует внутри страны, организуя заговоры, восстания, попытки бросания бомб и взрыв водопровода в Петрограде, о чем вы читали в газетах, попытки разобрать железнодорожные пути, которая была сделана недалеко от Самары. (Это главный железнодорожный путь, доставляющий нам сейчас хлеб с Востока.) Часть этого хлеба погибла, часть захвачена Колчаком. Была попытка разобрать железнодорожный путь по Курско-Харьковской жел. дор., по которой начался подвоз угля, отвоеванного Красной армией в Донецком бассейне. Когда мы все это вместе берем и рассматриваем, для нас ясно, что страны Согласия и в

первую голову французские империалисты и миллиардеры делают последнюю попытку военным путем раздавить Советскую власть.

Меньшевики и правые и левые эс-эры, которые до сих пор не поняли, что борьба идет к концу, что вопрос стоит о самой отчаянной, беспощадной войне, продолжают проповедывать не то забастовку, не то прекращение гражданской войны. Как бы дело ни обстояло с ними, они помогают белогвардейцам,— подробнее я об них буду говорить дальше. Все силы международного империализма хотят нам дать этой весной последний бой. К счастью, это силы дряхлеющего, умирающего, безнадежно больного старика—международного капитализма. Но как бы то ни было, сейчас военные силы, скопленные против нас, чрезвычайно велики. В частности, Колчак двинул все свои резервы, он имеет у себя добровольцев-белогвардейцев и банды очень внушительных размеров; он имеет помощь Англии и Америки оружием и припасами в громадных размерах. Вот почему создавшееся положение требует от нас ясного сознания трудности положения Советской Республики.

Мы уверены, что трудящиеся массы поняли, из-за чего идет война. Они знают, что несколько месяцев решат судьбу и нашей революции и, в значительной степени, международной революции, потому что эта попытка капиталистов сломить Советскую Россию потому так обострилась, потому они с таким бешенством нападают на нас,—потому, что они знают, что внутри у них стоит тот же враг—большевистское движение. У них большевистское движение быстро и неудержимо растет.

Что делает наше положение особенно трудным, что заставляет еще и еще раз призвать на помощь всех сознательных работников, это затруднение в продовольствии и транспорте. Транспорт четыре года разрушался империалистической войной, и в стране, столь отсталой как Россия, следы этого разрушения до сих пор не поправлены, и поправить их иначе как долгими месяцами или, может быть, даже годами самой упорной работы—нельзя. Лишь последнее время мы начали получать уголь из Донецкого бассейна. Вы знаете, что нефть от нас отбили англичане в Баку<sup>30</sup>). Они, захватив часть судов на Каспийском море и завладев Грозным, мешают воспользоваться нефтью. Без топлива ни промышленность, ни железные дороги работать не могут. Приходится напрягать все усилия.

Мы еще раз говорим всем товарищам: на работу по продовольствию и транспорту! Нужно привлечь больше сил. Работа по транспорту обстоит так, что на востоке России, за Волгой у нас несколько миллионов пудов хлеба—10—20 миллионов уже ссыпано и заготовлено,—а мы не можем подвезти. Часть этого хлеба мы потеряли благодаря продвижению колчаковских войск, захвативших Уфу и вынудивших к отступлению наши армии. Эта потеря чрезвычайно чувствительна и тяжела.

Работа транспортная требует величайшего напряжения. Нужно, чтобы рабочие на каждом собрании ставили себе вопрос, чем мы можем помочь транспорту, не можем ли мы заменить мужчин женщинами на здешних работах и двинуть мужчин либо в ремонтные мастерские, либо на помощь железнодорожникам. Как это сделать—виднее рабочим, которые знают, кого на какую специальность поставить. Это виднее людям практики, которые должны изыскивать новые и новые средства помощи. Мы надеемся и мы уверены, что в последнее время наш комиссариат путей сообщения вместе с комиссариатом продовольствия известных успехов уже добились. Товарный месяц прекращения пассажирского движения, как ни клеветают буржуа, улучшение дал, но надо напрячь в десять раз больше усилий, чтобы добиться больших успехов. Вчера в „Известиях“ были напечатаны данные. Я приведу главные. В начале марта в Москву прибывало 118 вагонов в день, в конце марта в день стало прибывать по 209 продовольственных вагонов. Это значит почти удвоение. Это значит, что такая тяжелая мера, как запрещение пассажирского движения, была принята правильно. Это значит, что мы помогли голодному населению Москвы, Петрограда и всей промышленной области. Но это далеко еще не все, что можно сделать; дальше же, когда распутица станет полной, предстоит гораздо более трудное и голодное время. Вот почему мы говорим, что тут нужна работа самая неослабная и энергичная.

Вот почему мы говорим, что сейчас нужна самая решительная, самая энергичная работа. Нам нужно, главным образом, рассчитывать не на массы работников из интеллигенции, которые хотя и пошли к нам на службу, но среди которых все-таки много работников негодных. Мы рассчитываем на рабочих.

Нам нужно считаться и с положением на Украине. В продолжение года, когда вся Украина была под немцами и весь Дон был в таком же тяжелом положении, мы испытали слишком много.

Сейчас наше положение улучшается. На Украине у нас есть 258.000.000 пуд. хлеба, из которых 100.000.000 пуд. уже пущены в разверстку, но дело все в том, что на Украине крестьяне страшно запуганы немцами и немецким грабежом. Я знаю, что крестьяне там до того запуганы немцами, что до сих пор, несмотря на то, что они знают о положении Советской власти здесь, они не смеют взять помещичьи земли. Между тем, уже наступает время весенней обработки земли. Эти украинские крестьяне до такой степени попробовали на своей спине все ужасы немецких грабежей, что до сих пор они нерешительны. Нужно сказать, что там все время была партизанская война. Эта война идет на юге и сейчас. Там нет регулярных войск. Благодаря отсутствию регулярных войск, там до сих пор нет полной победы. Мы двинули туда наши регулярные войска, но этого мало. Нужно работу усилить значительно, и поэтому я должен еще раз сказать, что каждое рабочее собрание должно ставить определенно вопрос о продовольствии и транспорте. Нам нужно в ближайшее время решить вопрос, как помочь положению и как использовать то, что мы можем сейчас использовать.

Мы должны твердо знать, что только при помощи силы рабочего класса мы можем твердо стать на ноги, мы можем удержать наши блестящие победы, и поэтому все лучшие силы нашего пролетариата мы должны посылать туда на фронт, мы должны посылать на фронт ответственных работников. Если здесь страдает какое-либо учреждение, мы потерпим, конечно, известный ущерб, но мы от этого не погибнем, но если у нас будет недостаток рабочих в армии, мы, несомненно, погибнем. У нас до сих пор армия страдает тем, что она недостаточно сплочена, недостаточно организована, и в этом вся помощь должна быть от рабочих и на них должна быть вся надежда. Те рабочие, которые пережили всю борьбу, которые могут поделиться всем своим пережитым, выстраданным, только эта армия превращает и может превращать крестьян в сознательных и нужных нам борцов. Поэтому мы еще раз пришли сюда и решили собрать всех вас и указать на то тяжелое положение транспорта, которое существует в связи с тяжелым общим положением. Мы подчеркиваем, что мы должны еще 3—4 месяца продержаться и только тогда на нашей стороне будет полная победа, но для этого нужны силы.

Где же взять эти силы?

Но разве мы не видим, что только рабочие, вынесшие на себе всю тяжесть нашей разлухи, когда борьба сменялась белогвардейскими нашествиями, когда они вследствие этого на себе испытали всю тяготу и приобрели этим большой опыт,— только эти рабочие, только эти наши передовые отряды могут нам помочь. Мы знаем прекрасно, что они измучены неимоверно, что они переутомлены той нечеловеческой работой, которая выпала на их долю. Мы все это знаем, но мы все-таки говорим сейчас вам здесь, что все силы надо напрячь, что мы должны все силы собрать для блистательной победы революции. Сейчас наступает самое трудное, самое тяжелое время, и мы должны поступать как революционеры-работники. Мы должны черпать силы из массы трудящегося элемента.

Вчера состоялось собрание влиятельных деятелей профессионального движения, московского и всероссийского. И здесь сошлись на необходимости привлечения к работе в настоящий момент деревенского середняка, которого мы до сих пор не считали способным на такую работу. Но теперь совершенно ясно, что для замены утомленных работников нам нужно ставить их на работу, но перед тем, как это делать, нам необходимо, чтобы их инструктировали работники, которые побывали до сих пор в деле. Мы должны сохранить наши силы и на время мы должны заменить наших ответственных работников работниками из середняков. Нам нужно двинуть десятки тысяч таких работников. Мы не должны бояться того, что они могут сделать свою работу не так хорошо, как это сделали бы опытные работники. Если поставить их на ответственные места, то те ошибки, которые они сделают в первое время, не страшны. Для нас важно двинуть их на передовые ответственные позиции. Они сумеют там развернуть свою силу и развернуть свою работу, потому что они будут действовать уверенно, они будут знать, что за ними стоят большие опытные работники, у которых уже годичный опыт в России. Они знают, что им более опытные товарищи в критический момент облегчат задачу.

Этот новый слой рабочих может вести дело хорошо, если передовые рабочие двинут их на передовые посты. Мы можем это сделать без ущерба, потому что у этого обширного слоя есть пролетарский инстинкт и пролетарское понимание и сознание долга. На них можно положиться и про них можно сказать

что они в трудное время нам помогут. Россия отличалась тем, что в самое трудное время у ней всегда находились массы, которые можно двинуть вперед как запас, в котором находились новые силы, когда старые начинали иссякать. Да, передовой рабочий переутомлен, и следующий слой будет вести дело хуже, но это не беда, и от этого не будет ущерба, и мы не погубим дела, если двинем эти новые силы, так как мы их направим и не дадим делу погибнуть.

Нельзя не упомянуть про эс-эров и меньшевиков. Последнее время Советская власть стала закрывать их газеты и арестовывать их самих. Некоторые товарищи рабочие, наблюдая это, говорят: „Значит были неправы те большевики, к числу которых принадлежу и я, которые вовлекли нас в известную уступку мелко буржуазной бюрократии. Для чего мы делали уступки, если мы теперь должны закрывать газеты и арестовывать их? Разве в этом есть последовательность?“

В такой стране, как Россия, где мелко-буржуазные элементы ведут все хозяйство, в такой стране без мелко-буржуазной группы мы долго продержаться не можем. И в этом отношении к ним должны быть предъявлены наши требования. Этот слой в настоящее время идет не прямым путем к цели, а зигзагами. Если я преследую неприятеля, который идет не прямым путем, а зигзагами, то и я, чтобы настигнуть неприятеля, должен идти зигзагами. Говоря языком политическим, мелко-буржуазные массы стоят между трудом и капиталом, и эти массы нужно 100 раз побить, чтобы они поняли, что необходимо уяснить себе одно: должна быть либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата. Кто учитывает это, тот знает положение настоящего момента. Рабочие это знают, в их сознание это проникло из целого ряда опытов и наблюдений; они поняли, что только эти два вида: или полная власть рабочего или полная власть буржуазии и должны быть, середины нет, третьего пути нет. Рабочий класс понял это. Мелкая буржуазия не может этого понять; сотни жизненных указаний не могут научить и приучить мелкую буржуазию, и она не перестает думать об объединении с крупной буржуазией, так как не может понять, что нельзя обойтись без диктатуры пролетариата или буржуазии.

Когда меньшевики говорили: „Мы уйдем от Колчака и от всех, кто за него и за вмешательство Антанты“, они говорили это не только лицемерно. Это не была только политическая

хитрость, и часть этих людей не рассчитывала на то, что „мы дескать, большевиков надуем, лишь бы получить возможность повторить старое“. Мы эту хитрость учитывали и, конечно, приняли меры против нее, но, когда меньшевики и эс-эры говорили это,—это было не только лицемерием или хитростью, а являлось убеждением многих из них... Когда в момент объявления меньшевиками, что они против вмешательства союзников, мы предложили им работать у нас, они согласились охотно на наше предложение. Но теперь, преследуя их, преследуя мелко-буржуазный слой, мы вполне правы, так как этот слой на понимание туп до чрезвычайности. Это он обнаружил в стачечной борьбе с нами и в период керенщины, и в теперешних поступках.

После того, как они пошли к нам на службу, они говорят: „Мы от политики отказались, мы охотно будем работать“. Таким людям мы говорим: „Нам чиновники из меньшевиков нужны, так как это не казнокрады и не черносотенцы, которые лезут к нам, записываются в коммунисты и нам гадят“.

Если люди верят в учредилку, мы им говорим: „Верьте, господа, не только в учредилку, но и в бога, но делайте нашу работу и не занимайтесь политикой“. Среди них растет число людей, которые знают, что в политике они оскандалились: они кричали, что Советская власть—уродливая выходка, которая возможна только в дикой России. Они говорили, что наш разгон учредилки, это поступок варваров, воспитанных царизмом, и что в Европе этого не повторится. Теперь из Европы приходят известия, что Советская власть идет на смену учредилке во всем мире. Эти уроки преподаются всей интеллигенции, которая идет на службу к нам. У нас работает сейчас чиновников вдвое больше, чем полгода тому назад. Это выигрыш, что мы получили чиновников, которые работают лучше, чем черносотенцы. Но когда мы приглашаем их поступать к нам на службу, они говорят: „Боюсь Колчака, я за тебя, но помочь тебе не хочу“. Мы говорим этим группам, рассказывающим об „учредилке“: „Если вам угодно рассказывать еще долго, мы вас отведем к Колчаку или в Грузию“. Но создается полемика, оппозиция группы легальной. Нас империалисты всего мира берут за горло, всеми силами военного натиска стараются победить нас, надо бороться, тут борьба не на живот, а на смерть. Если ты пришел сюда помогать нам—пожалуйста, а если ты будешь печатать и подстрекать рабочих на забастовки (а от забастовок наши красно-

армейцы гибнут на всех фронтах и от каждого дня забастовки десятки тысяч людей на наших фабриках терпят лишения, муки голода), тут ты, может быть, прав с точки зрения учредилки, но с точки зрения борьбы и оппозиции ты неправ, ты не можешь нам помогать, убирайся в Грузию, убирайся к Колчаку, или ты будешь сидеть в тюрьме!

Товарищи, я надеюсь, что мы все примем единодушно ту резолюцию, которая в конце собрания будет предложена, и в которой мы пытаемся дать необходимые указания, которые я хотел в своем докладе обосновать. Я хотел перейти к двум вопросам: к положению средняка-крестьянина и к вопросу международному, который имеет громаднейшее значение.

О средняке-крестьянине мы говорили на партийном съезде. Мы выбрали на ответственный пост, на пост председателя Ц. И. К., на пост тем более ответственный, что его занимал исключительно талантливый организатор тов. Свердлов<sup>69</sup>), мы выбрали на этот пост тов. Калинина, петербургского рабочего, который до сих пор поддерживает связь с деревней. Сегодня опубликовано в газетах, что один тов. Калинин убит эс-эрами, но это не тот Калинин. Это доказывает, к каким средствам эс-эры обращаются. Он — средний крестьянин Тверской губернии, и каждый год ее посещает. Среднее крестьянство — это самый крупный слой, который увеличился после нашей революции, потому что мы уничтожили помещичью частную собственность на землю, мы создали громадное количество среднего крестьянства. Крестьянство само испытало улучшение от нашей революции, потому что оно все помещичьи земли взяло. Если же среди них замечается недовольство, мы говорим, что это недовольство идет сверху, и надо знать, насколько оно законно при недостатке наших сил. Вы здесь, в столице, знаете, как трудна борьба с волокитой, канцелярщиной, мы должны брать старых чиновников, потому что нет других; перевоспитать их долго, но учить их надо; мы можем вливать новых рабочих в продовольственные организации на ответственные посты, но в государственном контроле до сих пор сидит непомерное число старых чиновников, и мы страдаем от волокиты, канцелярщины, мы стремимся дать новых рабочих, чтобы они участвовали в работе контроля, в комиссариате путей сообщения, рядом со специалистами. Таким образом мы боремся с волокитой и канцелярщиной. Но здесь в Москве каких трудов это стоит, а что делается в дерев-

нях? Там люди, которые называют себя партийными, являются проходимцами, которые насильничают самым бессовестным образом. А как часто приходится бороться с неопытными людьми, когда они смешивают кулака со средним крестьянином. Кулак тот, который живет чужим трудом, который грабит чужой труд и использует для себя нужду; средний крестьянин тот, который не эксплуатирует и сам не подвергается эксплуатации, который живет мелким хозяйством, своим трудом. У мелкого крестьянина ни один социалист в мире не предполагал ничего отнимать. Тут никакими декретами сделать нельзя, нужно ждать, пока крестьянин приучится считаться с опытом, когда он увидит, что коллективное хозяйство гораздо лучше. Мы прекрасно знаем, что ни назначения товарищей на высокие посты, ни циркуляры, ни декреты не помогут, и рабочие должны взяться за дело сами, наладить связь с деревней.

Я сказал, что у рабочих главной задачей должна быть помощь всеми силами на войне; второй—должна быть помощь среднему крестьянину. Средний крестьянин такой же трудящийся, но он в иных условиях вырос, он живет разобщенно, в деревенской темноте выбиться ему неизмеримо труднее. Мы должны знать, что настойчивостью мы добьемся связи со средним крестьянином. Ничтожное число крестьян будет уходить в кулачество, будет делать восстания,—мы это знаем. Мы должны добиться чтобы каждый середняк-крестьянин на деле получил бы хоть маленькую помощь, и крестьянин сейчас будет ценить больше всего такую помощь. Ему надо понять, почему трудность нашего положения мешает нам оказать ему помощь, которая ему нужна, которая лежит в городской культуре. Крестьянину нужны городские продукты, городская культура, и мы должны ему это дать. Только тогда, когда пролетариат окажет эту помощь, тогда крестьянин увидит, что пролетариат помогает ему не так, как помогали эксплуататоры. Помочь крестьянину подняться до городского уровня,—эту задачу должен поставить себе каждый рабочий, имеющий связь с деревней. Он должен сказать себе, что теперь, когда весной обострилось особенно продовольственное положение, городской рабочий должен пойти к крестьянину на помощь, и если всякий сделает хотя маленькую долю этой работы, мы увидим, что наше здание имеет не один только фасад, и наше дело в смысле обеспечения Советской власти будет сделано.

Крестьянин говорит. „Да здравствует Советская власть, да здравствуют большевики, долой коммунию!“. Он ругает „коммунию“, которую устраивают глупо, которую ему навязывают. Ко всему навязанному он относится с недоверием, с законным недоверием. Мы должны идти к средняку, помогать ему, учить его, но только в области науки и социализма, а в области сельского хозяйства мы должны учиться у него. Вот задача, которая выдвигается перед нами особенно сильно.

Теперь мы переходим к вопросу о международном положении. Я говорю, что империалисты Англии, Франции и Америки делают последнюю попытку наступить нам на горло, но она им не удастся. Как ни тяжело положение, но мы с уверенностью можем сказать, что мы победим международный империализм. Мы победим миллиардеров всего мира. Мы можем победить их по двум причинам. Во-первых, потому что это звери которые так зарвались в борьбе между собой, что продолжают кусать друг друга, не видя, что они на краю пропасти. Во-вторых потому, что Советская власть растет непрерывно во всем мире.

Сегодня мы читаем: из Лиона американское бюро печати сообщает, что эти люди, которые заседали в комиссии из 10 человек, сузили комиссию, и теперь разговаривают 4 человека: Ллойд-Джордж, Вильсон, Клемансо, Орландо—вожди четырех наций. Но и они не могут договориться. Это звери, которые награбили добычу со всего мира и теперь не могут помириться. Эти четыре человека замкнулись в группе четырех, чтобы, боже упаси,—не посыпались толки, но они сами вызывают толки и посылают радио. Мне рассказывал один французский товарищ, который видел французских пленных, что эти пленные говорят: „Нам сказали, что в Россию надо приехать, чтобы бороться с немцами, потому что немцы задушили нашу страну. Но ведь теперь с Германией перемирие, с кем же я еду бороться?“. И вот таких людей, которые задают себе подобный вопрос, становится с каждым днем все больше и больше. Эти люди пережили ужасы империалистской войны, и они говорят: „За что же мы идем воевать?“.

Если раньше их учили большевики, если их раньше учили подпольные листки, то теперь империалисты посылают радиотелеграммы: „Англия не согласна отдать Франции прибыль от угля“. Таким образом, по выражению одного французского журналиста, они делают скачки из одной комнаты в другую, в тишину

ных попытках разрешить вопрос. Они делят, кому дать больше, и пять месяцев дерутся между собою, и додрались до того, что не владеют собой. Додерутся эти звери до того, что останутся одни хвосты. Поэтому мы говорим, что наше международное положение, которое в первое время было настолько слабым, что они могли задавить нас в несколько недель, теперь, когда они не могут поделить между собой добычи, потому что они сами себя начнут грызть,—теперь наше положение лучше. Они спорят, взять с Германии 80 или 85 миллиардов. Вопрос чрезвычайно принципиальный, чрезвычайно интересный, особенно если это сказать рабочему или крестьянину! Но если они долго будут спорить, они не возьмут ни одного миллиарда. Вот, что всего интереснее!

Вот почему мы говорим, что положение Советской Республики улучшается не по дням, а по часам. Враги не могут помириться между собой. Пять месяцев прошло с тех пор, как они победили. И они не заключают мира. Французская палата недавно вотировала новые сотни миллионов на военные приготовления. Они сами себе роют могилу, а там у них уже есть люди, которые их в эту могилу опустят и хорошенько законопатят. Это потому, что советское движение растет во всех странах, и венгерская революция показала, что когда мы говорим, что мы боремся не за себя, а за Советскую власть во всем мире, что здесь проливается кровь красноармейцев не только из-за голодных товарищей, а за победу Советской власти во всем мире,—пример Венгрии показал, что это не одно только предвидение и обещание, а это самая живая непосредственная реальность.

В Венгрии революция произошла необыкновенно оригинально<sup>94</sup>). Венгерский Керенский, которого там зовут Кароли, сам вышел в отставку, и венгерские соглашатели—меньшевики и эс-эры—поняли, что нужно пойти в тюрьму, где сидел венгерский товарищ Бела Кун<sup>100</sup>), один из лучших венгерских коммунистов. Они пришли и сказали ему: „Вам придется взять власть!“. Буржуазное правительство подало в отставку. Буржуазные социалисты, меньшевики и эс-эры, Венгрии влились в партию большевиков и образовали единую партию, единое правительство. Тов. Бела Кун, наш товарищ и коммунист, полностью прошедший практический курс большевизма в России, является главным руководителем. Он говорил мне по радио: „У меня нет большинства в правительстве, но я одержу победу потому, что массы за меня“.

До сих пор всем европейским рабочим лгали, говоря про Советскую Россию: „Там нет никакой власти, а просто анархия, это просто драчуны“. Недавно французский радикал Пишон заявил про Советскую Россию: „Это анархия, это насильники, узурпаторы!“ — „Посмотрите на Россию,—говорили немецкие меньшевики своим рабочим:—война, голод, разорение! Этого ли вы хотите для Германии?“. Так они запугивали своих рабочих. А Венгрия показала пример революции, которая рождается совершенно иначе. Венгрии, несомненно, придется пережить тяжелую борьбу с буржуазией, это неизбежно. Но факт тот, что когда эти звери, английские и французские империалисты, предвидели в Венгрии революцию, они хотели ее унизить, не дать ей родиться. У нас затруднительность положения была в том, что нам приходилось рожать Советскую власть против патриотизма. Пришлось ломать патриотизм, заключать Брестский мир. Это была самая отчаянная и бешеная ломка. В соседних странах буржуазия увидела, кому нужно управлять. Кому же как не совету? Это как в старое время; когда короли, царьки и князья видели, что власть их слабеет, они говорили: „Нужна конституция, пускай буржуазия идет править!“. А если король ослабевал, он получал пенсию или теплое местечко. То же самое что пережили короли или царьки 50—60 лет тому назад, теперь переживает всемирная буржуазия. Когда английские и французские империалисты предъявили неслыханные требования, венгерские буржуа сказали: „Мы воевать не можем. Какая же власть должна быть властью?—Власть Советов“. Буржуазия венгерская признала перед всем миром, что она добровольно подает в отставку, и что есть только одна власть в мире, которая способна руководить народами в тяжелую минуту,—это власть Советов. Вот почему венгерская революция тем, что она совершенно иначе родилась, чем наша, покажет всему миру то, что по отношению к России было скрыто, именно: что большевизм связан с новой пролетарской рабочей демократией, которая выступает на место старого парламента. Это было время, когда рабочих обманывали, закабалляли их капиталистически. На место старого буржуазного парламента идет всемирная Советская власть, которая завоевала сочувствие всех рабочих, потому что это есть власть трудящихся, власть миллионов, которые сами господствуют, сами управляют. Может быть, они управляют плохо, как мы в России, но мы и в условиях находимся невероятно трудных

Мы пройдем и через более тяжелый путь. Пускай на Россию пали бóльшие жертвы, чем на другие страны. Это не удивительно, когда нам в наследство осталась старая разруха. Другие страны приходят другим путем, более человеческим, приходят к тому же, к Советской власти. Вот почему пример Венгрии будет иметь решающее значение.

Люди учатся из опыта. Словами доказать правоту Советской власти нельзя. Пример одной России не был понятен для рабочих всего мира. Пример Венгрии будет решающим для пролетарских масс, для европейского пролетариата и трудящегося крестьянства, ибо в трудную минуту некому править страной, кроме как Советской власти.

Старые люди говорят: „Выросли детки, детки вышли в люди, можно умирать“. Мы умирать не собираемся, мы идем к победе, но когда мы видим таких деток, как Советская Венгрия, мы говорим, что мы уже свое дело сделали не только в русском, но и в международном масштабе, и что мы все отчаянные трудности выдержим, чтобы приблизить полную победу, чтобы к русской и венгерской Советским республикам прибавились новые сестры, и мы увидим, как они народятся, как родится международная Советская Республика.

*„Правда“ №№ 76 и 77  
9 и 10 апреля 1919 г.*

## **Третий Интернационал и его место в истории.**

Империалисты стран „Согласия“ блокируют Россию, стремясь отрезать Советскую Республику, как очаг заразы, от капиталистического мира. Эти люди, хвастающиеся „демократизмом“ своих учреждений, до того ослеплены ненавистью к Советской Республике, что не замечают, как они сами себя делают смешными. Подумать только: передовые, наиболее цивилизованные и „демократические“ страны, вооруженные до зубов, господствующие в военном отношении безраздельно над всей землей, боятся, как огня, идейной заразы, идущей от разоренной, голодной, отсталой, по их уверению, даже полудикой страны! Одно уже это противоречие открывает глаза трудящимся массам всех стран и помогает разоблачать лицемерие империалистов Клемансо, Ллойд-Джорджа, Вильсона и их правительств.

Но не только ослепление капиталистов их ненавистью к Советам, а также и их грызня между собою помогают нам, побуждая их ставить подножки друг другу. Они заключили между собой настоящий заговор молчания, боясь пуще всего распространения правдивых известий о Советской Республике вообще, официальных ее документов в особенности. Однако главный орган французской буржуазии „Время“ („Le Temps“) напечатал сообщение об основании в Москве III Коммунистического Интернационала.

Мы приносим за это главному органу французской буржуазии, этому вождю французского шовинизма и империализма нашу почтительнейшую благодарность. Мы готовы послать газете „Время“ торжественный адрес в изъявлении нашей признательности за то, что она так удачно и так умело нам помогает.

Из того, каким образом газета „Время“ составила свое сообщение на основании нашего радио, видны с полной ясностью мотивы, руководившие этим органом денежного мешка. Ему хотелось подпустить шпильку Вильсону, уколоть его: смотрите, дескать, каковы те, с кем вы допускаете переговоры! Мудрецы, пишущие по заказу денежного мешка, не замечают, как их запугивание Вильсона большевиками превращается, в глазах трудящихся масс, в рекламу для большевиков. Еще раз: наша почтительнейшая благодарность органу французских миллионеров!

Основание III Интернационала произошло в такой мирной обстановке <sup>32)</sup>, что никакие запрещения, никакие мелкие и мизерные уловки империалистов „Согласия“ или лакеев капитализма, как Шейдеманы <sup>3)</sup> в Германии, Реннеры <sup>3)</sup> в Австрии, неспособны помешать распространению в рабочем классе всего мира вести об этом Интернационале и сочувствия к нему. Обстановку эту создала явно растущая повсюду не по дням, а по часам пролетарская революция. Обстановку эту создало советское движение среди трудящихся масс, которое уже достигло такой силы, что стало действительно международным.

Первый Интернационал (1864—1872) заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал <sup>101)</sup>. Второй Интернационал (1889—1914) был международной организацией пролетарского движения, рост которого пошел в ширь, что не обошлось без временного понижения высоты революционного уровня, без

временного усиления оппортунизма, приведшего в конце концов к позорному краху этого Интернационала.

Третий Интернационал фактически создан в 1918 году когда многолетний процесс борьбы с оппортунизмом и социал-шовинизмом, особенно во время войны привел к образованию коммунистических партий в ряде наций. Формально III Интернационал основан на его первом съезде в марте 1919 года в Москве. И характернейшая черта этого Интернационала, его призвание выполнить, провести в жизнь заветы марксизма и осуществить вековые идеалы социализма и рабочего движения,— эта характернейшая черта III Интернационала сразу проявила себя тем, что новое, третье „Международное Общество Рабочих“ стало уже теперь совпадать в известной мере с Союзом Советских Социалистических Республик.

Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм.

Второй Интернационал был эпохой подготовки почвы для широкого, массового распространения движения в ряде стран.

Третий Интернационал воспринял плоды работ Второго Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистскую, буржуазную и мелко-буржуазную скверну и начал осуществлять диктатуру пролетариата.

Международный союз партий, руководящих самым революционным движением в мире, движением пролетариата к свержению ига капитала, имеет теперь под собой невиданную по прочности базу: несколько Советских Республик, которые в международном масштабе воплощают в жизнь диктатуру пролетариата, его победу над капитализмом.

Всемирно-историческое значение III Коммунистического Интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием диктатура пролетариата.

Это гениальное предвидение, эта гениальная теория становится действительностью.

Эти латинские слова переведены теперь на все народные языки современной Европы—мало того: на все языки мира.

Началась новая эпоха всемирной истории.

Человечество сбрасывает с себя последнюю форму рабства: капиталистическое или наемное рабство.

Освобождаясь от рабства, человечество впервые переходит к настоящей свободе.

Как могло случиться, что первой страной, которая осуществила диктатуру пролетариата, организовала Советскую Республику, оказалась одна из наиболее отсталых европейских стран? Мы едва ли ошибемся, если скажем, что именно это противоречие между отсталостью России и ее „скачком“ к высшей форме демократизма, через буржуазную демократию к советской или пролетарской демократии, именно это противоречие было одной из причин (помимо гнета над большинством вождей социализма оппортунистических привычек и филистерских предрассудков), которая особенно затруднила или замедлила понимание роли Советов на Западе.

Рабочие массы инстинктом уловили во всем мире значение Советов, как орудия борьбы пролетариата и как формы пролетарского государства. Но испорченные оппортунизмом „водители“ продолжали и продолжают молиться на буржуазную демократию, называя ее „демократией“ вообще.

Удивительно ли, что осуществление диктатуры пролетариата показало прежде всего „противоречие“ между отсталостью России и ее „скачком“ через буржуазную демократию? Удивительно было бы, если бы осуществление новой формы демократии история подарила нам без ряда противоречий.

Любой марксист, даже любой человек, знакомый с современной наукой вообще, если ему поставить вопрос: вероятен ли равномерный или гармонически пропорциональный переход разных капиталистических стран к диктатуре пролетариата?— ответит на этот вопрос, несомненно, отрицательно. Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. Каждая страна развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону или черту, или группу свойств капитализма и рабочего движения. Процент развития шел неравномерно.

Когда Франция проделывала свою великую буржуазную революцию, пробуждая к исторически-новой жизни весь континент Европы, Англия оказалась во главе контр-революционной коалиции, будучи в то же время капиталистически гораздо более развитой, чем Франция. А английское рабочее движение той эпохи гениально предвосхищает многое из будущего марксизма.

Когда Англия дала миру первое, широкое, действительно

массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение, чартизм <sup>103</sup>), на континенте Европы происходили в большинстве случаев слабые буржуазные революции, а во Франции вспыхнула первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией. Буржуазия разбила различные национальные отряды пролетариата по одиночке и по разному в разных странах.

Англия дала образец страны, в которой, по выражению Энгельса, буржуазия рядом с обуржуазившейся аристократией создала наиболее обуржуазившуюся верхушку пролетариата. Передовая капиталистическая страна на несколько десятилетий оказалась отсталой в смысле революционной борьбы пролетариата. Франция как бы исчерпала силы пролетариата на два геройских, давших необычайно много во всемирно-историческом смысле, восстания рабочего класса против буржуазии в 1848 и 1871 годах. Гегемония в Интернационале рабочего движения перешла затем к Германии, с 70-х годов XIX века, когда Германия была экономически позади и Англии, и Франции. А когда Германия обогнала экономически обе эти страны, то-есть ко второму десятилетию XX века, тогда во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной, продавшейся капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке <sup>104</sup>) до Давида <sup>105</sup>) и Легина <sup>106</sup>), самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контр-революционной буржуазии.

Всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями.

Когда Карл Каутский <sup>22</sup>) был еще марксистом, а не тем ренегатом марксизма, каким он стал в качестве борца за единство с Шейдеманами и за буржуазную демократию против советской, или пролетарской, он писал в самом начале XX века статью: „Славяне и революция“ <sup>107</sup>). В этой статье он излагал те исторические условия, которые намечали возможность перехода к славянам гегемонии в международном и революционном движении.

Так вышло. На время—само собой разумеется, лишь на короткое время—гегемония в революционном пролетарском Интернационале перешла к русским, как она была в различные периоды XIX века у англичан, потом у французов, потом у немцев.

Мне приходилось говорить уже не раз: по сравнению с передовыми странами русским было легче начать великую проле-

тарскую революцию, но им труднее будет продолжать ее и довести до окончательной победы, в смысле полной организации социалистического общества.

Нам легче было начать, во-первых, потому, что необычная— для Европы XX века—политическая отсталость царской монархии вызвала необычную силу революционного натиска масс. Во-вторых, отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков. Мы с этого начали в октябре 1917 года, и мы не победили бы тогда так легко, если бы мы не начали с этого. Маркс еще в 1856 году указывал, говоря о Пруссии, на возможность своеобразного сочетания пролетарской революции с крестьянской войной. Большевики с начала 1905 года отстаивали идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В-третьих, революция 1905 года чрезвычайно много сделала для политического обучения масс рабочих и крестьян как в смысле ознакомления их авангарда с „последним словом“ социализма на Западе, так и в смысле революционного действия масс. Без такой „генеральной репетиции“, как в 1905 году, революция в 1917 году, как буржуазная февральская, так и пролетарская октябрьская, были бы невозможны. В-четвертых, географические условия России позволяли ей дольше, чем другим странам, держаться против внешнего перевеса капиталистических передовых стран. В-пятых, своеобразное отношение пролетариата к крестьянству облегчало переход от буржуазной революции к социалистической, облегчало влияние пролетариев города на полупролетарские, беднейшие слои трудящихся в деревне. В-шестых, долгая школа стачечной борьбы и опыт европейского массового рабочего движения облегчали возникновение, при глубокой и быстро обостряющейся революционной ситуации, такой своеобразной формы пролетарской революционной организации, как советы.

Этот перечень, конечно, не полон. Но им можно пока ограничиться.

Советская или пролетарская демократия родилась в России. По сравнению с Парижской Коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг. Пролетарско-крестьянская советская республика оказалась первой в мире устойчивой социалистической республикой. Она не может уже умереть, как новый тип государства. Она стоит уже теперь не одиноко.

Для проведения работы строительства социализма, для доведения ее до конца требуется еще очень и очень многое. Советские республики стран более культурных, с большим весом и влиянием пролетариата, имеют все шансы обогнать Россию, раз они встанут на путь диктатуры пролетариата.

Обанкротившийся Второй Интернационал умирает теперь и разлагается заживо. Он играет фактически роль прислужника международной буржуазии. Это настоящий желтый Интернационал. Его крупнейшие идейные вожди, вроде Каутского, прославляют буржуазную демократию, называя ее „демократией“ вообще или—что еще глупее и еще грубее—„чистой демократией“.

Буржуазная демократия отжила, как отжил и Второй Интернационал, делавший исторически-необходимую, полезную работу, когда на очереди дня стояла подготовка рабочих масс в рамках этой буржуазной демократии.

Самая демократическая буржуазная республика не была никогда и не могла быть ничем иным, как машиной для подавления трудящихся капиталом, как орудием политической власти капитала, диктатурой буржуазии. Демократическая буржуазная республика обещала власть большинству, провозглашала ее, но никогда не могла осуществить ее, пока существовала частная собственность на землю и прочие средства производства.

„Свобода“ в буржуазно-демократической республике была на деле свободой для богатых. Пролетарии и трудящиеся крестьяне могли и должны были использовать ее для подготовки своих сил к свержению капитала, к преодолению буржуазной демократии, но фактически пользоваться демократией при капитализме трудящиеся массы, по общему правилу, не могли.

Впервые в мире советская или пролетарская демократия создала демократию для масс, для трудящихся, для рабочих и мелких крестьян.

Никогда еще не было в мире такой государственной власти большинства населения, власти этого большинства на деле, как Советская власть.

Она подавляет „свободу“ эксплуататоров и их пособников, она отнимает у них „свободу“ эксплуатировать, „свободу“ наживаться на голоде, „свободу“ борьбы за восстановление власти капитала, „свободу“ соглашения с иноземной буржуазией против отечественных рабочих и крестьян.

Пусть Каутские защищают такую свободу. Для этого надо быть ренегатом марксизма, ренегатом социализма.

Ни в чем крах идейных вождей II Интернационала таких, как Гильфердинг <sup>45)</sup> и Каутский, не выразился так ярко, как в их полной неспособности понять значение советской или пролетарской демократии, ее отношения к Парижской Коммуне, ее исторического места, ее необходимости, как формы диктатуры пролетариата.

В № 74 газеты „Свобода“ („Die Freiheit“), органе „независимой“ (читай: мещанской, филистерской, мелко-буржуазной) германской социал-демократии, помещено 11 февраля 1919 г. воззвание: „К революционному пролетариату Германии“

Это воззвание подписано правлением партии и всей ее фракцией в „Национальном Собрании“, в германской „учредилке“.

Это воззвание обвиняет Шейдеманов в стремлении устранить советы и предлагает—не шутите!—сочетать советы с учредилкой, дать советам известные государственные права, известное место в конституции.

Помирить, объединить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата! Как это просто! Какая это гениально-филистерская идея!

Жаль только, что ее уже испытали при Керенском <sup>108)</sup> в России объединенные меньшевики и социалисты-революционеры, эти мелко-буржуазные демократы, мнящие себя социалистами!

Кто не понял, читая Маркса, что в капиталистическом обществе, при каждом остром моменте, при каждом серьезном столкновении классов возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата, тот ничего не понял ни в экономическом, ни в политическом учении Маркса.

Но гениально-филистерская идея Гильфердинга, Каутского и К<sup>о</sup> о мирном соединении диктатуры буржуазии и диктатуры пролетариата требует особого разбора, если хотеть исчерпать экономические и политические нелепости, сгруженные в этом замечательнейшем и комичнейшем воззвании от 11-го февраля. Приходится отложить это до другой статьи.

*Написано 15 апреля;*

*напечатано в журн. „Коммунист. Интерн.“ № 1*

*15 мая 1919 г.*

## Послесловие к статье: „Успехи и трудности Советской власти“<sup>109)</sup>.

Потратив не мало труда на исправление записи моей речи, я вынужден обратиться с убедительной просьбой ко всем товарищам, которые хотят записывать мои речи для печати.

Просьба состоит в том, чтобы никогда не полагаться ни на стенографическую, ни на какую иную запись моих речей, никогда не гоняться за их записью, никогда не печатать записи моих речей.

Вместо записи моих речей, если есть в том надобность, пусть печатают отчеты о них. Я видал в газетах такие отчеты о своих речах, которые бывали удовлетворительны. Но я ни единого раза не видал сколько-нибудь удовлетворительной записи моей речи. Отчего это происходит, судить не берусь, от чрезмерной ли быстроты моей речи, или от ее неправильного построения или от чего другого, но факт остается фактом. Ни одной удовлетворительной записи своей речи, ни стенографической, ни иной какой, я еще ни разу не видал.

Лучше хороший отчет о речи, чем плохая запись речи. Поэтому я и прошу: никогда никаких записей моих речей не печатать \*).

*Написано 17 апреля 1919 г.*

*Из личного архива Н. Ленина.*

## Приветственная речь на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию.

(6 мая 1919 г.)

Товарищи, я очень рад приветствовать съезд по внешкольному образованию. Конечно, вы не ждете от меня речи, которая бы могла входить в существо дела, как это делал осведомленный и специально занимающийся вопросом предыдущий ора-

---

\*) Настоящее „послесловие“ было послано в Петербург Г. Зиновьеву, со следующей припиской:

„Очень прошу питерских товарищей напечатать нижеследующее, как предисловие или как послесловие к моей речи, хотя бы самым мелким петитом“. Напечатано это послесловие не было.

тор, тов. Луначарский<sup>110</sup>). Мне позвольте ограничиться только несколькими словами приветствия и небольшими наблюдениями и размышлениями, которые мне приходилось делать, когда в Совете Народных Комиссаров доводилось соприкасаться сколько-нибудь близко с непосредственной вашей работой. Я уверен, что едва ли найдется такая область советской деятельности, как внешкольное образование и просвещение, где бы за полтора года были достигнуты столь громадные успехи. Несомненно, что в этой области работать нам и вам было легче, чем в других областях. Здесь нам приходилось отбросить старые рогатки, и старые препятствия. Здесь было легче пойти навстречу той громадной потребности в знании, в свободном образовании, в свободном развитии, которая больше всего сказалась для рабочих и крестьянских масс, ибо если нам легко было, благодаря могучему напору масс, скинуть те внешние препятствия, которые стояли на их пути, сломить исторические буржуазные учреждения, которые привязывали нас к империалистической войне и осуждали Россию на самые большие тягости, следующие из этой войны, если нам легко было сломить внешние препятствия, то за то нам пришлось с тем большей остротой чувствовать всю тяжесть работы в деле перевоспитания масс, в деле организации и обучения, в деле распространения знаний, в деле борьбы с тем наследием темноты и некультурности, дикости и одичалости, которая нам досталась. Здесь борьбу приходилось вести совсем иными методами. Здесь приходилось рассчитывать только на длительный успех и упорное систематическое воздействие передовых слоев населения, на воздействие, которое встречает со стороны масс самый радушный прием, и мы часто оказываемся виноватыми в том, что даем меньше, чем могли бы дать. Мне кажется, что в этих первых шагах, в деле распространения внешкольного образования, свободного, не связанного старыми рамками и условностями образования, которому идет навстречу взрослое население, что в этой области первое время больше всего бороться нам приходилось с двоякого рода препятствиями. Оба препятствия мы унаследовали от старого, капиталистического общества, которое до сих пор держит нас, тянет нас книзу тысячами и миллионами нитей, канатов и цепей.

Первый недостаток—это обилие выходцев из буржуазной интеллигенции, которая сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по-новому, рассматри-

вала как самое удобное поприще для их личных выдумок в области философии и в области культуры, когда сплошь и рядом самое новейшее кривляние выдавалось за нечто новое и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное. Но в первое время это было естественно и может быть простительно и не может быть поставлено в вину широкому движению, и я надеюсь, что мы все-таки в конце концов из этого вылезем и вылезем. Второй недостаток — это тоже наследие капитализма. Широкие массы мелко-буржуазных трудящихся, стремясь к знанию, ломая старое, ничего организующего, ничего организованного внести не могли. Мне приходилось наблюдать, когда в Совете Народных Комиссаров ставился вопрос о мобилизации грамотных и об отделе библиотечном, и из этих небольших наблюдений я делал свои выводы относительно того, как плохо обстоит дело по этой части. Конечно, в приветственных речах не очень принято говорить о том, что бывает плохого. Я надеюсь, что вы от этих условностей будете свободны и не посетуете на меня, если я своими несколькими печальными наблюдениями поделюсь с вами.

Когда мы ставили вопрос о мобилизации грамотных, то больше всего бросалось в глаза то, что у нас революция одержала блестящий успех, не выходя сразу из рамок буржуазной революции. Она давала свободу развития наличным силам и эти наличные силы — мелко-буржуазные, с тем же лозунгом — „каждый за себя, а Бог за всех“, с тем же самым капиталистическим проклятым лозунгом, который никогда ни к чему другому, как к Колчаку и к старой буржуазной реставрации, не ведет. Когда посмотришь, что делается у нас в области обучения неграмотных, то в этом отношении, я думаю, что сделано очень мало, и наша общая задача здесь — понять, что необходима организованность пролетарских элементов. Дело не в смешных фразах, которые остаются на бумаге, а в тех насущных мерах, которые необходимо народу сейчас дать, которые всякого грамотного человека заставили бы смотреть, как на свою обязанность, на необходимость обучения нескольких неграмотных. Это у нас в декрете провозглашено. В этой области, однако, почти ничего не сделано. Когда я соприкасался в Совете Народных Комиссаров с другим вопросом, с вопросом библиотечным, — я говорил: те жалобы, которые постоянно слышались — виновата наша производственная отсталость, у нас мало книг и мы не можем произве-

сти их в достаточном количестве,—я говорю себе—это правда. Конечно, у нас топлива нет, фабрики стоят, бумаги мало и книг получить не можем. Это все правильно, но кроме того правильно то, что мы не можем взять книжки, которая у нас есть. Мы продолжаем страдать в этом отношении от мужицкой наивности и мужицкой беспомощности, когда мужик, ограбивший барскую библиотеку, бежал к себе и боялся, как бы кто-нибудь у него не отнял, ибо мысль о том, что может быть правильное распределение, что казна не есть нечто ненавистное, что казна — это есть общее достояние рабочих и трудящихся, этого сознания у него быть еще не могло. Неразвитая крестьянская масса в этом не виновата, и с точки зрения развития революции это совершенно законно,—это неизбежная стадия. Когда крестьянин брал к себе библиотеку и держал у себя тайно от других, он не мог поступать иначе, ибо он не понимал, что можно соединить библиотеки России воедино, что книг будет достаточно, чтобы грамотного напоить и безграмотного научить. Сейчас необходимо бороться с остатком дезорганизации, с хаосом, со смешными ведомственными спорами. Это должно составить нашу главную задачу. Мы должны взяться за простое, насущное дело мобилизации грамотных и борьбы с неграмотностью. Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые помогли бы народу использовать каждую имеющуюся у нас книжку, не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию. В этом малом деле отражается основная задача нашей революции. Если она этой задачи не решит, если она не выйдет на дорогу создания действительно планомерной единой организации, вместо российского бестолкового хаоса и нелепости,—тогда эта революция останется революцией буржуазной, ибо основная особенность пролетарской революции, идущей к коммунизму, в том и состоит, что буржуазии было достаточно сломать старое и предоставить свободу крестьянскому хозяйству, которое возрождало тот же капитализм, как и во всех революциях прежнего времени.

Если мы называемся партией коммунистов, мы должны понять, что только теперь, когда мы покончили с внешними препятствиями, сломали старые учреждения, перед нами впервые настоящим образом и во весь рост встала первая задача настоящей пролетарской революции — организация десятков и сотен

миллионѣв людей. После полуторагодового опыта в этой области, который мы все проделали, мы должны, наконец, встать на правильный путь, который бы победил ту некультурность и ту темноту и дикость, от которой нам приходится все время страдать.

*Брошюра „Две речи на I Всерос.  
съезде по внешкольному образованию“.  
Гос. Изд. 1919 г.*

## **Об обмане народа лозунгами свободы и равенства.**

(Речь на съезде по внешкольному образованию 19 мая 1919 г.)

Говарищи! Позвольте мне, вместо оценки текущего момента, которой, кажется, некоторые из вас на сегодня ожидали, дать ответ на наиболее существенные политические вопросы, конечно, не только теоретические, но и практические, которые сейчас перед нами становятся, которые характеризуют весь этап Советской революции и которые вызывают больше всего споров, больше всего нападков со стороны людей, считающих себя социалистами, больше всего недоумения со стороны людей, которые считают себя демократами и особенно охотно и особенно широко распространяют обвинения против нас за нарушение нами демократизма. Мне кажется, что эти общие политические вопросы слишком часто, даже постоянно встречаются во всей геперешней пропаганде, агитации, во всей литературе, враждебной большевизму,—если, конечно, эта литература хоть чуточку поднимается над уровнем простой лжи, клеветы и брани, какой характер она носит во всех органах буржуазии. Если мы возьмем литературу, хоть чуточку поднимающуюся над этим, то я думаю, что основные вопросы об отношении демократии к диктатуре, о задачах революционного класса в революционный период, о задачах перехода к социализму вообще, об отношениях рабочего класса и крестьянства, мне думается, что эти вопросы составляют самую существенную основу всех современных политических дебатов и выяснение их хотя может быть иногда и покажется вам несколько отходящим от непосредственной злобы дня,—выяснение их, я думаю, тем не менее должно составлять нашу общую главную задачу. Конечно, в коротком

реферате я не могу никоим образом претендовать на то, чтобы охватить все эти вопросы. Я выбрал некоторые из них и о некоторых из этих вопросов и хотел бы побеседовать.

Первый из намеченных мною вопросов, это — вопрос о трудностях всякой революции, всякого перехода к новому строю. Если вы присмотритесь к тем нападкам, которые сыпятся на большевиков со стороны людей, считающих себя социалистами и демократами,—как образец этих людей я могу взять литературную группу „Всегда Вперед“<sup>(111)</sup> и „Дело Народа“<sup>(112)</sup>,—газеты, закрытые, по-моему, по всей справедливости и в интересах революции, газеты, представители которых чаще всего в своих нападках, носящих слишком естественный характер, со стороны органов, которые наша власть признает контр-революционными, чаще всего прибегают к теоретической критике,—если вы присмотритесь к тем нападкам, которые несутся на большевизм из этого лагеря, то вы увидите, что в числе обвинений сплошь и рядом фигурирует такое: „большевики вам, трудящиеся, обещали хлеб, мир и свободу; они не дали ни хлеба, ни мира, ни свободы, они вас обманули и обманули тем, что отступили от демократии“. Насчет отступления от демократии будет речь особо. Я сейчас возьму другую сторону в этом обвинении: „большевики обещали хлеб, мир и свободу, большевики дали на самом деле продолжение войны, дали особенно упорную и особенно жестокую борьбу, войну всех империалистов, капиталистов всех стран Согласия, всех, значит, наиболее цивилизованных и передовых стран против измученной, истерзанной, отсталой, усталой России“. Эти обвинения, повторяю, вы видите в каждой из названных газет, в каждом разговоре буржуазного интеллигента, который, конечно, мнит себя не буржуазным,—вы это услышите постоянно в каждой обывательской речи. И я приглашаю вас подумать над подобного рода обвинениями.

Да, большевики шли на революцию против буржуазии, на насильственное ниспровержение буржуазного правительства, на разрыв со всеми традиционными привычками, обещаниями, заветами буржуазной демократии, на самую отчаянную, насильственную борьбу и войну ради подавления имущих классов,—шли из-за того, чтобы вырвать Россию, а затем и все человечество из империалистической бойни и чтобы положить конец всем войнам. Да, большевики шли на революцию за это, и, конечно, никогда от этой основной, главной своей задачи они не

думали отречься. И также несомненно, что попытки выйти из этой империалистической бойни, сломить господство буржуазии, что эти попытки навлекли на Россию поход всех цивилизованных государств. Ибо такова политическая программа Франции, Англии и Америки, как бы они ни уверяли, что они отказываются от интервенции. Как бы ни уверяли в этом Ллойд-Джорджи, Вильсоны и Клемансо, как бы они ни уверяли, что отказываются от интервенции, но мы все знаем, что это ложь. Мы знаем, что ушедшие и вынужденные уйти из Одессы и Севастополя военные суда союзников блокируют побережье Черного моря и даже обстреливают около Керчи ту часть Крымского полуострова, где засели добровольцы. Они говорят: „Этого мы вам отдать не можем. Если с вами добровольцы не сладят, мы все же отдать этой части Крымского полуострова не можем, потому что вы будете господами над Азовским морем, отрежете нам путь к Деникину<sup>113</sup>), не дадите возможности снабжать наших друзей“. Или развертывается наступление на Петроград<sup>114</sup>): вчера был бой нашего миноносца с четырьмя миноносками противника. Разве не ясно, что это интервенция, разве не английский флот участвует здесь? Разве не то же самое происходит в Архангельске, в Сибири? Факт таков: весь цивилизованный мир идет сейчас против России.

Спрашивается, впали ли мы в противоречие с собой, когда звали трудящихся на революцию, обещав им мир, а привели к походу всего цивилизованного мира против слабой, усталой, отсталой, разбитой России; или впали в противоречие с элементарными понятиями демократии и социализма те, кто имеет наглость бросать нам подобный उपрек?

Вот вопрос. Чтобы вам поставить этот вопрос в теоретической общей форме, я приведу сравнение. Мы говорим о революционном классе, о революционной политике народа, я предлагаю вам взять отдельного революционера. Возьмем хотя бы Чернышевского, оценим его деятельность. Как ее может оценить человек, совершенно невежественный и темный? Он, вероятно, скажет: „Ну, что же, разбил человек себе жизнь, попал в Сибирь, ничего не добился“. Вот вам образец. Если мы подобный отзыв услышим неизвестно от кого, то мы скажем: „В лучшем случае он исходит от человека безнадежно темного, невинного, может быть, в том, что он так забит, что не может понять значения деятельности отдельного революционера в связи

с общей цепью революционных событий; либо этот отзыв исходит от мерзавца, сторонника реакции, который сознательно хочет отпугнуть трудящихся от революции“.

Я взял пример Чернышевского потому, что, к какому бы направлению ни принадлежали люди, называющие себя социалистами, здесь в оценке этого индивидуального революционера расхождения по существу быть не может. Все согласятся, что если оценивать отдельного революционера с точки зрения тех жертв, внешне бесполезных, часто бесплодных, которые он принес, оставляя в стороне содержание его деятельности и связь его деятельности с предыдущими и последующими революционерами, если оценивать так значение его деятельности,—это либо темнота или невежество безысходное, либо злостная лицемерная защита интересов реакции, угнетения, эксплуатации и классового гнета. На этот счет разногласий быть не может.

Я вас приглашаю теперь перейти от отдельного революционера к революции целого народа, целой страны. А разве кто-либо когда-либо из большевиков отрицал, что революция может в окончательной форме победить лишь тогда, когда она охватит или все или, по крайней мере, некоторые из наиболее существенных передовых стран? Это мы говорили всегда. Разве мы утверждали, что выход из империалистской войны возможен простым втыканием штыков в землю? Я нарочно беру именно то выражение, которое мы в эпоху Керенского и я лично, и все наши товарищи употребляли постоянно в резолюциях, в речах и в газетах. Мы говорили: войну нельзя кончить втыканием штыков в землю; если есть толстовцы, которые так думают, надо пожалеть о людях свихнувшихся,—что же, с них ничего не возьмешь.

Мы говорили, что выход из этой войны может означать революционную войну. Это мы говорили с 1915 года и потом в эпоху Керенского. И, конечно, революционная война, это—тоже война, такая же тяжелая, кровавая и мучительная вещь. А когда она становится революцией в мировом масштабе, она неизбежно вызывает отпор в таком же мировом масштабе. И поэтому, когда мы теперь стоим в положении, что на Россию идут в поход все цивилизованные страны мира, мы можем не удивляться, если нам за это бросают обвинение в нарушении наших обещаний совсем темные мужички: мы скажем—с них нечего взять. Полная темнота, крайнее невежество их не позво-

ляют обвинять их. Где же, в самом деле, от темного совершенно крестьянина требовать понимания того, что есть война и война, что бывают войны справедливые и несправедливые, прогрессивные и реакционные, войны передовых классов и войны отсталых классов, войны, служащие закреплению классового гнета, и войны, служащие к его свержению? Для этого надо быть знакомым с классовой борьбой, с основами социализма, чуточку хотя бы с историей революции. Мы от темного крестьянина этого требовать не можем.

Но если человек, который называет себя демократом, социалистом, который идет на трибуну выступать публично, независимо от того, как он называет себя—меньшевиком, социал-демократом, эс-эром, истинным социалистом, сторонником Бернского Интернационала <sup>41)</sup>),—много есть всяких кличек, клички дешевы,—если такой субъект бросает нам обвинения: „Вы обещали мир и вызвали войну!“—то что ему ответить? Можно ли предположить, что он дошел до такой степени темноты, как невежественный крестьянин, что не может отличить войну и войну? Можно ли допустить, что он не понимает разницы между войной империалистической, которая была грабительской войной и теперь разоблачена до конца—после Версальского мира, только совершенно не умеющие рассуждать и думать или совершенно слепые могут не видеть, что она была грабительской с обеих сторон,—можно ли допустить, что есть хоть один грамотный человек, который не понимает разницы между той войной, войной грабительской и нашей войной, которая потому приобретает мировой масштаб, что мировая буржуазия поняла, что против нее идет решительный бой? Допустить всего этого мы не можем. И поэтому мы говорим: всякий, кто претендует на звание демократа или социалиста каких угодно оттенков и так или иначе, прямо или косвенно пускает в народ обвинения в том, что большевики затягивают гражданскую войну, войну тяжелую, войну мучительную, тогда как они обещали мир,—есть сторонник буржуазии, и мы будем ему отвечать так и будем становиться друг против друга так же, как с Колчаком, вот наш ответ. Вот в чем дело.

Господа из „Дела Народа“ удивляются: „Но ведь мы-де против Колчака <sup>98)</sup>); какая вопиющая несправедливость, что нас преследуют“.

Очень жаль, господа, что вы не хотите связать концов с

концами и не хотите понимать той простой политической азбуки, из которой вытекают определенные выводы. Вы уверяете, что вы против Колчака. Я беру газеты „Всегда Вперед“ и „Дело Народа“, беру все обывательские рассуждения подобного типа, эти настроения, которых масса в интеллигенции, они преобладают в интеллигенции. Я говорю: всякий из вас, который пускает в народ обвинения подобного рода,—это есть колчаковец, потому что он не понимает той элементарной, основной, всякому грамотному человеку понятной разницы между войной империалистической, которую мы разбили, и войной гражданской, которую мы навлекли на себя. Никогда мы не скрывали от народа, что мы на этот риск идем. Мы напрягаем все силы для того, чтобы в этой гражданской войне победить буржуазию и подорвать в корне возможность классового гнета. Нет, не бывало и не может быть революции, которая была бы гарантирована от борьбы долгой, тяжелой и может быть полной самых отчаянных жертв. Те, кто не умеет отличить жертв, приносимых в ходе революционной борьбы, ради ее победы, когда все имущие, все контр-революционные классы борются против революции, те, кто не умеет отличить эти жертвы от жертв грабительской эксплуататорской войны,—тот является представителем самой крайней темноты,—и про него нужно сказать: его нужно посадить за азбуку, и прежде внешкольного образования подвергнуть его низшему школьному, либо это—представитель самого злостного колчаковского лицемерия, как бы он ни назывался, под какими бы кличками ни прятался. А эти обвинения большевиков—это самые обычные и „ходкие“ обвинения. Эти обвинения действительно связаны с широкими трудящимися массами, ибо темному крестьянину понять это трудно: он одинаково страдает от войны, ради чего эта война ни велась бы. Меня не удивляет, если я слышу среди темного крестьянства такие отзвухи: „На царя воевали, на меньшевиков отвоевали, а теперь еще на большевиков воевать будем!“. Меня это не удивляет. Действительно, война есть война, несет с собой тяжелые жертвы без конца. „Говорил царь, что это для свободы и для освобождения от ига, говорили меньшевики, что для свободы и освобождения от ига, говорят то же большевики. Все говорят, где же нам разобраться!“.

Действительно, темному крестьянину, пожалуй, где же ему разобраться. Такому человеку надо еще учиться элементарной политической грамоте. Но что можно сказать про человека, ко-

который обращается со словами „революция“, демократия, социализм, который претендует на то, чтобы эти слова употреблять, их понимая. Он жонглировать подобными понятиями не может, если не хочет превратиться в политического мошенника, ибо разница между войной двух групп хищников и войной, которую ведет угнетенный класс, который восстал против всякого хищничества, это есть элементарная, коренная и основная разница. Дело не в том, что та или иная партия, тот или иной класс, то или иное правительство войну оправдывали, а дело в том, каково содержание этой войны, каково ее классовое содержание, какой класс ведет войну, какая политика воплощается в войне.

От вопроса об оценке того тяжелого и трудного периода, который мы сейчас переживаем и который неизбежно связан с революцией, я перейду к другому политическому вопросу, который тоже сплошь и рядом выплывает во всех прениях и во всех недоумениях, — это вопрос о блоке с империалистами, о союзе, соглашении с империалистами.

Вы в газетах вероятно встречали имена социалистов-революционеров Вольского<sup>116</sup>) и, кажется, второго—Святицкого<sup>117</sup>), которые писали в последнее время в „Известиях“, которые выступили со своим манифестом, которые считают себя уж как раз такими социалистами-революционерами, которых в колчаковщине обвинить нельзя: они от Колчака ушли, они от Колчака пострадали, они, уйдя к нам, оказали нам услугу против Колчака. Это правда. Но присмотритесь к рассуждениям этих граждан, присмотритесь к тому, как они оценивают вопрос о блоке с империалистами, о союзе или соглашении с империалистами. Мне довелось ознакомиться с их рассуждениями тогда, когда их писания были отображены нашей властью, борющейся с контр-революцией и когда приходилось знакомиться с их документами, чтобы как следует оценить их прикосновенность в колчаковщине.

Это несомненно лучшие из эс-эровской публики. В их рассуждениях я встречал рассуждения такого рода: „позвольте, от нас ждут раскаяния; ждут, что мы будем каяться. Ни в чем, никогда! Нам каяться не в чем! Нас обвиняют в том, что мы были в блоке, в соглашении с Антантой, с империалистами. А вы, большевики, разве вы не были в соглашении с немецкими империалистами? А что такое Брест? А разве Брест не есть соглашение с империалистами? Вы соглашались с империализмом

немецким в Бресте, мы соглашались с империализмом французским,—мы квиты, нам не в чем каяться!“.

Это рассуждение, которое я нашел в писаниях названных мною лиц и их единомышленников, я встречаю, когда припоминаю названные мною газеты, когда пытаюсь подвести итог впечатлениям из обывательских разговоров. Это рассуждение вы встретите постоянно. Это одно из основных политических рассуждений, с которым приходится иметь дело. И вот я приглашаю вас остановиться на разборе, на анализе, теоретическом размышлении по поводу этого рассуждения. Каково его значение? Правы ль те, кто говорит: „мы, демократы, социалисты, были в блоке с Антантой, вы были в блоке с Вильгельмом, Брестский мир заключали,—друг дружку нам попрекать нечем, мы квиты?“, Или мы правы, когда мы говорим, что те, кто показал себя не на словах, а делом в соглашении с Антантой против большевистской революции, те суть колчаковцы? Хотя бы они сто тысяч раз это отрицали, хотя бы они лично от Колчака ушли и заявили всему народу, что они против Колчака, они колчаковцы по своим основным корням, по всему содержанию и значению их рассуждений и их дел. Кто прав? Это основной вопрос революции и над ним надо подумать.

Чтобы этот вопрос выяснить, я позволю себе привести сравнение на этот раз не с индивидуальным революционером, а с индивидуальным обывателем. Представьте себе, что ваш автомобиль окружают бандиты и приставляют вам револьвер к виску. Представьте себе, что вы отдаете после этого бандитам деньги и оружие, предоставляя им уехать на этом автомобиле. В чем дело? Вы дали бандитам оружие и деньги. Это факт.

Представьте себе, что другой гражданин дал бандитам оружие и деньги, дабы участвовать в похождениях этих бандитов против мирных граждан. В обоих случаях есть соглашение. Записано оно или нет, сказано оно или нет, это не существенно. Можно себе представить, что человек отдает молча свой револьвер, свое оружие и свои деньги. Ясно содержание соглашения. Он говорит бандитам: „я тебе дам оружие, револьвер и деньги, ты мне дашь взамен уйти от приятной близости с тобой“, соглашение на-лицо. Точно так же возможно, что молчаливое соглашение заключается между человеком, который дает оружие и деньги бандитам для того, чтобы дать им возможность грабить других, и который потом получает частицу добычи. Это тоже молчаливое соглашение.

Я вас спрашиваю: найдите мне такого грамотного человека, который не сумел бы различить обоих соглашений. Вы скажете: это наверно кретин, если действительно найдется такой человек, который неспособен отличить то и другое соглашение и который говорит: „ты дал оружие и деньги бандитам, значит не обвиняй больше никого в бандитизме; какое ты имеешь право после этого обвинять в бандитизме?“. Если вы встретите такого грамотного, вы должны будете признать, или во всяком случае 999 из 1000 признают, что он не в своем уме и что с таким человеком нельзя рассуждать не только на политические, но даже на уголовные темы.

Я вас приглашаю теперь от этого примера перейти к сравнению Брестского мира и соглашения с Антантой. Что такое был Брестский мир? Разве это не насилие бандитов, которые выступили против нас тогда, когда мы честно предложили мир, предложив всем народам свергнуть свою буржуазию? Смешно было бы, если бы мы начали со свержения немецкой буржуазии,— данный договор разоблачили перед всем миром, как самый грабительский и разбойничий, заклеили его и даже сразу отказались подписать этот мир, рассчитывая на содействие германских рабочих. Когда же насильники приставили револьвер к нашему виску, мы сказали: получите оружие, деньги, мы с вами потом расквитаемся иными средствами. На немецкий империализм мы знаем другого врага, которого слепые люди не заметили,— немецкого рабочего. Можно ли сравнить это соглашение с империализмом, с тем соглашением, когда демократы, социалисты, социалисты-революционеры,— не шутите, чем крепче, тем звончее,— когда они соглашались с Антантой идти против части рабочих своей страны? А ведь так стояло дело и так стоит до сих пор. Ведь влиятельнейшая часть европейски-известных меньшевиков и эс-эров за границей и сейчас соглашается с Антантой. Подписано это или нет, я не знаю, — наверно не подписано, — умные люди такие вещи делают молча. Но ясно, что есть такое соглашение, когда их носят на руках, дают им паспорта, по всему свету через радиотелеграф рассылают сообщения о том, что сегодня выступил Аксельрод<sup>118</sup>), завтра Савинков<sup>119</sup>) или Авксентьев<sup>120</sup>), после завтра Брешковская<sup>121</sup>). Разве это не соглашение, хотя и молчаливое? И это такое же соглашение с империалистами, как и наше? Его внешний вид так похож на наш, как похож внешне акт человека, дающего ружье и деньги бандитам, на всякий акт

подобного рода, независимо от его цели и характера, — во всяком случае независимо от того, для чего я даю бандитам деньги и оружие. Для того ли, чтобы от него избавиться, когда он на меня нападает, и когда я поставлен в положение, что если я не дам ему револьвер, он меня убьет? Или я даю деньги и оружие бандитам, которые идут на грабеж, о чем я должен знать и в доходе от которого я участвую?

„Я называю это, конечно, освобождением России от диктатуры насильников, я, разумеется, демократ, потому что поддерживаю всем известную Сибирскую или Архангельскую демократию, я борюсь, разумеется, за Учредительное Собрание. Не смейте подозревать меня в чем-нибудь худом и, если я оказываю услугу бандитам, английским, французским, американским империалистам, то это я делаю ради интересов демократии, Учредительного Собрания, народовластия, единства трудовых классов населения, и свержения насильников, узурпаторов, большевиков!“.

Цели, конечно, самые благородные. Но не слышали ли все, кто занимается политикой, что политика оценивается не по заявлениям, а по реальному классовому содержанию? Какому классу ты служишь? Если ты в соглашении с империалистами, участвуешь ли ты в империалистском бандитизме или нет?

Я в своем „письме к американским рабочим“ указал между прочим на то, что американский революционный народ, когда он освобождался в XVIII веке от Англии, когда он вел свою одну из первых и наиболее великих в истории человечества, действительно освободительных и одну из немногих в истории человечества действительно революционных войн, он, освобождаящий себя, великий революционный американский народ, вступил в соглашение с бандитами испанского и французского империализма, который тогда имел колонии в самой Америке по соседству с этим народом. Они в союзе с этими бандитами били англичан и от них освободились. Были ли грамотные люди на свете, видели ли вы таких социалистов, соц.-революционеров, представителей демократии или, как они еще там называются, вплоть до меньшевиков, — видели ли вы когда-нибудь, чтобы они решились публично обвинить за это американский народ, сказать, что он нарушил принцип демократизма, свободы и т. п.? Такого чудака еще не родилось. А теперь являются у нас подобные люди, которые называют себя такими кличками и даже претендуют на то, что они должны быть в одном Интернационале

и что это исключительно большевистское озорство,—известное дело, что большевики озорники,—если они устраивают свой Коммунистический Интернационал, не хотят идти в Бернский, хороший, старый, общий, единый Интернационал!—находятся такие люди, которые говорят: „нам не в чем каяться—вы соглашались с Вильгельмом, мы соглашались с Антантой,—мы квиты!“.

Я утверждаю, что эти люди, если они обладают элементарной политической грамотностью, то они колчаковцы, как бы они лично от этого ни отрекались, как бы лично ни претила им колчаковщина, как бы лично они от Колчака ни пострадали и хотя бы перешли на нашу сторону. Это колчаковцы, так как нельзя себе представить, что они не понимают разницы между вынужденным соглашением в борьбе с эксплуататорами, которое бывали вынуждены сплошь и рядом во всей истории революции заключать эксплуатируемые классы, и между тем, что делали и делают влиятельнейшие из представителей наших якобы демократов, представителей якобы „социалистической“ интеллигенции, которые частью вступали вчера, а частью вступают сегодня в соглашение с бандитами и разбойниками международного империализма против части—как они говорят—против части трудящихся классов своей страны. Эти люди—колчаковцы—и с ними никакого иного отношения не допустимо, кроме того, какое у сознательных революционеров должно быть с колчаковцами.

Я теперь перейду к следующему вопросу. Это вопрос об отношении к демократии вообще.

Мне уже приходилось указывать, что самым ходячим оправданием, самой ходячей защитой тех политических позиций, которые занимают демократы и социалисты против нас, является ссылка на демократию. Самым решительным представителем этой точки зрения в европейской литературе выступил, как вы, конечно, знаете, Каутский, идейный вождь II Интернационала и до сих пор член Бернского Интернационала. „Большевики избрали метод, нарушающий демократию, большевики избрали метод диктатуры, поэтому их дело неправильное“,—так он говорит. Этот довод тысячу и миллион раз фигурировал везде и постоянно во всей печати и в названных мною газетах. Его постоянно повторяет и вся интеллигенция, а иногда полусознательно повторяют в аргументации обыватели. „Демократия—это есть свобода, это есть равенство, это есть решение большинства; что может быть выше свободы, равенства, решения большинства! Если вы,

большевики, от этого отступили и даже имели при этом наглость открыто сказать, что вы выше и свободы, и равенства, и решения большинства, так тогда не удивляйтесь и не жалуйтесь, что мы вас называем узурпаторами, насильниками!<sup>4</sup>.

Мы этому нисколько не удивляемся, потому что мы хотим больше всего ясности и рассчитываем только на то, чтобы передовая часть трудящихся действительно ясно сознавала свое положение. Да, мы говорили и говорим все время в своей программе, в партийной программе, что мы себя в обман такими прекрасно звучащими лозунгами, как свобода, равенство и воля большинства, не дадим и что мы к тем, кто называет себя демократами, сторонниками чистой демократии, сторонниками последовательной демократии, прямо или косвенно противопоставляя ее диктатуре пролетариата,—что мы к ним относимся, как к пособникам Колчака.

Разбирайтесь, разобраться надо. Виноваты ли действительно чистые демократы в том, что они проповедают чистую демократию, защищают ее против узурпаторов, или они виноваты в том, что они оказываются на стороне имущих классов, на стороне Колчака?

Разбираться начнем со свободы. Свобода, нечего говорить, для всякой революции, социалистической ли или демократической, это есть лозунг, который очень и очень существенен. А наша программа заявляет: свобода, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, есть обман. И всякий из вас, кто читал Маркса, я думаю, даже всякий, кто читал хотя бы популярное изложение Маркса, знает, что большую часть своей жизни и своих литературных трудов и большую часть своих научных исследований Маркс посвятил как раз тому, что высмеивал свободу, равенство, волю большинства и всяких Бенетамов<sup>133</sup>), которые это расписывали,—и доказательство того, что в подкладке этих фраз лежат интересы свободы товаровладельца, свободы капитала, которую он употребляет на то, чтобы угнетать трудящиеся массы.

Мы говорим всякому, кто в момент, когда дело дошло до свержения власти капитала во всем мире, или хотя бы в одной стране, кто в такой исторический момент, когда на первый план выступает борьба угнетенных трудящихся классов за полное свержение капитала, за полное уничтожение товарного производства, все, кто в такой политический момент обращается со словом „свобода“ вообще, кто во имя этой свободы идет против

диктатуры пролетариата,— тот помогает эксплуататорам и ничего больше, он их сторонник, потому что свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман, как это мы в своей партийной программе заявили прямо. Может быть это лишнее с точки зрения внешнего построения программы, но это самое коренное с точки зрения всей нашей пропаганды и агитации, с точки зрения основ пролетарской борьбы и пролетарской власти. Мы прекрасно знаем, что мы должны бороться со всемирным капиталом, мы прекрасно знаем, что всемирный капитал в свое время имел перед собой задачу создания свободы, что он сбросил феодальное рабство, что он буржуазную свободу создал, мы прекрасно знаем, что это всемирно-исторический прогресс. И мы заявляем, что мы против капитализма вообще идем, против капитализма республиканского, против капитализма демократического, против капитализма свободного,— конечно, мы знаем, что он против нас выдвинет знамя свободы. И мы ему— отвечаем, мы считали необходимым этот ответ поставить в своей программе: „всякая свобода есть обман, если она противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала“.

Но, возразят, не может быть противоречия свободы с освобождением труда от гнета капитала? Посмотрите на все западно-европейские страны, в каких-либо вы бывали, либо, во всяком случае, о каких читали. В каждой книжке освещался их строй, как самый свободный строй, и теперь эти западно-европейские цивилизованные страны— Франция, Англия, Америка— подняли это знамя, они ищут против большевиков „во имя свободы“. На днях совсем— французские газеты теперь попадают редко, потому что мы окружены кольцом, но по радио сведения попадают, воздух захватить все-таки нельзя, мы перехватываем иностранные радио— на днях я имел возможность прочесть в радио, которое было послано французским грабительским правительством: иля против большевиков и поддерживая их противников, Франция держит по-прежнему высоко свойственный ей „высокий идеал свободы“. Это мы встречаем на каждом шагу, это основной их тон в полемике против нас.

А что они называют свободой? Эти цивилизованные французы, англичане, американцы, они называют свободой хотя бы свободу собраний. В конституции должно быть написано: „свобода собраний всем гражданам“. „Вот это,— говорят они,— есть

содержание, вот это есть основное проявление свободы. А вы, большевики, вы свободу собраний нарушили!“.

Да,—отвечаем мы,—ваша свобода, господа англичане, французы, американцы, есть обман, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала. Вы мелочь забыли, господа цивилизованные. Забыли, что ваша свобода написана в конституции, которая узаконяет частную собственность. Вот в чем суть дела.

Рядом со свободой—собственность, так и написано в вашей конституции! Что вы признаете свободу собраний, это, конечно, громадный прогресс по сравнению с феодальным порядком, средневековым, крепостным правом. Это признали все социалисты, когда использовали эту свободу буржуазного общества, чтобы научить пролетариат, как свергнуть гнет капитализма.

Но ваша свобода такова, что это есть свобода на бумаге, а не на деле. Это значит, что если в больших городах бывают большие залы, вроде этой, они принадлежат капиталистам, помещикам, называются, наприм., залами „Благородного собрания“. Вы можете свободно собираться, граждане Российской демократической республики, но это частная собственность, извините пожалуйста, нужно уважать частную собственность, иначе вы будете большевиками, преступниками, разбойниками, грабителями, озорниками. А мы говорим: „Мы это перевернем. Это здание из „Благородного собрания“<sup>123)</sup> мы сперва сделаем зданием рабочих организаций, а потом поговорим о свободе собраний“. Вы нас обвиняете в нарушении свободы. Мы же признаем, что всякая свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман. Свобода собраний, которая написана в конституции всех буржуазных республик, есть обман, потому что, чтобы собираться в цивилизованной стране, которая все-таки зимы не уничтожила, погоды не переделала, нужно иметь помещения для собраний, а лучшие здания в частной собственности. Сначала отберем лучшие здания, а потом поговорим о свободе.<sup>1</sup>

Мы говорим, что свобода собраний для капиталистов—это величайшее преступление против трудящихся, это есть свобода собраний для контр-революционеров. Мы говорим господам буржуазным интеллигентам, господам сторонникам демократии: вы можете, когда бросаете в лицо обвинение в нарушении свободы! Когда ваши буржуазные великие революционеры в Англии в 1649 году, во Франции в 1792—1793 совершали революцию, они

не давали свободы собраний монархистам. Потому и названа французская революция великой, что она не отличалась дряблостью, половинчатостью, фразерством многих революций 1848 года, а что это была деловая революция, которая, свергнув монархистов, задавила их до конца. Так же и мы сумеем поступить с господами капиталистами, ибо мы знаем, что для освобождения трудящихся от гнета капитала нужно отобрать свободу собраний у капиталистов, нужно их „свободу“ отнять или урезать. Это служит освобождению труда от гнета капитала, это служит той настоящей свободе, когда не будет зданий, в которых не живет отдельная семья и которые принадлежат кому-нибудь в отдельности—помещикам, капиталистам или какому-нибудь акционерному обществу. Когда это будет, когда забудут люди о том, что могут быть общественные здания в чьей-то собственности, тогда-то мы будем за полную „свободу“. Когда на свете останутся только работники и забудут люди думать о том, что можно быть членом общества не работником,—это будет еще не так скоро, в проволочке будут виноваты господа буржуа и господа буржуазные интеллигенты,—тогда мы будем за свободу собраний для каждого, а сейчас свобода собраний есть свобода собраний капиталистов, контр-революционеров. Мы с ними боремся, мы даем им свой отпор и заявляем, что эту свободу мы отменяем.

Мы идем в бой—это есть содержание диктатуры пролетариата. Прошли те времена наивного, утопического, фантастического, механического, интеллигентского социализма, когда дело представляли так, что убедят большинство людей, нарисуют красивую картинку социалистического общества, станет большинство на точку зрения социализма. Миновали те времена, когда этими детскими побасенками забавляли себя и других. Марксизм, который признавал необходимость классовой борьбы, говорил: к социализму человечество не придет иначе, как через диктатуру пролетариата. Диктатура—слово тяжелое, жестокое, кровавое, мучительное и этаких слов на ветер не бросают. Если с этаким лозунгом выступили социалисты, то это потому, что они знают, что иначе, как в отчаянной, беспощадной борьбе класс эксплуататоров не сдастся и что он будет всякими хорошими словами прикрывать свое господство.

Свобода собраний,—что может быть выше, что может быть лучше этого слова! Мыслимо ли развитие трудящихся и их со-

знательности без свободы собраний, мыслимы ли основы человечности без свободы собраний? А мы говорим, что свобода собраний по конституции Англии, Американских Соединенных Штатов есть обман, потому что связывает руки у трудящихся масс во все время перехода к социализму, есть обман, потому что они прекрасно знают, что буржуазия будет все делать, чтобы свергнуть эту власть, столь необычную, столь чудовищную вначале. Иначе быть не может в глазах того, кто продумал классовую борьбу, кто сколько-нибудь конкретно, ясно думает об отношении восставших рабочих к буржуазии, которая свергнута в одной стране и не свергнута во всех и которая именно потому, что она свергнута не совсем, с тем большим озлоблением бросается на борьбу.

Именно после свержения буржуазии классовая борьба принимает самые резкие формы. Никуда не годятся те демократы и социалисты, которые обманывают себя, а потом обманывают и других, говоря: раз буржуазия свергнута, дело кончено. Оно только начато, а не кончено, потому что буржуазия до сих пор не верила той мысли, что она свергнута, и накануне октябрьской революции шутила очень мило и очень любезно, шутили и Миллюков<sup>124</sup>), и Чернов<sup>125</sup>), и новожиизненцы<sup>38</sup>). Они шутили: „Ну, пожалуйста, господа большевики, составьте кабинет, сами возьмите власть на парочку недель—вы прекрасно нам поможете!“. Ведь это писал Чернов от эсеров, это писал Миллюков в „Речи“<sup>126</sup>), это писала полуменьшевистская „Новая Жизнь“. Они шутили, потому что не брали дела всерьез. А теперь увидели, что дело пошло всерьез, и господа английские, французские и швейцарские буржуа, которые думали, что их „демократические республики“ это броня, которая их защищает, они увидели и осознали, что дело пошло серьезно и теперь они вооружаются все. Если бы вы могли посмотреть, что делается в свободной Швейцарии, как там поголовно вооружается каждый буржуа, создает белую гвардию, потому что он знает, что вопрос пошел о том, сохранить ли ему свои привилегии, позволяющие держать миллионы в наемном рабстве. Теперь борьба приняла мировой размах, поэтому теперь все, кто со словами „демократия“, „свобода“ выступает против нас, становится на сторону имущих классов: обманывает народ, ибо он не понимает, что свобода и демократия до сих пор были свободой и демократией для имущих и лишь крошками со стола для неимущих.

Что такое свобода собраний, когда трудящиеся задавлены рабством капитала и работой на капитал? Это есть обман, и для того, чтобы идти к свободе для трудящихся, надо сначала победить сопротивление эксплуататоров, а если я выдерживаю сопротивление целого класса, то ясно, что я не смогу обещать ни свободы, ни равенства, ни решения большинства для этого класса.

Теперь от свободы я перейду к равенству. Здесь дело стоит еще глубже. Здесь мы касаемся вопроса еще более серьезного, вызывающего большие разногласия, и более болезненного.

Революция в своем ходе свергает один эксплуататорский класс за другим. Она сбросила сперва монархию и понимала под равенством только то, чтобы была выборная власть, чтобы была республика. Она, перейдя дальше, сбросила помещиков, и вы знаете, что вся борьба против средневековых порядков, против феодализма шла под лозунгом „равенства“ Все равны, независимо от сословий, все равны, в том числе миллионер и голяк,—так говорили, так думали, так искренно считали революционеры того периода, который в историю вошел как период Великой Французской Революции. Революция шла против помещиков под лозунгом равенства, и называли равенством то, что миллионер и рабочий должны иметь равные права. Революция пошла дальше. Она говорила, что „равенство“,—мы этого не сказали особо в своей программе, но нельзя же повторять бесконечно, это так же ясно, как то, что мы сказали про свободу,—равенство есть обман, если оно противоречит освобождению труда от гнета капитала. Это мы говорим и это совершенная правда. Мы говорим, что демократическая республика с современным равенством это ложь, обман, что равенство там не соблюдается и его там быть не может, и то, что мешает пользоваться этим равенством—это есть собственность на средства производства, на деньги, на капитал. Можно отнять сразу собственность на богатые здания, можно отнять сравнительно скоро капитал и орудия производства, но возьмите собственность на деньги.

Деньги—ведь это сгусток общественного богатства, сгусток общественного труда, деньги—свидетельство на получение дани со всех трудящихся, деньги—это остаток вчерашней эксплуатации. Вот что такое деньги. Можно ли как-нибудь сразу их уни-

чтожить? Нет. Еще до социалистической революции и социалисты писали, что деньги отменить сразу нельзя, и мы своим опытом можем это подтвердить. Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги, а до тех пор приходится оставаться при равенстве на словах в конституции, и при том положении, когда каждый, имеющий деньги, имеет фактическое право на эксплуатацию. И мы не могли отменить денег сразу, мы говорим: пока деньги остаются и довольно долго останутся в течение переходного времени от старого капиталистического общества к новому социалистическому. Равенство есть обман, если оно противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала.

Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: понятие равенства, помимо уничтожения классов, есть глупейший и вздорный предрассудок. Буржуазные профессора за понятие равенства пытались нас изобличить в том, что мы хотим одного человека сделать равным другому. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты—и именно основатель современного научного социализма, Маркс—говорили: „Равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы всех людей сделаем равными друг другу, это пустейшая фраза и выдумка интеллигента, который иногда добросовестно кривляется, вывертывает слова, а содержания нет—пусть он называет себя писателем, иногда ученым и еще кем бы то ни было!“.

И вот мы говорим: мы ставим себе целью равенство, как уничтожение классов. Тогда надо уничтожить и классовую разницу между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет и нашу цель. Общество, в котором осталась классовая разница, между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество. Конечно, при толковании слова социалист в известном смысле, можно назвать его социалистическим, но это будет казуистика,—спор о словах. Социализм—это есть первая стадия коммунизма,—но спорить о словах не стоит. Ясно одно, что пока остается классовая разница между рабочим и крестьянином, мы не можем говорить о равенстве, не остерегаясь того, чтобы не попасть, как вода на мельницу

буржуазии. Крестьяне—это есть класс патриархальной эпохи, класс, воспитанный десятилетиями и столетиями в рабстве, и в течение всех этих десятилетий крестьянин существовал, как мелкий хозяин, сначала подчиненный другим классам, потом формально свободный и равный, но собственник и владелец предметов питания.

Тут мы подходим к вопросу, который больше всего вызывает нареканий со стороны наших врагов, который больше всего рождает сомнений среди неопытных и невдумывающихся людей и который больше разделяет нас от тех, кто желает считаться демократами, социалистами и кто обижается на нас, что мы его ни демократом, ни социалистом не считаем, а называем сторонником капиталистов, может быть по темноте, но сторонником капиталистов.

Положение крестьянина таково по его быту, условиям производства, условиям его жизни, условиям его хозяйства, что крестьянин—полутрудовой, полуспекулянт.

Это—факт. Из этого факта вы не выскочите, пока не уничтожите деньги, не уничтожите обмен. А для того, чтобы это сделать, нужны годы и годы устойчивого господства пролетариата, потому что только пролетариат способен победить буржуазию. Когда нам говорят: „Вы нарушители равенства, вы нарушили равенство не только с эксплуататорами,—еще, пожалуй, я готов согласиться с этим“,—заявляет какой-нибудь социалист-революционер или меньшевик, не понимая того, что он говорит,—„но вы нарушили равенство рабочих с крестьянами, нарушили равенство „трудовой демократии“. Вы преступники!“.

Мы отвечаем: „Да, мы нарушили равенство рабочих с крестьянами и утверждаем, что вы, которые стоите за это равенство,—сторонники Колчака“. Я недавно читал прекрасную статью товарища Германова<sup>127)</sup> в „Правде“, в которой были „тезисы“ гражданина Шера<sup>128)</sup>, одного из наиболее „социалистических“ с.-д. меньшевиков. Эти „тезисы“ были предложены в нашем кооперативном учреждении. Эти тезисы таковы, что надо было бы выгравировать их на доске, повесить во всяком волостном исполкоме и подписать: „Сие есть колчаковец“.

Я прекрасно знаю, что этот гражданин Шер и его единомышленники за это назовут меня клеветником и еще похуже. Тем не менее, я приглашаю людей, которые учились азбуке политической экономии и политической грамоте, разобраться вни-

мательно, кто прав, кто виноват. Гражданин Шер говорит: „Продовольственная политика и вообще экономическая политика Советской власти никуда не годится и надо перейти сначала постепенно, а потом шире к свободной торговле продовольственными продуктами и к обеспечению частной собственности“.

Я говорю, что это есть экономическая программа, экономическая основа Колчака. Я утверждаю, что тот, кто читал Маркса, особенно первую главу „Капитала“, кто читал популяризацию Маркса хотя бы Каутским: „Экономическое учение Карла Маркса“, тот должен будет прийти к тому, что действительно в момент, когда происходит революция пролетариата против буржуазии, когда свержается помещичья и капиталистическая собственность, когда голодает страна, разоренная четырехлетней империалистической войной, свобода торговли хлебом есть свобода капиталиста, свобода восстановления власти капитала. Это есть колчаковская экономическая программа, ибо Колчак держится не на воздухе.

Довольно неумно порицать Колчака только за то, что он насильничал против рабочих и даже порол учительниц за то, что они сочувствовали большевикам. Это вулгарная защита демократии, это глупые обвинения Колчака. Колчак действует теми способами, которые он находит. Но чем же он держится экономически? Он держится свободой торговли, он за нее идет, его поддерживают за это все капиталисты. А вы говорите: „Я от Колчака ушел, я не колчаковец!“. Это, конечно, делает тебе честь, но это еще не доказывает, чтобы у тебя была на плечах голова, способная рассуждать. Так мы этим люлям и отвечаем, нисколько не посягая на честь эс-эров и меньшевиков, которые ушли от Колчака, когда увидели, что это насильник. Но если такой человек в стране, которая борется в отчаянной схватке с Колчаком, продолжает бороться за „равенство трудовой демократии“, за свободу торговли хлебом—он и есть колчаковец, он только не понимает дела, не умеет свести концов с концами.

Колчак держится тем, что, взявши богатую хлебом местность,—называется ли он Колчак или Деникин, мундиры разные сущность одна,—он там разрешает свободу торговли хлебом и свободу восстановления капитализма. Так было во всех революциях, так будет у нас, если мы от диктатуры пролетариата перейдем к этой свободе и к „равенству“ господ демократов, эс-эров, левых меньшевиков и т. д. вплоть иногда до анархистов,—

кличек много. Теперь на Украине каждая банда избирает кличку, одна свободнее другой, одна демократичнее другой, — и в каждом уезде по банде.

Равенство между рабочими и крестьянами нам преподносят „защитники интересов трудового крестьянина“, это большей частью эс-эры. Другие, как гражданин Шер, они учились марксизму и все же не понимают, что равенства между рабочим и крестьянином на время переходное от капитализма к социализму быть не может, и тех, кто его обещает, надо признать развивающими программу Колчака, хотя бы они этого не понимали. Я утверждаю, что всякий, кто подумает над конкретными условиями страны, особенно совершенно разоренной страны, тот это поймет.

Наши „социалисты“, которые утверждают, что теперь у нас период буржуазной революции, постоянно обвиняют нас в том, что у нас коммунизм потребительский. Некоторые прибавляют — коммунизм солдатский и воображают себя выше стоящими, воображают, что они поднялись над этим низменным видом коммунизма. Это просто люди, которые играют словами. Они книжки видали, книжки заучили, книжки повторили и в книжках ничегошеньки не поняли. Бывают такие ученые и даже ученейшие люди. В книжках он читал, что социализм есть высшее развитие производства. Каутский даже и теперь только и делает, что это повторяет. Я на-днях видал одну французскую газету, которая нечаянно попала к нам, и в ней прочел про последний съезд независимых в Германии. Каутский выступал докладчиком и в своем докладе он подчеркивал, — не он лично, а его жена, так как он был болен, а она его доклад читала, — что социализм есть высшее развитие производства и без производства ни капитализм, ни социализм держаться не может, а немецкие рабочие этого не понимают.

Бедные немецкие рабочие! Они борются с Шейдеманом и Носке<sup>104</sup>), борются с палачами, стараются свергнуть власть палачей, продолжающих считать себя социал-демократами Шейдемана и Носке, они думают, что идет гражданская война. Убит Либкнехт, убита Роза Люксембург<sup>23</sup>). Все русские буржуа говорят (это было напечатано в Екатеринодарской газете): „Вот как надо с нашими большевиками!“. Так и напечатано. Кто понимает дело, прекрасно знает, что вся международная буржуазия стоит на этой точке зрения. Надо защищаться. Шейдеман и Носке ведут гражданскую

войну против пролетариата. Война есть война. Немецкие рабочие думают, что находятся в гражданской войне, а все остальные вопросы имеют подчиненное значение. Надо прежде всего прокормить рабочего. Каутский считает это солдатским или потребительским коммунизмом. Надо развивать производство!

О, премудрые господа! Но как же вы можете развить производство в стране, которая ограблена и разорена империалистами, в которой нет угля, нет сырья, нет орудий? „Развитие производства!“ Но у нас не бывает заседания Совета Народных Комиссаров или Совета Обороны, где бы мы не делили последние миллионы пудов угля или пудов нефти и, испытывая мучительное состояние, когда все комиссары берут себе последние остатки и каждому нехватает и надо решать, закрыть фабрики здесь или там, здесь оставить рабочих без работы или там,—мучительный вопрос, но приходится это делать, потому что угля нет. Уголь—в Донецком бассейне, уголь уничтожен немецким нашествием. Вы возьмите Бельгию, Польшу,—это типичное явление, всюду происходит то же самое, как последствие империалистской войны. Это значит, что безработица и голод предстоят на много лет, ибо есть такие копи, которые, если они залиты, через много лет не восстановишь. И тут нам говорят: „Социализм есть повышение производительности“. Книжки вы читали, господа хорошие, книжки вы писали, в книжках вы ничего не поняли.

Конечно, с точки зрения такого капиталистического общества, которое бы в мирное время мирно перешло к социализму, у нас не было бы более неотложных задач, как поднятие производительности. Только маленькое словечко надо сказать: „Если бы“. Если бы социализм рождался так мирно, как господа капиталисты не позволяли ему рождаться. Маленькая нехваточка вышла. Если бы даже не было войны, то все же господа капиталисты все бы сделали, чтобы не допустить такого мирного развития. Великие революции, даже когда они начинались мирно, как Великая французская революция, кончались бешеными войнами, которые открывала контр-революционная реакция. Иначе и быть не может, если смотреть на этот вопрос с точки зрения классовой борьбы, а не того мещанского фразерства о свободе, равенстве, трудовой демократии и воле большинства, того мещанского тупоумного фразерства, которым нас угощают меньшевики, эс-эры и вся эта „демократия“. Мирного развития к со-

циализму быть не может. А в теперешний период, после империалистской войны, смешно говорить, чтобы развитие шло мирно, особенно в стране разоренной. Возьмите Францию. Франция—победительница, а это на половину сократило производство хлеба. В Англии, я видел в английских буржуазных газетах, говорят: „Мы теперь нищие“. И в стране разоренной упрекать коммунистов за остановку производства! Кто говорит это, тот либо полный идиот, хотя бы он называл себя трижды вождем Бернского Интернационала, либо предатель рабочих.

В стране, которая разорена, первая задача—спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживет, мы все спасем и восстановим.

Мы вытерпим многие годы нищеты, возвращения назад, к варварству. Нас отбросила назад, к варварству, империалистская война, и, если мы спасем трудящегося, спасем главную производительную силу человечества—работника,—мы все вернем, но мы погибнем, если не сумеем спасти его, и поэтому те, кто в этот момент кричит о солдатском и потребительском коммунизме, смотря на других сверху вниз, воображая, что он поднялся выше, чем большевики-коммунисты, тот, повторяю, абсолютно ничего не понимает в политической экономии, и хватается за цитаты из книг, как ученый, у которого в голове как бы ящик с цитатами, и он высовывает их, а случись новая комбинация, которая в книжке не написана, он растерялся и выхватывает из ящика как раз не ту цитату, которую следует.

В тот момент, когда страна разорена, наша главная основная задача отстоять жизнь рабочего, спасти рабочего, а рабочие гибнут. потому что фабрики встают, а фабрики встают потому, что нет топлива, и наше производство все искусственное, промышленность оторвана от мест получения сырья. Это во всем мире так. Сырье нужно подвозить русским хлопчато-бумажным фабрикам из Египта, из Америки, самое близкое из Туркестана, а вот подвезите, когда там контр-революционные банды и английские войска захватили Асхабал и Красноводск <sup>30)</sup>, подвезите из Египта, из Америки, когда железные дороги не возят, когда их разорили, когда они стоят, угля нет.

Надо спасти рабочего, хотя он работать не может. Если мы его спасем на эти несколько лет, мы спасем общество, страну и социализм. Если не спасем, то скатимся назад, в наемное раб-

ство. Так стоит вопрос о социализме, который рождается не из фантазии мирного дурачка, называющего себя социал-демократом, а из реальной действительности, из бешеной, отчаянно-жесточкой классовой борьбы. Это факт. Все нужно принести в жертву, чтобы спасти существование рабочего. И с этой точки зрения, когда подходят и нам говорят: „Мы за равенство трудовой демократии, а вы коммунисты, вы не даете равенства даже рабочим и крестьянам“,—мы отвечаем: Рабочий и крестьянин равны как труженики, но сытый спекулянт хлебом не равен голодному труженику. Только поэтому в нашей конституции написано, что рабочий и крестьянин неравны.

Вы говорите, что они должны быть равны. Давайте взвесим, рассчитаем. Возьмите 60 крестьян, 10 рабочих. У 60 крестьян есть излишек хлеба. Они ходят оборванные, но у них есть хлеб. Возьмем 10 рабочих. После империалистской войны они оборваны, измучены, у них нет хлеба, топлива, сырья. Фабрики стоят. Что же они равны по вашему? 60 крестьян имеют право решать, а 10 рабочих должны подчиняться? Великий принцип равенства, единства трудовой демократии и решения большинства?

Так нам говорят. Мы отвечаем: „Вы шуты гороховые“, ибо вы прекраснодушными словами заговариваете и заслоняете вопрос о голоде.

Мы спрашиваем вас: разоренные рабочие в разоренной стране, где фабрики стоят, имеют ли они право подчиняться решению большинства крестьян, если те не дают хлебных излишков? Имеют ли они право взять эти излишки хлеба хоть бы даже насильем, если иначе нельзя? Отвечайте прямо! Тут начинают вилять и вертеться, когда взят вопрос о настоящем существе дела.

Во всех странах промышленность разорена и будет разорена несколько лет, потому что сжечь фабрики или залить копи—штука легкая, взорвать вагоны, поломать паровозы—штука легкая, на это всякий дурак, хотя бы он назывался немецким или французским офицером, очень способен, особенно если он имеет хорошую машину для взрывов, стрельбы и т. п., но восстановить—дело очень трудное, на это требуются годы.

Крестьяне—особый класс. Как труженики. они враги капиталистической эксплуатации, но в то же время они собственники. Крестьянин столетиями воспитывался на том, что хлеб его, и что он волен его продавать. Это мое право, думает крестья-

нин, ибо это мой труд, мой пот и кровь. Переделать его психологию быстро нельзя, это долгий и трудный процесс борьбы. Кто воображает, что переход к социализму будет таков, что один убедит другого, а другой — третьего, тот ребенок в лучшем случае, или политический лицемер, а из людей, которые выступают на политической кафедре, большинство, конечно, относится к последней категории.

Вопрос стоит таким образом, что крестьянин привык к свободной торговле хлебом. Когда мы сбросили капиталистические учреждения, оказалось, что есть еще одна сила, которой держался капитализм, — сила привычки. Чем решительнее мы сбросили все учреждения, которые капитализм поддерживали, тем яснее выступила другая сила, которую капитализм поддерживал, — сила привычки. Учреждение можно при удаче разбить сразу, привычку никогда, ни при какой удаче разбить сразу нельзя. Когда мы отдали всю землю крестьянству, освободили его от помещичьего землевладения, когда сбросили все, что связывало его, оно продолжает считать „свободой“ свободную продажу хлеба и несвободой — обязательство отдавать по твердой цене излишки хлеба. Что это такое и как это „отдать“, негодует крестьянин особенно, если притом аппарат еще плох, а он плох потому, что вся буржуазная интеллигенция на стороне Сухаревки<sup>129</sup>). Понятно, что этот аппарат должен опираться на людей, которые учатся, и в лучшем случае, если они добросовестны и преданы делу, то научатся в несколько лет, а то до тех пор аппарат будет плох, и иногда примазываются всякие жулики, которые называют себя коммунистами. Эта опасность угрожает всякой правящей партии, всякому победоносному пролетариату, ибо сразу ни сломить сопротивление буржуазии, ни поставить совершенного аппарата нельзя. Мы знаем прекрасно, что аппарат компрода еще плох. Недавно были произведены научные статистические обследования того, как питается рабочий в неземледельческих губерниях. Оказалось, что он половину всего количества продуктов получает от компрода, другую половину от спекулянтов; за первую половину платит  $\frac{1}{10}$  всех своих расходов на продовольствие, за вторую  $\frac{9}{10}$ .

Половина продовольствия, собранная и доставленная компродом, собрана, конечно, плохо, но она собрана социалистически, а не капиталистически. Она собрана победой над спекулянтом, а не сделкой с ним, она собрана принесением в жертву

«всех остальных интересов на свете и в том числе интересов формального „равенства“, которым г.г. меньшевики, эс-эры и К<sup>0</sup> щеголяют, интересам голодающих рабочих. Оставайтесь с вашим „равенством“, господа, а мы останемся с голодными рабочими, которых мы спасли от голода. Как бы нас за нарушение „равенства“ меньшевики ни упрекали, а факт тот, что мы на половину задачу продовольствия решили в условиях неслыханных, невероятных трудностей. И мы говорим, что если бы крестьян имеют излишки хлеба, а 10 рабочих голодают, то надо говорить не о „равенстве“ вообще и не о „равенстве людей труда“, а о безусловной обязанности бо-ти крестьян подчиниться решению 10 рабочих и дать им, хотя бы даже в ссуду дать, излишки хлеба.

Вся политическая экономия, если кто-либо чему-нибудь научился, вся история революции, вся история политического развития в течение всего XIX века учит нас, что крестьянин идет либо за рабочим, либо за буржуа.

Он не может идти иначе. Это, конечно, иному демократу пожалуй, покажется обидным, — иной подумает, что я из марксистского злопыхательства на крестьянина клеветую. Крестьян большинство, они труженики — и же могут идти своим путем! Почему?

Если вы не знаете почему, сказал бы я таким гражданам, почитайте начатки политической экономии Маркса, его изложение у Каутского, подумайте над развитием любой из крупных революций XVIII и XIX века над политической историей любой страны XIX века. Она вам ответит почему! Экономика капиталистического общества такова, что господствующей силой может быть только капитал или свержающий его пролетариат.

Иных сил нет в экономике этого общества.

Крестьянин является полутружеником, полуспекулянт. Крестьянин труженик потому, что потом и кровью добывает себе свой хлеб, его эксплуатируют помещики, капиталисты, купцы. Крестьянин — спекулянт потому, что продает хлеб, предмет необходимости, предмет, который, если его нет, стоит того, чтобы отдать за него все имущество. Голод не тетка: за хлеб отдадут и тысячу рублей и сколько угодно, хоть все имущество.

Крестьянин в этом не виноват, но его экономические условия таковы, что он живет в товарном хозяйстве, жил десятки и сотни лет, привык обменивать свой хлеб на деньги. Привычку

не переделаешь, деньги уничтожить сразу нельзя. Чтобы их уничтожить, нужно наладить организацию распределения продуктов для сотен миллионов людей,—дело долгих лет. И вот пока остается товарное хозяйство, пока есть голодные рабочие рядом с прячущими излишек хлеба сытыми крестьянами, до тех пор остается известная противоположность интересов рабочих и крестьян, и кто от этой реальной противоположности, созданной жизнью, отделяется фразами о „свободе“, „равенстве“ и „трудовой демократии“, тот пустейший фразер в лучшем случае, а в худшем—лицемерный защитник капитализма. Если капитализм победит революцию, то победит, пользуясь темнотой крестьян, тем, что он их подкупает, прельщает возвратом к свободной торговле. Большевики и эс-эры стоят фактически на стороне капитализма против социализма.

Экономическая программа Колчака, Деникина и всех русских белогвардейцев—свободная торговля. Они это понимают и не их вина, что гражданин Шер этого не понимает. Экономические факты жизни не изменяются от того, что данная партия не понимает их. Лозунг буржуазии—свободная торговля. Крестьян стараются обмануть, говоря: „Не лучше ли было жить в старинке? Разве не лучше было жить себе свободной вольной продажей земледельческого труда? Что может быть справедливее?“. Так говорят сознательные колчаковцы, и они правы с точки зрения интересов капитала. Чтобы восстановить власть капитала в России, нужно опираться на традиции, на предрассудок крестьянина, против его рассудка, на старую привычку к свободной торговле и нужно насильно подавить сопротивление рабочих. Иного выхода нет. Колчаковцы правы: с точки зрения капитала, в своей экономической и политической программе они умеют свести концы с концами, понимают, где начало и где конец, понимают связь между свободной торговлей крестьян и насильственным расстрелом рабочих. Связь есть, хотя ее гражданин Шер не понимает. Свободная торговля хлебом есть экономическая программа колчаковцев, расстрел десятков тысяч рабочих (как в Финляндии<sup>130</sup>) есть необходимое средство для осуществления этой программы, потому что рабочий не отдаст даром тех завоеваний, которые он приобрел. Связь неразрывная, а люди, которые совершенно ничего не понимают в экономической науке и политике, люди, забывшие основы социализма из-за своей мещанской запуганности, именно меньше-

вики и „социал-революционеры“, эти люди пытаются нас заставить забыть эту связь фразами о „равенстве“, о „свободе“, воплями, что мы нарушаем принцип равенства внутри „трудовой демократии“, что наша конституция „несправедлива“.

Голос нескольких крестьян значит столько же, сколько голос одного рабочего. Это не справедливо?

Нет, это справедливо для той эпохи, когда надо ниспровергнуть капитал. Я не знаю, откуда вы берете ваши понятия о справедливости. Они из вашей вчерашней капиталистической эпохи. Товаровладелец, его равенство, его свобода,— вот ваши понятия о справедливости. Это мелко-буржуазные остатки мелко-буржуазных предрассудков,— вот что такое ваша справедливость, ваше равенство, ваша трудовая демократия. А для нас справедливость подчинена интересам свержения капитала. Свергнуть капитал иначе, как объединенными усилиями пролетариата, нельзя.

Можно ли сразу и прочно объединить десятки миллионов крестьян против капитала, против свободной торговли? Вы не можете этого сделать в силу экономических условий, хотя бы крестьяне были вполне свободны и гораздо более культурны. Этого сделать нельзя, потому что для этого нужны иные экономические условия, для этого нужны долгие годы подготовки. А кто ее произведет, эту подготовку? Либо пролетариат, либо буржуазия.

Крестьянин своим экономическим положением в буржуазном обществе неизбежно поставлен так, что он либо идет за рабочим, либо за буржуазией. Середины нет. Он может колебаться, путаться, фантазировать, может порицать, ругать, он может проклинать „узких“ представителей пролетариата, „узких“ представителей буржуазии. Они-де представляют собой меньшинство. Их можно проклинать, говорить громкие фразы о большинстве, о широком, всеобщем характере вашей трудовой демократии, о чистой демократии. Слов можно нанизывать сколько угодно. Это будут слова, прикрывающие тот факт, что если крестьянин не идет за рабочим, то он идет за буржуазией. Середины нет и быть не может. И те люди, которые в этот труднейший период истории, когда рабочие голодают и их промышленность стоит, не помогают рабочим взять хлеб по более справедливой, не по вольной цене, не по капиталистической, не по торгашеской цене, эти люди осуществляют программу колчаковцев, как бы они ни отрицали это сами для себя лично и как

бы искренно они ни были убеждены в том, что они добросовестно выполняют свою программу.

Я остановлюсь теперь на последнем вопросе, который я наметил, на вопросе о поражении и победе революции. Каутский, которого я вам назвал, как главного представителя старого, гнилого социализма, не понял задач диктатуры пролетариата. Он доказывал нам, что решение по большинству было бы решением, которое могло бы обеспечить мирный исход. Решение диктатурой есть решение военным путем. Значит, если вы не выигрываете военным путем, вы будете побеждены и уничтожены, потому что гражданская война не берет в плен, она уничтожает. Так „пугал“ нас испуганный Каутский.

Совершенно верно. Это факт. Правильность этого наблюдения мы подтверждаем. Тут говорить нечего. Гражданская война—более серьезная и жестокая, чем всякая другая. Так всегда бывало в истории, начиная с гражданских войн древнего Рима, потому что войны международные всегда кончались сделками между имущими классами, и только в гражданской войне угнетенный класс направляет усилия к тому, чтобы уничтожить угнетающий класс до конца, уничтожить экономические условия существования этого класса.

Я спрашиваю вас: чего же стоят „революционеры“, которые пугают начавшуюся революцию тем, что она может потерпеть поражение? Не бывало, нет, не будет и не может быть таких революций, которые не рисковали бы поражением. Революцией называется отчаянная борьба классов, дошедшая до наибольшего ожесточения. Классовая борьба неизбежна. Либо нужно отказаться от революции вообще, либо нужно признать, что борьба с имущими классами будет самой ожесточенной из всех революций. На этот счет среди социалистов, сколько-нибудь сознательных, не было различия во взглядах. Когда мне приходилось разбирать всю ренегатскую подоплеку этих писаний Каутского <sup>131</sup>), я год тому назад писал: „даже если бы (это было в сентябре прошлого года), даже если бы завтра большевистскую власть свергли империалисты, мы бы ни на одну секунду не раскаялись, что мы ее взяли“. И ни один из сознательных рабочих, представляющих интересы трудящихся масс, не раскается в этом, не усумнится, что наша революция тем не менее победила. Ибо революция побеждает, если она двигает вперед передовой класс, наносящий серьезные удары эксплуатации.

Революция при этом условии побеждает даже тогда, когда они терпят поражение. Это может показаться игрой слов, но для того, чтобы показать, что это факт, возьмем конкретный пример из истории.

Возьмем великую французскую революцию. Она не даром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, поддельвал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве.

Наша революция для нашего класса, для которого мы служим, для пролетариата, сделала за полтора года уже несравненно больше, чем сделали великие французские революционеры.

Они продержались у себя два года и погибли под ударами объединенной европейской реакции, погибли под ударами объединенных полчищ всего мира, которые сломали французских революционеров, восстановили легитимного, законного монарха во Франции, тогдашнего Романова, восстановили помещиков и на долгие десятилетия задушили всякое революционное движение во Франции. И тем не менее великая французская революция победила.

Всякий, сознательно относящийся к истории, скажет, что французская революция, хотя ее разбили, все-таки победила, потому что она всему миру дала такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже неустранимы.

Наша революция за полтора года дала для пролетариата, для того класса, которому мы служим, для той цели, для которой мы работаем, для свержения господства капитала, дала неизмеримо больше, чем французская революция для своего класса. И потому мы говорим, что, если бы даже беря возможный гипотетически, худший из возможных случаев, если бы завтра какой-нибудь счастливый Колчак перебил поголовно всех и каждого большевика, революция осталась бы непобедимой. И доказательство наших слов мы находим в том, что новая государственная организация, которая выдвинута этой революцией, морально уже победила в рабочем классе всего мира, уже сейчас пользуется

поддержкой его. Когда погибли в борьбе великие французские буржуазные революционеры, они погибли одинокими, у них не было поддержки в других странах. Против них ополчились все европейские государства и более всего передовая Англия. Наша революция теперь всего через полтора года господства большевистской власти добилась того, что новая государственная организация, которую она создала, советская организация стала понятной, знакомой, популярной рабочим всего мира, стала своей для них.

Я доказывал вам, что диктатура пролетариата неизбежна, необходима и безусловно обязательна для выхода из капитализма. Диктатура означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация. Вот почему в моем кратком приветствии в начале съезда я подчеркнул эту основную, элементарную, простейшую задачу организации и вот почему я с такой беспощадной враждебностью отношусь ко всяким интеллигентским выдумкам, ко всяким „пролетарским культурам“. Этим выдумкам я противопоставляю азбуку организации. Распределите хлеб и уголь так, чтобы было заботливое отношение к каждому пуду угля, к каждому пуду хлеба,—вот задача пролетарской дисциплины. Не такая дисциплина, которая держалась бы на палке, как держалась на палке дисциплина у крепостников, или на голоде, как у капиталистов, а товарищеская дисциплина, дисциплина рабочих союзов. Эту элементарную, простейшую задачу организации решите, и мы победим. Ибо тогда пойдет с нами вполне крестьянин, который колеблется между рабочим и капиталистом, который не знает, идти ли ему к людям, которым он еще не верит, но не может отказать им в том, что они осуществляют порядок труда более справедливый, при котором эксплуатации не будет, при котором „свободная“ торговля хлебом будет государственным преступлением, идти ли за ними, или за теми, которые по старинке обещают свободную торговлю хлебом, которая будто бы обозначает свободу труда. Если крестьянин увидит, что пролетариат строит свою государственную власть так, что умеет устроить порядок,—а крестьянин его требует, его хочет и в этом он прав, хотя много смутного, много реакционного, и много предрассудков связано с этим крестьянским стремлением к порядку,—то крестьянин в конце концов, после ряда колебаний, пойдет за рабочим. Крестьянин не может просто, легко, сразу

выйти из старого общества к новому. Он знает, что старое общество давало ему „порядок“ ценой разорения трудящихся, ценой превращения их в рабство. Он не знает, может ли пролетариат дать ему порядок. С него, забитого, темного, распыленного, и спрашивать нельзя большего. Он не поверит никаким словам, никаким программам. И хорошо сделает, что не поверит словам, потому что иначе не было бы выхода из обманов. Он поверит только делу, практическому опыту. Докажите ему, что вы, объединенный пролетариат, пролетарская государственная власть, пролетарская диктатура, умеете разделить хлеб и уголь так, чтобы спасти каждый пуд угля и каждый пуд хлеба, добиться того, чтобы излишек каждого пуда угля и каждого пуда хлеба не шел бы в спекулятивную продажу, не служил бы героям Сухаревки, а служил бы для справедливого распределения, для снабжения голодных работников, для поддержки их даже в такие моменты, как во время безработицы, когда встают заводы, фабрики. Докажите это. Вот основная задача „пролетарской культуры“, пролетарской организации. Насилие можно применить, не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применить насилие, опираясь на передовой класс, на более высокие принципы социалистического строя, порядка и организации. И тогда оно временно может потерпеть неудачу, но оно непобедимо.

Если пролетарская организация покажет крестьянину, что порядок правилен, распределение труда и хлеба правильно, забота о каждом пуде хлеба и угля осуществлена, что мы, как рабочие, своей товарищеской, союзной дисциплиной можем это осуществить, что насилием мы боремся, только отстаивая интересы труда, беря хлеб у спекулянта, а не у тружеников, и что мы идем на соглашение с середняком-крестьянином, крестьянином-тружеником, что мы готовы ему дать все, что мы можем дать сейчас,—если крестьянин увидит это,—то его союз с рабочим классом, его союз с пролетариатом будет ненарушим,—к этому мы и идем.

Я немного отвлекся, однако, от своей темы и должен вернуться к ней. Теперь во всех странах слово „большевик“ и слово „совет“ перестало быть чудаческим выражением, каким было недавно, вроде слова „боксер“, которое мы повторяли не понимая. Слово большевик и слово совет повторяется теперь на всех языках мира. Сознательные рабочие видят, что буржуазия всех

стран каждый день в миллионат экземпляров их газет поливает клеветой Советскую власть,—они учатся из этой брани. Я недавно читал некоторые американские газеты. Я видел речь одного американского попа, который говорил, что большевики безнравственные люди, что они вводят национализацию женщин, что это разбойники, грабители. И я видел ответ американских социалистов: они распространяют по 5 центов конституцию Советской Республики России, этой „диктатуры“, не дающей „равенства трудовой демократии“. Они отвечают, цитируя один параграф из этой конституции этих узурпаторов, разбойников, насильников, нарушающих единство трудовой демократии. Между прочим, когда приветствовали Брешковскую<sup>121)</sup>,—крупнейшая капиталистическая газета Нью-Йорка печатала аршинными буквами в день приезда Брешковской: „добро пожаловать, бабушка!“. Американские социалисты перепечатали это и говорили: „она за политическую демократию“,—удивляться ли вам, американские рабочие, что ее хвалят капиталисты? Она за политическую демократию. Почему они должны хвалить ее? Потому что она против Советской конституции. „А вот вам,—говорят американские социалисты,—один параграф из конституции этих разбойников“. Они цитируют всегда один и тот же параграф, который говорит: „не может избирать и не имеет права быть избранным тот, кто эксплуатирует чужой труд“. Этот параграф нашей конституции знают во всем мире. Советская власть именно благодаря тому, что она открыто сказала, что диктатуре пролетариата подчиняется все, что она есть новый тип государственной организации, именно этим она завоевала сочувствие рабочих всего мира. Эта новая организация государства рождается с величайшим трудом, потому что победить свою дезорганизаторскую, мелко-буржуазную распушенность—это самое трудное, это в миллион раз труднее, чем подавить насильника-помещика или насильника-капиталиста, но это в миллион раз плодотворнее для создания новой организации, свободной от эксплуатации. Когда пролетарская организация разрешит эту задачу, тогда социализм окончательно победит. Этому надо посвятить всю свою деятельность и внешкольного, и школьного образования. Несмотря на необычайно тяжелые условия, на то, что социалистический переворот впервые в мире происходит в стране с таким низким уровнем культуры, несмотря на это Советская власть уже добилась признания рабочих других стран. Слово „диктатура проле-

тариата"—слово латинское, и всякий трудящийся человек, который его слышал, не понимал, что это такое, не понимал, как это осуществляется в жизни. Теперь это слово переведено с латинского на народные современные языки, теперь мы показали, что диктатура пролетариата есть Советская власть, та власть, когда организуются рабочие сами и говорят: „Наша организация выше всего; ни один нетрудящийся, ни один эксплуататор не имеют права участвовать в этой организации. Эта организация вся направлена к одной цели—к ниспровержению капитализма. Никакими фальшивыми лозунгами, никакими фетишами, вроде „свободы“, „равенства“, нас не обманешь. Мы не признаем ни свободы, ни равенства, ни трудовой демократии, если они противоречат интересам освобождения труда от гнета капитала“. Это мы внесли в Советскую конституцию и привлекли к ней уже симпатии рабочих всего мира. Они знают, что, как бы трудно ни рождался новый порядок, какие бы тяжелые испытания и даже поражения ни пали на долю отдельных советских республик, никакая сила в мире назад человечество не вернет.

*Брошюра „Две речи на  
I Всеросс. съезде по вне-  
школьному образованию“.  
Гос. Изд. 1919 г.*

## **Привет венгерским рабочим.**

Товарищи! Вести, которые мы получаем от венгерских советских деятелей, наполняют нас восторгом и радостью. Всего два с небольшим месяца существует Советская власть в Венгрии<sup>94)</sup>, а в смысле организованности венгерский пролетариат, видимо уже обогнал нас. Это понятно, ибо в Венгрии выше общий культурный уровень населения, затем неизмеримо выше доля промышленных рабочих во всем населении (трехмиллионный Будапешт на 8 миллионов населения теперешней Венгрии), наконец, и переход к советскому строю, к диктатуре пролетариата был в Венгрии несравненно более легким и мирным.

Это последнее обстоятельство особенно важно. Большинство социалистических вождей в Европе, как социал-шовинистского, так и каутскианского направления, так погрязло в пред-рассудках чисто мещанских, воспитанных десятилетиями сравни-

тельно „мирного“ капитализма и буржуазного парламентаризма, что понять Советскую власть и диктатуру пролетариата они не могут. Пролетариат не в состоянии совершить своей всемирно-исторической освободительной миссии, не устраняя с своей дороги этих вождей, не удаляя их прочь. Эти люди верили, целиком или на половину, буржуазной лжи про Советскую власть в России и не сумели отличить сущности новой, пролетарской демократии, демократии для трудящихся, демократии социалистической, воплощенной в Советской власти, от буржуазной демократии, перед которой они рабски преклоняются, называя ее „чистой демократией“ или „демократией“ вообще.

Эти слепые, забытые буржуазными предрассудками люди не поняли всемирно-исторического поворота от буржуазной к пролетарской демократии, от буржуазной к пролетарской диктатуре. Они смешивали ту или иную особенность русской Советской власти, русской истории, ее развитие с Советской властью в ее международном значении.

Венгерская пролетарская революция помогает даже слепцам прозреть. Формы перехода к диктатуре пролетариата в Венгрии совсем не те, что в России: добровольная отставка буржуазного правительства, моментальное восстановление единства рабочего класса, единства социализма на коммунистической программе. Сущность Советской власти выступает теперь тем яснее: никакая иная власть, поддерживаемая трудящимися с пролетариатом во главе их, теперь невозможна нигде в мире, кроме как Советская власть, кроме как диктатура пролетариата.

Эта диктатура предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или советчиков пролетариата.

Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры и не, главным образом, в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя — пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму, —

и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелко-буржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму.

В течение всего этого переходного времени сопротивление перевороту будут оказывать и капиталисты, а равно их многочисленные приспешники из буржуазной интеллигенции, сопротивляющиеся сознательно, и громадная масса слишком забытых мелко-буржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе, сопротивляющихся сплошь да рядом бессознательно. Колебания в этих слоях неизбежны. Крестьянин, как труженик, тянет к социализму, предпочитая диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин, как продавец хлеба, тянет к буржуазии, к свободной торговле, т.-е. назад к „признавшему“ старому, „исконному“ капитализму.

Нужна диктатура пролетариата, власть одного класса, с силой его организованности и дисциплинированности, его центральной мощью, опирающаяся на все завоевания культуры, науки, техники, капитализма, его пролетарская близость к психологии всякого трудящегося, его авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства, чтобы пролетариат мог вести за собой крестьянство и все мелко-буржуазные слои вообще. Тут фразерством о „демократии вообще“, об „единстве“ или об „единстве трудовой демократии“, о „равенстве“ всех „людей труда“ и т. д. и т. п.—этим фразерством, на которое так склонны омещавившиеся социал-шовинисты и каутскианцы—фразерством делу не поможешь. Фразерство только засоряет глаза, ослепляет сознание, укрепляет старую тупость, косность, рутину капитализма, парламентаризма, буржуазной демократии.

Уничтожение классов—дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее.

Классовой борьбой против сопротивления буржуазии, против косности, рутины, нерешительности, колебаний мелкой буржуазии должен пролетариат отстоять свою власть, укрепить свое организующее влияние, добиться „нейтрализации“ тех слоев, которые боятся отойти от буржуазии и идут слишком нетвердо за пролетариатом, закрепить новую дисциплину, товарищескую дисциплину трудящихся, их прочную связь с пролетариатом, их объединенность вокруг пролетариата, эту новую дисциплину, новую основу общественной связи, на место крепостнической дисциплины в средние века, на место дисциплины голода, дисциплины „вольно“-наемного рабства при капитализме.

Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры одного класса, именно того из угнетенных классов, который способен не только свергнуть эксплуататоров, не только подавить беспощадно их сопротивление, но и порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией, со всем мещанским фразерством на счет свободы и равенства вообще (на деле, как давно показал Маркс, это фразерство означает „свободу и равенство“ товаровладельцев, „свободу и равенство“ капиталиста и рабочего).

Мало того. Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом,—только тот класс, который усвоил себе всю городскую промышленную крупно-капиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся,—только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему,—только тот класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у „интеллигенции“,—только тот класс, который „проделал закаляющую школу труда“ и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку.

Товарищи венгерские рабочие! Вы дали миру еще лучший образец, чем Советская Россия, тем, что сумели сразу объединить на платформе настоящей пролетарской диктатуры всех социали-

стов. Вам предстоит теперь благодарнейшая и труднейшая задача—стоять в тяжелой войне против Антанты. Будьте тверды. Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии,—подавляйте колебания беспощадно. Расстрел— вот законная участь труса на войне.

Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне. Каждый месяц приближает мировую пролетарскую революцию.

Будьте тверды! Победа будет за вами!

*Написано 27 мая;*

*напечатано в „Правде“ № 115.*

*29 мая 1919 г.*

## Герои Бернского „Интернационала“.

В статье „Третий Интернационал и его место в истории“ („Коммунистический Интернационал“, № 1)\*) я указал на одно из выдающихся проявлений идейного краха представителей старого, гнилого „Бернского Интернационала“. Этот крах теоретиков реакционного, не понимающего диктатуры пролетариата социализма выразился в предложении германских „независимых“ социал-демократов<sup>132)</sup> сочетать, соединить, совместить буржуазный парламент с Советской властью.

Самые видные теоретики старого Интернационала: Каугский, Гильфердинг<sup>45)</sup>, Отто Бауэр<sup>133)</sup> и К<sup>0</sup> не поняли, что они предлагают совместить диктатуру буржуазии и диктатуру пролетариата. Люди, составившие себе имя и завоевавшие сочувствие рабочих проповедью классовой борьбы, разъяснением ее необходимости, не поняли— в самый решительный момент борьбы за социализм,— что они целиком сдают все учение о классовой борьбе, целиком отрекаются от него и фактически переходят в лагерь буржуазии, пытаясь совместить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата.

\*) См. стр. 180—187 настоящего тома.

Это звучит невероятно, но это факт.

В виде редкого исключения нам удалось теперь в Москве получить довольно много, хотя и разрозненных, иностранных газет, так что является возможность несколько подробнее восстановить—хотя, конечно, далеко не полную—историю колебаний господ „независимых“ в самом главном теоретическом и практическом вопросе современности. Это вопрос об отношении диктатуры (пролетариата) к демократии (буржуазной) или Советской власти к буржуазному парламентаризму.

В своей брошюре „Диктатура пролетариата“ (Вена, 1918) господин Каутский писал, что „советская организация есть одно из важнейших явлений нашего времени. Она обещает приобрести решающее значение в великих решительных битвах между капиталом и трудом, к которым мы идем навстречу“ (ст. 33 брошюры Каутского). И он добавлял, что большевики сделали ошибку, превратив Советы из „боевой организации“ одного „класса“ в „государственную организацию“ и тем „уничтожив демократию“ (там же).

В своей брошюре „Пролетарская революция и ренегат Каутский“ (Петрогр. и Москва 1919<sup>131</sup>) я подробно разобрал это рассуждение Каутского и показал, что оно содержит в себе полное забвение самых основ учения марксизма о государстве. Ибо государство (всякое, в том числе и самая демократическая республика) есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим. Называть советы боевой организацией класса и отрицать за ними право превращаться в „государственную организацию“—значит на деле отречься от азбуки социализма, объявлять или защищать неприкосновенность буржуазной машины для подавления пролетариата (то-есть буржуазно-демократической республики, буржуазного государства)—значит фактически переходить в лагерь буржуазии.

Нелепость позиции Каутского так бьет в глаза, натиск рабочих масс, требующих Советской власти, так силен, что Каутскому и каутскианцам пришлось позорно отступать, путаться, ибо честно признаться в ошибке они оказались не в состоянии.

9-го февраля 1919 года в газете „Свобода“ („Freiheit“), органе „независимых“ (независимых от марксизма, но вполне зависимых от мелко-буржуазной демократии) социал-демократов Германии, появляется статья господина Гильфердинга, который уже требует превращения советов в государственные организации.

но на-ряду с буржуазным парламентом, с „Национальным Собранием“, вместе с ним. 11-го февраля 1919 года в воззвании к пролетариату Германии вся „независимая“ партия принимает этот лозунг (следовательно, и господин Каутский, побивающий свои заявления, сделанные им осенью 1918 года).

Эта попытка совместить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата есть полное отречение и от марксизма, и от социализма вообще, есть забвение опыта русских меньшевиков и „социалистов-революционеров“, которые с 6-го мая 1917 года до 25-го октября 1917 года (старого стиля) проделали „опыт“ сочетания советов как „государственной организации“ с буржуазной государственностью и позорно провалились на этом опыте<sup>134</sup>).

На партийном съезде „независимцев“ (в начале марта 1919 г.) вся партия встала на эту позицию премудрого соединения советов с буржуазным парламентаризмом. Но вот № 178 „Свободы“ от 13-го апреля 1919 г. („Приложение“) сообщает, что фракция „независимцев“ на II съезде советов предложила резолюцию:

„Второй съезд советов становится на почву советской системы. Согласно этому, политическое и хозяйственное устройство Германии должно базироваться на организации советов. Советы Рабочих Депутатов суть признанное представительство трудящегося населения во всех областях политической и хозяйственной жизни“.

А на-ряду с этим та же фракция предложила съезду проект „директив“ (Richtlinien), в которых читаем:

„Всю политическую власть имеет съезд советов“... „Право избирать и быть избранным в советы имеют, без различия пола, те, кто выполняет общественно необходимую и полезную работу без эксплуатации чужой рабочей силы“...

Мы видим, следовательно, как „независимые“ вожди оказались жалкими мещанами, всецело зависимыми от филистерских предрассудков наиболее отсталой части пролетариата. Осенью 1918 года эти вожди, устами Каутского, отрекаются от всякого превращения советов в государственные организации. В марте 1919 года они сдают эту позицию, плетясь в хвосте рабочей массы. В апреле 1919 года они опрокидывают решение своего съезда, переходя целиком на позицию коммунистов: „Вся власть советам“.

Не многого стоят такие вожди. Быть показателем настроения наиболее отсталой части пролетариата, идущей позади, а не впереди авангарда, для этого вожди не нужны. И при такой бесхарактерности, с которой они меняют свои лозунги, эти вожди ничего не стоят. К ним нельзя питать доверия. Они будут всегда балластом, отрицательной величиной в рабочем движении.

Наиболее „лезый“ из них, некий господин Деймиг (Däumig), рассуждал на съезде партии (см. „Свободу“ от 9/III следующим образом <sup>135</sup>).

„Деймиг заявляет, что его ничто не отделяет от требования коммунистов: „Вся власть Советам Рабочих Депутатов“. Но он должен обратиться против практически проводимого „путшизма“ партии коммунистов и против „византизма“, который они проявляют по отношению к массам, вместо того, чтобы воспитывать их. Путшистская раздробленная тактика не может повести вперед“...

Путшизмом немцы называют то, что старые революционеры в России лет 50 тому назад называли „вспышками“, „вспышкопускательством“, устройство мелких заговоров, покушений, восстаний и т. п.

Обвиняя коммунистов в „путшизме“, господин Деймиг доказывает этим только свой „византизм“, свою лакейскую услужливость по отношению к филистерским предрассудкам мелкой буржуазии. „Левизна“ подобного господина, который повторяет „модный“ лозунг из трусости перед массой, не понимая массового революционного движения, не стоит ломаного гроша.

В Германии идет могучая волна стихийного стачечного движения. Неслыханный подъем и рост пролетарской борьбы, превышающей, видимо, то, что было в России в 1905 году, когда стачечное движение достигло невиданной еще в мире высоты. Говорить о „вспышкопускательстве“ перед лицом такого движения, значит быть безнадежным пошляком и лакеем филистерских предрассудков.

Господа филистеры, с Деймигом во главе, мечтают, вероятно, о такой революции (если вообще есть в их головах хоть какая-нибудь идея насчет революции), когда бы массы поднялись сразу и вполне организованно.

Таких революций не бывает и быть не может. Капитализм не был бы капитализмом, если бы он не держал многомиллионные массы трудящихся, громадное большинство их в угнетении.

забитости, нужде, темноте. Капитализм не может рухнуть иначе, как через посредство революции, поднимающей в ходе борьбы незатронутые раньше массы. Стихийные взрывы при нарастании революции неизбежны. Ни одной революции без этого не было и быть не может.

Что коммунисты потворствуют стихийности, это лганье господина Деймига, совершенно такого же сорта лганье, как то, которое мы слышали много раз от меньшевиков и эс-эров. Коммунисты *не* потворствуют стихийности, *не* стоят за разрозненные вспышки. Коммунисты учат массы организованному, цельному, дружному, своевременному, зрелому выступлению. Филистерским клеветам господ Деймига, Каутского и К<sup>о</sup> не опровергнуть этого факта.

Но филистеры не способны понять, что коммунисты считают—и вполне правильно—своим долгом быть с борющимися массами угнетенных, а не с стоящими в сторонке и выжидающими трусливо героями мещанства. Когда массы борются, ошибки в борьбе неизбежны: коммунисты, видя эти ошибки, разъясняя их массам, добиваясь исправления ошибок, неуклонно отстаивая пользу сознательности над стихийностью, остаются с массами. Лучше быть с борющимися массами, в ходе борьбы освобождающимися постепенно от ошибок, чем с интеллигентами, филистерами, каутскианцами, выжидающими в сторонке „полной победы“, — вот истина, которой господам Деймигам понять не дано.

Тем хуже для них. Они уже вошли в историю всемирной пролетарской революции, как трусливые мещане, реакционные нытики, вчерашние слуги Шейдеманов, сегодняшние проповедники „социального мира“, все равно, прячется ли эта проповедь под видом соединения учредилки с советами или под видом глубокомысленного осуждения „путшизма“.

Рекорд побил в деле замены марксизма реакционно-мещанским нытьем господин Каутский. Он тянет одну ноту: оплакивает происходящее, жалуется, плачет, ужасается, проповедует примирение. Всю жизнь сей печального образа рыцарь писал о классовой борьбе и о социализме, а когда дошло дело до максимального обострения классовой борьбы и до кануна социализма, наш мудрец растерялся, расплакался, оказался дюжинным филистером. В № 98 газеты венских предателей социализма, Аустерлицей<sup>136</sup>), Реннеров<sup>3</sup>), Бауэров („Раб. Газета“, 9 апреля

1919 г., Вена, утренний выпуск) Каутский в сотый, если не в тысячный, раз сводит вместе свои lamentации:

„...экономическое мышление и экономическое понимание, — плачет он:—выбито из головы у всех классов“.

„...долгая война приучила широкие слои пролетариата к полному пренебрежению экономическими условиями и к твердой вере во всемогущество насилия“...

Это два „пунктика“ нашего „весьма ученого“ человека. „Кульг насилия“ и крах производства—вот из-за чего он, вместо анализа реальных условий классовой борьбы, сбился на привычное, старинное, исконное, мещанское нытье. „Мы ожидали, — пишет он:— что революция придет, как продукт пролетарской классовой борьбы...“, „а революция пришла вследствие военного краха господствующей системы и в России, и в Германии“...

Другими словами, сей „мудрец“ „ожидал“ революции мирной! Это великолепно! Но господин Каутский растерялся до того, что забыл, как он же сам писал раньше, когда был марксистом, о том, что война, весьма вероятно, будет поводом к революции. Теперь, вместо трезвого, безбоязненного анализа, какие применения форм революции неизбежны вследствие войны, наш „теоретик“ оплакивает свои разбитые „ожидания“:

„...пренебрежение экономическими условиями со стороны широких слоев пролетариата“...

Какой жалкий вздор! Как хорошо знакома нам эта мещанская песенка по меньшевистским газетам эпохи Керенского!

Экономист Каутский забыл, что когда страна разорена войной и доведена до края гибели, то главным, основным, коренным „экономическим условием“ является спасение рабочего. Если рабочий класс будет спасен от голодной смерти, от прямой гибели, тогда можно будет восстановить разрушенное производство. А чтобы спасти рабочий класс, нужна диктатура пролетариата—единственное средство помешать сваливанию тяжестей и последствий войны на плечи рабочих.

Экономист Каутский „забыл“, что вопрос о распределении тягостей поражения решается классовой борьбой, и что классовая борьба в обстановке совершенно измученной, разоренной, голодной, гибнущей страны неизбежно меняет свои формы. Это уже классовая борьба не за долю в производстве, не за ведение производства (ибо производство стоит, угля нет, железные дороги перепорчены, война выбила людей из колеи

машинны изношены и проч., и т. д.), а за спасение от голода. Только дурачки, хотя бы и весьма „ученые“, могут при таком положении „осуждать“ „потребительский, солдатский“ коммунизм и высокомерно поучать рабочих важности производства.

Надо сначала, прежде всего, в первую голову спасти рабочего. Буржуазия хочет сохранить свои привилегии, свалить все последствия войны на рабочего, а это значит уморить рабочих голодом.

Рабочий класс хочет спастись от голода, а для этого надо на-голову разбить буржуазию, обеспечить сначала потребление, хотя бы самое скудное, ибо, иначе, не дотянуть полуголодного существования, не додержаться до той поры, когда можно будет снова пустить в ход производство.

„Думай о производстве“,—говорит сытый буржуа изголодавшемуся и обессиленному от голода рабочему, и Каутский, повторяя эти песни капиталистов, якобы, под видом „экономической науки“, целиком превращается в лакея буржуазии.

А рабочий говорит: „Пусть буржуазия посидит тоже на полуголодном пайке, чтобы труженики могли оправиться, могли не погибнуть!“.

„Потребительский коммунизм“ есть условие спасения рабочего. Ни перед какими жертвами нельзя останавливаться для спасения рабочего! По полфунту капиталистам, по фунту рабочим—вот как надо выбираться из голодной полосы, из разорения. Потребление изголодавшегося рабочего есть основа и условие восстановления производства.

С полным правом Цеткина <sup>7)</sup> заявила Каутскому, что он „скатывается к буржуазной политической экономии. Производство для человека, а не наоборот“...

Совершенно такую же зависимость от мелко-буржуазных предрассудков обнаруживает независимый господин Каутский, оплакивая „культ насилия“. Когда большевики указывали еще в 1914 году, что империалистская война превратится в гражданскую войну, тогда господин Каутский молчал, сидя в одной партии с Давидом <sup>105)</sup> и К<sup>0</sup>, объявлявшими это предвидение (и этот лозунг) „безумием“. Каутский абсолютно не понял неизбежности превращения империалистической войны в гражданскую, а теперь свое непонимание сваливает на обе борющиеся в гражданской войне стороны. Разве это не образец реакционного мещанского тупоумия?

Но если в 1914 году непонимание того, что империалистская война неизбежно должна превратиться в гражданскую, было только мещанским тупоумием, то теперь, в 1919 году, это уже нечто худшее. Это—измена рабочему классу. Ибо гражданская война и в России, и в Финляндии, и в Латвии, и в Германии, и в Венгрии есть факт. Сотни и сотни раз признавал Каутский в своих прежних произведениях, что бывают исторические периоды, когда классовая борьба неизбежно превращается в гражданскую войну. Это наступило, и Каутский оказался в лагере колеблющейся, трусливой, мелкой буржуазии:

“...дух, одушевляющий Спартака, есть в сущности дух Людендорфа<sup>137)</sup>... Спартак достигает не только гибели своего дела, но и усиления политики насилия со стороны социалистов большинства. Носке<sup>104)</sup> есть антипод Спартака“...

Эти слова Каутского (из его статьи в венской „Раб. Газете“) до того бесконечно тупы, низки и подлы, что достаточно указать на них пальцем. Партия, которая терпит у себя таких вождей, есть гнилая партия. Бернский Интернационал, к которому принадлежит господин Каутский, должен быть оценен нами по достоинству, с точки зрения этих слов Каутского, как желтый Интернационал.

---

Как курьез, приведем еще рассуждение господина Гаазе<sup>138)</sup> в статье об „Интернационале в Амстердаме“ („Свобода“, 4-го мая 1919 г.). Господин Гаазе хвастается тем, что по вопросу о колониях предложил резолюцию, по которой „союз народов, организованный по предложению Интернационала... имеет задачей, до осуществления социализма“ (это заметьте!)... **„управлять колониями в первую голову в интересах туземцев, а затем в интересах всех народов, объединенных в союзе народов“**...

Не правда ли, перл? До осуществления социализма **управлять колониями** будет, согласно резолюции сего мудреца, не буржуазия, а какой-то добренький, справедливенький, сладенький „союз народов“!! Чем это отличается практически от подкрашивания самого гнусного капиталистического лицемерия? И это — „левые“ члены Бернского „Интернационала“!

---

Чтобы читатель нагляднее мог сравнить всю тупость, низость и гнусность писаний Гаазе, Каутского и К<sup>о</sup> с реальной обстановкой в Германии, приведу еще одну небольшую цитату.

Известный капиталист Вальтер Ратенау опубликовал книжоночку „Новое государство“ (Der Neue Staat). Книжоночка помечена 25 марта 1919 года. Теоретическая ценность ее равна нулю. Но, как наблюдатель, Вальтер Ратенау вынужден признать следующее:

„Мы, народ поэтов и мыслителей, по своему побочному занятию (im Nebenberuf) являемся филистерами...“

„Идеализм есть теперь только у крайних монархистов и у спартакистов...“

„Истина без прикрас такова: мы идем к диктатуре пролетарской или преторианской...“ (стр. 29, 52, 65).

Этот буржуа мнит себя, видимо, столь же „независимым“ от буржуазии, как господа Каутские и Гаазе мнят себя „независимыми“ от мещанства и филистерства.

Но Вальтер Ратенау на две головы выше Карла Каутского, ибо второй хныкает, трусливо прячась от „истины без прикрас“, а первый признает ее прямо.

*Написано 28 мая;*

*напечатано в „Коммунист. Интерн.“ № 2*

*1 июня 1919 г.*

## **Предисловие к речи „Об обмане народа лозунгами свободы и равенства“ \*).**

Вопрос, который я разбирал в своей речи 19-го мая на съезде по внешкольному образованию, именно вопрос о равенстве вообще и о равенстве рабочего и крестьянина в особенности, есть, несомненно, один из самых острых и „больных“ вопросов современности, затрагивающий наиболее закоренелые предрассудки мелкого буржуа, мелкого хозяйчика, мелкого товаровладельца, всякого обывателя и девяти десятых интеллигенции (в том числе меньшевистской и эс-эровской интеллигенции).

Отрицание равенства рабочего с крестьянином! Подумать только, какая чудовищная вещь! Конечно, за нее постараются

---

\* ) См. стр. 192 и след. настоящего тома.

ухватиться все друзья капиталистов, все прихвостни их, а меньшевики и эс-эры в первую голову, чтобы „поддразнить“ крестьянина, „разжечь“ его, натравить на рабочих, на коммунистов. Такие попытки неизбежны, но так как они основаны на лжи, то позорный провал их обеспечен.

Крестьяне—резвые, деловые люди, люди практической жизни. Им надо разъяснить дело практически, на простых, житейских примерах. Справедливо ли, чтобы крестьянин, имеющий излишек хлеба, прятал этот излишек, дожидаясь повышения цены до спекулятивной, бешеной высоты и не считаясь с голодным рабочим? Или справедливо, что государственная власть, которую держат в руках рабочие, брала все излишки хлеба не по спекулятивной, не по торгашеской, не по грабительской цене, а по твердой цене, установленной государством?

Вопрос стоит именно так. В этом вся суть. От этой сути дела хотят „отболтаться“ всякими фразами о „равенстве“ и о „единстве трудовой демократии“ всякие обманщики, работающие, подобно меньшевикам и эс-эрам, на пользу капиталистов, на пользу возвращения всевластия капиталистов.

Крестьянин должен выбирать:

за свободную торговлю хлебом,—это значит за спекуляцию хлебом, это значит за свободу наживаться богатым, за свободу разоряться и голодать бедным, это значит за возвращение всевластия помещиков и капиталистов, за разрыв союза крестьян с рабочими;

или за сдачу излишков хлеба по твердой цене государству, т.-е. объединенной рабочей власти,—это значит за союз крестьян с рабочими для полного уничтожения буржуазии, для устранения всякой возможности восстановления ее власти.

Так стоит выбор.

Богатенькие крестьяне, кулаки, выберут первое, захотят попробовать счастье в союзе с капиталистами и помещиками против рабочих, против бедноты, но таких крестьян в России будет меньшинство. А большинство крестьян пойдет за союз с рабочими против восстановления власти капиталистов, против „свободы наживаться богачу“, против „свободы голодать бедняку“, против того, чтобы обманно прикрывать эту проклятую капиталистическую „свободу“ (свободу голодной смерти) пышными словами о „равенстве“ (о равенстве сытого, имеющего излишки хлеба, с голодным).

Наша задача—бороться с хитрым капиталистическим обманом, который проводят меньшевики и эс-эры посредством звонких и пышных словечек о „свободе“ и „равенстве“.

Крестьяне! срывайте личину с тех волков в овечьей шкуре, которые поют сладенькие песни „о свободе“, „равенстве“, о „единстве трудовой демократии“, а на деле защищают эту „свободу“ помещика угнетать крестьян, „равенство“ богача-капиталиста с рабочим или с полуголодным крестьянином, „равенство“ сытого человека, прячущего излишек хлеба, с рабочим, которого мучит голод и безработица из-за разорения страны войной. Такие волки в овечьей шкуре—худшие враги трудящихся, они на деле, хотя бы и звались меньшевиками, эс-эрами или беспартийными, друзья капиталистов.

„Рабочий и крестьянин равны как труженики, но сытый спекулянт хлебом не равен голодному труженику“. „Мы боремся только отстаивая интересы труда, беря хлеб у спекулянта, а не у труженика“. „Мы идем на соглашение с середняком-крестьянином, с крестьянином-тружеником“—вот что заявил я в своей речи, вот в чем суть дела, вот какова настоящая правда, запутываемая звонкими фразами о „равенстве“. И громадное большинство крестьян знает, что это правда, что рабочее государство борется с спекулянтами и с богачами, всячески помогая трудящимся и бедным,—тогда как и помещичье государство (при царе) и капиталистическое государство (при самой свободной и демократической республике) всегда и везде, во всех странах помогают богачам грабить тружеников, помогают спекулянтам и богачам наживаться на счет разоряющихся бедняков.

Эту правду знает всякий крестьянин. И поэтому большинство крестьян, чем они будут сознательнее, тем скорее и тверже сделают свой выбор: за союз с рабочими, за соглашение с рабочим правительством, против государства помещичьего или капиталистического; за Советскую власть против „Учредительного Собрания“ или „демократической республики“, за соглашение с большевиками-коммунистами, против поддержки капиталистов, меньшевиков и эс-эров!

\* \* \*

А господам „образованным“, демократам, социалистам, социал-демократам, социалистам-революционерам и т. п. мы скажем: на словах вы все признаете „классовую борьбу“, на деле

вы забываете о ней как раз тогда, когда она особенно обостряется. Забывать же о ней значит переходить на сторону капитала, на сторону буржуазии, против трудящихся.

Кто признает классовую борьбу, тот должен признать, что в буржуазной республике, хотя бы самой свободной и самой демократической, „свобода“ и „равенство“ не могли быть и никогда не были ничем иным, как выражением равенства и свободы товаровладельцев, равенства и свободы капитала. Маркс тысячи раз, во всех своих произведениях и особенно в своем „Капитале“ (который вы все на словах признаете), разъяснял это, издевался над абстрактным пониманием „свободы и равенства“, над пошляками Бентамими<sup>1-2)</sup>, не видящими этого, вскрывал материальные корни этих абстракций.

„Свобода и равенство“ в буржуазном строе (т.-е. пока держится частная собственность на землю и на средства производства) и в буржуазной демократии остаются только формальными, означая на деле наемное рабство рабочих (формально свободных, формально равноправных) и всевластие капитала, гнет капитала над трудом. Это—азбука социализма, господа „образованные“,— и вы эту азбуку забыли.

Из этой азбуки следует, что во время пролетарской революции, когда классовая борьба обострилась до гражданской войны, только дурачки и предатели могут отделяться фразами о „свободе“, „равенстве“, „единстве трудовой демократии“. На деле все решает исход борьбы пролетариата с буржуазией, а промежуточные, средние классы (в том числе вся мелкая буржуазия, а значит и все „крестьянство“) неизбежно колеблются между тем и другим лагерем.

Речь идет о присоединении этих промежуточных слоев к одной из главных сил, к пролетариату или к буржуазии. Ничего иного быть не может: кто не понял этого, читая „Капитал“ Маркса, тот ничего не понял у Маркса, ничего не понял в социализме. Тот на деле филистер и мещанин, слепо плетущийся за буржуазией. А кто понял это, тот не даст себя обмануть фразами о „свободе“ и „равенстве“, тот будет думать и говорить о деле, т.-е. о конкретных условиях сближения крестьян с рабочими, союза их против капиталистов, соглашения их против эксплуататоров, богачей и спекулянтов.

Диктатура пролетариата не есть окончание классово́й борьбы, а есть продолжение ее в новых формах. Диктатура про-

летариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии. Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это—особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с „нейтральными“ (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами. Отделяться от изучения конкретных форм, условий, задач этого союза посредством общих фраз о „свободе“, „равенстве“, „единстве трудовой демократии“, т. е. посредством обрывков из идейного багажа эпохи товарного хозяйства, могут только гнилые герои гнилого „Бернского“ или желтого Интернационала, вроде Каутского, Мартова<sup>(139)</sup> и К<sup>о</sup>.

*Написано 23 июня 1919 года; напечатано в брошюре „Две речи на I Вс. съезде по внешкольн. образам“. Гос. Изд. 1919 г.*

## Зеликий почин.

(О героизме рабочих в тылу. По поводу „коммунистических субботников“.)

Печать сообщает много примеров героизма красноармейцев. Рабочие и крестьяне в борьбе с колчаковцами, денкинцами и другими войсками помещиков и капиталистов проявляют нередко чудеса храбрости и выносливости, отстаивая завоевания социалистической революции. Медленно и трудно идет изживание партизанщины, преодоление усталости и распушенности, но оно идет вперед, несмотря ни на что. Героизм трудящихся масс, сознательно приносящих жертвы делу победы социализма, вот

кто является основой новой, товарищеской дисциплины в Красной армии, ее возрождения, укрепления, роста.

Не меньшего внимания заслуживает героизм рабочих в тылу. Прямо-таки гигантское значение в этом отношении имеет устройство рабочими, по их собственному почину, коммунистических субботников. Видимо, это только еще начало, но это начало необыкновенно большой важности, это начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это—победа над собственной косностью, распушенностью, мелко-буржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда эта победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым.

„Правда“ от 17 мая с. г. поместила статью т-ща А. Ж. „Работа по-революционному (коммунистическая суббота)“. Эта статья так важна, что мы воспроизведем ее полностью:

### „Работа по-революционному“.

(Коммунистическая суббота.)

Письмо Ц. К. Р. К. П. о работе по-революционному дало сильный толчок коммунистическим организациям и коммунистам. Общий подъем направил многих коммунистов-железнодорожников на фронт, но большинству их нельзя было оставить ответственные посты и отыскать новые способы для работы по-революционному. Сведения с мест о медлительности работы по мобилизации и канцелярская волокита заставили подрайон М.-К. ж. д. обратить внимание на механизм железнодорожного хозяйства. Оказалось, что по недостатку рабочей силы и слабой интенсивности труда задерживаются срочные заказы и спешный ремонт паровозов. 7 мая на общем собрании коммунистов и сочувствующих подрайона М.-Каз. ж. д. был поставлен вопрос о переходе от слов о содействии победе над Колчаком к делу. Вынесенное предложение гласило:

„Ввиду тяжелого внутреннего и внешнего положения, для перевеса над классовым врагом коммунисты и сочувствующие вновь должны прищипорить себя и вырвать из своего отдыха еще час работы, т.-е. увеличить свой рабочий день на час, суммировать его и в субботу сразу отработать 6 часов физическим трудом, дабы произвести немедленно реальную ценность. Считая, что коммунисты не должны щадить своего здоровья и жизни для завоеваний революции—работу производить бесплатно. Коммунистическую субботу ввести во всем подрайоне до полной победы над Колчаком“.

После некоторых колебаний это предложение было принято единогласно

В субботу, 10 мая в 6 часов вечера, как солдаты, явились коммунисты и сочувствующие на работу, построились в ряды и без толкотни были разведены мастерами по местам.

Результаты работы по-революционному налицо. Прилагаемая сводка указывает предприятия и характер работы \*).

Общая стоимость работы по нормальной оплате 5.000 тыс. рублей, сверхурочной в 1½ раза больше.

Интенсивность труда по нагрузке выше обыкновенных рабочих на 270%. Остальные работы приблизительно такой же интенсивности.

Устранена задерживаемость заказов (срочных) по недостатку рабочей силы и волоките от семи дней до трех месяцев.

Работа происходила при наличии неисправности (легко устранимой) приспособлений, задерживавших отдельные группы от 30 до 40 минут.

Администрация, оставленная для руководства работами, едва успевала подготавливать новые и, может быть, немного преувеличено выражение старика-мастера что в коммунистическую субботу сделано работы за неделю, проткнута работы несознательных и расхлябанных рабочих.

Ввиду того, что на работах присутствовали и просто искренние сторонники Советской власти и ожидают наплыва таковых на будущие субботы, а также желания других районов взять пример с коммунистов-железнодорожников Моск.-Каз. ж. д., я остановлюсь подробнее на организационной стороне по сообщениям с мест.

На работах было процентов 10 коммунистов, постоянно работающих на местах. Остальные, занимающие ответственные посты и выборные, от комиссара дороги до комиссара отдельного предприятия, а также профессионального союза и работающих в Управлении и Н. К. П. С.

Воодушевление и дружность работы небывалая. Когда без ругани и споров рабочие, конторщики, управленцы, охватив сорочкапудовый бандаж колеса для пассажирского паровоза, перекатывали его на место, как трудолюбивые муравьи, на сердце рождалось горячее чувство радости от коллективного труда и крепла вера в непоколебимость победы рабочего класса. Мировым хищникам не задуть победителей-рабочих, внутреннему саботажу не дожидаться Колчака.

По окончании работ присутствующие были свидетелями невиданной картины: сотня коммунистов, уставших, но с радостным огоньком в глазах, приветствовала успех дела торжественными звуками Интернационала—и казалось, что эти победные волны победного гимна перельются за стены по рабочей Москве и, как волны от брошенного камня, разойдутся по рабочей России и раскатают уставших и расхлябанных.

Оценивая этот замечательнейший „пример, достойный подражания“, „Правда“ от 20 мая в статье тов. И. Р. под этим заглавием писала:

Случай подобного рода работ коммунистов—не редкость. Я знаю о таких случаях на электрической станции и на различных железных дорогах. На Николаевской дороге коммунисты проработали несколько ночей сверхурочно, на подъёмке свалившегося в круг паровоза, на Северной дороге, зимой, все коммунисты и со-

\*) Сводка в настоящем издании выпущена.

чувствующие проработали несколько воскресений, очищая пути от снега, ячеек во многих товарных станциях, в целях борьбы с хищением грузов, совершают ночные обходы станций,—но эта работа была случайной, не систематической. Товарищи казанцы внесли то живое, что делает эту работу систематической, постоянной. „До полной победы над Колчаком“ постановили товарищи казанцы, и в этом все значение их работы. Они удлиняют на один час рабочий день коммунистов и сочувствующих на все время военного положения; одновременно они доказывают пример продуктивной работы.

Этот пример уже вызвал и должен вызвать дальнейшие подражания. Общее собрание коммунистов и сочувствующих Александровской ж. д., обсудив военное положение и постановление товарищей казанцев, постановило: „1) Ввести „субботники“ для коммунистов и сочувствующих Александровской ж. д. Первый субботник назначается 17 мая. 2) Организовать коммунистов и сочувствующих в примерные, показательные бригады, которые должны будут показать рабочим, как надо работать и что в действительности можно сделать при нынешних материалах, инструментах и питании“.

По словам товарищей казанцев, их пример произвел большое впечатление, и на ближайшую субботу они ожидают на работы значительное количество беспартийных рабочих. Когда пишутся эти строки, в мастерских Александровской дороги сверхурочная работа коммунистов еще не началась, лишь слух о предстоящих работах разошелся, а уже беспартийная масса всколыхнулась, заговорила. „Мы не знали вчера, а то бы мы приготовились и тоже поработали“; „в будущую субботу обязательно приду“,—раздается со всех сторон. Впечатление, производимое такого рода рабочими, очень велико.

Примеру товарищей казанцев должны последовать все коммунистические ячейки тыла. Не только коммунистические ячейки Московского узла,—вся партийная организация России должна последовать этому примеру. И в деревнях коммунистические ячейки должны взяться в первую голову за обработку полей красноармейцев, помогая их семьям.

Товарищи казанцы закончили свою работу в первую коммунистическую субботу пением Интернационала. Если коммунистическая организация всей России последует этому примеру, и будет неуклонно проводить его в жизнь,—ближайшие тяжелые месяцы будут пережиты Российской Советской Республикой при громовых звуках Интернационала всех трудящихся Республики.

За работу, товарищи-коммунисты!

„Правда“ от 23 мая 1919 г. сообщила, что 17 мая „на Александровской ж. д. состоялся 1-й коммунистический „субботник“. 98 человек коммунистов и сочувствующих проработали, согласно постановления общего собрания, 5 часов сверхурочно, бесплатно, лишь получив право вторично пообедать за деньги, при чем к обеду за деньги же, как рабочим физического труда, было выдано по полфунта хлеба“.

Несмотря на то, что работа была слабо подготовлена и слабо организована, все же производительность труда была выше обычной в два, три раза.

Вот примеры:

5 токарей в 4 часа сделали 80 валиков. Производительность по сравнению с обычной 213<sup>0</sup>/<sub>100</sub>.

20 чернорабочих в 4 часа собрали старый материал, в количестве 600 пудов и 70 вагонных рессор по 3<sup>1</sup>/<sub>2</sub> пуда весом каждая, всего 850 пудов. Производительность по сравнению с обычной 300<sup>0</sup>/<sub>100</sub>.

Товарищи объясняют это тем, что в обычное время работа надоела, прискучила, а здесь работают с охотой, с воодушевлением. Но теперь стыдно будет в обычное время делать меньше, чем в коммунистический субботник.

Теперь многие беспартийные рабочие заявляют о своем желании участвовать в субботниках. Паровозные бригады вызываются взять из „кладбища“ паровоз в субботник, отремонтировать его и пустить в ход.

Получены сведения, что такие же субботники организуются на линии Вязьма.

О том, как идет работа в эти коммунистические субботники, пишет тов. А. Дьяченко в „Правде“ от 7 июня. Приводим главную часть его статьи, озаглавленной „Заметки субботника“:

С большой радостью собрался я с товарищем отбыть субботний „стаж“ по решению жел.-дорожного подрайона партии и временно, на несколько часов, дать отдых голове, доставив работу мышцам... Нам предстоит работа на деревообделочном заводе дороги. Пришли, увидели своих, поздоровались, пошутили, сосчитали силу—всего 30... А перед нами лежит „чудовище“—паровой котел довольно солидного веса, пудов 600—700, и его-то и нужно нам „переставить“, т. е. перенести чуть ли не  $\frac{1}{4}$  или  $\frac{1}{3}$  версты к платформе. Сомнение закрадывается в наши мысли... Но вот мы уже стоим за делом: попросту товарищи подвели под котел деревянные катки, прикрепили две веревки, и работа началась... Податься котел не охотно, но все же пошел. Мы радуемся, нас ведь так мало... ведь этот самый котел тащили чуть ли не две недели рабочие-коммунисты, числом втрое больше, а он упирался, пока не дождался нас... Работаем час, сильно, дружно под мерные звуки команды: „раз, два, три“, нашего тов. закоперщика, и котел идет да идет. Вдруг, что за оказия! Внезапно, смешно покатился целый ряд товарищей—это „изменила“ веревка в руках наших... Но минутная задержка: на месте ее укрепляем канат... Вечер, уже заметно темнеет, но нам нужно еще одолеть небольшую горку, и тогда работа будет скоро сделана. Трещат руки, горят ладони, нагреваемся, прем во-всю,—и дело спорится. Стоит „администрация“ и, смущенная успехом, невольно тоже берется за канат: помогай! давно пора! Вот на нашу работу засмотрелся красноармеец. В руках его гармоника. Что он думает? Что за люди? Что им надо в субботу, когда все сидят по домам? Я разрешаю его донюхать и говорю: „Товарищ! Сыграй нам веселую, мы ведь не какие-либо работнички, а настоящие коммунисты,—видишь, как у нас горит работа под руками, не ленемся, а прем“ Красноармеец бережно кладет гармошку и скорей спешит к канату...

— „Англичанин мудрец“...—затягивает красивым тенором т. У. Мы вторим ему, и глухо раздаются слова рабочей песни: „Эй, дубинушка, ухнем, подемся, подернем“...

От непривычки мускулы устали, ломит плечи, спину, но... впереди свободный день—наш отдых, успеем выспаться. Цель близка, и после небольших колебаний наше „чудовище“ уже почти у самой платформы: подкладывайте доски, ставьте на платформу!—и пусть этот котел даст работу, которой уже давно ждут от него. А мы гурьбой идем в комнату, „клуб“ местной ячейки, обвешанную плакатами, уставленную винтовками, ярко освещенную, и после хорошо спетого „Интернационала“ лакомимся чаем с „ромом“ и даже хлебом. Такое угощение, устроенное местными товарищами, как нельзя более кстати после нашей тяжелой работы. Братски прощаемся с товарищами и строимся в колонки-ряды. Песни резолюции оглашают в ночной тишине сонную улицу, мерные звуки шагов вторят песне. „Смело, товарищи, в ногу!..“. „Вставай, проклятем заклеянный!..“—звучит наша песня Интернационала и труда

Прошла неделя. Руки и плечи у нас отдохнули, и мы едем на „субботник“ теперь уже за 9 верст; делать вагоны. Это—в Перово. Товарищи взобрались на крышу „Американца“ и звучно и красиво поют „Интернационал“. Поездная публика прислушивается и, видимо, удивлена. Мерно стучат колеса, и мы, не успевая влезть наверх, висим вокруг „американца“ на лестницах, изображая „отчаянных“ пассажиров. Вот и остановка, мы уже у цели, проходим длинный двор и встречаем радушного товарища комиссара Г.

— Работа есть, людей-то мало! Всего 30, а выпустить за 6 часов из спелого ремонта нужно чортову дюжину вагонов! Вот стоят размеченные скаты колес, есть не только пустые вагоны, еще и полная цистерна... но ничего „приспособимся, товарищи“.

Работа кипит. Я с пятью товарищами работаю важками, т.-е. рычагами. Эти 60 и 70-пудовые колесные пары, под напором наших плеч, двумя важками, направляемые тов. „закоперщиком“, живо и лихо перепрыгивают у нас с одних путей на другие. Одна пара убрана,—новая на ее месте. Вот уже всем им есть место, и мы это изношенное старье быстро-быстро по рельсам „сплавляем“ в сарай... Раз, два, три,—подхвачены они на воздух железным вертящимся важком, и их уже лет на рельсах. Там, в темноте, идет стук молотков, то быстро, как пчелы, работают товарищи у своих „больных“ вагонов. И столярят, и малярят, и крышу кроют,—работа кипит на радость нашу и товарища комиссара. А там понадобились наши руки и кузнецам. В переносном горне лежит раскаленное „правило“, т.-е. вагонный стержень с крюком, изогнутым неловким толчком. Белый, с искрами он очутился на чугунной плите и ловкими нашими ударами, под глазомером опытного товарища, принимает свою нормальную форму. Он еще бело-красный, а уже на плечах наших быстро-быстро подается к своему месту и с искрами вставлен в железную дыру,—несколько ударов, и он на месте. Лезем под вагон. Там устройство этих сцепок и правил совсем не так просто, как кажется, там целая система с заклепками и спиральной пружиной... Кипит работа, темнеет ночь, ярче горят факелы. Скоро конец. Часть товарищей „приткнулась“ у кучки ободьев и „потягивает“ горячий чаек. Свежа майская ночь, и красив на небе серп молодого месяца. Шутки, смех, здоровый юмор.

— Товарищ Г., бросай работу, будет с тебя 13 вагонов!

Но тов. Г. этого мало.

Ковчег чай, затянули свои победные песни, идем к выходу...

Движение в пользу устройства „коммунистических субботников“ не ограничивается Москвой. «Правда» от 6 июня сообщила:

„31 мая в Твери состоялся первый коммунистический субботник. На железной дороге работало 128 коммунистов. В 3½ часа погружено и разгружено 14 вагонов, выпущено из ремонта 3 паровоза, распилено 10 сажень дров и произведены другие работы. Интенсивность работы квалифицированных рабочих-коммунистов превосходила обыкновенную производительность в 13 раз“.

Затем в „Правде“ от 8 июня читаем:

#### Коммунистические субботники.

„Саратов, 5 июня. Железнодорожники-коммунисты, откликнувшись на призыв московских товарищей, на общем партийном собрании постановили: работать по субботам в течение пяти сверхурочных часов бесплатно для поддержания народного хозяйства“.

\* \* \*

Я привел с наибольшей подробностью и полнотой сведения о коммунистических субботниках, ибо здесь, несомненно, мы наблюдаем одну из важнейших сторон коммунистического строительства, на которую наша печать обращает недостаточно внимания и которую мы все недостаточно еще оценили.

Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства—этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и т. д.

Естественно и неизбежно, что первое время после пролетарской революции нас занимает более всего главная и основная задача: преодоление сопротивления буржуазии, победа над эксплуататорами, подавление их заговора (вроде „заговора рабовладельцев“ о сдаче Питера, в каком заговоре участвовали все от черной сотни и кадетов до меньшевиков и эс-эров включительно). Но рядом с этой задачей столь же неизбежно выдвигается—и чем дальше, тем больше—более существенная задача положительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества.

Диктатура пролетариата,—как мне приходилось уже не раз указывать, между прочим, и в речи 13 мая на заседании Петроградского Совдепа,—не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой

этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма.

Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс— пролетариат.

Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов. (Заметим в скобках: научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово—более высокую, дальнейшую ступень его.)

Ошибка „Бернского“ желтого Интернационала состоит в том, что его вожди признают только на словах классовую борьбу и руководящую роль пролетариата, боясь додумывать до конца, боясь как раз того неизбежного вывода, который особенно страшен для буржуазии и абсолютно неприемлем для нее. Они боятся признать, что диктатура пролетариата есть тоже период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее—впредь до уничтожения классов,—но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами.

А что это значит „уничтожение классов“? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение. Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы—это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревнею, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это—дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками.

Предполагать, что все „трудящиеся“ одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, до-марковского, социалиста, Ибо эта способность не

дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает только из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, только пролетариат. Он в состоянии совершить лежащую на нем гигантскую задачу, во-первых, потому, что он самый сильный и самый передовой класс цивилизованных обществ, во-вторых, потому, что в наиболее развитых странах он составляет большинство населения, в-третьих, потому, что в остальных капиталистических странах, вроде России, большинство населения принадлежит к пролетариям или полупролетариям, т. е. к людям, постоянно проводившим часть года по-пролетарски, постоянно снискивавшим себе пропитание, в известной части, работой по найму в капиталистических предприятиях.

Кто пытается решать задачи перехода от капитализма к социализму, исходя из общих фраз о свободе, равенстве, демократии вообще, равенстве трудовой демократии и т. п. (как это делают Каутский, Мартов и другие герои Бернского, желтого, Интернационала), те только обнаруживают этим свою природу мелких буржуа, филистеров, мещан, рабски-плетущихся в идейном отношении за буржуазией. Правильное решение этой задачи может дать только конкретное изучение особых отношений между завоевавшим политическую власть особым классом, именно пролетариатом, и всей непролетарской, а также полупролетарской массой трудящегося населения, при чем эти отношения складываются не в фантастически гармоничной, „идеальной“, обстановке, а в реальной обстановке бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии.

Громадное большинство населения в любой капиталистической стране, в том числе и в России,—а трудящегося населения и подавно,—тысячи раз испытало на себе и на своих близких гнет капитала, грабеж с его стороны, всякого рода надругательство. Империалистская война,—т. е. убийство десяти миллионов людей для решения вопроса о том, английскому или германскому капиталу получить первенство в грабеже всего мира,—необычайно обострила, расширила, углубила эти испытания, заставила осознать их. Отсюда неизбежное сочувствие громадного большинства населения и особенно массы трудящихся к пролетариату, за то, что он с геройской смелостью, с революционной беспощадностью свергает иго капитала, свергает эксплуататоров, подавляет их сопротивление, кровью своей пробивает

дорогу к созданию нового общества, в котором не будет места эксплуататорам.

Как ни велики, как ни неизбежны мелко-буржуазные шатания и колебания назад, в сторону буржуазного „порядка“, под „крылышко“ буржуазии, со стороны непролетарских и полупролетарских масс трудящегося населения, тем не менее, они все же не могут не признавать морально-политического авторитета за пролетариатом, который не только свергает эксплуататоров и подавляет их сопротивление, но который также строит новую, более высокую общественную связь, общественную дисциплину—дисциплину сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения, их собственного, более сознательного, смелого, сплоченного, революционного, выдержанного авангарда.

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелко-буржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы. Но эта задача и более существенна, чем первая, ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелко-буржуазного производства крупным социалистическим производством.

„Коммунистические субботники“ именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни.

Один из немногих—вернее даже будет сказать: один из исключительно редких буржуазных демократов Германии, перешедших после уроков 1870—1871 г. г. не к шовинизму и не к национал-либерализму, а к социализму, И. Якоби <sup>140)</sup>, сказал, что основание одного рабочего союза имеет большее историческое значение, чем битва под Садовой <sup>141)</sup>. Это справедливо. Сражение под Садовой решало вопрос о первенстве одной из двух буржуазных монархий, австрийской или прусской, в деле создания национального германского капиталистического государства. Основание одного рабочего союза было маленьким шагом к всемирной победе пролетариата над буржуазией. Так и мы можем сказать, что первый коммунистический субботник, устроенный 10 мая 1919 года железнодорожными рабочими Моск.-Казанской жел. дороги в Москве, имеет большее историческое значение, чем любая победа Гинденбурга <sup>142)</sup> или Фоша <sup>143)</sup> и англичан в империалистской войне 1914—1918 годов. Победы империалистов есть бойня миллионов рабочих из-за прибылей англо-американских и французских миллиардеров, есть зверство гибнущего, обожравшегося, заживо гниющего капитализма. Коммунистический субботник железнодорожных рабочих Моск.-Казанской ж. д. есть одна из ячеек нового, социалистического, общества, несущего всем народам земли избавление от ига капитала и от войн.

Господа буржуа и их прихвостни, включая меньшевиков и эс-эров, которые привыкли считать себя представителями „общественного мнения“, разумеется, издеваются над надеждами коммунистов, называют эти надежды „баобабом в горшке от резеды“, смеются над ничтожным числом субботников по сравнению с массовыми случаями хищения, безделия, упадка производительности, порчи сырых материалов, порчи продуктов и т. п. Мы ответим этим господам: если бы буржуазная интеллигенция принесла свои знания на помощь трудящимся, а не русским и заграничным капиталистам ради восстановления их власти, то переворот шел бы быстрее и более мирно. Но это утопия, ибо вопрос решается борьбой классов, а большинство интеллигенции тянет к буржуазии. Не с помощью интеллигенции, а вопреки ее

противодействию (по крайней мере, в большинстве случаев) пролетариат победит, устраняя неисправимо буржуазных интеллигентов, переделывая, перевоспитывая, подчиняя себе колеблющихся, постепенно завоевывая все большую часть их на свою сторону. Злорадство по поводу трудностей и неудач переворота, сеяние паники, пропаганда поворота вспять—все это орудия и приемы классовой борьбы буржуазной интеллигенции. Обмануть себя этим пролетариат не даст.

А если взять вопрос по существу, разве бывало в истории, чтобы новый способ производства привился сразу, без долгого ряда неудач, ошибок, рецидивов? Полвека после падения крепостного права, в русской деревне оставалось еще не мало пережитков крепостничества. Полвека после отмены рабства негров в Америке, положение негров там сплошь да рядом оставалось еще полурабским. Буржуазная интеллигенция, в том числе меньшевики и эс-эры, верны себе, служа капиталу и сохраняя насквозь лживую аргументацию: до революции пролетариата они упрекали нас в утопизме, а после нее они требуют от нас фантастически быстрого изживания следов прошлого!

Но мы не утописты и знаем истинную цену буржуазных „аргументов“, знаем также, что следы старого в нравах известное время после переворота неизбежно будут преобладать над ростками нового. Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное,—все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и „ухаживать“ за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно „коммунистические субботники“ сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные. Если японский ученый, чтобы помочь людям победить сифилис, имел терпение испробовать 605 препаратов, пока он не выработал боб-й, удовлетворяющий известным требованиям, препарат, то у тех, кто хочет решить задачу более трудную, победить капитализм, должно хватить настойчивости испробовать

сотни и тысячи новых приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них.

„Коммунистические субботники“ потому так важны, что начали их рабочие, вовсе не поставленные в исключительно хорошие условия, а рабочие разных специальностей, в том числе и рабочие без специальности, чернорабочие, поставленные в обычные, т.е. самые тяжелые условия. Мы все хорошо знаем основное условие падения производительности труда, которое наблюдается не в одной России, а во всем свете: разорение и обнищание, озлобление и усталость, вызванные империалистской войной, болезни и недоедание. Последнее занимает первое по важности место. Голод— вот причина. А чтобы устранить голод, нужно повышение производительности труда и в земледелии, и в транспорте, и в промышленности. Получается, следовательно, какой-то порочный круг: чтобы поднять производительность труда, надо спастись от голода, а чтобы спастись от голода, надо поднять производительность труда.

Известно, что подобные противоречия разрешаются на практике прорывом этого порочного круга, переломом настроения масс, геройской инициативой отдельных групп, которая на фоне такого перелома играет нередко решающую роль. Московские чернорабочие и московские железнодорожники (конечно, имея в виду большинство, а не горстки спекулянтов, управленцев и т. п. белогвардейцев), это трудящиеся, которые живут в условиях, отчаянно трудных. Недоедание постоянное, а теперь, перед новым урожаем, при общем ухудшении продовольственного положения, прямо голод. И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контр-революционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эс-эров, устраивают „коммунистические субботники“, работают сверхурочно без всякой платы и достигают громадного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?

Производительность труда, это в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда. Это—

дело очень трудное и очень долгое, но оно начато, вот в чем самое главное. Если в голодной Москве летом 1919 года голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистской войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих. „Коммунистические субботники“ необыкновенно ценны, как фактическое начало коммунизма, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда „делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму“ (как сказано, совершенно справедливо, в нашей партийной программе).

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достаемых не работающим лично и не их „ближним“, а „дальним“, т.е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик.

Карл Маркс в „Капитале“ издевается над пышностью и велеречивостью буржуазно-демократической великой партии вольностей и прав человека, над всем этим фразерством о свободе, равенстве, братстве вообще, которое ослепляет мещан и филистеров всех стран, вплоть до нынешних подлых героев подлого Бернского Интернационала. Маркс противопоставляет этим пышным декларациям прав простую, скромную, деловую, будничную постановку вопроса пролетариатом: государственное сокращение рабочего дня, вот один из типичных образчиков такой постановки. Вся меткость и вся глубина замечания Маркса обнаруживается перед нами тем очевиднее, чем больше развертывается содержание пролетарской революции. „Формулы“ настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного, торжественного фразерства Каутских, меньшевиков и эс-эров с их милыми „братцами“ из Берна именно тем, что они сводят все к условиям труда. Поменьше болтовни о „трудовой демократии“, о „свободе, равенстве, братстве“, о „народовласти“ и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих наду-

тых фразах так же легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно „гладкую“ физиономию и внешность „благородного человека“, сразу и безошибочно определяет: „по всей вероятности, мошенник“.

Поменьше пышных фраз, побольше простого, будничного дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля! Побольше заботы о том, чтобы эти необходимые голодному рабочему и оборванному, раздетому крестьянину пуд хлеба и пуд угля доставались не торговскими сделками, не капиталистически, а сознательной, добровольной, беззаветно-героической работой простых тружеников, вот таких, как чернорабочие и железнодорожники Московско-Казанской железной дороги.

Мы должны все признать, что следы буржуазно-интеллигентского, фразистого подхода к вопросам революции обнаруживаются на каждом шагу повсюду, в том числе и в наших рядах. Наша печать, например, мало ведет войны с этими гнилыми остатками гнилого, буржуазно-демократического, прошлого, мало поддерживает простые, скромные, будничные, но живые ростки подлинного коммунизма.

Возьмите положение женщины. Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п., — законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах, к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем чище очистили мы почву от хлама старых, буржуазных, законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка.

Женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, оупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервляющею, оупляющею, забивающею. Настоящее освобождение женщины, настоя-

щий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство.

Достаточно ли внимания уделяем мы на практике этому вопросу, который теоретически бесспорен для каждого коммуниста? Конечно, нет. Достаточно ли заботливо относимся мы к росткам коммунизма, уже теперь имеющимся в этой области? Еще раз, нет и нет. Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые на деле способны освободить женщину, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни. Эти средства не новы, они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых, что особенно важно, либо торгашескими предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо „акробатством буржуазной благотворительности“, которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали.

Нет сомнения, что у нас стало гораздо больше этих учреждений и что они начинают менять свой характер. Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, организаторских талантов, людей, обладающих умением наладить практическое дело, с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т. п., чем «болеет» постоянно мнящая о себе непомерно много «интеллигенция» или скороспелые „коммунисты“. Но мы не ухаживаем, как следует, за этими ростками нового.

Посмотрите на буржуазию. Как великолепно она умеет рекламировать то, что ей нужно! Как „образцовые“, в глазах капиталистов, предприятия расхваливаются в миллионах экземпляров их газет, как из „образцовых“ буржуазных учреждений создается предмет национальной гордости. Наша пресса не заботится, или просто совсем не заботится, о том, чтобы описывать наилучшие столовые или ясли, чтобы ежедневными настояниями

добиваться превращения некоторых из них в образцовые, чтобы рекламировать их, описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удобства для потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий достигается при образцовой коммунистической работе, может быть достигнуто, может быть распространено на все общество, на всех трудящихся.

Образцовое производство, образцовые коммунистические субботники, образцовая заботливость и добросовестность при добыче и распределении каждого пуда хлеба, образцовые столовые, образцовая чистота такого-то рабочего дома, такого-то квартала,—все это должно составить вдесятеро больше, чем теперь, предмет внимания и заботы как нашей прессы, так и каждой рабочей и крестьянской организации. Все это—ростки коммунизма, и уход за этими ростками наша общая и первейшая обязанность. Как ни трудно наше продовольственное и производственное положение, все же за полтора года большевистской власти движение вперед по всему фронту несомненно: подготовки хлеба поднялись с 30 милл. пуд. (с I—VIII—1917 г. по I—VIII—1918) до 100 милл. п. (с I—VIII—1918 по I—V—1919); огородное хозяйство увеличено, недосев хлеба уменьшен, железнодорожный транспорт начал улучшаться, несмотря на гигантские трудности с топливом, и так далее. На этом общем фоне, и при поддержке пролетарской государственной власти ростки коммунизма не зачахнут, а разрастутся и разовьются в полный коммунизм.

\* \* \*

Надо хорошенько продумать значение „коммунистических субботников“, чтобы извлечь из этого великого почина всей громадной важности практические уроки, которые из них вытекают.

Всесторонняя поддержка этого почина—первый и главный урок. Слово „коммуна“ у нас стало употребляться слишком легко. Всякое предприятие, заводимое коммунистами или при их участии, сплошь и рядом сразу уже объявляется „коммуной“,—и при этом нередко забывается, что столь почетное название надо завоевать долгим и упорным трудом, завоевать доказанным практическим успехом в строительстве действительно коммунистическом.

Поэтскому вполне правильно, по-моему, решение, созревшее у большинства Ц. И. К. отменить декрет Совнаркома в том, что касается названия „потребительских коммун“. Пускай будет название попроще, — кстати и недочеты, недостатки первых ступеней новой организаторской работы не будут взваливаться на „коммуны“, а будут возлагаться (как это по справедливости и следует) на плохих коммунистов. Было бы очень полезно слово „коммуна“ изгнать из ходячего употребления, запретить хватать это слово первому встречному, или признавать это на именовании лишь за действительными коммунами, которые действительно доказали на практике (и единодушным признанием всего окрестного населения подтвердили) способность, умение поставить дело коммунистически. Сначала докажи свою способность на бесплатную работу в интересах общества, в интересах всех трудящихся, способность „работать по-революционному“, способность повышать производительность труда, ставить дело образцово, а потом протягивай руку за почетным званием „коммуны“.

В этом отношении „коммунистические субботники“ — самое ценное исключение. Ибо здесь чернорабочие и железнодорожные рабочие Московско-Казанской железной дороги сначала, показали на деле, что они способны работать как коммунисты, а потом присвоили своему почину звание «коммунистических субботников». Надо добиваться и добиться, чтобы это и впредь было так, чтобы все и каждый, кто называет свое предприятие, учреждение или дело коммуной, не доказывая тяжелым трудом и практическим успехом долгого труда, образцовой и действительно коммунистической постановкой дела, высмеивался беспощадно и предавался позору как шарлатан или пустомеля.

Великий почин „коммунистических субботников“ должен быть использован также в другом отношении, именно: для чистки партии. Совершенно неизбежно, что в первое время после переворота, когда особенно боязливо относилась масса „честных“ и обывательски-настроенных людей, когда буржуазная интеллигенция, включая, разумеется, меньшевиков и эс-эров, поголовно саботировала, лакействуя перед буржуазией, совершенно неизбежно, что к партии правящей примазывались авантюристы и прочие вреднейшие элементы. Ни одной революции без этого не было и быть не может. Все дело в том, чтобы правящая

партия, опирающаяся на здоровый и сильный передовой класс, умела производить чистку своих рядов.

В этом отношении мы начали работу давно. Надо продолжать ее неуклонно и неустанно. Мобилизация коммунистов на войну нам помогла: трусы и негодяи побежали прочь из партии. Скатертью дорога! Такое уменьшение числа членов партии есть громадное увеличение ее силы и веса. Надо продолжать чистку, используя почин „коммунистических субботников“: принимать в партию только после полугодового, скажем, „искуса“ или „стажа“, состоящего в „работе по-революционному“. Такой же проверки потребовать от всех членов партии, вступивших позже 25 октября 1917 г. и не доказавших особыми трудами или заслугами своей безусловной надежности, верности и способности быть коммунистами.

Чистка партии, связанная с неуклонным повышением ее требовательности насчет работы действительно коммунистической, будет улучшать аппарат государственной власти и гигантски приближать окончательный переход крестьян на сторону революционного пролетариата<sup>144</sup>).

„Коммунистические субботники“, между прочим, пролили необыкновенно яркий свет на классовый характер аппарата государственной власти при диктатуре пролетариата. Ц. К. партии пишет письмо о „работе по-революционному“. Мысль подана Центральным Комитетом партии в 100—200 тысяч членов (предполагаю, что столько останется после серьезной чистки, ибо теперь больше).

Мысль подхвачена профессионально-организованными рабочими. Их числится у нас, в России, и на Украине до 4 милл. человек. Они в гигантском большинстве за пролетарскую государственную власть, за диктатуру пролетариата. 200.000 и 4.000.000—вог соотношение „зубчатых колес“, если позволительно так выразиться. А дальше идут десятки миллионов крестьянства, которое распадается на три главные группы: самая многочисленная и самая близкая к пролетариату, полупролетарии или беднота; затем среднее крестьянство; наконец, весьма немногочисленная—кулаки или деревенская буржуазия.

Пока остается возможность торговать хлебом и спекулировать на голоде, крестьянин остается (и это неизбежно на известный период времени при диктатуре пролетариата) полутружеником, полуспекулянтom. Как спекулянт, он враждебен нам, враждебен

пролетарскому государству, он склонен соглашаться с буржуазией и ее лакеями вплоть до меньшевика Шера<sup>128</sup>) или эс-эра Б. Черненкова, стоящими за свободу торговли хлеба. Но как труженик, крестьянин—друг пролетарского государства, вернейший союзник рабочего в борьбе против помещиков и против капиталиста. Как труженик, крестьянин своей громадной многомиллионной массой поддерживает ту „машину“ государства, которая возглавляется сотней-другой тысяч коммунистического пролетарского авангарда и состоит из миллионов организованных пролетариев.

Более демократического, в истинном смысле слова, более гесно связанного с трудящимися и эксплуатируемыми массами, государства на свете еще не бывало.

Именно такая пролетарская работа, которая знаменуется „коммунистическими субботниками“ и проводится в жизнь ими, несет с собой окончательное укрепление уважения и любви к пролетарскому государству со стороны крестьянства. Такая работа, и только она, окончательно убеждает крестьянина в нашей правоте, в правоте коммунизма, делает крестьянина беззаветным нашим сторонником, а это значит: ведет к полному преодолению продовольственных трудностей, к полной победе коммунизма над капитализмом в вопросе о производстве и распределении хлеба, ведет к безусловному упрочению коммунизма.

*Написано 28 июня;  
издано тогда же  
отдельной брошюрой.*

## **Современное положение..**

(Речь в соединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 4 июля 1919 года.)

Товарищи! Припомните положение год назад. Как раз в июле 1918 г. тучи, казалось бы, самые грозные и беды, казалось бы, совершенно непоправимые, скопились вокруг Советской Республики. Тогда, как и теперь, ухудшилось продовольственное положение именно перед новым урожаем, именно в конце старого продовольственного года, когда истекают запасы. В прошлом году положение было несравненно тяжелее. К продовольственным трудностям прошлым летом прибавилось еще больше политических и военных трудностей внутри и вне. Когда собрался съезд Советов, он совпал с восстанием левых эс-эров в Москве

он совпал с изменой тогдашнего командующего армией левого эс-эра Муравьева<sup>83</sup>), который почти открыл у нас фронт. Лето 1918 года совпало с громадным заговором в Ярославле<sup>146</sup>), который был, как теперь доказано и признано участниками, вызван французским послом Нулансом<sup>147</sup>), который подговорил Савинкова<sup>119</sup>) устроить этот заговор, гарантируя, что высаживающиеся в Архангельске французские войска придут на помощь в Ярославль, что ожидается соединение с союзниками и, следовательно, ближайшее падение Москвы. С востока врагу в это время удалось захватить Самару, Казань, Симбирск, Сызрань, Саратов<sup>65</sup>). С юга казацкие войска подкреплялись германским империализмом<sup>149</sup>). Вот какое было тогдашнее, казалось бы, безвыходное окружение Советской Республики, при неслыханных трудностях продовольственного положения.

Если мы пережили этот год, если, опираясь на этот опыт, мы посмотрим на теперешнее положение, мы с полным правом можем сказать: да, положение трудное, но, сравнивая то, что было пережито в прошлом году, с тем, что происходит сейчас,— наше положение несравненно более устойчивое, и поэтому тысячу раз было бы преступно поддаваться панике. Я должен указать на главные сравнительные данные потому, что более подробно на этом вопросе останутся последующие ораторы.

В прошлом году, когда к лету продовольственное положение обострилось, у нас дело доходило до того, что в июле и в августе в организации, заведующей нашим продовольственным делом, в комиссариате продовольствия, на складах не было ровно ничего, чтобы дать наиболее уставшему, наиболее измученному, наиболее изголодавшемуся населению городов и неземледельческих местностей.

В этом году наш аппарат сделал громадный шаг вперед. За год с 1-го августа 1917 года по 1-е августа 1918 г. мы могли заготовить только 30 миллионов пудов, а за год с 1-го августа 1918 г. по 1-е мая 1919 г. заготовлено было уже 100 миллионов пудов.

Это очень мало по сравнению с тем, что нам нужно, но это доказывает, что работа идет.

Мы знаем, что положение все не то, но мы знаем, что положение все же дает гораздо больше надежды, мы знаем, что все же наши ресурсы сейчас не так обрезаны, как обрезаны были в прошлом году казацкими бандами с юго-востока<sup>37</sup>), немецким

империализмом с юго-запада, чехо-словаками с хлебного востока. Дело обстоит гораздо лучше, и потому те ближайшие недели, которые несомненно несут с собой новые жертвы и тяготы, мы переживем и преодолеем.

Если возьмем военное положение теперь, когда союзники, захватив Украину после немцев, имевших Одессу, Севастополь, когда они провалились, то мы видим, что угроза, которая казалась массе мелкой буржуазии и запуганному обывателю непобедимой, оказалась пустой—у этого великана ноги были глиняные. Они сделали все возможное, чтобы помочь белогвардейцам, помещикам и капиталистам оружием и снаряжением.

Английские газеты открыто хвастали и английские министры тоже, что они дали помощь Деникину<sup>118)</sup> своими подкреплениями. До нас доходили сведения, что они послали снаряжение для 250 тыс. человек и дали все вооружение. Они послали десятки танков. Мы нисколько не преуменьшаем опасности и не закрываем глаза на то, что мы должны идти открыто в широкие массы, рассказать им положение, разъяснить им всю правду, открыть им глаза, потому что, чем больше рабочие и крестьяне эту правду знают, тем решительнее и прочнее, и сознательнее они переходят на нашу сторону.

Положение действительно трудное, удары нанесены нам чрезвычайно тяжелые и потери наши громадны.

Причина всех наших неудач двоякая. Нам пришлось убрать значительную часть войск на восток, когда там наносились удары Колчаком<sup>98)</sup>. Как раз в это время Деникин перешел к поголовной мобилизации. Правда, один из членов революционного совета южного фронта, который там давно работает, сообщил нам, что именно эта поголовная мобилизация погубит Деникина, как она погубила Колчака. Пока его армия была классовой, пока она состояла из добровольцев, ненавистников социализма, эта армия была крепка и прочна. Но когда он стал делать поголовный набор, он, конечно, мог набрать армию быстро, но эта армия, чем она больше, тем менее будет классовой и тем будет слабее. Крестьяне, набранные в армию Деникина, произведут в ней то же самое, что произвели сибирские крестьяне в армии Колчака—они принесли ему полное разложение.

Другая причина, кроме громадного усиления армии Деникина,—это развитие партизанщины на южном фронте. Это тоже вчера подробно описывал нам тов. Троцкий. Все вы знаете, что

пережили наши армии из-за авантюры Григорьева<sup>150</sup>) и мажоршны<sup>151</sup>), что пережили украинские крестьяне и весь украинский пролетариат. При крайне недостаточном пролетарском сознании на Украине, при слабости и неорганизованности, при петлюровской<sup>152</sup>) дезорганизации стихийно там выростала партизанщина. Крестьяне хватались за оружие, выбирали своего атамана или своего „батьку“, чтобы создать власть на месте. С центральной властью они совершенно не считались и каждый батько воображал, что может решать все украинские вопросы, не считаясь с тем, что предпринимается в центре. Теперь для нас совершенно ясно, что одним энтузиазмом, одним увлечением крестьянина взять нельзя. Мы тысячу раз украинских товарищей предупреждали о том, что, когда дело доходит до движения миллионных народных масс, то здесь мало слов, а нужен собственный житейский опыт. Этот опыт достался украинским крестьянам чрезвычайно тяжело. Во время немецкой оккупации они пережили неслыханные бедствия, неслыханные жертвы, во много раз больше того, что пережили мы, но все-таки они еще не знают, как нужно завоевать свою организованность, свою независимость и государственную самостоятельность. Мы прекрасно знаем, что сила украинского крестьянства свергнет силу Деникина, мы знаем, что те удары, которые нанесены нам, чрезвычайно тяжелы, но они пробудят в них новое сознание, новые силы. Тов. Троцкий, который сам наблюдал там неслыханные потери, заявляет определенно, что этот опыт для украинцев бесследно пройти не может.

Уроки распада, партизанщины Украина осознала. Это будет эпохой перелома всей украинской революции. Этот перелом, который пережили и мы, перелом партизанщины и революционного швыряния фразами, сменился сознанием необходимости длительной, прочной, упорной, тяжелой организационной работы. Мы смотрим на будущее с уверенностью, что все трудности преодолеем.

Одно из тех обстоятельств, которые тов. Троцкий в своем докладе особенно подчеркивал, это то, что он наблюдал по отношению к дезертирам. Он проехал много губерний, где мы боролись с дезертирством и не достигали успеха. Он сам выступал на митингах и видел, что у нас десятки тысяч дезертиров были или людьми, легко поддающимися панике, или слишком легко плетущимися за буржуазией. Он говорил о том переломе, который произошел в этом отношении и который не поддается

описанию. Некоторые комиссары говорили, что мы теперь захлебываемся от притока бывших дезертиров в Красную армию.

Крестьяне видели, что значит деникинский поход, и крестьянская масса стала относиться к делу сознательно. Крестьяне делали все, чтобы спастись от набора, спрятаться в лесу и попасть в зеленые банды. Это то состояние, которое вылилось в развале на Украине, это то состояние, которое создало у нас то положение, при котором число дезертиров достигало многих тысяч. Троцкий говорит о том переломе, который наступил, когда мы дали отсрочку дезертирам, более смело подойдя к этому делу. В Рязанской губ. явились сотни товарищей, чтобы работать, и наступил перелом. Дезертиры шли в Красную армию. Местные комиссары говорят, что они не успевали их включать в красные ряды. Вот то обстоятельство, с которого началось укрепление позиций на Курск и Воронеж, связанное со взятием назад станции „Лиски“. Это обстоятельство дало возможность Троцкому сказать, что хотя положение на юге тяжелое, и мы должны напрячь все силы, но что это положение не катастрофическое. Вот тот вывод, который мы получили вчера.

Мы можем сказать, что завоевания, которые наши войска сделали на востоке, обещают слиться по всем данным с сибирской революцией.

Вчера в Москве был сделан доклад одним меньшевиком. Вы в газ. „Известия“ могли читать о докладе гр. Голосова. Меньшевики поехали в Сибирь, считая, что там Учред. Собрание, народовластие, господство всеобщего избирательного права и воля народа, а не то чтобы какая-нибудь диктатура одного класса, узурпация, насильничество, как они величают Советскую власть. Опыт людей, которые в течение восьми месяцев имели роман с Керенским и отдали все Корнилову<sup>153</sup>), которые не научились ничему и пошли к Колчаку,—опыт им показал, что не какие-нибудь большевики, а враги большевиков, люди, которые отдавали всю свою деятельность враждебной борьбе с большевизмом, исходили пешком сотни верст и убедились, что оттолкнули от себя не только рабочих, но и крестьян, не только крестьян, но и кулаков. Кулаки даже восстают против Колчака. Что решительный перелом на Урале наступил, сегодня я получил телеграмму из Уфы, от 2 июля, которая свидетельствует об этом. Мы имеем более подробные сведения, и они дают полное основание утверждать, что решительный перелом наступил и что мы победим

на Урале. Взятием Перми и крупнейших заводов, где рабочие организуются, сотнями переходя на нашу сторону и перерезывая железные дороги в тылу неприятеля, мы достигли многого.

Мы казались бессильными, когда Сибирь была в руках наших врагов. Мы были правы в своей оценке империалистической войны и ее последствий и были правы, когда говорили, что из этой войны человечество к старому не придет. Люди так пострадали, измучились, озлобились на капиталистов, что о дальнейшем господстве капитализма не может быть и речи.

О „середине“ не могло быть и речи. Должно наступить господство рабочего класса и социализма.

Лучшие люди из промежуточных партий мечтают совершенно искренно о „середине“, но мы на опыте целых стран, на опыте народа знаем, что это чистейшие мечты. Всякая средняя линия приведет к господству буржуазии и монархии. Наилучшим доказательством этого служит Сибирь, где, несмотря на стремление установить царство Учредительного Собрания, перешли к Колчаку и колчаковщине. В царстве Учредительного Собрания—Сибири—крестьяне пришли к большевизму не из наших проповедей, а из собственного опыта. Это излечение народа многого стоит.

Оценивая этот пережитый год, признавая все трудности, мы можем спокойно, уверенно и твердо сказать вам:

„Товарищи, мы еще и еще раз пришли изложить общее положение передовым рабочим Москвы, указать те трудности, на которые мы снова натолкнулись, и пригласить вас подумать над тем, какие уроки мы за этот тяжелый год вынесли. На основании этого размышления и опыта вместе с нами притти к непреодолимым и твердым убеждениям, что победа будет за нами, и не только в русском и международном масштабе. Еще и еще раз мы напрягаем все силы против тех поражений, которые понесли на юге. Мы выдвинем испытанные средства организованности, дисциплины и тогда мы будем уверены, что Деникин будет сломлен и так же развалится, как развалился Колчак, и как разваливаются теперь французские и английские империалисты“

## О задачах III-го Интернационала.

(Рамсэй Макдональд о III-м Интернационале.)

В № 5423 французской социал-шовинистской газеты „L'Humanité“ („Человечество“<sup>54</sup>), от 14 апреля 1919 года, помещена передовая статья известного вождя британской так называемой „Независимой Рабочей Партии“ (на деле это всегда зависевшая от буржуазии оппортунистическая партия<sup>54</sup>) Рамсэя Макдональда<sup>55</sup>). Статья эта так типична для позиции того течения, которое принято называть „центром“ и которое назвал таким именем I-ый Конгресс Коммунистического Интернационала в Москве, что мы ее приводим целиком вместе с вступительными строками редакции „L'Humanité“.

### Третий Интернационал.

Наш друг Рамсэй Макдональд до войны был популярным лидером Рабочей Партии в Палате Общин. В качестве убежденного социалиста и убежденного человека он считал своей обязанностью осудить эту войну, как империалистскую, в противоположность тем, кто приветствовал ее, как войну за право. Вследствие этого он после 4-го августа отказался от роли руководителя „Рабочей Партии“ (Labour Party) и вместе со своими товарищами из „Independant“ („Независимой Рабочей Партии“), вместе с Кейр Гарди<sup>56</sup>), которым все мы восхищались, не побоялся объявить войну войне.

На это требовалось не мало изо дня в день повторяющегося героизма.

Макдональд на собственном примере показал, что мужество, говоря словами Жореса<sup>57</sup>) „заключается в том, чтобы не подчиняться закону торжествующей лжи и не служить отголоском для аплодисментов дураков и шиканья фанатиков“.

На выборах „по команде“\*) в конце ноября Макдональд был побежден Ллойд-Джорджем<sup>58</sup>). Мы можем быть спокойны,—Макдональд возьмет реванш, и в самом недалеком будущем. (От редакции „L'Humanité“.)

Возникновение сепаратистских тенденций в национальной и в интернациональной политике социализма было несчастьем для всего социалистического движения.

Нет, конечно, никакой беды в том, что внутри социализма имеются оттенки в мнениях и различия в методах. Наш социализм находится ведь еще в стадии экспериментов.

Его основные принципы установлены, но способ наилучшего их применения, комбинации, которые принесут торжество революции, организация социалистиче-

---

\*) Буквально „хаки“: так прозвали их солдаты, которым приказано было голосовать за правительственных кандидатов.

ского государства—все это вопросы, которые подлежат обсуждению и относительно которых еще не сказано последнего слова. Только углубленное изучение всех этих вопросов может привести нас к более высокой истине.

Крайности могут сталкиваться друг с другом, и такая борьба может содействовать укреплению социалистических взглядов, но зло начинается, когда каждый смотрит на своего противника, как на предателя, как на верующего, который лишился благодати и пред которым должны быть захлопнуты врата партийного рая.

Когда социалистами овладевает дух догматизма, вроде того, какой некогда в христианстве разжигал гражданскую войну во славу божью и ради сокрушения дьявола, буржуазия может спать спокойно, ибо период ее господства еще не завершился, как бы велики ни были местные и интернациональные успехи, достигнутые социализмом.

В настоящий момент наше движение встречает на своем пути, к несчастью, новое препятствие. В Москве основан новый Интернационал.

Меня лично этот факт глубоко огорчает,—ведь, социалистический Интернационал в настоящее время достаточно открыт для всех видов социалистической мысли и, несмотря на все теоретические и практические несогласия, порожденные в нем большевизмом, я не вижу причины, почему левое крыло его должно отделиться от центра и образовать самостоятельную группу.

Прежде всего нужно помнить, что мы переживаем еще период родов революции. Формы правления, выросшие из политических и социальных опустошений, произведенных войной, еще не выдержали испытаний и не могут считаться установленными окончательно.

Новая метла сначала метет удивительно хорошо, но как она будет работать под конец—об этом нельзя с уверенностью судить заранее.

Россия—не Венгрия, Венгрия—не Франция и Франция—не Англия, и по тому, кто вносит раскол в Интернационал, руководствуясь опытом какой-либо одной нации, обнаруживает преступную ограниченность ума.

Чего на самом деле стоит опыт России? Кто на это ответит? Союзные правительства боятся дать нам возможность полного осведомления. Но есть две вещи, которые мы знаем.

Прежде всего мы знаем, что революция совершена нынешним русским правительством не по заранее составленному плану. Она развернулась в связи с ходом событий. Начав борьбу с Керенским, Ленин требовал созыва Учредительного Собрания. События привели его к разгону этого Собрания. Когда в России вспыхнула социалистическая революция, никто не подозревал, что Советы займут в правительстве то место, которое они заняли.

Затем, Ленин совершенно справедливо убеждал венгерцев не копировать раски Россия, а предоставить венгерской революции развиваться свободно, согласно ее собственному духу.

Развитие и колебания тех опытов, при которых мы присутствуем, ни в коем случае не должны были вызывать раскол внутри Интернационала.

Все социалистические правительства нуждаются в помощи и в советах Интернационала. Интернационалу надлежит следить за их опытами внимательным и критическим оком.

Я только что слышал от одного друга, недавно видевшего Ленина, что никто не подвергает советское правительство более свободной критике, чем сам Ленин.

Если послевоенные беспорядки и революции не оправдывают раскола, то не находит ли последний оправдания в той позиции, которую заняли некоторые социалистические фракции во время войны? Признаюсь откровенно, что тут можно было бы найти более разумную причину. Но, если действительно, и имеется кое-какой предлог для раскола в Интернационале, то во всяком случае на Московской конференции вопрос этот был поставлен самым неудачным образом.

Я принадлежу к числу сторонников того взгляда, что прения на Бернской конференции<sup>41)</sup> по вопросу об ответственности за войну были только уступкой общественному мнению несоциалистических кругов.

На Бернской конференции не только не было возможности вынести по этому вопросу такое решение, которое имело бы какую-нибудь историческую ценность (хотя оно могло иметь кое-какую ценность политическую), но и самый вопрос не был поставлен надлежащим образом.

Осуждение германского большинства (осуждение, которое было вполне заслужено германским большинством, и к которому я с удовольствием присоединился), не могло быть изложением причин войны.

Бернские дебаты не сопровождалась откровенными обсуждениями той позиции, которую заняли другие социалисты по отношению к войне.

Они не дали никакой формулы поведения, обязательного для социалистов во время войны. Все, сказанное Интернационалом до того времени, заключалось в том, что, когда война носит характер национальной обороны, социалисты должны объединиться с другими партиями.

Кого же при таких условиях станем мы осуждать?

Некоторые из нас знали, что эти решения Интернационала не имели значения и не годились для дела в качестве практического руководства.

Мы знали, что эта война должна закончиться победой империализма, и, не будучи в обычном смысле слова ни пацифистами, ни антипацифистами, мы примкнули к политике, по нашему мнению, единственно совместимой с интернационализмом. Но Интернационал никогда не предписывал нам подобной линии поведения.

Вот почему в момент, когда началась война, Интернационал потерпел крах. Он утратил свой авторитет и не издал ни одного постановления, на основании которого мы имели бы право ныне осуждать тех, кто честно выполнял резолюции международных съездов.

Ввиду этого в настоящее время нужно отстаивать такую точку зрения: вместо того, чтобы расходиться из-за разногласия по поводу событий прошлого, будем создавать Интернационал действительно активный и помогающий социалистическому движению в тот период революции и строительства, в который мы вступили.

Необходимо восстановить наши социалистические принципы. Необходимо положить прочные основы интернациональному социалистическому поведению.

Если же окажется, что мы существенно расходимся в этих принципах, если мы не придем к соглашению по вопросу о свободе и демократии, если наши взгляды

насчет условий, при которых пролетариат может взять власть в свои руки, окончательно разойдутся, если, наконец, выяснится, что война отравила ядом империализма некоторые секции Интернационала,—тогда раскол возможен.

Но я не думаю, чтобы случилось такое несчастье.

И потому меня огорчил Московский манифест, как, по меньшей мере, преждевременный и, конечно, бесполезный; и я надеюсь, что мои французские товарищи, на которых в течение последних злополучных четырех лет сыпалось столько и клевет, и напастей, не поддадутся порыву нетерпения и не будут со своей стороны содействовать разрыву интернациональной солидарности.

Иначе их детям пришлось бы вновь восстанавливать эту солидарность, если пролетариату суждено когда-нибудь управлять миром.

*Дж. Рамсэй Макдональд.*

---

Автор этой статьи, как видит читатель, старается доказать ненужность раскола. Напротив, именно его неизбежность вытекает из того, как рассуждает Рамсэй Макдональд, этот типичный представитель II Интернационала, достойный соратник Шейдемана и Каутского, Вандервельда<sup>13)</sup> и Брантинга<sup>48)</sup> и т. д., и т. д.

Статья Рамсэя Макдональда есть лучший образчик тех гладких, благозвучных, шаблонных фраз, повидимому, социалистических, которые во всех передовых капиталистических странах издавна служат для прикрытия буржуазной политики внутри рабочего движения.

## I.

Начнем с наименее важного, но особенно характерного. Автор, подобно Каутскому (в его брошюре „Диктатура пролетариата“), повторяет буржуазную ложь, будто в России никто не предвидел заранее роли Советов, будто я и большевики начали борьбу с Керенским только во имя Учредительного Собрания.

Это—буржуазная ложь. На самом деле я уже 4 апреля 1917 г., в первый же день своего приезда в Петроград, выставил „тезисы“<sup>459)</sup> с требованием советской республики, а не буржуазно-парламентарной. Я повторял это много раз при Керенском в печати и на собраниях. Партия большевиков торжественно и официально заявила это в решениях своей конференции 29 апреля 1917 года<sup>44)</sup>. Не знать этого—значит не хотеть знать правды о социалистической революции в России. Не хотеть понять, что буржуазно-парламентарная республика с Учре-

дательным Собранием есть шаг вперед против такой же республики без Учредительного Собрания, а Советская республика есть два шага вперед по сравнению с ней—значит закрывать глаза на разницу между буржуазией и пролетариатом.

Называть себя социалистом и не видеть этой разницы два года спустя после постановки вопроса в России, 1½ года спустя после победы Советской революции в России, это значит упорно оставаться в полном плену у „общественного мнения несоциалистических кругов“, то-есть у идеи и политики буржуазии.

С такими людьми раскол необходим и неизбежен, ибо нельзя совершать социалистической революции рука об руку с теми, кто тянет сторону буржуазии.

И если люди, подобные Рамсэю Макдональду или Каутскому и т. п., не захотели преодолеть даже той совсем маленькой „трудности“, которой было бы для этих „вождей“ ознакомление с документами об отношении большевиков к Советской власти, о постановке этого вопроса до и после 25 октября (7 ноября) 1917 года, то не смешно ли было бы ждать от таких людей готовности и способности преодолеть несравненно большие трудности настоящей борьбы за социалистическую революцию.

Хуже всякого глухого тот, кто не хочет слышать.

## II

Перейдем ко второй неправде (из бесчисленных неправд, которыми полным полно вся статья Рамсэя Макдональда, ибо в этой статье, пожалуй, неправд больше, чем слов). Эта неправда едва ли не самая важная.

Дж. Р. Макдональд утверждает, будто Интернационал до войны 1914—1918 годов сказал только то, что „когда война носит характер национальной обороны, социалисты должны объединиться с другими партиями“.

Это чудовищное, вопиющее уклонение от истины!

Всем известно, что Базельский манифест 1912 года<sup>160</sup>) единогласно принят всеми социалистами и что он один только из всех документов Интернационала относится как раз к той именно войне между английской и германской группой империалистских хищников, которая в 1912 году явно для всех подготавливалась и которая в 1914 году разразилась. Именно про эту войну Базельский манифест сказал три вещи, умалчивая о которых теперь,

Макдональд совершает величайшее преступление против социализма и доказывает, что с людьми вроде Макдональда необходим раскол, ибо они служат на деле буржуазии, а не пролетариату.

Эти три вещи следующие:

война, которая грозит, не может быть оправдана ни тенью интересов национальной свободы;

со стороны рабочих было бы преступлением в этой войне стрелять друг в друга;

война ведет к пролетарской революции.

Вот—те три основные, коренные истины, „забывая“ которые (хотя он подписал их до войны) Макдональд на деле переходит на сторону буржуазии против пролетариата и доказывает этим, что раскол необходим.

Коммунистический Интернационал не пойдет на единство с партиями, не желающими признать этой истины и не способными своими делами и доказать свою решимость, готовность и умение проводить в сознание масс эти истины.

Версальский мир доказал даже глупцам и слепцам, даже массе близоруких людей, что Антанта была и осталась таким же кровавым и грозным империалистским хищником, как и Германия. Не видеть этого могли либо лицемеры и лгуны, проводящие сознательно буржуазную политику в рабочем движении, прямые агенты и приказчики буржуазии (*labor lieutenants of the capitalist class*—рабочие-офицеры на службе у класса капиталистов, как говорят американские социалисты); либо настолько поддавшиеся буржуазным идеям и буржуазному влиянию люди, которые на словах только социалисты, а на деле мелкие буржуа, филистеры, подпевалы капиталистов. Разница между первой и второй категорией важна с точки зрения личностей, т.-е. для оценки Ивана или Петра из социал-шовинистов всех стран. Для политики, т.-е. с точки зрения отношений между миллионами людей, между классами эта разница не существенна.

Те социалисты, кои во время войны 1914—1918 г.г. не поняли, что это война преступная, реакционная, грабительская, империалистская с обеих сторон, суть социал-шовинисты, т.-е. социалисты на словах, шовинисты на деле; друзья рабочего класса на словах, а на деле лакеи „своей“ национальной буржуазии, помогающие ей обманывать народ, изображая „национальной“, „освободительной“, „оборонительной“, „справедливой“ и т. п.

войну между английской и германской группой империалистов-хищников, равно грязных, корыстных, кровавых, преступных, реакционных.

Единство с социал-шовинистами есть предательство революции, предательство пролетариата, предательство социализма, переход на сторону буржуазии, ибо это есть „единство“ с национальной буржуазией „своей“ страны против единства интернационального революционного пролетариата, есть единство с буржуазией против пролетариата.

Война 1914—1918 г.г. окончательно доказала это. Кто этого не понял, тот пусть остается в желтом Бернском „Интернационале“ социал-предателей.

### III.

Рамсэй Макдональд с забавной наивностью салонного социалиста, который бросает слова на ветер, совершенно не понимая их серьезного значения, совершенно не думая о том, что слова обязывают к делам, заявляет: в Берне была сделана „уступка общественному мнению несоциалистических кругов“.

Вот именно. Весь Бернский „Интернационал“ мы считаем желтым, предательским, изменническим, ибо вся его политика есть „уступка“ буржуазии.

Рамсэй Макдональд великолепно знает, что мы построили III Интернационал и безоговорочно порвали со II, ибо убедились в его безнадежности, в его неисправимости, в его роли слуги империализма, проводника буржуазного влияния, буржуазной лжи и буржуазного разврата в рабочем движении. Если Р. Макдональд, желая рассуждать о III Интернационале, обходит суть дела, ходит кругом да около, говорит пустые фразы и не говорит о том, о чем надо говорить, это его вина и его преступление. Ибо пролетариат нуждается в правде, и нет ничего вреднее для его дела как благовидная, благоприличная, обывательская ложь.

Вопрос об империализме и об его связи с оппортунизмом в рабочем движении, с предательством рабочего дела рабочими вождями, поставлен давно, очень давно.

Маркс и Энгельс в течение сорока лет, с 1852 по 1892 г., постоянно указывали на обуржуазение верхушек рабочего класса Англии вследствие ее экономических особенностей (колонии, монополия на всемирном рынке и т. д.). Маркс завоевал себе в 70-х

годах прошлого века почетную ненависть подлых героев тогдашнего „Бернского“ интернационального направления, оппортунистов и реформистов, за то, что заклеил многих вождей английских трэд-юнионов, как людей, продавшихся буржуазии или оплачиваемых ею за услуги ее классу, оказываемых изнутри рабочего движения.

Во время англо-бурской войны англо-саксонская пресса поставила уже вполне ясно вопрос об империализме, как новейшей (и последней) стадии капитализма. Если память мне не изменяет, то не кто иной, как Рамсэй Макдональд, вышел тогда из „Фабианского Общества“<sup>161</sup>), этого праобраза Бернского „Интернационала“, этого рассадника и образца оппортунизма, охарактеризованного Энгельсом с гениальной силой, яркостью и правдой в переписке с Зорге. „Фабианский империализм“ — таково было тогда ходячее выражение в английской социалистической литературе. Если Рамсэй Макдональд забыл об этом, тем хуже для него.

„Фабианский империализм“ и „социал-империализм“, это — одно и то же: социализм на словах, империализм на деле, перерастание оппортунизма в империализм. Это явление стало теперь, во время войны 1914—1918 г.г. и после нее, всемирным фактом. Непонимание его есть величайшая слепота Бернского желтого „Интернационала“ и величайшее преступление его. Оппортунизм или реформизм неизбежно должны были перерасти в имеющий всемирно-историческое значение социалистический империализм или социал-шовинизм, ибо империализм выделил горстку богатейших, передовых наций, грабящих весь мир, и тем самым позволил буржуазии этих стран подкупать на счет своей монополистической сверхприбыли (империализм есть монополистический капитализм) верхушки рабочего класса этих стран.

Не видеть экономической неизбежности этого факта при империализме могут либо круглые невежды, либо лицемеры, которые обманывают рабочих, повторяя общие места о капитализме и заслоняя таким образом горькую правду о переходе целого течения в социализме на сторону империалистской буржуазии.

А из этого факта вытекают два бесспорных вывода:

Вывод первый: Бернский „Интернационал“ есть фактически, по его действительной исторической и политической роли, независимо от доброй воли и невинных пожеланий тех или других

из его членов, организация агентов международного империализма, действующих внутри рабочего движения, проводящих в нем буржуазное влияние, буржуазные идеи, буржуазную ложь и буржуазный разврат.

В странах с давней демократически-парламентской культурой буржуазия великолепно научилась действовать не только, насилием, но и обманом, подкупом, лестью, вплоть до самых утонченных форм этих приемов. „Завтраки“ английских „рабочих вождей“ (т.-е. приказчиков буржуазии по части надувания рабочих) не даром приобрели известность, и об них говорил еще Энгельс. Того же порядка факт есть „обворожительный“ прием господином Клемансо социал-предателя Мергейма <sup>162</sup>), любезные приемы министрами Антанты вождей Бернского „Интернационала“ и прочее и тому подобное. „Вы их обучите, а мы их купим“,—говорила одна умная английская капиталистка господину социал-империалисту Гайндману <sup>163</sup>), который рассказал в своих мемуарах, как эта госпожа—более догадливая, чем все вожди Бернского „Интернационала“, вместе взятые—оценивала „труды“ социалистов-интеллигентов по обучению социалистических вождей из рабочих.

Во время войны, когда Вандервельды, Брантинги и вся эта банда предателей устраивала „международные“ конференции французские буржуазные газеты смеялись очень ядовито и очень верно: «У этих Вандервельдов нечто вроде тика. Как люди, страдающие тиком, не могут сказать двух фраз без странного подергивания мышц лица, так Вандервельды не могут выступать политически, не повторяя попугайски слов: интернационализм, социализм, международная солидарность рабочих, революция пролетариата и т. д. Пускай повторяют какие-угодно сакраментальные формулы, лишь бы они помогали водить за нос рабочих и служили службу нам, капиталистам, при ведении империалистской войны и при закабалении рабочих“.

Английские и французские буржуа иногда бывают очень умны и превосходно оценивают лакейскую роль Бернского „Интернационала“.

Мартов <sup>139</sup>) писал где-то: „Вы, „большевики“, поносите бернский Интернационал, но в нем же состоит „ваш“ друг Лорио“.

Это—довод мошенника. Ибо всем известно, что Лорио борется за III Интернационал открыто, честно, геройски. Когда Зубатов <sup>164</sup>) устраивал в Москве в 1902 году собрания рабочих в це-

лях одурачения их „полицейским социализмом“, рабочий Бабушкин, которого я знал с 1894 года, когда он был в моем рабочем кружке в Питере, один из лучших, преданнейших рабочих-„искровцев“, вождей революционного пролетариата, расстрелянный в 1906 году Ренненкампом<sup>165</sup>) в Сибири, ходил на зубатовские собрания, чтобы бороться с зубатовщиной и вылавливать рабочих „из ее лап“. Бабушкин также мало был „зубатовцем“, как Лорио „бернцем“.

## V.

Вывод второй: III Коммунистический Интернационал для того и основан, чтобы не позволять „социалистам“ отделяться тем словесным признанием революции, образцы которого дает Рамсэй Макдональд в своей статье. Словесное признание революции, на деле прикрывавшее насквозь оппортунистическую, реформистскую, националистическую, мелко-буржуазную политику, было основным грехом II Интернационала, и с этим злом мы ведем войну не на живот, а на смерть.

Когда говорят: II Интернационал умер, потерпев позорное банкротство, это надо уметь понимать. Это значит: обанкротился и умер оппортунизм, реформизм, мелко-буржуазный социализм. Ибо у II Интернационала есть историческая заслуга, есть завоевание *εις αἰ* (навсегда), от которого сознательный рабочий никогда не отречется, именно: создание массовых рабочих организаций, кооперативных, профессиональных и политических, использование буржуазного парламентаризма, как и всех вообще учреждений буржуазной демократии и т. п.

Чтобы на деле победить оппортунизм, приведший к позорной смерти II Интернационала, чтобы на деле помогать революции, приближение которой вынужден признать даже Рамсэй Макдональд, надо:

Во-первых, всю пропаганду и агитацию вести с точки зрения революции, в противоположность реформизму, систематически разъясняя массам эту противоположность и теоретически, и практически, на каждом шагу парламентской, профессиональной, кооперативной и т. д. работы. Ни в каком случае не отказываться (за исключением особых случаев, в виде изъятия) от использования парламентаризма и всех „свобод“ буржуазной демократии, не отказываться от реформ, но рассматривать их только, как побочный результат революционной классово-

вой борьбы пролетариата. Ни одна из партий Бернского „Интернационала“ не удовлетворяет этому требованию. Ни одна не обнаруживает даже понимания того, как надо вести всю пропаганду и агитацию, различия реформ от революции как надо неуклонно воспитывать и партию, и массы к революции.

Во-вторых, надо соединить легальную и нелегальную работу. Этому учили большевики всегда и особенно настойчиво во время войны 1914—1918 г.г. Над этим смеялись герои подлого оппортунизма, самодовольно превознося „законность“, „демократию“, „свободу“ западно-европейских стран, республики и пр. Теперь уже только прямые мошенники, обманывающие рабочих фразами, могут отрицать, что большевики оказались правы. Нет ни одной страны в мире самой передовой и самой „свободной“ из буржуазных республик, где бы не царил террор буржуазии, где бы не запрещалась свобода агитации за социалистическую революцию, пропаганды и организационной работы в этом именно направлении. Партия, которая доньше не признала этого при господстве буржуазии и не ведет систематической, всесторонней нелегальной работы, вопреки законам буржуазии и буржуазных парламентов, есть партия предателей и негодяев, которая словесным признанием революции обманывает народ. Таким партиям место в желтом Бернском „Интернационале“. В Коммунистическом Интернационале их не будет.

В-третьих, необходима неуклонная и беспощадная война за полное изгнание из рабочего движения тех оппортунистических вождей, которые зарекомендовали себя и до войны и особенно во время войны как в сфере политики, так в особенности и „в профессиональных союзах и кооперативах“. Теория „нейтральности“ есть лицемерная и подлая увертка, которая помогла буржуазии овладеть массами в 1914—1918 г.г. Партии, которые на словах стоят за революцию, а на деле не ведут неуклонной работы за влияние именно революционной, только революционной партии во всех и всякого рода массовых рабочих организациях, суть партии предателей.

В-четвертых, нельзя примириться с тем, что они на словах осуждают империализм, а на деле не ведут революционной борьбы за освобождение колоний (и зависимых наций) от своей империалистской буржуазии: это—лицемерие. Это политика агентов буржуазии в рабочем движении (*labor lieutenants of the capi-*

talist class). Та—английская, французская, голландская, бельгийская и т. п.—партия, которая на словах враждебна империализму, а на деле не ведет революционной борьбы внутри колоний за свержение буржуазии, не помогает систематически повсюду начавшейся уже революционной работе в колониях, не ввозит в них оружие и литературы для революционных партий в колониях, есть партия негодяев и предателей.

В-пятых, величайшим лицемерием является типичное для партии Бернского „Интернационала“ явление: на словах признавать революцию и щеголять перед рабочими пышными фразами насчет признания ими революции, на деле же относиться реформистски к тем начаткам, росткам, проявлениям роста революции, каковыми являются всякие выступления масс, ломающих буржуазные законы, выходящих из всякой легальности, например—массовые стачки, уличные демонстрации, протесты солдат, митинги в войске, распространение листов в казармах и в лагерях и т. п.

Если спросить любого героя Бернского „Интернационала“, ведет ли его партия такую систематическую работу, он ответит вам либо уклончивыми фразами, прикрывающими отсутствие такой работы: неимение организаций и аппарата для нее, неспособность его партии вести ее, либо декламацией против „путшизма“ (вспышкопускательства), „анархизма“ и т. п. А в этом и состоит измена рабочему классу со стороны Бернского „Интернационала“, его фактический переход в лагерь буржуазии.

Все негодяи-вожди Бернского „Интернационала“ распинаются, заявляя о своем „сочувствии“ к революции вообще, к русской революции в частности. Но только лицемеры или дурачки могут не понимать, что особенно быстрые успехи революции в России связаны с долголетней работой революционной партии в указанном направлении, когда годами создавался систематический нелегальный аппарат для руководства демонстрациями и стачками, для работы в войсках, изучались детально приемы, создавалась нелегальная литература, подводившая итоги опыта и воспитывавшая всю партию в мысли о необходимости революции, вырабатывались вожди масс для подобных случаев и т. д. и т. п.

## V.

Самыми глубокими, коренными разногласиями, которые подытоживают все указанное выше и объясняют неизбежность непримиримой теоретической и практической политической борь-

бы революционного пролетариата с Бернским „интернационалом“, являются вопросы о превращении империалистской войны в гражданскую и о диктатуре пролетариата.

Пленение Бернского „Интернационала“ буржуазной идеологией более всего обнаруживается в том, что, не поняв (или: не пожелав понять, или: прикидываясь непонимающими) империалистского характера войны 1914—1918 г.г., он не понял неотвратимости ее превращения в войну гражданскую между пролетариатом и буржуазией всех передовых стран.

Когда большевики еще в ноябре 1914 года указали на эту неотвратимость, филистеры всех стран отвечали тупоумными насмешками, и к числу этих филистеров принадлежали все вожди Бернского „Интернационала“. Теперь превращение империалистской войны в войну гражданскую стало фактом в целом ряде стран, не только в России, но и в Финляндии, в Венгрии, в Германии, даже в нейтральной Швейцарии, а нарастание гражданской войны наблюдается, чувствуется, осязается во всех без исключения передовых странах.

Теперь обходить этот вопрос молчанием (как делает Р. Макдональд) или отговариваться от неизбежной гражданской войны сладенькими примирительными фразами (как делают господа Каутский и К<sup>о</sup>), равносильно прямой измене пролетариату, равносильно фактическому переходу на сторону буржуазии. Ибо настоящие политические вожди буржуазии давно поняли неизбежность гражданской войны и великолепно, обдуманно, систематически проводят подготовку ее, укрепление своих позиций для нее.

Буржуазия всего мира изо всех сил, с громадной энергией, умом, решительностью, не останавливаясь ни перед какими преступлениями, осуждая на голод целые страны, готовит подавление пролетариата в надвигающейся гражданской войне. А герои Бернского „Интернационала“, как дурачки или лицемерные попки, или педанты профессора, тянут старую, избитую истасканную реформистскую песенку! Нет зоелища более отвратительного, более омерзительного!

Каутские и Макдональды продолжают п у г а т ь капиталистов революцией, с т р а щ а т ь буржуазию гражданской войной, чтобы добиться от них уступок, согласия на реформистский путь. К этому сводятся все писания, вся философия, вся политика всего Бернского „Интернационала“.

Этот жалкий прием лакеев мы наблюдаем в России в 1905 г. со стороны либералов (кадетов), в 1917—1919 г.г.—со стороны меньшевиков и „социалистов-революционеров“. О том, чтобы воспитать массы в сознании неизбежности и необходимости победить буржуазию в гражданской войне, о том, чтобы всю политику вести под углом этой цели, все вопросы освещать, ставить и решать с этой точки зрения—об этом лакейские души Бернского „Интернационала“ и не помышляют. И потому наша цель должна состоять только в том, чтобы окончательно столкнуть неисправимых реформистов, т.-е. девять десятых вождей Бернского „Интернационала“ в помойную яму прислужников буржуазии. Буржуазии нужны такие прислужники, которым бы доверяла часть рабочего класса и которые бы прихорашивали, подкрашивали буржуазию разговорами о возможности реформистского пути, засоряли народу глаза этими разговорами, отвлекали народ от революции размалевыванием прелестей и возможностей реформистского пути.

Все писания Каутских, как и наших меньшевиков и эс-эров, сводятся к такому размалевыванию, к хныканию трусливого мещанина, боящегося революции.

Здесь мы не имеем возможности подробно повторять, какие основные экономические причины сделали неизбежным именно революционный путь и только революционный путь, сделали невозможным иное решение вопросов, поставленных на очередь дня историей, кроме как гражданской войной. Об этом должно писать и об этом будут написаны томы. Если господа Каутские и прочие вожди Бернского „Интернационала“ этого не поняли, то остается только сказать: невежество менее удалено от истины, чем предрассудок.

Ибо невежественные, но искренние люди труда и сторонники трудящихся легче понимают теперь, после войны, неизбежность революции, гражданской войны и диктатуры пролетариата, чем напичканные ученышими реформистскими предрассудками господа Каутские, Макдональды, Вандервельды, Брантинги, Турати и tutti quanti.

Одним из особенно наглядных подтверждений повсюду наблюдаемого массового явления роста революционного сознания в массах можно признать романы Анри Барбюса<sup>166</sup>: „Le feu“ („В огне“) и „Clarté“ („Ясность“). Первый переведен уже на все языки и распространен во Франции в числе 230.000 экз. Превращение

совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками, обывателя и массовика в революционера именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво.

Массы пролетариев и полупролетариев за нас и переходят к нам не по дням, а по часам. Бернский „Интернационал“—штаб без армии, который развалится, как карточный домик, если разоблачить его перед массами до конца.

Имя Карла Либкнехта во всей буржуазной прессе Антанты во время войны употреблялось для обмана масс,—чтобы выставить разбойников и грабителей французского и английского империализма, сочувствующими этому герою, этому „единственному честному немцу“, как они говорили.

Теперь герои Бернского „Интернационала“ сидят в одной организации с Шейдеманами, которые подстраивали убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, с Шейдеманами, которые исполняли роль палачей из рабочих, оказывающих палаческие услуги буржуазии. На словах—лицемерные попытки „осудить“ Шейдеманов (точно от „осуждения“ дело изменится!). На деле—пребывание в одной организации с убийцами.

Покойный Харри Квелч в 1907 году был выслан германским правительством из Штутгарта за то, что он назвал „собранием воров“ заседание европейских дипломатов. Вожди Бернского „Интернационала“—не только собрание воров, они—собрание подлых убийц.

От суда революционных рабочих им не спастись.

## VI.

От вопроса о диктатуре пролетариата Рамсэй Макдональд отделяется парой слов, как от предмета для дискуссии о свободе и демократии.

Нет! Пора действовать. Дискуссии опоздали.

Самое опасное со стороны Бернского „Интернационала“ это—словесное признание диктатуры пролетариата. Эти люди способны все признать, все подписать, лишь бы остаться во главе рабочего движения. Каутский говорит уже теперь, что он не против диктатуры пролетариата! Французские социал-шовинисты и „центристы“ подписываются под резолюцией за диктатуру пролетариата!

Доверия они не заслуживают ни на волос.

Не словесное признание нужно, а полный разрыв на деле с политикой реформизма, с предрассудками буржуазной свободы и буржуазной демократии, проведение на деле политики революционной классовой борьбы.

Диктатуру пролетариата пытаются признать на словах, чтобы тайком протащить рядом с ней „волю большинства“, „всеобщее голосование“ (так именно делает Каутский), буржуазный парламентаризм, отказ от полного уничтожения, вырывания, сламывания до конца всего буржуазного государственного аппарата. Этих новых уверток, новых лазеек реформизма надо бояться больше всего.

Диктатура пролетариата была бы невозможна, если бы большинство населения не состояло из пролетариев и полупролетариев. Эту истину Каутский и К<sup>о</sup> пытаются фальсифицировать так, что - де нужно „голосование большинства“, дабы признать „правильною“ диктатуру пролетариата.

Комичные педанты! Они не поняли, что голосование в рамках, в учреждениях, в обычаях буржуазного парламентаризма есть часть буржуазного государственного аппарата, который должен быть разбит и сломан сверху донизу для осуществления диктатуры пролетариата, для перехода от буржуазной демократии к демократии пролетарской.

Они не поняли, что вообще не голосованиями, а гражданской войной решаются все серьезные вопросы политики, когда в порядок дня поставлена историей диктатура пролетариата.

Они не поняли, что диктатура пролетариата есть власть одного класса, берущего в свои руки весь аппарат новой государственности, побеждающего буржуазию и нейтрализующего всю мелкую буржуазию, крестьянство, обывательщину, интеллигенцию.

Каутские и Макдональды признают на словах классовую борьбу, чтобы на деле забыть о ней в самый решительный момент истории борьбы за освобождение пролетариата: в момент, когда, взяв государственную власть и поддерживаемый полупролетариатом, пролетариат при помощи этой власти продолжает классовую борьбу, доводя ее до уничтожения классов.

Как настоящие филистеры, вожди Бернского „Интернационала“ повторяют буржуазно-демократические словечки о свободе и равенстве и демократии, не видя, что они повторяют обломки

идей о свободном и равном товаровладельце, не понимая, что пролетариату нужно государство не для „свободы“, а для подавления своего врага, эксплуататора, капиталиста.

Свобода и равенство товаровладельца умерли, как умер капитализм. Не Каутским и Макдональдам воскресить его.

Пролетариату нужно уничтожение классов—вот реальное содержание пролетарской демократии, пролетарской свободы (свободы *от* капиталистов, от товарообмена), пролетарского равенства (не равенства классов—на эту пошлость сбиваются Каутские, Вандервельды и Макдональды,—а равенство трудящихся, которые свержают капитал и капитализм).

Пока есть классы, свобода и равенство классов есть буржуазный обман. Пролетариат берет власть, становится господствующим классом, ломает буржуазный парламентаризм и буржуазную демократию, подавляет буржуазию, подавляет все попытки всех других классов вернуться к капитализму, дает настоящую свободу и равенство трудящимся (что осуществимо лишь при отмене частной собственности на средства производства), дает им не „права“ только, а реальное пользование тем, что отнято у буржуазии.

Кто не понял этого содержания диктатуры пролетариата (или, что то же,—Советской власти или демократии пролетарской), тот всеу приемлет это слово.

Я не могу здесь развивать подробнее эти мысли, изложенные мною в „Государстве и революции“<sup>167)</sup> и в брошюре „Диктатура пролетариата и ренегат Каутский“<sup>131)</sup>. Я могу закончить, посвящая эти заметки делегатам на Люцернском конгрессе, 10-го августа 1919 г., Бернского „Интернационала“.

*Написано 14 июля;*

*напечатано в „Жом. Интерн.“ № 4*

*1 августа 1919 г.*

## **Ответ на вопросы американского журналиста \*)**

Отвечаю на поставленные мне пять вопросов, на условии исполнения данного мне письменно обещания, что мой ответ пол-

---

\*) Настоящая статья Н. Ленина, напечатанная в „Правде“, сопровождается следующей редакционной заметкой:

Один американский журналист предложил недавно по радио тов. Ленину пять вопросов, прося дать на них ответы. Приводим эти вопросы, а затем ответы на них тов. Ленина.

ностью будет напечатан в газетах, числом более 100, Соединенных Штатов Северной Америки.

1. Советское правительство имело не реформистскую правительственную программу, а революционную. Реформы — суть уступки, получаемые от господствующего класса, при сохранении его господства. Революция есть ниспровержение господствующего класса. Поэтому реформистские программы состоят обычно из многих частичных пунктов. Наша, революционная, программа состояла, собственно, из одного общего пункта: свержение ига помещиков и капиталистов, свержение их власти, освобождение трудящихся масс от этих эксплуататоров. Этой программы мы никогда не изменяли. Отдельные, частичные, мероприятия, направленные к осуществлению этой программы, нередко подвергались изменениям; перечень их занял бы целый том. Укажу только, что есть еще один общий пункт нашей правительственной программы, который вызывал, пожалуй, наибольшее число изменений отдельных мер. Этот пункт: подавление сопротивления эксплуататоров. После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г., мы не закрыли даже буржуазных газет и о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова<sup>67</sup>). Лишь после того, как эксплуататоры, т.е. капиталисты, стали разворачивать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора. Это было ответом пролетариата на такие поступки буржуазии, как заговор совместно с капиталистами Германии, Англии, Японии, Америки, Франции для восстановления власти эксплуататоров в России, подкуп англо-французскими деньгами чехо-словаков, германскими и французскими — Маннергейма<sup>168</sup>), Деникина и проч. и т. п. Один из последних заговоров, вызвавших „изменение“,

---

„Вопросы:

1. Внесла ли Российская Советская Республика какие либо мелкие или крупные изменения в первоначальную правительственную программу внутренней и внешней политики и экономическую программу? когда и какие?
2. Какова тактика Российской Советской Республики по отношению к Афганистану, Индии и другим мусульманским странам вне пределов России?
3. Какие политические и экономические цели преследуете Вы по отношению к Соединенным Штатам и Японии?
4. На каких условиях готовы Вы были бы заключить мир с Колчаком, Деникиным и Маннергеймом?
5. Что имели бы Вы еще довести до сведения общественного мнения Америки?

а именно усиление террора против буржуазии в Петрограде,— был заговор буржуазии о сдаче Петрограда, захват офицерами-заговорщиками Красной Горки, подкуп английскими и французскими капиталистами служащих в швейцарском посольстве наряду со многими служащими русскими и проч. <sup>169</sup>).

2. Деятельность нашей Советской Республики в Афганистане, Индии и других мусульманских странах вне России такова же, как наша деятельность среди многочисленных мусульман и других не-русских народностей внутри России. Мы дали возможность, например, башкирским массам учредить автономную республику внутри России, мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке, переводим и пропагандируем нашу советскую конституцию, которая имеет несчастье более чем миллиарду жителей земли, принадлежащих, к колониальным, зависимым, угнетенным, неполноправным народностям, больше нравиться, чем „западно-европейская“ и американская конституция буржуазно-демократических государств, укрепляющая частную собственность на землю и капитал, т.-е. укрепляющая гнет немногочисленных „цивилизованных“ капиталистов над трудящимися своих стран и над сотнями миллионов в колониях Азии, Африки и проч.

3. По отношению к Соединенным Штатам и Японии мы преследуем прежде всего политическую цель, чтобы отразить их наглое, преступное, грабительское, служащее обогащению только их капиталистов, нашествие на Россию. Обоим этим государствам мы много раз и торжественно предлагали мир, но они даже не отвечали нам и продолжают войну с нами, помогая Деникину и Колчаку, грабя Мурман и Архангельск, опустошая и разоряя особенно Восточную Сибирь, где русские крестьяне оказывают разбойникам-капиталистам Японии и Соединенных Штатов Сев. Америки геройское сопротивление.

Наша дальнейшая политическая и хозяйственная цель по отношению ко всем народам, в том числе к С. Штатам и Японии,— одна: братский союз с рабочими и трудящимися всех стран без изъятия.

4. Условия, на которых мы согласны заключить мир с Колчаком, Деникиным. Маннергеймом, мы вполне точно, ясно, письменно излагали много раз, напр.: Буллиту <sup>170</sup>), который вел переговоры с нами (и со мной лично в Москве) от имени правитель-

ства С. Штатов, в письме к Нансену<sup>171</sup>) и т. д. Не наша вина, если правительства Соед. Штатов и других стран боятся напечатать полностью эти документы, скрывая от народа правду. Напомню лишь наше основное условие: мы готовы заплатить все долги Франции и другим государствам, лишь бы мир был на деле, а не на словах только, миром, т.-е. чтобы он был формально подписан и утвержден правительствами Англии, Франции, Соед. Штатов, Японии, Италии, ибо Деникин, Колчак, Маннергейм и проч.—простые пешки в руках этих правительств.

5. Всего более я хотел бы сообщить общественному мнению Америки следующее:

По сравнению с феодализмом, капитализм был всемирно-историческим шагом вперед по пути „свободы“, „равенства“, „демократии“, „цивилизации“. Но тем не менее капитализм был и остается системой наемного рабства, порабощения миллионов трудящихся, рабочих и крестьян ничтожному меньшинству современных („moderne“) рабовладельцев, помещиков и капиталистов. Буржуазная демократия изменила форму этого экономического рабства, по сравнению с феодализмом, создала особенно блестящее прикрытие для него, но не изменила и не могла изменить его сущности. Капитализм и буржуазная демократия есть наемное рабство.

Гигантский прогресс техники вообще, путей сообщения особенно, колоссальный рост капитала и банков сделали то, что капитализм созрел и перезрел. Он пережил себя, он стал реакционной задержкой человеческого развития. Он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, толкающих народы на бойню для решения вопроса о том, германской или англо-французской группе хищников должна достаться империалистская добыча, власть над колониями, финансовые „сферы влияния“ или „мандаты на управление“ и т. п.

Во время войны 1914—1918 г.г. десятки миллионов людей убиты и искалечены именно из-за этого, только из-за этого. Сознание этой истины с неудержимой силой и быстротой распространяется среди массы трудящихся во всех странах,—и это тем более, что война вызвала повсюду неслыханное разорение, а за войну надо везде, в том числе и народам-„победителям“, платить проценты по долгам. А что такое эти проценты? Это есть миллиардная дань господам миллионерам за то, что они были так любезны, что позволили десяткам миллионов рабочих и крестьян

убивать и калечить друг друга для решения вопроса о дележе прибылей капиталистов.

Крах капитализма неизбежен. Революционное сознание масс растет везде. Об этом говорят тысячи признаков. Один из неважных, но очень наглядных для филистера: романы Анри Барбюсса („Le feu“ и „Clarté“), который пошел на войну, будучи самым мирным, скромным, законопослушным, мелким буржуа, филистером, обывателем.

Капиталисты, буржуазия могут в „лучшем“ для них случае оттянуть победу социализма в той или другой отдельной стране ценой истребления еще сотен тысяч рабочих и крестьян. Но спасти капитализм они не могут. На смену ему пришла Советская республика, которая дает власть трудящимся, и только трудящимся, которая вручает руководство их освобождением пролетариату, которая отменяет частную собственность на землю, фабрики и прочие средства производства, ибо эта частная собственность есть источник эксплуатации немногими многих, источник нищеты масс, источник грабительских войн между народами, обогащающих только капиталистов.

Победа международной Советской республики обеспечена.

Маленькая иллюстрация в заключение: американская буржуазия обманывает народ, хвалясь свободой, равенством, демократией в ее стране. Но ни эта, ни какая иная буржуазия, ни одно правительство в мире не сможет принять, побоится принять состязание с нашим правительством на началах действительной свободы, равенства, демократии; допустим, договор обеспечивает за нашим правительством и за любым иным свободой обмена... брошюрами, от имени правительства издаваемыми на любом языке и содержащими текст законов данной страны, текст конституции с объяснением ее превосходства над другими.

Ни одно буржуазное правительство в мире не осмелится пойти на такой мирный, цивилизованный, свободный, равный, демократический договор с нами!

Почему? Потому, что все, кроме советских правительств, держатся угнетением и обманом масс. Но великая война 1914—1918 г.г. разбила великий обман.

*„Правда“ № 162, 25 июля 1919 г.*

*Переиздано брошюрой под заглавием*

*„Ответ буржуазям на пять вопросов“.*

*Гос. Изд. 1919 г.*

## Речь на конференции фабрично-заводских комитетов и профсоюзов.

(29 июля 1919 года.)

Товарищи! В связи с обсуждаемым вами вопросом об учреждении единого потребительского общества позвольте мне обратиться к вам с небольшим пояснением относительно нашего общего продовольственного и военного положения.

Как раз в то время, когда вам приходится решать кооперативные вопросы, мы переживаем острый момент в особенности в отношении продовольствия, как и в прошлом году летом. Но успех нашей продовольственной работы за последний год, по сравнению с предыдущим годом, был очень велик. Едва ли в других областях советской деятельности можно так точно измерить успех. За первый год Советской власти, частью захватывая и конец режима Керенского, государственная заготовка определена в 30 милл. пудов. За второй год мы заготовили свыше 107 милл. пудов, несмотря на то, что в отношении военном и в отношении свободного доступа к наиболее хлебным территориям, мы в этот год были в более тяжелых условиях, несмотря на это, как вы видите, хлебные заготовки наши утроились. С точки зрения работ продовольственного аппарата, это—крупный успех, но, с точки зрения обеспечения хлебом неземледельческих местностей, это—очень немного, потому что, когда были произведены точные обследования условий питания неземледельческого населения и, в особенности, рабочего населения городов, то оказалось, что рабочий весной и летом нынешнего года в городах приблизительно только половину продовольственных продуктов получает от Компрода, а остальное вынужден добывать на вольном рынке, на Сухаревке и у спекулянтов, при чем за первую половину рабочий платит  $\frac{1}{10}$  долю всех своих расходов, а за вторую половину  $\frac{9}{10}$ . Спекулянты, как и следовало ожидать, лупят с рабочего в 9 раз против той цены, которую берет государство за заготовленный хлеб. Если взять эти точные данные нашего продовольственного положения, то мы должны будем сказать, что мы наполовину, одной ногой, стоим в старом капитализме и только наполовину выкарабкались из этой трясины, из этого болота спекуляции и вышли на дорогу действительно социалистических заготовок хлеба, когда хлеб перестал бы быть товаром, перестал бы быть предметом спекуляции и предметом

и поводом для грызни, для борьбы и для обнищания многих. Как видите, с точки зрения того, что необходимо для удовлетворения неземледельческого и рабочего населения, сделано немного, но если представить себе, в каких трудных условиях приходилось работать в обстановке гражданской войны, когда большая часть самых хлебных территорий не была в нашем обладании,—то быстрота постановки продовольственного аппарата была необыкновенно велика. Я думаю, что все согласятся со мной, что в этом отношении задача организационная, задача сбора хлеба от масс крестьянства, не капиталистическим путем,—задача неимоверно трудная, которую никакая смена учреждений (я не говорю уже о смене правительства) решить не может, потому что эта задача требует перестройки организационной, она требует перестройки устоев сельско-хозяйственной жизни, которые сложились веками если не тысячелетиями. Если бы, при условии полного мира, нам было дано, положим, 5 лет на создание организационного аппарата, который целиком мог бы собрать в руки государства хлеб, отняв его из рук спекулянтов, и мы этот аппарат создали бы, то и тогда мы должны были бы признать, что эта быстрота общественно-хозяйственной перестройки—невиданная и неслыханная. Если нам меньше, чем через два года удалось разрешить эту задачу наполовину, то это составляет уже очень многое. Неудивительно, что со стороны тех или иных представителей голодных местностей мы видим иногда самое тяжелое и мучительное отчаяние. Это неудивительно потому, что общие цифры, которые я привел и которые касаются питания рабочих неземледельческих местностей и городов, показывают, что наполовину приходится зависеть от спекулянтов и проч.

Но если мы возьмем в общем и целом развитие советской работы, не в отдельных случаях, а в итоге работы, если мы сравним, что дала Советская власть и вольный рынок, то мы должны сказать, что та половина продовольственного дела, которая находится в руках спекулянтов, до сих пор является источником страшного угнетения и самой бешеной, безобразной, ничем не регулируемой наживы для спекулянтов за счет голодных.

Люди, которые не могут охватить этого процесса и связать концы с концами, вместо того, чтобы обдумать это, говорят нам: „посмотрите, если рабочие  $\frac{9}{10}$  своих расходов тратят на Сухаревку, это доказывает, что вы существуете лишь благодаря мешечникам и спекулянтам“. Это мы слышим иногда от людей, ко-

торые воображают себя остроумными и глубоко понимающими события. На самом деле, это — софисты. Опыт революции подтверждает, что смена форм правления — дело нетрудное, что устранение господствующего класса помещиков и капиталистов — вещь возможная в короткий срок, при удачном развитии революции даже в несколько недель, но переделка коренных условий экономической жизни, борьба с теми привычками, которые столетиями и тысячелетиями впитывались в каждого мелкого хозяина, это — дело, которое, при условии полного свержения эксплуатируемых классов, требует долгих лет настойчивой организационной работы.

Продовольственная политика особенно ясно показывает, что борьба социализма с капитализмом в его последней форме происходит именно здесь, когда нужно побороть не только старые учреждения и не только помещиков и капиталистов, а все воспитанные капитализмом привычки и условия хозяйства миллионов мелких хозяев. Нужно добиться того, чтобы рассудок победил их предрассудок. Всякий, сколько-нибудь сознательный, крестьянин согласится с тем, что свободная торговля хлебом и продажа его на вольном рынке, когда народ голодает, — означает войну между людьми и обогащение спекулянтов, а для масс народа означает голод. Но этого сознания мало, потому что все предрассудки и все привычки крестьянина говорят за то, что выгоднее продать хлеб спекулянту на несколько сот рублей, чем отдавать государству за несколько десятков бумажных денег, за которые он сейчас товару получить не может. Если страна разорена, если нет топлива и фабрики встали, то крестьянин должен оказывать помощь государству, должен дать хлеб в ссуду. Те бумажные деньги, которые ему дают в обмен на хлеб, есть свидетельство того, что он оказал государству помощь. Если ты, крестьянин, окажешь государству ссуду и дашь хлеб, тогда рабочий может восстановить промышленность. Другого способа к восстановлению промышленности в стране, разоренной четырьмя годами войны империалистической и двумя годами гражданской, нет. Всякий крестьянин, который сколько-нибудь развит и из первобытной мужицкой темноты вышел, согласится, что другого выхода нет. Но одно дело это — сознательный крестьянин, которого вы убедите, если по-человечески обратитесь, а другое дело — предрассудки миллионов крестьян, которые считают с фактом, что они всю жизнь при капитализме прожили, что они собственность на хлеб считают делом справедливым, что нового порядка они не

испытывали и не могут ему поверить. Вот почему мы говорим, что именно в этой продовольственной области идет самая глубокая война капитализма с социализмом, уже на деле, а не на словах только, и не в области верхушек государственного строительства. Эти верхушки легко переделать и не велико значение этих переделок. Здесь сознание трудящихся и авангарды рабочего класса вступают в решительный и последний бой с предвзвешками, с раздробленностью и распыленностью крестьянских масс. Когда сторонники капитализма — все равно, называются ли они представителями буржуазных партий или меньшевиками — говорят: „откажитесь от проведения государственной монополии, от взимания хлеба принудительным путем за твердые цены“, мы отвечаем: „вы, любезные меньшевики и эс-эры, вы, может быть, искренние люди, но вы защищаете капитализм, вашими устами говорят не что иное, как предвзвешки старой мелко-буржуазной демократии, которая ничего другого, кроме свободной торговли, не видела, которая стоит в стороне от бешеной борьбы с капитализмом и считает, что его можно примирить и согласовать“.

Мы имеем достаточно опыта и знаем, что представители действительно трудящихся масс, которых помещики и капиталисты всю жизнь эксплуатировали, сознают, что здесь дело идет о последней и решительной, никакого примирения не допускающей, борьбе с капитализмом. Именно здесь они знают, что никакие уступки в этой области невозможны. Если временно Советская власть говорит, как она говорила прошлым летом: отпустим полуторاپудников на столько-то недель,—то после этого она пустила в ход свой аппарат, и он дал больше, чем раньше. Вы знаете, что и в настоящее время пришлось делать такую уступку и такой перерыв. Пускай рабочие снабдят себя при отпусках хлебом в одиночку.

Тем сильнее мы обеспечиваем себе возможность снова приняться за работу. Мы обеспечиваем себе нашу работу социалистическую, мы даем настоящий бой капитализму; мы говорим, что, какие бы уступки он ни заставил делать нас, мы все-таки за борьбу против капитализма и против эксплуатации. Мы будем бороться с такой же беспощадностью, как мы боремся с Колчаком и Деникиным, потому что сила, откуда они берут себе подкрепление, это есть сила капитализма, а она, конечно, идет не из воздуха, она основана на свободной торговле хлебом и

товарами. Мы знаем, что когда хлеб свободно продают в стране, то это обстоятельство и является главным источником капитализма. Теперь идет решительная и последняя борьба с капитализмом. Если мы победим в этой борьбе, то возврата к капиталу и прежней власти, ко всему тому, что было раньше, уже не будет. Этот возврат будет невозможен, нужно, чтобы была война против буржуазии, против спекуляции, против мелкого хозяйства, чтобы не сохранился тот принцип, который существовал раньше: „всяк за себя, а бог за всех“. Нужно забыть принцип, когда всякий мужик был бы за себя, а Колчак был бы за всех. Нужно знать, что социализм идет и, как бы мы себе ни навязывали наших старых пережитков, мы должны помнить, что они будут только старыми отрывками старых мыслей, потому что крестьянин должен совершенно иначе относиться к производимому им предмету; в противном случае, если он продает по „вольной“ цене хлеб рабочему, то он, несомненно, становится буржуем и собственником, а мы говорим, чтобы хлеб продавался по твердой государственной цене, и это даст возможность нам отойти от капитализма

Когда мы оторвем крестьян от собственности, когда мы повернем их к нашей государственной работе, тогда можно будет сказать, что мы сделали трудную часть нашего пути. Но мы не сойдем с этого пути, как не сойдем с пути борьбы с Деникиным и Колчаком. Из лагеря людей, которые называют себя эс-эрами и меньшевиками, сплошь и рядом можно услышать, что война безысходна, что выхода из этой войны нет и что нужно принять все меры, чтобы закончить ее... Эти речи вы услышите сплошь и рядом, но это говорят люди, которые не понимают истинного положения вещей. Они считают гражданскую войну безысходной потому, что она слишком тяжела, но разве они не понимают, что эту войну нам навязывают европейские империалисты, потому что они боятся Советской России. Вся Европа и вся европейская буржуазия ополчилась на Советскую Россию; она дошла до такой наглости, что предлагает венгерскому правительству такие вещи: „мы вам дадим хлеб, а вы откажитесь от Советской власти!“<sup>4</sup>. Но это все-таки лучше, это более честный и открытый путь, чем все гадания о борьбе за свободную торговлю и т. п. Здесь ясно говорится: вам нужен хлеб,—откажитесь от того-то и того-то, что нам невыгодно, и мы дадим вам этот хлеб.

Крестьянину трудно разобраться, он ни историей социализма, ни историей революции не занимался, но он верит и признает выводы, которые складываются на его собственной спине. Когда он увидел, что большевистские тяготы были тяготами для победы над эксплуататорами, и когда он увидел, что колчаковская власть принесла восстановление капитализма держиморд, он сказал сознательно: „я выбираю диктатуру рабочих масс и я пойду на то, чтобы побить до конца диктатуру бюрократической буржуазии“. История с Колчаком показывает, что как гражданская война ни бесконечна, как ни тяжела, какой безысходной она ни казалась бы, но в тупик она не приводит. Она приводит народные массы, наиболее оторванные от большевиков, собственным опытом к убеждению, что лучше перейти на сторону этой власти.

Я позволю себе выразить пожелание, чтобы та задача, которая ложится на вас, создание обнимающего трудящиеся массы кооперативного общества потребления, дело громадной важности,—было выполнено с успехом. Кооперативы в обстановке капиталистического общества неизбежно составляли верхушки, которые ими руководили, и эти верхушки сплошь были белогвардейскими. Это не только у нас оказалось, это доказали те верхи, которые заключают договор с Колчаком. Это было в Англии и Германии,—в капиталистических странах. Когда началась война, верхушки мелких капиталистов, привыкшие жить доходами, поголовно пошли в сторону империалистов.

Так было во всем мире, и Россия не святая страна, и нам предстояло с этими верхушками пережить тяжелую войну. Она еще не докончена. Те, кто вынес эксплуатацию на собственной спине, не забудут ее, когда возьмут дело распределения в свои руки. Возможно, что в этом деле мы потерпим немало поражений. Мы знаем, что у нас много темноты и невоспитанности; это будет прорываться то там, то здесь, но мы также знаем, что одним ударом ничего не достигнешь. Мы, сознательно ведущие советскую работу, сознательные крестьяне и рабочие, которые устраивают социалистическую Россию, эту войну поведем. Эту войну вы поведете вместе с нами и эту войну, как бы трудна и тяжела она ни была, мы закончим полной победой, товарищи.

## Речь на Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры.

(1 августа 1919 года.)

Говарищи! Я очень рад приветствовать от имени Совета Народных Комиссаров ваш съезд.

В области народного просвещения нам пришлось бороться в течение долгого времени с теми же трудностями, которые встречались все время у Советской власти во всех областях работы и во всех областях организации. Мы наблюдали, что во главе организаций, которые считались единственными массовыми организациями, оказались с самого начала люди, которые долго еще находились в плену у буржуазных предрассудков. Мы наблюдали даже в первое время Советской власти, как части армии в октябре 1917 года заваливали нас в Петрограде заявлениями о том, что Советская власть ими не признается, угрожая идти против Петрограда и выражая солидарность с буржуазным правительством<sup>172</sup>). Тогда еще мы убедились, что эти заявления исходят от тех верхушек этих организаций, от тогдашних армейских комитетов, которые целиком представляли из себя прошлое в развитии настроения, убеждений, взглядов нашей армии. С тех пор это явление повторялось в отношении всех массовых организаций, и в отношении железнодорожного пролетариата, и в отношении почтово-телеграфных служащих. Мы наблюдали всегда, что в первое время прошлое держит еще в своей власти силу и влияние на массовые организации. Поэтому нас несколько не удивляла и та продолжительная и упорная борьба, которая шла среди учительства, с самого начала представлявшего из себя организацию, в громадном большинстве, если не целиком, стоящую на платформе, враждебной Советской власти. Мы наблюдали, как с постепенностью приходилось преодолевать старые буржуазные предрассудки, и как этому учительству, которое было тесно связано с рабочими и трудящимся крестьянством, как ему пришлось в борьбе против предыдущего буржуазного строя отвоевывать себе права и пробивать себе дорогу к действительному сближению с трудящимися массами, к действительному пониманию характера происходящей социалистической революции. Вам до сих пор больше, чем кому бы то ни было другому, приходилось иметь дело со старыми предрассудками буржуазной интеллигенции, с ее обычными приемами и аргументациями, с ее

защитой буржуазного или капиталистического общества, с ее борьбой, которая ведется обычно не прямо, а под прикрытием тех или других благозвучных по внешности лозунгов, которые на самом деле приводятся так или иначе в защиту капитализма.

Товарищи, вы помните, быть может, как Маркс описывает вступление рабочего на современную капиталистическую фабрику, как Маркс, анализируя рабство рабочего в дисциплинированном, культурном и „свободном“ капиталистическом обществе, исследовал причины угнетения трудящихся капиталом, как он подходит к основам производственного процесса, как он описывает поступление рабочего на капиталистическую фабрику, где происходит ограбление прибавочной стоимости, где кладется основа всей капиталистической эксплуатации, где создается капиталистическое общество, дающее богатство в руки немногих и держащее в угнетении массы? Когда Маркс подходит к этому самому существенному и коренному месту в его произведении — к анализу капиталистической эксплуатации, он сопровождает это введение ироническим замечанием: „Здесь, куда я вас введу, в это место выжимания капиталистами прибыли, здесь господствует свобода, равенство и Бентам<sup>122</sup>“). Когда Маркс это говорил, он подчеркивал ту идеологию, которая проводится в капиталистическом обществе, которая его оправдывает, ибо с точки зрения буржуазии, преодолевшей борьбу против феодала, с точки зрения этой буржуазии, в капиталистическом обществе, основанном на господстве капитала, на господстве денег, на эксплуатации трудящихся, господствует именно „свобода, равенство и Бентам“. Свобода, которой они называют свободу наживы, свободу обогащения для немногих, свободу торгового оборота; равенство, которым они называют равенство капиталистов и рабочих; господство Бентама, т.-е. мелко-буржуазных предрассудков относительно свободы и равенства

Если мы бросим взгляд вокруг себя, если посмотрим на те доводы, с которыми боролись против нас вчера и борются сегодня представители старого учительского союза, мы до сих пор встречаем у наших идейных противников, называющих себя социалистами, эс-эров и меньшевиков, те доводы, которые мы в малосознательной форме встречаем в ежедневных разговорах с крестьянской массой, еще не понявшей значения социализма. Если вы присмотритесь к этому и вдумаетесь в идейное значение до-

водов, вы найдете тот же самый буржуазный мотив, который был подчеркнут Марксом в „Капитале“. Все эти люди подтверждают изречение, что в капиталистическом обществе господствует свобода, равенство и Бентам. Когда нам возражают с этой точки зрения и говорят, что мы, большевики, и Советская власть являемся нарушителями свободы и равенства, мы отсылаем тех, кто так говорит, к начаткам политической экономии, к основам учения Маркса. Мы говорим: та свобода, в нарушении которой вы большевиков упрекаете, есть свобода капитала, есть свобода владельца продавать хлеб на вольном рынке, т.-е. свобода наживы для немногих, которые имеют этот хлеб и излишек. Свобода печати, в нарушении которой постоянно обвиняли большевиков, — что такое эта свобода печати в капиталистическом обществе? Всякий наблюдал, чем была печать у нас в свободной России. Еще больше это наблюдали люди, которые знакомились, непосредственно наблюдая или имея дело с постановкой печати в передовых капиталистических странах. Свобода печати в капиталистическом обществе — это значит свобода торговать печатью и воздействовать на народные массы. Свобода печати — это содержание прессы, могущественнейшего орудия воздействия на народные массы, на счет капитала. Вот что такое свобода печати, которую большевики разрушили, и они гордятся тем, что дали впервые свободу печати от капиталистов, что они в первый раз в громадной стране создали печать, которая не зависит от горсти богатых и миллионеров; печать, которая целиком посвящена задачам борьбы против капитала. Этой борьбе мы должны подчинить все. В этой борьбе передовой частью трудящихся и ее авангардом может явиться только рабочий пролетариат, могущий вести бессознательные крестьянские массы.

Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают, как вы слышали, единый социалистический фронт, мы говорим: „Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата. Это та партия, которая еще до революции 1905 года это положение завоевала. Это та партия, которая в 1905 году оказалась во главе рабочих масс, которая с тех пор и во время реакции после 1905 года, когда при сугубствовании столыпинской думы с таким трудом возобновилось рабочее движение, эта партия слилась с рабочим

классом, и она одна только могла его вести на глубокое и коренное изменение старого общества“.

Когда нам предлагают единый социалистический фронт, мы говорим: „Это предлагают партии меньшевиков и эс-эров, которые проявляли в течение революции колебания в пользу буржуазии. Мы имеем два опыта: керенщина, когда эс-эры составляли коалиционное правительство, которому помогала Антанта, т.е. всемирная буржуазия, империалисты Франции, Америки и Англии. Что же мы видели в результате? Видели ли тот постепенный переход к социализму, который они обещали? Нет, мы видели крах, полное господство империалистов, господство буржуазии и полное банкротство всяких соглашательских иллюзий“.

Если этого опыта мало, возьмите Сибирь. Там мы видели повторение этого опыта. В Сибири власть оказалась против большевиков. В первое время чехо-словацкому восстанию<sup>173</sup>) и восстанию меньшевиков и эс-эров против Советской власти на помощь пошла вся буржуазия, которая сбежала от Советской власти. На помощь им шла вся буржуазия и капиталисты самых могущественных стран Европы и Америки и шли не только с идейной помощью, а и с финансовой, и военной. Что же в результате? К чему привело это господство якобы Учредительного Собрания, это якобы демократическое правительство, состоявшее из эс-эров и меньшевиков? К колчаковской аванюре. Почему оно привело к провалу, который мы наблюдаем? Потому, что здесь оказалась та основная истина, что якобы социалисты из лагеря наших противников не хотят понять, что в капиталистическом обществе, когда оно развивается, держится прочно или когда оно погибает, все равно—может быть только одна из двух властей: либо власть капиталистов, либо власть пролетариата. Всякая средняя власть есть мечта. Всякая попытка образовать что-то третье ведет к тому, что люди даже при полной искренности скатываются в ту или другую сторону. Только власть пролетариата, только господство рабочих может присоединить к себе все большинство, которое стоит на почве труда, ибо крестьянские массы, хотя и представляют собой массы трудящихся, однако являются в некоторой части и собственниками своего мелкого хозяйства, своего хлеба. Вот та борьба, которая развернулась перед нашими глазами. Борьба, которая показывает, как пролетариат постепенно отмечает в ходе долгих политических испытаний, в ходе перемен правительств, которые мы наблюдаем на разных окраинах России,

все, что служит эксплуатации; как он пробивает себе дорогу и все больше и больше становится настоящим и полным вождем трудящихся масс в деле подавления и уничтожения сопротивления капитала

Те люди, которые говорят о нарушении свободы большевиками, которые признают единый социалистический фронт, т.-е. объединение с теми, кто колебался, кто сваливался уже два раза в истории русской революции на сторону буржуазии,—эти люди очень любят обвинять нас в применении террора. Они говорят, что большевики внесли систему террора в управление, они говорят, что для спасения России нужно, чтобы большевики отказались от террора. Я вспоминаю одного остроумного буржуазного француза, который, стоя на буржуазной точке зрения, говорил об отмене смертной казни: „Пускай начинают отменять смертную казнь г.г. убийцы!“. Этот ответ вспоминается мне, когда говорят: „Пускай большевики откажутся от террора!“. Пускай отказываются от него г.г. русские капиталисты и их союзники, Америка, Франция и Англия, т.-е. те, кто навязал террор Советской России. Это те империалисты, которые обрушились на нас и до сих пор обрушиваются со всей своей военной мощью, в тысячу раз более могущественной, чем наша. Это не террор разве, когда все страны Согласия, все империалисты Англии, Франции и Америки имеют каждый в своих столицах слуг международного капитала,—все равно называются ли они Сазоновыми <sup>174)</sup> или Маклаковыми <sup>175)</sup>,—которые организовали сотни и десятки тысяч недовольных, разоренных, обиженных и возмущенных представителей буржуазии. Если вы слышали о заговорах в военной среде, если читали о последнем заговоре в Красной Горке, который чуть не отдал Петроград, что же это было как не проявление террора со стороны буржуазии всего мира, идущей на какие угодно зверства, преступления и насилия с целью восстановить эксплуататоров в России и затушить тот пожар социалистической революции, который грозит теперь даже их собственным странам? Вот где источник террора, вот на ком лежит ответственность! Вот почему мы убеждены, что те, кто проповедует в России отказ от террора, являются не чем иным, как сознательным или бессознательным орудием и агентом в руках тех террористов-империалистов, которые душат Россию своими блокадами, своей помощью, которую они оказывают Колчаку и Деникину. Но их дело безнадежно.

Россия — первая страна, которой история дала роль зачинщика социалистической революции, и именно поэтому на нашу долю выпадает столько борьбы и страданий. Империалисты и капиталисты других стран понимают, что Россия стоит во всеоружии, что в России решается борьба не русского только, а международного капитала. Вот почему они распространяют во всей своей прессе неслыханное количество лжи против большевиков, — во всемирной прессе буржуазии, которая вся куплена за миллионы и миллиарды.

Они встают против России во имя тех же принципов свободы, равенства и Бентама. Когда вы встретите у нас людей, которые думают, что они защищают нечто самостоятельное, принципы демократии вообще, когда они говорят о свободе, равенстве и о нарушении их большевиками, — попросите этих людей ознакомиться с прессой европейского капитализма. Под каким прикрытием идут Колчак и Деникин, под каким прикрытием душат Россию европейский капитализм и буржуазия? Они все говорят только о свободе и равенстве! Когда американцы, англичане и французы захватили Архангельск, когда они посылают свои войска на юг, — они защищают свободу и равенство! Вот какими лозунгами прикрываются они, и вот почему в обстановке этой бешеной борьбы восстает пролетариат России против капитала всего мира. Вот чему служат эти лозунги свободы и равенства, которыми обманывают народ все представители буржуазии и которые разбить до конца выпадает на долю интеллигенции, действительно стоящей с рабочими и крестьянством.

Мы видим, что попытки империалистов Согласия, чем более упорными и озлобленными становятся они, тем больше вызывают отпор и противодействие пролетариата в их собственных странах. 21-го июля была сделана первая попытка международной стачки рабочих Франции, Англии и Италии против правительств этих стран с лозунгами: прекратить всякое вмешательство в дела России и заключить честный мир с республикой<sup>176</sup>). Это не удалось. В целом ряде стран, — в Англии, Франции и Италии, — были взрывы отдельных стачек. В Америке и Канаде идет бешеная травля всего, что напоминает о большевизме. Мы пережили в последние годы историю двух великих революций. Мы знаем, с каким трудом в 1905 году авангард русских трудящихся масс раскачался на борьбу с царизмом. С каким трудом после 9-го января 1905 года<sup>177</sup>), после первого кровавого урока, медленно и трудно шло развитие

стачечного движения до октября 1905 года, когда в первый раз массовая стачка в России одержала успех. Мы знаем, как это было трудно. Это доказал опыт двух революций, хотя в России положение было более революционно, чем в других странах. Мы знаем, с каким трудом организуется в ряде стачек сила для борьбы с капитализмом. Поэтому нас не удивляет неудача этой первой международной стачки 21-го июля. Мы знаем, что революция в европейских странах встречает несравненно большее сопротивление и противодействие, чем у нас. Мы знаем, что рабочие Англии, Франции и Италии, когда назначили на 21-е июля международную стачку, преодолевали неслыханные трудности. Это был эксперимент, небывалый в истории. Не удивительно, что это не удалось. Зато мы знаем, что трудящиеся массы самых передовых и дисциплинированных стран, несмотря на бешенство европейской буржуазии против нас, эти трудящиеся массы с нами, они наше дело понимают, и каковы бы ни были трудности революции и испытания, какие нас ожидают, и какова бы ни была атмосфера лжи и обмана во имя свободы и равенства капитала, равенства голодного и сытого, какова бы ни была эта атмосфера, мы знаем, что наше дело есть дело рабочих всех стран, и поэтому это дело неминуемо и неизбежно победит международный капитал.

*„Правда“, № 170  
3 августа 1919 года.*

## **Лисьмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком.**

Товарищи! Красные войска освободили от Колчака весь Урал и начали освобождение Сибири. Рабочие и крестьяне Урала и Сибири с восторгом встречают Советскую власть, ибо она выметает железной метлой всю помещичью и капиталистическую сволочь, которая замучила народ поборами, издевательствами, поркой, восстановлением царского угнетения.

Наш общий восторг, наша радость по поводу освобождения Урала и вступления красных войск в Сибирь не должны позволить нам успокоиться. Враг далеко еще не уничтожен. Он даже не сломлен окончательно

Надо напрячь все силы, чтобы изгнать Колчака и японцев с другими иноземными разбойниками из Сибири, и еще большее

напряжение сил необходимо, чтобы уничтожить врага, чтобы не дать ему снова и снова начать своего разбойничьего дела.

Как добиться этого?

Тяжелый опыт, пережитый Уралом и Сибирью, также как и опыт всех стран, измученных четырехлетней империалистской войной, не должны пройти для нас даром.

Вот главные пять уроков, которые все рабочие и крестьяне, все трудящиеся должны извлечь из этого опыта, чтобы застраховать себя от повторения бедствий колчаковщины.

### Первый урок.

Чтобы защитить власть рабочих и крестьян от разбойников, т.-е. от помещиков и капиталистов, нам нужна могучая Красная армия. Мы доказали не словами, а делом, что мы можем создать ее, что мы научились управлять ею и побеждать капиталистов, несмотря на получаемую ими щедрую помощь оружием и снаряжением от богатейших стран мира. Большевики доказали это делом. Поверить им все рабочие и крестьяне, — если они сознательны, — должны не на слово (на слово верить глупо!), а на основании опыта миллионов и миллионов людей на Урале и в Сибири. Задача соединить вооружение рабочих и крестьян с командованием бывших офицеров, которые большею частью сочувствуют помещикам и капиталистам, есть труднейшая задача. Ее можно решить только при великолепном умении организовать, при строгой и сознательной дисциплине, при доверии широких масс к руководящему слою рабочих комиссаров. Эту труднейшую задачу большевики решили: измен бывших офицеров у нас очень много, и тем не менее Красная армия не только в наших руках, но и научилась побеждать генералов царя и генералов Англии, Франции и Америки.

Поэтому всякий, кто серьезно хочет избавиться от колчаковщины, должен все силы, все средства, все умение целиком отдать делу создания и укрепления Красной армии. Не за страх, а за совесть исполнять все законы о Красной армии, все приказы, поддерживать дисциплину в ней всячески, помогать Красной армии всем, чем только может помогать каждый, — таков первый, основной и главнейший долг всякого сознательного рабочего и крестьянина, не желающего колчаковщины.

Как огня надо бояться партизанщины, своеволия отдельных отрядов, непослушания центральной власти, ибо это ведет к гибели: и Урал, и Сибирь, и Украина доказали это.

Кто не помогает всецело и беззаветно Красной армии, не поддерживает изо всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник, тот сторонник колчаковщины, того надо истреблять беспощадно.

С крепкой Красной армией мы непобедимы. Без крепкой армии — мы неминуемая жертва Колчака, Деникина и Юденича.

### Второй урок.

Красная армия не может быть крепкой без больших государственных запасов хлеба, ибо без этого нельзя ни передвигать армию свободно, ни готовить ее как следует. Без этого нельзя содержать рабочих, работающих на армию.

Всякий сознательный рабочий и крестьянин должен знать и помнить, что главная причина недостаточно быстрых и прочных успехов нашей Красной армии состоит теперь именно в недостатке государственных запасов хлеба. Кто не сдает излишков хлеба государству, тот помогает Колчаку, тот изменник и предатель рабочих и крестьян, тот виновен в смерти и мучениях лишних десятков тысяч рабочих и крестьян в Красной армии.

Мошенники, спекулянты и совсем темные крестьяне рассуждают так: лучше, де, продам хлеб по вольной цене, я получу гораздо больше, чем по твердой цене, даваемой государством.

Но в том-то и дело, что от вольной продажи растет спекуляция, обогащаются немногие, насыщаются только богачи, а рабочая масса остается голодной. Это мы видели на деле в самых богатых хлебом местах Сибири и Украины.

При вольной продаже хлеба капитал торжествует, а труд голодает и бедствует.

При вольной продаже хлеба цена поднимается до тысячи рублей за пуд, деньги обесцениваются, выигрывает горстка спекулянтов, народ беднеет.

При вольной продаже хлеба государственные запасы пусты, армия бессильна, промышленность умирает, победа Колчака или Деникина неминуема.

За вольную продажу хлеба сознательно стоят только богачи, только злейшие враги рабочей и крестьянской власти. Кто

по темноте своей стоит за вольную продажу хлеба, тот на примере Сибири и Украины должен научиться и понять, почему вольная продажа хлеба означает победу Колчака и Деникина.

Есть еще темные крестьяне, которые рассуждают так: пусть сначала государство даст мне в обмен на хлеб хорошие товары по довоенной цене, тогда я отдам излишки хлеба, иначе не отдам. И на таком рассуждении мошенники и сторонники помещиков часто „ловят“ темных крестьян на удочку.

Нетрудно понять, что рабочее государство, которое капиталисты разорили до тла четырехлетней грабительской войной из-за Константинополя и которое потом еще из мести разоряют Колчаки, Деникины при помощи капиталистов всего мира,—нетрудно понять, что рабочее государство не может сейчас дать крестьянам товаров, ибо промышленность стоит. Нет хлеба, нет топлива, нет промышленности.

Всякий разумный крестьянин согласится, что голодному рабочему надо дать излишки хлеба в ссуду на условии получения продуктов промышленности.

Вот так и теперь. Все сознательные, разумные крестьяне, все, кроме мошенников и спекулянтов, согласятся, что надо отдать в ссуду рабочему государству все излишки хлеба полностью, ибо тогда государство восстановит промышленность и даст продукты промышленности крестьянам.

„Поверят ли крестьяне рабочему государству, чтобы дать ему излишки хлеба в ссуду?“—так могут спросить нас.

Мы ответим: Во-первых, государство дает удостоверение в ссуде, денежные знаки. Во-вторых, все крестьяне знают по опыту, что рабочее государство, т.-е. Советская власть, помогает трудящимся, борется с помещиками и капиталистами. Поэтому Советская власть и называется рабоче-крестьянской властью. В-третьих, иного выбора у крестьян нет: поверить либо рабочему, либо капиталисту; либо рабочему государству оказать доверие и ссуду, либо государству капиталистов. Иного выбора нет ни в России, ни в одной стране мира. Чем сознательней становятся крестьяне, тем тверже они стоят за рабочих, тем крепче их решение всячески помогать рабочему государству, чтобы сделать невозможным возврат власти помещиков и капиталистов.

### Третий урок.

Чтобы до конца уничтожить Колчака и Деникина, необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми.

На примере колчаковских побед в Сибири и на Урале мы все видели ясно, как малейший беспорядок, малейшее нарушение законов Советской власти, малейшая невнимательность или нерадение служат немедленно к усилению помещиков и капиталистов, к их победам. Ибо помещики и капиталисты не уничтожены и не считают себя побежденными: всякий разумный рабочий и крестьянин видит, знает и понимает, что они только разбиты и попрытались, попритаились, перерядились очень часто в „советский“, „защитный“ цвет. Многие помещики пролезли в советские хозяйства, капиталисты—в разные „главки“ и „центры“, в советские служащие и на каждом шагу подкарауливают они ошибки Советской власти и слабости ее, чтобы сбросить ее, чтобы помочь сегодня чехо-словакам, завтра Деникину.

Надо всеми силами выслеживать и вылавливать этих разбойников, прячущихся помещиков и капиталистов, во всех их прикрытиях, разоблачать их и карать беспощадно, ибо это—злейшие враги трудящихся, искусные, знающие, опытные, терпеливо выжидающие удобного момента для заговора; это—саботажники, не останавливающиеся ни перед каким преступлением, чтобы повредить Советской власти. С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми надо быть беспощадными.

А чтобы уметь ловить их, надо быть искусными, осторожными, сознательными, надо внимательнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти. Помещики и капиталисты сильны не только своими знаниями и своим опытом, не только помощью богатейших стран мира, но также и силой привычки и темноты широких масс, которые хотят жить „по старинке“, и не понимают необходимости соблюдать строго и добросовестно законы Советской власти.

Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся,—есть зацепка для побед Колчака и Деникина. Пре-

ступно забывать, что колчаковщина началась с маленькой неосторожности по отношению к чехо-словакам, с маленького неповиновения отдельных полков.

#### Четвертый урок.

Преступно забывать не только о том, что колчаковщина началась с пустяков, но и о том, что ей помогли родиться на свет и ее прямо поддерживали меньшевики („социал-демократы“) и эс-эры („социалисты-революционеры“). Пора научиться оценивать политические партии по делам их, а не по их словам.

Называя себя социалистами, меньшевики и эс-эры на деле — пособники белых, пособники помещиков и капиталистов. Это доказали на деле не отдельные только факты, а две великие эпохи в истории русской революции: 1) керенщина и 2) колчаковщина. Оба раза меньшевики и эс-эры, на словах будучи „социалистами“ и „демократами“, на деле сыграли роль пособников белогвардейщины. Неужели мы окажемся так глупы, чтобы поверить им теперь, когда они предлагают нам еще раз позволить им „попробовать“, называя это позволение „единым социалистическим (или демократическим) фронтом?“ Неужели после колчаковщины останутся еще крестьяне, кроме одиночек, не понимающие, что „единый фронт“ с меньшевиками и эс-эрами есть единение с пособниками Колчака?

Возражат: меньшевики и эс-эры увидели свою ошибку и отреклись от всякого союза с буржуазией. Но это неправда. В-первых, правые меньшевики и эс-эры даже и не отреклись от такого союза, а грани с этими „правыми“ определенной нет, и нет по вине самих меньшевиков и эс-эров; на словах „осуждая“ своих „правых“, даже лучшие из меньшевиков и эс-эров остаются на деле бессильными рядом с ними и вопреки всем их словам. В-вторых, даже лучшие из меньшевиков и эс-эров защищают как раз колчаковские идеи, помогающие и Колчаку с Деникиным, прикрывающие их грязное и кровавое капиталистическое дело. Эти идеи: народовластие, всеобщее, равное, прямое избирательное право, Учредительное Собрание, свобода печати и прочее... Во всем мире видим мы капиталистические республики, оправдывающие именно этой „демократической“ ложью господство капиталистов и войны из-за порабощения колоний. У нас мы видим, как и Колчак, и Деникин, и Юденич, и любой генерал раздают охотно такие „демократические“ обещания. Можно

ли верить тому человеку, который из-за словесных обещаний помогает заведомому бандиту? Меньшевики и эс-эры, все без изъятия, помогают заведомым бандитам, всемирным империалистам, прикрашивая лже-демократическими лозунгами их власть, их поход на Россию, их господство, их политику. Меньшевики и эс-эры предлагают нам „союз“ на условиях, чтобы мы сделали уступки капиталистам и их вождям: Колчаку, Деникину, например, „отказались от террора“ (когда против нас стоит террор миллиардеров всей Антанты, всего союза богатейших стран, устраивающих заговоры в России!), или чтобы мы открыли дорожку свободной торговле хлебом и т. п. Эти „условия“ меньшевиков и эс-эров означают вот что: мы, меньшевики и эс-эры, колеблемся в сторону капиталистов, и мы хотим „единого фронта“ с большевиками, против которых идут капиталисты, используя всякую уступку! Нет, господа меньшевики и эс-эры, ищите теперь не в России людей, способных вам поверить! В России сознательные рабочие и крестьяне поняли, что меньшевики и эс-эры суть пособники белогвардейцев, одни—сознательные и злостные, другие—по неразумию и упорству в старых ошибках, но все—пособники белогвардейцев.

### Пятый урок.

Чтобы уничтожить Колчака и колчаковщину, чтобы не дать им подняться вновь, надо всем крестьянам без колебаний сделать выбор в пользу рабочего государства. Крестьян пугают (особенно меньшевики и эс-эры, все, даже „левые“ из них) пугалом „диктатуры одной партии“, партии большевиков-коммунистов.

На примере Колчака крестьяне научились не бояться пугала.

Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса.

Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентки, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет, и быть не может. Либо диктатура буржуазии, прикрытая пышными эс-эровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и проч., либо диктатура пролетариата. Кто не научился этому из истории всего XIX века, тот—безнадежный идиот. А в России все мы видели, как мечтали о середине меньшевики и эс-эры при керенщине и под Колчаком.

Кому послужили эти мечты? Кому помогли они?—Колчаку Деникину. Мечтатели о середине—пособники Колчака.

На Урале и в Сибири рабочие и крестьяне сравнили на опыте диктатуру буржуазии и диктатуру рабочего класса. Диктатура рабочего класса проводится той партией большевиков, которая еще с 1905 года и раньше слилась со всем революционным пролетариатом.

Диктатура рабочего класса, это значит: рабочее государство без колебаний подавит помещиков и капиталистов, подавит изменников и предателей, помогающих этим эксплуататорам, победит их.

Рабочее государство—беспощадный враг помещика и капиталиста, спекулянта и мошенника, враг частной собственности на землю и на капитал, враг власти денег.

Рабочее государство—единственный верный друг и помощник трудящихся и крестьянства. Никаких колебаний в сторону капитала, союз трудящихся в борьбе с ним, рабоче-крестьянская власть, Советская власть — вот что значит на деле „диктатура рабочего класса“.

Меньшевики и эс-эры хотят испугать крестьян этими словами. Не удастся. После Колчака рабочие и крестьяне даже в захолустьи поняли, что эти слова означают как раз то, без чего от Колчака не спастись.

Долой колеблющихся, бесхарактерных, сбивающихся на помощь капиталу, плененных лозунгами и обещаниями капитала! Беспощадная борьба капиталу и союз трудящихся, союз крестьян с рабочим классом—вот последний и самый важный урок колчаковщины.

*Написано 24 августа 1919 г.*

*Напечатано в „Правде“ № 190*

*28 августа 1919 г.*

### **Письмо английскому коммунисту<sup>178</sup>).**

Дорогой товарищ! Ваше письмо от 16/VI 1919 г. я получил только вчера. Чрезвычайно благодарен Вам за информацию относительно Англии и постараюсь исполнить Вашу просьбу, т.-е. ответить на Ваш вопрос.

Я несколько не сомневаюсь в том, что многие рабочие, принадлежащие к лучшим, честнейшим, искренно-революционным представителям пролетариата, являются врагами парламентаризма.

и всякого участия в парламенте. Чем старше капиталистическая культура и буржуазная демократия в данной стране, тем более понятно это, ибо буржуазия в старых парламентских странах великолепно научилась лицемерить и тысячами приемов надувать народ, выдавая буржуазный парламентаризм за „демократию вообще“ или за „чистую демократию“ и тому подобное, искусно пряча миллионы связей парламента с биржей и капиталистами, используя подкупную, продажную прессу и всеми средствами пуская в ход силу денег, власть капитала.

Нет сомнения, что Коммунистический Интернационал и коммунистические партии отдельных стран сделали бы непоправимую ошибку, если бы оттолкнули от себя рабочих, стоящих за Советскую власть, но несогласных участвовать в парламентской борьбе. Если взять вопрос в его общей постановке, теоретически, то именно эта программа, т.-е. борьба за Советскую власть, за советскую республику, способна объединить и должна объединить теперь безусловно всех искренних, честных революционеров из рабочей среды. Очень многие рабочие анархисты становятся теперь искренними сторонниками Советской власти, а раз так, то это доказывает, что они наши лучшие товарищи и друзья, лучшие революционеры, которые были врагами марксизма лишь по недоразумению, или, вернее, не по недоразумению, а в силу того, что господствующий официальный социализм эпохи II Интернационала (1889—1914 г.г.<sup>162</sup>) изменил марксизму, впал в оппортунизм, исказил революционное учение Маркса вообще и его учение об уроках Парижской Коммуны 1871 года в особенности. Я подробно писал об этом в своей книге „Государство и революция“<sup>167</sup>) и поэтому не останавливаюсь больше на этом вопросе.

Как быть, если в данной стране коммунисты по убеждениям и по готовности вести революционную работу, — искренние сторонники Советской власти („советской системы“, как иногда говорят нерусские), не могут объединиться из-за разногласий по вопросу об участии в парламенте?

Я бы считал такое разногласие несущественным в настоящее время, ибо борьба за Советскую власть есть политическая борьба пролетариата в ее самой высокой, самой сознательной, самой революционной форме. Лучше быть с революционными рабочими, когда они ошибаются по частному или второстепенному вопросу, чем с „официальными“ социалистами или социаль-

демократами, если они не искренние, не твердые революционеры, не хотят или не умеют вести революционную работу среди рабочих масс, но разделяют правильную тактику по этому частному вопросу. А вопрос парламентаризма есть теперь частный, второстепенный вопрос. Роза Люксембург и Карл Либкнехт были, по моему, правы, когда защищали участие в выборах в буржуазный немецкий парламент, в учредительное „Национальное собрание“ на январской конференции 1919 г. спартакювцев в Берлине против большинства этой конференции<sup>179)</sup>. Но, разумеется, они были еще более правы, предпочитая остаться вместе с коммунистической партией, делающей частную ошибку, чем идти с правыми представителями социализма, вроде Шейдемана<sup>9)</sup> и его партии, или с теми лакейскими душами, доктринерами, трусами, безмолвными пособниками буржуазии и реформистами на деле, какими являются Каутский, Гаазе<sup>138)</sup> и Дäumig<sup>135)</sup>—вся эта „партия“ немецких „независимых“.

Я лично убежден, что отказ от участия в парламентских выборах является ошибкой со стороны революционных рабочих Англии, но лучше пойти на эту ошибку, чем замедлить образование крупной рабочей коммунистической партии в Англии из всех перечисленных Вами, сочувствующих большевизму и искренне стоящих за советскую республику направлений и элементов. Если бы, например, среди B.S.P.\*) нашлись искренние большевики, которые отказались бы из-за расхождения по вопросу об участии в парламенте слиться тотчас в коммунистическую партию с течениями № 4, № 6 и № 7, то эти большевики, по моему, сделали бы ошибку в тысячу раз большую, чем ошибочный отказ от выборов в буржуазный английский парламент. Разумеется, говоря это, я предполагаю, что течения 4, 6, 7, вместе взятые, действительно связаны с массой рабочих, а не представляют из себя только небольшие интеллигентские группки, как это часто бывает в Англии. В этом отношении, вероятно, особенно важны Workers Committees<sup>180)</sup> и shop Stewards<sup>40)</sup> которые, надо думать, близко связаны с массой.

Неразрывная связь с массой рабочих, умение постоянно агитировать в ней, участвовать в каждой стачке, откликаться на всякий запрос массы, это—главное для коммунистической партии, особенно в такой стране, как Англия, где до сих пор (как,

---

\*) Британская социалистическая партия.

впрочем, и во всех империалистских странах) участвовали в социалистическом и вообще рабочем движении преимущественно узенькие верхушки рабочих, представители рабочей аристократии, бóльшей частью насквозь и безнадежно испорченные реформизмом, плененные буржуазными и империалистскими предрасудками. Без борьбы против этого слоя, без разрушения всякого авторитета его среди рабочих, без убеждения масс в полной буржуазной испорченности этого слоя не может быть и речи о серьезном коммунистическом рабочем движении.

Это относится и к Англии, и к Франции, и к Америке, и к Германии.

Те рабочие революционеры, которые центром своих нападений делают парламентаризм, вполне правы постольку, поскольку этими нападениями выражается принципиальное отрицание буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии. Советская власть, советская республика—вот то, что рабочей революцией поставлено на место буржуазной демократии, вот форма перехода от капитализма к социализму, форма диктатуры пролетариата. И критика парламентаризма не только законна и необходима, как мотивирование перехода к советской власти, но и вполне правильна, как сознание исторической условности и ограниченности парламентаризма, его связи с капитализмом, его (парламентаризма) прогрессивности по отношению к средневековью и реакционности по отношению к советской власти.

Но критики парламентаризма в Европе и Америке очень часто, когда они принадлежат к анархистам и анархо-синдикалистам, оказываются не правы, поскольку они отвергают всякое участие в выборах и парламентарской деятельности. Тут сказывается просто недостаток революционного опыта. Мы, русские, пережили две великие революции в XX веке и хорошо знаем, какое значение может иметь и фактически имеет парламентаризм в революционное время вообще и непосредственно во время революции особенно. Буржуазные парламенты должны быть устранены и заменены советскими учреждениями. Это несомненно. Несомненно теперь, после опыта России, Венгрии, Германии и других стран, что это безусловно произойдет во время пролетарской революции. Поэтому систематическая подготовка к этому рабочей массы, разъяснение заранее для нее значения советской власти, пропаганда

и агитация за нее—все это безусловная обязанность рабочего, который хочет быть революционером на деле. Но мы, русские, выполняли эту задачу, действуя и на парламентарской арене. В царской, поддельной, помещичьей Думе наши представители умели вести революционную и республиканскую пропаганду. Точно так же можно и должно в буржуазных парламентах, изнутри их, вести советскую пропаганду.

Может быть, этого не легко достигнуть сразу в той или другой парламентской стране, но это—другой вопрос. Добиваться надо того, чтобы эта правильная тактика была усвоена революционными рабочими во всех странах. И если рабочая партия действительно революционна, если она действительно рабочая (т.-е. связана с массой, с большинством трудящихся, с низами пролетариата, а не с верхушечным только его слоем), если она действительно партия, т.-е. крепко, серьезно сплоченная организация революционного авангарда, умеющая всеми возможными способами вести революционную работу в массах, то тогда такая партия, наверное, сумеет держать в руках своих парламентариев, делать из них настоящих революционных пропагандистов, таких, как Карл Либкнехт, а не оппортунистов, не развратителей пролетариата буржуазными приемами, буржуазными привычками, буржуазными идеями, буржуазной безыдейностью.

Если бы этого не удалось добиться в Англии сразу, если бы, кроме того, никакое объединение в Англии сторонников советской власти оказалось невозможным именно из-за расхождения о парламентаризме и только из-за этого, тогда я считал бы полезным шагом вперед, к полному единству, немедленное образование двух коммунистических партий, стоящих за переход от буржуазного парламентаризма к советской власти. Пусть одна из этих партий признает участие в буржуазном парламенте, другая отвергает,—это разногласие теперь так несущественно, что разумнее всего было бы из-за него не раскалываться. Но совместное существование двух таких партий было бы громадным прогрессом по сравнению с теперешним положением, было бы, по всей вероятности, переходом к полному единству и к быстрой победе коммунизма.

Советская власть не только показала в России на опыте почти уже двух лет, что диктатура пролетариата возможна даже в крестьянской стране и способна, создавая сильную армию

(лучшее доказательство организованности и порядка), держаться при невероятно, неслыханно трудных условиях.

Советская власть осуществила большее: она уже морально победила во всем мире, ибо рабочая масса повсюду, хотя узнает только крохи истины о советской власти, хотя слышит тысячи и миллионы лживых сообщений о советской власти, рабочая масса уже за Советскую власть. Уже понятно пролетариату всего мира, что эта власть есть власть трудящихся, что она одна спасает от капитализма, от ига капитала, от войн между империалистами, ведет к прочному миру.

Именно поэтому возможны поражения империалистами отдельных советских республик, но невозможно победить всемирное советское движение пролетариата.

С коммунистическим приветом Н. Ленин.

Р. С. Следующая вырезка из русских газет дает вам образец нашей информации об Англии:

Лондон, 25—VIII. (Через Белоостров). Лондонский корреспондент копенгагенской газеты „Берлингске Тиденде“, телеграфирует от 3-го августа с. г. по поводу большевистского движения в Англии: „Забастовки, происшедшие в последние дни, и разоблачения, имевшие недавно место, поколебали уверенность англичан в невосприимчивости их страны к большевизму. В настоящее время газеты оживленно обсуждают этот вопрос, а администрация прилагает все усилия, чтобы установить, что „заговор“ существовал довольно продолжительное время и имел своей целью не более или не менее, как ниспровержение существующего строя. Английская полиция арестовала революционное бюро, в распоряжении которого, по уверениям газет, имелись и деньги и оружие. „Таймс“ публикует содержание некоторых документов, найденных у арестованных. В них содержится полная революционная программа, согласно которой вся буржуазия должна быть обезоружена; для советов рабочих и красноарм. деп. должны быть раздобыты оружие и военные припасы и сформирована Красная армия; все государственные посты должны быть замещены рабочими. Далее проектировалось создание революционного трибунала для политических преступников и лиц, провинившихся в жестоком обращении с заключенными. Все продовольствие предполагалось конфисковать. Парламент и другие органы общественного самоуправления должны быть распущены и на их место учреждены революционные советы. Рабочее время ограничить шестью часами и низший недельный заработок повысить до 7 фунтов стерлингов. Государственные, как и все прочие долги, должны быть аннулированы. Все банки, промышленные и торговые предприятия и транспортные средства объявлены национализированными.

Если это верно, то я должен принести английским империалистам и капиталистам в лице их органа, богатейшей в мире

газеты „Таймс“, свою почтительнейшую признательность и благодарность за превосходную пропаганду в пользу большевизма. Продолжайте в том же духе, господа из „Таймса“, вы превосходно ведете Англию к победе большевизма.

*Написано 28 августа 1919 г.*

*Напечатано в „Коммун. Интерн.“ № 5.*

*Сентябрь 1919 г.*

## **Речь на беспартийной конференции Басманного, Лефортовского, Алексеевского и Сокольнического районов.**

(19 сентября 1919 г.)

Товарищи! Позвольте мне приветствовать вашу беспартийную рабоче-красноармейскую конференцию, вместе с выпуском красных командиров артиллерийских курсов. Данное собрание созвано для обсуждения вопросов, связанных с укреплением нашего государственного строя и нашего государственного аппарата.

Во всех странах массы рабочих угнетены. Они не пользуются благами капиталистической культуры, а между тем именно трудящиеся массы должны быть основой всей государственной жизни. Товарищи, у нас трудящиеся массы составляют основу и почву Советской республики. После победы трудящихся в феврале 1917 года по всей России сразу создались Советы. Идея Советов появилась впервые не в 1917 году, а родилась еще в 1905 г. Уже тогда существовали в Петербурге Советы Рабочих Депутатов<sup>181</sup>). После октябрьского переворота Советскую власть встретили сочувственно рабочие всех стран. Это объясняется глубокими внутренними причинами

Позвольте мне, товарищи, остановиться на главных основах политической жизни Советской России. Я не имею точного материала для освещения экономического положения нашей республики; на нем, по всей вероятности, остановятся другие докладчики, в особенности на продовольственной политике рабоче-крестьянского правительства, я же коснусь только политической ее части.

Для того, чтобы лучше уяснить себе положение Советской власти, мы должны оглянуться назад, должны обратить внимание

на ход нашей революции, начиная с 1917 года. В нашей революции две полосы: одна полоса керенщины и калединщины<sup>182</sup>), предшествовавшая Советской власти, и вторая — корниловщины<sup>183</sup>), колчаковщины и деникинщины, разрушающие Советскую власть. Перед рабочим не партийным, но трудящимся должен встать вопрос о том, почему у нас создались эти две полосы и почему они связаны между собою?

Товарищи! Всякий рабочий, всякий красноармеец, всякий трудящийся должен подумать над тем, почему нашу Советскую власть обвиняют в терроре, почему говорят, что большевики — диктаторы, что большевики — головорезы. С другой стороны, всякий трудящийся должен спросить себя, почему так легко пала власть Керенского, Каледина и Колчака. Вы все знаете, что во время власти Керенского вся Россия была покрыта сетью Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, и рядом с ними буржуазия держала власть в своих руках. Буржуазию поддерживали союзники, которые хотели, чтобы Россия продолжала войну, а сама русская буржуазия хотела продолжать войну для того, чтобы получить Дарданеллы. Поэтому-то буржуазное правительство Керенского, поддерживаемое меньшевиками и эс-эрами, не хотело и не могло опубликовать договоры, заключенные правительством Николая Кровавого с союзниками<sup>184</sup>). Этим буржуазия при помощи меньшевиков и эсеров обманом держала под своей властью трудящиеся массы. Вы все помните, что в начале революции 1917 года в Советах мало было большевиков<sup>184</sup>). Я помню, что в июне, во время первого съезда советов<sup>185</sup>), большевиков не было даже и одной седьмой части. Большевики могут действовать на трудящихся разлагающе, — говорила про нас буржуазия и так называемые социалистические партии меньшевиков и эс-эров. Но что же делало в это время буржуазное правительство Керенского? Оно кормило трудящиеся массы только обещаниями, которые в жизнь, однако, не проводились. Закон о земле не был издан. Когда же земельные комитеты пробовали брать помещичью землю для того, чтобы разделить ее между бедными и крестьянами, то такие земельные комитеты арестовывались<sup>186</sup>). Трудящимся становилось ясным, что эта власть им ничего не даст. Они начали понимать, что дать им что-нибудь может только своя власть, власть советов и беднейших крестьян. В это же время военный поход Корнилова на Петроград. Поход Корнилова не был случайностью; он создан в силу политики пра-

вительства Керенского, которое все время старалось примирить помещиков с крестьянами, трудящихся с эксплуататорами, труд с капиталом. И тогда-то помещики, офицеры, капиталисты захотели окончательно взять всю власть в свои руки. Поэтому-то и возник поход Корнилова. Советы поняли опасность, сплотились вокруг Керенского. Когда же и после этого буржуазное правительство Керенского продолжало свою политику обмана, сознание рабочих масс стало быстро расти и, вместе с тем, начало быстро увеличиваться количество большевиков в Советах еще до октябрьской революции. Когда же мы в октябре взяли власть в свои руки, то меньшевики и эс-эры, разгуливая по Смольному, грозили нам, что придет фронт и сметет нас с лица земли. В ответ мы только усмехались им в лицо, ибо мы знали, что трудящиеся массы поймут наши разъяснения, что они стоят за власть трудящихся и, следовательно, за власть Советов. Действительно, когда в Петроград приезжали многочисленные делегации с фронта и когда мы им разъяснили положение вещей, они все переходили на нашу сторону.

Это для вас—трудящихся, беспартийных—наглядный урок. Всякий трудящийся, всякий рабочий, всякий красноармеец должен учиться на истории правительства Керенского, которое, повторяю, хотело согласовать интересы помещиков с крестьянами, рабочих с хозяевами, труда с капиталом. Казалось, что правительство Керенского должно было быть сильным, потому что ему обещали поддержку буржуазные союзные правительства, но—оно лопнуло. Правительство Керенского лопнуло потому, что держалось на обмане и не имело почвы под ногами. Правительство Керенского обещало трудящимся всенародные выборы, но только для того, чтобы этими выборами затемнить глаза трудящимся массам, чтобы отвлечь их внимание от истинного положения вещей.

Поэтому после октябрьского переворота, когда сам пролетариат взял власть в свои руки, он в первую очередь организовал свои органы управления: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Рабоче-крестьянское правительство сразу отбросило от себя лживую политику буржуазного правительства Керенского. Первым делом Совета Народных Комиссаров было опубликование тайных договоров, заключенных правительством Николая Кровавого с нашими бывшими союзниками. Рабоче-крестьянское

правительство заявило прямо, что не желает больше вести войны за интересы буржуазии, несмотря ни на какие клеветы, воздвигнутые наймитами, меньшевиками и эс-эрами, предложило всевоюющим странам начать мирные переговоры. Тогда рабочие всех стран увидели, что Советская власть не желает вести дальше войны. Был заключен грабительский Брестский мир, навязанный безоружной России германскими хищниками. В сознательных рабочих массах всех стран крепли и ширились симпатии к Советской власти. Когда же буржуазные правительства Антанты заставили германских грабителей подписать еще более тяжкий и более грабительский мир, то рабочие всех стран поняли, как их дурачили все время. Стали подниматься, расти и множиться голоса против тех, кто их все время обманывал. Рабочие стали требовать власти трудящихся масс—рабочих и крестьян,—власти Советов. Вот почему так скоро пала буржуазная власть Керенского, Колчака, которые поддерживались меньшевиками и эс-эрами. (Вы все знаете, что меньшевик Майский<sup>187</sup>) входил в Сибирское правительство). И меньшевики, и эс-эры, и чехо-словаки, поддерживаемые иностранной буржуазией,—все объединились сперва на борьбе против большевиков, затем на устройстве всенародной демократической власти.

Что мы, однако, видим?

Офицеры Колчаковского типа разогнали Учредительное Собрание (в Сибири) и установили власть офицеров, капиталистов и помещиков. Таким образом трудящиеся массы Сибири на опыте увидели, что их обманывают, вот почему Красной армии так легко удалось в такой небольшой промежуток времени захватить всю Сибирь, ибо теперь сами сибирские рабочие и крестьяне шли на помощь Красной армии.

Товарищи, теперь нужно подумать о том, почему говорят, что большевики насируют, что большевики—диктаторы... Почему все те, которые шли с меньшевиками, эс-эрами и чехо-словаками и Колчаком, скоро отшатнулись от них? Почему помещики, капиталисты и офицеры из Сибирского правительства, как только получили власть в свои руки в Сибири, выгнали меньшевиков и эс-эров и посадили вместо них Колчака?— Почему же это правительство, поддерживаемое со всех сторон, так скоро развалилось? Потому, что все их слова, все их дела были обманом и ложью! Потому, что они не сдержали своего слова, не дали народу ни Учредительного Собрания, ни

народной власти, ни какой бы то ни было другой демократической власти; они учредили у себя диктатуру помещиков и офицеров. Товарищи, в силу своих классовых интересов буржуазия должна была лгать и обманывать трудящихся! Все это поняли рабочие и крестьяне. Они поняли, что только тогда, когда власть будет принадлежать трудящимся, не будет лжи, не будет обмана и не будет также тех ужасов, которые пришлось и приходится теперь переживать пролетариату и беднейшему крестьянству после четырехлетней войны, когда у власти стояла буржуазия. Пролетариат понял, что есть только один выход—свержение власти капиталистов!—что не может быть никакого примирения между трудом и капиталом, о котором все время говорят меньшевики и эс-эры. Действительно, тяжелой ценой десятков тысяч расстрелянных и засеченных сибирские рабочие и крестьяне поплатились за свою доверчивость. Мы перенесли тяжкий опыт кровопускания сибирских рабочих и крестьян, но мы знаем, что этот опыт будет уроком для них. Этот опыт—лучший преподаватель большевизма для рабочих и крестьян!—после него трудящиеся массы поймут, что середины нет. Нет выбора: либо власть рабочих и крестьян—власть Советов, либо власть капиталистов и помещиков! Буржуазия силой и обманом старается затемнить сознание трудящихся, но все их труды разлетаются, как карточный домик, перед растущим сознанием пролетариата и беднейшего крестьянства. Авантюра Деникина, который на Украине повторяет урок Колчака, заставит украинских рабочих и крестьян понять ошибки, которые они теперь совершают, недостаточно энергично вступая в борьбу с ним. Мы знаем, что после козьяничанья Деникина на Украине украинские рабочие и крестьяне выйдут окрепшими и уже не на словах, а на деле будут защищать власть рабочих и крестьян, как это теперь делают сибирские наши братья. Рабоче-крестьянская власть говорит крестьянам и всем трудящимся: „Идите с нами, стройте ваше пролетарское государство. Посмотрите на опыт Колчака и Деникина, и вы увидите, какова жизнь не при Советской власти!“.

Для нас этот опыт—самая лучшая агитация.

Сильная рабоче-крестьянская власть подавляет всякие белогвардейские заговоры, устроенные против нее. Железной метлой выгоняет она изменников из своих рядов. Рабоче-крестьянская власть построила Красную армию, посадила туда специалистов,

окружив их целым рядом комиссаров-коммунистов. Десятки специалистов, оказавшиеся изменниками, выброшены нами из рядов Красной армии, а тысячи, десятки тысяч военных специалистов, честно исполняющих свои обязанности, остаются в рядах рабоче-крестьянской Красной армии. Это главный и основной опыт политического раскрепощения и освобождения трудящихся масс.

Все то, товарищи, о чем я говорил вам сегодня, уже становится ясным трудящимся других стран. Везде растет и ширится движение рабочих масс, требующее власти Советов. Вы знаете, что в Германии во главе теперь стоят меньшевики, но они поддерживаются Антантой вооруженной силой, однако, несмотря на все это, германские рабочие требуют Советской власти. Правительство Германии вынуждено на-днях ввести в своей конституции пункт, вводящий по всей Германии Советы Рабочих Депутатов. Однако Советы эти не имеют права обсуждать политические вопросы жизни страны. По конституции социал-предателей германские советы имеют право обсуждать только экономическое положение страны. К нам поступает очень мало сведений из других государств Западной Европы, так как мы со всех сторон окружены врагами, но те сведения, которые к нам попадают, говорят за то, что увеличивается и крепнет движение в пользу большевиков.

Я расскажу вам маленький инцидент, который произошел во Франции и который красноречивее всяких слов доказывает правильность моих выводов и скажет вам об очень многом. Во Франции выходят две большевистские газеты: одна из них хотела назвать себя „Большевик“, но цензура (в демократической Франции существует цензура!) запретила это название,—тогда газета назвала себя „Запрещенное название“. Рабочий, покупая эту газету и видя это название, сам добавляет „большевик“

В заключение, товарищи, позвольте мне поделиться тем извещением, которое я получил сегодня от т. Зиновьева<sup>188</sup>), председателя Петроградского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. Тов. Зиновьев сообщает мне, что в Петрограде было высажено сто пленных эстляндцев, которые передали ему следующее: в белогвардейской Эстляндии состоялась беспартийная конференция рабочих профессиональных союзов. На конференции присутствовало 417 делегатов, из них только 33 меньшевика, остальные все большевики!.. Конференция потребовала заключения мира с Россией. Когда об этом узнали англи-

чане, то представитель их явился на конференцию и предложил свергнуть белогвардейское правительство Эстляндии, но рабочие в ответ прогнали его и потребовали заключения мира с Россией и возвращения к мирной жизни. Тогда конференция была разогнана. Сто человек было отослано в Россию искать большевиков, 26 человек они задержали и намереваются их расстрелять!.. На такое действие белогвардейской Эстляндии мы ответили воззванием к рабочим и населению их страны, а их правительству мы заявили, что расстреляем всех заложников, которые находятся у нас!.. А ведь там правительство поддерживалось меньшевиками и эс-эрами! Маленькая Эстляндия на своей беспартийной конференции профессиональных союзов дала должный ответ сильной Англии,—Англии, которая грозила нам союзом 14 государств.

Заканчивая свою речь, позвольте мне выразить уверенность, что Советская Россия, которая побеждала у себя внутри в течение двух лет—вскоре победит власть буржуазии во всем мире...

*„Правда“ № 201  
11 сентября 1919 г.*

## **Как буржуазия использует ренегатов.**

Наши радио-станции перехватывают радиотелеграммы Карнарвона (Англия), Парижа и других европейских центров. Париж теперь—центр всемирного союза империалистов, и его радио часто бывают поэтому особенно интересны. На-днях, 13 сентября правительственное радио из этого центра всемирного империализма сообщило всем странам о выходе новой книги известного ренегата, вождя II-го Интернационала, Карла Каутского<sup>22)</sup>, против большевизма.

Миллионеры и миллиардеры даром не пускают в ход свое правительственное радио. Им показалось необходимым оповестить всех о новом походе Каутского. Им приходится хвататься за все для борьбы с надвигающимся большевизмом,—за все, даже за соломинку, даже за книгу Каутского. От души благодарим господ французских миллионеров: они так хорошо помогают пропагандировать большевизм! Они так помогают нам, выставляя на посмешище обывательские и филистерские громы Каутского против большевиков!

Сегодня, 18-го сентября, мне доставили номер газеты германских социал-шовинистов, убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург, „Vorwärts“<sup>189)</sup> от 7-го сентября, со статьей Фридриха Штампфера об этой новой книге Каутского („Терроризм и Коммунизм“) и с рядом цитат из этой книги<sup>190)</sup>. Сопоставляя статью Штампфера с парижским радио, мы видим, что последнее, по всей вероятности, составлено на основании первой. Господа Шейдеман и Носке, телохранители германской буржуазии и палачи германских коммунистов, расхваливают книгу Каутского и объединяются с империалистами Антанты в борьбе с международным коммунизмом. Зрелище чрезвычайно поучительное! А наши меньшевики, эти типичнейшие представители Бернского, желтого Интернационала, не находили слов для возмущения по поводу того, что я назвал Каутского (в своей книге: „Пролетарская революция и ренегат Каутский“<sup>131)</sup> лакеем буржуазии.

Это факт, господа, как бы вы ни сердились! Не по заговору же со мною шейдемановцы из „Vorwärts'a“ и миллионеры Антанты принялись хвалить Каутского и выдвигать его, как орудие борьбы с мировым большевизмом. Каутский оказался фактически, хотя бы он и не сознавал этого и не желал, как раз тем,—по отношению буржуазии,—о чем я говорил.

Чтобы показать, до какой степени дошло это, прикрывающееся именем марксизма, отречение от социализма и революции, приведем несколько наиболее „грозных“ обвинений большевиков Каутским.

„...Каутский показывает подробно, — пишет Штампфер, — как большевики всегда приходят в конце концов—к противоположности того, что было их целью: они были противниками смертной казни и работают массовыми расстрелами“...

Во-первых, это—прямая ложь, что большевики были противниками смертной казни для эпохи революции<sup>191)</sup>. На втором съезде нашей партии<sup>192)</sup>, в 1903 году, когда возник большевизм, составлялась программа партии, и в протоколах съезда значится, что мысль вставить в программу отмену смертной казни вызвала только насмешливые возгласы: „и для Николая II?“. Даже меньшевики в 1903 году не посмели поставить на голосование предложение об отмене смертной казни для царя. А в 1917 году, во время Керенщины, я писал в „Правде“, что ни одно революционное правительство без смертной казни не обойдется и что весь вопрос только в том, против какого класса напра-

вляется данным правительством оружие смертной казни. Каутский до такой степени разучился мыслить революционно, до такой степени погряз в обывательском оппортунизме, что он и представить себе не может, как могла революционная пролетарская партия задолго до своей победы открыто признавать необходимость смертной казни для контр-революционеров! „Честный“ Каутский, будучи честным человеком и честным оппортунистом, не стесняясь пишет поэтому ложь против своих противников.

Во-вторых. Если бы у этого человека была хоть капелюпка понимания революции, он не мог бы забыть, что речь теперь идет не о революции вообще, а о революции, вырастающей из великой империалистской бойни народов. Мыслима ли пролетарская революция, вырастающая из такой войны, без заговоров и контр-революционных покушений со стороны десятков и сотен тысяч офицеров, принадлежащих к классу помещиков и капиталистов? Мыслима ли революционная партия рабочего класса, которая бы не карала за такие выступления смертью в эпоху самой ожесточенной гражданской войны и заговоров буржуазии о вторжении иноземных войск для свержения рабочего правительства? Ни один человек, кроме безнадежных и смешных педантов, не мог бы ответить на эти вопросы иначе, как отрицательно. Но Каутский, прежде умевший ставить вопросы в их конкретной исторической обстановке, разучился этому.

В-третьих. Если Каутский не умеет изучать своего предмета и пишет о большевиках ложь, если Каутский не умеет мыслить и не в состоянии даже поставить вопроса об особенностях революции, вырастающей из четырехлетней войны, то Каутский мог бы хоть наблюдать вокруг себя. Что доказывает убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург офицерами в демократической республике германской<sup>22)</sup>? Что доказывает побег присужденных потом за убийство к издевательски мягкому наказанию офицеров? Господин Каутский и вся его „независимая“ (от пролетариата, но очень зависимая от мелко-буржуазных предрассудков) партия отделяется хныканием, осуждениями, филистерскими lamentациями от таких вопросов. Но именно поэтому все революционные рабочие во всем мире все больше отворачиваются от Каутских, Лонгэ<sup>193)</sup>, Макдональдов<sup>155)</sup>, Турати<sup>154)</sup> и переходят на сторону коммунистов, ибо революционному пролетариату нужна победа над контр-революцией, а не бессильное „осуждение“ ее.

В-четвертых. Вопрос о „терроризме“ есть, видимо, основной вопрос в книге Каутского. Это видно из ее заглавия. Это видно также из слов Штампфера: „.....Каутский, несомненно, прав, утверждая, что основным принципом Коммуны был не терроризм, а всеобщее избирательное право“. Я привел в своей книге „Пролетарская революция и ренегат Каутский“ достаточно материала для доказательства того, какой издевкой над марксизмом является подобное рассуждение об „основном принципе“. В настоящий момент моя задача иная. Чтобы показать, какую ценность имеют рассуждения Каутского о „терроризме“, кому служат эти рассуждения, какому классу, я приведу полностью одну небольшую либеральную статью. Эта статья представляет из себя письмо в редакцию либерального американского журнала: „Новая Республика“ („The new Republic“, June 25 th. 1919). Журнал этот, стоящий вообще на мелко-буржуазной точке зрения, тем выгодно отличается от писаний господ Каутских, что не называет этой точки зрения ни революционным социализмом, ни марксизмом.

Вот это письмо в редакцию полностью:

### **Маннергейм<sup>163)</sup> и Колчак.**

Господин редактор!

Союзные правительства отказались признать советское правительство России по следующим, как они говорят, причинам:

1) Советское правительство есть — или было — германфильское (pro gettap, стоящее на стороне Германии).

2) Советское правительство держится на терроризме.

3) Советское правительство недемократично и не представляет русского народа.

Между тем, союзные правительства давно уже признали теперешнее белогвардейское правительство Финляндии под диктаторством генерала Маннергейма, хотя очевидно следующее:

1) Германские войска помогали белогвардейцам раздавить социалистическую республику Финляндии, и генерал Маннергейм посылал неоднократные телеграммы кайзеру с выражением сочувствия и уважения. Между тем, Советское правительство энергично подкапывало германское правительство пропагандой среди войск на русском фронте. Финское правительство было бесконечно более германфильским, чем русское.

2) Теперешнее правительство Финляндии, при вступлении его во власть, казнило хладнокровно в течение нескольких дней 16.700 членов бывшей социалистической республики и заключило в концентрационных лагерях, обрекая на голодную смерть, еще 70.000. Между тем, все казни в России за год, кончающийся 1 ноября 1918 года, были, по официальным данным, чн-

слов 3.800, включая многих подкупных советских должностных лиц, как равно и контр-революционеров. Финское правительство было бесконечно более террористическим, чем русское.

3) Убив и заарестовав около 90.000 социалистов и отогнав еще около 50.000 за-границу в Россию—Финляндия, страна маленькая, с числом избирателей только около 400.000—белогвардейское правительство сочло достаточно безопасным произвести выборы. Несмотря на все предосторожности, было выбрано большинство социалистов, но генерал Маннергейм, подобно союзникам после выборов во Владивостоке, не утвердил мандата ни одного из них. Между тем, Советское правительство лишило избирательных прав всех тех, кто не исполняет полезной работы для добывания себе средств к жизни. Финское правительство было значительно менее демократичным, чем русское.

И точно так же обстоит дело с великим чемпионом демократии и нового порядка, адмиралом Колчаком в Омске, а этого адмирала союзные правительства поддерживали, снабжали, экипировали, и теперь собираются признать официально.

Таким образом, всякий аргумент, который союзники выдвигали против признания советов, может быть применен с бóльшей силой и честностью против Маннергейма и Колчака. Однако эти последние признаны, и блокада становится все строже вокруг умирающей с голода России.

С т ю а р т Ч э й с (Stuart Chase).

Вашингтон.

Эта маленькая статейка буржуазного либерала превосходно разоблачает всю подлость и измену социализму господ Каутских, Мартовых, Черновых, Брантингов<sup>43)</sup> и прочих героев желтого Бернского Интернационала.

Каутский и все эти герои, во-первых, лгут про Советскую Россию по вопросу о терроризме и демократии. Во-вторых, они оценивают события не с точки зрения фактически идущей; в мировом масштабе и в самой острой форме, классовой борьбы, а с точки зрения мещанских, филистерских воздыханий о том, что могло бы быть, если бы не было связи буржуазной демократии с капитализмом, если бы не было на свете белогвардейцев, если бы их не поддерживала всемирная буржуазия и т. д., и т. п. В-третьих, сопоставляя американскую статейку с рассуждениями Каутского и К<sup>о</sup>, мы ясно видим, что его объективная роль есть лакейство перед буржуазией.

Всемирная буржуазия поддерживает Маннергеймов и Колчаков, стремясь задушить Советскую власть, облыжно выставляя ее террористической и недемократической. Таковы факты. И только подпевалами буржуазии являются Каутский, Мартов, Чернов и К<sup>о</sup>, когда они тянут свою песенку о терроризме и демократизме. Всемирная буржуазия именно под звуки этой песенки, именно

ею обманывая рабочих, душит рабочую революцию. Личная честность „социалистов“, которые поют эту песенку „искренно“, т.-е. по крайнему тупоумию, нисколько не меняет объективной роли этой песенки. „Честные оппортунисты“, — Каутские, Мартовы, Лонгэ и К<sup>о</sup> стали „честными“ (по беспредельной своей бесхарактерности) контр-революционерами.

Таков факт.

Американский либерал понял—не в силу своей теоретической подготовленности, а просто внимательно наблюдая события в достаточно широком, т.-е. именно в мировом, масштабе,—понял, что буржуазия всего мира организует и ведет гражданскую войну против революционного пролетариата, поддерживая для этого Колчака и Деникина в России, Маннергейма в Финляндии, лакеев буржуазии, грузинских меньшевиков на Кавказе, польских империалистов и польских Керенских в Польше, немецких шейдемановцев в Германии, контр-революционеров (меньшевиков и капиталистов) в Венгрии и т. д., и т. д.

А Каутский, как настоящий революционный мещанин, продолжает хныкать по поводу страхов и ужасов гражданской войны! Тут не только исчезает всякая тень революционного сознания (всякая тень исторического реализма (ибо не грех, наконец, понять неизбежность превращения империалистской войны в войну гражданскую), тут получается прямо подпевание буржуазии, помощь ей, тут Каутский фактически оказывается на стороне буржуазии в той гражданской войне, которая во всем мире либо уже идет, либо готовится с полной ясностью.

Как теоретик, Каутский прикрывает шумом, криком, плачем, истерикой по поводу гражданской войны то обстоятельство, что он провалился. Правы оказались именно большевики, которые осенью 1914 года заявили всему миру о превращении империалистской войны в войну гражданскую. Реакционеры всех оттенков негодовали или смеялись, но большевики оказались правы. Чтобы прикрыть свое полное поражение, свое недомыслие, свою близорукость, надо стараться запугать мелких буржуа ужасами гражданской войны. Это и делает Каутский, как политик.

До каких смехотворных нелепостей он договаривается при этом, видно из следующего. Надежды на всемирную революцию

неосновательны, утверждает Каутский,—и как бы вы думали, в чем его аргумент?—Революция в Европе по типу России была бы, дескать, „разжиганием“ (Entfesselung), развязыванием гражданских войн во всем мире на целое поколение и притом не развязыванием настоящей классовой борьбы, а „братоубийственной борьбы среди пролетариев“. Эти курсивом набранные цитаты приводит, именно как слова Каутского, Штампфер, разумеется восторгаясь ими.

Еще бы негодьям и палачам Шейдемана не восторгаться этими словами! „Вождь социалистов“ запугивает народ революцией и отпугивает от революции. Но Каутский забавно не заметил при этом одного: вот уже почти два года воюет всемирно могущественная Антанта с Россией и разжигает этим революцию у себя. Если бы революция хотя бы только началась теперь, хотя бы только в своей соглашательской стадии, хотя бы только в одной-двух из великих держав Антанты, это сразу прекращало бы гражданскую войну в России, это сразу бы освобождало сотни миллионов народа в колониях. ибо там негодование и возмущение кипит, сдерживает его только насилие Европы.

У Каутского, кроме того, что он в течение всей империалистической войны обнаружил прелести своей подло-лакейской души, действует явно такой мотив: он испугался затяжного характера гражданской войны в России. С испугу он не подумал, что против России воюет буржуазия всего мира. Революция в одной, двух великих державах Европы подорвала бы окончательно силы буржуазии вообще, ее господство сломлено было бы в корне, у ней не осталось бы прибежища нигде на земле

В действительности двухлетняя война всемирной буржуазии против революционного пролетариата России обнадеживает революционеров всего мира, доказывает чрезвычайную близость и легкость победы во всемирном масштабе.

Что касается до гражданской войны „среди пролетариев“, то эти доводы мы тоже слышали от Черновых и Мартовых. Чтобы оценить всю бездонную подлость этого довода, возьмем наглядный пример. Во время великой французской революции часть крестьян, именно вандейцы, воевали за короля против республики. В июне 1849 г. и в мае 1871 г. часть рабочих находилась в войсках Кавеньяка<sup>195)</sup> и Галиффе<sup>196)</sup>, душивших революцию.

Что сказали бы вы о человеке, который бы заявил: „я оплакиваю гражданскую войну среди крестьян во Франции 1792 г., среди рабочих 1849 и 1871 годов?“ Вы сказали бы, что это лицемернейший защитник реакции, монархии, Кавеньяков.

И вы были бы правы.

Не понять даже теперь, что в России идет (и во всем мире начинается или зреет) гражданская война пролетариата с буржуазией, мог бы лишь круглый идиот. Никогда не бывало и никогда не может быть такой классовой борьбы, когда бы часть передового класса не оставалась на стороне реакции. То же относится и к гражданской войне. Часть отсталых рабочих неизбежно помогает—на более или менее короткое время—буржуазии. Этим защищать свой переход на сторону буржуазии могут только мерзавцы.

Теоретически мы видим здесь нежелание понять то, о чем с 1914 года кричат, вопиют все факты всей истории всего рабочего движения во всем мире. Раскол между верхушками и рабочего класса, испорченным мещанством, оппортунизмом, подкупленными „доходными местечками“ и иными подачками буржуазии, наметился осенью 1914 года в мировом масштабе, развился в 1915—1918 годах окончательно. Не видя этого исторического факта, обвиняя коммунистов в расколе, Каутский только в тысячный раз доказывает свою роль лакея буржуазии.

Маркс и Энгельс 40 лет, с 1852 по 1892 г., говорили об обуржуазении части (именно верхушек, вождей, „аристократии“) рабочих в Англии в связи с ее колониальными преимуществами, монополиями. Ясно, как день, что империалистские монополии для целого ряда стран в XX веке должны были создать такое же явление, как в Англии. Во всех передовых странах мы видим развращение, подкупность, переход на сторону буржуазии вождей рабочего класса и верхушек его—в связи с подачками буржуазии, которая дает этим вождям „доходные местечки“, дает крохи своих прибылей этим верхушкам, перекладывает тяжесть наихудшим образом оплачиваемой и самой черной работы на ввозимых отсталых рабочих, усиливает привилегии „аристократии рабочего класса“ по сравнению с массой.

Война 1914—1918 г.г. окончательно доказала предательство социализма, переход на сторону буржуазии вождей и верхушек пролетариата, всех социал шовинистов, Гомперсов<sup>2)</sup>, Брантингов, Реподелей<sup>1)</sup>, Макдональдов, Шейдеманов и т. д. при,

чем, разумеется, по косности часть рабочей массы идет некое время за этой буржуазной сволочью.

Бернский Интернационал Гюисмансов<sup>197</sup>), Вандервельдов<sup>12</sup>), Шейдеманов вполне конституировался теперь, как желтый Интернационал этих изменников социализма. Без борьбы с ним, без раскола с ним не может быть и речи ни о каком действительном социализме, ни о какой искренней работе на пользу социальной революции.

Пусть немецкие независимцы пробуют сидеть между двух стульев, такова уж их судьба. Каутского целуют и обнимают шейдемановцы, как „своего“ человека; Штампфер вопит об этом, и действительно Каутский настоящий товарищ Шейдеманам. А Гильфердинг<sup>46</sup>), тоже независимец и друг Каутского, предлагает в Люцерне исключить из Интернационала Шейдеманов. Конечно, над Гильфердингом только посмеялись настоящие вожди желтого Интернационала. Предложение Гильфердинга было либо крайней глупостью, либо крайним лицемерием: прослыть „левым“ среди рабочей массы и в то же время сохранить за собой местечко в Интернационале слуг буржуазии! Но как бы ни объяснять поведение одного из вождей, Гильфердинга, несомненно одно: среди массы пролетариата и бесхарактерность „независимцев“, и подлость Шейдеманов, Брантингов, Вандервельдов неминуемо будет вызывать все более сильный отход от вождей изменников. Империализм может довольно долго раскалывать рабочих в некоторых странах, пример Англии доказал это, но объединение масс с нами, изгнание желтых идет в мировом масштабе неуклонно вперед. Громадные успехи Коммунистического Интернационала доказывают это: в Америке образовалась уже коммунистическая партия, в Париже комитет восстановления интернациональных связей и комитет синдикальной защиты встал на сторону III-го Интернационала. В Париже две газеты перешли на сторону III-го Интернационала: „Интернационал“ Раймонда Перика и „Запрещенное Название“ („Большевик“) Жоржа Анкетеля. В Англии мы стоим накануне образования коммунистической партии, с которой солидарны и лучшие люди из Брит. Соц. Партии, из „Комитетов фабричных старост“ (Shop Stewards Committees<sup>40</sup>) из революционных индустриалистов и т. д. Шведские левые, норвежские с.-д., голландские коммунисты, швейцарская и итальянская социалистические партии стоят уже в одном ряду с немецкими спартаковцами<sup>5</sup>) и русскими большевиками.

Коммунистический Интернационал за несколько месяцев 1919 года стал всемирным Интернационалом, ведущим массы, и безоговорочно враждебным по отношению к изменникам социализма в желтом Интернационале бернской и люцернской братии.

В заключение остановимся на одном, особенно поучительном сообщении, проливающим свет на роль оппортунистических вождей. В Люцерне, во время заседания там в августе текущего года конференции желтых социалистов выходило особое издание женевской газеты „La Feuille“ („Листок“) с отчетами и сообщениями на разных языках. В английском издании (№ 4, Wednesday, August, 6-th) помещено интервью с Трульстра<sup>198</sup>, известным вождем оппортунистической партии в Голландии

Вот что рассказал Трульстра:

Германская революция 9-го ноября вызвала сильное возбуждение среди наших (голландских) политических и профессиональных вождей. Правящие группы в Голландии несколько дней были в панике, тем более, что в то же самое время почти всеобщее возмущение вспыхнуло в армии.

Бургомистры в Роттердаме и в Гааге постарались собрать свои собственные организации, как подсобные силы контр-революции. Комитет, образованный из бывших генералов, среди коих был один старый офицер, гордившийся подавлением восстания в Китае, попытался сбить с толку нескольких товарищей и вооружить их против революции. Их усилия имели, разумеется, обратное действие, и в Роттердаме один момент казалось, что будет создан Совет Рабочих. Но вожди политической и профессиональных организаций были того мнения, что не пришло еще время для таких методов, и ограничились выдвиганием программы - минимума рабочих требований и публикацией пламенного воззвания к массам.

Так говорил Трульстра. Он добавил еще много хвастливых заявлений: как он держал революционные речи, как он был даже за захват власти, как он понимает недостаточность парламентов и чисто политической демократии, как он признает для переходного времени и „нелегальные способы“ борьбы и „диктатуру пролетариата“ и прочее и т. п.

Трульстра—образец продажного, оппортунистического вождя, служащего буржуазии и обманывающего рабочих. На словах он вам все признает, как видите: и Советы, и диктатуру пролетариата, и что хотите. На деле Трульстра—подлейший предатель рабочих, агент буржуазии. На деле он—вождь тех самых „вождей политических и профессиональных рабочих организаций“

Голландии, которые спасли буржуазию в Голландии, срейдя на сторону буржуазии в решающий момент.'

Ибо факты, сообщенные Трульстрой, вполне ясны и определены. В Голландии была мобилизована армия. Пролетариат был вооружен и объединен в армию с беднейшими слоями всего народа. Германская революция вызвала подъем рабочих и „почти всеобщее возмущение армии“. Ясно, что обязанность революционных вождей была вести массы к революции, не упускать момента, когда вооружение рабочих и влияние германской революции могли сразу решить дело.

Предатели-вожди, с Трульстрой во главе, перешли на сторону буржуазии. Рабочих накормили реформами и еще больше обещаниями реформ; „пламенными воззваниями“ и революционными фразами успокоили рабочих,—и надули их. Помогли буржуазии демобилизовать армию, спасли капиталистов именно господина Трульстра и подобные ему „водители“, составляющие II Интернационал Берна и Люцерна.

Рабочее движение пойдет вперед, выкидывая вон предателей и изменников,—Трульстра и Каутских, избавляясь от той обуржуазившейся верхушки, которая надувает массы, ведя на самом деле политику капиталистов \*).

Р. С. Судя по изложению Штампфера, Каутский насчет советской системы государства замолчал. Не сдал ли он в этом главном вопросе свою позицию? Не отказался ли от защиты тех

---

\*) Редактор журнала „Коммунистический Интернационал“, в котором напечатана статья, сопровождает ее следующим примечанием:

„В Гельсингфорсе, под крылышком генерала Маннергейма, русские белогвардейцы издают газету „Русская Жизнь“—орган, обслуживающий армию генерала Юденича.

В этой газете (в № 168 от 23 сентября 1919 г.), в передовой статье читаем следующую похвалу новой книге Каутского:

В вышедшей на днях книге Карла Каутского (одного из левых представителей социализма)—„Терроризм и коммунизм“—вскрывается со всей присущей автору эрудицией истинная сущность „разрушителей социалистического рабочего движения“

„Большевики,—говорит Каутский,—переняли из истории Парижской коммуны ее неистовый терроризм, но не восприняли основ демократии и человечности. Террор заставляет потухнуть революционную энергию масс и подготавливает почву для грядущей реакции, ведет к гибели демократической власти, опирающейся на воле народной.

„Так было с Робеспьером,—так будет и с большевиками“, говорит Каутский.

пошлостей, которые писал об этом в своей брошюре против диктатуры пролетариата? Не предпочел ли от главного перейти к второстепенному? На эти вопросы мы увидим ответ, когда можно будет ознакомиться с самой брошюрой Каутского.

*Написано 30 сентября.*

*Напечатано в „Коммун. Интерн.“ № 5,  
сентябрь 1919 г.*

## **Привет итальянским, французским и немецким коммунистам.**

Необычайно скудны сведения, получаемые у нас из-за границы. Блокада империалистских зверей действует во-всю, насилие могущественнейших держав мира обрушивается на нас ради восстановления власти эксплуататоров. И вся эта звериная злоба капиталистов России и всего мира прикрывается, разумеется, фразеологией о высоком значении „демократии“. Лагерь эксплуататоров верен себе: он выдает буржуазную демократию за „демократию“ вообще, и все филистеры, все мелкие буржуа подпевают этому лагерю, вплоть до господ Фридриха Адлера<sup>199</sup>), Карла Каутского и до большинства вождей „независимой“ (т.-е. независимой от революционного пролетариата, но зависящей от мелкобуржуазных предрассудков) с.-д. партии Германии

Но чем реже мы получаем в России вести из-за границы, тем с большей радостью наблюдаем мы гигантские повсеместные успехи коммунизма среди рабочих во всех странах мира, успехи разрыва этих масс с гнилыми и предательскими вождями, перешедшими, от Шейдемана до Каутского, на сторону буржуазии.

Об итальянской партии мы узнали только, что конгресс ее громадным большинством принял присоединение к III-му Интернационалу и программу диктатуры пролетариата. Таким образом, итальянская социалистическая партия присоединилась на

---

Советская система опирается на разгроме демократии со всеми ее принципами: народовластия, свободы, самостоятельности.

Большевизм достигает только обратных целей тем, которые он себе якобы ставит“.

Теоретик второго „Интернационала“, поставляющий идеологию для контрреволюционных русских генералов. Дальше некуда итти.

деле к коммунизму, хотя и сохранила еще, к сожалению, старое название. Горячий привет итальянским рабочим и их партии!

О Франции мы знаем только, что в одном Париже есть уже две коммунистические газеты: „Интернационал“ под редакцией Раймонда Перика и „Запрещенное Название“ под редакцией Жоржа Анкетилы. К III Интернационалу примкнул уже ряд пролетарских организаций. Сочувствие рабочих масс безусловно на стороне коммунизма и Советской власти.

О германских коммунистах мы узнали только то, что в ряде городов существует коммунистическая пресса. Газеты эти часто носят название „Красное Знамя“. Берлинское „Красное Знамя“ выходит нелегально, ведя геройскую борьбу с палачами Шейдеманами-Носке, лакействующими перед буржуазией своими делами, как лакействуют перед ней „независимые“ словами и „идейной“ (мелко-буржуазно-идейной) своей пропагандой.

Героическая борьба берлинской газеты коммунистов „Красное Знамя“ вызывает полный восторг.

Наконец-то есть честные и искренние социалисты в Германии, оставшиеся твердыми и непреклонными, несмотря на все преследования, несмотря на подлые убийства лучших вождей. Наконец-то есть коммунисты рабочие в Германии, ведущие героическую борьбу, заслуживающую названия „революционной“ на деле. Наконец-то из недр пролетариата выросла в Германии такая сила, для которой слова о „пролетарской революции“ стали правдой.

Привет немецким коммунистам!

Шейдеманы и Каутские, Реннеры<sup>3)</sup> и Фридрихи Адлеры, как ни велико, может быть, различие между этими господами в смысле их личной честности, одинаково оказались мелкими буржуа, позорнейшими изменниками и предателями социализма, сторонниками буржуазии, ибо все они в 1912 году писали и подписывали Базельский манифест<sup>200)</sup> об имеющей наступить империалистской войне, все они говорили тогда о „пролетарской революции“, и все они оказались на деле мелко-буржуазными демократами, рыцарями мещанско-республиканских, буржуазно-демократических иллюзий, пособниками контр-революционной буржуазии.

Бешеные преследования, которые обрушились на головы немецких коммунистов, закалили их. Если теперь они до известной степени разрознены, то это свидетельствует о широте и мас-

совом характере их движения, о силе роста коммунизма из глубины рабочих масс. Разрозненность неизбежна для движения, которое так бешено преследуют контр-революционные буржуа и их слуги, Шейдеман-Носке, и которое вынуждено организоваться нелегально.

Естественно также, что движение, столь быстро растущее, терпящее такие отчаянные преследования, порождает довольно острые разногласия. В этом нет ничего страшного. Это болезнь роста.

Пусть Шейдеманы и Каутские злорадствуют в своих газетах „Форвертс“ и „Фрейхейт“<sup>201</sup>) по поводу разногласий между коммунистами. Этим героям гнилого мещанства ничего больше не осталось, как прикрывать свою гнилость кивками по адресу коммунистов. Но если говорить о существе дела, то только слепые могут теперь еще не видеть правды. И правда эта состоит в том, что шейдемановцы и каутскианцы позорнейшим образом предали пролетарскую революцию в Германии, изменили ей, оказались фактически на стороне контр-революционной буржуазии. Гейнрих Лауфенберг в своей превосходной брошюре „Между первой и второй революцией“ с замечательной силой, наглядностью, ясностью, убедительностью показал и доказал это. Разногласия внутри шейдемановцев и каутскианцев суть разногласия разлагающихся, умирающих партий, у которых остаются вожди без массы, генералы без армий. Масса покидает шейдемановцев и переходит к каутскианцам ради их левого крыла (это видно по любому отчету о массовом собрании), а это левое крыло соединяет безыдейные трусливо-старые предрассудки мелкой буржуазии насчет парламентской демократии с коммунистическим признанием пролетарской революции, диктатуры пролетариата, Советской власти

Гнилые вожди „независимых“ на словах признают все это, под давлением масс, а на деле остаются мелко-буржуазными демократами, „социалистами“ типа Луи Блан<sup>202</sup>) и других дурачков 1848 года, столь беспощадно осмеянных и заклеянных Марксом.

Все эти разногласия действительно непримиримы. Между мещанами, которые, как и мещане 1848 года, молятся на буржуазную „демократию“, не понимая ее буржуазного характера, и пролетарскими революционерами мира быть не может. Работать вместе они не могут. Гаазе и Каутский, Фридрих Адлер и Отто Бауэр<sup>133</sup>) могут сколько угодно вертеться и исписывать

горы бумаги, говорить бесконечные речи—им не отговориться от того факта, что они на деле обнаруживают полное непонимание диктатуры пролетариата и Советской власти, что они на деле мешанские демократы, „социалисты“ вроде Луи Блана и Ледрю Роллена<sup>203</sup>), что они на деле в лучшем случае—игрушки в руках буржуазии, в худшем—даже прямые прислужники ее.

„Независимцы“, каутскианцы, австрийские социал-демократы кажутся единой партией; на деле масса их членов партии не солидарны с вождями в основном, в самом главном, в наиболее существенном. Масса пойдет на пролетарскую революционную борьбу за Советскую власть, как только наступит момент нового кризиса, а „вожди“ останутся тогда, как и теперь, контр-революционерами. Сидеть между двух стульев нетрудно на словах, и Гильфердинг в Германии, Фридрих Адлер в Австрии показывают высокие образчики этого благородного искусства.

Но в огне революционной борьбы люди, занятые примирением непримиримого, окажутся мыльными пузырями. Это показали все „социалистические“ герои 1848-го года, это показали их родные братья—меньшевики и социалисты-революционеры в России в 1917—1919 годах, это показывают все рыцари Бернского или желтого II Интернационала.

Разногласия среди коммунистов иного рода. Разницы коренной может не видеть только тот, кто не хочет видеть. Это—разногласие среди представителей невероятно быстро выросшего массового движения. Это—разногласие на одной общей, прочной, как камень, основной базе:—на базе признания пролетарской революции, борьбы с буржуазно-демократическими иллюзиями и буржуазно-демократическим парламентаризмом, признания диктатуры пролетариата и Советской власти.

На такой базе разногласия не страшны: это болезнь роста, а не старческая дряхлость. Разногласие такого рода переживал не раз и большевизм, переживал он и небольшие расколы из-за подобных разногласий, но в решительный момент, в момент завоевания власти и создания советской республики, большевизм оказался единым, он привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли, он объединил вокруг себя весь авангард пролетариата и гигантское большинство трудящихся.

Так будет и с германскими коммунистами.

Шейдемановцы и каутскианцы все еще ведут разговоры о „демократии вообще“, они все еще живут в идеях 1848-го года

они—марксисты на словах, Луи Бланы на деле. Они толкуют о „большинстве“, думая, что равенство избирательных бюллетеней означает равенство эксплуатируемого с эксплуататором, рабочего с капиталистом, бедняка с богачем, голодного с сытым.

У шейдемановцев и каутскианцев выходит так, будто—добренькие, честные, благородные, миролюбивые капиталисты никогда не применяли силы богатства, силы денег, власти капитала, гнета бюрократии, военной диктатуры, а решали дела истинно „по большинству“.

Шейдемановцы и каутскианцы (частью по лицемерию, частью по крайней тупости, воспитанной десятилетиями реформистской работы) подкрашивают буржуазную демократию, буржуазный парламентаризм, буржуазную республику, изображая дело так, будто капиталисты решают государственные дела волей большинства, а не волей капитала, не средствами обмана, гнета, насилия богачей над бедняками.

Шейдемановцы и каутскианцы готовы „признать“ пролетарскую революцию, но только так, чтобы сначала, при сохранении силы, власти, гнета привилегий капитала и богатства получилось голосование большинства (при буржуазном аппарате государственной власти, производящей выборы) „за революцию“. Трудно представить всю бездну мещанского тупоумия, которое обнаруживается таким воззрением,—всю бездну мещанской доверчивости к капиталистам, к буржуазии, к генералам, к буржуазному аппарату государственной власти.

На деле именно буржуазия всегда лицемерила, называя „демократией“ формальное равенство, на деле же насилуя бедноту, трудящихся, мелких крестьян и рабочих бесконечным числом приемов обмана, гнета и т. д. Империалистская война (которую постыдно подкрашивали Шейдеман и Каутские) вскрыла это для миллиона людей. Диктатура пролетариата есть единственное средство защиты трудящихся от гнета капитала, от насилия военной диктатуры буржуазии, от империалистских войн, диктатура пролетариата есть единственный шаг к равенству и демократии на деле, не на бумаге, а в жизни, не в политической фразе, а в экономической действительности.

Не поняв этого, Шейдеман и Каутские оказались презренными изменниками социализма и защитниками идей буржуазии.

Каутскианская или „независимая“ партия гибнет и неминуемо вскоре погибнет и разложится от разногласий между революционными в массе ее членами и контр-революционными „вождями“.

Коммунистическая партия окрепнет и закалится, переживая как раз такие (по существу дела) разногласия, которые переживал и большевизм.

Разногласия среди германских коммунистов сводятся, насколько могу судить, только к вопросу об „использовании легальных возможностей“ (как говорили в 1910—1913 годах большевики), об использовании буржуазного парламента, реакционных профессиональных союзов, „закона о советах“, изуродованных шейдемановцами и каутскианцами, об участии в подобных учреждениях, или о бойкоте их. Мы, русские большевики, пережили как раз такого рода разногласия в 1906 и в 1910—1912 г.г. И мы ясно видим, что у многих молодых германских коммунистов сказывается просто недостаток революционного опыта. Если бы они пережили парочку буржуазных революций (1905-й и 1917-й г.г.), они не проповедывали бы так безусловно бойкота, не впадали бы временами в ошибки синдикализма.

Это болезнь роста. Она пройдет с ростом движения, которое растет превосходно. И с этими очевидными ошибками надо бороться открыто, стараясь не преувеличивать разногласия. ибо всем должно быть ясно, что в недалеком будущем борьба за диктатуру пролетариата, за Советскую власть устраним большую часть этих разногласий.

И с точки зрения марксистских теорий, и с точки зрения опыта трех революций (1905, 1917-февраль, 1917-октябрь) я считаю безусловно ошибочным отказ от участия в буржуазном парламенте, в реакционном (Легиновском<sup>106</sup>), Гомперсовском<sup>2</sup>) и т. п.) проф. союзе, в реакционнейшем рабочем „совете“, изуродованном шейдемановцами и т. п.

Иногда, в отдельном случае, в отдельной стране бойкот правилен, как был, например, правилен бойкот большевиками царской думы в 1905 году<sup>204</sup>). Но те же большевики участвовали в гораздо более реакционной и прямо контр-революционной думе 1907 года. Большевики участвовали в выборах в буржуазное Учр. Собрание в 1917 году, а в 1918 году мы его разогнали, к ужасу мещанских демократов, Каутских и прочих ренегатов социализма. Мы участвовали в реакционнейших проф. союзах, чисто меньшевистских, ничем (по контр-революцион-

ности) не уступающих Легиновским, подлейшим и реакционнейшим проф. союзам Германии. Мы даже теперь, два года спустя после завоевания государственной власти, не кончили еще борьбы с остатками меньшевистских (т.е. шейдемановских, каутскианских, гомперсовских и проч.) проф. союзов. Настолько это длительный процесс. Настолько велико в отдельных местностях или в отдельных профессиях влияние мелко-буржуазных идей

Мы были раньше меньшинством в Советах, меньшинством в проф. союзах, в кооперативах. Долгим трудом, долгой борьбой— и до завоевания политической власти и после ее завоевания— мы приобрели большинство во всех рабочих организациях, потом и в нерабочих, потом и в мелко-крестьянских.

Только негодяи и дурачки могут думать, что пролетариат сначала должен завоевать большинство при голосованиях, производимых под гнетом буржуазии, под гнетом наемного рабства, а потом должен завоевывать власть. Это—верх тупоумия или лицемерия, это—замена классово́й борьбы и революции голосованиями при старом строе, при старой власти

Пролетариат ведет свою классовую борьбу, не дожидаясь голосования до начала стачки,— хотя для полного успеха стачки нужно сочувствие большинства трудящихся (а следовательно, и большинства населения). Пролетариат ведет свою классовую борьбу, свергая буржуазию, не дожидаясь при этом никакого предварительного (и буржуазией производимого, под ее гнетом идущего) голосования, при чем пролетариат прекрасно знает, что для успеха его революции, для успешного свержения буржуазии безусловно необходимо сочувствие большинства трудящихся, а (следовательно, и большинства населения).

Парламентские кретины и современные Луи Бланы „требуют“ обязательно голосования и обязательно проводимого буржуазией голосования для определения этого сочувствия большинства трудящихся. Но это взгляд педантов, мертвецов или ловких обманщиков.

Новая жизнь, история действительных революций показывает, что „сочувствие большинства“ очень часто не может быть доказано никакими голосованиями (не говоря уже о голосованиях, производимых эксплуататорами при „равенстве“ эксплуататоров с эксплуатируемыми). Очень часто сочувствие большинства трудящихся доказывается вообще не голосованиями, а ростом одной из партий, или ростом числа ее членов в Советах, или успехами от-

дельной, но почему-либо приобретшей громадное значение, стачки, или успехом в гражданской войне и т. д. и т. д.

История нашей революции показала, например, что сочувствие диктатуре пролетариата со стороны большинства трудящихся на необъятных пространствах Урала и Сибири было обнаружено не голосованиями, а опытом годичной власти царского генерала Колчака над Уралом и Сибирью. При том власть Колчака также началась властью „коалиции“ шейдемановцев с каутскианцами (по-русски „меньшевиков“ и „социалистов-революционеров“, сторонников Учр. Собрания), как в Германии теперь г.г. Гаазе <sup>184)</sup> и Шейдеману своей „коалицией“ прокладывают дорогу власти фон-Гольца <sup>205)</sup> или Людендорфа <sup>137)</sup> и прикрывают, прикрашивают эту власть. В скобках замечу: коалиция Гаазе и Шейдемана в правительстве кончилась, но политическая коалиция этих предателей социализма осталась. Доказательство: книги Каутского, статьи Штампфера в „Форвертсе“, статьи каутскианцев и шейдемановцев об их „объединении“ и т. д.

Пролетарская революция невозможна без сочувствия и поддержки огромного большинства трудящихся по отношению к своему авангарду:—к пролетариату. Но это сочувствие, эта поддержка не дается сразу, не решается голосованиями, а завоевывается долгой, трудной, тяжелой классовой борьбой. Классовая борьба пролетариата за сочувствие, за поддержку большинства трудящихся не оканчивается завоеванием политической власти пролетариатом. После завоевания власти эта борьба продолжается только в иных формах. В русской революции обстоятельства сложились для пролетариата (в его борьбе за его диктатуру) исключительно благоприятно, ибо пролетарская революция произошла, когда весь народ был вооружен, и когда все крестьянство хотело свержения власти помещиков, все крестьянство возмущено было „каутскианской“ политикой социал-предателей, меньшевиков и социалистов-революционеров.

Но даже и в России, где в момент пролетарской революции дела сложились исключительно благоприятно, где сразу получилось выдающееся единение всего пролетариата, всей армии, всего крестьянства, даже в России борьба пролетариата, осуществляющего свою диктатуру, борьба пролетариата за сочувствие, за поддержку большинства трудящихся, заняла месяцы и годы. За два года эта борьба почти закончена, но не совсем еще кончена в пользу пролетариата. Мы только в два года оконча-

гельно завоевали сочувствие и поддержку подавляющего большинства рабочих и трудящихся крестьян Великороссии, включая Урал и Сибирь, но не закончили еще завоевания сочувствия и поддержки большинства трудящихся крестьян (в отличие от крестьян эксплуататоров) Украины. Нас может задавить (и все же не задавит) военная мощь Антанты, но внутри России за нами теперь такое прочное сочувствие такого огромного большинства трудящихся, что мир не видал еще государства более демократического.

Если вдуматься в эту сложную, трудную, долгую, богатую чрезвычайным различием форм,—необыкновенным обилием резких изменений, переломов, переходов от одной формы борьбы к другой,—историю борьбы пролетариата за власть, то ясной станет ошибка тех, что хочет „запретить“ участие в буржуазном парламенте, в реакционных профессиональных союзах, в царских или шейдемановских комитетах рабочих старост, или в заводских советах и т. д. и т. п. Эта ошибка вызвана революционной неопытностью искреннейших, убежденнейших героических революционеров из рабочего класса. Поэтому Карл Либкнехт и Роза Люксембург были тысячу раз правы, когда они в январе 1919 года видели эту ошибку, указывали на нее, но предпочитали остаться вместе с ошибающимися по не очень важному вопросу пролетарскими революционерами <sup>179)</sup>, чем с предателями социализма, шейдемановцами и каутскианцами, которые не ошиблись по вопросу об участии в буржуазном парламенте, но перестали быть социалистами, сделались мещанскими демократами, пособниками буржуазии.

Но все же ошибка остается ошибкой, ее надо критиковать, за ее исправление надо бороться.

Борьба с предателями социализма, шейдемановцами, каутскианцами должна быть беспощадна, но она должна идти не по линии за участие или против участия в буржуазных парламентах, в реакционных профессиональных союзах и т. д. Это было бы безусловной ошибкой, и еще большей ошибкой было бы отступление от идей марксизма и от его практической линии (крепкая, централизованная политическая партия) к идеям и практике синдикализма. Надо стремиться к тому, чтобы партия участвовала и в буржуазном парламенте, и в реакционных профессиональных союзах, и в „заводских комитетах“, шейдемановски урезанных и кастрированных, участвовала везде, где есть рабочие, где можно говорить с рабочими, влиять на рабочую массу. Надо во что бы то ни стало соединять нелегальную работу

с легальной, систематически и неуклонно осуществляя строжайший контроль нелегальной партии, ее рабочих организаций, над легальной деятельностью. Это нелегко, но „легких задач“, легких средств борьбы у пролетариата вообще нет и быть не может.

Эту нелегкую задачу надо во что бы то ни стало решить. Наше отличие от шейдемановцев и каутскианцев не только в том (и не главным образом в том), что они не признают вооруженного восстания, а мы признаем. Главное, коренное отличие то, что они на всех поприщах работы (и в буржуазных парламентах, и в профессиональных союзах, и в кооперативах, и в журналистике и т. д.)—ведут непоследовательную, оппортунистическую или даже изменническую и предательскую политику.

Против социал-предателей, против реформизма и оппортунизма,—эту политическую линию можно и должно вести на всех без изъятия поприщах борьбы. И тогда мы завоюем рабочую массу. А с рабочей массой авангард пролетариата, марксистская централизованная политическая партия верным путем доведет народ к победоносной диктатуре пролетариата, к пролетарской демократии на место буржуазной, к советской республике, к социалистическому строю.

III Интернационал одержал ряд блестящих, невиданных побед в несколько месяцев. Быстрота его роста удивительна. Частые ошибки и болезни роста не страшны. Прямо и открыто критикуя их, мы добьемся того, что марксистски воспитанная рабочая масса всех культурных стран скоро прогонит от себя предавших социализм шейдемановцев и каутскианцев всех наций (а эти типы есть во всех нациях).

Победа коммунизма неизбежна. Победа будет за нами.

*„Коммун. Интерн.“ № 5  
октябрь 1919 г.*

## **Речь в Свердловском университете.**

(24 октября 1919 г.)

Товарищи! Вы знаете, что сегодня собрало нас вместе не только желание отпраздновать окончание большинством из вас курсов советской школы, но также то обстоятельство, что около половины всего вашего выпуска приняло решение отправиться на фронт для того, чтобы оказать новую, экстраординарную и существенную помощь борющимся на фронте войсками.

Товарищи! Мы прекрасно знаем, какие громадные трудности причиняет всему нашему управлению и в городе, и, в особенности, в деревнях недостаток опытных, осведомленных товарищей. Мы прекрасно знаем, что те передовые рабочие Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и других городов, те передовые товарищи, которые до сих пор несли на своих плечах, можно сказать, главную тяжесть управления страной при неслыханно трудных условиях, главную тяжесть объединения рабочих и крестьян и руководства ими, мы прекрасно знаем, что они истощены теми, иногда сверхчеловеческими требованиями, которые предъявляет к ним защита Советской Республики. Поэтому возможность собрать здесь несколько сот рабочих и крестьян, дать им возможность заняться систематически несколько месяцев, пройти курс советских знаний, чтобы двинуться отсюда вместе, организованно, сплоченно, сознательно для управления, для исправления тех громадных недостатков, которые еще остаются,—эта возможность представляет для нас громадную ценность, и мы с чрезвычайным трудом, с чрезвычайной неохотой и после долгих колебаний решились на то, чтобы около половины настоящего выпуска отдать на фронтową работу. Но условия, которые сложились на фронте, таковы, что выбора не оставалось. Мы думали, что решение, которое было принято добровольно, и целью которого является отправление на фронт еще ряда лучших представителей, которые были бы очень полезны во всей административно-строительной работе, это решение вызывается обстоятельствами безусловной необходимости.

Товарищи, вы мне позвольте вкратце остановиться на том положении, которое сложилось теперь на разных фронтах, чтобы вы могли судить о том, насколько экстренна эта необходимость.

На очень многих фронтах, которые раньше были очень существенными и на которые неприятель возлагал громадные надежды, как раз в последнее время дело подходит к полной и, по всем признакам, к окончательной победе в нашу пользу. На Северном фронте, где наступление на Мурман обещало неприятелю особенно большие выгоды, где давно уже были собраны англичанами громадные и великолепно вооруженные силы, где нам, при отсутствии продовольствия и снаряжения, было невозможно бороться, там, казалось бы, у империалистов Англии и Франции должны были быть блестящие перспективы. И как раз там оказалось, что все наступление неприятеля рухнуло

окончательно. Англичанам пришлось вывести назад свои войска, и мы теперь видим полное подтверждение того, что английские рабочие войны с Россией не хотят и даже теперь, когда в Англии далеко еще нет революционной борьбы, они способны оказывать такое влияние на свое правительство хищников и грабителей, что заставляют его убрать войска из России. Этот фронт, который был особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу, они вынуждены были сдать. Там остаются ничтожные силы русских белогвардейцев, которые не имеют почти никакого значения.

Возьмите другой фронт—колчаковский. Вы знаете, что, когда наступали войска Колчака к Волге, европейская капиталистическая печать торопилась возвестить всему миру падение Советской власти и признание Колчака верховным правителем России. Но не успела торжественная грамота об этом признании дойти до самого Колчака, как наши войска погнали его в Сибирь, и вы знаете, что мы подходим к Петропавловску и Иртышу, и Колчаку пришлось распределить свои силы иначе, чем он предполагал. Было время, когда нам пришлось отойти, потому что местные рабочие и крестьяне опоздали со своей мобилизацией. Сведения, которые мы получаем из колчаковского тыла, говорят, что у него несомненный развал, а население восстает против него поголовно,—даже зажиточные крестьяне. Мы подходим к тому, что последний оплот сил Колчака будет сломлен, и этим мы закончим год революции, в течение которого вся Сибирь была под властью Колчака, когда ему помогали и эс-эры, и меньшевики, которыми еще раз была проделана история соглашения с буржуазным правительством. Вы знаете, что Колчаку оказывала помощь вся европейская буржуазия. Вы знаете, что сибирская линия охранялась и поляками, и чехами, были и итальянцы, и американские офицеры-добровольцы. Все, что могло бы парализовать революцию, все пришло на помощь Колчаку. И все это рухнуло, потому что крестьяне, сибирские крестьяне, которые менее всего поддаются влиянию коммунизма, потому что менее всего его наблюдают, получили такой урок от Колчака, такое практическое сравнение (а крестьяне любят сравнения практические!), что мы можем сказать: Колчак дал нам миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать. Вот чем

кончилась власть Колчака, и вот почему на этом фронте мы чувствуем себя наиболее прочно!

На Западном фронте мы видим, что наступление поляков приходит к концу. Они получали помощь от Англии, Франции и Америки, которые стремились раздуть старую ненависть Польши к великорусским угнетателям, пытаясь перенести ненависть польских рабочих к помещикам и царям, во сто крат заслуженную на русских рабочих и крестьян, заставляя их думать, что большевики, также как русские шовинисты, мечтают о завоевании Польши. На время этот обман им удался. Но у нас есть определенные признаки того, что время, когда действовал этот обман, проходит, что среди польских войск начинается разложение. Американские известия, которых никак нельзя заподозрить в сочувствии к коммунизму, подтверждают, что среди польских крестьян все более усиливались требования закончить войну к первому октября во что бы то ни стало, и что стремления эти поддерживают даже самые патриотические из польских социалшовинистов (П. П. С.) <sup>86)</sup>, которые занимают место наших меньшевиков и эс-эров, все более усиленно оказывая сопротивление своему правительству. За это время настроение поляков сильно изменилось.

Остается два фронта — Петроградский и Южный, где разыгрываются наиболее серьезные события. Но и здесь все признаки говорят за то, что враг собирает последние силы. Мы имеем точные сообщения о том, что в Англии военный министр Черчилль и партия капиталистов предприняла эту военную авантюру на Петроград, чтобы показать возможность быстро покончить с Советской Россией, и что там английская пресса рассматривает эту авантюру, как последнюю ставку шовинистов и министра Черчилля, вопреки несомненной воле большинства населения.

Мы можем рассматривать петроградское нашествие, как меру помощи Деникину. Об этом мы можем заключить из положения за Петроградском фронте.

Вы знаете, что нам и литовское, и латышское, и эстонское правительства ответили согласием на предложение начать переговоры о мире. Естественно, что эти последние известия вызвали колебания в наших войсках, вызвали в них надежду, что война оканчивается. Переговоры уже начались. А в это время Англия двинула свои суда и высадила несколько тысяч белогвардейцев, которые были снабжены великолепными техническими средства-

ми. Но они не могут ввозить их к нам, не усыпивши народ обманом, потому что в Англии и Франции были случаи, что попытки грузить военные припасы на пароходы оканчивались неудачей, ибо портовые рабочие устраивали стачки и говорили, что они пароходов, которые везут истребительные снаряды в Советскую Россию, не допустят. Английским империалистам приходилось брать из других стран это снаряжение, обманывая свой народ. Неудивительно поэтому, что они пустили на Советскую Россию несколько сотен или тысяч русских белогвардейских офицеров. В Англии существует лагерь, где держат этих белогвардейских офицеров, кормят их и обучают для нашествия на Советскую Россию, говоря затем, что это внутренняя война, вызванная террором большевиков. Лагери, которые наполнялись раньше нашими пленными, полны теперь русскими белогвардейскими офицерами. Этим и вызвано то, что, когда мы со стороны Литвы и Латвии ожидали перемирия, неприятель одержал в первые дни такие громадные успехи, бросив эти силы на Петроградский фронт. Вы теперь знаете, что на Петроградском фронте теперь наступил перелом. Вы знаете из сообщений Зиновьева и Троцкого, что убыль уже пополнена, что прежние колебания уже пришли к концу, что наши войска наступают и наступают успешно, преодолевая самое отчаянное сопротивление. Эти бои отличаются необыкновенным ожесточением. Мне сообщил по телефону Троцкий из Петрограда, что в Детском Селе, которое недавно взято нами, из отдельных домов стреляли белогвардейцы и оставшаяся буржуазия, оказывая самое упорное сопротивление больше, чем во всех предыдущих боях<sup>106</sup>). Неприятель чувствует, что происходит перелом всей войны и что Деникин находится в таком положении, что надо помочь ему и отвлечь наши силы, направленные против него. Это им не удалось — можно сказать определенно! Все, чем мы помогли Петрограду, было взято без малейшего ослабления Южного фронта. Ни одна часть на Петроградском фронте не была отвлечена с юга, и та победа, которую мы начали осуществлять и которую мы доведем до конца, будет осуществлена без малейшего ослабления Южного фронта, на котором решится исход войны с помещиками и империалистами. Исход будет там, на Южном фронте, в недалеком будущем.

Товарищи, вы знаете, что на Южном фронте, с одной стороны, неприятель больше всего опирался на казаков, которые

боролись за свои привилегии, а, с другой стороны, там больше всего было образовано полков добровольческой армии, которые, полные негодования и бешенства, боролись за интересы своего класса, за восстановление власти помещиков и капиталистов. Здесь, поэтому, нам предстоит дать решающий бой, и здесь мы видим то же, что мы видели на примере Колчака, одержавшего значащие огромные победы, но чем дальше шли бои, тем больше редели ряды офицеров и сознательного кулачества, которое составляло главную силу Колчака, и тем больше ему приходилось брать рабочих и крестьян. Они любят воевать чужими руками, они сами не любят жертвовать собой и предпочитают, чтобы рабочие рисковали головой ради их интересов. Когда Колчаку пришлось расширить свою армию, это расширение привело к тому, что сотни тысяч перешли на нашу сторону. Десятки белогвардейских офицеров и казаков, перебежчиков от Колчака, говорили, что они убедились, что Колчак продает Россию оптом и в розницу, и, даже не разделяя большевистских взглядов, переходили на сторону Красной армии. Так кончил Колчак, так кончит и Деникин. Сегодня вы могли прочитать в вечерних газетах о восстаниях в тылу у Деникина.—Украина загорается. Мы имеем сообщение о событиях на Кавказе, где горцы, доведенные до отчаяния, бросились в наступление и обобрали полк Шкуро, отняв у них винтовки и снаряжение. Мы получили вчера иностранное радио, которое вынуждено было признать, что положение Деникина трудное, ему приходится пускать лучшие свои силы в бой, ибо Украина горит и на Кавказе восстание. Наступает момент, когда Деникину приходится бросать все на карту. Никогда еще не было таких ожесточенных кровопролитных боев, как под Орлом, где неприятель бросает самые лучшие полки, так называемые „корниловские“, где треть состоит из офицеров, наиболее контр-революционных, наиболее обученных, самых бешеных в своей ненависти к рабочим и крестьянам, защищающих прямое восстановление своей собственной помещичьей власти. Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном фронте. Победа под Орлом и Воронежем, где преследование неприятеля продолжается, показала, что и здесь, как и под Петроградом, перелом наступил. Но нам надо, чтобы наше наступление из мелкого и частичного было превращено в массовое, огромное, доводящее победу до конца.

Вот почему, как ни тяжела для нас эта жертва,—**посылка** на фронт курсантов, собранных здесь и заведомо необходимых для работы в России,—мы тем не менее согласились на ваше желание. Там, на Южном и Петроградском фронтах, в ближай-шие, если не недели, то во всяком случае месяцы, решается судьба войны. В такой момент всякий сознательный коммунист должен сказать себе: мое место там, впереди других на фронте, где дорог каждый сознательный коммунист, прошедший школу.

Если в войсках произошло колебание, то оно вызвано тем, что народ устал от войны. Вы прекрасно знаете, какой голод, разруху и муку вынес за эти два года рабочий и крестьянин в борьбе против империалистов всего мира. Вы знаете, что наиболее уставшие не выдерживают долгого напряжения, и этим моментом пользуется неприятель, у которого лучшая связь, командный состав,— и ударяет со всей силой. [Этим-то и было вызваны неудачи на Южном фронте. Потому-то теперь самые сознательные представители рабочих и крестьян, обученные на зоенных курсах и на курсах подобных вашим, должны организо-занно, сплоченно, поделившись на большие или маленькие группы, по соглашению с военными властями, распределив между собой обязанности, двинуться на фронт, чтобы помочь войскам, среди которых появилась некоторая неустойчивость, туда, где сильнее натиск врагов. Всякий раз в течение двух-летнегo существования Советской власти, когда замечалась не-которая неустойчивость среди крестьянской массы, которая не видела и не знает советской работы, мы обращались за помощью к наиболее организованной части городского пролетариата и получали от него поддержку самую героическую.

Сегодня я видел товарищей, иваново-вознесенских рабо-чих, которые сняли до половины всего числа ответственных пар-тийных работников для отправки на фронт. Мне рассказывал один из них, с каким энтузиазмом их провожали десятки тысяч беспартийных рабочих и как подошел к ним один старик, бес-партийный, и сказал: „Не беспокойтесь, уезжайте, ваше место там, а мы здесь за вас справимся“. Вот, когда среди беспартий-ных рабочих возникает такое настроение, когда беспартийные массы, не разбирающиеся еще полностью в политических вопро-сах, видят, что мы лучших представителей пролетариата и кре-стьянства отправляем на фронт, где они берут на себя самые трудные, самые ответственные и тяжелые обязанности, и где

им придется в первых рядах понести больше всего жертв и погибнуть в отчаянных боях,—число наших сторонников среди неразвитых беспартийных рабочих и крестьян вырастает вдесятеро и с войсками колебавшимися, ослабевшими, усталыми происходят настоящие чудеса!

Вот, товарищи, та великая и трудная задача, которая лежит на наших плечах. Для тех, кто отправляется на фронт, как представители рабочих и крестьян, выбора быть не может. Их лозунг должен быть—смерть или победа! Каждый из вас должен уметь подойти к самым отсталым, самым неразвитым красноармейцам, чтобы самым понятным языком, с точки зрения человека трудящегося, объяснить положение, помочь им в трудную минуту, устранить всякое колебание, научить их бороться с многочисленными проявлениями саботажа, вялости, обмана или измены. Вы знаете, что еще много таких проявлений в ваших рядах и в командном составе. Тут нужны те, кто прошел известный курс науки, понимает политическое положение и умеет оказать помощь широким массам рабочих и крестьян в их борьбе с изменой или саботажем. Кроме личной смелости, Советская власть ждет от вас, чтобы вы оказали всестороннюю помощь этим массам, чтобы вы прекратили всякие колебания среди них и показали, что у Советской власти есть силы, к которым она прибегает во всякую трудную минуту.—Этих сил у нас имеется достаточное количество!

Теперь, повторяю, нам приходится идти на эту большую жертву лишь потому, что это главный и последний фронт, где по всем признакам в ближайше недели или месяцы решится судьба всей гражданской войны. Здесь мы можем раз-на-всегда нанести неприятелю такой удар, от которого он не оправится. После кровавой борьбы с белогвардейцами,—борьбы, которую они нам навязали,—мы перейдем, наконец, к нашему делу, делу настоящего строительства, более свободные, с удесятеренной энергией. Вот почему, товарищи, я приветствую тех из вас, кто берет сейчас на себя эту труднейшую и величайшую задачу борьбы до конца в передовых рядах на фронте, и прощаюсь с ними в полной уверенности, что они принесут нам полную и окончательную победу.

## Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата.

К двухлетнему юбилею Советской власти я задумал написать небольшую брошюру на тему, указанную в заглавии. Но в сутолоке повседневной работы мне не удалось до сих пор пойти дальше предварительной подготовки отдельных частей. Поэтому я решил сделать опыт краткого, конспективного изложения самых существенных, на мой взгляд, мыслей по данному вопросу. Разумеется, конспективный характер изложения несет с собой много неудобств и минусов. Но может быть для небольшой журнальной статьи окажется тем не менее достижимой скромная цель: дать постановку вопроса и канву для обсуждения его коммунистами разных стран <sup>207</sup>).

### I.

Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом, или, иными словами, между побежденным, но неуничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом.

Не только для марксиста, но и для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития, необходимость целой исторической эпохи, которая отличается этими чертами переходного периода, должна быть ясна сама собою. И, однако, все рассуждения о переходе к социализму, которые мы слышим от современных представителей мелко-буржуазной демократии (а таковыми являются, вопреки своему, якобы социалистическому ярлычку, все представители II-го Интернационала, включая таких людей, как Макдональд <sup>155</sup>) и Жан Лонгэ <sup>193</sup>), Каутский и Фридрих Адлер <sup>199</sup>), отличаются полным забвением этой самоочевидной истины. Мелко-буржуазным демократам свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы. Поэтому такие демократы либо отмахиваются от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму, либо своей задачей считают выдумку планов при-

мирения обеих борющихся сил, вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил.

2

В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами, вследствие очень большой отсталости и мелко-буржуазности нашей страны. Но основные силы—и основные формы общественного хозяйства—в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти во всяком случае не могут касаться самого главного.

Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат.

Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного—в едином масштабе громадного государства—труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе, капитализмом.

Труд объединен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства, и поскольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися.

Мы говорим о „первых шагах“ коммунизма в России (как говорит это и наша партийная программа, принятая в марте 1919 года), ибо все эти условия осуществлены у нас лишь частью, или иными словами:—осуществление этих условий находится лишь в начальной стадии. Сразу, одним революционным ударом, сделано то, что вообще можно сделать сразу: например, в первый же день диктатуры пролетариата, 26 октября 1917 года (8 ноября 1917 года) отменена частная собственность на землю, без вознаграждения крупных собственников, экспропрированы крупные собственники земли. В несколько месяцев экспропрированы, тоже без вознаграждения, почти все крупные капиталисты,

владельцы фабрик, заводов, акционерных предприятий, банков, железных дорог и т. д. Государственная организация крупного производства в промышленности, переход от „рабочего контроля“ к „рабочему управлению“ фабриками, заводами, железными дорогами,—это, в основных и главнейших чертах, уже осуществлено, но по отношению к земледелию это только-только начато („советские хозяйства“, крупные хозяйства, организованные рабочим государством на государственной земле). Равным образом только-только начата организация различных форм товариществ мелких земледельцев, как переход от мелкого товарного земледелия, к коммунистическому \*)

То же самое надо сказать про государственную организацию распределения продуктов взамен частной торговли, т. е. государственную заготовку и доставку хлеба в города, промышленных продуктов в деревню. Ниже будут приведены имеющиеся по этому вопросу статистические данные.

Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно-широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни, базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь—в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом. Формы этой борьбы:—мещечничество и спекуляция, направленные против государственной заготовки хлеба (а равно и других продуктов),—вообще, против государственного распределения продуктов.

### 3.

Чтобы иллюстрировать эти абстрактные теоретические положения, приведем конкретные данные.

Государственная заготовка хлеба в России, по данным Компрода (Народного Комиссариата Продовольствия), с 1 августа 1917 г. по 1 августа 1918 г. дала около 30 миллионов пудов. За следующий год—около 110 милл. пудов. За первые три месяца следующей (1919—1920) кампании—заготовки, видимо, достигают цифры около 45 милл. пудов против 37 милл. пудов за те же месяцы (август-сентябрь) 1918 г

---

\*) Число „советских хозяйств“ и „земледельческих коммун“ в Советской России определяется приблизительно в 3.536 и 1.961, число земледельческих артелей в 3.696. Наше центр. стат. управление производит в настоящее время точную перепись всех советских хозяйств и коммун. Итоги начнут поступать в ноябре 1919 года.

Эти цифры ясно говорят о медленном, но неуклонном улучшении дела, в смысле победы коммунизма над капитализмом. Это улучшение достигается, несмотря на неслыханные в мире трудности, причиняемые гражданской войной, которую русские и заграничные капиталисты организуют, напрягая все силы могущественнейших держав мира.

Поэтому, как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники („социалисты“ II-го Интернационала), остается несомненным: с точки зрения основной экономической проблемы диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и проч против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удастся.

Насколько именно мы уже победили капитализм в тот краткий срок, который был нам дан, и при тех невиданных в мире трудностях, при которых пришлось действовать, видно из следующих итоговых цифр. Центр. стат. управление только что приготовило для печати данные о производстве и потреблении хлеба не по всей Советской России, а по 26 губерниям ее.

Итоги получились такие:

26 губернии Сов. России.	Население (миллионы.)	Производство хлеба (без се- мян и без кор- мов). (Милл. пудов.)	Доставлено хлеба:		Все количество хлеба, коим располагало население. (Милл. пудов.)	Потребле- ние хлеба на душу (пудов.)
			Компро- дом. (Милл. пудов.)	Мешеч- никами.		
Производящие губернии.	Города 4,4	—	20,9	20,6	41,5	9,5
	Села 28,6	625,4	—	—	481,8	16,9
Потребляющие губернии.	Города 5,9	—	20,0	20,0	40,0	6,8
	Села 13,8	114,0	12,1	27,8	151,4	11,0
Всего (26 губ.) 52,7		739,4	53,0	68,4	714,7	13,6

Итак, приблизительно половину хлеба городам дает Компрод, другую половину — мешечники. Точное обследование питания

городских рабочих в 1918 году дало именно эту пропорцию. При этом за хлеб, доставленный государством, рабочий платит в десять раз меньше, чем мешечникам. Спекулятивная цена хлеба вдесятеро выше государственной цены. Так говорит точное изучение рабочих бюджетов

4.

Приведенные данные, если хорошенько вдуматься в них, дают точный материал, рисующий все основные черты современной экономики России.

Трудящиеся освобождены от вековых угнетателей и эксплуататоров,—помещиков и капиталистов. Этот шаг вперед действительной свободы и действительного равенства, шаг,—по величине его, по размерам, по быстроте невиданный в мире,—не учитывается сторонниками буржуазии (в том числе мелкобуржуазными демократами), которые говорят о свободе и равенстве в смысле парламентарной буржуазной демократии, облыжно объявляя ее „демократией“ вообще или „чистой демократией“ (Каутский).

Но трудящиеся учитывают именно действительное равенство, действительную свободу (свободу от помещиков и от капиталистов) и потому так прочно стоят за Советскую власть.

В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще. Крестьянин голодал в России при помещиках и капиталистах. Крестьянин никогда еще, в течение долгих веков нашей истории, не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам, в города и за границу. Впервые при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и питался лучше горожанина. Впервые крестьянин увидел свободу на деле: свободу есть свой хлеб, свободу от голода. Равенство при распределении земли установилось, как известно, максимальное: в громадном большинстве случаев крестьяне делят землю „по едокам“.

Социализм есть уничтожение классов.

Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. Этого

нельзя сделать сразу. Это—задача несравненно более трудная, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне.

Чтобы решить вторую, труднейшую часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника, — крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, — крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта.

В этом разграничении вся суть социализма.

И неудивительно, что социалисты на словах, мелко-буржуазные демократы на деле (Мартовы и Черновы, Каутские и К-о) этой сути социализма не понимают.

Разграничение, указанное здесь, очень трудно, ибо в живой жизни все свойства „крестьянина“, как они ни различны, как они ни противоречивы, слиты в одно целое. Но все же разграничение возможно, и не только возможно, но оно неизбежно вытекает из условий крестьянского хозяйства и крестьянской жизни. Крестьянина-трудящегося веками угнетали помещики, капиталисты, спекулянты и их государство, включая самые демократические буржуазные республики. Крестьянин-трудящийся воспитал в себе ненависть и вражду к этим угнетателям и эксплуататорам в течение веков, а это „воспитание“, данное жизнью, заставляет крестьянина искать союза с рабочим против капиталиста, против спекулянта, против торгаша. А в то же самое время экономическая обстановка товарного хозяйства неизбежно делает крестьянина (не всегда, но в громадном большинстве случаев) торгашом и спекулянтом.

Приведенные нами выше статистические данные показывают наглядно разницу между крестьянином-трудящимся и крестьяни

ном-спекулянтом. Вот этот крестьянин, который дал в 1918—1919 г.г. голодным рабочим городов 40 миллионов пудов хлеба по твердым, государственным ценам, в руки государственных органов, несмотря на все недостатки этих органов, прекрасно сознаваемые рабочим правительством, но не устранимые в первый период перехода к социализму, — вот этот крестьянин, есть крестьянин-трудящийся, полноправный товарищ социалиста-рабочего, надежнейший союзник его, родной брат в борьбе против ига капитала. А вот тот крестьянин, который продал из-под полы 40 миллионов пудов хлеба по цене, вдесятеро более высокой, чем государственная, используя нужду и голод городского рабочего, надувая государство, усиливая и порождая всюду обман, грабеж, мошеннические проделки, — вот тот крестьянин есть спекулянт, союзник капиталиста, есть классовый враг рабочего, есть эксплуататор. Ибо иметь излишки хлеба, собранного с общегосударственной земли при помощи орудий, в создание которых вложен так или иначе труд не только крестьянина, но и рабочего, иметь излишки хлеба и спекулировать ими — значит быть эксплуататором голодного рабочего.

Вы — нарушители свободы, равенства, демократии, — кричат нам со всех сторон, указывая на неравенство рабочего и крестьянина в нашей конституции, на разгон учредилки, на насильственное отобрание излишков хлеба и т. п. Мы отвечаем: не было в мире государства, которое бы так много сделало для устранения того фактического неравенства, той фактической несвободы, от которых веками страдал крестьянин и труженик. Но с крестьянином-спекулянтом мы никогда не признаем равенства, как не признаем „равенства“ эксплуататора с эксплуатируемым, сытого с голодным, „свободы“ первого грабить второго. И с теми образованными людьми, которые не хотят понять этой разницы, мы будем обращаться как с белогвардейцами, хотя бы эти люди назывались демократами, социалистами, интернационалистами, Каутскими, Черновыми, Мартовыми.

## 5.

Социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения все, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя.

И классы остались и останутся в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата.

Классы остались, но каждый видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы.

Пролетариат был при капитализме классом угнетенным, классом, лишенным всякой собственности на средства производства, классом, который один только был непосредственно и всецело противоположен буржуазии и потому один только способен был быть революционным до конца. Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, господствующим классом: он держит в руках государственную власть, но распоряжается обобществленными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров. Все это—о с о б ы е задачи классовой борьбы,—задачи, которых раньше пролетариат себе не ставил и не мог ставить.

Класс эксплуататоров, помещиков и капиталистов не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. Эксплоататоры разбиты, но не уничтожены. У них осталась международная база, международный капитал, отделением коего они являются. У них остались частью некоторые средства производства, остались деньги, остались громадные общественные связи. Энергия сопротивления их возросла, именно вследствие их поражения, в сотни и в тысячи раз... „Искусство“ государственного, военного, экономического управления дает им перевес очень и очень большой, так что их значение несравненно больше, чем доля их в общем числе населения. Классовая борьба свергнутых эксплуататоров против победившего авангарда эксплуатируемых, т.е. против пролетариата, стала неизмеримо более ожесточенной. И это не может быть иначе, если говорить о революции, если не подменить этого понятия (как делают все герои II Интернационала) реформистскими иллюзиями.

Наконец, крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение: с одной стороны, это—довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, соединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это—обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. Такое экономическое положе-

ние неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией. А при обостренной борьбе между этими последними, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому, рутинному, неизменяемому, со стороны именно крестьян и мелких буржуа вообще, естественно, что мы неизбежно будем наблюдать среди них переходы от одной стороны к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.

По отношению к этому классу—или к этим общественным элементам—задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых—вот, что должен делать пролетариат.

Если мы сопоставим вместе все основные силы или классы и их видоизмененное диктатурой пролетариата взаимоотношение, мы увидим, какой безграничной теоретической нелепостью, каким тупоумием является<sup>●</sup> хотя бы мелко-буржуазное представление о переходе к социализму „через демократию“ вообще, которое мы видим у всех представителей II Интернационала. Унаследованный от буржуазии предрассудок насчет безусловного, внеклассового содержания „демократии“—вот основа этой ошибки. На самом же деле и демократия переходит в совершенно новую фазу при диктатуре пролетариата, и классовая борьба поднимается на более высокую ступень, подчиняя себе все и всякие формы.

Общие фразы о свободе, равенстве, демократии на деле равносильны слепому повторению понятий, являющемуся слепком с отношений товарного производства. Посредством этих общих фраз решать конкретные задачи диктатуры пролетариата—значит переходить, по всей линии, на теоретическую, принципиальную позицию буржуазии. С точки зрения пролетариата, вопрос становится только так: свобода от угнетения каким классом? равенство какого класса с каким? демократия на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности? и т. д.?

Энгельс давно разъяснил в „Анти-Дюринге“, что понятие равенства, будучи слепком с отношений товарного производства, превращается в предрассудок, если не понимать равенства в смысле уничтожения классов. Эту азбучную истину об отличии буржуазно-демократического и социалистического понятия равенства постоянно забывают. А если не забывать

ее, то становится очевидным, что пролетариат, свергнувший буржуазию, делает этим самый решительный шаг к уничтожению классов и что для довершения этого пролетариат должен продолжать свою классовую борьбу, используя аппарат государственной власти и применяя различные приемы борьбы, влияния и воздействия по отношению к свергнутой буржуазии и по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии.

*Написано 30 октября;*

*напечатано в „Коммун. Интерн.“ № 6  
7 ноября 1919 г.*

## **Речь на конференции московских работниц <sup>208)</sup>.**

Товарищи, я очень рад приветствовать конференцию женщин-работниц. Я позволю себе не касаться тех тем и тех вопросов, которые более всего, конечно, волнуют сейчас каждую женщину-работницу и каждого сознательного человека из трудящейся массы. Это—самые жгучие вопросы, вопрос о хлебе и о нашем военном положении. Но, как я знаю из газетных отчетов о ваших собраниях, эти вопросы исчерпывающим образом были здесь изложены тов. Троцким в отношении военного дела и тов. Яковлевой <sup>209)</sup> и Свидерским <sup>210)</sup>—относительно вопроса о хлебе, и потому позвольте мне этих вопросов не касаться.

Мне бы хотелось сказать несколько слов относительно общих задач женского рабочего движения в Советской республике, как тех задач, которые связаны с переходом к социализму вообще, так и тех, которые сейчас с особой настоятельностью выдвигаются на первый план. Товарищи, вопрос о положении женщины с самого начала был поставлен Советской властью. Мне кажется, задача каждого рабочего государства, переходящего к социализму, будет двойного рода. Первая часть этой задачи—сравнительно простая и легкая. Она касается тех старых законов, которые ставили женщину в положение не равноправное по отношению к мужчине.

Давным давно представители всех освободительных движений в Западной Европе в течение не только десятилетий, но в течение столетий выставляли требование об отмене этих устарелых законов и уравнивания женщины по закону с мужчиной, но ни одному из европейских демократических государств, ни одной из самых передовых республик не удалось это осуществить.

потому что там, где существует капитализм, там, где сохраняется частная собственность на землю, частная собственность на фабрики и заводы, там, где сохраняется власть капитала, привилегии останутся у мужчин.

В России только потому это удалось провести, что с 25 октября 1917 года здесь установилась власть рабочих. Советская власть с самого начала ставила себе задачу существовать, как власть трудящихся, враждебная всякой эксплуатации. Она ставила себе задачу уничтожения возможности эксплуатации трудящихся помещиками и капиталистами, уничтожения господства капитала. Советская власть стремилась добиться того, чтобы трудящиеся строили свою жизнь без частной собственности на землю, без частной собственности на фабрики и заводы, без той частной собственности, которая всюду, во всем мире, даже при полной политической свободе, даже в самых демократических республиках поставила фактически трудящихся в положение нищеты и наемного рабства, а женщину—в положение двойного рабства.

Советской властью, как властью трудящихся, в первые же месяцы ее существования, был произведен в законодательстве, касающемся женщины, самый решительный переворот. Из тех законов, которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской республике не осталось камня на камне. Я говорю именно о тех законах, которые специально использовали более слабое положение женщины, поставив ее в положение неравноправное и часто даже унижительное, т.-е. законах о разводе и о внебрачном ребенке, о праве женщины на иск к отцу ребенка для его обеспечения.

Именно в этой области буржуазное законодательство, нужно сказать, даже в самых передовых странах, использовало более слабое положение женщины, сделав ее неравноправной и унизив ее. Именно в этой области Советская власть из старых несправедливых, невыносимых для представителей трудящейся массы законов не оставила камня на камне. И мы можем теперь сказать с полной гордостью, без всякого преувеличения, что, кроме Советской России, нет ни одной страны в мире, где было бы полное равноправие женщин, и где бы женщина не была поставлена в унижительное положение, которое особенно чувствительно в повседневной, семейной жизни. Это было одной из наших первых и важнейших задач.

Если вам приходится входить в соприкосновение с партиями, которые враждебны большевикам, или если вам попадают в руки газеты, которые издаются по-русски в областях, занятых Колчаком или Деникиным, или приходится говорить с людьми, стоящими на точке зрения этих газет, то от них вы часто можете слышать обвинение Советской власти в том, что она нарушила демократию.

Нас, представителей Советской власти, большевиков-коммунистов и сторонников Советской власти, постоянно упрекают в том, что мы нарушили демократию, и в доказательство этого обвинения выдвигают тот факт, что Советская власть разогнала учредилку. Мы отвечаем на эти обвинения обыкновенно так: той демократии и той учредилки, которые возникли при существовании частной собственности на землю, когда люди не были равны между собою, когда имеющий собственный капитал был хозяином, а остальные, трудящиеся у него, были наемные рабы его,—такой демократии мы цены не придаем. Такая демократия покрывала собою рабство даже в самых передовых государствах. Мы, социалисты, являемся сторонниками демократии лишь постольку, поскольку она облегчает положение трудящихся и угнетенных. Социализм ставит своей задачей во всем мире борьбу против всякой эксплуатации человека человеком. Для нас имеет истинное значение та демократия, которая служит эксплуатируемым, тем, которые поставлены в положение неравноправное. Если нетрудящийся лишается избирательных прав, то это и есть настоящее равенство между людьми. Нетрудящийся не должен есть.

Мы говорим в ответ на обвинения, что надо поставить вопрос о том, как осуществляется в том или ином государстве демократия. Мы видим во всех демократических республиках, что провозглашается равенство, а в законах гражданских и в законах о правах женщины в смысле положения ее в семье, в смысле развода, на каждом шагу мы видим неравенство и понижение женщины. Мы говорим, что это есть нарушение демократии и именно в отношении к угнетенным. Советская власть более всех других, самых передовых стран осуществила демократию тем, что в своих законах не оставила ни малейшего намека на неравноправность женщины. Повторяю, ни одно государство, и ни одно демократическое законодательство не сделало для женщины и половины того, что сделала Советская власть в первые же месяцы своего существования.

Конечно, недостаточно одних законов, и мы никоим образом не удовлетворяемся одними декретами. Но в области законодательства мы сделали все, что от нас требовалось для уравнивания положения женщины с положением мужчины, и мы по праву можем этим гордиться. Правовое положение женщины в Советской России теперь таково, что оно является идеальным с точки зрения самых передовых государств. Но мы говорим себе, что, конечно, это только еще начало.

Положение женщины в домашнем хозяйстве все еще остается стесненным. Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство, и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же место, как и мужчина.

Конечно, здесь речь идет не о том, чтобы уравнивать женщину в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда и т. д., а речь идет о том, чтобы женщина не была угнетена ее хозяйственным положением в отличие от мужчины. Вы все знаете, что даже при полном равноправии остается все же эта фактическая придавленность женщины, потому что на нее сваливают все домашнее хозяйство. Это домашнее хозяйство в большинстве случаев является самым непроизводительным, самым диким и самым тяжелым трудом, какой осуществляет женщина. Этот труд чрезвычайно мелкий, не заключающий в себе ничего, что сколько-нибудь способствовало бы развитию женщины.

Преследуя социалистический идеал, мы хотим бороться за полное осуществление социализма, и здесь для женщины открывается очень большое поприще работы. Мы теперь серьезно готовимся к расчистке почвы для социалистической постройки, а самая постройка социалистического общества начнется только тогда, когда мы, добившись полного равенства женщины, примемся за новую работу вместе с женщиной, освобожденной от мелкой, отупляющей, непроизводительной работы. Этой работы хватит нам на многие, многие годы.

Работа эта не может дать быстрых результатов и не производит блестящего эффекта.

Мы создаем образцовые учреждения, столовые, ясли, которые освободили бы женщину от домашнего хозяйства. Здесь именно на женщин более всего ложится эта работа по устрой-

ству всех этих учреждений. Нужно признать, что сейчас в России таких учреждений, которые бы помогли женщине выбраться из состояния домашней рабыни, очень мало. Их имеется ничтожное количество, и те условия, в которые сейчас поставлена Советская республика, — условия и военные, и продовольственные, о которых говорили вам здесь товарищи подробно, — препятствуют нам в этой работе. Но все же надó сказать, что учреждения эти, избавляющие женщину от положения домашней рабыни, возникают всюду, где только есть малейшая к тому возможность.

Мы говорим, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, и точно так же и освобождение женщин-работниц должно быть делом самих женщин-работниц. Сами женщины-работницы должны заботиться о развитии таких учреждений, и эта деятельность женщины приведет к полной перемене ее старого положения при капиталистическом обществе.

Чтобы заниматься политикой, при старом капиталистическом обществе требовалась особая подготовка, и потому участие женщин в политике даже в самых передовых и свободных капиталистических странах было ничтожное. Наша задача состоит в том, чтобы сделать политику доступной для каждой трудящейся женщины. С того момента, как уничтожена частная собственность на землю и фабрики и свергнута власть помещиков и капиталистов, задачи политики для трудящейся массы и трудящихся женщин становятся простыми, ясными и вполне для всех доступными. В капиталистическом обществе женщина поставлена в такое бесправное положение, что участие ее в политике проявляется в ничтожной доле по сравнению с мужчиной. Для того, чтобы это положение переменялось, нужно, чтобы была власть трудящихся, и тогда главные задачи политики будут составлять все то, что непосредственно касается судьбы самих трудящихся.

И здесь участие женщины-работницы, не только партийной и сознательной, но и беспартийной и наиболее бессознательной, необходимо. Здесь для женщины-работницы открывается Советской властью широкое поле деятельности.

Нам приходилось очень трудно в борьбе против сил, враждебных Советской России, которые идут на нее походом. Нам было трудно бороться и в области военной с теми силами, которые против власти трудящихся идут войной, и в области продовольственной против спекулянтов, потому что недоста-

точно велико число людей, число трудящихся, которые всецело шли бы к нам на помощь своим собственным трудом. И здесь Советская власть ничего не может так ценить, как помощь широкой массы беспартийных женщин-работниц. Пусть они знают, что может быть в старом буржуазном обществе для политической деятельности требовалась сложная подготовка, и это было недоступно женщине. Но политическая деятельность Советской республики главной своей задачей ставит борьбу с помещиками, капиталистами, борьбу за уничтожение эксплуатации, и поэтому в Советской республике для женщин-работниц открывается политическая деятельность, которая будет состоять в том, чтобы своим организаторским умением женщина помогала мужчине.

Нам нужна не только организаторская работа в миллионном масштабе. Нам нужна организаторская работа и в самом небольшом масштабе, которая дает возможность трудиться и женщинам. Женщина может трудиться и в условиях военных, когда дело идет о помощи армии, об агитации среди нее. Женщина во всем этом должна принимать активное участие, чтобы Красная армия видела, что о ней заботятся, о ней пекутся. Женщина может трудиться также и в области продовольственной по распределению продуктов и улучшению массового питания, развитию тех столовых, которые так широко теперь поставлены в Петрограде.

Вот в каких областях деятельность женщины-работницы приобретает настоящее организаторское значение. Участие женщины необходимо и в постановке крупных опытных хозяйств и наблюдении за ними, чтобы это дело не было у нас одиночным делом. Без участия в этом деле большого числа трудящихся женщин оно невыполнимо. Женщина-работница вполне может подойти к этому делу в смысле надзора за распределением продуктов и надзора за тем, чтобы продукты легче доставались. Эта задача вполне посильна для беспартийной женщины-работницы, и между тем осуществление этой задачи будет содействовать более всего упрочению социалистического общества.

Отменив частную собственность на землю и почти целиком отменив ее и на фабрики, и на заводы, Советская власть стремится к тому, чтобы все трудящиеся, не только партийные, но и беспартийные, и не только мужчины, но и женщины, принимали участие в этом хозяйственном строительстве. Это начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только

тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин. Тогда дело социалистического строения, мы уверены, будет упрочено. Тогда трудящиеся докажут, что они могут жить и могут хозяйничать—без помещиков и капиталистов. Тогда социалистическое строительство будет стоять в России так прочно, что никакие внешние враги в других странах и внутри России не будут Советской республике страшны.

*Издано отдельной брошюрой.*

## **Советская власть и положение женщины.**

Двухлетняя годовщина Советской власти заставляет нас бросить общий взгляд на осуществленное за это время и вдуматься в значение и цели совершенного переворота.

Буржуазия и ее сторонники обвиняют нас в нарушении демократии. Мы утверждаем, что советский переворот дал невиданный в мире толчок развитию демократии и в глубину, и в ширь, при том демократии именно для трудящихся и угнетенных капитализмом масс,—следовательно, демократии для громадного большинства народа, следовательно, демократии социалистической (для трудящихся), в отличие от демократии буржуазной (для эксплуататоров, для капиталистов, для богатых).

Кто прав?

Хорошенько вдуматься в этот вопрос, глубже понять его—значит учесть опыт двух лет и лучше подготовиться к его дальнейшему развитию.

Положение женщины особенно наглядно поясняет разницу между буржуазной и социалистической демократией, особенно наглядно отвечает на поставленный вопрос.

В буржуазной республике (т. е. где есть частная собственность на землю, фабрики, заводы, акции и проч.), хотя бы это была самая демократическая республика, положение женщины нигде в мире, ни в одной самой передовой стране не стало вполне равноправным. И это несмотря на то, что со времени Великой Французской (буржуазно-демократической) революции прошло более полутора веков.

Буржуазная демократия на словах обещает равенство и свободу. На деле женской половине человеческого рода ни одна, хотя бы самая передовая, буржуазная республика не дала ни

полного равенства с мужчиной по закону, ни свободы от опеки и от угнетения мужчины.

Буржуазная демократия есть демократия пышных фраз, торжественных фраз, торжественных слов, велеречивых обещаний, громких лозунгов свободы и равенства, а на деле это прикрывает несвободу и неравенство женщины, несвободу и неравенство трудящихся и эксплуатируемых.

Советская или социалистическая демократия отменяет прочь пышные, но лживые слова, объявляет беспощадную войну лицемерию „демократов“ помещиков, капиталистов или сытых крестьян, которые наживаются на спекулятивной продаже излишков хлеба голодным рабочим.

Долой эту гнусную ложь! Не может быть, нет и не будет „равенства“ угнетенных с угнетателями, эксплуатируемых с эксплуататорами. Не может быть, нет и не будет настоящей „свободы“, пока нет свободы для женщины от привилегий по закону в пользу мужчины, свободы для рабочего от ига капитала, свободы для трудящегося крестьянина от ига капиталиста, помещика, купца.

Пусть лжецы и лицемеры, тупицы и слепцы, буржуа и их сторонники надувают народ, говоря о свободе вообще, о равенстве вообще, о демократии вообще.

Мы говорим рабочим и крестьянам: срывайте маску с этих лжецов, открывайте глаза этим слепцам. Спрашивайте:

— Равенство какого пола с каким полом?

— Какой нации с какой нацией?

— Какого класса с каким классом?

— Свобода от какого ига или от какого класса? Свобода для какого класса?

Кто говорит о политике, демократии, о свободе, о равенстве, о социализме, не ставя этих вопросов, не выдвигая их на первый план, не воюя против прятания, скрывания, затушевывания этих вопросов, тот худший враг трудящихся, тот волк в овечьей шкуре, тот злейший противник рабочих и крестьян, тот слуга помещиков, парей, капиталистов.

За два года Советская власть, в одной из самых отсталых стран Европы сделала для освобождения женщины, для равенства ее „с сильным“ полом столько, сколько за 130 лет не сделали все вместе передовые, просвещенные, „демократические“ республики всего мира.

Просвещение, культура, цивилизация, свобода,—все эти пышные слова соединяются во всех капиталистических, буржуазных республиках мира с неслыханно подлыми, отвратительно грязными, зверски грубыми законами о неравенстве женщины, по законам о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с „законнорожденным“, о привилегиях для мужчин, об унижении и оскорблении для женщины.

Иго капитала, гнет „священной частной собственности“, деспотизм мещанской тупости, мелкохозяйственной корысти— вот что помешало самым демократическим республикам буржуазии посягнуть на эти грязные и подлые законы.

Советская республика, республика рабочих и крестьян смела эти законы сразу, не оставила камня на камне в постройках буржуазной лжи и буржуазного лицемерия.

Долой эту ложь! Долой лжецов, говорящих о свободе и равенстве для всех, пока есть угнетенный пол, пока есть угнетающие классы, пока есть частная собственность на капитал, на акции, пока есть сытые своими излишками хлеба, кабалящие голодных. Не свобода для всех, не равенство для всех, а борьба с угнетателями и эксплуататорами, уничтожение возможности угнетать и эксплуатировать. Вот наш лозунг:

Свобода и равенство для угнетенного пола!

Свобода и равенство для рабочего, для трудящегося крестьянина!

Борьба с угнетателями, борьба с капиталистами, борьба со спекулянтом-кулаком!

Вот наш боевой лозунг, вот наша пролетарская правда, правда борьбы с капиталом, правда, которую мы бросили в лицо миру капитала с его слащавыми, лицемерными, напыщенными фразами о свободе, и о равенстве вообще, о свободе и равенстве для всех.

И именно потому, что мы сорвали маску этого лицемерия, что мы осуществляем с революционной энергией свободу и равенство для угнетенных и для трудящихся, против угнетателей, против капиталистов, против кулаков—именно поэтому так стала дорога рабочим всего мира Советская власть.

Именно поэтому, в день двухлетней годовщины Советской власти, во всех странах мира сочувствие рабочих масс, сочувствие угнетенных и эксплуатируемых—на нашей стороне.

Именно поэтому в день двухлетней годовщины Советской власти, несмотря на голод и холод, несмотря на все наши бедствия, причиняемые нам нашествием империалистов на Российскую Советскую Республику, мы полны твердой веры в правоту нашего дела, твердой веры в неминуемую победу всемирной Советской власти.

*«Правда» № 258, «Страничка работницы»,  
7 ноября 1919 г.*

## **Речь на заседании В. Ц. И. К., Московского Совета и заводских комитетов.**

(8 ноября 1919 г.)

Товарищи! Два года тому назад, когда еще кипела империалистская война, восстание русского пролетариата, завоевание им государственной власти казалось всем сторонникам буржуазии в России, казалось массам народным и, пожалуй, большинству рабочих остальных стран смелой, но безнадежной попыткой. Казалось тогда, что всемирный империализм—такая громадная, непобедимая сила, что рабочие отсталой страны, делая попытку восстать против него, поступают, как безумцы. А теперь, оглядываясь назад, на пройденные два года, мы видим, что правоту нашу начинают признавать все более и более наши противники. Мы видим, что империализм, который казался таким непреодолимым колоссом, оказался на глазах у всех колоссом на глиняных ногах, и те два года, которые мы пережили в борьбе, знаменуют все яснее и яснее победу не только русского, но и международного пролетариата. Товарищи, в первый год существования нашей власти нам приходилось наблюдать могущество германского империализма, страдать от насильнического и хищнического мира, который нам был навязан, нам приходилось в одиночку бросать свой призыв, не встречая поддержки и отклика.

Если первый год нашей власти был первым годом нашей борьбы с империализмом, то мы скоро могли убедиться в том, что борьба различных частей этого гигантского международного империализма есть не что иное, как только предсмертная судорога, и что в этой борьбе заинтересованы и империализм Германии, и империализм англо-французской буржуазии. Мы заметили за этот год, что данная борьба только укрепляет, только

усиливает наши силы. Если мы такое положение создали в течение первого года, то в течение всего второго года мы стали лицом к лицу с нашим врагом. Еще в прошлом году пессимисты сильно обрушивались на нас, еще в прошлом году они говорили, что Англия, Франция и Америка—это такая огромная, такая гигантская сила, которая раздавит чашу страну. Прошел год,—и вы видите, что если этот первый год можно назвать годом могущества международного империализма, то второй год будет назван годом нашествия английско-германского империализма и победы над нашествием, победы над Колчаком и Юденичем и началом победы над Деникиным.

Мы знаем прекрасно, что все те военные силы, которые были пущены на нас, были направлены из определенного источника. Мы знаем, что империалисты давали им все военное снабжение, все вооружение, мы знаем, что они всемирный военный свой флот передали частями нашим врагам, и теперь они всемерно помогают и готовят силы и на юге России, и в Архангельске.

Но мы знаем прекрасно, что все эти, повидимому, грандиозные и непобедимые силы международного империализма ненадежны, не страшны для нас, что они гнилы внутри, и что они нас все сильнее и сильнее укрепляют, что это укрепление даст нам возможность одержать победу на внешнем фронте и дойти в этой победе до конца. Нам необходимо попытаться извлечь общие уроки из двухлетнего героического строительства.

То, что, на мой взгляд, составляет самый важный вывод из двухлетнего строительства Советской республики, что, в моих глазах, является всего важнее для нас—это урок строительства рабочей власти. Мне кажется, в этом отношении нам надо не ограничиваться теми конкретными отдельными фактами, касающимися работы того или иного комиссариата, которые большинству из нас известны по собственному опыту. Мне кажется, нам надо теперь, бросая взгляд на пережитое, извлечь общий урок из этого строительства, который мы понесем в широкие трудящиеся массы... Это—тот урок, что только участие рабочих в общем управлении государством дало возможность устоять в таких невероятных трудностях, и, только по этому пути идя, мы добиемся полной победы. Другой урок—правильное отношение к громадной массе многомиллионного крестьянства,—только оно позволило нам с успехом при всех трудностях жить, и только оно

указывает путь, идя по которому мы переходим от успеха к успеху.

Если вы припомните прошедшее, если припомните первые шаги Советской власти, если припомните все строительство республики во всех отраслях управления, не исключая и военного дела, вы увидите, что власть рабочего класса два года тому назад, в октябре, была только началом, когда аппарат государственной власти на деле в наших руках не был, и вы, бросая взгляд на пережитые два года, согласитесь со мной, что в каждой отрасли, военной, политической и экономической, приходилось пядь за пядью каждую позицию завоевывать для создания настоящего аппарата государственной власти, отмечая по пути тех, которые до нас порой стояли во главе рабочих и трудящихся масс.

Нам особенно важно понять прошедшее за это время развитие, потому что во всех странах мира это развитие идет тем же путем. Рабочие и трудящиеся массы первые шаги делают не со своими настоящими руководителями; теперь же пролетариат сам берет в свои руки управление государством, политическую власть, во главе его мы видим повсюду вождей, которые уничтожают старые предрассудки мелкой буржуазной демократии, выразителями которых были меньшевики и эс-эры. Прежде это было исключением, теперь это стало общим правилом. Мы знаем, как нам, строя нашу работу, приходилось потом каждую отрасль управления переделывать таким образом, чтобы действительно настоящие представители, революционные рабочие, действительный авангард пролетариата взял в свои руки строительство власти. Это было в октябре—два года тому назад, когда работа шла с чрезвычайным напряжением, тем не менее мы знаем и должны сказать, что эта работа и сейчас не закончена. Мы знаем, что, несмотря на страшное сопротивление, какое оказал нам старый аппарат государственной власти,—когда чиновники пытались отказаться от управления, — этот грубый вид саботажа был сломлен в несколько недель пролетарской властью. Она показала, что таким способом на нее не подействуешь; но после того, как мы сломали этот грубый саботаж, тот же враг пошел другим путем.

Сплошь и рядом бывало, что во главе даже рабочих организаций встречались сторонники буржуазии; нам пришлось войти в это дело так, чтобы целиком применить силу рабочих.

Возьмем, например, ту эпоху, которую нам еще недавно пришлось пережить, когда во главе железнодорожного пролетариата стояли люди, ведшие его не по пролетарскому, а по буржуазному пути <sup>211</sup>).

Мы знаем, что во всех отраслях где только мы могли покончить с буржуазией, мы это делали, но чего нам это стоило! Каждую область мы завоевывали пядь за пядью и выдвигали рабочих, ставя своих передовых людей, которые прошли трудную школу организации управления государственной власти. Может быть, со стороны глядя, все это дело не представляет из себя большой трудности, но в действительности, если вникнуть, вы увидите, с каким трудом рабочие, пережившие все этапы борьбы, добились своих прав, как они прошли тяжелый путь от рабочего контроля до рабочего управления промышленностью, или в железнодорожном деле, начав с пресловутого Викжеля, добились работоспособного аппарата. Мы видим, как представители рабочего класса понемногу входят во все наши организации, укрепляя их всюду. Возьмем, например, кооперацию, где мы имеем громадные цифры рабочих представителей. Мы знаем, что кооперация раньше состояла почти целиком из представителей нерабочего класса. В старой кооперации мы встречали людей, проникнутых взглядами и интересами буржуазного общества. Рабочим приходилось много бороться, чтобы взять ее в свои руки и подчинить своим интересам. Но самую важную работу мы проделали в области перестройки старого государственного аппарата, и, хотя трудна была эта работа, но мы в течение двух лет видим результаты усилий рабочего класса и можем сказать, что мы в этой области имеем тысячи представителей рабочих, которые прошли весь огонь борьбы, шаг за шагом выталкивая представителей буржуазной власти. Мы видим рабочих не только у государственного аппарата, но мы видим представителей их в работе по продовольствию, в той области, где были почти исключительно представители старого буржуазного общества. Рабочими создан пролетарский аппарат, и если мы год тому назад не могли еще вполне справиться с этим аппаратом, если год тому назад представителей рабочих там было только 30%, то теперь в продовольственном аппарате мы можем насчитать до 80% представителей рабочего класса. Этими наглядными цифрами мы можем выразить тот шаг, который сделала страна. Для нас важно, что мы добились больших резуль-

готов в направлении действительного создания пролетарской власти после политического переворота.

Рабочими проделана и проделывается самая важная работа — создание вождей пролетариата. Десятки и сотни тысяч отважных рабочих выделяются из вашей среды и бросаются против белогвардейских генералов. Шаг за шагом мы отвоевываем от нашего врага власть, и если раньше рабочие не сразу овладели этим делом, то теперь мы постепенно завоевываем у нашего врага одну за другой области и никакие трудности не остановят пролетариата.

Каждую область постепенно, одну за другой, не взирая ни на какие трудности, пролетариат завоевывает и привлекает представителей пролетарских масс для того, чтобы в каждой области управления, в каждой маленькой ячейке, снизу доверху — везде представители пролетариата прошли школу строительства, сами выработали десятки и сотни тысяч людей, способных все дела государственного управления, государственного строительства вести самостоятельно.

Товарищи! В последнее время мы наблюдали особенно блестящий пример того, каким успехом сопровождалась наша работа. Мы знаем, как широко распространились среди сознательных рабочих субботники. Мы знаем наиболее измученных голодом и холодом тех представителей коммунизма, которые в тылу приносят не меньшую пользу, чем Красная армия приносит на фронте; мы знаем, что в критический момент, когда Юденич наступал на Петроград, а Деникин взял Орел, когда буржуазия вдохновилась и прибегла к своему последнему излюбленному орудию, сеянию паники, мы объявили тогда партийную неделю. В такой момент рабочие-коммунисты шли к остальным рабочим, к тем, кто больше всего от тяжести империалистической войны страдал и от голода и холода мучился, к тем, на кого больше всего рассчитывали буржуазные сеятели паники, к тем, кто больше всего тяжести вынес на себе — к ним во время партийной недели, мы обращаемся и говорим: „вас пугают тяжести рабочей власти, угрозы империалистов и капиталистов, вы видите нашу работу и трудности, но мы зовем вас, и только вам, только представителям трудящихся широко открываем двери нашей партии. В трудный момент мы рассчитываем на вас и зовем в свои ряды, чтобы взять на себя всю тяжесть государственного строительства!“ Вы знаете, что это был страшно тяжелый момент

и в смысле материальном, и в смысле внешне-политического и военного успеха противника. Но вы знаете, каким невиданным, неожиданным и невероятным успехом кончилась эта партийная неделя в одной Москве, где мы получили свыше 14.000 новых членов партии. Вот итог той партийной недели, которая совершенно преобразует, переделает рабочий класс, создаст опытом работы настоящих творцов будущего коммунистического общества. Мы знаем, что имеются десятки, сотни тысяч резервов рабоче-крестьянской молодежи, которые видели и знают весь старый гнет помещиков и буржуазного общества, которые видели неслыханные трудности строительства, которые наблюдали, какими героями выступал первый призыв работников в 17 и 18 году, которые идут к нам тем более широким, тем с большим самоотвержением, чем нам труднее. Эти резервы дают полную уверенность, что мы за два года достигли прочного, неискоренимого укрепления и имеем источник, из которого долго можем черпать силы еще в более широких размерах. В этом отношении за два года мы имели такой опыт применения рабочего управления во всех областях, что мы здесь смело и без всякого увлечения можем сказать, что теперь остается только продолжать начатое, и дело пойдет так, как оно шло эти два года, но все более и более быстрым темпом.

В другой области, в области отношения рабочего класса к крестьянству, мы имели гораздо больший труд. В 17 году, два года тому назад, когда власть перешла в руки Советов, отношение было еще совершенно неясно. Крестьянство уже все в целом повернуло против помещиков, поддержало рабочий класс, потому что увидело в нем настоящих исполнителей желания крестьянской массы, настоящих рабочих борцов, а не тех, кто предавал крестьянство в союзе с помещиками. Но мы прекрасно знаем, что внутри крестьянская борьба еще не развернулась. Первый год был годом, когда прочной позиции в деревне городской пролетариат еще не имел. Это мы особенно наглядно видим на тех окраинах, где на время укреплялась власть белогвардейцев. Это мы видели прошлым летом, в 18 году, когда были одержаны белогвардейцами легкие победы на Урале. Мы видели, что пролетарская власть в самой деревне еще не образовалась, что недостаточно принести извне пролетарскую власть и дать ее деревне. Нужно, чтобы крестьянство своим опытом, своим строительством пришло к тем же выводам, и хотя

эта работа неизмеримо более трудна, более медленна и тяжела, но она несравненно благоприятна в смысле результатов. Это составляет главное наше завоевание в течение второго года Советской власти.

Я не буду говорить о военном значении победы над Колчаком, но я скажу, что если бы не опыт крестьянства, которое сравнивало власть диктаторов буржуазии с властью большевизма,—этой победы не было бы. А ведь диктаторы начали с коалиции, с Учредительного Собрания, в этой власти участвовали те же эс-эры и меньшевики, которых мы встречаем на каждом шагу нашей работы, как людей вчерашнего дня, как строителей кооперации, некоторых союзов, учительских организаций и массы других организаций, которые нам приходится перестраивать. Колчак начал в союзе с ними, с людьми, которым оказалось мало опыта Керенского, и они проделали второй опыт. Против большевиков поднялись окраины, самые оторванные от центра. Мы не могли дать крестьянам в Сибири того, что дала им революция в России. В Сибири крестьянство не получило помещичьей земли потому, что там ее не было, и потому им легче было поверить белогвардейцам. В эту борьбу были вовлечены все силы Антанты и той армии империалистов, которая менее всего в войне пострадала,—армии японской. Мы знаем, что сотни миллионов рублей были употреблены на помощь Колчаку, что были использованы все средства для его поддержки. Чего не было на его стороне? Все, что есть могущественного у держав мира, крестьянство и громадная территория, где промышленного пролетариата почти не было. Отчего же все это разбилось? Оттого, что опыт рабочих, солдат и крестьян показал, что большевики в своих предсказаниях, в своем учете соотношения общественных сил еще раз были правы, что союз рабочих и крестьян трудно осуществляется, но во всяком случае является единственным непобедимым союзом против капиталистов.

Это наука, товарищи, если здесь можно говорить о науке. Этот опыт есть самый трудный, все учитывающий и все закрепляющий опыт коммунизма; мы можем построить коммунизм только в том случае, если крестьянство сознательно идет к определенному выводу. Мы можем это сделать только в том случае, когда мы войдем в союз с крестьянами. В этом мы могли убедиться на опыте Колчака. Эпопея Колчака была кровавым опытом, но виноваты в этом были не мы.

Вы знаете прекрасно теперь второй вид гнета, обрушившегося на наши головы, вы знаете, что голод и холод больше всего обрушились на нашу страну. Вы знаете, что причины этого взваливают на голову коммунизма, но прекрасно знаете и то, что коммунизм здесь не при чем. Мы видим в каждой стране расширение и углубление голодовки и голода, и скоро все убедятся в том, что такое положение в России не есть следствие коммунизма, а есть следствие четырехлетней международной войны. Эта война создала весь ужас, в котором мы живем, создала этот голод и холод. Но мы верим, что скоро выйдем из этого круга. Вопрос весь только в том, что рабочим нужно трудиться, но трудиться на себя, а не на тех, кто в течение четырех лет резал глотки. Борьба с голодом и холодом уже идет везде. Самые могущественные державы подвержены теперь этому бедствию. Нам пришлось путем государственного сбора собрать хлеб с нашего многомиллионного крестьянства, но мы это сделали не тем путем, каким путем это делали капиталисты, которые действовали на-ряду с спекулянтами. Мы этот вопрос решали не совместно со спекулянтами, не путем капитализма брались за эти вопросы, мы в разрешении данного вопроса шли с рабочими, шли против спекулянтов. Мы шли путем убеждения, мы шли к крестьянству и говорили ему: мы это делаем только для его и рабочих поддержки. Крестьянин, который имеет излишки хлеба и который сдает их по твердой цене—наш соратник. Тот же, который не делает этого—наш враг, преступник, эксплуататор и спекулянт, и мы с ним не можем иметь ничего общего. Мы шли к крестьянству с проповедью, и эта проповедь все больше и больше привлекала к нам крестьянство. У нас получились в этом смысле определенные результаты. Если в прошлом году в августе и сентябре у нас было заготовлено 37 милл. пудов хлеба, то в этом году у нас заготовлено 45 милл. п. без особой, тщательной проверки. Улучшение, как вы видите, идет, улучшение медленное, но улучшение несомненное. Если взять даже и те пробелы, которые произошли у нас вследствие занятия Деникиным нашего плодородного района, то все-таки дело идет к тому, что мы сможем провести наш план заготовок и план распределения по государственной цене. В этом отношении наш аппарат создавался в определенном смысле, и сейчас мы становимся на социалистический путь.

Теперь перед нами стоит вопрос о топливном кризисе

вопрос с хлебом у нас стоит не так остро; создается положение, когда мы имеем хлеб, но не имеем топлива. Деникин отнял у нас угольный район, и отнятие этого угольного района создало у нас небывалые затруднения. Мы в данном случае поступаем так же, как поступали в отношении хлеба. Мы обращаемся к рабочим так же, как обращались и раньше, когда мы передали наш продовольственный аппарат, который, закрепившись и наладившись, произвел вполне определенную, давшую свои определенные результаты работу, точно так же мы и теперь изо дня в день улучшаем аппарат нашего топливоснабжения. Мы говорим рабочим, откуда надвигается на нас та или иная опасность, куда нужно и в какой район бросить новые силы, и мы уверены, что так же, как в прошлом году мы побеждали трудности с хлебом, так же и теперь мы победим наши затруднения в топливном вопросе.

Позвольте мне пока ограничиться данным итогом нашей работы. Я позволю в заключение указать только в нескольких словах, как улучшается наше международное положение. После того, как мы проверили наш путь, результаты показали, что путь был прям и верен. Когда мы в 17 году взяли власть, мы были одиноки. В 17-ом году во всех странах говорили, что большевизм не может быть привит. Теперь в тех же странах существует могучее коммунистическое движение. На второй год, как мы завоевали власть, и полгода спустя после того, как мы завоевали III Интернационал<sup>39</sup>),—Интернационал коммунистов, этот Интернационал стал уже фактически главной силой в рабочем движении всех стран. В этом отношении опыт, который мы сделали, дал самые блестящие, невиданно быстрые результаты. Правда, движение идет в Европе не как у нас. Если припомните два года борьбы, вы увидите, что на Украине, даже в некоторых великорусских частях России, где было особенного состава население, например, в казачьих, сибирских частях, например, на Урале, там движение к победе шло не так быстро и не тем путем, как шло в Петербурге и в Москве, в центре России. Понятно, нас не может удивлять движение в Европе, которое идет более медленно, где приходится преодолевать большее давление шовинизма, империализма, но тем не менее движение идет неуклонно той же самой дорогой, на которую большевики указывают. Везде мы видим, как это движение идет вперед. Глашатаи меньшевиков и эс-эров

уступают дорогу представителям Интернационала. Эти вожди падают, и везде поднялось коммунистическое движение, и поэтому теперь, после двух лет Советской власти, мы можем сказать: не только в масштабе русского государства мы имеем полное право сказать—в международном масштабе, все, что есть сознательного, все, что есть революционного в массах, идет за нами. Мы можем сказать, что никакие трудности после того, что мы выдержали, нам не страшны, что мы все эти трудности вынесем, и после того мы всех их победим.

„Правда“ № 251,  
9 ноября 1919 г.

### **Речь на Всеросс. совещании по работе в деревне<sup>312</sup>).**

(18 ноября 1919 г.)

Товарищи! Мне не удалось, к сожалению, принять участия в работе того совещания, которое вы организовали, т. е., в совещании по работе в деревне. Поэтому мне придется ограничиться только общими и основными соображениями, и я уверен, что вам удастся постепенно применить эти общие соображения и основные правила нашей политики к тем отдельным заданиям и практическим вопросам, которые встанут перед вами.

Вопрос о работе в деревне у нас сейчас является все-таки основным вопросом всего социалистического строительства, ибо в отношении работы среди пролетариата и вопроса об его объединении, мы можем с уверенностью сказать, что за два года Советской власти политика коммунистов не только вполне определилась, но достигла безусловно прочных результатов. Вначале нам приходилось бороться с недостатком в рабочей среде сознания общности интересов, с отдельными проявлениями синдикализма, когда у рабочих отдельных фабрик или отдельных отраслей промышленности было стремление ставить свои интересы, интересы своей фабрики, своей промышленности, выше интересов общества. Нам приходилось и приходится теперь еще бороться с недостаточной дисциплинированностью в области новой организации труда. Вам всем памятно, я думаю, те крупные этапы, через которые наша политика проходила, когда мы, выдвигая все новых и новых рабочих на новые посты, давали им возможность ознакомиться с поставленными перед нами задачами, с общим механизмом государственного управления. Теперь

организация коммунистической деятельности пролетариата и вся политика коммунистов приобрела вполне окончательную, прочную форму, и я уверен, что мы стоим на правильном пути, движение по которому вполне обеспечено.

Что же касается работы в деревне, то здесь трудность, несомненно, большая, и на VIII съезде партии этот вопрос, как один из самых главных, был нами поставлен полностью<sup>213</sup>). Опорой нашей в деревне, как и в городе, могут быть только представители трудящихся и эксплуатируемых масс, только те, кто при капитализме выносил на себе целиком гнет помещиков и капиталистов. Конечно, с того времени, когда завоевание власти рабочими позволило крестьянам сразу же смести власть помещиков, уничтожив частную собственность, они, приступая к разделу земли, осуществили наибольшее равенство, и таким образом значительно подняли эксплуатацию земли, доведя ее до уровня выше среднего. Но, разумеется, полностью это нам не могло удаться, потому что при одиночном хозяйстве для обеспечения каждого крестьянина достаточным количеством семян, скота, орудий требуется гигантское количество материальных средств. Мало того, даже если бы наша промышленность сделала необычайные успехи в развитии производства сельско-хозяйственных машин, даже если представить себе все наши желания исполненными, то и при этом условии мы легко поймем, что снабдить достаточными средствами производства каждого мелкого крестьянина—вещь невозможная и в высшей степени нерациональная, потому что это означало бы страшное распыление: только при помощи общего, артельного, товарищеского труда можно выйти из того тупика, в который загнала нас империалистская война.

Крестьянская масса, которая при капитализме была более всего угнетена по сути своего хозяйственного положения, труднее всего верит в возможность крутых переломов и переходов. Опыты, проделанные над крестьянином Колчаком, Юденичем и Деникиным, заставляют его с особой осторожностью относиться к тому, что он завоевал. Каждый крестьянин знает, что прочность его завоеваний еще не окончательна, что его враг—помещик еще не уничтожен, но, притаившись, ждет помощи от своих друзей, разбойников международного капитала. И хотя международный капитал с каждым днем все более и более ослабевает, а наше международное положение необычайно улучши-

лось за последнее время, но если трезво учитывать все обстоятельства дела, то мы должны сказать, что международный капитал еще несомненно сильнее нас. Он уже не может идти на нас прямой войной,— для этого у него уже подрезаны крылышки. Как раз в последние дни в европейской буржуазной прессе все эти господа начинают говорить: „пожалуй, в России завязнешь, не лучше ли с ней мириться?“. Всегда так бывает, что, когда противника побьешь, он начинает мириться. Мы господам европейским империалистам не раз говорили, что мы согласны на мир, но они мечтали Россию закабалить. Теперь же они поняли, что их мечтам не суждено сбыться.

Сейчас международные миллионеры и миллиардеры еще сильнее нас. Крестьяне прекрасно видят, что попытки восстания Юденича, Колчака и Деникина являются силой, организованной на деньги империалистов Европы и Америки. Крестьянская масса отлично знает, что сулит ей малейшая слабость. Ясное воспоминание о том, чем грозит власть помещиков и капиталистов, делает из крестьян вернейших сторонников Советской власти. С каждым месяцем растет сознательность и прочность Советской власти в среде тех крестьян, которые раньше трудились и были эксплуатируемы и на своей шкуре испытали всю тяжесть гнета помещиков и капиталистов.

Но, конечно, иначе обстоит дело с кулаками, с теми, которые сами нанимали рабочих, пускали деньги в рост, наживались на счет чужого труда. Они в массе своей стоят на стороне капиталистов и недовольны происшедшим переворотом. Мы должны ясно себе представить, что против этой группы крестьянам придется вести еще долгую и упорную борьбу. А между теми крестьянами, которые на своих плечах вынесли весь гнет помещиков и капиталистов, и теми, которые сами эксплуатировали других, стоит масса среднего крестьянства. Тут наша самая трудная задача. Социалисты всегда указывали на то, что переход к социализму выдвигает тяжелую задачу— отношение рабочего класса к среднему крестьянству. Здесь от товарищей коммунистов мы должны больше всего ожидать внимания, сознательного отношения и умения подойти к этой сложной и трудной задаче, не решая вопроса одним ударом.

Среднее крестьянство, несомненно, привыкло к одиночному хозяйству. Это—крестьяне-собственники, и хотя земли у них пока нет, хотя частная собственность на землю уничтожена, но

крестьянин остается собственником, главным образом, потому, что у этой группы крестьян остаются предметы продовольствия. Средний крестьянин производит продовольствия больше, чем ему нужно, и таким образом, имея хлебные излишки, он становится эксплуататором голодного рабочего. В этом—основная задача и основное противоречие. Крестьянин как труженик, как человек, который живет своим трудом, как человек, вынесший гнет капитализма, такой крестьянин стоит на стороне рабочего. Но крестьянин, как собственник, у которого остаются излишки хлеба, привык смотреть на них, как на свою собственность, которую он может свободно продавать. А продавать излишки хлеба в голодной стране,—значит превращаться в спекулянта, эксплуататора, потому что голодный человек за хлеб отдаст все, что у него есть. Тут разворачивается самая большая и трудная борьба, которая от всех нас, представителей Советской власти, и особенно коммунистов, работающих в деревне, требует самого большого внимания, самого вдумчивого отношения к вопросу и подхода к нему.

Мы всегда говорили, что мы не хотим навязывать среднему крестьянину социализм силком, и VIII съезд партии это всецело подтвердил. Выбор т. Калинина<sup>49)</sup> председателем В. Ц. И. К. исходил из того расчета, что мы должны непосредственно сблизить Советскую власть с крестьянством. Благодаря тов. Калинину работа в деревне получила значительный толчок. Крестьянин, несомненно, получил возможность более непосредственного сношения с Советской властью, обращаясь к тов. Калинину, который представляет в своем лице высшую власть Советской республики. Таким образом, среднему крестьянину мы говорили: „ни о каком насильственном навязывании перехода к социализму не может быть и речи“. Но надо это дать ему понять, надо уметь это сказать на языке, наиболее крестьянину понятном. Здесь может быть только действие примером, удачной постановкой общественного хозяйства. А для того, чтобы показать пример артельного товарищеского труда, нужно сначала самим удачно организовать такое хозяйство. Движение к устройству земледельческих коммун и артелей за эти два года было громадно. Но, смотря на вещи трезво, мы должны сказать, что масса товарищей, которая бросилась на устройство коммун, шла в земледелие, в сельское хозяйство с недостаточными знаниями хозяйственных условий крестьянской жизни. Поэтому здесь надо

было устранить громадную массу ошибок, последствий торопливых шагов, неправильного подхода к делу. Сплошь и рядом в советские хозяйства пролезали старые эксплуататоры, бывшие помещики. Власть их там сброшена, но сами они не уничтожены. Их надо оттуда выжить, или поставить под контроль пролетариата.

Эта задача стоит перед нами во всех областях жизни. Вы слышали о ряде блестящих побед Красной армии. В ней работают десятки тысяч старых офицеров и полковников. Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армии. Несмотря на измены со стороны отдельных военных специалистов, мы разгромили Колчака и Юденича, мы побеждаем на всех фронтах. Это происходит потому, что благодаря существованию в Красной армии коммунистических ячеек, имеющих громадное пропагандистско-агитационное значение, небольшое число офицеров окружено такой обстановкой, таким громадным напором коммунистов, что большинство из них не в состоянии вырваться из той сети коммунистической организации и пропаганды, которою мы их окружаем.

Нельзя построить коммунизм без запаса знаний, техники, культуры, а он находится в руках буржуазных специалистов. Среди них большинство не сочувствует Советской власти, но без них построить коммунизм мы не можем. Надо их окружить товарищеской обстановкой, духом коммунистической работы и добиться того, чтобы они шли в шеренге с рабоче-крестьянской властью.

Среди крестьянства очень часто проявляется чрезвычайное недоверие и возмущение, доходящее до полного отрицания советских хозяйств: не нужно советских хозяйств, там сидят старые эксплуататоры. Мы говорили—нет, если не умеете сами устроить хозяйство по-новому, надо брать на службу старых специалистов, без этого из нищеты не выйти. Тех из них, которые будут нарушать постановления Советской власти, мы будем беспощадно вылавливать так же, как и в Красной армии; борьба продолжается, и борьба беспощадная. Но большинство из них мы заставим работать по-нашему.

Эта задача трудная, сложная, одним ударом ее не разрешить. Тут нужна сознательная рабочая дисциплина, сближение с крестьянами: необходимо показать им, что мы видим все злоупотребления в советских хозяйствах, но мы говорим, что люди науки и техники должны быть поставлены на службу общественному хозяйству, ибо мелким хозяйством из нужды не выйти. Мы

будем действовать, как в Красной армии: нас сто раз побьют, а в сто первый раз мы победим всех. Но для этого нужно, чтобы работа в деревне велась дружно, стройно, в таком же строгом порядке, как велась работа в Красной армии и как ведется в других областях хозяйства. Мы медленно и неуклонно доказываем крестьянам преимущества общественного хозяйства.

Вот какую борьбу мы должны вести в советских хозяйствах, вот в чем состоит трудность перехода к социализму и в чем настоящее и окончательное упрочение Советской власти. Когда большинство средних крестьян увидит, что вне союза с рабочими они помогают Колчаку и Юденичу, что во всем мире с ними остались только капиталисты, которые ненавидят Советскую Россию и будут еще годами повторять свои попытки восстановить свою власть, то даже самый отсталый из них поймет, что либо идти в союзе с революционными рабочими к полному освобождению, либо допустить хоть малейшее колебание, и тогда враг, старый эксплуататор-капиталист, возьмет верх. Победа над Деникиным еще окончательно не уничтожит капиталистов. Это мы все должны понимать. Мы прекрасно знаем, что они еще и еще раз будут делать попытки накинуть петлю на Советскую Россию. Поэтому у крестьянина выбора нет, он должен помогать рабочим, ибо малейшее колебание отдаст победу в руки помещиков и капиталистов. Развивать это сознание среди крестьян—наша первая и основная задача. Крестьянин, живущий своим трудом—верный союзник Советской власти, к такому крестьянину рабочий относится, как к равному, для него рабочая власть делает все, что она может сделать, и нет такой жертвы, перед которой рабоче-крестьянская власть остановилась бы ради удовлетворения нужд такого крестьянина.

Но крестьянин, который эксплуатирует, благодаря тому, что имеет излишки хлеба,—наш противник. Обязанность удовлетворить основные нужды голодной страны есть государственная обязанность. Но крестьяне далеко не все понимают, что свободная торговля хлебом есть государственное преступление. „Я хлеб произвел, это мой продукт, и я имею право им торговать“,—так рассуждает крестьянин, по привычке, по старине. А мы говорим, что это государственное преступление. Свободная торговля хлебом означает обогащение благодаря этому хлебу,—это и есть возврат к старому капитализму, этого мы не допустим, тут мы будем вести борьбу во что бы то ни стало.

В переходный период мы проводим государственную заготовку и разверстку хлеба. Мы знаем, что только это даст нам возможность избавиться от нужды и голода. Громадное большинство рабочих бедствует от того, что хлеб распределяется неправильно, а для того, чтобы его правильно распределить, нужно, чтобы государственная разверстка хлеба выполнялась крестьянами неукоснительно, добросовестно и безусловно. Тут никаких уступок со стороны Советской власти быть не может. Это не вопрос борьбы рабочей власти с крестьянами, но вопрос всего существования социализма, существования Советской власти. Дать крестьянину сейчас товар мы не можем, ибо нет топлива, останавливаются железные дороги. Надо сначала, чтобы крестьянин дал рабочему хлеб в ссуду, не по спекулятивной, а по твердой цене, для того, чтобы рабочие могли восстановить производство. Каждый крестьянин согласится с этим, когда речь идет об отдельном рабочем, который умирает рядом с ним от голода. Но когда речь идет о миллионах рабочих, тогда они этого не понимают, и старые привычки к спекуляции одерживают верх.

Длительная и упорная борьба с этими привычками, агитация и пропаганда, разъяснения, проверка того, что сделано, — вот в чем состоит наша политика по отношению к крестьянству.

Всяческая поддержка крестьянину-труженику, отношение к нему, как к равному, ни малейшей попытки навязывать ему что бы то ни было силою, — первая наша задача. Вторая задача — неуклонная борьба со спекуляцией, торгашеством, разорением.

Когда мы начинали создавать Красную армию, это были отдельные, разрозненные группы партизан. Было много лишних жертв, благодаря отсутствию дисциплины и сплоченности, но мы эти трудности одолели и на месте партизанских отрядов создали миллионную Красную армию. Если мы могли этого достигнуть за такой короткий срок, как два года, в таком трудном, тяжелом и опасном деле, как военное, то тем более мы уверены в том, что достигнем того же во всех остальных отраслях хозяйственной жизни.

Я уверен, что мы и эту, одну из самых трудных задач, — правильное отношение рабочих к крестьянству, правильную продовольственную политику, — разрешим, и здесь одержим такую же победу, какую мы одержали на фронте.

*Напечатано отдельной  
брошюрой в начале 1920 г.*

## Речь на II Всеросс. съезде коммунистических организаций народов Востока.

(27 ноября 1919 года.)

Товарищи! Я очень рад, что могу приветствовать съезд товарищей-коммунистов, представителей мусульманских организаций Востока и сказать несколько слов по вопросу о том, как сложилось теперь положение в России и во всем свете. Тема моего доклада — т куший момент, и мне кажется, что по этому вопросу самым существенным сейчас являются отношения народов Востока к империализму и революционное движение среди этих народов. Само собой понятно, что это революционное движение народов Востока может сейчас получить успешное разрешение не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской Республики против международного империализма. В силу ряда обстоятельств, между прочим в связи с отсталостью России и с ее необъятным пространством и тем обстоятельством, что она служит рубежом между Европой и Азией, Западом и Востоком, нам пришлось взять на себя всю тяжесть и выполнение — в чем мы видим великую честь — быть застрельщиками мировой борьбы против империализма. Поэтому весь ход событий предвещает еще более широкую и упорную борьбу с международным империализмом и неминуемо будет связан с борьбой Советской Республики против сил объединенного империализма: Германии, Франции, Англии и Америки.

Что касается военной стороны, то вы знаете, как благоприятно сложилось теперь для нас дело на всех фронтах. Я не буду подробно останавливаться на этом вопросе, скажу только, что гражданская война, которую нам навязал международный империализм, за два года причинила Российской Федеративной Социалистической Советской Республике неисчислимые тягости, наложила на крестьян и рабочих такое непосильное бремя, которое, казалось часто, они не вынесут. Но, вместе с тем, эта война своим грубым насильничанием, беспощадно грубым натиском превратившихся в зверей, так называемых наших „союзников“, которые грабили нас еще до начала социалистической революции, эта война сделала чудо, преобразив людей, уставших от войны и, казалось, не могущих перенести еще другую войну, в смелых борцов, которые в течение двух лет не только выдер-

жали войну, но победоносно кончают ее. Те победы, которые мы одерживаем теперь над Колчаком, Юденичем и Деникиным, означают наступление новой полосы в истории борьбы мирового империализма против стран и наций, поднявших борьбу за свое освобождение. В этом отношении наша двухлетняя гражданская война не только подтвердила полностью давным давно историей сделанное наблюдение, что характер войны и успех ее больше всего зависят от внутреннего порядка той страны, которая в войну вступает, что война есть отражение той внутренней политики, которую ведет данная страна. Все это неизбежно отражается на ведении войны.

Вопрос о том, какой класс вел войну и войну продолжает, является важным вопросом. Только благодаря тому, что наша гражданская война ведется освободившими себя рабочими и крестьянами и является продолжением политической борьбы за освобождение трудящихся от капиталистов своей страны и всего мира, в такой стталой стране, как Россия, истомленной четырехлетней империалистической войной, нашлись сильные волей люди, для того чтобы в течение двух лет беспримерной, невсроятной тяжести и трудности вести эту войну дальше.

История гражданской войны показала это на примере Колчака особенно наглядно. Колчак имел помощь сильнейших держав мира, имел железнодорожную линию, охранявшуюся сотней тысяч войск иностранных держав, в том числе лучшими войсками, как, например, японские войска, которые готовились к империалистической войне, но почти не участвовали в ней и потому мало пострадали. Колчак опирался на крестьян Сибири, самых зажиточных, не знавших крепостного права и потому естественно бывших дальше чем кто-либо от коммунизма. Казалось, что Колчак представляет собой непобедимую силу, потому что его войска были передовым отрядом международного империализма, и до сих пор еще в Сибири действуют японские, чехословацкие и ряд других войск империалистических наций. Опыт больше чем годовой власти Колчака над Сибирью с ее громадными естественными богатствами, опыт, который был поддержан в начале социалистическими партиями II Интернационала, меньшевиками и эс-эрами, создавшими фронт и комитет Учредительного Собрания; при таких условиях, с точки зрения обывательской и обычного хода истории, казалось, что победа Колчака обеспечена, а на самом деле мы видим, что чем дальше продви-

гался Колчак в глубину России, тем он больше истощался, и, в конце концов, мы видим полную победу Советской России над Колчаком. Несомненно, мы здесь получаем практическое доказательство того, что сплоченные силы рабочих и крестьян, освобожденных от ига капиталистов, производят действительные чудеса. Здесь мы имеем на практике доказательство того, что революционная война, когда она действительно втягивает и заинтересовывает угнетенные трудящиеся массы, война вызывает энергию и способность творить чудеса. Я думаю, что то, что проделала Красная армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское значение. Ее борьба покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если она сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, Сибири, опыта, который проделан Советской Республикой, подвергшейся военному нашествию всех могущественных стран империализма.

Кроме того, этот опыт гражданской войны в России показал нам и коммунистам всех стран, как в огне гражданской войны вместе с развитием революционного энтузиазма создается сильное внутреннее укрепление. Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации. В конце концов, как ни бесконечно тяжела война для рабочих и крестьян, страдающих от голода и холода, на основании двухлетнего опыта можно сказать, что мы побеждаем и будем побеждать, потому что у нас есть крепкий тыл, что масса крестьян и рабочих, несмотря на голод и холод, сплочены, окрепли, и на каждый тяжелый удар отвечают увеличением сцепления сил и экономической мощи и только поэтому победы над Колчаком, Юденичем и их иностранными союзниками, сильнейшими державами мира, были возможны. Истекшие два года показывают нам, с одной стороны, возможность развития революционной войны, а с другой стороны укрепление Советской власти под тяжелыми ударами иностранного нашествия, которое имеет целью быстро сломить очаг ре-

волюции, сломить республику рабочих и крестьян, посмевших международному империализму объявить войну. Но вместо того, чтобы сломить рабочих и крестьян России, они их только закалили.

Таковы главные итоги, таково главное содержание переживаемого нами момента. Мы подходим к решительным победам над Деникиным, последним врагом, который остался на нашей территории. Мы чувствуем себя правыми, когда говорим, что внутреннее строительство республики окрепло, и из войны с Деникиным мы выйдем во много раз крепче и подготовленнее для осуществления задач строительства социалистического строя, которому мы могли во время гражданской войны уделять слишком мало времени и сил. Только теперь, выходя на свободную дорогу, нам несомненно удастся целиком отдаться внутреннему строительству.

Мы видим в Западной Европе разложение империализма. Вы знаете, что год тому назад германским социалистам казалось, как и огромному большинству социалистов других стран казалось, что происходит борьба двух групп всемирного империализма. Они считали, что эта борьба заполнила собой историю, что нет сил, которые могли бы дать что-либо иное. Им казалось, что даже социалистам ничего не остается, как примкнуть к одной из групп могущественных хищников. Так казалось в конце октября 1918 г. Но мы видим, что с тех пор мировая история пережила за год невиданные явления, широкие и глубокие, которые открыли глаза многим из тех социалистов, которые были во время империалистической войны патриотами, и оправдывали свое поведение тем, что перед ними стоял враг; оправдывали союз с английскими и французскими империалистами, которые будто бы несли освобождение от германского империализма. Посмотрите, сколько иллюзий было разрушено этой войной! Мы видим разложение германского империализма, которое привело не только к республиканской революции, но и к социалистической. Вы знаете, что в Германии в настоящее время еще острее стала борьба классов и все ближе надвигается гражданская война, борьба немецкого пролетариата против немецких империалистов, которые перекрасились в республиканский цвет, но остались представителями империализма. Все знают, что социальная революция зреет в Западной Европе не по дням, а по часам, а также в Америке. Когда дело дошло до Версальского мира, все уви-

дели, что Версальский мир является в сто раз больше грабительским, чем Брестский, который нам был навязан германскими грабителями, и что этот мир является величайшим ударом, который только могли нанести сами себе капиталисты и империалисты злополучных победивших стран. Версальский мир открыл глаза именно победившим народам; он доказал, что мы имеем перед собой не представителей культуры и цивилизации, а имеем, особенно в лице Англии и Франции, хотя и демократические государства, но целиком управляемые империалистами. Внутренняя борьба у этих хищников развивается так быстро, что мы можем ликовать, зная, что Версальский мир означает только внешнюю победу торжествующих империалистов, а на деле является крахом всего империалистического мира. Мы наблюдаем решительный отход трудящихся масс от тех социалистов, которые были во время войны в союзе с представителями гнилого империализма и защищали одну из групп борющихся хищников. Глаза открылись у трудящихся, потому что Версальский мир явился хищническим и показал, что Франция и Англия на самом деле боролись с Германией, чтобы закрепить свою власть над колониями и увеличить свою империалистическую мощь.

Эта внутренняя борьба у победителей развивается чем дальше, тем шире. Сегодня мне пришлось видеть радио-телеграмму из Лондона от 21-го ноября, в которой американские журналисты, люди, которых нельзя заподозрить в симпатии к революционерам, говорят, что во Франции наблюдается невиданная вспышка симпатий к американцам, потому что американцы отказываются утвердить Версальский договор.

Англия и Франция победили, но они в долгу, как в шелку, перед Америкой, которая решила, что, сколько бы французы и англичане ни считали себя победителями, она будет снимать сливки и получит проценты с лихвой за свою помощь во время войны, а в обеспечение этого должен служить американский флот, который сейчас строится и обгоняет своими размерами французский. Этот хищнический империализм американцев так грубо выступает, что видно из того, что агенты Америки скупают живой товар, состоящий из женщин и девушек, и везут их в Америку для целей проституции. Свободная, культурная Англия снабжает публичные дома живым товаром. В Польше и Бельгии происходят конфликты с американскими агентами. Это маленькая иллюстрация того, что происходит в громадных размерах в ка-

ждой маленькой стране, которая получила помощь от Антанты. Возьмем хотя бы Польшу. Вы видите, что там американские агенты и спекулянты являются в страну скупать все богатства Польши, которая хвастается тем, что она существует теперь как независимая держава. Польша скупается агентами Америки. Нет ни одной фабрики; ни одной отрасли промышленности, которые не были бы в кармане американцев. Америка обнаглела так, что начинает поработать „великую свободную победительницу Францию“, которая являлась прежде страной ростовщиков, а теперь сплошь должна Америке, так как у нее не стало экономических сил и она не может обойтись ни своим хлебом, ни своим углем и не может поэтому развивать свои материальные силы, а Америка требует, чтобы вся дань была неукоснительно уплачена. Таким образом, чем ближе к победе, тем больше выясняется экономический крах Франции, Англии и других могущественных стран. Выборы во Франции дали перевес клерикалам. Французский народ, который был обманут тем, что должен был давать все силы во имя свободы и демократии против Германии, получил теперь в награду бесконечную задолженность, издевательства хищных американских империалистов и в придачу клерикальное большинство представителей самой дикой реакции.

Положение во всем мире стало неизмеримо запутаннее. Наша победа над Колчаком, Юденичем, над этими слугами международного капитала, велика, но еще гораздо больше, хотя и не так ясна, победа, которую мы одерживаем в международном масштабе. Эта победа заключается во внутреннем разложении империализма, который не может послать своих войск против нас. Антанта испробовала и этот способ, но ничего из него не вышло, потому что ее войска разлагаются, когда встречаются с нашими войсками и когда знакомятся с нашей российской советской конституцией, переведенной на их язык. Вопреки влиянию вождей гнилого социализма, наша конституция всегда привлекает симпатии трудящихся масс. Слово „Совет“ понятно теперь всем и советская конституция переведена на все языки и с ней знаком каждый рабочий. Он знает, что это конституция трудящихся, что это политический строй трудящихся, зовущих к победе над международным капиталом. Эта наша победа отозвалась на каждой империалистической стране, раз мы отняли, отвоевали ее собственное войско, отняли возможность двигать его против Советской России. Они пробовали воевать чужими войсками, вой-

сками Финляндии, Польши, Латвии, но и из этого ничего не вышло. Английский министр Черчилль несколько недель тому назад в своей речи в палате хвастал, о чем были посланы телеграммы всему миру, что организован поход четырнадцати народов против Советской России и что к новому году он даст победу. И правда, тут участвовало много народов—Финляндия, Украина, Польша, Грузия, чехо-словаки, японцы, англичане немцы, французы. Но мы знаем, что из этого вышло! Мы знаем, что эстонцы оставили на произвол судьбы армию Юденича, и сейчас там идет бешеная полемика в газетах из-за того, что эстонцы не хотят помогать, а Финляндия, как ни хотела этого ее буржуазия, также не дала помощи Юденичу<sup>214</sup>). В итоге и второй этап натиска на нас провалился. Первый этап—посылка собственных войск Антанты, которые были снабжены по всем правилам военной науки и которые произвели высадки в Одессе, Владивостоке, на Кавказе, в Архангельске, в Крыму и которые еще теперь остались на Мурмане, а чехо-словаки в Сибири, но остались как островки. Первая попытка победить нас своими войсками кончилась нашей победой. Вторая попытка—послать на нас соседние нации, которые целиком зависят в финансовом отношении от Антанты, и заставить их удушить нас, как опасное гнездо социализма. Но и эта попытка окончилась неудачей и оказалось, что ни одно из маленьких государств к такой войне не способно. И еще более — в каждом маленьком государстве укрепилась ненависть к Антанте. Если Финляндия не пошла брать Петербурга, когда Юденич уже взял Красное Село, то потому, что она колебалась и видела, что рядом с Советской Россией она может жить самостоятельно, а с Антантой жить не может. Эти колебания переживали все маленькие народы. Это переживают Финляндия, Литва, Эстляндия, Польша, где царит сплошной шовинизм, но где есть ненависть к Антанте, которая развивает там эксплуатацию. Теперь мы без всякого преувеличения, точно учитывая ход событий, можем сказать, что не только первый, но и второй этап международной войны против Советской Республики потерпел крах. Теперь остается нам только победить войска Деникина, которые уже наполовину разбиты.

Таково теперешнее русское и международное положение, которое я вкратце охарактеризовал в своем докладе. Позвольте в заключение остановиться на том, какое положение создается по отношению к национальностям Востока. Вы являетесь пред-

ставителями коммунистических организаций и коммунистических партий разных народов Востока. Я должен сказать, что если русским большевикам пришлось пробить брешь в старом империализме, взять на себя необычайно трудную, но и необычайно благородную задачу создания новых путей революции, то вам, представителям трудящихся масс Востока, предстоит еще более великая и еще более новая задача. Выясняется вполне, что социалистическая революция, которая надвигается для всего мира, никоим образом не будет состоять только в победе пролетариата в каждой стране над своей буржуазией. Это было бы возможно, если бы революции происходили легко и быстро. Мы знаем, что империалисты этого не допустят, что все страны вооружены до зубов против своего внутреннего большевизма и все страны думают только о том, как победить большевизм у себя дома. Поэтому в каждой стране нарождается гражданская война, к участию в которой на стороне буржуазии привлечены старые социалисты-соглашатели. Таким образом социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии; нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма. В программе нашей партии, которая была принята в марте прошлого года, мы, характеризуя приближение всемирной социальной революции, говорили, что гражданская война трудящихся против империалистов и эксплуататоров во всех передовых странах начинает соединяться с национальной войной против международного империализма. Это подтверждается ходом революции. Это будет и уделом Востока. Мы знаем, что здесь поднимется, как самостоятельные участники, как творцы новой жизни, большинство населения Востока, потому что сотни миллионов этого населения принадлежат к зависимым, неполноправным нациям, которые до сих пор были объектом международной политики империализма, которые для капиталистической культуры и цивилизации существовали только, как материал для удобрения. Когда говорят о раздаче мандатов на колонии, мы прекрасно знаем, что это раздача мандатов на расхищение, грабеж, что это право ничтожной части населения земли на эксплуатацию большинства населения земного шара. Это большинство, которое до сих пор стояло совершенно вне исторического прогресса, потому что самостоятельной революционной силой представлять не могло,

начало, мы знаем, в начале XX столетия меняться. Мы знаем, что с 1905 г. последовали революции в Турции, Персии, Китае, мы знаем, что в Индии развилось революционное движение. Империалистическая война также способствовала росту революционного движения, потому что пришлось втягивать целые полки колониальных отрядов в борьбу империалистов в Европе. Империалистическая война разбудила и Восток, втянула его народы в международную политику. Англия и Франция вооружали колониальные народы и помогали тому, чтобы научить их пользоваться военной техникой и усовершенствованными машинами, но этой наукой они воспользуются против господ капиталистов. За периодом пробуждения Востока, в современной революции наступает период прямого участия народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества.

Вот почему я думаю, что вам предстоит в истории развития мировой революции, которая будет, судя по началу, продолжаться много лет и стоить много трудов, сыграть большую роль и соединиться в своей борьбе с нашей борьбой против международного империализма. Ваше участие в международной революции поставит вас перед сложной и трудной задачей, разрешение которой будет служить основанием общего успеха, потому что здесь впервые большинство населения приходит в самостоятельное движение и будет активным фактором в борьбе за свержение международного империализма.

Большинство народов Востока находится в худшем положении, чем даже самая отсталая в Европе страна, Россия, но наша борьба так легко прошла потому, что против капитала и феодализма соединились крестьяне и рабочие, и здесь связь с народами Востока особенно сильна, потому что большинство его народов является представителями трудовой массы, не рабочими, прошедшими школу империалистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета. Русская революция показала, как победившие капитализм пролетарии, сплотившись с многомиллионной распыленной крестьянской массой трудящихся, победоносно восстали против средневекового гнета. Теперь нашей Советской Республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними

вести борьбу с международным империализмом. Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами: опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно суметь, применяясь к условиям, которых нет в европейских странах, применяясь к условиям своеобразным, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачи борьбы не против капитала, а против средневековых остатков. Это трудная и своеобразная задача, но она особенно благодарна, потому что в борьбу втягивается та масса, которая еще не участвовала в борьбе; а с другой стороны, благодаря организации коммунистических ячеек на Востоке, вы получаете возможность осуществлять теснейшую связь с III Интернационалом. Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока. В маленьких размерах мы осуществили в нашей стране то, что в большом размере, в больших странах осуществите вы. Эту вторую задачу, я надеюсь, вы выполните с успехом. Благодаря коммунистическим организациям на Востоке, представителями которых вы здесь являетесь, у вас имеется связь с передовым революционным пролетариатом. Перед вами стоит задача, чтобы и дальше заботиться о том, чтобы внутри каждой страны, на языке, который понятен народу, велась коммунистическая пропаганда, соединяя эту задачу непосредственно с задачей, осуществляемой теперь.

Само собой понятно, что окончательно может победить пролетариат только всех передовых стран вместе, а мы русские, начинаем то дело, которое закрепит позднее немецкий, французский или английский пролетариат; но мы видим, что они не победят без помощи трудящихся масс угнетенных колониальных народов, и в первую голову народов Востока. Мы должны себе дать отчет, что один авангард не может осуществить перехода к коммунизму. Задача в том, чтобы пробудить революционную активность, самостоятельность и организацию масс трудящихся, несмотря на тот уровень, на котором они стоят, переведя истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществляя те практические задачи, которые нужно осуществить немедленно и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран.

Вот те задачи, решения которых вы не найдете ни в одной

коммунистической книге, но которые решить необходимо. Вам придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов и не может не пробуждаться и который имеет историческое оправдание, и вместе с тем вы должны проложить дорогу к трудящимся эксплуатируемым массам каждой страны и сказать на понятном для них языке, что единственная надежда на освобождение заключается в победе международной революции и что международный пролетариат является единственным союзником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов людей Востока.

Вот задача необычайного размаха, которая стоит перед вами и которая, благодаря эпохе революции и росту революционного движения, общими усилиями коммунистических организаций Востока будет успешно разрешена и доведена до полной победы над международным империализмом.

*Архив Ц. К. Р. К. П.*

## **Речь на I-ом съезде земельных коммун и сельско-хозяйственных артелей<sup>215</sup>).**

(3 декабря 1919 г.)

Товарищи! я очень рад приветствовать от имени правительства ваш первый съезд земледельческих коммун и сельско-хозяйственных артелей. Вы, конечно, знаете из всей деятельности Советской власти, какое громадное значение придаем мы коммунам, артелям и всяким вообще организациям, направленным к превращению, постепенному содействию этому превращению, мелкого, единоличного крестьянского хозяйства в общественное, товарищеское или артельное. Вы знаете, что Советская власть уже давно установила миллиардный фонд в помощь начинаниям такого рода. В положении о социалистическом землеустройстве особенно подчеркнуто значение коммун, артелей и всех предприятий общественной обработки земли, и Советская власть направляет все свои усилия к тому, чтобы этот закон не оставался только на бумаге, но чтобы он действительно приносил пользу, которую он должен принести. Значение всех предприятий такого рода громадное, потому что если бы прежде, бедное, нищенское крестьянское хозяйство осталось по-старому, тогда ни о какой прочной постройке социалистического общества не

могло бы быть и речи. Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь если удастся помочь крестьянину, при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу. Поэтому значение всякого рода предприятий по содействию товарищескому, артельному земледелию нельзя преувеличивать. Мы имеем миллионы разбросанных, распыленных в глуши деревень, отдельных хозяйств. Переделать эти хозяйства каким-нибудь быстрым способом, каким-нибудь приказом, воздействием извне, со стороны, было бы мыслью совершенно нелепой. Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что воздействовать на миллионные мелкие крестьянские хозяйства можно только постепенно, осторожно, лишь удачным практическим примером, ибо крестьяне—люди слишком практичные, слишком крепко связаны со старым земельным хозяйством, чтобы пойти на какие-либо серьезные изменения, только на основании советов и указаний книжки. Этого быть не может, да и это было бы нелепостью. Лишь когда практически, на опыте, близком для крестьян, будет доказано, что переход к товарищескому, артельному земледелию необходим и возможен, лишь тогда мы в праве будем сказать, что в такой громадной крестьянской стране, как Россия, по пути социалистического земледелия сделан серьезный шаг. Поэтому это громадное значение коммун, артелей и товариществ, возлагающее на всех вас громадные государственные и социалистические обязанности, естественным образом заставляет Советскую власть и ее представителей относиться к этому вопросу с особенным вниманием и осторожностью.

В нашем законе о социалистическом землеустройстве сказано, что мы считаем безусловной обязанностью всяких предприятий товарищеского, артельного земледелия не обособляться, не отстраняться от окрестного крестьянского населения, а обязательно оказывать ему помощь. В законе это написано, в коммунальных уставах это повторено, в инструкциях нашего комиссариата земледелия это постоянно развивается—и это самое главное. Но все дело в том, чтобы найти действительно прак-

тический способ, как применить это к жизни. Здесь у меня нет еще уверенности в том, что мы эту главную трудность преодолели. И мне хотелось бы, чтобы ваш съезд, где вы имеете возможность поделиться друг с другом опытом собравшихся со всех концов России практических работников общественных хозяйств, положил конец всем сомнениям и доказал, что мы овладеваем, начинаем овладевать практически делом упрочения артелей, товариществ, коммун и, вообще, всякого рода коллективных, общественных земледельческих предприятий. Но чтобы это доказать, нужны, действительно, практические результаты.

Когда мы читаем уставы земледельческих коммун, или книги, посвященные этому вопросу, то кажется, что мы слишком много места в них уделяем пропаганде, теоретическому обоснованию необходимости организации коммун. Конечно, это вещь необходимая, без обстоятельной пропаганды, без разъяснения преимуществ товарищеского земледелия, без повторения этой мысли тысячи и тысячи раз мы не можем рассчитывать, что в широких массах крестьянства поднимается интерес и начнется практическое испытание способов его проведения в жизнь. Конечно, пропаганда необходима, и повторений нам бояться нечего, потому что то, что для нас кажется повторением, для многих сотен и тысяч крестьян будет, пожалуй, не повторением, а в первый раз открываемой ими истиной. И если у нас является мысль, что мы слишком много внимания уделяем пропаганде, то нужно сказать, что нам необходимо еще в сто раз больше это делать. Но если я это говорю, то говорю в том смысле, что если мы подходим к крестьянству с общим разъяснением полезности устройства земледельческих коммун и, наряду с этим, не умеем на деле показать эту практическую пользу, приносимую ему товарищескими, артельными хозяйствами, то оно не станет оказывать доверия нашей пропаганде.

Закон говорит, что коммуны, артели, товарищества должны помогать окрестному крестьянскому населению. Но государство, рабочая власть дает миллиардный фонд для того, чтобы оказать помощь земледельческим коммунам и артелям. И, конечно, если та или иная коммуна будет оказывать крестьянам помощь из этого фонда, то я боюсь, что это вызовет со стороны крестьян только насмешки. И это будет вполне основательно. Всякий крестьянин скажет: „Разумеется, если вам миллиардный фонд дают, то вам, ведь, нетрудно кое-что из этого и нам бросить“.

Я боюсь, что крестьянин только посмеется над этим, ибо к этому он относится очень внимательно и очень недоверчиво. Крестьянин привык со стороны государственной власти в течение многих веков встречать лишь одно угнетение, поэтому он привык относиться недоверчиво ко всему, что идет от казны. Если помощь со стороны сельско-хозяйственных коммун крестьянам будет осуществляться только для того, чтобы исполнить слово закона, то такая помощь будет не только бесполезна, но из нее может получиться только вред. Ибо название сельско-хозяйственных коммун очень большое, связанное с понятием коммунизма. Хорошо, если коммуны на практике показывают, что в них действительно ведется серьезная работа по улучшению крестьянского хозяйства—тогда, несомненно, поднимется авторитет и к коммунистам, и к коммунистической партии. Но сплошь и рядом бывало так, что коммуны возбуждали в крестьянстве лишь отрицательное отношение к себе и слово «коммуна» делалось иногда даже лозунгом борьбы против коммунизма. И так бывало не только тогда, когда делались нелепые попытки насильственным путем загнать крестьян в коммуны. Нелепость этого так резко бросалась всем в глаза, что Советская власть давным давно выступила против них. И я надеюсь, что если теперь и встречаются единичные примеры этого насилия, то их немного, и вы воспользуйтесь настоящим съездом для того, чтобы последние следы этого безобразия полностью стереть с лица Советской Республики и чтобы ни на один пример не могло сослаться окрестное крестьянское население для поддержки того старомнения, будто бы вступление в коммуну связано с каким-либо насилием.

Но даже, если мы от этого старого недостатка отделаемся и полностью победим это безобразие, то все же это будет самой небольшой долей того, что нам следует сделать. Ибо необходимость помощи коммунаам со стороны государства осталась, и мы не были бы коммунистами и сторонниками введения социалистического хозяйства, если бы не осуществляли государственной помощи всякого рода коллективным земледельческим предприятиям. Мы вынуждены это делать и потому, что это соответствует всем нашим заданиям и, так как мы прекрасно знаем, что эти товарищества, артели и коллективные организации являются новшеством, и если ему не оказать поддержку со стороны рабочего класса, стоящего у власти, то оно не привьется.

Для того же, чтобы оно привилось, нам надо именно в виду того, что государство приходит к нему с денежной и со всякого рода иной помощью, добиться того, чтобы крестьяне не могли встретить это с насмешкой. Мы должны всегда опасаться того, чтобы крестьянин не сказал про коммунара и членов артелей и товариществ, что они—казенные нахлебники и отличаются от крестьян только тем, что им дают льготу. Если дать землю да пособие на постройку из миллиардного фонда, то всякий дурак будет жить немножко получше, чем простой крестьянин. Что же тут коммунистического и какое здесь улучшение—скажет крестьянин:—за что мы их должны уважать? Конечно, если выбрать несколько десятков или сотен человек и дать им миллиарды, они будут работать.

Такое именно отношение со стороны крестьян больше всего внушает опасений. Я хотел бы обратить внимание товарищей, съехавшихся на этот съезд, на этот вопрос. Его необходимо практически решить так, чтобы мы могли сказать себе, что мы не только избежали этой опасности, но и нашли средства бороться за то, чтобы крестьянин так думать не мог, но, наоборот, чтобы он в каждой коммуне, в каждой артели увидал нечто такое, чему государственная власть помогает, и нашел бы в ней новые способы земледелия не в книгах и не в речах (это очень дешево), но в практической жизни, показывающие свои преимущества перед старым. Вот в чем трудность решения задачи, и вот почему и нам, имея перед глазами только сухие цифры, трудно судить о том, доказали ли мы на деле, что каждая коммуна, каждая артель есть действительно выше всех предприятий старого порядка, что рабочая власть здесь помогает крестьянину.

Я думаю, что практически для решения этого вопроса было бы очень желательным, чтобы вы, имея практическое знакомство с целым рядом окрестных коммун, артелей и товариществ, выработали бы приемы действительно фактического контроля над тем, как осуществляется закон, который требует помощи окрестному населению со стороны сельско-хозяйственных коммун; как проводится в жизнь переход к социалистическому земледелию и в чем он выражается конкретно при каждой коммуне, артели, товариществе; как именно это проводится, сколько товариществ, коммун на деле проводят его, а сколько только собираются; сколько раз наблюдалось, что коммуны оказывают помощь, и

какой характер носила эта помощь--филантропический или социалистический.

Если коммуны и артели из оказанной им государством помощи уделяют часть крестьянам, то это лишь даст повод каждому крестьянину думать, что здесь только добрые люди ему помогают, но вовсе не доказывают перехода к социалистическому порядку. Крестьяне же к таким «добрым людям» испокон веков привыкли относиться недоверчиво. Нужно суметь проверить, в чем действительно сказался этот новый общественный порядок, каким путем крестьянам доказывается, что товарищеская, артельная обработка земли лучше единоличной крестьянской обработки и лучше не благодаря казенной помощи; нужно добиться того, чтобы суметь крестьянам доказать и без казенной помощи практическое осуществление этого нового порядка.

К сожалению, мне не придется присутствовать на вашем съезде до конца, я не смогу поэтому принять участие в выработке этих способов проверки. Но я уверен, что вместе с теми товарищами, которые руководят нашим комиссариатом земледелия, вы такие способы найдете. Я с удовольствием прочел статью народного комиссара земледелия т. Середы, в которой он подчеркивает, что коммуны и товарищества должны не отрываться от окрестного крестьянского населения, а стараться улучшить его хозяйство. Надо так поставить коммуну, чтобы она стала образцовой и чтобы соседние крестьяне сами потянулись к ней; суметь показать им практически пример, как надо помогать людям, ведущим хозяйство при таких тяжелых условиях бестоварья и всеобщей разрухи. Для того, чтобы определить практические способы проведения этого в жизнь, нужно выработать очень подробную инструкцию, которая должна перечислять все виды помощи окрестному крестьянскому населению, опрашивать каждую коммуну, что ею сделано для оказания поддержки крестьянам, должна указать способы, как достичь того, чтобы из двух тысяч коммун и около четырех тысяч артелей каждая была ячейкой, способной на деле укрепить среди крестьян убеждение, что коллективное земледелие, как переход к социализму, есть вещь полезная, а не блажь, не простой бред.

Я уже говорил, что закон требует от коммун помощи окрестному крестьянскому населению. Выразиться как-либо иначе в законе, дать в нем какие-либо практические указания мы не могли. Нам надо было установить общие положения и рассчи-

тывать на то, что сознательные товарищи на местах будут добросовестно применять этот закон и сумеют найти тысячу способов, как его практически применить в конкретных хозяйственных условиях каждой местности. Но, разумеется, всякий закон можно обойти, даже под видом его исполнения. И закон о помощи крестьянам, при недобросовестном его применении, может превратиться в совершеннейшую игрушку и достичь совсем противоположных результатов.

Коммуны должны развиваться в том направлении, чтобы при соприкосновении с ними стали изменяться условия крестьянского хозяйства, встречая хозяйственную помощь, и чтобы каждая коммуна, артель или товарищество умели положить начало улучшению этих условий и практически его осуществить, доказав на деле крестьянам, что это изменение приносит им только пользу.

Вы можете, естественно, подумать, что нам скажут: для того, чтобы улучшить хозяйство, надо иметь условия, отличающиеся от условий теперешней разрухи, вызванной четырехлетней империалистской и двухлетней гражданской войной, которую нам навязали империалисты. При таких условиях, как у нас, где уж тут думать о широком распространении улучшений земледельческих хозяйств, дай бог как-нибудь продержаться и не умереть с голоду.

Вполне естественно, что такого рода сомнения могут быть вызваны. Но если бы мне пришлось отвечать на подобные возражения, то я сказал бы следующее. Допустим, что действительно, в силу расстроенного хозяйства, в силу разрухи, бестоварья, слабости транспорта, уничтожения скота и орудий широкого улучшения хозяйства провести нельзя. Нет сомнения, однако, что в целом ряде отдельных случаев неширокое улучшение хозяйства осуществимо. Но допустим, что даже и этого нет. Значит ли это, что коммуны не могут внести изменений в окружающую жизнь крестьян и не могут доказать крестьянам, что коллективные земледельческие предприятия—не искусственно выращенное тепличное растение, но новая помощь рабочей власти трудящемуся крестьянству, содействие ему в его борьбе против кулачества. Я уверен, что если даже так поставить вопрос, если мы допустим невозможность осуществления улучшения в условиях теперешней разрухи, то, имея в коммунах и артелях добросовестных коммунистов, можно достичь очень и очень многого.

Чтобы не оставаться голословным, я сошлюсь на то, что у нас в городах называли субботниками. Так называли бесплатную работу городских рабочих сверх того, что требуется от каждого рабочего, посвященную в течение нескольких часов какой-нибудь общественной потребности. Они были введены впервые в Москве железнодорожниками Московско-Казанской железной дороги. На один из призывов Советской власти, указывающей на то, что красноармейцы на фронтах приносят неслыханные жертвы и несмотря на все бедствия, которые им приходится испытывать, одерживают невиданные победы над врагами, и говорящей вместе с тем, что довести эти победы до конца мы сможем лишь в том случае, если этот героизм, это самопожертвование будут иметь место не только на фронтах, но и в тылу—московские рабочие ответили устройством субботников. Несомненно, что московским рабочим приходится испытывать бедствий и нужды гораздо больше, чем крестьянам, и если вы с условиями их жизни ознакомитесь и подумаете над тем, что они смогли при этих неслыханных тяжелых условиях начать осуществление субботников, то вы согласитесь, что нельзя никакой тяжестью условий отговориться от того, что можно сделать при всяких условиях, применяя тот же способ, какой применили московские рабочие. Ничто не помогло так повысить авторитет коммунистической партии в городе, так поднять уважение со стороны беспартийных рабочих к коммунистам, как эти субботники, когда они перестали быть единичным явлением и когда беспартийные рабочие на деле увидели, что члены господствующей коммунистической партии несут на себе обязанности, и коммунисты допускают новых членов в партию не для того, чтобы они пользовались выгодами, связанными с положением правительственной партии, а для того, чтобы они показывали пример действительно коммунистического труда, т.-е. такого, который ведется бесплатно. Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу. Мы знаем, что сейчас вводить социалистический порядок мы не можем, дай бог, чтобы при наших детях, а, может быть, и внуках он был установлен у нас. Но мы говорим, что члены господствующей коммунистической партии берут на себя и большинство трудностей в борьбе с капитализмом, мобилизуя лучших коммунистов для отправки на фронт, а тех, которые не могут быть для этого использованы, требуя выполнения субботников.

Применяя эти субботники, которые вошли в распространение в каждом крупном промышленном городе, участия в которых партия требует теперь от каждого своего члена, карая за неисполнение даже исключением из партии, применяя это средство в коммунах, артелях и товариществах, вы сможете и должны при самых худших условиях добиться того, чтобы крестьянин видел в каждой коммуне, артели, товариществе союз, отличающийся не тем, что он получает казенное пособие, а тем, что в нем собраны лучшие представители рабочего класса, не только проповедующие социализм для других, но и умеющие осуществлять его сами, умеющие показать, что они даже при худших условиях умеют коммунистически хозяйничать и помогать чем могут окрестному крестьянскому населению. По этому пункту не может быть никаких отговорок, тут нельзя ссылаться на бестоварье, на отсутствие семян или на падеж скота. Здесь мы получаем проверку, которая, во всяком случае, позволит нам сказать определенно, насколько мы практически овладели той трудной задачей, которую мы перед собой поставили.

Я уверен, что общее собрание, представители коммун, товариществ и артелей, обсудит это и поймет, что применение такого способа, действительно, послужит громадным средством в деле упрочения коммун и товариществ и добьется тех практических результатов, чтобы нигде в России не могло быть ни одного случая враждебного отношения к коммунам, артелям и товариществам со стороны крестьян. Но этого мало; надо, чтобы крестьянство относилось к ним сочувственно. Мы, представители Советской власти, со своей стороны все сделаем для того, чтобы этому помочь, и чтобы наша государственная помощь из миллиардного фонда или из других источников применялась только в тех случаях, когда действительно будет практически осуществляться сближение трудовых коммун и артелей с жизнью окрестных крестьян. Вне этих условий всякую помощь артелям или товариществам мы считаем не только бесполезной, но и безусловно вредной. Помощь коммун окрестным крестьянам нельзя считать помощью, которая происходит только от избытка, но нужно, чтобы эта помощь была социалистической, т.-е. давала бы возможность крестьянам переходить от обособленного, единоличного хозяйства к товарищескому. А это можно сделать лишь тем способом субботников, о котором я здесь говорил.

Если вы учтете этот опыт городских рабочих, начавших

движение в пользу субботников, живя в условиях неизмеримо более худших, чем крестьяне, то я уверен, что при вашей общей единодушной поддержке мы добьемся того, что каждая из существующих теперь нескольких тысяч коммун и артелей стала настоящим рассадником коммунистических идей и представлений среди крестьян, практическим примером, показывающим им, что она, хотя и слабый, маленький еще росток, но все же не искусственный, не парниковый, а настоящий росток нового социалистического строя. Лишь тогда мы одержим прочную победу над темнотой, разорением и нуждой, лишь тогда нам не будут страшны никакие трудности на нашем дальнейшем пути.

*„Правда“ № 273 и 274  
4 и 6 декабря 1919 г.*

ДОКЛАД И РЕЧИ.  
НА VII СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ  
(6—9 декабря 1919 г.)

## Доклад Совета Народных Комиссаров.

(6 декабря 1919 г.)

Прежде всего, когда говоришь о политических результатах нашей деятельности и о политических ее уроках, на первое место ставится международное положение Советской республики.

Мы всегда говорили до и после октября, что рассматриваем себя только, как один из отрядов международной армии пролетариата, выдвинутый вперед вовсе не в меру его развития и подготовки, а в меру исключительных условий России. Поэтому считать окончательной победу социалистической революции можно лишь тогда, когда она станет победой пролетариата, по крайней мере, в нескольких передовых странах. И вот в этом отношении нам пришлось пережить больше всего трудностей.

Наша ставка на международную революцию подтвердилась всемерным образом, если смотреть на нее в общем и целом; с точки же зрения быстроты ее развития мы пережили время особенно тяжелое и убедились, что развитие революции в более передовых странах оказалось делом, гораздо более медленным, гораздо более трудным, гораздо более сложным, чем можно было предполагать. Это не может нас удивлять, потому что для такой страны, как Россия, было гораздо легче начать социалистическую революцию, чем для передовых стран. Но, во всяком случае, это развитие, более медленное, более сложное, более зигзагообразное, социалистической революции в Западной Европе возложило на нас невероятнейшие трудности.

Прежде всего, задаешь себе вопрос: как могло совершиться такое чудо, что два года продержалась в отсталой, разоренной и уставшей от войны стране Советская власть, несмотря на упорную борьбу сначала с германским империализмом, который считался тогда всемогущим, а затем с империализмом Антанты, расправившейся год тому назад с Германией и не знавшей себе соперников? С точки зрения простого учета сил это действи-

тельно чудо, потому что Антанта была и остается неизмеримо более могущественной, чем мы. Тем не менее отчетный год знаменателен больше всего как раз тем, что мы одержали гигантскую победу, настолько большую, что, пожалуй, не преувеличивая, можно сказать, что главные трудности уже позади нас, несмотря на предстоящие еще опасности.

История вмешательства Антанты разделяется на три главных этапа, из которых каждый дает нам один за другим глубокую и прочную победу

Первым этапом, естественно, более близким и более легким для Антанты, была ее политика разделаться с Советской Россией при помощи ее собственных войск. Конечно, после того, как она победила Германию, она имела миллионные армии, еще не заявившие прямо о мире и не сразу пришедшие в себя от того пугала германского империализма, которым их пугали во всех западных странах; конечно, в такое время, с точки зрения военной, с точки зрения внешней политики, для Антанты ничего не стоило взять одну десятую долю своих армий и направить в Россию. Надо заметить, что в руках Антанты было полное господство над морем, и, если бы в то время, ненавидя нас так, как только может ненавидеть социалистическую революцию буржуазия, если бы она смогла сколько-нибудь успешно хотя бы десятую долю своих армий бросить против нас, нет ни малейшего сомнения, что судьба Советской России была бы решена и ее постигла бы участь Венгрии. Почему это не удалось Антанте? Она высадила войска в Мурманск <sup>27)</sup>, поход на Сибирь был предпринят при помощи войск Антанты <sup>65)</sup> и японские войска держат до сих пор отдаленный кусок Восточной Сибири <sup>217)</sup>, а во всей Западной Сибири были, хотя по числу очень небольшие, но были отряды войск всех государств Антанты. Затем французские войска были высажены на юге России. Этот первый этап международного вмешательства в наши дела, первая попытка, так сказать, задушить Советскую власть войсками, которые Антанта взяла у себя, т.е. рабочими и крестьянами более передовых стран, при чем они были снабжены великолепно, и вообще в смысле технических и материальных условий кампании не было ничего, чего бы они не были в состоянии удовлетворить. И перед ними не было никаких препятствий.

Чем же объяснить, что эта попытка потерпела неудачу? Она кончилась тем, что Антанте пришлось убраться из России

войска, потому что войска Антанты оказались неспособными вести борьбу против революционной Советской России. Это всегда, товарищи, составляло для нас главный и основной аргумент. С самого начала революции мы говорили, что мы представляем из себя партию интернационального пролетариата, и как бы ни велики были трудности революции, придет время, и в самый решительный момент скажется сочувствие, солидарность рабочих, угнетенных международным капитализмом. Нас за это обвиняли в утопизме. Но опыт нам показал, что нам не всегда и не на все выступления пролетариата можно рассчитывать. Но можно сказать, что за два года всемирной истории мы оказались в тысячу раз правы. Попытка англичан и французов своими войсками задушить Советскую Россию, попытка, которая обещала наверняка самый верный и самый легкий военный успех в кратчайшее время—эта попытка кончилась крахом. Английские войска ушли из Архангельска, французские войска, высадившиеся на юге, все были увезены на родину. Мы знаем теперь (несмотря на блокаду, известия из Западной Европы все же доходят до нас), что письма английских солдат из Архангельской области все-таки в Англию попадали и там печатались. Мы знаем, что имя французенки тов. Лабур, которая поехала работать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе, стало известно всему французскому пролетариату. Оно стало лозунгом борьбы, стало тем именем, вокруг которого все французские рабочие, разногласия которых казались прежде столь трудно преодолимыми вследствие фракционных течений синдикализма, все объединились для выступления против международного империализма. То, что писал однажды тов. Радек<sup>218</sup>) (который, к счастью, как сегодня сообщают, освобожден Германией и которого мы, может быть, скоро увидим), что горящая революционным пожаром почва революционной России окажется недоступной для войск Антанты, то, что казалось простым увлечением публициста, оказалось фактом, до точности осуществившимся на деле. Действительно, на нашей почве, несмотря на всю нашу отсталость, несмотря на всю тяжесть нашей борьбы, рабочие и крестьяне Англии и Франции бороться против нас оказались не в состоянии. В первый раз, когда попробовали двинуть против нас массовые военные силы, благодаря правильному классовому инстинкту, это привело только к тому, что французские и немецкие солдаты привезли из России только ту самую

язву большевизма, против которой выступали немецкие империалисты, когда выслали из Берлина наших послов.

Мы отняли у Антанты ее солдат.

Победу, которую мы одержали, когда вынудили убрать французские и английские войска, была самая главная победа, которую мы одержали над Антантой: мы у нее отняли ее солдат, мы на бесконечное военное и техническое превосходство Антанты ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистских правительств.

Тут обнаружилось, как поверхностно, как неясно суждение об этих, якобы, демократических странах, по тем признакам, по которым о них судить принято. В парламентах у них прочное буржуазное большинство. Это они называют демократией. Капитал господствует и давит все, прибегает до сих пор к военной цензуре. Они называют демократией, когда у них среди миллионов номеров газет и журналов едва найдется ничтожная доля, где бы было сказано что-нибудь, хотя даже косноязычное, в пользу большевиков. Они поэтому говорят: „Мы защищены от большевиков, у нас господствует порядок“, который они называют демократией. Как же могло случиться, чтобы отдельные английские солдаты и французские матросы могли заставить убрать войска Антанты из России <sup>219</sup>? Что-то тут не так. Значит, народные массы за нас, даже в Англии, Франции, Америке. Значит, все эти верхушки есть обман, как всегда утверждали социалисты, не желавшие изменять социализму. Значит буржуазный парламентаризм, буржуазная демократия, буржуазная свобода печати и есть только свобода для капиталистов, есть свобода подкупать общественное мнение, давить на него всей силой денег. Вот, что говорили социалисты до войны, пока империалистская война не развела их по национальным лагерям и не превратила каждую национальную группу социалистов в лакеев своей буржуазии. Все, что говорили социалисты до войны, всегда говорили интернационалисты и большевики, все это оказалось полностью правдой. Все эти верхушки, вся эта показная сторона, это—обман, который становится массам все более и более очевидным. Они кричат о демократизме, но ни в одном парламенте мира они не посмели сказать, что объявляют войну Советской России. Поэтому в целом ряде буржуазных изданий французских, английских, американских, которые появились у нас, мы читаем предложение: „Предать суду главы государства за то, что они

нарушили конституцию, они ведут войну с Россией<sup>4</sup>. Когда, где, какой параграф конституции, какой парламент ее решил? Где они собрали представителей, хотя с засаживанием в тюрьму всех большевиков и большевистствующих, как выражается французская печать. Даже при этих условиях они не смогли сказать в своих парламентах, что они воюют с Россией. Вот, что было причиной, что великолепно вооруженные в военном отношении, никогда не разбитые войска Англии и Франции не смогли разбить нас, что они ушли из Архангельского севера и с юга. Первая и основная наша победа не только военная и даже вовсе не военная победа, а это есть победа на деле той международной солидарности трудящихся, во имя которой мы всю революцию начинали, указывая на которую, мы говорили, что, как бы много ни пришлось нам испытать, все эти жертвы сторицей окупятся развитием международной революции, которая неизбежна. Это проявилось на таком результате, когда в таком деле, где больше всего играют роль самые грубые и материальные факторы, в военном, мы победили Антанту тем, что отняли от нее ее рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры.

После этой первой победы наступила вторая эпоха вмешательства Антанты в наши дела. Во главе каждой нации стоит опытная группа политиков, у которой имеется великолепный опыт, и потому они, проиграв эту ставку, поставили ставку на другое, пользуясь своим господством над всем миром. Нет ни одной страны, не осталось теперь ни одного куска земного шара, где бы фактически не господствовал полностью английский, французский и американский капитал. На этом была основана новая попытка, которую они сделали,—заставить те маленькие государства, которые Россию окружают и которые освободились только во время войны и получили возможность объявить себя независимыми—Польша, Эстляндия, Финляндия, Грузия, Украина,—попытаются эти маленькие государства заставить воевать против России на английские, французские и американские деньги.

Черчилль<sup>20</sup>) заявил, что на Россию будут наступать 14 государств, к сентябрю падет Петроград, а к декабрю—Москва. Черчилль потом опровергал это известие, но оно было взято из шведской газеты „Политикен“ от 28-го августа. Если даже этот источник оказался неправильным, мы прекрасно знаем, что дела Черчилля и английских империалистов были именно таковы. Мы

прекрасно знаем, что на Финляндию, Эстляндию и другие мелкие страны оказывались все меры воздействия для того, чтобы они воевали против Советской России.

В то время, когда войска Юденича, заведомо снабженные, экипированные и подвезенные на судах Антанты, стояли в нескольких верстах от Петрограда, когда Детское Село было взято, „Таймс“ поместил статью, представляющую из себя настоящий поход против Финляндии. Все силы давления были использованы: военные и дипломатические.

Английский капитал обрушивался на Финляндию и ставил ей ультиматум: „весь мир смотрит на Финляндию,—говорили английские капиталисты,—вся судьба Финляндии зависит от того, поймет ли она свое назначение, поможет ли она подавить эту грязную, кровавую, мутную волну большевизма и освободить Россию“. За это великое и нравственное дело, за это благородное, культурное дело обещали Финляндии столько-то миллионов фунтов стерлингов, такой-то кусок земли и такие-то блага. Какой получился результат? Было время, когда войска Юденича стояли в нескольких верстах от Петрограда<sup>303</sup>), Деникин стоял к северу от Орла,—тогда малейшая помощь быстро решила бы судьбу Петрограда в пользу наших врагов, в кратчайший срок.

Все давление Антанты обрушилось на Финляндию, а Финляндия в долгу, как в шелку. Не только в долгу, а она не может без помощи этих стран прожить месяца. Как же произошло такое чудо, что мы выиграли тяжбу с таким противником, а мы ее выиграли. Финляндия в войну не вошла, Юденич оказался разбитым. Оказался также разбитым Деникин в такой момент, когда их совместная борьба самым верным, самым быстрым образом привела к решению всей борьбы в пользу международного капитализма. Мы выиграли тяжбу с международным империализмом в в этом серьезном международном испытании. Но как мы ее выиграли? Как могло быть такое чудо? Оно было потому, что Антанта сделала ставку, какую ставят те капиталистические государства, которые действуют исключительно и всецело обманом и давлением. Каждым своим действием они возбуждают против себя такое противодействие, что получается выгода для нас. Мы мученными и говорили финляндским рабочим, которых финляндская буржуазия задавила: „вы не должны воевать против нас“. Антанта стояла во всей силе своего вооружения, своего внешнего могущества, всех своих

продовольственных благ, которые она могла дать этим странам и требовала, чтобы они боролись против нас. Мы выиграли эту тяжбу. Мы выиграли потому, что у Антанты своих войск, которые она могла бы бросить против нас, уже не было. Она должна действовать силою маленьких народов, а маленькие народы, не только рабочие и крестьяне, но даже порядочная часть буржуазии, раздавившая рабочий класс, в конце концов не пошли против нас.

Когда империалисты Антанты говорили о демократии и независимости, эти народы имели дерзость, с точки зрения Антанты, а с нашей точки зрения—глупость, брать эти обещания всерьез и понимать независимость так, что это и есть именно независимость, а не обогащение французских и английских капиталистов. Они думали, что демократия—это значит жить освобожденными, а не значит, что все американские миллиардеры могут грабить эту страну и всякий дворянчик-офицер может держать себя, как хам, и превращаться в наглого спекулянта, который из-за нескольких сот процентов прибыли идет на самые грязные дела. В результате Антанта, давя на эти маленькие страны, на каждую из этих 14-ти стран, встречала противодействие. Финская буржуазия говорила себе: „если нам пойти по указаниям Антанты, это значит—потерять всякие надежды на независимость. Эту независимость нам дали большевики в ноябре 1917 года, когда в Финляндии было буржуазное правительство“. Таким образом, мнение широких кругов, даже финляндской буржуазии, оказалось колеблющимся. Мы выиграли тяжбу с Антантой, потому что она рассчитывала на мелкие нации и, вместе с тем, от себя их оттолкнула.

Мы выиграли нейтралитет на этом опыте. В громадном, всемирном, историческом масштабе подтверждается то, что мы говорили, указывая, что есть две силы на земле, которые могут определить судьбы человеческие: либо силы международного капитализма, либо международный пролетариат, который борется за социалистическую революцию посредством своей диктатуры, которую он называет: демократия рабочих.

Нам не верили ни колеблющиеся элементы у нас в России, ни буржуазия мелких стран, объявляя нас утопистами или разбойниками, а то еще хуже, ибо нет того нелепого и чудовищного обвинения, которое против нас не возводили бы. Когда встал вопрос ребром, идти ли с Антантой, помогать ли ей душить большевиков, или помочь большевикам своим нейтралитетом, ока-

залось, что мы выиграли тяжбу и получили нейтралитет, хотя у нас не было никаких договоров, а у Англии, Франции и Америки были всякие векселя, всякие договоры. Несмотря на это, маленькие страны поступили так, как хотели мы, не потому, что буржуазии польской, финляндской, литовской, латышской доставляло удовольствие вести свою политику ради прекрасных глаз большевиков,—это, конечно, чепуха,—а потому, что мы были правы в своем определении всемирно-исторических сил, что либо зверский капитал победит и, будь какая угодно демократическая республика, он будет душить все малые народы мира, либо диктатура пролетариата,—и только в этом надежда всех трудящихся и всех малых, забытых народов. Оказалось, что мы были правы не только в теории, но и в практике мировой политики. Когда у нас завязалась эта тяжба из-за войск Финляндии, Эстляндии, мы эту тяжбу выиграли, когда они могли задавить нас ничтожными силами. Несмотря на то, что Антанта всю громадную силу и своего финансового давления и военной мощи и доставки продовольствия, все бросила на чашу весов, чтобы заставить Финляндию выступить,—все же мы эту тяжбу выиграли.

Второй этап международного вмешательства—это наша вторая всемирно-историческая победа. Мы отвоевали у Англии, Франции и Америки их рабочих и крестьян, а также отвоевали у них эти маленькие народы, которые все были против нас. Они осуществили по отношению к нам дружественный нейтралитет и пошли против всемирно-могущественной Антанты, ибо Антанта была хищником, который хотел их давить.

В международном масштабе произошло то же, что с сибирским крестьянином, который верил в Учредительное Собрание, помогал эс-эрам и меньшевикам соединиться с Колчаком и бить нас. Когда он испытал, что Колчак—это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской, он после этого организовал тот громадный ряд восстаний в Сибири, которые теперь обеспечивают нам полный возврат Сибири.

То, что было с сибирским мужиком, при всей его неразвитости, политической темноте, то же произошло теперь в масштабе более широком, в масштабе всемирно-историческом, со всеми маленькими нациями. Они ненавидели большевиков, некоторые из них кровавой рукой, бешеным террором подавляли большевиков, а когда они увидели „освободителей“ английских офи-

перов, то поняли, что значит английская и американская „демократия“: когда представители английской и американской буржуазии появились в Финляндии, в Эстляндии, они начали душить с наглостью большею, чем русские империалисты,—большей потому, что русские империалисты были представителями старого времени и душить, как следует, не умели, а эти люди душить умеют и душат до конца.

Победа во втором этапе более прочна, чем сейчас кажется. Я вовсе не преувеличиваю и считаю преувеличение опасным, но нисколько не сомневаюсь, что со стороны Антанты будут еще попытки натравливать на нас то одно, то другое маленькое государство, которое живет с нами по соседству. Эти попытки будут потому, что маленькие государства целиком зависят от Антанты, потому, что все эти речи о свободе, независимости и демократии—одно лицемерие, и Антанта может заставить их еще раз поднять руку против нас. Но если эта попытка сорвалась в такой удобный момент, когда так легко было вести борьбу против нас, то мне кажется, что в этом отношении можно сказать определенно: в этом отношении несомненно главная трудность осталась позади. Мы имеем право это сказать, несомненно, без малейшего преувеличения и сознавая, что есть гигантский перевес сил на стороне Антанты. Мы победили прочно. Попытки будут, но их мы победим легче, потому что малые государства при всем их буржуазном строе убедились на опыте, не теоретически (на теорию эти господа не годятся), что Антанта есть зверь более наглый и хищный, чем кажутся им большевики, которыми пугают детей и культурных мещан во всей Европе.

Наши победы не окончились только этим. Мы начали отвоевывать у Антанты в ее собственных странах мелкую буржуазию и образованное мещанство, которые целиком были против нас, чтобы доказать это, я позволю себе сослаться вам на газету „L'Humanité“ <sup>54</sup>) от 26-го октября. Эта газета, стоявшая на точке зрения таких социалистов, как наши меньшевики и правые эс-эры играет роль примирителя. Она заявляет, что убедилась, что изменение в настроении рабочих произошло. Она увидела это не в Одессе, а на улицах и собраниях Парижа, когда рабочие не давали говорить тому, кто смел сказать слово против большевистской России. Как политики, научившиеся кое-чему в течение нескольких революций, как люди, знающие, что представляют собой народные массы, они не смеют пикнуть и

пользу вмешательства и все высказываются против, но этого мало для нас.

В том же номере „L'Humanité“ от 26-го октября помещено заявление целого ряда представителей французской интеллигенции, французского общественного мнения. В этом заявлении, которое начинается подписью Анатоля Франса, где есть подписи Фердинанда Бюиссона, имеется 71 фамилия представителей буржуазной интеллигенции, известных всей Франции, которые говорят, что они против вмешательства в дела России, потому что блокада, применение голодной смерти, от которой гибнут дети и старики, недопустима с точки зрения культуры и цивилизации, что они этого снести не могут. А известный французский историк Олар, стоящий на буржуазной точке зрения, в своем письме говорит: „Я, как француз,—враг большевиков, как французский сторонник демократии, меня в этом смешно заподозрить, но когда я читаю, что Франция приглашает Германию принять участие в блокаде России, когда читаю, что Франция с этим предложением обращается к Германии, тогда я ощущаю краску стыда на лице“. Это, может быть, простое словесное выражение чувств со стороны представителя интеллигенции, но можно сказать, что это третья победа, которую мы одержали над империалистической Францией внутри ее самой. Вот это выступление, шаткое, жалкое само по себе, выступление той интеллигенции, которая, как мы видели на десятках и сотнях примеров, может, миллионы раз больше шумит, чем представляет собою силу, но которая отличается свойством быть хорошим барометром и показателем того, куда клонит мелкая буржуазия, куда клонит общественное мнение, насквозь буржуазное.

Если внутри Франции, где все буржуазные газеты иначе как в выражениях самых лживых, не пишут о нас, положение таково, мы говорим себе: „похоже на то, что во Франции начинается второе дело Дрейфуса <sup>42)</sup>, голько много покрупнее“. Тогда буржуазная интеллигенция боролась против клерикальной и военной реакции, рабочий класс не мог тогда считать это своим делом, тогда не было объективных условий, не было такого глубокого революционного настроения, как теперь. А сейчас? Если французская буржуазная интеллигенция, после недавней победы самой бешеной реакции на выборах, после того режима, который там существует теперь по отношению к большевикам, если она говорит, что ей стыдно становится союза реакционнейшей

Франции с реакционнейшей Германией с целью душить голодом рабочих и крестьян России, мы говорим себе: „Это, товарищи, третья и крупнейшая победа“.

Интересно было бы посмотреть, как при таком положении внутри государства г.г. Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон осуществят свой план о новых своих покушениях на Россию, о которых они мечтают.

„Попробуйте господа“,—скажем мы им.

Я повторяю, что было величайшей ошибкой делать из этого выводы слишком неосторожные. Нет сомнений, что они свои попытки возобновят. Но мы совершенно уверены в том, что эти попытки, какими бы крупными силами они ни были предприняты, потерпят крах. Мы можем сказать, что та гражданская война, которую мы вели с такими бесконечными жертвами, была победной и оказалась победной не только в русском масштабе, но и всемирно-историческом.

Каждый из тех выводов, которые я вам сделал, я делал на основании результатов военной кампании.

Почему повторяю, новые попытки будут осуждены на неуспех?

Потому что, они стали гораздо слабее, чем были, а мы стали гораздо сильнее после нашей победы над Колчаком, над Юденичем и начинающейся и становящейся, повидимому, полной победой над Деникиным.

Разве Колчак не имел помощи этой всемирно-могущественной Антанты? Разве крестьяне Урала и Сибири, которые на выборах в Учредительное Собрание в 1917 г. дали меньший процент большевиков, сплошь поддержали фронт Учредительного Собрания, бывший тогда фронтом меньшевиков и эс-эров, разве они не были лучшим человеческим материалом против коммунистов? Разве Сибирь не являлась страной, в которой не было помещичьего землевладения, и мы не могли сразу помочь крестьянским массам так, как помогли всем русским крестьянам? Чего же не хватало Колчаку для победы над нами?

Не хватало того, чего не хватает всем империалистам. Он оставался эксплуататором. Он должен был действовать в обстановке наследства мировой войны, в той обстановке, которая позволяла о демократии и свободе только болтать, которая давала возможность иметь либо одну, либо другую диктатуру, либо диктатуру эксплуататоров, которая бешено отстаивает свои при-

вилегии и заявляет, что должна быть уплачена дань по тем векселям, по которым они хотят драть миллиарды со всех народов, либо диктатура рабочих, которая борется с властью капиталистов и обеспечивает власть трудящихся. Только из-за этого слетел Колчак. На деле не при подаче избирательного бюллетеня сибирский и уральский крестьянин определили свою судьбу. Он был недоволен большевиками летом 1918 года, он увидел, что большевики заставляют дать излишек хлеба не по спекулятивным ценам, и он повернул на сторону Колчака. Теперь он посмотрел, сравнил и пришел к иному выводу. Он это понял вопреки всей науке, которую преподавали, потому что на своей собственной шкуре он научился тому, чего из науки не хотят понять эс-эры и меньшевики. Он понял, что может быть только две диктатуры, что из них нужно выбирать одну: либо диктатуру рабочих—а это значит помочь всем трудящимся сбросить иго эксплуататоров, либо диктатуру эксплуататоров.

Крестьянина мы завоевали. Мы доказали ему на опыте, самом тяжелом, прошедшем через неслыханные трудности, что вести за собой крестьянство мы, как рабочий класс, сумеем лучше, с большим успехом, чем какая бы то ни было другая партия.

Другие партии любят нас обвинять в том, что мы с крестьянством ведем борьбу и не умеем заключить правильного договора и все предлагают свои добрые, благородные услуги помирить нас с крестьянами. „Благодарим покорно, господа, — говорим мы,—но мы не думаем, что вы это сделаете. А мы-то, по крайней мере, доказали давно, что это мы сделать сумели“. Мы не рисовали крестьянину сладеньких картин, что он может выйти из капиталистического общества без железной дисциплины и твердой власти рабочего класса, что простое собрание бюллетеней решит всемирный исторический вопрос о борьбе с капиталом. Мы говорим прямо: диктатура—слово жестокое, тяжелое и даже кровавое, но мы говорим, что диктатура рабочих обеспечит для них свержение ига эксплуататоров, и мы оказались правы. Крестьяне, испытав на деле ту и другую диктатуры, выбрали диктатуру рабочего класса и с ней пойдут дальше до полной победы.

Товарищи, из того, что я сказал о наших международных победах, вытекает,—мне кажется, на этом не придется долго останавливаться,—что мы должны сделать с максимальной делю-

витостью и спокойствием повторение нашего мирного предложения. Мы должны сделать это потому, что мы делали уже такое предложение много раз, потому что каждый раз, когда мы делали его, в глазах всякого образованного человека, даже нашего врага, мы выигрывали. А у этого образованного человека появлялась краска стыда на лице.

Так было, когда приехал сюда Буллит <sup>170</sup>). Он был принят Чичериным <sup>221</sup>), беседовал с ним и со мной,—и в несколько часов был заключен предварительный договор о мире. Он нас уверил,—эти господа любят хвастаться,—что Америка—все, а кто же считается с Францией при силе Америки? Когда же мы подписали договор, так и французский Клемансо и американский министр сделали такого рода жест. (Делает красноречивый жест ногой.) Буллит оказался с пустейшей бумажкой, и ему сказали: „кто же мог ожидать, чтобы ты был так наивен, так глуп и поверил в демократизм Англии и Франции!“. А в результате в печати появился полный текст договора с Буллитом по-французски, который напечатан во всех английских и американских газетах. В результате они сами себя выставили перед всем светом не то жуликами, не то мальчишками,—пусть выбирают. А все сочувствие даже мещанства, даже буржуазии, сколько-нибудь образованной, вспомнившей, что и она когда-то боролась со своими царями и королями подобно нам, было на нашей стороне, потому что мы деловым образом самые тяжелые условия мира подписали и сказали: слишком дорога для нас цена крови наших рабочих и солдат, мы вам, как купцам, заплатим за мир ценой тяжкой дани. Мы пойдем на тяжелую дань, лишь бы сохранить жизнь рабочих и крестьян.

Теперь я перехожу к политической части моего доклада.

Мы одержали три громадные победы над Антантой, и они далеко не были победами военными, они были победой, которую одерживала диктатура рабочего класса, и каждая такая победа укрепляла наше положение не только потому, что слабел и без войск оказывался наш противник; наше международное положение укреплялось потому, что мы выигрывали перед глазами всего трудящегося человечества и даже многих представителей буржуазии. В этом отношении те победы, которые мы одержали над Колчаком, Юденичем и теперь одерживаем над Деникиным, дадут нам возможность дальше мирным путем завоевывать сочувствие к себе в неизменно большем размере, чем до сих пор.

Нас всегда обвиняли в терроризме. Это ходячее обвинение, которое не сходит со страниц печати. Нас обвиняли в том, что мы ввели терроризм в принцип. Мы отвечаем на это: вы сами не верите в такую клевету. Тот же историк Олар, который написал письмо в газету „L'Humanité“, пишет: „Я учился истории, и когда читаю, что у большевиков только уроды, монстры и пугала, я говорю, то же самое писали про Робеспьера<sup>222)</sup> и Дантона<sup>223)</sup>. Этим,—говорит он,—я вовсе не сравниваю с этими великими людьми нынешних русских. Ничего подобного, ничего в них нет сколько-нибудь похожего. Но я, как историк, говорю: нельзя же каждому слуху верить“

Когда буржуазный историк начинает говорить таким образом, мы видим, что и та ложь, которая про нас распространяется, начинает рассеиваться. Мы говорим, нам террор был навязан. Забывают о том, что терроризм был вызван нашествием всемирно-могущественной Антанты. А разве это не террор, когда всемирный флот блокирует голодную страну? Разве это не террор, когда иностранные представители, опираясь на будто бы дипломатическую неприкосновенность, организывают белогвардейские восстания<sup>2:4)</sup>? Надо, все-таки, смотреть на вещи хоть сколько-нибудь трезво. Ведь надо же понимать, что международный империализм для подавления революции поставил все на карту, он не останавливается ни перед чем и говорит: „за одного офицера—одного коммуниста“! И они правы. Если бы мы попробовали на эти войска, созданные международным хищничеством, озверевшие от войны, действовать словами, убеждением, воздействовать как-нибудь иначе, не террором, мы бы не продержались и двух месяцев, мы бы были глупцами. Террор навязан нам терроризмом Антанты, террором всемирно-могущественного капитализма, который душит и осуждает на голодную смерть рабочих и крестьян за то, что они борются за свободу их страны. Всякий шаг в наших победах будет неизбежно и неизменно сопровождаться тем, что мы будем обходиться в своем управлении без этого средства убеждения и воздействия.

Нас обвиняют в том, что мы создали невероятно тяжелые условия для средних людей, для буржуазной интеллигенции. Мы говорим: империалистская война была продолжением империалистской политики, поэтому она вызвала революцию. Все чувствовали во время империалистской войны, что она ведется буржуазией во имя хищнических интересов, что в этой войне

народ гибнет, а буржуазия наживается. Это основной мотив, которым проникнута вся их политика во всех странах и это их губит и погубит до конца. А наша война есть продолжение политики революции и каждый рабочий и крестьянин знает, а если не знает, то ощущает инстинктом, видит, что эта война, которая ведется во имя защиты от эксплуатации, война, которая налагает больше всего жертв на рабочих и крестьян, но не останавливается ни перед чем, чтобы возложить эти жертвы и на другие классы. Мы знаем, что это для них тяжелее, чем для рабочих и крестьян, потому что они принадлежали к классу привилегированному. Но мы говорим, что когда дело идет о том, чтобы освободить от эксплуатации миллионы трудящихся, правительство, которое оставилось бы перед возложением жертв на другие классы, было бы правительством не социалистическим, а изменническим. Если тяжести возлагались нами на средние классы, то потому, что нас поставили в неслыханно-тяжелые условия правительства Антанты. Всякий шаг наших побед,— это мы видим по опыту нашей истории, я только не могу на этом детально останавливаться,—сопровождается тем, что через все колебания и многочисленные попытки вернуться назад, все большее и большее число представителей колеблющихся элементов убеждается в том, что действительно нет иного выбора, как между диктатурой трудящихся и властью эксплуататоров. Если были тяжелые времена для этих элементов, то виновата в этом не большевистская власть, а виноваты белогвардейцы, виновата Антанта, и победа над ними будет действительным и прочным условием улучшения положения всех этих классов. В этом отношении, товарищи, я бы хотел, переходя к урокам политического опыта внутри страны, сказать несколько слов о том, какое значение имеет война.

Наша война является продолжением политики революции, политики свержения эксплуататоров, капиталистов и помещиков. Поэтому война, как она ни бесконечно тяжела, привлекает к нам симпатии рабочих и крестьян. Мы завоевали в ней те уральские полчища, которых мы не имели. Война есть не только продолжение политики, она есть суммирование политики, обучение политике в этой неслыханно-тяжелой войне, которую взвалили на нас помещики и капиталисты при помощи всемирно-могущественной Антанты. В этом огне рабочие и крестьяне научились. Рабочие научились, как использовать государственную власть;

как сделать из каждого своего шага источник пропаганды и образования масс, сделать из Красной армии, в которой большинство крестьян, орудие просвещения крестьянства; как сделать Красную армию орудием использования буржуазных специалистов. Мы знаем, что эти буржуазные специалисты в громадном большинстве против нас, ибо здесь высказывается их природа, и на этот счет мы никаких сомнений иметь не можем. Нам изменяли сотни и тысячи этих специалистов, а служили нам все более и более верно десятки и десятки тысяч, потому что в ходе борьбы они привлекались на нашу сторону, потому что тот революционный энтузиазм, который совершал чудеса в Красной армии, происходил от того, что мы обслуживали и удовлетворяли интересы рабочих и крестьян. Влияние массы дружно действующих рабочих и крестьян, знающих, за что они борются, делало свое дело и все большая и большая часть людей, которые переходили к нам из другого лагеря, иногда несознательно превращалась и превращается в наших сознательных сторонников.

Товарищи, теперь перед нами стоит задача — тот опыт, который мы приобрели в нашей военной деятельности, перенести в область мирного строительства. Ничто не наполняет такой радостью и не дает такой возможности приветствовать VII Всер. Съезд Советов, как поворотный пункт Советской России, как тот факт, что позади лежит главная полоса гражданских войн, которые мы вели, и впереди — главная полоса того мирного строительства, которое всех нас привлекает, которого мы хотим, которому мы посвятим все свои усилия и всю свою жизнь. Теперь мы можем сказать на основании тяжелых испытаний войны, что в основном отношении военном и международном мы оказались победителями. Дорога мирного строительства перед нами открывается<sup>225</sup>). Нужно, конечно, помнить, что враг нас подкарауливает на каждом шагу и сделает еще массу попыток скинуть нас теми средствами, какие только смогут оказаться у него: насилием, обманом, подкупом, заговорами и т. д. Наша задача в том, чтобы весь тот опыт, который мы приобрели в военном деле, направить теперь на основные вопросы мирного строительства. Я называю эти главные вопросы. Прежде всего — это вопрос о продовольствии, вопрос о хлебе.

Мы вели самую тяжелую борьбу с предрассудками, привычками. Крестьянин, с одной стороны, есть труженик, который десятки лет испытывал гнет помещика и капиталиста, научился

и знает своим инстинктом угнетенного человека, что этот зверь, который не остановится перед морями крови, чтобы вернуть свою власть. Но, с другой стороны,—это есть собственник, который желает продавать хлеб свободно, он хочет „свободы“, он не понимает, что свобода продажи хлеба в голодной стране—есть свобода спекуляции, свобода наживы для богачей. И мы говорим: мы на это не пойдем никогда, скорее ляжем все костями, чем сделаем уступки.

Мы поведем ту политику, когда рабочие убеждают крестьян отдавать хлеб в ссуду, ибо бумажка эта не есть эквивалент, это не есть равноценность хлеба. Крестьянин дает нам хлеб по твердым ценам и не получает товаров, так как их у нас нет, а получает цветные бумажки. Он дает в ссуду, и мы говорим: „если ты человек труда, можешь ли ты говорить против того, что это справедливо, что необходимо имеющиеся излишки хлеба дать в ссуду по твердым ценам, а не путем спекуляции, которая есть возврат к эксплуатации, к тому, против чего мы боролись?“

Это громадная трудность, это стоило нам больших колебаний. Мы многие шаги делали и делаем ошупью, но мы приобрели основной опыт. Когда вы услышите доклад тов. Цюрупы и других работников по продовольствию, вы увидите, когда государство говорит крестьянам, что они должны давать ссуду, как к этой разверстке крестьяне привыкают, ибо мы имеем известия из ряда волостей, что разверстка выполнена на все 100%, что при всей ничтожности успехов, успех все же есть. Наша продовольственная политика дает все более и более ясно понять крестьянам: либо свобода торговли хлебом в разоренной стране,—тогда идите назад, пробуйте Колчака, Леникина, либо—социалистический путь. Против первого мы будем бороться до последней капли крови. Здесь в вопросе о хлебе не может быть никаких уступок. Если крестьянин дает хлеб в ссуду, мы из всех трудностей вылезли, мы восстановим свой долг, и рабочий свой долг вернет крестьянину сторицей. Он обеспечит ему и его детям возможность существовать, не работая на помещика и капиталиста. Это мы говорим крестьянину, и он убеждается, что иного выбора нет. В этом убеждаем крестьянина не столько мы, сколько наши противники Колчак и Леникин. Они больше всего дают крестьянину фактических уроков жизни, направляют его в нашу сторону.

За вопросом о хлебе идет вопрос о топливе. Сейчас в

местах заготовок собрано хлеба вполне достаточно для того, чтобы накормить голодных рабочих Питера и Москвы. А пройдитесь по рабочим кварталам Москвы, вы увидите страшный голод, страшный недостаток, которые сейчас обострились из-за вопроса о топливе. Здесь мы переживаем отчаянный кризис, здесь мы отстали от потребности. В последнее время целый ряд мероприятий Совета Оборона и Совнаркома был посвящен целиком мерам для выхода из топливного кризиса.

К моей речи тов. Ксандров<sup>226</sup>) доставил материал, который показывает, что мы из этого отчаянного кризиса вылезать начали. В начале октября за неделю было погружено вагонов 16.000, к концу эта цифра дошла до 10.000 в неделю. Это был кризис, это была катастрофа, это был голод для целого ряда рабочих заводов и фабрик Москвы, Петрограда и целого ряда других мест. Результаты этой катастрофы сказываются до сих пор. Затем мы налегли на это дело, напрягли все наши силы, когда мы сделали то, что делали по отношению к военному делу, когда мы сказали: все, что есть сознательного, все к решению топливного вопроса не старым путем капитализма, когда спекулянтам давали премию и они наживались на этом деле, получая какие-нибудь заказы. Нет, мы сказали: решайте вопрос путем социалистическим, путем самопожертвования, решайте таким путем, как мы спасли Красный Питер, освободили Сибирь, чем мы побеждали во все трудные минуты, при всех трудных задачах революции и чем будем побеждать всегда. С 12.000 вагонов топлива в последнюю неделю погрузка поднялась до 20.000. Мы вылезаем из этой катастрофы. Мы еще далеко не вылезли. Нужно, чтобы все рабочие знали и понимали, что без хлеба для людей, без хлеба для промышленности, т.-е. без топлива, страна обрекается на бездействие. И не только наша страна. Сегодня газеты сообщают, что во Франции, стране победителей, останавливаются железные дороги. Что же говорить о России? Франция будет вылезать из кризиса, обогащая новые десятки и сотни миллиардеров,—мы должны вылезать из кризиса дисциплиной и самопожертвованием рабочих, их твердым обращением к крестьянам, тем твердым обращением, которое, в конце концов, всегда понимает крестьянин на опыте, что как ни тяжел переход, как ни тверда рука государственной власти рабочих, а это есть рука труженика, который борется во имя союза трудящихся масс, во имя полного уничтожения всякой эксплуатации.

И третий бич еще на нас надвигается—вошь, сыпной тиф, который косит наши войска. Здесь, товарищи, нельзя представить себе того ужаса, который происходит в местах, пораженных сыпным тифом, когда население обессилено, ослаблено, нет материальных средств, всякая жизнь, всякая общественность исчезает. Тут мы говорим: товарищи, все внимание этому вопросу.<sup>35)</sup> Вши победят социализм или социализм должен победить вшей!

В этом вопросе, мы, товарищи, действуя такими же методами, начинаем достигать успешных результатов. Конечно, есть еще такие врачи, которые относятся с предубеждением, недоверием к Советской власти и предпочитают получать гонорар с богатых, чем идти на тяжелую борьбу с сыпным тифом. Но таких меньшинство, таких становится все меньше, а большинство таких, которые видят, что народ борется за свое существование, видят, что он хочет решить своей борьбой основной вопрос спасения всякой культуры. Эти врачи вносят в это тяжелое и трудное дело не меньше самопожертвования, чем военный специалист. Они дают свои силы на работу для трудящихся.

Я должен сказать, что мы из этого кризиса также начинаем вылезать. Тов. Семашко<sup>227)</sup> дал мне справку относительно этой работы. К 1 октября на фронты прибыло 122 врача и 434 фельдшера. Отправлено из Москвы 150. Мы имеем основание ожидать, что к 15 декабря мы получим на фронте еще 800 врачей, которые помогут в борьбе с сыпным тифом. Мы должны обратить внимание на этот бич. Главное наше внимание мы должны уделить теперь тому, чтобы укрепить этот наш фундамент — хлеб, топливо и борьба с сыпняком.

Товарищи, я об этом тем больше хотел бы сказать, что в нашем социалистическом строительстве была заметна некоторая разбросанность. Это понятно. Когда люди решили переделать весь мир, вполне естественно, что к этой работе привлекаются неопытные рабочие и неопытные крестьяне. Нет сомнения, что много пройдет времени прежде, чем правильно мы определим, на что надо больше всего обращать внимание. Неудивительно, что такие великие исторические задачи часто вызывали и великие фантазии, а великие фантазии вырастают рядом со многими мелкими, неудачными фантазиями. Было много случаев, когда мы брались за постройку с верхушек, с какого-нибудь флигелька, карниза, а на фундамент настоящего внимания не обращали. Я бы хотел вам указать, как на результат моего опыта, моих наблюдений над работой,

что насущная задача для нашей политики дать этот фундамент. Нужно, чтобы каждый рабочий, каждая организация, каждое учреждение говорили это себе на каждом заседании.

Если мы снабдим хлебом, если мы добьемся того, чтобы увеличить количество топлива, если мы напряжем все свои силы, чтобы стереть с лица земли русской сыпной тиф, результат некультурности, нищеты, темноты и невежества; если мы все те силы, весь тот опыт, который приобрели в кровавой войне, применим в этой войне бескровной, мы можем быть уверены, что в этом деле, которое все же гораздо легче, гораздо человечнее, чем война, мы завоюем себе успех все больше и больше.

Военную мобилизацию мы осуществили, партии, которые были самыми нашими непримиримыми противниками, которые дольше всего отстаивали и отстаивают идеи капитализма, как например, эс-эры—должны были признать, вопреки всем обвинениям, которые сыпались на нас со стороны буржуазии и империалистов, что Красная армия стала народной. Это значит, что мы осуществили в этом самом трудном деле объединение рабочего класса с переходящей на его сторону громадной массой крестьянства, и тем, показали ему, что такое руководство рабочего класса.

Слова „диктатура пролетариата“ крестьян отпугивают. В России это пугало для крестьян. Они оборачиваются и против тех, кто это пугало пускает в ход. Но крестьяне знают теперь, что диктатура пролетариата—может быть это слово и слишком мудрое и латинское,—но что она на практике есть та Советская власть, которая передает государственный аппарат в руки рабочих.

Таким образом, это вернейший друг и союзник трудящихся и самый беспощадный враг всякой эксплуатации. Вот почему мы в конце концов победим всех империалистов, потому что у нас есть такой глубокий источник сил, такой широкий и глубокий резервуар человеческого материала, которого нет и нигде не будет, ни у одного правительства. У нас есть тот материал, из которого мы можем черпать все дальше и все глубже, переходя не только от передовых рабочих к середнякам, но и ниже к крестьянам трудящимся, бедным и беднейшим. За последнее время т. т. петроградцы говорили, что Питер отдал всех своих работников на все фронты и больше дать Питер ничего не может, держаться дольше не может. А когда наступил критический час,

Питер оказался изумительным, как справедливо сказал т. Зиновьев, оказался городом, который родил новые силы. Те рабочие, которые считались ниже середняков, у которых не было никакого государственного и политического опыта, они поднялись во весь рост, дали массу сил для пропаганды, организации, агитации, совершили новые и новые чудеса. Этого источника для новых и новых чудес у нас еще очень и очень много. Каждый новый слой еще не вовлеченных в работу рабочих и крестьян—это наши вернейшие друзья и союзники. Нам приходится сейчас сплошь и рядом при управлении государством опираться на эти тонкие слои. Мы должны снова и снова обращаться к беспартийным в нашей советской практике, смелее и смелее обращаться к беспартийным рабочим и крестьянам, не с целью сразу привлечь их на свою сторону, втянуть в свою партию—нам это неважно,—а в целях пробудить в них сознание, что для спасения страны нужна их помощь. Вот когда тех, кого меньше всего помещики и капиталисты пускали к государственному управлению, когда мы в них пробудим сознание того, что зовем их вместе строить прочный фундамент социалистической республики, тогда наше дело будет окончательно непобедимо.

Вот почему на основании опыта двух лет мы можем вам сказать с абсолютной уверенностью, что всякий шаг в наших военных победах будет с громадной быстротой приближать то время, теперь уже совсем близкое, когда мы целиком посвятим свои силы мирному строительству и на основании опыта, который мы приобрели, мы можем ручаться, что в этом деле мирного строительства мы в ближайшие годы сотворим несравненно большие чудеса, чем мы совершили за эти два года победоносной войны против всемирно могущественной Антанты

*„Правда“ № 275, 276 и 277  
7, 9 и 10 декабря 1919 г.*

## **Заключительное слово по докладу.**

(6 декабря 1919 г.)

Товарищи! Мне кажется, что своей речью и своей декларацией <sup>228</sup> Мартову удалось вам дать чрезвычайно наглядный образец того, как относятся к Советской власти группы и партии, принадлежавшие раньше и принадлежащие теперь ко II Интернационалу, против которого мы основали теперь коммунистический

Интернационал. Всякому из вас бросилась в глаза разница, которую в своем замечании подчеркнул и тов. Сосновский <sup>229</sup>), бросивший из президиума Мартову замечание: „Не прошлогодняя ли у вас декларация?“. И действительно, речь Мартова, несомненно, относится к 1919-му году, к концу его, а декларация составлена так, что мы видим в ней полное повторение того, что он говорил в 1918-м году.

Мартов на это замечание Сосновскому ответил, что эта декларация „на веки веков“. При таком ответе Мартов позволил себе взять на себя защиту меньшевиков от Мартова, ибо я, товарищи, наблюдал развитие деятельности меньшевиков, может быть, больше и внимательнее, чем кто бы то ни было другой, и на основании этого пятнадцатилетнего наблюдения, я утверждаю, что эта декларация не только на веки веков, но и на один год не останется, потому что все развитие меньшевиков, особенно в такой великий момент, который начался в истории русской революции, показывает нам величайшее колебание, в общем и целом сводящееся к тому, что от буржуазии и ее предрассудков они с величайшим трудом против своей воли отходят. Много раз упираясь, они все же начинают подходить, хотя очень медленно, к диктатуре пролетариата. Через год они сделают еще несколько шагов вперед и этой декларации нельзя будет повторить, ибо эта декларация, если вы снимете с нее оболочку демократических фраз и парламентских выражений, которые здесь сделали честь оппозиции; если вы отбросите в сторону эти речи, которые многим нравятся, а нам кажутся скучными, и возьмете настоящую суть дела, то вся декларация насквозь зовет назад к буржуазной демократии и ничего больше.

И вот, когда мы слышим такие декларации от людей, заявлявших о сочувствии к нам, мы говорим себе: нет, и террор и Ч. К.—вещи абсолютно необходимые.

Товарищи, чтобы вы не обвинили меня сейчас или кто-нибудь не мог бы меня обвинить, что я придираюсь к этой декларации, я, на основании фактов, утверждаю, что под такой декларацией и правый меньшевик, и правый эс-эр подпишутся обеими руками. Я имею этому доказательство. Совет партии правых эс-эров <sup>230</sup>) от которых вынужден был отклониться Вольский <sup>116</sup>) и его группа, состоявшийся в этом году, признал партию меньшевиков настолько близкой, что выразил желание с нею слиться. Значит, есть

до сих пор два разных течения, из которых одно сожалеет, плачет, соболезнует и желает теоретически вернуться к демократизму, а другое действует.

Напрасно говорит Мартов, будто бы я оправдывался в вопросе о терроризме. Это выражение показывает, как бесконечно далеки воззрения мелко-буржуазной демократии от нас и как близки они II Интернационалу. На деле ровно ничего социалистического в нем нет, а как раз наоборот: когда подошел социализм, нам опять проповедают старые буржуазные взгляды. Я не оправдывал себя, а говорил о специальной партии, которая создана войной, партии офицеров, командующих в течение империалистической войны, которые выдвинулись в этой войне, которые знают, что такое практическая политика. Когда нам говорят, что нашу Ч. К. либо надо убрать, либо что она плохо организована, то мы отвечаем: мы не претендуем на то, что все, что мы делаем, прекрасно, и учиться мы всегда без малейшего предубеждения готовы и рады, но если научить, как поставить охрану от помещичьих белогвардейских сынков и офицеров, нас хотят те люди, которые были в Учредительном Собрании <sup>231</sup>), мы им напоминаем, что они были у власти и с Керенским боролись против Корнилова <sup>153</sup>), были и с Колчаком и их оттуда выкидывали без борьбы, как детей, вот эти же самые белогвардейцы! И они после этого еще говорят, что наши Ч. К. плохо организованы! Нет, Ч. К. у нас организованы великолепно.

Заговорщики в Германии теперь издеваются над рабочим, германские офицеры, во главе с фельдмаршалами, кричат „долой еврейское правительство!“ и безнаказанно убивают вождей коммунистов <sup>23</sup>) и эта же белогвардейская публика третирует вождей, представителей II Интернационала, как мальчишек. Мы видим, что это правительство, будучи соглашательским, ничто, что оно игрушка в руках группы заговорщиков. Когда мы имеем такой опыт перед собой, когда мы только-только выходим на дорогу, тогда эти люди говорят, что у нас преувеличенный террор. А сколько недель тому назад мы открыли заговор в Петрограде? А сколько недель тому назад стоял Юденич в нескольких верстах от Петрограда? а Деникин от Орла? Нам говорят представители этих колеблющихся партий: „мы рады, что Юденич и Колчак побеждены!“. Я совершенно верю, что они рады, ибо они знают, чем бы им грозил Юденич и Колчак. Я не заподозреваю в неискренности этих людей, но когда через несколько времени

после смертельной опасности перед лицом заговора, который бросается всем в глаза, приходят к нам и говорят, что у нас конституция неправильна, что Ч. К. скверно организована, тут можно сказать, что меньшевики из своего опыта с Керенским, Юденичем и Колчаком не сумели сделать практических выводов.

Нам говорят, что наши советы мало собираются и не перебираются достаточно часто. Мне кажется, на такого рода упреки следовало бы ответить не речами и не резолюциями, а делом. По моему, лучшим ответом на это была бы наша работа, которая бы ответила, сколько у нас на местах было уездных и городских перевыборов в советы, сколько было съездов советов и т. д.

Тов. Владимирский<sup>232</sup>), заместитель народного комиссара внутренних дел, недавно опубликовал материал по истории этих съездов. Когда я увидел этот материал, я сказал себе: вот исторический материал, который показывает, между прочим, что не было в истории цивилизованных народов ни одной страны, где бы была так широко применена демократизация пролетариата, как у нас в России. Если нам говорят, что мы мало перебираем советы, что мало устраиваем съездов, я каждого делегата приглашаю на этом съезде заполнить анкетный листок, указавши какого месяца, числа и года, в каком уезде, городе или поселении собирались съезды советов. Если вы эту нетрудную работу выполните, вы получите материал, который значительно пополнит вам неполные данные и докажет, что в такое трудное время, как во время войны, когда европейская конституция, веками установленная, вошедшая в привычку западно-европейского человека, почти вся была приостановлена, участие масс в управлении через съезды и советы применялось у нас в таких размерах, как нигде в мире.

Если нам говорят, что наш В.Ц.И.К. не собирался, то тов. Троцкий прекрасно на это ответил представительнице Бунда, что В.Ц.И.К. был на фронте. Это представительница того Бунда, который заявляет, что он стал на Советскую платформу, и который, действительно, поэтому надо предполагать, понял, наконец, что такое основа Советской власти. Эта представительница Бунда ответила: „Это курьез, что В.Ц.И.К. был на фронте, вы должны были бы послать других“.

Мы ведем борьбу с Колчаком, с Деникиным и с другими. Их была не одна дюжина. Мы ведем трудную победоносную войну. Вы знаете, что при каждом набеге мы должны были всех

членов В.Ц.И.К. гнать на фронт, а нам отвечают—это курьез, надо было найти других. Что же разве мы действовали в безвоздушном пространстве, или мы можем рожать коммунистов по несколько человек в неделю? Мы этого сделать не можем, и вы знаете, что рабочих, которые закалены несколькими годами борьбы, которые приобрели опыт, которые могут руководить у нас, у нас таких рабочих меньше, чем в какой-либо другой стране. Для того, чтобы подготовить рабочую молодежь, курсантов, нам нужно будет принять все меры и на это потребуется несколько месяцев и даже лет. Когда это протекает при нетрудных условиях, нам отвечают с усмешкой. Эта усмешка только доказывает полное непонимание этих условий. Это, действительно, смехотворное интеллигентское непонимание. Нас хотят заставить в этих военных условиях действовать не так, как мы действовали до сих пор, но мы должны напрягать силы до последней степени, и поэтому мы должны были отдавать всех лучших работников и членов В.Ц.И.К. и исполкомов на фронт, и я уверен, что ни один человек, сколько-нибудь практически-опытный в управлении, не только не осудит, а одобрит нас за то, что мы сделали все, чтобы свести до минимума коллегиальные учреждения при исполкомах. Я думаю, что нет ни одного разумного рабочего или крестьянина, который бы не понял этого, который бы не одобрил этого.

Насчет демократии и демократизма нам продолжают подносить целиком предрассудки буржуазного капитализма. Здесь говорили из партии оппозиции, что надо приостановить подавление буржуазии. Надо все-таки думать над тем, что говорится. Что такое подавление буржуазии? Помещика можно подавить и уничтожить тем, что уничтожат помещичьи землевладения, раздадут его землю крестьянам, но можно ли так буржуазию подавить, чтобы крупный капитализм уничтожился? Всякий, кто учился азбуке, знает, что так подавить буржуазию нельзя. Буржуазия вытекает из товарного производства. В этих основах товарного производства крестьянин, который имеет сотни пудов лишних, ненужных для его семьи хлеба, которые он не сдает рабочему государству в ссуду для помощи голодному рабочему, спекулирует этим. Это что такое? Это не буржуазия? Не здесь ли она рождается? В этом вопросе, вопросе о хлебе, о тех муках голода, которые переживает вся промышленная Россия, те, кто нас упрекает в несоблюдении конституции, оказывают нам

помощь? Они скрываются за словами соглашения рабочих и крестьян. Да, конечно, это нужно! Мы показали, как мы это делаем, когда программу эс-эров 26 октября 1917 года взяли целиком в части поддержки крестьян и целиком ее провели<sup>233</sup>). Тогда мы показали с помощью рабочих и крестьян, что крестьянин, который подвергался эксплуатации помещиков, который живет своим трудом, который не спекулирует, находит себе верного защитника в рабочем, посланном центральной государственной властью. Тут мы соглашение с крестьянином осуществили. Когда мы проводим продовольственную политику, мы требуем, чтобы избыток хлеба, то, что не нужно крестьянству в семье, отдавался рабочему государству в ссуду, то всякое возражение против этого есть поддержка спекуляции. Эта поддержка еще есть в мелко-буржуазных массах, привыкших жить по мелко-буржуазному. Вот где опасность социальной революции. Помогают ли когда-нибудь, в чем-нибудь представители меньшевиков или эс-эров, хотя бы самых левых? Нет, никогда! Та печать, которой мы должны давать свободу во имя „принципов свободы“, которой образцы мы имеем, ни одним словом,—я не говорю о деле,—не помогает нам. Пока мы не победили полностью старую привычку, старый проклятый завет: „всякий за себя—один бог за всех“, единственный выход—взять излишки хлеба в ссуду для голодного рабочего.

Смехотворно говорить, что мы представляем меньшинство рабочего класса. Это только вызывает смех. Это можно говорить в Париже, но и там нынче этого не дают говорить на рабочих собраниях. В той стране, где правительство было свергнуто с легкостью, где рабочий и крестьянин с винтовкой в руках защищают свои интересы, где они применяют эту винтовку, как орудие своей воли, в такой стране нельзя говорить, что мы представляем собой меньшинство рабочего класса. Я понимаю, когда такие речи раздаются в устах Клемансо, Ллойд-Джорджа, Вильсона. Вот чьи эти слова! Когда эти речи Вильсона, Клемансо и Ллойд-Джорджа, самых худших из хищных зверей империализма, произносятся здесь от имени Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, тогда я говорю себе, что надо быть на-чеку и помнить, что тут Ч. К. необходима!

Нас упрекают ораторы оппозиции, в том числе и представители „Бунда“, что мы не соблюдаем конституции. Я утвер-

жду, что мы соблюдаем конституцию строжайшим образом (*Голос из ложи: „Ого!“*).

Хотя из той ложи, которая в прежние времена была ложей царской <sup>234</sup>), а теперь является ложей оппозиции, я слышу ироническое замечание „ого!“, тем не менее я сейчас докажу. Я прочту вам тот пункт конституции, который показывает, что мы во всей своей деятельности конституцию соблюдаем. Я много раз испытывал затруднения, когда мне на собраниях, куда являлись сторонники меньшевиков и эс-эров, приходилось говорить о конституции, и затруднение было в том, что не было под руками текста конституции, чтобы его цитировать. В настоящем собрании меня выручил тов. Петровский <sup>235</sup>), который дал мне экземпляр брошюры, озаглавленный „Конституция Р.С.Ф.С.Р.“. Я читаю § 23-й: „Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Р.С.Ф.С.Р. лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются в ущерб интересам социалистической революции“.

Я, товарищи, еще раз повторяю, что никогда мы не рассматриваем нашу деятельность вообще и свою в частности образом совершенства. На этом съезде поставлен вопрос об изменении конституции. Мы согласны изменять ее и ее текст в связи с требованиями времени, мы не будем закреплять „на веки вечные“. Но все же, если вы хотите воевать, давайте воевать в чистую! Если хотите, чтобы мы соблюдали конституцию, мы ее будем соблюдать, и надо, чтобы и § 23-й ее мы соблюдали. Если вы этого не хотите, тогда давайте спорить, нужно ли отменять или нет параграф, который говорит, что мы с фразами об общей свободе и общем равенстве трудящихся не шли к народу. Вы учились конституционному праву великолепно, но по старым буржуазным учебникам. Вы вспоминаете слова „о свободе и демократии“, вы ссылаетесь на конституцию и вспоминаете прежние слова, и обещаете народу все для того, чтобы этого не исполнить. А мы ничего такого не обещаем! Мы говорим, с теми крестьянами, которых эксплуатировали помещики и капиталисты, которые трудятся на свою семью на земле, отнятой у помещиков, с такими крестьянами полное равенство, дружба и братский союз! А тем крестьянам, которые по старым привычкам, по темноте и корысти тянутся назад к буржуазии, мы не даем равенства! Мы не обещаем, что конституция обеспечивает свободу и равенство вообще. Свобода, но для какого класса и для какого

употребления? Равенство, но кого и с кем? Тех, кто трудится, кого эксплуатировала десятки и сотни лет буржуазия, и которые сейчас в борьбе против буржуазии? В конституции сказано: диктатура рабочих и беднейшего крестьянства для подавления буржуазии. Почему вы, когда разговариваете о конституции, не цитируете этих слов? Для подавления буржуазии, для подавления спекулянтов.

Покажите нам образец „свободной“ страны! В вашей прекрасной меньшевистской конституции может быть вы найдете такой опыт, хотя бы в истории Самары, где была меньшевистская власть, может быть вы найдете его в Грузии <sup>236</sup>), где сейчас меньшевистская власть, где подавление буржуазии, т.-е. подавление спекулянтов происходит на началах полной свободы и равенства, на началах последовательности и демократии и без Ч.К.? Покажите такой пример, и мы поучимся! Но вы показать этого не можете, ибо вы знаете, что во всех местах, где держится соглашательская власть, меньшевистская или полуменьшевистская, там бешеная, разнузданная спекуляция. И та Вена, о которой говорил в своей речи тов. Троцкий, где в правительстве участвуют люди, подобные Фридриху Адлеру <sup>199</sup>), голодает и мучается так же, как Петроград и Москва, но без сознания того, что венские рабочие ценою голода пробивают дорогу к победе над буржуазией. Вена голодает и мучается сильнее Петрограда и Москвы, и тут же австрийская и венская буржуазия на венских улицах делает чудовищные вещи по части спекуляции и грабежа. Конституции вы не соблюдаете, а мы ее соблюдаем, когда признаем свободу и равенство только для тех, кто помогает пролетариату побеждать буржуазию.

*„Правда“ № 275  
7 декабря 1919 г.*

### **Речь в организационной секции <sup>237</sup>).**

(8 декабря 1919 г.)

Товарищи! я получил несколько записок от делегатов с просьбой высказаться по вопросу. Мне казалось, что надобности в этом не является, и я воздерживался до получения этих приглашений, потому что, к сожалению, с местной работой практически знакомиться не имел возможности, а то знакомство, которое получаешь при деятельности в Совнаркоме, само собой разумеется,

проходит через сведения, даваемые почти исключительно работниками с мест. Поэтому ограничусь небольшими замечаниями.

Когда в Совнаркоме перед нами ставился вопрос о советских хозяйствах и передаче их губземотделам, когда вставал вопрос о главках и центрах, то для меня никогда не оставалось сомнения в том, что в учреждениях обоего рода имеется немало элементов контр-революционных, что не подлежит никакому сомнению. Но когда пытаются обвинять советские хозяйства в том, что и эти учреждения особо контр-революционны, то мне всегда казалось и сейчас я так же думаю, что это значит стрелять мимо цели, потому что ни совхозы, ни главки, ни центры, ни какое бы то ни было крупное промышленное предприятие, никакая вообще ни центральная, ни местная организация, ведающая сколько-нибудь значительной отраслью народного хозяйства—не обойдется, не обходится и не может обойтись без решения вопроса об участии буржуазных специалистов. Мне кажется, что все нападки на главки и центры, нападки вполне законные с той точки зрения, что здесь нужна тщательная чистка, являются все же ошибочными, потому что в данном случае этот тип учреждений вырывается из всех аналогичных учреждений. Между тем, с точки зрения, например, работы совнархоза, яснее ясного видишь, что выделять на этом основании и по этому пункту главки, центры и совхозы никоим образом не допустимо, потому что вся наша советская работа и в области военной, и в области здравоохранения, и просвещения везде и всегда сталкивалась и сталкивается с подобного рода вопросом. Мы не можем перестроить государственный аппарат и воспитать достаточное количество рабочих и крестьян, хорошо знакомых с делом государственного управления без помощи старых специалистов. Это основной урок, который мы выводим из всего нашего строительства.

Этот опыт нам говорит, что во всех областях, в том числе, например, и в военной, старые специалисты—они потому и старые—не могут быть взяты ни откуда иначе, как из общества капиталистического. Оно давало возможность превращать в специалистов слишком немногочисленные слои, принадлежащие к семьям помещиков и капиталистов, и лишь ничтожное число выходцев из крестьян, притом только зажиточных. Поэтому, если принять во внимание и ту обстановку, в которой эти люди действуют, принять во внимание тот совершенно неизбежный факт, что эти специалисты, т.-е. люди с навыком управления в широ-

ком государственном масштабе, на девять десятых проникнутые старыми буржуазными воззрениями и предрассудками, даже в тех случаях, когда они не являются прямыми изменниками—а это явление не случайное, а постоянное,—даже в этих случаях они не в состоянии понять новых условий, новых задач, новых требований. Поэтому на этой почве трения, неудачи и беспорядки замечаются во всех комиссариатах, замечаются повсюду.

Мне казалось поэтому, что бьют мимо цели, когда кричат о реакционности именно совхозов, главков и центров, пытаюсь этот вопрос выделить из общего нашего вопроса о том, каким образом приучить к управлению в широком государственном масштабе большое число рабочих и крестьян.

Мы это делаем с быстротой, которая, если принять во внимание отсталость страны и трудность условий, является безусловно невиданной в мировой истории—быстротой, которая является громадной. Но, как бы она ни была велика, она нас не удовлетворяет, потому что потребность наша в умеющих управлять и знакомых со специальными отраслями управления рабочих и крестьянах громадна и еще не удовлетворена и на одну десятую и на одну сотую долю. Поэтому, когда говорят и доказывают, что совхозы сплошь и рядом являются местами, где прячутся чуточку перекрашенные, а иногда и вовсе неперекрашенные старые помещики, что там создаются гнезда бюрократизма, что сплошь и рядом наблюдается и в главках, и в центрах, я никогда не сомневался в правильности этого, но я говорю, что если вы думаете, что это зло можно устранить тем, что вы подчините совхозы губземотделу, то я утверждаю, что это не так.

Спрашивается, почему в главках и центрах и совхозах осталось больше контр-революционных элементов, больше бюрократизма, чем в области, например, военной? Почему в военной области этих элементов меньше? Да потому, что на эту область, в целом, было обращено больше внимания, было направлено больше коммунистов, больше рабочих и крестьян, там более широко работали политические отделы, одним словом, воздействие передовых рабочих и передовых крестьян на весь военный аппарат было более широким, более глубоким и более систематичным, и этим мы добились, что тут зло, конечно, оно еще не искоренено, но что оно ближе к искоренению.

Мы делаем только первые шаги к тому, чтобы совхозы стояли в тесной связи с крестьянским населением и с коммуни-

стическими группами, чтобы везде, а не только в военной области, были комиссары и не только на бумаге, а чтобы эти комиссары, будут ли это члены коллегии или помощники единоличные (а единоличная ответственность нам необходима: как необходима коллегиальность для обсуждения основного вопроса, так необходима и единоличная ответственность и единоличное распоряительство, чтобы не было волокиты, чтобы нельзя было уклоняться от ответственности <sup>288</sup>), комиссары нам нужны такие, которые во всяком случае учились бы самостоятельному управлению. Если это будет сделано, тогда мы зло исправим наилучшим образом и в том, и в другом случае.

Я совершенно согласен, скажу в заключение, с тов. Троцким, когда он говорил о том, что здесь делались очень неправильные попытки представить наши споры, как спор между рабочими и крестьянами, и к вопросу приплетался вопрос о диктатуре пролетариата. Это, по-моему, в корне неправильно. Вопрос о диктатуре пролетариата может подниматься тогда, когда речь идет о подавлении буржуазии, тогда мыслим этот вопрос, тогда нам нужна эта диктатура, ибо только посредством ее мы можем подавить буржуазию и передать власть в руки той части трудящихся, которая способна неуклонно в этом отношении действовать и привлекать к себе все больше и больше колеблющихся. В данном же случае ничего подобного мы не имеем перед собой. Мы имеем спор о том, насколько больше централизма нужно в данной области и в данный момент и насколько нужно поправить это. Если товарищи с мест говорят, а тов. Троцкий и многие Наркомы это подтверждают, что за последнее время уровень работников в губерниях и, в значительной степени, уездных исполкомах поднялся чрезвычайно (я такого рода подтверждения слышу постоянно от т. Калинина, много разъезжающего по местам, и от приезжающих с мест товарищей), то с этим приходится считаться и нужно поставить вопрос, правильно ли, действительно, понимается централизм в данном случае. Я уверен, что такого рода исправлений работы советских учреждений нам придется делать еще очень и очень немало. В этом отношении только теперь мы начинаем приобретать строительный опыт. Поскольку смотришь на этот опыт изнутри Совета Обороны или Совнаркома, ясно видишь, что нельзя этого выразить никакими цифрами, невозможно рассказать в сколько-нибудь краткой речи, но мы уверены в том, что они работают по основ-

ным заданиям центральной власти. Это создано только в последнее время.

Здесь вопрос вовсе не стоит о конфликте между диктатурой пролетариата и другими общественными элементами. Здесь вопрос об опыте нашего советского строительства, вопрос, по моему, даже не конституционный, здесь много говорили об изменении конституции. Мне кажется, что вопрос здесь не об этом. Конституция говорит об основных положениях централизма. Это основное положение настолько для нас всех бесспорно, ибо мы все на наглядном внушительном и даже жестоком уроке Колчака, Юденича и Деникина и партизанщины научились, что об этом здесь не может быть и речи. Вопрос же о том, предоставить ли право отвода работников Наркому и Совнаркому, т.е. собранию всех Наркомов, не есть конституционный вопрос, а лишь вопрос практического удобства. Нам нужно нажать то на одну, то на другую сторону, чтобы добиться положительных результатов. Когда мы говорим о губсовхозах и о губземотделах, центр тяжести в том, чтобы поставить их под контроль рабочих и окрестных крестьян. Это совершенно независимо от того, кому они подчиняются. Мне кажется, что никакими изменениями конституции вы никогда не вышибете ни спрятавшихся помещиков, ни перекрестившихся капиталистов и буржуа, а их очень много. Мы должны вводить в учреждения членами небольших коллегий, помощниками отдельных заведующих или в качестве комиссаров достаточное число практически опытных и безусловно советски-преданных рабочих и крестьян. В этом гвоздь! Если вы это сделаете, создадите, таким образом, все большее и большее число рабочих и крестьян, которые учатся управлению и, проделав все сроки обучения рядом со старыми специалистами, становятся на их места, исполняют такие же задания и подготавливают в нашем гражданском деле, в деле управления промышленностью, в деле управления хозяйственной деятельностью такое же изменение командного состава, какое у нас происходит в военном ведомстве,—если вы это сделаете, такого рода работа, конечно, будет означать все. Поэтому я думаю, что нет никаких оснований исходить из тех принципиальных соображений, которые здесь иногда делались, а надо рассматривать этот вопрос не как вопрос конституционный, а вопрос практического опыта. Если большинство местных работников, после всестороннего обсуждения найдет, что нужно подчинить губсовхозы и губ-

земотделы—хорошо, мы сделаем опыт в этом отношении, рассматривая его с точки зрения практического смысла. Мы должны прежде всего решить, устраним ли таким образом спрятавшихся помещиков, поставим ли лучше дело использования специалистов, подготовим ли таким образом большее число рабочих и крестьян к тому, чтобы они управляли сами, вовлечем ли мы окрестных крестьян в проверку совхозов на деле, выработаем ли практические формы этой проверки. Вот в чем гвоздь! Если мы разрешим эти задачи, то я не могу считать, чтобы было потеряно наше время и наш труд. Мы испробуем в различных комиссариатах различные системы, создадим одну систему по отношению к совхозам, главкам и центрам, другую—по отношению к военному делу или комиссариату здравоохранения. Наша задача—путем опыта привлекать в широких размерах специалистов, заменять их, подготавливая новый командный состав, новый круг специалистов, который должен научиться чрезвычайному, трудному, новому и сложному делу управления. Это должно идти в формах не обязательно единообразных. Тов. Троцкий был вполне прав, говоря, что это не написано ни в книгах, которые мы считаем для себя руководящими, не вытекает ни из какого социалистического мировоззрения, не определено ничьим опытом, а должно быть определено нашим собственным опытом. В этом отношении, мне кажется, мы должны этот опыт собирать и при практическом проведении его в жизнь поверять коммунистическое строительство, чтобы окончательно определить, как надо поступать по отношению к тем вопросам, которые стоят перед нами.

*„Правда“ № 277  
10 декабря 1919 г.*

## **Заключительная речь на съезде.**

(9 декабря 1919 г.)

Я хотел бы в нескольких словах остановиться на главном, что прошло перед нами на настоящем съезде. Мы имели небольшую дискуссию по вопросу о демократии и Советской власти, и как ни кажется нам всем, что эта дискуссия была далека от практически-насуточного и злободневного, она далеко не бесполезна.

В настоящее время во всем свете, во всех рабочих организациях очень часто и в буржуазных парламентах, и на всех выборах буржуазных парламентов идет эта самая дискуссия о демократии, старой буржуазной демократии и новой Советской власти. Старая или буржуазная демократия объявила свое равенство равенством независимо от того, имеет ли человек собственность, обладает ли он капиталом или нет. Свободой объявила свободу распоряжаться частной собственностью, землей, капиталом. А у кого этого капитала не было — свободу продавать рабочие руки.

Наша Советская власть с этими „свободой и равенством“ порвала, как с ложью, и сказала всем трудящимся, что социалисты, так понимающие свободу и равенство, забыли начатки азбуки и все содержание социализма, ибо и мы, социалисты, не изменившие еще социализму, всегда разоблачали ложь, обман и лицемерие буржуазного общества, толкующего о свободе и равенстве, когда на деле власть капитала, частная собственность на землю, фабрики и заводы определяет собой гнет над свободой и обман трудящихся при всех и всяческих политических, демократических, республиканских порядках.

Мы говорим: наша цель, как и цель всех социалистов, есть уничтожение такого порядка, при котором одни могут жить трудом других, и если мы об этой свободе и равенстве поговорим, то должны будем признать, как признало громадное большинство трудящихся России, что ни одна страна не дала так много и притом в такой короткий срок действительной свободы и равенства, свободы от буржуазии и помещика, не дала равенства в такой мере в отношении главных источников средств существования, как Советская Россия, и на этом пути борьбы за полное уничтожение эксплуатации мы должны бороться до окончательной победы.

Мы знаем, что классы разбиты, но не уничтожены, помещики и капиталисты существуют, классовая борьба продолжается и пролетариат и беднейшее крестьянство должны продолжать борьбу за полное уничтожение классов, привлекая к себе всех, кто стоит посредине, добывая союзников из них своим опытом, примером борьбы, сравнением наших порядков с буржуазными.

В первый раз съезду советов удалось посвятить так много времени задачам строительства и положить начало практическому, непосредственно из опыта почерпнутому, обсуждению тех задач, которые касаются организации советских хозяйств и советского

управления. Конечно, у съезда было слишком мало времени, чтобы с большей детальностью остановиться на этом вопросе, но все же сделано много, и вся дальнейшая работа и Центрального Исполнительного Комитета, и товарищей на местах пойдет под знаком заложенного фундамента.

Мы повторили здесь мирное предложение всем державам и странам Согласия. Мы выразили уверенность, основанную на опыте, который у нас очень богат, о том, что главные трудности остались позади. Из той войны, которую навязала нам Антанта, и которую мы вели два года против неприятеля, во много раз более сильного, мы несомненно выходили победоносными, но то обещание, которое мы слышим от представителя нашей Красной армии, было тем не менее вполне своевременно. Если же главные трудности остались позади, то перед нами задачи строительства разворачиваются так широко, что медлить преступно. Во многих странах есть очень влиятельные капиталистические группы, которые, во что бы то ни стало, решили продолжать против нас войну до конца. Нет сомнения, что когда мы имеем некоторые победы, нужны еще усилия, чтобы воспользоваться этими победами и довести дело до конца. Не забывайте двух вещей: во-первых, нашей общей слабости, может быть связанной со славянским характером,—мы недостаточно устойчивы, выдержаны в преследовании поставленных себе целей, во-вторых, опыт показал один раз на востоке, другой раз на юге, что мы в решительную минуту не умели оказать достаточно сильного напора против бежавшего врага и позволили ему подняться на ноги. Нет сомнения, что правительства и военные классы Западной Европы готовят новые планы, чтобы спасти Деникина, что они попытаются в десять раз усилить ему помощь, потому что они понимают, как велика для него опасность от Советской России. Мы должны помнить, что в настоящее время от нескольких недель, может быть, двух-трех месяцев зависит, кончим ли мы нашу войну не только рядом побед, но и полным уничтожением противника, или мы снова обречем десятки и сотни тысяч людей на продолжение войны. Если в продолжение нескольких недель мы сумеем утроить наши усилия, то будем иметь не только победу до конца, но сможем уничтожить неприятеля и завоевать себе мир, прочный и долгий.

Я хотел бы просить вас о том, чтобы каждый, приехав на место, повторил слышанное здесь в каждой организации, в каждом

советском учреждении, на любом собрании рабочих и крестьян. Эта зимняя кампания, наверно, может нам дать полное уничтожение неприятеля, если мы посмотрим на предстоящие недели и месяцы как на новую великую страду. Мы должны утроить силы, посвященные военной работе и тому, что с ней связано и тогда в короткий срок мы добьемся такого конца гражданской войны, который на долгое время откроет нам возможность для мирного социалистического строительства.

*„Правда“ № 277  
10 декабря 1919 года.*

---

## Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата.

В сборнике социалистов-революционеров „Год русской революции 1917—1918“ (Москва 1918, Московское Издательство „Земля и Воля“) помещена замечательно интересная статья Н. В. Святицкого<sup>117</sup>): „Итоги выборов во Всероссийское Учредительное Собрание (предисловие)“. Автор дает цифры по 54 избирательным округам из общего числа 79.

В состав обследования автора вошли почти все губернии Евр. России и Сибири. Не вошли из этого числа губернии: Олонецкая, Эстляндская, Калужская, Бессарабская, Подольская, Оренбургская, Якутская и Донская.

Мы приведем сначала основные итоги, опубликованные Н. В. Святицким, а затем рассмотрим политические выводы, которые из этих данных вытекают.

### I.

По 54 округам было подано всего в ноябре 1917 года 36.262.560 голосов. Автор приводит цифру 36.257.960, распределенную по 7 областям (плюс армия и флот), но итог приводимых им цифр по отдельным партиям дает именно указанную мной цифру.

Распределение по партиям таково: эс-эры русские получили 16,5 миллионов голосов, а если присоединить эс-эров других наций (украинских, мусульманских и пр.), то 20,9 миллионов, т.-е. 58%<sup>239</sup>).

Меньшевики получили 668.064 голоса, а если прибавить сюда аналогичные группы „народных социалистов“<sup>240</sup> (312 т.), „Единства“<sup>241</sup> (25 т.), кооператоров (51 т.), украинских с.-д. (95 т.), украинских социалистов (507 т.), немецких социалистов (44 т.) и финских социалистов (14 т.), то получим итог 1,7 миллиона.

Большевики получили 9.023.963 голоса.

Кадеты получили 1.856.639 голосов. Прибавляя к ним „союз земельных собственников и землевладельцев“ (215 т.), „правые

группы\* (292 т.), старообрядцев (73 т.), националистов: еврейских (550 т.), мусульманских (576 т.), башкиров (195 т.), латышей (67 т.), поляков (155 т.), казаков (79 т.), немцев (130 т.), белоруссов (12 т.) и „списка разных групп и организаций“ (418 т.), получаем итог помещичьих и буржуазных партий в 4,6 миллиона.

Известно, что эс-эры и меньшевики шли в блоке в течение всего периода революции с февраля по октябрь 1917 года. Кроме того, все развитие событий, и за это время и после него, доказали определенно, что обе эти партии вместе представляют мелкобуржуазную демократию, которая так же ошибочно мнит и называет себя социалистической, как и все партии II Интернационала.

Объединяя три основные группы партий на выборах в Учр. Собрание, мы получаем такой итог:

Партия пролетариата (большевики) . . . . .	9,02 миллиона = 25%
Партия мелкобуржуазной демократии (с.-р., меньшевики и т. п.) . . . . .	22,62 „ = 62%
Партии помещиков и буржуазии (к.-д. и т. п.) . . . . .	4,62 „ = 13%
<hr/>	
Всего . . . . .	36,26 миллиона = 100%

Приведем теперь данные, которые Н. В. Святицкий дает по областям:

**Число поданных голосов в тысячах.**

Области *) (и армия отдельно)	За эс-эров (русск.)	%	За большевиков.	%	За кадетов.	%	Всего.
Северная	1.140,0	38	1.177,2	40	393,0	13	2.975,1
Центр.-Промышл.	1.987,9	38	2.305,6	44	550,2	10	5.242,5
Поволж.-Чернозем.	4.733,9	70	1.115,6	16	267,0	4	6.764,3
Западная	1.242,1	43	1.282,2	44	48,1	2	2.961,0
Восточн.-Уральск.	1.547,7	43 (62% **)	443,9	12	181,3	5	3.583,5
Сибирская	2.094,8	75	273,9	10	87,5	3	2.786,7
Украина	1.878,1	25 (77% ***)	754,0	10	277,5	4	7.581,3
Армия и флот	1.885,1	43	1.671,3	38	51,9	1	4.363,6

\*) Автор не совсем обычно разделил Россию на районы: Северный: Арханг., Волог., Петр., Новг., Псков., Лифл. — Центр.-промышл.: Владим., Костром., Моск., Нижегород., Ряз., Тульск., Тверск., Ярослав. — Пов.-Чернозем.: Астр., Воронеж., Курск., Орл., Пенз., Сам., Саратов., Тамб. — Зап.: Витеб. Минск., Могил., Смол. — В.-Ур.: Вятск., Каз., Перм., Уф. — Сибирск.: Тоб., Том., Алт., Енис., Ирк., Забайк. Приамур. — Украина: Волын., Екатер., Киевск., Полт., Таврич., Харьк., Херсон., Черниг. Прим. Н. Ленина.

\*\*) Цифра в скобках, 62%, получается Святицким при добавлении мусульманских и чувашских эс-эров. Прим. Н. Ленина.

\*\*\*) Цифру в скобках, 77%, даю я, добавляя украинских эс-эров. Прим. Н. Ленина.

Из этих данных по областям видно, что большевики были, во время выборов в Учредительное Собрание, партией пролетариата, эс-эры — партией крестьянства. В чисто крестьянских районах, великорусских (Поволж.-Черноз., Сибирь, Вост.-Урал.) и украинском, эс-эры имели 62—77% голосов. В промышленных центрах большевики имели преобладание над эс-эрами. Это преобладание уменьшено в тех порайонных данных, которые привел Н. В. Святицкий, ибо наиболее промышленные округа соединены у него с малопромышленными и вовсе не промышленными. Погубернские данные, приводимые Святицким для партий эс-эров, большевиков, кадетов и затем „национальных и других групп“, показывают, например, следующее:

В Северной области преобладание большевиков кажется ничтожным: 40% против 38%. Но в этой области соединены непромышленные округа (губернии Архангельская, Вологодская, Новгородская, Псковская), где преобладали эс-эры, и промышленные: Петроград столичный — 45% большевиков (по числу голосов), 16% эс-эров; Петроградская губерния — 50% большевиков, 26% эс-эров; Лифляндская — 72% большевиков, 0 эс-эров.

Из губерний центральной промышленной области Московская дала 56% большевиков, 25% эс-эров; Московский столичный округ — 50% большевиков, 8% эс-эров; Тверская губерния — 54% большевиков, 39% эс-эров; Владимирская — 56% большевиков, 32% эс-эров.

Отметим мимоходом, как смешны перед лицом таких фактов речи о том, будто большевики имели и имеют за собой „меньшинство“ пролетариата. А эти речи слышим мы и от меньшевиков (668 тыс. голосов, а с добавлением Закавказья еще 700—800 тысяч против 9 миллионов у большевиков) и от социал-предателей II Интернационала.

## II.

Как же могло произойти такое чудо: победа большевиков, имевших четверть голосов над мелко-буржуазными демократами, шедшими в союзе (коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевшими  $\frac{3}{4}$  голосов? Ибо отрицать факт победы теперь, после двух лет помощи Антанты — всемирной могущественной Антанты — всем противникам большевизма, просто смешно.

В том-то и дело, что бешеная политическая ненависть потерпевших поражение, в том числе всех сторонников II-го Ин-

тернационала, не позволяет им даже поставить серьезно интереснейший исторический и политический вопрос о причинах победы большевиков. В том-то и дело, что „чудо“ есть тут лишь с точки зрения вульгарной мелко-буржуазной демократии, вся глубина невежества и предрассудков какой-либо демократии облачается этим вопросом и ответом на него.

С точки зрения классовой борьбы и социализма, с этой точки зрения, покинутой II Интернационалом, вопрос разрешается бесспорно.

Большевики победили, прежде всего, потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса.

Возьмем обе столицы, Петроград и Москву. Всего голосов в Учр. Собрание подано было в них 1,765,1 тысяч. Из них получили:

эс-эры . . . . .	218,0 тысяч.
большевики . . . . .	837,0 „
кадеты . . . . .	515,4 „

Сколько бы мелко-буржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы<sup>125</sup>), Мартовы, Каутские, Лонгэ<sup>193</sup>), Макдональды<sup>155</sup>) и К<sup>0</sup>), ни разбивали себе лба перед богинями „равенства“, „всеобщего голосования“, „демократии“, „чистой демократии“ или „последовательной демократии“, от этого не исчезнет экономический и политический факт не равенства города и деревни. Это—факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно ведет за собой деревню. Деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс из „городских классов“ сумеет вести за собой деревню, осилить эту задачу и какие формы это руководство города примет.

Большевики имели за собой в ноябре 1917 года гигантское большинство пролетариата. Конкурирующая с ними, среди пролетариата, партия, партия меньшевиков, была разбита к этому времени на-голову (9 милл. голосов против 1,4, если сложить 668 тыс. и 700—800 тыс. Закавказья). И притом разбита была эта партия в пятнадцатилетней борьбе (1903—1917), которая за-

ка лила, просветила, организовала авангард пролетариата, выкова в из него действительно революционный авангард. И при этом первая революция, 1905 года, подготовила дальнейшее развитие, определила практически взаимоотношение обеих партий, сыграла роль генеральной репетиции по отношению к великим событиям 1917—1919 годов.

Мелко-буржуазные демократы, называющие себя „социалистами“ II Интернационала, любят отделяться от серьезнейшего исторического вопроса сладенькими фразами о пользе „единства“ пролетариата. За этим сладеньким фразерством они забывают исторический факт накопления оппортунизма в рабочем движении 1871—1914 годов, забывают (или не хотят) подумать о причинах краха оппортунизма в августе 1914 г., о причинах раскола международного социализма в 1914—1917 г.г.

Без серьезнейшей и всесторонней подготовки революционной части пролетариата к изгнанию и подавлению оппортунизма нелепо и думать о диктатуре пролетариата. Этот урок русской революции надо бы зарубить на носу вождям „независимой“ германской социал-демократии, французского социализма и т. п., которые хотят теперь вывернуться посредством словесного признания диктатуры пролетариата.

Далее. Большевики имели за собой не только большинство пролетариата, не только закаленный в долгой и упорной борьбе с оппортунизмом революционный авангард пролетариата. Они имели, если позволительно употребить военный термин, могучий „ударный кулак“ в столицах.

В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил—этот „закон“ военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией.

Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры (у нас в России эти понятия совпадали, но они не всегда совпадают) в значительной степени решают политическую судьбу народа,—разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка.

В обеих столицах, в обоих главнейших для России торгово-промышленных центрах большевики имели подавляющий, решающий перевес сил. Мы имели здесь почти вчетверо больше, чем эс-эры. Мы имели здесь больше, чем эс-эры и кадеты

вместе взяты е. Наши противники, кроме того, были раздроблены, ибо „коалиция“ кадетов с эс-эрами и меньшевиками (меньшевики имели и в Петрограде и в Москве всего по 3% голосов) была до последней степени скомпрометирована среди трудящихся масс. Ни о каком действительном единстве эс-эров и меньшевиков с кадетами против нас не могло быть и речи в тот момент \*). Как известно, в ноябре 1917 года даже вожди эс-эров и меньшевиков, во сто раз более близкие к идее блока с кадетами, чем эс-эровские и меньшевистские рабочие и крестьяне, даже эти вожди думали (и торговались с нами) насчет коалиции с большевиками без кадетов <sup>242</sup>).

Столицы мы завоевали в октябре—ноябре 1917 года наверняка, имея подавляющий перевес сил и самую солидную политическую подготовку как в смысле собирания, сосредоточения, обучения, испытания, закала большевистских „армий“, так и в смысле разложения, обессиления, разъединения, деморализации „армий“ „неприятеля“.

А имея возможность наверняка быстрым, решительным ударом завоевать обе столицы, оба центра всей капиталистической машины государства (как в экономическом, так и в политическом отношении), мы, несмотря на бешеное сопротивление бюрократии и „интеллигенции“, саботаж и т. д., могли при помощи центрального аппарата государственной власти доказать делами трудящимся непролетарским массам, что пролетариат единственный надежный союзник, друг и руководитель их.

### III.

Но прежде, чем переходить к этому, самому важному, вопросу—вопросу об отношении пролетариата к непролетарским трудящимся массам,—следует еще остановиться на армии.

Армия во время империалистской войны вобрала в себя весь цвет народных сил, и если оппортунистические вожди II Интернационала (не только социал-шовинисты, т. е. прямо перешедшие на сторону „защиты отечества“ Шейдеманн<sup>9</sup>) и Ренддели<sup>11</sup>), но и „центровики“) своими словами и своими делами укрепляли подчинение армии руководству империалистских разбойников

---

\*) Интересно отметить обнаруживаемое и вышеприведенными данными единство и сплоченность партии пролетариата, при громадной раздробленности партий мелкой буржуазии и партий буржуазии. Прим. Н. Ленина.

как немецкой, так и англо-французской группы, то настоящие пролетарские революционеры никогда не забывали слов Маркса, сказанных в 1870 году: „буржуазия научит пролетариат владеть оружием“. О „защите отечества“ в империалистской, т.е. с обеих сторон грабительской, войне могли говорить только австро-немецкие и англо-франко-русские предатели социализма, а пролетарские революционеры все внимание направляли (начиная с августа 1914 года) на революционизирование армии, на использование ее против империалистских разбойников буржуазии, на превращение несправедливой и грабительской войны между двумя группами империалистских хищников в справедливую и законную войну пролетариев и угнетенных трудящихся масс каждой страны против „своей“, „национальной“ буржуазии.

Предатели социализма не подготовили за 1914—1917 годы использование армий против империалистских правительств каждой нации.

Большевики подготовили это всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 года. Конечно, предатели социализма, Шейдеманы и Каутские всех наций, отделялись по этому поводу фразами о разложении армии большевистской агитацией, но мы гордимся тем, что исполнили свой долг, разлагая сильнейшего классового врага, отвоевывая у него вооруженные массы рабочих и крестьян для борьбы против эксплуататоров.

Результаты нашей работы сказались, между прочим, и на том голосовании по выборам в У. С. в ноябре 1917 года, в котором (голосовании) участвовала в России и армия.

Вот главные результаты этого голосования, как их приводит Н. В. Святицкий:

**Число голосов (в тысячах), поданных в ноябре 1917 г. на выборах в Учредительное Собрание.**

Части армии и флота.	За эс-эров.	За большевиков.	За кадетов.	За национал. и др. групп.	Всего.
Северный фронт . . . . .	240,0	480,0	?	60,0	780,0
Западный „ . . . . .	180,5	653,4	16	125,2	976,0
Юго-зап. „ . . . . .	402,9	300,1	13,7	290,6	1 007,4
Румынский „ . . . . .	679,4	167,0	21,4	260,7	1.128,6

Части армии и флота.	За эс-эров.	За большевиков.	За кадетов.	За национал. и др. групп.	Всего.
Кавказский фронт . . . . .	360,0	60,0	?	—	420,0
Балтийский флот . . . . .	—	(120,0*)	—	—	(120,0*)
Черноморск. „ . . . . .	22,2	10,8	—	19,5**)	52,5
Итого . . . . .	1.885,1	1.671,3 + (120,0*)	51,8 + ?	756,0	4.364,5 + (120,0*)
		1.791,3			4.484,5

Итого дает: за эс-эров 1.885,1 тыс. голосов, за большевиков— 1.671,3 тыс. А если добавить к последним 120,0 (приблизительно) от балтийского флота, то получаем за большевиков 1.791,3 тыс. голосов.

Следовательно, большевики получили немногим менее, чем эс-эры.

Армия была, следовательно, уже к октябрю—ноябрю 1917 г. на половину большевистской.

Без этого мы не могли бы победить.

Но, имея почти половину голосов в армии, вообще мы имели подавляющий перевес на фронтах, ближайших к столицам и вообще расположенных не чрезмерно далеко. Если вычтуть Кавказский фронт, то у большевиков в общем получается перевес над эс-эрами. А если взять северный и западный фронты, то у большевиков получается свыше 1 миллиона голосов против 420 тысяч у эс-эров.

Следовательно, в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 года политический „ударный кулак“, который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент. Ни о каком сопротивлении со стороны армии против октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом, не могло быть и речи, когда на северном и западном фронтах у большевиков был гигантский перевес, а на остальных фронтах, удаленных от центра, большевики имели время и возможность отвоевать крестьян у эс-эровской партии, о чем пойдет речь ниже.

\*) Цифра приблизительная: выбрано 2 большевика. В среднем Н. В. Святцкий считает по 60.000 голосов на 1 выбранного. Поэтому я беру цифру 120,000. Прим. Н. Ленина.

\*\*\*) О том, какая партия получила 19,5 тыс. голосов от Черном. флота сведений не дано. Остальные же цифры этого столбца относятся, видимо, почти целиком к украинским социалистам, ибо выбрано было 10 украинских социалистов и 1 с.-д. (т.-е. меньшевик). Прим. Н. Ленина.

#### IV.

Мы изучили, на основании данных о выборах в У. С., три условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армий, близких к центру.

Но эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство непролетарских трудящихся масс, отвоевать их себе у эс-эров и прочих мелко-буржуазных партий.

Главное именно в этом.

И главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны «социалистов» (читай: мелко-буржуазных демократов) II-го Интернационала состоит в непонимании ими того, что государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелко-буржуазных партий.

Полные мелко-буржуазных предрассудков, забывшие самое главное в учении Маркса о государстве, господа „социалисты“ II-го Интернационала смотрят на государственную власть как на какую-то святыню, идол или равнодействующую формальных голосований, абсолютом „последовательной демократии“ (и как там еще подобная ерунда называется). Они не видят в государственной власти просто орудия, которым разные классы могут и должны пользоваться (и уметь пользоваться) в своих классовых целях.

Буржуазия пользовалась государственной властью как орудием класса капиталистов против пролетариата, против всех трудящихся. Так было при самых демократических буржуазных республиках. Только изменники марксизма „забыли“ это.

Пролетариат должен (собрав достаточно сильные политические и военные „ударные кулаки“) низвергнуть буржуазию, отнять у нее государственную власть, чтобы это орудие пустить в ход ради своих классовых целей.

А каковы классовые цели пролетариата?

Подавление сопротивления буржуазии.

„Нейтрализация“ крестьянства, а, по возможности, привлечение его—во всяком случае большинства его трудящейся, неэксплуататорской части—на свою сторону.

Организация крупного машинного производства на экспропрированных у буржуазии фабриках и средствах производства вообще.

Организация социализма на развалинах капитализма.

\* \* \*

Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, „учат“ народ, в издевку над учением Маркса: пролетариат сначала должен завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть и затем уже на этой основе „последовательной“ (иные говорят „чистой“) демократии организовать социализм.

А мы говорим, на основании учения Маркса и опыта русской революции:

Пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать себе государственную власть, а потом эту государственную власть, т.-е. диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся.

\* \* \*

Каким образом государственная власть в руках пролетариата может стать орудием его классовой борьбы за влияние на непролетарские трудящиеся массы? за привлечение их на сторону пролетариата? за оторвание, отвоевание их от буржуазии?

Во-первых, пролетариат достигает этого тем, что пускает в ход *не* старый аппарат государственной власти, а ломает его вдребезги, не оставляет в нем камня на камне (вопреки воплям запуганных мещан и угрозам саботажников) и создает новый государственный аппарат. Этот новый государственный аппарат приспособлен к диктатуре пролетариата и к его борьбе против буржуазии *за* непролетарские трудящиеся массы. Этот новый аппарат не выдуман кем-либо, а вырастает из классовой борьбы пролетариата, из ее распространения вширь и вглубь. Этот новый аппарат государственной власти, новый тип государственной власти есть советская власть.

Российский пролетариат, завоевав государственную власть, немедленно, через несколько часов, объявил старый государственный аппарат (веками приспособленный, как показал Маркс, к служению классовым интересам буржуазии, хотя бы при самой демократической республике) распущенным и передал всю власть советам. А в советы допускались только трудящиеся и эксплуатируемые, при исключении всех и всяческих эксплуататоров.

Таким путем сразу, одним ударом, немедленно после завоевания государственной власти пролетариатом, пролетариат отвоевывает у буржуазии громадную массу ее сторонников из мелко-буржуазных и „социалистических“ партий, ибо эта масса—трудящиеся и эксплуатируемые, которых буржуазия (в том числе и ее подпевалы Черновы, Каутские, Мартовы и К<sup>0</sup>) обманывала и которые, получив советскую власть, получают в первые орудие массовой борьбы за свои интересы против буржуазии.

Во-вторых, пролетариат может и должен сразу или во всяком случае очень быстро отвоевать у буржуазии и у мелко-буржуазной демократии „их“ массы, — т.-е. массы, шедшие за ними, — отвоевать посредством революционного удовлетворения их наиболее насущных экономических нужд ценой экспроприации помещиков и буржуазии.

Буржуазия этого сделать не может, хотя бы она обладала какой угодно „могучей“ государственной властью.

Пролетариат, на другой же день после завоевания им государственной власти, это сделать может, ибо он имеет для этого и аппарат (Советы), и экономические средства (экспроприация помещиков и буржуазии).

Именно так российский пролетариат отвоевал у эс-эров крестьянство и отвоевал, в сущности, через несколько часов после завоевания пролетариатом государственной власти. Ибо, через несколько часов после победы над буржуазией в Петрограде, победивший пролетариат издал „декрет о земле“ и в этом декрете целиком и сразу, с революционной быстротой, энергией и беззаветностью, осуществил все насущнейшие экономические нужды большинства крестьян, экспроприировал полностью и без выкупа помещиков.

Чтобы доказать крестьянам, что пролетарии хотят не майоризировать их, не командовать ими, а помогать им и быть

друзьями их, победившие большевики ни слова своего не вставили в „декрет о земле“, а списали его, слово в слово, с тех крестьянских наказов (наиболее революционных, конечно), которые были опубликованы эс-эрами в эс-эровской газете.

Эс-эры кипятились, возмущались, негодовали, вопили, что „большевики украли их программу“, но над эс-эрами за это только смеялись: хороша же партия, которую надо было победить и прогнать из правительства, чтобы осуществить все революционное, все полезное для трудящихся из ее программы! Вот этой диалектики никогда не могли понять представители II Интернационала: пролетариат не может победить, не завоевывая на свою сторону большинства населения. Но ограничивать или обуславливать это завоевание приобретением большинства голосов на выборах при господстве буржуазии есть непроходимое скудоумие или простое надувательство рабочих. Чтобы завоевать большинство населения на свою сторону, пролетариат должен, во-первых, свергнуть буржуазию и захватить государственную власть в свои руки; он должен, во-вторых, ввести советскую власть, разбив вдребезги старый государственный аппарат, чем он сразу подрывает господство, авторитет, влияние буржуазии и мелко-буржуазных соглашателей в среде непролетарских трудящихся масс. Он должен, в-третьих, добить влияние буржуазии и мелко-буржуазных соглашателей среди большинства непролетарских трудящихся масс революционным осуществлением их экономических нужд за счет эксплуататоров.

Возможность всего этого дана, разумеется, лишь известной высотой капиталистического развития. Без этого основного условия не может быть ни выделения пролетариата в особый класс, ни успеха его длительной подготовки, воспитания, обучения, испытания в борьбе на долгих годах стачек, демонстраций, опозорения и изгнания оппортунистов. Без этого основного условия не может быть той экономической и политической роли центров, овладевая которыми, пролетариат овладевает всей государственной властью или, вернее, ее жизненным нервом, сердцевиной, узлом. Без этого основного условия не может быть той родственности, близости, связи между положением пролетариата и положением непролетарских трудящихся масс, которые (родственность, близость, связь) необходимы для влияния пролетариата на эти массы, для успеха его воздействия на них.

V.

Пойдем дальше.

Пролетариат может завоевать государственную власть, осуществить советский строй, удовлетворить экономически большинство трудящихся за счет эксплуататоров.

Достаточно ли этого для полной и окончательной победы?

Нет.

Только иллюзии мелко-буржуазных демократов, „социалистов“ и „социал-демократов“, как их главных современных представителей, может воображать, что при капитализме трудящиеся массы в состоянии приобрести столь высокую сознательность, твердость характера, проницательность и широкий политический кругозор, чтобы иметь возможность одним голосованием решить или вообще как бы то ни было наперед решить, без долгого опыта борьбы, что они идут за таким-то классом или за такой-то партией.

Это иллюзия. Это слашавая побасенка педантов и слащавых социалистов типа Каутских, Лонгэ, Макдональдов.

Капитализм не был бы капитализмом, если бы он, с одной стороны, не осуждал массы на состояние забитости, подавленности, запуганности, распыленности (деревня), темноты,—если бы он (капитализм), с другой стороны, не давал буржуазии в руки гигантского аппарата лжи и обмана, массового надувания рабочих и крестьян, отупления их и т. д.

Поэтому вывести трудящихся из капитализма к коммунизму способен только пролетариат. О решении наперед со стороны мелко-буржуазной или полумелко-буржуазной массы трудящихся сложнейшего исторического вопроса: „быть вместе с рабочим классом или с буржуазией“ нечего и думать. Неизбежны колебания непролетарских трудящихся слоев, неизбежен их собственный практический опыт, позволяющий сравнить руководство буржуазии и руководство пролетариата.

Вот это обстоятельство и упускают постоянно из виду поклонники „последовательной демократии“, воображающие, что серьезнейшие политические вопросы могут быть решены голосованиями. На деле эти вопросы, если они остры и обострены борьбой, решает гражданская война, а в этой войне гигантское значение имеет опыт непролетарских трудящихся

масс (крестьян в первую голову), опыт сравнения, сопоставления ими власти пролетариата с властью буржуазии.

Выборы в У. С. в России в ноябре 1917 года, сопоставленные с двухлетней гражданской войной 1917—1919 г.г., чрезвычайно поучительны в этом отношении.

Посмотрите, какие районы оказались наименее большевистскими. Во-первых, Восточно-Уральский и Сибирский: 12<sup>0</sup>/<sub>0</sub> и 10<sup>0</sup>/<sub>0</sub> голосов за большевиков. Во-вторых, Украина: 10<sup>0</sup>/<sub>0</sub> голосов за большевиков. Из остальных районов наименьший процент голосов за большевиков дает крестьянский район Великороссии, Поволжско-Черноземный, но в нем за большевиков подано 16<sup>0</sup>/<sub>0</sub> голосов.

И вот именно в тех районах, где процент большевистских голосов в ноябре 1917 года был наименьшим, мы наблюдаем наибольший успех контр-революционных движений, восстаний, организации сил контр-революции. Именно в этих районах держалась месяцы и месяцы власть Колчака и Деникина.

Колебания мелко-буржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружилось в этих районах с особенной яркостью:

Сначала—за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом—против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, „оскорбив“ самые глубокие мелко-буржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков в ссуду государству по твердым ценам. Крестьянство Урала, Сибири и Украины поворачивает к Колчаку и Деникину.

Далее, опыт Колчаковской и Деникинской „демократии“, о которой любой газетчик в Колчакии и Деникии кричал в каждом номере белогвардейских газет, показал крестьянам, что фразы о демократии и об „учредилровке“ служат на деле лишь прикрытием диктатуры помещика и капиталиста.

Начинается новый поворот к большевизму: разрастаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и у Деникина. Красные войска встречаются крестьянами как освободители.

В последнем счете именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелко-буржуазной массы трудящихся, решали судьбу советской власти и власти Колчака-Деникина. Но до этого „последнего счета“ проходил довольно продолжительный период тяжелой борьбы и мучительных испытаний, которые не закончены в России в течение двух лет, не закончены как раз в Сибири и на Украине. И нельзя ручаться, что они будут окончательно закончены еще, скажем, в течение года и тому подобное.

Сторонники „последовательной“ демократии не вдумывались в значение этого исторического факта. Они рисовали и рисуют себе детскую сказочку, будто пролетариат при капитализме может „победить“ большинство трудящихся и прочно завоевать их на свою сторону голосованиями. А действительность показывает, что лишь в долгой и жестокой борьбе опыт колеблющейся мелкой буржуазии приводит ее, после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней.

Теоретически все социалисты, учившиеся марксизму и желающие учитывать опыт политической истории передовых стран в течение XIX века, признают неизбежность колебаний мелкой буржуазии между пролетариатом и классом капиталистов. Экономические корни этих колебаний с очевидностью вскрываются экономической наукой, истины которой миллионы раз повторялись в газетах, листках, брошюрах социалистов II Интернационала.

Но применить эти истины к своеобразной эпохе диктатуры пролетариата люди не умеют. Мелко-буржуазные демократические предрассудки и иллюзии (насчет „равенства“ классов, насчет „последовательной“ или „чистой“ демократии, насчет решения великих исторических вопросов голосованиями и т. п.) они ставят на место классовой борьбы. Не хотят понять, что завоевавший государственную власть пролетариат не прекращает этим свою классовую борьбу, а продолжает ее в иной форме, иными средствами. Диктатура пролетариата есть классовая борьба пролетариата при помощи такого орудия, как государственная власть, классовая борьба, одной из задач которой является демонстрирование на долгом опыте, на долгом ряде практических примеров, демонстрирование непролетарским трудящимся слоям, что им выгоднее быть за диктатуру пролетариата, чем за диктатуру буржуазии, и что ничего третьего быть не может.

Данные о выборах в У. С. в ноябре 1917 года дают нам основной фон той картины, которую показывает в течение двух лет после этого развитие гражданской войны. Основные силы в этой войне с ясностью видны уже на выборах в У. С.: видна роль „ударного кулака“ пролетарской армии, видна роль колеблющегося крестьянства, видна роль буржуазии. „Кадеты,— пишет в своей статье Н. В. Святицкий,—имели наибольший успех в тех же областях, где и большевики: в северной и центрально-промышленной“ (стр. 116). Естественно, что в наиболее развитых капиталистических центрах всего слабее были промежуточные элементы, стоящие посередине — между пролетариатом и буржуазией. Естественно, что в этих центрах всего резче была классовая борьба. Именно здесь были главные силы буржуазии, именно здесь, только здесь пролетариат мог разбить буржуазию. И только пролетариат мог разбить ее на голову. И только разбив ее на голову, пролетариат мог завоевать окончательно, используя такое орудие, как государственная власть, сочувствие и поддержку мелко-буржуазных слоев населения.

Данные о выборах в У. С., если уметь ими пользоваться, уметь их читать, показывают нам еще и еще раз основные истины марксистского учения о классовой борьбе.

Между прочим. Эти данные показывают также роль и значение национального вопроса. Возьмите Украину. Пишущего эти строки некоторые товарищи на последних совещаниях по украинскому вопросу обвиняли в чрезмерном „выпячивании“ национального вопроса на Украине<sup>243</sup>). Данные о выборах в У. С. показывают, что еще в ноябре 1917 года на Украине получили большинство украинские эс-эры и социалисты (3,4 милл. голосов + 0,5 = 3,9 милл. против 1,9 милл. за русских эс-эров при общем числе голосов на всей Украине 7,6 миллионов). На юго-западном и румынском фронтах в армии украинские социалисты получили 30% и 34% всех голосов (при 40% и 59% за русских эс-эров).

При таком положении дела игнорировать значение национального вопроса на Украине,—чем очень часто грешат великороссы (и, пожалуй, немногим менее часто, чем великороссы, грешат этим евреи)—значит совершать глубокую и опасную ошибку. Не может быть случайностью разделение русских и украинских эс-эров на Украине еще в 1917 году<sup>244</sup>). И, как интернационалисты, мы обязаны, во-первых, особенно энергично бороться против

остатков (иногда бессознательных) великорусского империализма и шовинизма у „русских“ коммунистов; во-вторых, мы обязаны именно в национальном вопросе, как сравнительно маловажном (для интернационалиста вопрос о границах государств—вопрос второстепенный, если не десятистепенный), идти на уступки. Важны другие вопросы, важны основные интересы пролетарской диктатуры, важны интересы единства и дисциплины борющейся с Деникиным Красной армии, важна руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству; гораздо менее важен вопрос,— будет ли Украина отдельным государством или нет. Нас несколько не может удивить—и не должна пугать—даже такая перспектива, что украинские рабочие и крестьяне перепробуют различные системы и в течение, скажем, нескольких лет испытают на практике и слияние с Р.С.Ф.С.Р., и отделение от нее в особую самостоятельную У.С.С.Р., и разные формы их тесного союза, и т. д., и т. п.

Пытаться наперед, раз навсегда, „твердо“ и „бесповоротно“ решить этот вопрос было бы узостью понимания или просто тупоумием, ибо колебания непролетарских трудящихся масс по такому вопросу вполне естественны, даже неизбежны, но вовсе для пролетариата не страшны. Действительно умеющий быть интернационалистом представитель пролетариата должен относиться к таким колебаниям с величайшей осторожностью и терпимостью, обязан предоставить самим непролетарским трудящимся массам изжить эти колебания на собственном опыте. Нетерпимы и беспощадны, непримиримы и непреклонны мы должны быть по другим, более коренным вопросам, отчасти уже указанным мною выше.

## VI.

Сопоставление выборов в У. С. к ноябрю 1917 года и развития пролетарской революции в России с октября 1917 года по декабрь 1919 г. дает возможность сделать выводы, относящиеся к буржуазному парламентаризму и пролетарской революции всякой капиталистической страны. Попытаемся изложить вкратце, или хотя бы наметить, главные из этих выводов.

1. Всеобщее избирательное право является показателем зрелости понимания своих задач разными классами. Оно показывает, как склонны решать свои задачи разные классы. Самое решение этих задач дается не голосованием, а всеми формами классовой борьбы, вплоть до гражданской войны.

2. Социалисты и социал-демократы II Интернационала стоят на точке зрения вульгарной мелко-буржуазной демократии, разделяя ее предрассудок, будто голосование способно решить коренные вопросы борьбы классов.

3. Участие в буржуазном парламентаризме необходимо для партии революционного пролетариата ради просвещения масс, достигаемого выборами и борьбой партий в парламенте. Но ограничивать борьбу классов борьбой внутри парламента, или считать эту последнюю высшей решающей, подчиняющей себе остальные формы борьбы, значит переходить фактически на сторону буржуазии против пролетариата.

4. Такой переход на сторону буржуазии совершают фактически все представители и сторонники II Интернационала и все вожди германской так наз. „независимой“ социал-демократии, когда они, признавая на словах диктатуру пролетариата, на деле в своей пропаганде внушают ему ту мысль, что он должен сначала добиться формального выражения воли большинства населения при капитализме (т.-е. большинства голосов в буржуазном парламенте) для имеющего наступить затем перехода политической власти к пролетариату.

Все, исходящие из этой посылки, вопли германских „независимых“ с.-д. и т. п. вождей гнилого социализма против „диктатуры меньшинства“ и тому подобное означают лишь непонимание этими вождями фактически господствующей, даже в наиболее демократических республиках, диктатуры буржуазии и непонимание условий ее разрушения классовой борьбой пролетариата.

5. Это непонимание состоит, в особенности, в следующем: забывают, что буржуазные партии господствуют в громадной степени благодаря обману ими масс населения, благодаря гнету капитала, к чему присоединяется еще и самообман насчет сущности капитализма, самообман более всего характерный для мелко-буржуазных партий, которые обычно хотят заменить классовую борьбу более или менее прикрытыми формами примирения классов.

„Пускай сначала, при сохранении частной собственности, т.-е. при сохранении власти гнета капитала, большинство населения выскажется за партию пролетариата,—только тогда она может и должна взять власть“,—так говорят мелко-буржуазные демократы, фактические слуги буржуазии, называющие себя „социалистами“.

„Пускай сначала революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнет капитала, разобьет буржуазный государственный аппарат,—тогда пролетариат, одержавший победу, сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку большинства трудящихся непролетарских масс, удовлетворяя их за счет эксплуататоров“,—говорим мы. Обратное будет в истории редким исключением (да и при таком исключении буржуазия может прибегнуть к гражданской войне, как показал пример Финляндии).

6. Или, иными словами:

„Сначала дадим обязательство признавать принцип равенства или последовательной демократии при сохранении частной собственности и ига капитала (т.-е. фактического неравенства при формальном равенстве) и будем добиваться решения большинства на этой основе“,—так говорят буржуазия и ее подпевалы, мелко-буржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами.

„Сначала классовая борьба пролетариата разрушает, завоевывая государственную власть, устои и основы фактического неравенства, а затем победивший эксплуататоров пролетариат ведет за собой все трудящиеся массы к уничтожению классов, т.-е. к тому единственно социалистическому равенству, которое не является обманом“,—говорим мы.

7. Во всех капиталистических странах, наряду с пролетариатом или с той частью пролетариата, которая сознала свои революционные задачи и способна бороться за их осуществление, имеются многочисленные несознательно пролетарские, полупролетарские, полумелко-буржуазные слои трудящихся масс, которые идут за буржуазией и буржуазной демократией (в том числе за „социалистами II Интернационала“), будучи обмануты ею, не веря в свои силы или в силы пролетариата, не сознавая возможности получить удовлетворение своих насущнейших нужд за счет экспроприации эксплуататоров.

Эти слои трудящихся и эксплуатируемых дают авангарду пролетариата союзников, с которыми он имеет прочное большинство населения, но завоевать этих союзников пролетариат может лишь при помощи такого орудия, как государственная власть, т.-е. лишь после низвержения буржуазии и разрушения ее государственного аппарата.

8. Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат экономически и политически выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме.

Поэтому пролетариат, даже когда он составляет меньшинство населения (или когда сознательный и действительно революционный авангард пролетариата составляет меньшинство населения), способен и низвергнуть буржуазию и привлечь затем на свою сторону многих союзников из такой массы полупролетариев и мелких буржуа, которая никогда заранее за господство пролетариата не выскажется, условий и задач этого господства не поймет, а только из дальнейшего своего опыта убедится в неизбежности, правильности, закономерности пролетарской диктатуры.

9. Наконец, в каждой капиталистической стране есть всегда очень широкие слои мелкой буржуазии, неизбежно колеблющиеся между капиталом и трудом. Пролетариат для своей победы должен, во-первых, правильно выбрать момент решающего нападения на буржуазию, учитывая, между прочим, разъединение буржуазии с ее мелко-буржуазными союзниками или непрочность их союза и т. д. Пролетариат, во-вторых, должен после своей победы использовать эти колебания мелкой буржуазии так, чтобы нейтрализовать ее, помешать ей встать на сторону эксплуататоров, уметь продержаться известное время вопреки ее шатаниям и т. д., и т. п.

10. Одним из необходимых условий подготовки пролетариата к его победе является длительная и упорная беспощадная борьба против оппортунизма, реформизма, социал-шовинизма и тому подобных буржуазных влияний и течений, которые неизбежны, поскольку пролетариат действует в капиталистической обстановке. Без такой борьбы, без предварительной полной победы над оппортунизмом (а равно и анархизмом) в рабочем движении не может быть и речи о диктатуре пролетариата. Большевизм не победил бы буржуазию в 1917—1919 годах, если бы он не научился предварительно, в 1903—1917 г.г., беспощадно изгонять из партии революционного авангарда и побеждать меньшевиков, т.-е. оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов

И опаснейшим самообманом — а иногда простым надувательством рабочих — являются теперь словесные признания диктатуры пролетариата вождями немецких „независимых“ или французскими лонгетистами и т. п., которые на деле продолжают старую, привычную политику уступок и уступочек оппортунизму, примирения с ним, раболепства перед предрассудками буржуазной демократии („последовательной демократии“ или „чистой демократии“, как они говорят), буржуазного парламентаризма и т. д.

*Написано 16 декабря 1919 г.*

*Напечатано в „Комм. Интерн.“ № 7—8,  
ноябрь—декабрь 1919 года.*

## **Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным.**

Товарищи! Четыре месяца тому назад, в конце августа 1919 года, мне довелось обратиться с письмом к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком <sup>245</sup>).

Теперь я перепечатаваю это письмо полностью для рабочих и крестьян Украины по поводу побед над Деникиным.

Красные войска взяли Киев, Полтаву, Харьков и победоносно двигаются на Ростов. В Украине кипит восстание против Деникина. Необходимо собрать все силы, чтобы разбить до конца Деникинские войска, пытавшиеся восстановить власть помещиков и капиталистов. Необходимо уничтожить Деникина, чтобы обеспечить себя от малейшей возможности нового нашествия.

Рабочим и крестьянам Украины следует ознакомиться с теми уроками, которые для всех русских крестьян и рабочих выяснились на опыте завоевания Сибири Колчаком и освобождения Сибири красными войсками после долгих месяцев помещичьего и капиталистического гнета.

На Украине господство Деникина было таким же тяжелым испытанием, как господство Колчака в Сибири. Нет сомнения, что уроки этого тяжелого испытания приведут украинских рабочих и крестьян — так же, как уральских и сибирских — к более ясному пониманию задач Советской власти и к более твердой защите ее.

В Великороссии помещичье землевладение уничтожено полностью. На Украине надо сделать то же самое, и Советская власть украинских рабочих и крестьян должна закрепить полное уничто-

жение помещичьего землевладения, полное освобождение украинских рабочих и крестьян от всякого гнета помещиков и от самих помещиков.

Но кроме этой задачи и ряда других задач, которые одинаково стояли и стоят перед великорусскими и украинскими трудящимися массами, есть особые задачи Советской власти на Украине. Одна из таких особых задач заслуживает в настоящее время чрезвычайного внимания. Это—вопрос национальный или вопрос о том, быть ли Украине отдельной и независимой Украинской Советской Социалистической Республикой, связанной в союз (федерацию) с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой или слиться Украине с Россией в единую Советскую Республику. Все большевики, все сознательные рабочие и крестьяне должны подумать внимательно над этим вопросом.

Независимость Украины признана и Всециком (Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом) Р. С. Ф. С. Р. (Российской Социалистической Федеративной Советской Республики) и Российской Коммунистической Партией большевиков. Поэтому само собой очевидно и вполне общепризнано, что только сами украинские рабочие и крестьяне на своем всеукраинском съезде советов могут решить и решат вопрос о том, сливать ли Украину с Россией, оставлять ли Украину самостоятельной и независимой республикой и, в последнем случае, какую именно федеративную связь установить между этой республикой и Россией.

Как же следует решать этот вопрос с точки зрения интересов трудящихся? С точки зрения успеха их борьбы за полное освобождение труда от ига капитала?

Во-первых, интересы труда требуют самого полного доверия, самого тесного союза между трудящимися разных стран, разных наций. Сторонники помещиков и капиталистов, буржуазии, стараются разъединить рабочих, усилить национальную рознь и вражду, чтобы обессилить рабочих, чтобы укрепить власть капитала.

Капитал есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их.

Мы—противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы—международники, интерна-

ционалисты. Мы стремимся к тесному объединению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную советскую республику.

Во-вторых, трудящиеся не должны забывать, что капитализм разделил нации на небольшое число угнетающих, великодержавных (империалистских) полноправных привилегированных наций и громадное большинство угнетенных, зависимых и полузависимых, неравноправных наций. Преступнейшая и реакционнейшая война 1914—1918 годов еще больше усилила это деление, обострила злобу и ненависть на этой почве. Веками накопилось возмущение и недоверие наций неполноправных и зависимых к нациям великодержавным и угнетающим, — таких наций, как украинская, к таким, как великорусская.

Мы хотим добровольного союза наций, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дела, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов.

Поэтому, неуклонно стремясь к единству наций, беспощадно преследуя все, что разъединяет их, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия. Неуступчивы, непримиримы мы должны быть ко всему тому, что касается основных интересов труда в борьбе за его освобождение от ига капитала. А вопрос о том, как определить государственные границы теперь, на время, — ибо мы стремимся к полному уничтожению государственных границ, — есть вопрос не основной, неважный, второстепенный. С этим вопросом можно подождать и должно подождать, ибо национальное недоверие у широкой массы крестьян и мелких хозяйчиков держится часто крайне прочно, и торопливостью можно его усилить, т.-е. повредить делу полного и окончательного единства.

Опыт рабоче-крестьянской революции в России, октябрьско-ноябрьской революции 1917 года, опыт ее двухлетней победоносной борьбы против нашествия международных и русских капиталистов показал яснее ясного, что капиталистам удалось на-

время сыграть на национальном недоверии польских, латышских, эстляндских, финских крестьян и мелких хозяйчиков к великороссам, удалось на время посеять рознь между ними и нами на почве этого недоверия. Опыт показал, что это недоверие изживается и проходит только очень медленно, и чем больше осторожности и терпения проявляют великороссы, долго бывшие угнетательской нацией, тем вернее проходит это недоверие. Именно признанием независимости государств польского, латышского, литовского, эстляндского, финского мы медленно, но неуклонно завоевываем доверие самых отсталых, всего более обманутых и забитых капиталистами трудящихся масс соседних маленьких государств. Именно таким путем мы всего вернее отрываем их из-под влияния „их“ национальных капиталистов, всего вернее ведем „их“ к полному доверию, к будущей единой международной советской республике.

Пока Украина не освобождена полностью от Деникина, ее правительством до всеукраинского съезда советов является Всеукраинский Революционный Комитет, Всеукраинский Ревком. В этом ревкоме, наряду с украинскими коммунистами-большевиками, работают, как члены правительства, украинские коммунисты-боротьбисты <sup>246</sup>). Боротьбисты отличаются от большевиков между прочим тем, что отстаивают безусловную независимость Украины. Большевики и з-з а э т о г о не делают предмета расхождения и разъединения, в э т о м не видят никакой помехи дружной пролетарской работе. Было бы единство в борьбе против ига капитала, за диктатуру пролетариата, а из-за вопроса о национальных границах, о федеративной или иной связи между государствами коммунисты расходятся не должны. Среди большевиков есть сторонники полной независимости Украины, есть сторонники более или менее тесной федеративной связи, есть сторонники полного слияния Украины с Россией.

Из-за этих вопросов расхождение недопустимо. Эти вопросы будет решать всеукраинский съезд советов.

Если великорусский коммунист настаивает на слиянии Украины с Россией, его легко заподозрят украинцы в том, что он защищает такую политику не по соображениям единства пролетариев в борьбе с капиталом, а по предрассудкам старого великорусского национализма, империализма. Такое недоверие естественно до известной степени неизбежно и законно, ибо веками великороссы впитывали в себя под гнетом помещиков и

капиталистов позорные и поганые предрассудки великорусского шовинизма.

Если украинский коммунист настаивает на безусловной государственной независимости Украины, его можно заподозрить в том, что он защищает такую политику не с точки зрения временных интересов украинских рабочих и крестьян в их борьбе против ига капитала, а в силу мелко-буржуазных, мелко-хозяйских национальных предрассудков. Ибо опыт показывал нам сотни раз, как мелко-буржуазные „социалисты“ разных стран—всякие якобы социалисты польские, латышские, литовские, грузинские меньшевики, эс-эры и прочие—перекрашивались в сторонников пролетариата с единственной целью протащить обманом политику соглашательства с „своей“ национальной буржуазией против революционных рабочих. Это мы видели на примере керенщины в России в феврале—октябре 1917 года, это мы видели и видим во всех и всяческих странах.

Взаимное недоверие между великорусскими и украинскими коммунистами возникает таким образом очень легко. Как же бороться с этим недоверием? Как преодолеть его и завоевать взаимное доверие?

Лучшее средство к тому—совместная работа по отстаиванию диктатуры пролетариата и Советской власти в борьбе против помещиков и капиталистов всех стран, против их попыток восстановить свое всевластие. Такая совместная борьба ясно покажет на практике, что при каком угодно решении вопроса о государственной независимости или о государственных границах великорусским и украинским рабочим обязательно нужен тесный военный и хозяйственный союз, ибо иначе капиталисты „Антанты“, „Согласия“, т.е. союза богатейших капиталистических стран, Англии, Франции, Америки, Японии, Италии, задавят и задушат нас по одиночке. Пример борьбы нашей против Колчака и Деникина, которых снабжали деньгами и оружием эти капиталисты, ясно показал эту опасность.

Кто нарушает единство и теснейший союз великорусских и украинских рабочих и крестьян, тот помогает Колчакам, Деникиным, капиталистам, хищникам всех стран.

Поэтому мы, великорусские коммунисты, должны с величайшей строгостью преследовать в своей среде малейшее проявление великорусского национализма, ибо эти проявления, будучи

вообще изменой коммунизму, приносят величайший вред, разъединяя нас с украинскими товарищами и тем играя на-руку Деникину и деникинщине.

Поэтому мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, формы ее союза с Россией, вообще национального вопроса. Неуступчивы и непримиримы мы все, и великорусские, и украинские, и какой-угодно другой нации коммунисты, должны быть по отношению к основным, коренным, одинаковым для всех наций вопросам пролетарской борьбы, вопросам пролетарской диктатуры: недопущения соглашательства с буржуазией, недопущения раздробления сил, защищающих нас от Деникина.

Победить Деникина, уничтожить его, сделать невозможным повторение подобного нашествия—таков коренной интерес и великорусских и украинских рабочих и крестьян. Борьба долгая и трудная, ибо капиталисты всего мира помогают Деникину и будут помогать разного рода Деникиным.

В этой долгой и трудной борьбе мы, великорусские и украинские рабочие, должны идти теснейшим союзом, ибо по одиночке нам, наверное, не справиться. Каковы бы ни были границы Украины и России, каковы бы ни были формы их государственных взаимоотношений, это не так важно, в этом можно и должно идти на уступки, в этом можно перепробовать и то, и другое, и третье,—от этого дело рабочих и крестьян, дело победы над капитализмом, не погибнет.

А вот если мы не сумеем сохранить теснейшего союза между собой, союза против Деникина, союза против капиталистов и кулаков наших стран и всех стран, тогда дело труда наверное погибнет на долгие годы в том смысле, что и советскую Украину и советскую Россию тогда смогут задавить и задушить капиталисты.

И буржуазия всех стран и всяческие мелко-буржуазные партии, „соглашательские“ партии, допускающие союз с буржуазией против рабочих, больше всего старались разъединить рабочих разных национальностей, разжечь недоверие, нарушить тесный международный союз и международное братство рабочих. Когда буржуазии удастся это, дело рабочих проиграно. Пусть же коммунистам России и Украины удастся терпеливой, настойчивой,

упорной совместной работой победить националистские происки всякой буржуазии, националистские предрассудки всякого рода и показать трудящимся всего мира пример действительно прочного союза рабочих и крестьян разных наций в борьбе за Советскую власть, за уничтожение гнета помещиков и капиталистов, за всемирную Федеративную Советскую Республику.

*Написано 28 декабря 1919 г.*

*Напечатано в „Правде“ № 3*

*4 января 1920 года.*

# ПРИЛОЖЕНИЯ

## **Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков).**

(Принята VIII съездом Р.К.П.)

Октябрьская революция (25 октября — 7 ноября 1917 года) в России осуществила диктатуру пролетариата, начавшего при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата, созидавать основы коммунистического общества. Ход развития революции в Германии и Австро-Венгрии, рост революционного движения пролетариата во всех передовых странах, распространение советской формы этого движения, т.-е. такой, которая направлена прямо к осуществлению диктатуры пролетариата, — все это показало, что началась эра всемирной пролетарской коммунистической революции.

Эта революция явилась неизбежным результатом развития капитализма, господствующего пока в большинстве цивилизованных стран. Природу капитализма и буржуазного общества наша старая программа правильно, если не считать неточного названия партии социал-демократической, охарактеризовала в следующих положениях:

„Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам, и своим трудом создавать доход высших классов общества.

„Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как

постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

„Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации.

„Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянное обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

„Таким образом усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обуславливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

„Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев

и обостряется борьба их с их эксплуататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений коммунистическими, т.е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной коммунистической партии, как сознательной выразительницы классового движения.

„Заменяв частную собственность на средства производства и обращения общественной и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

„Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров. Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная коммунистическая партия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем, она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, коммунистическая партия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

Процесс концентрации и централизации капитала, уничтожая свободную конкуренцию, привел в начале XX века к созданию могучих монополистических союзов капиталистов — синдикатов, картелей, трестов — получивших решающее значение во

всей экономической жизни, к слиянию банкового капитала с промышленным капиталом, громадной концентрации и к усиленному вызову капитала в чужие страны. Тресты, охватывая целые группы капиталистических держав, начали экономический раздел мира, поделенный уже территориально между богатейшими странами. Эта эпоха финансового капитала, неизбежно обостряющая борьбу между капиталистическими государствами, есть эпоха империализма.

Отсюда неизбежно вытекают империалистические войны, войны за рынки сбыта, за сферы приложения капитала, за сырье и за рабочую силу, т.-е. за мировое господство и за власть над малыми и слабыми народностями. Именно такова первая великая империалистская война 1914—1918 г.г.

И чрезвычайно высокая степень развития мирового капитализма вообще; и смена свободной конкуренции государственно-монополистическим капитализмом; и подготовка банками, а равно союзами капиталистов аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов; и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, закрепощение его империалистским государством, гигантское затруднение экономической и политической борьбы пролетариата; и ужасы, бедствия, разорение, порождаемые империалистской войной, все это сделало неизбежным крах капитализма и переход к высшему типу общественного хозяйства.

Империалистская война не могла кончиться не только справедливым миром, но и вообще заключением сколько-нибудь устойчивого мира буржуазными правительствами. Она, на достигнутой ступени развития капитализма, с неизбежностью превращалась и превращается на наших глазах в гражданскую войну эксплуатируемых трудящихся масс, с пролетариатом во главе их против буржуазии.

Растущий натиск со стороны пролетариата и особенно его победы в отдельных странах усиливают сопротивление эксплуататоров и вызывают с их стороны создание новых форм международного объединения капиталистов (Лига Наций и т. п.), которая, организуя в мировом масштабе систематическую эксплуатацию всех народов земли, ближайшие свои усилия направляет на непосредственное подавление революционных движений пролетариата всех стран.

Все это с неизбежностью приводит к сочетанию гражданской войны внутри отдельных государств с революционными войнами как обороняющихся пролетарских стран, так и угнетаемых народов против ига империалистских держав.

При этих условиях лозунги пацифизма, международного разоружения при капитализме, третейских судов и т. п. является не только реакционной утопией, но и прямым обманом трудящихся, направленным к разоружению пролетариата и отвлечению его от задачи разоружения эксплуататоров.

Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнам. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неуспехи ее или волны контрреволюции, — окончательная победа пролетариата неизбежна.

Эта победа мировой пролетарской революции требует полнейшего доверия, теснейшего братского союза и возможно большего единства революционных действий рабочего класса в передовых странах.

Эти условия не осуществимы без принципиального решительного разрыва и беспощадной борьбы с тем буржуазным извращением социализма, которое одержало победу в верхах официальных социал-демократических и социалистических партий.

Таким извращением является, с одной стороны, течение оппортунизма и социал-шовинизма, социализма на словах, шовинизма на деле, прикрытие защиты грабительских интересов своей национальной буржуазии лживым лозунгом защиты отечества, как вообще, так в особенности во время империалистской войны 1914—1918 годов. Это течение создано тем, что передовые капиталистические государства, грабя колониальные и слабые народы, дают возможность буржуазии, за счет добытой этим грабежом сверх-прибыли, ставить в привилегированное положение и таким образом подкупать верхушки пролетариата, обеспечивать им в мирное время сносное мещанское существование и брать на службу себе вождей этого слоя. Оппортунисты и социал-шовинисты, будучи слугами буржуазии, являются прямыми классовыми врагами пролетариата, особенно теперь, когда они в союзе с капиталистами вооруженной рукой подавляют революционное движение пролетариата как в своих, так и в чужих странах.

С другой стороны, буржуазным извращением социализма является течение „центра“, наблюдаемое равным образом во всех капиталистических странах, которое колеблется между социал-шовинистами и коммунистами, отстаивая единство с первыми и пытаясь возродить обанкротившийся II Интернационал. Руководителем борьбы пролетариата за его освобождение является лишь новый, третий, Коммунистический Интернационал, одним из отрядов которого является Р. К. П. Этот Интернационал фактически создан образованием коммунистических партий из действительно пролетарских элементов прежних социалистических партий в ряде стран, а особенно в Германии, и формально основан в марте 1919 года на его первом съезде в Москве. Коммунистический Интернационал, приобретающий все больше сочувствия в массах пролетариата всех стран, не только в своем названии возвращается к марксизму, но и всем своим идейно-политическим содержанием, всеми своими действиями осуществляет революционное учение Маркса, очищенное от буржуазно-оппортунистических извращений.

Развивая конкретнее задачи пролетарской диктатуры применительно к России, главной особенностью которой является численное преобладание мелко-буржуазных слоев населения, Р. К. П. определяет эти задачи следующим образом:

#### В области обще-политической.

1. Буржуазная республика, даже самая демократическая, освящаемая лозунгами всенародной, общенациональной или вне-классовой воли, неизбежно оставалась на деле — в силу того, что существовала частная собственность на землю и другие средства производства, — диктатурой буржуазии, машиной для эксплуатации и подавления громадного большинства трудящихся горсткой капиталистов. В противоположность этому, пролетарская или советская демократия превратила массовые организации именно угнетенных капитализмом классов, пролетариев и беднейших крестьян — полупролетариев, т.-е. громадного большинства населения, в постоянную и единственную основу всего государственного аппарата, местного и центрального, снизу и до верху. Тем самым советское государство осуществило, между прочим, в несравненно более широком виде, чем где бы то ни было, местное и областное самоуправление, без каких бы то ни было сверху

назначаемых властей. Задачей партии является неутомимая работа над действительным проведением в жизнь полностью этого высшего типа демократизма, требующего для своего правильного функционирования постоянного повышения уровня культурности, организованности и самостоятельности масс.

2. В противоположность буржуазной демократии, скрывавшей классовый характер ее государства, Советская власть открыто признает неизбежность классового характера всякого государства, пока совершенно не исчезло деление общества на классы и вместе с ним всякая государственная власть. Советское государство, по самой своей сущности, направлено к подавлению сопротивления эксплуататоров, и советская конституция, исходя из того, что всякая свобода является обманом, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, не останавливается перед отнятием у эксплуататоров политических прав. Задача партии пролетариата состоит в том, чтобы, проводя неуклонно подавление сопротивления эксплуататоров и идейно борясь с глубоко вкоренившимися предрассудками на счет безусловного характера буржуазных прав и свобод, разъяснять вместе с тем, что лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплуататоров отстоять или восстановить свои привилегии. По мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене.

3. Буржуазная демократия ограничивалась формальным расширением политических прав и свобод, как-то: права собраний, союзов, печати, одинаково на всех граждан. Но в действительности как административная практика, так и главным образом экономическое рабство трудящихся всегда ставило последних при буржуазной демократии в невозможность сколько-нибудь широко пользоваться этими правами и свободами.

Напротив, пролетарская демократия на место формального провозглашения прав и свобод ставит их фактическое предоставление прежде всего и больше всего именно тем классам населения, которые были угнетены капитализмом, т. е. пролетариату и крестьянству. Для этого Советская власть экспроприрует у буржуазии помещения, типографии, склады бумаги и т. п., предоставляя их в полное распоряжение трудящихся и их организаций

Задача Р. К. П. состоит в том, чтобы вовлекать все более широкие массы трудящегося населения в пользование демократическими правами и свободами и расширять материальную возможность этого.

4. Буржуазная демократия в течение веков провозглашала равенство людей независимо от пола, религии, расы и национальности, но капитализм не позволил нигде осуществить этого равноправия на деле, а в своей империалистической стадии привел к сильнейшему обострению расового и национального гнета. Только потому, что Советская власть есть власть трудящихся, она смогла до конца и во всех областях жизни впервые в мире провести это равноправие вплоть до полного уничтожения последних следов неравенства женщины в области брачного и вообще семейного права. Задачей партии является в настоящий момент преимущественно идейная и воспитательная работа над тем, чтобы уничтожить до конца все следы прежнего неравенства или предубеждения, особенно среди отсталых слоев пролетариата и крестьянства.

Не ограничиваясь формальным равноправием женщин, партия стремится освободить их от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными, яслями и т. п.

5. Обеспечивая для трудящихся масс несравненно большую возможность, чем при буржуазной демократии и парламентаризме, производить выборы и отзыв депутатов наиболее легким и доступным для рабочих и крестьян способом, Советская власть в то же время уничтожает отрицательные стороны парламентаризма, особенно разделение законодательной и исполнительной властей, оторванность представительных учреждений от масс и проч.

Советское государство сближает государственный аппарат с массами также тем, что избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика).

Задача партии заключается в том, чтобы ведя всю работу в этом направлении, добиваться дальнейшего сближения органов власти с массами трудящихся на почве все более строгого и все более полного осуществления этими массами демократизма на практике, в особенности же путем проведения ответственности и подотчетности должностных лиц.

6. В то время, как буржуазная демократия, вопреки ее декларациям, превращала войско в орудие имущих классов, отделяя его от трудящихся масс и противопоставляя его им, уничтожая или затрудняя для солдат возможность осуществлять политические права, советское государство сливает в своих органах, в Советах рабочих и солдат на почве полного равенства их прав и единства их интересов. Задачей партии является отстаивать и развивать это единство рабочих и солдат в Советах укрепляя неразрывную связь вооруженной силы с организациями пролетариата и полупролетариата.

7. Руководящая во всей революции роль городского промышленного пролетариата, как наиболее сконцентрированной, объединенной, просвещенной и закаленной в борьбе части трудящихся масс, проявилась как в самом возникновении Советов, так и во всем ходе развития их в органы власти. Наша советская конституция отразила это, сохраняя некоторое преимущество за промышленным пролетариатом сравнительно с более распыленными мелко-буржуазными массами в деревне.

Р. К. П., разъясняя временный характер этих преимуществ исторически связанных с трудностями социалистической организации деревни, должна стремиться к неуклонному и систематическому использованию этого положения промышленного пролетариата для того, чтобы в противовес узко-цеховым и узко-профессиональным интересам, которые выращивал капитализм среди рабочих, соединять теснее с передовыми рабочими наиболее отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства.

8. Только благодаря советской организации государства революция пролетариев могла сразу разбить и разрушить до основания старый, буржуазный, чиновничий и судейский государственный аппарат. Однако недостаточно высокий культурный уровень широких масс, отсутствие необходимых навыков в деле управления у выдвигаемых массой на ответственные посты работников, необходимость спешного привлечения в тяжелых условиях специалистов старой школы и отвлечение самого развитого слоя городских рабочих на военную работу, привело к частичному возрождению бюрократизма внутри советского строя.

Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, Р. К. П. отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры:

1) Обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определенной работы по управлению государством.

2) Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.

3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством.

Полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская Коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся, ведут к уничтожению государственной власти

### В области национальных отношений.

9. В национальном вопросе Р. К. П. руководствуется следующими положениями:

1) Во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии.

2) В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение.

3) В тех же целях, как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу.

4) В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, Р. К. П. стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.

Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных. Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного добровольного единства национально раз-

народных элементов международного пролетариата, как то пока- зал опыт объединения ряда национальных советских республик вокруг советской России.

### В области военной.

10. В области военной задачи партии определяются следующими основными положениями:

1) В эпоху разложения империализма и разрастающейся гражданской войны невозможно ни сохранение старой армии, ни построение новой на так называемой внеклассовой или общенациональной основе. Красная армия, как орудие пролетарской диктатуры, должна по необходимости иметь открыто классовый характер, т.-е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства. Лишь в связи с уничтожением классов подобная классовая армия превратится во всенародную социалистическую милицию.

2) Необходимо самое широкое обучение всех пролетариев и полупролетариев военному делу и введение преподавания ответственных предметов в школе.

3) Работа военного обучения и воспитания Красной армии совершается на основе классового сплочения и социалистического просвещения. Поэтому необходимы политические комиссары из надежных и самоотверженных коммунистов наряду с боевыми начальниками, и создание в каждой части коммунистических ячеек для установления внутренней идейной связи и сознательной дисциплины.

4) В противовес строю старой армии необходимы возможно короткий срок чисто казарменной выучки, приближение казарм к типу военно-политических школ, возможно тесная связь военных формирований с фабриками, заводами, профессиональными союзами, организациями деревенской бедноты.

5) Необходимая организационная связь и устойчивость могут быть приданы молодой революционной армии только при помощи командного состава, на первых порах хотя бы низшего, из среды сознательных рабочих и крестьян. Подготовка наиболее способных и энергичных и преданных делу социализма солдат к командным должностям является, поэтому, одной из важнейших задач в деле создания армии.

6) Необходимо самое широкое использование и применение оперативного и технического опыта последней мировой войны. В связи с этим необходимо широкое привлечение к делу организации армии и ее оперативного руководства военных специалистов, прошедших школу старой армии. В свою очередь, необходимым условием такого привлечения является сосредоточение политического руководства армией и всестороннего контроля над командным составом в руках рабочего класса.

7) Требование выборности командного состава, имевшее огромное принципиальное значение по отношению к армии буржуазной, где командный состав подбирался и воспитывался как аппарат классового подчинения солдат и через посредство солдат, трудовых масс, теряет совершенно свое принципиальное значение по отношению к классовой рабочей и крестьянской Красной армии. Возможная комбинация выборности и назначения диктуется революционной классовой армии исключительно практическими соображениями и зависит от достигнутого уровня формирования, степени сплоченности частей армии, наличия командных кадров и тому подобное.

### В области судебной

11. Взяв всю власть в свои руки и упразднив без остатка органы буржуазного господства — суды прежнего устройства — пролетарская демократия вместо формулы буржуазной демократии „выборность судей народом“ выдвинула классовый лозунг „выборность судей из трудящихся только трудящимися“ и провела его во всей организации суда, уравнив, вместе с тем, оба пола во всех правах как при выборе судей, так и в отправлении обязанностей судей.

Для привлечения к отправлению правосудия самых широких масс пролетариата и беднейшего крестьянства введено участие в суде постоянно сменяемых временных судей-заседателей, с привлечением к составлению списков массовых рабочих организаций, профессиональных союзов и т. п.

Создав единый народный суд взамен бесконечного ряда прежних судов различного устройства, со множеством инстанций, Советская власть упростила устройство суда, сделав его абсолютно доступным для населения и устранив всякую волокиту в ведении дел.

Отменив законы свергнутых правительств, Советская власть поручила выбираемым Советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия таких или неполноты их, руководствоваться социалистическим правосознанием.

В области наказания организованные таким образом суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, введя, как меру наказания, общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов.

Р.К.П., отстаивая дальнейшее развитие суда по тому же пути, должна стремиться к тому, чтобы все трудящееся население поголовно привлекалось к отправлению судебных обязанностей и чтобы система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера.

### В области народного просвещения.

12. В области народного просвещения Р.К.П. ставит своей задачей довести до конца начатое с октябрьской революции 1917 года дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества.

В период диктатуры пролетариата, т.-е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм. Ближайшей задачей на этом пути является в настоящее время дальнейшее развитие установленных уже Советской властью следующих основ школьного и просветительного дела:

1) Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоого пола до 17 лет.

2) Создание сети дошкольных учреждений: яслей, садов, очагов и т. п. в целях улучшения общественного воспитания и раскрепощения женщины.

3) Полное осуществление принципов единой трудовой школы с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно светской, т. е. свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготавливающей всесторонне развитых членов коммунистического общества.

4) Снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства.

5) Подготовка новых кадров работников просвещения проникнутых идеями коммунизма.

6) Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие „советов народного образования“, мобилизация грамотных и т. д.).

7) Всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян (создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.).

8) Широкое развитие профессионального образования для лиц от 17-тилетнего возраста, в связи с общими политехническими знаниями.

9) Открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться, и в первую очередь для рабочих; привлечение к преподавательской деятельности в высшей школе всех, могущих там учить; устранение всех и всяческих искусственных преград между свежими научными силами и кафедрой; материальное обеспечение учащихся, с целью дать фактическую возможность пролетариям и крестьянам воспользоваться высшей школой.

10) Равным образом необходимо открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров.

11) Развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти.

## В области религиозных отношений.

13. По отношению к религии Р.К.П. не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви, т.-е. мероприятиями, которые буржуазная демократия выставляет в своих программах, но нигде в мире не довела до конца, благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой.

Р.К.П. руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков. Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и анти-религиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма.

## В области экономической.

1. Неуклонно продолжать и довести до конца начатую и в главном и основном уже законченную экспроприацию буржуазии, превращение средств производства и обращения в собственность советской республики, т.-е. в общую собственность всех трудящихся.

2. Как главное и основное, определяющее собой всю хозяйственную политику Советской власти, поставить всемерное повышение производительных сил. Ввиду тяжелейшей разрухи, переживаемой страной, практической цели—немедленно и во что бы то ни стало увеличить количество необходимейших для населения продуктов—должно быть подчинено все остальное. Практическими результатами в этом отношении должна измеряться успешность работы каждого советского учреждения, связанного с народным хозяйством.

При этом необходимо в первую очередь обратить внимание на следующее:

3. Разложение империалистского хозяйства оставило в наследство первому периоду советского строительства известную

хаотичность в организации производства и управлении им. Тем настоятельнее выдвигается—как одна из коренных задач—максимальное объединение всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану; наибольшая централизация производства в смысле объединения его по отдельным отраслям и группам отраслей и сосредоточения его в наилучших производственных единицах и в смысле быстроты выполнения хозяйственных заданий; наибольшая слаженность всего производственного аппарата, рациональное и экономное использование всех материальных ресурсов страны.

При этом необходимо заботиться о расширении экономического сотрудничества и политических связей с другими народами, стремясь одновременно к установлению единого хозяйственного плана с теми из них, которые перешли уже к советскому устройству.

4. По отношению к мелкой и кустарной промышленности необходимо широкое использование ее путем дачи государственных заказов кустарям; включение кустарной и мелкой промышленности в общий план снабжения сырьем и топливом, а также ее финансовая поддержка, при условии объединения отдельных кустарей, кустарных артелей, производительных кооперативов и мелких предприятий в более крупные производственные и промышленные единицы; поощрение подобных объединений путем предоставления им экономических преимуществ, направленных наряду с другими мерами к тому, чтобы парализовать стремление кустарей превратиться в мелких промышленников и создать безболезненный переход этих отсталых форм производства к более высокой крупной механизированной индустрии.

5. Организационный аппарат обобщественной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы. Они должны все больше освобождаться от цеховой узости и превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно трудящихся данной отрасли производства.

Будучи уже согласно законов советской республики и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым. Обеспечивая таким образом неразрывную

связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся, профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать последние в непосредственную работу по ведению хозяйства. Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является, вместе с тем, и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства.

6. Необходимое в целях планомерного развития народного хозяйства максимальное использование всей имеющейся в государстве рабочей силы, ее правильное распределение и перераспределение как между различными территориальными областями, так и между различными отраслями народного хозяйства должно составить ближайшую задачу хозяйственной политики Советской власти, которая может быть осуществлена ею только в тесном единении с профессиональными союзами. Поголовная мобилизация всего трудоспособного населения Советской властью, при участии профессиональных союзов, для выполнения известных общественных работ, должна быть применяема несравненно шире и систематичнее, чем это делалось до сих пор.

7. В обстановке распада капиталистической организации труда производительные силы страны могут быть восстановлены и развиты, а социалистический способ производства может быть упрочен лишь на основе товарищеской дисциплины трудящихся, их максимальной самодеятельности, сознания ответственности и строжайшего взаимного контроля над продуктивностью труда.

Достижение этой цели требует упорной систематической работы над перевоспитанием масс, которое облегчено теперь именно в силу того, что массы видят на деле устранение капиталиста, помещика и купца и на собственном практическом опыте приходят к тому убеждению, что уровень их благосостояния зависит исключительно от дисциплинированности их собственного труда.

В этой работе создания новой социалистической дисциплины главнейшая роль выпадает на долю профессиональных союзов. Последние, порывая со старым шаблоном, должны для осуществления этой цели применять и испытывать на практике разнообразные мероприятия, как-то: установление отчетности.

нормы выработки, введение ответственности перед специальными товарищескими рабочими судами и т. п.

8. Та же задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники, несмотря на то, что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными мирозерцанием и навыками. Партия считает, что период резкой борьбы с этим слоем, вызванной организованным им саботажем, закончился, так как этот саботаж в общем сломлен. Партия должна, в тесном союзе с профессиональными объединениями, вести свою прежнюю линию: с одной стороны, не давать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное его поползновение, а с другой — также беспощадно бороться с мнимо-радикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не участь у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними.

Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, Советская власть не может ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму. Поэтому необходимо еще сохранить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде, и для той же цели нельзя отказываться и от системы премий за наиболее успешную и особенно организаторскую работу.

Равным образом необходимо ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и тем способствовать взаимному пониманию и сближению разъединенных капитализмом работников физического и умственного труда.

9. Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и ее сближению с производством: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т. д. Р.К.П.,

поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны.

### В области сельского хозяйства.

10. Советская власть, осуществив полную отмену частной собственности на землю, перешла уже к проведению в жизнь целого ряда мер, направленных к организации крупного социалистического земледелия. Важнейшими из этих мер являются: 1) устройство советских хозяйств, т.е. крупных социалистических экономий; 2) поддержка обществ, а равно товариществ для общественной обработки земли; 3) организация государственного засева всех, чьих бы то ни было, незасеянных земель; 4) государственная мобилизация всех агрономических сил для энергичных мер по повышению сельско-хозяйственной культуры; 5) поддержка сельско-хозяйственных коммун, как совершенно добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства.

Рассматривая все эти меры, как единственный путь к абсолютно необходимому повышению производительности сельскохозяйственного труда, Р.К.П. стремится к возможно более полному проведению в жизнь этих мер, к их распространению на более отсталые области страны и к дальнейшим шагам в том же направлении.

В особенности Р.К.П. отстаивает:

1) всемирную государственную поддержку сельско-хозяйственной кооперации, занятой переработкой продуктов сельского хозяйства;

2) широко проведенную систему мелиораций;

3) широкое и планомерное снабжение через прокатные пункты инвентарем бедного и среднего крестьянства.

Считаясь с тем, что мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет существовать, Р.К.П. стремится к проведению ряда мер, направленных к поднятию производительности крестьянского хозяйства. Такими мерами являются: 1) упорядочение крестьянского землепользования (устранение чересполосицы, длинноземелья и пр.); 2) снабжение крестьян улучшенными семенами и искусственными удобрениями; 3) улучшение породы крестьянского скота; 4) распространение агрономических знаний; 5) агрономическая помощь крестьянам; 6) ремонт в советских ремонтных мастерских

сельско-хозяйственного крестьянского инвентаря; 7) устройство прокатных пунктов, опытных станций, показных полей и т. п.; 8) мелиорация крестьянских земель.

11. Ввиду того, что противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни, а в эпоху столь глубокого кризиса, как нынешний, ставит как город, так и деревню перед непосредственной опасностью вырождения и гибели, Р.К.П. видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства и наряду с общими мерами считает необходимым широкое и планомерное привлечение промышленных рабочих к коммунистическому строительству в земледелии, развитие деятельности учрежденного уже Советской властью в этих целях общегосударственного „Рабочего Комитета Содействия“ и тому подобное.

12. Во всей своей работе в деревне Р.К.П. попрежнему опирается на пролетарские и полупролетарские слои ее, организует, прежде всего, их в самостоятельную силу, создавая партийные ячейки в деревне, организации бедноты, особого типа профессиональные союзы пролетариев и полупролетариев деревни и т. д., сближая их всемерно с городским пролетариатом и вырывая их из-под влияния деревенской буржуазии и мелкособственнических интересов.

По отношению к кулачеству, к деревенской буржуазии, политика Р.К.П. состоит в решительной борьбе против их эксплуататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской политике.

По отношению к среднему крестьянству, политика Р.К.П. состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отделять его от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований.

### В области распределения.

13. В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать

замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительских коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат.

В основу потребительских коммун и их объединений должна быть положена существующая общегражданская и рабочая кооперация, являющаяся самой крупной организацией потребителей и наиболее подготовленным историей капитализма аппаратом массового распределения.

Считая принципиально единственно правильным такого рода дальнейшее коммунистическое развитие кооперативного аппарата, а не его отбрасывание, Р.К.П. систематически должна продолжать свою политику, обязывать всех членов партии работать в кооперативах, направлять их, при помощи также профессиональных союзов, в коммунистическом духе, развивать самостоятельность и дисциплину трудящегося населения, объединяемого в кооперативы, добиваться, чтобы все население охватывалось кооперативами и чтобы эти кооперативы сливались в единый, сверху до низу охватывающий всю советскую республику, кооператив; наконец, и самое главное, чтобы преобладающее влияние пролетариата на остальные слои трудящихся было постоянно обеспечено и чтобы повсюду, испытываясь на практике разнообразные меры, облегчающие и осуществляющие переход от мелкобуржуазных кооперативов старого капиталистического типа к потребительным коммунам, руководимым пролетариями и полупролетариями.

#### В области денежного и банкового дела.

14. Избегнув ошибки Парижской Коммуны, Советская власть в России сразу захватила государственный банк, перешла затем к национализации частных коммерческих банков, приступила к объединению национализированных банков, сберегательных касс и казначейств с государственным банком, создавая таким образом остов единого народного банка советской республики и превращая банк из центра экономического господства финансового капитала и орудия политического господства эксплуатато-

ров в орудие рабочей власти и рычаг экономического переворота. Ставя своей целью дальнейшее последовательное доведение начатой Советской властью работы до конца, Р.К.П. выдвигает на первый план следующие принципы:

1) монополизация всего банковского дела в руках советского государства;

2) радикальное изменение и упрощение банковских операций путем превращения банковского аппарата в аппарат единого образного учета и общего счетоводства советской республики. По мере организации планомерного общественного хозяйства, это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества.

15. В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным. При таком положении буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. Опираясь на национализацию банков, Р.К.П. стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготавливающих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек; замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.

### В области финансов.

16. В эпоху начавшегося обобществления экспроприированных у капиталистов средств производства, государственная власть перестает быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственным процессом: она начинает превращаться в организацию, непосредственно выполняющую функции управления экономикой страны, и постольку же государственный бюджет становится бюджетом всего народного хозяйства в целом.

При этих условиях сбалансирование доходов и расходов осуществимо лишь при правильной постановке государственного планомерного производства и распределения продуктов. Что же касается покрытия непосредственных государственных расходов в переходную эпоху, то Р.К.П. будет отстаивать переход от системы контрибуций с капиталистов, которая была исторически

необходимой и законной в первое время социалистической революции, к прогрессивному подоходному и поимущественному налогу. А поскольку этот налог переживает самого себя в силу широко проведенной экспроприации имущих классов, покрытие государственных расходов должно покоиться на непосредственном обращении части доходов от различных государственных монополий в доход государства.

### В области жилищного вопроса.

17. Стремясь к разрешению жилищного вопроса, особенно обостренного в период войны, Советская власть экспроприровала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским советам; произвела массовое вселение рабочих из окраин в буржуазные дома; передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет государства; приступила к обеспечению рабочих семей мебелью и т. п.

Задача Р.К.П. состоит в том, чтобы, идя по вышеуказанному пути и отнюдь не задевая интересов некапиталистического домовладения, всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс; к уничтожению скученности и антисанитарности старых кварталов, к уничтожению негодных жилищ, к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к рациональному расселению трудящихся.

### В области охраны труда и социального обеспечения.

С установлением диктатуры пролетариата впервые создалась возможность осуществить полностью программу-минимум социалистических партий в области охраны труда.

Советская власть в законодательном порядке провела и в „Кодексе Законов о Труде“ закрепила: 8-ми часовой рабочий день для всех трудящихся, как максимальное рабочее время, при чем для лиц, недостигших 18-тилетнего возраста в особо вредных отраслях производства, а равно для горнорабочих, занятых под землей, рабочий день не должен превышать 6 часов; 42-часовой еженедельный непрерывный отдых для всех трудящихся;

запрещение сверхурочных работ, как общее правило; запрещение пользоваться трудом детей и подростков в возрасте до 16 лет; запрещение ночного труда и труда в особо вредных отраслях, а равно и сверхурочных работ всем лицам женского пола и лицам мужского пола, не достигшим 18-летнего возраста; освобождение женщин от работ в течение 8-ми недель до и 8-ми недель после родов с сохранением полного заработка за все это время при бесплатной врачебной и лекарственной помощи с предоставлением работницам через каждые три часа не менее получаса на кормление ребенка и выдаче кормящим матерям дополнительного пособия; инспекцию труда и санитарную инспекцию, избираемую советами профессиональных союзов.

Советская власть провела в законодательном порядке полное социальное обеспечение всех трудящихся, не эксплуатирующих чужого труда, от всех видов потери трудоспособности и—впервые в мире—от безработицы за счет нанимателей и государства, при полном самоуправлении обеспечиваемых и при широком участии профессиональных союзов.

Более того, Советская власть в некоторых отношениях пошла далее программы-минимум и установила в том же „Кодексе Законов о Труде“ участие рабочих организаций в решении вопросов о найме и увольнении; месячный отпуск с сохранением содержания для всех трудящихся, проработавших непрерывно не менее одного года; государственное урегулирование заработной платы на основе тарифов, вырабатываемых проф. союзами; определенные органы, именно отделы распределения и учета рабочей силы при советах и профессиональных союзах, обязанные предоставлять работу безработным

Но крайнее разорение, вызванное войной, и натиск мирового империализма, принудили Советскую власть сделать ниже следующие отступления: допустить применение в исключительных случаях сверхурочных работ, ограничив их 50 днями в году; разрешить труд подростков от 14 до 16 лет, ограничив их рабочий день 4 часами; временно предоставить взамен месячного отпуска двухнедельный; увеличить продолжительность ночных работ до 7 часов.

Р.К.П. должна вести широкую пропаганду за активное участие самих трудящихся в энергичном проведении всех мероприятий в области охраны труда, для чего необходимо:

1) Усилить работу по организации и расширению инспекции труда, путем подбора и подготовки для этой цели активных работников из среды самих рабочих и по распространению ее на мелкую и домашнюю промышленность;

2) распространить охрану труда на все виды труда (строительных рабочих, сухопутно-водный транспорт, прислугу и сельскохозяйственных рабочих);

3) окончательно снять с работ малолетних и провести дальнейшее сокращение рабочего дня для подростков.

Кроме того, Р.К.П. должна поставить себе задачей установить:

1) в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный 6-тичасовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд и при обязательстве трудящихся сверх того уделять два часа без особого вознаграждения теории ремесла и производства, практическому обучению технике государственного управления и военному искусству;

2) введение поощрительной системы вознаграждения за повышение производительности труда.

В области же социального обеспечения Р.К.П. стремится организовать широкую государственную помощь не только жертвам войны и стихийных бедствий, но и жертвам ненормальностей общественных отношений, ведет решительную борьбу со всякого рода паразитизмом и тунеядством и ставит своей задачей вернуть к трудовой жизни каждого, выбитого из трудовой колеи.

### В области охраны народного здоровья.

В основу своей деятельности в области охраны народного здоровья, Р.К.П. полагает прежде всего проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих целью предупреждение развития заболеваний. Диктатура пролетариата уже дала возможность провести в жизнь целый ряд оздоровительных и лечебных мероприятий, неосуществимых в рамках буржуазного общества: национализацию аптечного дела, крупных частно-предпринимательских лечебных учреждений, курортов, трудовую повинность медицинских рабочих сил и т. п.

В соответствии с этим Р.К.П. ставит своей ближайшей задачей:

1) решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся, как-то:

а) оздоровление населенных мест (охрана почвы, воды и воздуха),

б) постановка общественного питания на научно-гигиенических началах,

в) организация мер, предупреждающих развитие и распространение заразных болезней,

г) создание санитарного законодательства;

2) борьбу с социальными болезнями (туберкулезом, венеризмом, алкоголизмом и т. д.);

3) обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1)</sup> «Письмо американским рабочим» 20 августа 1918 г. — см. XV том стр. 403.

<sup>2)</sup> *Самуэль Гомперс*—см. том XV прим. 218.

<sup>3)</sup> *Карл Рентер*—см. том XVII прим. 21.

<sup>4)</sup> *Коммунистическое движение в Польше* развивалось в тесной зависимости от русского рабочего движения. Социал-демократия Польши и Литвы (П. С.-Д.), предшественница польской коммунистической партии. в годы царизма находилась в организационной связи с русской большевистской фракцией и с лево-радикальным крылом германского социал-демократического движения. В период революции 1905 г. и в последующие за ней годы польские с.-д. солидаризировались с тактикой и оценкой революционных задач русскими большевиками, поддерживая их на партийных съездах и конференциях. На Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П. 1907 г. российские меньшевики были разбиты соединенным блоком большевиков, поляков и латышей при энергичном содействии Розы Люксембург, участвовавшей на съезде в качестве делегата П. С.-Д. Ряд выдающихся работников польской партии до настоящего времени работает в Р. К. П. (Держинский, Карл Радек, Мархлевский и ряд других). Точно так же выдающиеся вожди левой немецкой социал-демократии, Роза Люксембург и Лео Тышко (Лев Иогихес—см. том XIV прим. 74), основоположники германского коммунизма, принимали участие в польском рабочем движении. Таким образом, польская коммунистическая партия является одной из старейших организаций III Интернационала.

*Коммунистическая Партия Латвии*, подобно польской партии, в лице левого крыла латышской социал-демократии, составляла до революции часть Р. С.-Д. Р. П. и примыкала в основных вопросах тактики к русским большевикам. Латышский городской и сельский пролетариат сыграл выдающуюся роль в революции 1905 г., вступив в открытую вооруженную борьбу с русским царизмом и немецкими баронами, вследствие чего понадобился ряд кровавых карательных экспедиций для подавления рабочих и крестьянских восстаний в Латвии. Империалистическая война и немецкая оккупация обескровили латышский пролетариат вследствие принудительных эвакуаций промышленных предприятий, произведенных цар-

ским правительством. Десятки тысяч рабочих Латвии вместе со своими предприятиями были эвакуированы в Москву и Петербург, где сыграли видную роль в революционной борьбе 1917 г. и последующих лет, активно сражаясь на гражданских фронтах и участвуя в советском строительстве. Тем не менее, влияние коммунистов в Латвии не было ослаблено, и в начале 1919 г. латышским рабочим и крестьянам удалось, хотя и на короткий срок, при содействии Красной армии и латышских стрелковых дивизий организовать Советскую Социалистическую республику Латвии. 13 января 1919 года первый съезд рабочих, безземельных крестьян и красных стрелков Латвии утвердил Советское правительство, составленное из членов коммунистической партии. Победа контр-революции, достигнутая соединенными силами германских войск, немецких баронов, латвийской буржуазии, Антанты и русских белогвардейцев, сопровождалась разгромом вышедших из подполья организаций коммунистической партии и кровавыми расстрелами рабочих. Однако, вынужденная уйти в подполье, коммунистическая партия быстро восстановила свое влияние, почти целиком подчинив себе профессиональное движение латышского пролетариата.

*Пролетарская революция перекинулась к началу 1918 г. в Финляндию*, охватив большую часть страны, однако восставший пролетариат натолкнулся на сильнейшее сопротивление буржуазии, которая ответила гражданской войной. Немецкая оккупация решила борьбу в пользу финской буржуазии, начавшей к тому времени ослабевать, и восстание пролетариата было подавлено жестокими репрессиями, большая часть участников принуждена была эмигрировать в советскую Россию, остальные были расстреляны или заключены в тюрьмах (см. том XV прим. 56). Несмотря на репрессии, в конце августа 1918 г. состоялся съезд левых социал-демократических организаций Финляндии, на котором было постановлено организовать финляндскую коммунистическую партию, выбран Ц. К. и с 1 сентября новая партия приступила к работе, строя свои организации как среди финских эмигрантов в России, так и внутри страны, действуя в условиях жестокого подполья.

*Венгерская коммунистическая партия*, подобно финским коммунистам, родилась в огне гражданской войны. Первые коммунистические организации были созданы в 1918 г. в Будапеште вернувшимися из России военнопленными, обогащенными опытом пролетарской революции. Движение встретило живой отклик в рабочих массах, которые легко восприняли коммунистическую программу. Возрастающий успех коммунистов вынудил мелко-буржуазное правительство графа Карольи применить репрессии к коммунистам, арестовав 22 февраля 1919 г. вождей и закрыв коммунистическую «Красную Газету». Став у власти 21 марта 1919 г., венгерская коммунистическая партия допустила ошибку, объединившись с социал-демократами, за что ей пришлось после 4 августа, когда пала Венгерская советская республика (см. прим. 94), понести тяжелую расплату, поплатившись расстрелом многих тысяч своих членов за измену с.-д. союзников, и перейти на нелегальное положение.

*Коммунистическая партия Германии* возникла в декабре 1918 г. на своем учредительном съезде путем слияния Союза «Спартак» (см. том XIV прим. 62) с лево-радикальными с.-д. группами и организациями, возник-

шими во время войны. Последними группами на этом же съезде, вопреки настояниям вождей спартаковцев, Р. Люксембург и К. Либкнехта, был проведен бойкот национального собрания (см. прим. 179), что, после январского 1919 г. поражения берлинского пролетариата (см. прим. 23), чрезвычайно задержало рост партии, закрыв перед нею на долгое время легальную арену политической борьбы. Ц. К. принужден был перенести временно свою деятельность из Берлина в Лейпциг и лишь Общегерманская конференция во Франкфурте на Майне в марте 1919 г. помогла восстановить разрушенные январским разгромом организационные связи. Спор о парламентаризме осложнился вскоре новыми спорами о старых профессиональных союзах и лозунгом «вон из профсоюзов», выдвинутым некоторыми «левыми» элементами (см. прим. 75) и закончился выделением Рабочей Коммунистической Партии Германии, стоявшей за бойкот парламентов, уход из профессиональных союзов и некоторые формы «прямого действия» в его анархистском понимании. Коммунистическая Рабочая Партия после ряда попыток к соглашению была исключена из Коммунистического Интернационала, и коммунистическая партия вернулась к парламентаризму в его революционном понимании и в 1920 г. участвовала на общереспубликанских выборах. На партийтаге в Галле 17 октября 1920 г. большинство независимой с.-д. партии Германии применяло «21 условие» II Конгресса Коминтерна вступления в Интернационал и слилось с коммунист. партией, образовав Объединенную Коммунистич. Партию Германии (см. том XVII прим. 212).

*Коммунистическая партия Голландии* является преемницей лево-радикальной с.-д. партии, организованной 14 марта 1909 г. исключенными из официальной партии левыми (Вайнкуп, Гортер, Иртон, Равейнстейн, Паннекук и примыкающая к ним Роланд-Гольст), основавшими газету «Трибуна» («трибунисты»), ставшую позднее центр. органом коммун. партии. В годы войны «трибунисты» вели антимилиитаристскую агитацию в массах, организовали ряд кампаний в защиту Советской России и примкнули к Коминтерну в 1919 г., сейчас же после его образования.

<sup>5</sup>) *Союз «Спартак» и Карл Либкнехт*—см. том XIV прим. 64.

<sup>6</sup>) *Роза Люксембург*—см. том XIV прим. 64.

<sup>7</sup>) *Клара Цеткин*—см. том XV прим. 145.

<sup>8</sup>) *Франц Меринг*—см. том XV прим. 158.

<sup>9</sup>) *Филипп Шейдеман* родился в 1865 г. в г. Касселе в семье ремесленного мастера, в молодости работал наборщиком. Вошел в немецкую с.-д. партию 18 лет в период действия исключительного закона против социалистов. В 1895 г. редактировал провинциальный партийный орган, примыкая к Бебелевскому центру и резко выступая против ревизионизма. В 1903 г. был избран в рейхстаг от г. Золингена и вскоре занял выдающееся положение в парламенте. В 1912 г. вошел в Ц. К.; в том же году, после крупной победы с.-д. на парламентских выборах, получивших 110 депутатских мест, был избран членом президиума фракции и вице-президентом рейхстага. С начала империалистической войны III. круто изменил политическую линию, ратировал военные кредиты и сделался лидером националистического крыла немецкой социал-демократии. Во время ноябрьской революции 1918 г. III. предпринял попытку спасти монархию, поддерживая регентство принца

Макса Баденского, а после его падения вошел в Совет Народных Уполномоченных, временное правительство «Германской Социалистической Республики», проводя в своей деятельности политику саботажа революции.

<sup>10)</sup> *Зюдехум*—один из вождей германской с.-д. партии большинства (шейдемаповцев).

<sup>11)</sup> *Пьер Рендель*—см. том XIV прим. 37.

<sup>12)</sup> *Э. Вандервельде*—см. том XIV прим. 76.

<sup>13)</sup> *А. Гендерсон*—тред-юнионист, лидер Британской рабочей партии и член парламента, деятель II Интернационала. Во время империалистической войны входил в коалиционное (консерваторы и либералы) министерство Ллойд-Джорджа, в 1917 г. был принужден, однако, выйти в отставку, так как неосторожно высказался за созыв социалистической (II Интернационала) конференции в Стокгольме, имевшей целью подготовить мирные переговоры воюющих держав путем соглашения, чем раздражил английскую буржуазию, жаждавшую «полной победы». Правый социал-соглашатель и шовинист.

<sup>14)</sup> *Садней и Беатриса Уэбб*—см. том XIV прим. 318.

<sup>15)</sup> *Президент Соединенных Штатов Вильсон* в конце империалистической войны выдвинул в качестве основных принципов мирного договора «14 пунктов», в которых демократическими фразами была искусно прикрыта империалистическая сущность домогательств союзников. Среди выдвинутых Вильсоном «принципов мира» фигурировал, как результат разгрома «германского империализма», «союз наций»—идея, позднее реализованная Версальским договором в качестве «Лиги Наций», явившейся на деле империалистическим союзом держав-победительниц. Далее Вильсон требовал «признания права наций на самоопределение», понимая под таким раздел Австрии и Турции, выделение Чехии, Венгрии, Польши, Югославии, раздачу «мандатов» Лигой Наций великим державам на управление различными кусками турецкой территории, конфискацию германских колоний и т. п. Одним из главных пунктов, выдвинутых Вильсоном, было признание обязанности Германии восстановить разоренные войной области Франции и Бельгии (позднейшие «репарации», замаскированная форма контрибуции), а также демагогическое требование низложения Вильгельма и суда над ним и его генералами, как «виновниками войны». Либеральной частью европейской буржуазии и соглашательскими партиями II Интернационала «14 пунктов» были приняты, как образец «демократизма», и «вильсонизм» рекламировался ими, как новая сила, способная обновить разоренную войной Европу. Российские меньшевики и эс-эры, поддерживая атлантовскую интервенцию в России, видели в вильсоновской декларации гарантию бескорыстия Антанты и ее демократизма.

<sup>16)</sup> *Мак-Лин*—см. том XIV прим. 211.

<sup>17)</sup> *Е. Дебс*—см. том XV прим. 170.

<sup>18)</sup> *Лорно*—см. том XIV прим. 16.

<sup>19)</sup> *Константин Ладзари*—член итальянской социалистической партии, центрист, сторонник Сerratи.

<sup>20)</sup> *Г. Сerratи*—вождь итальянской социалистической партии, редактор миланского издания «Avanti».

В годы войны, вследствие некоторых особых причин, итальянская партия в целом, за исключением части правого реформистского крыла, заняла интернационалистскую позицию. Серрати шел во главе движения. Официальное предложение о созыве Циммервальдской международной конференции исходило от итальянцев. С образованием III Интернационала итальянская партия примкнула к последнему. На II конгрессе Коминтерна Серрати стоял во главе итальянской делегации и входил в президиум конгресса, но через полгода на конгрессе итал. соц. партии в Ливорно отказался, однако, подчиниться одному из «Московских» условий, требовавших безоговорочного разрыва с реформистами (Турати, Модильяни, Тревес и др.). За Серрати пошел весь центр. Исполком Коминтерна исключил итал. соц. партию из Интернационала. Коммунисты (Бомбаччи, Дженари, Бордига и др.) образовали итальянскую коммунистическую партию. Серрати и его группа продолжали оставаться с ревизионистами, однако под давлением рабочих низов и фашистского контр-революционного движения постепенно эволюционировали влево, высказавшись в 1923 г. за подчинение «21 условию» II конгресса Коминтерна и за принятие его тактики. На IV конгрессе Коминтерна центристы во главе с Серрати взяли на себя обязательство на ближайшем конгрессе итал. соц. партии провести безоговорочное присоединение к Коммунистическому Интернационалу и объединение с итал. комм. партией, вследствие чего С. подвергся аресту по приказанию фашистского министра Муссолини по обвинению в государственной измене.

<sup>21)</sup> *Виктор Бергер*—см. том XIV прим. 44.

<sup>22)</sup> *Карл Каутский*—см. том XIV прим. 45.

<sup>23)</sup> *Ливарское восстание 1919 г. берлинских рабочих и солдат* было вызвано дружественной по отношению к буржуазии и враждебной к народным массам политикой социал-демократического правительства Эберта-Шейдемана. Непосредственным толчком к движению послужил приказ об отставке начальника берлинской полиции, независимого с.-д. Эйхгорна. Берлинские рабочие ответили массовыми демонстрациями. Через день движение вылилось во всеобщую забастовку с лозунгом: «долой правительство Эберта-Шейдемана», а также в захваты редакций буржуазных газет и социал-демократического шейдемановского «Vorwärts». Во главе движения стал революционный комитет в составе К. Либкнехта, Ледбура и Шольце, руководивший массами при поддержке «спартаковцев» и берлинской организации независимых. С целью выиграть время, с.-д. правительство пошло на переговоры о соглашении, которые тянуло в течение четырех дней и, подготовив военную силу, внезапно их оборвало. Из Килия был вызван Носке, который из монархического офицерства и из унтер-офицерских кадров старой армии организовал вне Берлина ударный кулак, подкрепив его белогвардйскими студенческими отрядами. Одновременно организовался добровольческий «полк Рейхстага» из буржуазной молодежи. Правительственные войска вступили в Берлин 11 января и применили против рабочих все виды современного оружия вплоть до танков и минометов, закончив усмирение массовыми расстрелами и арестами.

*Карл Либкнехт и Роза Люксембург*, также подвергшиеся аресту, 15 января были убиты офицерами, конвоировавшими их, по дороге в тюрьму. Похороны их, состоявшиеся через несколько дней, ввели в качестве

участников процессии сотни тысяч рабочих. Военный суд, судивший убийц, оправдал их «за недоказанностью».

24) *Фридрих Эберт* (род. в 1871 г.)—один из руководителей официальной немецкой с.-д. партии, деятель профессионального движения, в годы войны социал-патриот и гаситель революционного движения германского пролетариата, после 9 ноября 1918 г. один из шести членов Совета Народных Уполномоченных, временного правительства Германской республики, позднее ее президент, получивший в 1922 г. продление своих полномочий без новых выборов простым вотумом буржуазного парламента.

25) *3—5 июля 1917 года*—см. том XIV прим. 167.

26) *Рабочий Воинов*, распространявший «Листок Правды» в Петербурге в июльские дни 1917 года, был убит на улице казаками и юнкерами. «Правда» была закрыта по распоряжению правительства Керенского и ее типография разгромлена, машины изломаны и шрифт рассыпан.

27) *2 августа 1918 г. англичане высадили десант в Архангельске*, еще раньше английские войска овладели Мурманским побережьем и берегами Белого моря. Под защитой десанта в Архангельске было образовано «Северное правительство» во главе с социалистами-революционерами, не имевшее реальной власти и вынужденное подчиняться воле английского командования и русского белогвардейского офицерства. В сентябре офицерами был произведен государственный переворот; социалисты-революционеры, члены правительства, бежали в Сибирь. Власть перешла в руки кадетов и народного социалиста Чайковского, ставшего во главе белого правительства.

Английский десант и русские белогвардейские отряды захватили большую часть Архангельской губ. и пытались овладеть Вологдой, но красные войска Северного фронта остановили их движение и, после затяжной и тяжелой борьбы, вытеснили к концу 1919 г. из захваченной области. Англичане принуждены были эвакуироваться, Чайковский и члены правительства бежали в Англию на ледоколе.

28) *Пермь*, захваченная белыми к концу лета 1918 г., находилась под властью Колчака до 1 июля 1919 г., когда была освобождена Красной армией.

*Оренбург*, первоначально захваченный атаманом Уральских казачьих войск Дутовым (см. том XV прим. 59), в январе 1919 г. входил в общий колчаковский фронт и был освобожден Красной армией 21 января 1919 г.

29) *Ростов на Дону*—центр южной контр-революции и столица белогвардейских генералов, сменявших друг друга в следующем порядке: Каледин, Корнилов, Алексеев (антантовская ориентация), Краснов (германская ориентация) и Деникин (антант. ориентация). Город, захваченный белыми с момента октябрьской революции 1917 г., был временно возвращен советскими войсками с января по февраль 1918 г. и окончательно очищен Красной армией от деникинцев 8 января 1920 г.

30) *Баку* пережил последовательно ряд иностранных оккупаций и белогвардейских властей. Преданный дашнаками и Бичераховым, он подпал под кратковременную власть англичан, которую вскоре сменила турецкая оккупация, уступившая место позднее национальному правительству буржуазно-феодальной татарской партии Мусават, находившемуся в полном подчинении Англии. Баку был освобожден восстанием рабочих и Красной армией 28 апреля 1920 г. (подробнее см. том XV прим. 164).

*Астабад и Красново ск* при поддержке русских эс-эров и белогвардейцев были захвачены англичанами в 1918 г., оккупировавшими эти города под предлогом противодействия немецко-турецкой оккупации Кавказа и юго-востока России, и были освобождены Красной армией—первый—11 августа и второй—25 декабря 1919 г. Соединение Туркестанского советского оазиса, отрезанного сначала чехс-словаками, а позднее Колчаком от советской России, и установление прямой железнодорожной связи последовало 13 сентября 1919 г.

<sup>31)</sup> *Рига* была захвачена Германией летом 1917 г. при попустительстве части русского генералитета, желавшего угрозой немецкого прорыва на Петербург терроризовать революцию. Брестский мир укрепил немецкую оккупацию до окончания империалистической войны на западном фронте. Германская революция 1918 г. освободила от немецкого захвата Украину и Прибалтийские области. В Эстонии и Латвии началось советское восстание, поддержанное Красной армией. 20 декабря Ревель и 27 декабря Рига стали Советскими. Образовались Эстонская и Латвийская Советские Социалистические Республики. Однако Красная армия, отражавшая на востоке Колчака и на Дону Деникина, не могла уделить достаточно сил для помощи молодым братским республикам. Латышский пролетариат был дезорганизован и распылен империалистической войной и связанными с ней многократными эвакуациями заводов, поэтому Рига, точно так же, как и Ревель, были вскоре утрачены и на месте советских республик образовались «демократически» Латвийская и Эстонская республики, находившиеся в состоянии войны с Советской Россией до 1920 года.

<sup>32)</sup> *Харьков*, оккупированный вместе со всей Украиной немцами весной 1918 года после Брестского мира, находился под властью сначала Киевской Рады (Петлюра, Голубович и Винниченко), а после ее падения перешел в руки «Всеукраинского гетмана» Скоропадского (см. том XV прим. 49 и 134). Ноябрьская революция в Германии заставила Германию эвакуировать свои войска из Украины, Красная армия победоносно, не встречая на своем пути серьезного сопротивления, при поддержке рабочих и крестьян в короткий срок очистила Украину как от остатков Скоропадчины и петлюровских банд, так и от французского десанта в Одессе. Советская власть в Харькове была восстановлена 3 января 1919 г., в Одессе—7 апреля. 6 марта 1919 г. в Харькове собрался Всеукраинский Съезд Советов, провозгласивший Украинскую Советскую Социалистическую Республику.

<sup>33)</sup> *Резолюция II Всероссийского съезда профсс. союзов*, решительно отрицая «независимость» профессионального движения, намечала постепенное сближение профессиональных союзов с государственными органами («огосударствление профсоюзов»), передачу им некоторых государственных функций (в области управления промышленностью и охраны труда) и проч., не упуская из вида в то же время общих воспитательно-организационных целей профессиональной работы.

<sup>34)</sup> *На заседании В. Ц. И. К. 17 января 1919 г. Н. Ленин произнес речь «о продовольствии и транспорте»*. Архив В. Ц. И. К. не сохранил стенографической или секретарской записи его речи. В советской печати также не имеется полного отчета этого заседания. «Правда» в № 12 от 18 января

1919 г. дала следующую хроникерскую заметку, кратко и местами неясно излагающую речь Н. Ленина:

«Наша продовольственная политика характеризуется тремя главными актами: образованием комитетов бедноты, декретом об использовании кооперации и созданием рабочих продовольственных организаций.

«Очертив значение каждого из этих шагов, тов. Ленин указывает, что на т.т. продовольственников ложится самая тяжелая задача, так как Советская Россия представляет собою сейчас осажденную страну, крепость, в которой нужда неминуема. Нашими врагами являются сейчас спекулянты и бюрократы: стремление превратиться в спекулянта приходится наблюдать и у рабочих фабрично-заводских центров. В массах, которые слишком устали, изголодались и истрадались, растет чувство возмущения против товарищей, работающих в продовольственном деле. Между тем они не понимают, что продовольственники поступают, как расчетливые, разумные хозяева, ибо положение страны таково, что лишь при самой большой строгости и организованности мы можем продержаться с крайне ограниченной, но не доходящей до голода нормой. Люди, истрадавшие от голода, требуют, чтобы мы, хотя время от времени, отступали от своей продовольственной политики. И нам приходится изредка отступать, но в целом мы от своей политики не отойдем. Когда мы выдвигали полуторачульничество, мы имели в виду хотя бы временно спасти силу и бодрость духа рабочих. Успех первого года нашей работы дал нам возможность передышки, но она приходит к концу, и мы накануне нового тяжелого полугодия. Но каждое из этих полугодий приближает нас к победе не только русской, но и всемирной революции. Вот почему фракцией коммунистов решено выдвинуть на утверждение Ц. И. К. проект основного положения продовольственной политики.

«Оратор по пунктам читает это предложение, подвергая разъяснению отдельные места. Так, он останавливается на подчеркнутой необходимости поужать к выполнению декрета, на необходимости говорить, что Советская власть знает только воспользоваться аппаратом кооперации и одно средство борьбы—обращение к рабочим. Передовые слои рабочих уже взяли за дело государственного управления, они еще не обучены, они будут делать ошибки, но каждая ошибка вознаградит сторицей.

«Далее тов. Ленин обращается к тяжелому состоянию транспорта. Здесь оратор видит единственный выход из положения: необходимо послать на транспорт лучших работников, чтобы все были на ответственных постах—военных, продовольственных и транспортных.

«Товарищи,—заканчивает оратор,—я повторяю еще раз этот лозунг: все на продовольствие и транспорт. Я уверен, что и в это тяжелое полугодие мы опять-таки добьемся того, что победим голод и разруху».

<sup>35)</sup> *Сытной тиф* развился зимою 1919 и 1920 годов особенно сильно по линии фронтов, откуда и занесился мешечниками в глубь Советской России. Чрезвычайной силы эпидемия достигала по ту сторону белогвардейских фронтов, у Деникина, на Украине и в Крыму, и у Колчака, на Урале и в Сибири, где заболеванию подвергались сплошные массы населения.

<sup>36)</sup> *Под «победой на юге», в отличие от «победы советского восстания на Украине», в данном случае подразумевается успешная ликвидация Крас-*

вой армией красновщины, продвижение в Донскую область и освобождение Луганска, последовавшее 21 января 1919 г.

37) *Сказки о разногласиях Ленина и Троцкого* в период гражданской войны были широко распространены среди буржуазии и обывателей и порой докатывались до деревни, усиленно раздуваемые кулаческим элементом. Напротив, среди крестьян-середняков и деревенской бедноты рассказывались героические легенды. Например, среди крестьян Рязанской и Пензенской губ. в 1919 г. был чрезвычайно популярен рассказ о путешествии Ленина за хлебом, под видом мешечника с целью проверить, как живет народ. Речь Ленина на VIII съезде Р. К. П. «о работе в деревне и об отношении к крестьянину-середняку» (стр. 139—154 настоящего тома) была широко известна в деревне; листовки, на которых она была отпечатана, сохранялись с особой тщательностью и часто цитировались крестьянами на митингах и деревенских сходах.

38) *Статья «Ответ на запрос крестьянина»* вкратце формулирует взгляды И. Ленина об отношении к крестьянину-середняку, позднее развитые им в «речи о работе в деревне» на VIII съезде Р. К. П. (стр. 139—154 настоящего тома) и закрепленные в резолюции съезда (стр. 158—161).

39) *I конгресс Коммунистического Интернационала* происходил в Москве 2—6 марта 1919 г. в Кремле, в здании В. Ц. И. К., в так называемом «Митрофаньевском» зале. Начало международного организационно-коммунистических (тогда «лево-социалистических») элементов было положено на международных социалистических конференциях в Циммервальде 9—12 сентября 1915 г. и в Кинтале 24—30 апреля 1916 г. путем образования так называемой «циммервальдской левой» (см. том XIV прим. 61). 26 января 1919 г. восемь коммунистических и левсоциалистических партий и групп выпустили воззвание с предложением образовать III Коммунистический Интернационал. На его I конгрессе были представлены следующие 19 организаций с решающими голосами: коммунистическая партия Германии, Р. К. П., коммунистическая партия немецкой Австрии, коммунистическая партия Венгрии, шведская левая социал-демократическая партия, норвежская с.-д. партия, швейцарская с.-д. партия (оппозиция), американская социалистическая рабочая партия, балканская революционная федерация (болгарские «тесняки» и румынская коммунистическая партия), коммунистическая партия Польши, коммунистическая партия Финляндии, коммунистическая партия Украины, коммунистическая партия Латвии, коммунистическая партия Литвы и Белоруссии, коммунистическая партия Эстонии, армянская коммунистическая партия, коммунистическая партия немецких колоний России, объединенная группа восточных народов России, Циммервальдское левое крыло Франции; и с совещательными голосами 15 организаций: чешская коммунистическая группа, болгарская коммунистическая группа, юго-славянская коммунистическая группа, английская коммунистическая группа, голландская с.-д. партия, американская лига социалистической пропаганды, швейцарская коммунистическая группа, секции Центрального Бюро восточных народов: туркестанская, турецкая, грузинская, азербейджанская и персидская, китайская социалистическая рабочая партия, корейский рабочий союз и Циммервальдская комиссия. На конгрессе были приняты: «платформа Коммунистического Интернационала» по докладам Бухарина и германского делегата

Альберта (псевдоним); тезисы Ленина «о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре»; резолюция «об отношении к «социалистическим» речениям и к Бернской конференции», разоблачающая желтый Интернационал—по докладам Зиновьева и Платтена: тезисы Осинского «о международном положении и о политике Антанты» и следующее постановление о конституировании Коммунистического Интернационала: «Интернациональная Коммунистическая Конференция постановляет конституироваться, как Третий Интернационал, и принять наименование Коммунистического Интернационала».

<sup>40)</sup> *Комитеты заводских старост в Англии—Shop Stewards Committees*—выборные рабочие организации, возникшие во время империалистической войны в противовес профессиональным союзам, проводившим во имя победы гражданский мир и отказ от стачечной борьбы. О политических группировках в английском пролетариате в 1919 г. см. «Письмо английского коммуниста Н. Ленину» (прим. 178 настоящего тома).

<sup>41)</sup> *Бернская международная социалистическая конференция* состоялась в феврале 1919 г. и была созвана официальными партиями II Интернационала. Всего присутствовало 98 делегатов от различных стран. От участия в конференции демонстративно отказались следующие партии и группы: Российская коммун. партия, Германская коммунист. партил, Австрийская коммун. партия, Итальянская социал. партия, Венгерская коммун. партия, Швейцарская социал. партия, Болгарская соц. партия, Румынская соц. партия, Сербская соц. партия, левые соц. партии и группы Швеции, Норвегии и Финляндии, Латвийская с.-д. партия, Польская с.-д. партия и украинцы, часть англичан, ряд организаций мол одежды и женские интернац. организации. Конференция была открыта Брантингом, предложившим одновременно почтить память Жореса и приветствовать Вильсона. Главнейшими вопросами порядка дня были: 1) вопрос о виновниках войны, 2) территориальный, 3) о рабочем законодательстве и 4) отношение к русской революции. После четырехдневных страстных прений и перепалки между немцами и французами, взаимно пытавшимися перенести ответственность за войну на правительство чужой страны и за распад II Интернационала во время войны—на социалистов враждебной страны, вопрос о виновниках войны был передан в комиссию под председательством бельгийца Гюнсманса, которая вынесла компромиссную резолюцию в духе «взаимной амнистии». Такая же шовинистическая борьба между немцами и французами происходила и по вопросу об Эльзас-Лотарингии и колониях. Конференция постановила добиваться плебисцита в спорных областях под контролем империалистической Лиги Наций, которой принадлежит право окончательного решения вопроса. Конференция приняла резолюцию Каутского по колониальному вопросу, в которой признавалось, что владение и эксплуатация капиталистическими странами колоний неизбежны; задачей же социалистов является не борьба против колониальной политики, но лишь борьба за смягчение ее форм. Конференция признала необходимость борьбы за рабочее законодательство и охрану труда и выбрала делегацию на проходившую в то время конференцию держав Антанты в Париже. Делегация была принята торжественно франц. министром Клемансо и приняла участие в комиссионных работах империалистической конференции, в

результате чего франц. социал-шовинист Альбер Тома вошел в «Международное Бюро труда», созданное Лигой Наций по инициативе Вильсона. Боевым вопросом Бернской конференции явился вопрос об отношении к русской революции. Вожди II Интернационала хотели добиться ее осуждения и тем открыть дорогу империалистической интервенции. Застрельщиками выступили Каутский, Бернштейн и российские социал-предатели Аксельрод (меньшевик) и Рубанович (эс-эр). Однако образовалась оппозиционная группа, насчитывавшая до 20 делегатов (Лорио, Фроссар, Верфель, Фридрих Адлер и др.), которые заставили желтое большинство отказаться от вынесения резолюции и ограничиться проектом посылки в Россию комиссии для изучения и расследования.

Бернская конференция, первая конференция II Интернационала после войны, являлась образцом политики социал-предательства и шовинизма.

<sup>42)</sup> *Дело Дрейфуса*—см. том XV прим. 187.

<sup>43)</sup> *Хальмар Браттинг*—см. том XIV прим. 41.

<sup>44)</sup> *Всероссийская апрельская конференция - Р. С.-Д. Р. П. (большевик) 1917 года*—см. том XIV прим. 329.

<sup>45)</sup> *Рудольф Гильфердинг*—немецкий с.-д., экономист, единомышленник К. Каутского, автор книги «Финансовый Капитал», позднее один из лидеров германской независимой с.-д. партии, примыкавшей к 2½ Интернационалу и в 1922 г. объединившейся с шейдемановцами в лоне II Интернационала.

<sup>46)</sup> «Газета типографских рабочих»—орган профессионального союза рабочих полиграфического производства, находилась в руках меньшевик в. Союзы печатников и химиков — единственные профессиональные союзы, находившиеся в первые годы революции под влиянием меньшевиков и утраченные ими в 1921 г.

<sup>47)</sup> *Всероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. П. (меньшевик) 1918 г.*—1 января 1919 г. По данным «извещения» Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., присутствовало с решающими голосами 34 представителя, из которых значительная доля принадлежала бундовцам. Украина на конференции представлена не была. Главнейшие доклады были сделаны Мартовым, Даном, Череваниным, Семковским и Горевым, при чем докладчиком по некоторым вопросам выступал от правого крыла Колокольников. Конференция, собранная под впечатлением событий ноябрьской революции в Германии и аннулирования Брестского договора, сдвинулась несколько влево от обычных меньшевистских позиций. В вынесенных резолюциях имеется признание начавшейся пролетарской революции на западе и необходимости ориентации на нее; отказ и осуждение интервенционистской политики, коалиции с буржуазией, вооруженной борьбы с Советской властью и «тактический» отказ от лозунга Учредительного Собрания. Признавая участие меньшевиков в Советах и советской работе и необходимость борьбы с антантовской интервенцией, резолюции требуют «свободных выборов Советов», «восстановления свободы слова, печати, собраний, союзов и пр.», отказа Советского правительства от борьбы с теми из образовавшихся на территории России правительствам, которые являются «демократическими» (Грузия?) и т. п. Резолюция об «обеспечении партийного единства», принятая по докладу Б. П. Горева, констатирует оторванность от Ц. К. и раз-

брод местных партийных организаций, особо отмечая поддержку организациями Волжско-Уральской области Самарской уредилки и контр-революционных фронтов, участие Майского в Самарском комитете и создании Директории, коалиционную с буржуазией политику южных меньшевиков, антантовскую ориентацию и националистскую политику грузинских меньшевиков. Резолюция высказывает осуждение «группам активной борбл за восстановление независимости и демократический строй России» (меньшевики-активисты) и, под угрозой исключения из партии, требует их роспуска.

<sup>48)</sup> *Альберт* (псевдоним)—делегат Германии на I конгрессе Коммунистического Интернационала, «спартаковец».

<sup>49)</sup> *Фридрих Платтен*—см. том XIV прим. 15.

<sup>50)</sup> «*Rote Fahne*»—«Красное Знамя»—центральный орган Германской Коммунистической партии, выходит в Берлине.

<sup>51)</sup> *Декрет о земле II съезда Советов*—см. том XV стр. 21.

<sup>52)</sup> *Циммервальдская международная социалистическая конференция*—см. том XIV прим. 61.

<sup>53)</sup> *Кинтальская международная социалистическая конференция*—см. том XIV прим. 61.

<sup>54)</sup> «*L'Humanité*»—«Человечество»—в настоящее время является органом Французской коммунистической партии и выходит в Париже под редакцией Кашена. «*L'Humanité*» был основан Ж. Жоресом (см. том XIV прим. 315) и долгое время являлся единственным органом французской социалистической партии; после убийства Жореса в день объявления империалистической войны в 1914 г. редакция перешла в руки Реиоделя (см. том XIV прим 37), социал-патриота и соглашателя. После победы «центризма» во французской партии на конгрессе 1919 г. газету недолго редактировал Лонге (см. том XIV прим. 48). В 1920 г. газета перешла в руки коммунистов после их победы на Турском конгрессе.

<sup>55)</sup> *П. Лазаль*—французский социалист правого крыла.

<sup>56)</sup> *Раймонд Перика—Peric u* (в тексте ошибочно напечатано: Перите)—левый синдикалист, издававший в 1919 г. в Париже газету «Интернационал», близкую к платформе Коммунистического Интернационала, член Коминтерна.

<sup>57)</sup> *А. Гильбо*—см. том XIV прим. 17.

<sup>58)</sup> «*Avanti*»—«Вперед»—орган итальянской социалистической партии «лево-центристского» направления, редактируемый Сerratи (подробней об его направлении и колебаниях—см. прим. 20). «*Avanti*» выходил двумя днями в Милане и Турине. На конгрессе итал. соц. партии в апреле 1923 г. газета перешла в руки правого крыла партии.

<sup>59)</sup> *О политике Ленина в вопросе о Брестском мире*—см. его доклады и речи о Брестском мире в XV томе «Собрания счинений»: 1) на VII съезде Р. К. П.—стр. 123—147, 2) на IV Всеросс. съезде Советов—стр. 173—185, в Ц. К. Р. К. П.—стр. 619, а также очерк П. Овсянникова «Ц. К. Р. К. П. и Брестский мир», помещенный в XV томе стр. 619—636.

<sup>60)</sup> *Март и июль 1918 г.*—периоды наиболее серьезных кризисов русской революции. В марте 1918 г. под давлением возобновившегося немецкого наступления советская Россия принуждена была подписать тяжелейший для нее Брестский договор. Июль 1918 г.—месяц наибольшего продвиже-

тия немецких оккупационных войск на юге России (Крым, Ростов, Северный Кавказ) и нового обострения отношений с империалистической Германией, вызванного уби́ством германского посла в Москве, графа Мирбаха, совершенным левыми эс-эрами. Москва в июле, как и в марте, вновь стояла под угрозой немецкой оккупации. Измена главнокомандующего на чехословацком фронте левого эс-эра Муравьева (см. том XV прим. 223) обнажила Восточный фронт. Организованный Савинковым белогвардейский мятеж в Ярославле (см. том XV прим. 165) грозил проникновением в центральные губернии готовившегося в то время на берегах Белого моря антантовского десанта, а, следовательно, и превращением центральной России в театр военных действий между антантовскими десантами и чехо-словацким корпусом, с одной стороны, и немецкими оккупационными войсками, захватившими Украину, Финляндию и западную Россию—с другой.

<sup>61)</sup> Речь идет о борьбе с «левыми коммунистами», идейным течением среди большевиков, возникшим в 1918 г., в период споров о Брестском мире, позднее организовавшимся вокруг журнала «Коммунист» (см. том XV прим. 64) и выпустившим свои «тезисы» (см. том XV прим. 123). Критике тактических построений «левого коммунизма» Ленин посвятил «Доклад об очередных задачах Советской власти» («Собр. сочин.», том XV стр. 225). «Заключительное слово» по тому же докладу (том XV стр. 244), статьи «Очередные задачи Советской власти» (том XV стр. 193) и «О «левом» ребячестве и о мелко-буржуазности» (том XV стр. 256).

<sup>62)</sup> *Комитеты бедноты*—см. том XV прим. 157.

<sup>63)</sup> *Муравьев, главнокомандующий*—см. том XV прим. 223.

<sup>64)</sup> *Н. П. Брюханов*—член коллегии Народного комиссариата продовольствия, пинз Нар. Комиссар продовольствия.

<sup>65)</sup> *Чехо-словацкий мятеж*—см. том XV прим. 139.

<sup>66)</sup> *Немецкая оккупация Украины в 1918 г.*—см. том XV прим. 141.

<sup>67)</sup> *Генерал Краснов*—см. том XV прим. 11.

<sup>68)</sup> *Разложение германской империалистической армии*, оккупировавшей в 1918 г. Украину, началось задолго до ноябрьской революции в Германии и совершалось под влиянием революционного движения и гражданской войны в России. Ноябрьская революция ускорила уже давно начавшийся процесс, немецкие солдаты отказались сражаться с украинскими повстанцами и наступавшей от Курска Красной армией, требуя демобилизации и возвращения на родину. В большинстве воинских частей были избраны советы солдатских депутатов и полковые комитеты. Требование Антанты задержать эвакуацию немецких войск из Украины до прибытия на смену немцам сильных союзнических частей, несмотря на все настояния немецкого командного состава, не было выполнено вследствие несогласия солдатской массы, братавшейся с повстанцами и красноармейцами. Освобождение Украины от немецкой оккупации произошло почти бескровно и окончилось в течение трех месяцев. Германские оккупационные части вернулись на родину значительно революционизированными.

<sup>69)</sup> *Я. М. Свердлов*—см. том XV прим. 232.

<sup>70)</sup> *VIII Съезд Р. К. П.* состоялся в Москве 18—23 марта 1919 г. Присутствовало 403 делегата, из них с решающим голосом 305, представлявших 313.766 членов партии. На съезде были представлены 40 губерний

(220.495 членов организации), Красная армия (29.706 членов) и национальные организации: финская, литовская, латышская, белорусская и польская (63.566 чл.). Главнейшими вопросами порядка дня были: выработка партийной программы, вопросы военной политики и организации и работа в деревне. После двухлетней подготовки в печати и обсуждения в партийных организациях программных вопросов съезд выработал и утвердил новую партийную программу, послужившую образцом для программ иностранных коммунистических партий. Доклад Ленина об отношении к крестьянину-середняку, являющийся образцом марксистского анализа природы крестьянской мелкой буржуазии, послужил основой для резолюции съезда «о работе в деревне», ликвидировавшей не всегда верный подход к крестьянству местных работников и заложившей прочное основание для длительного союза городского пролетариата и среднего крестьянства, что не замедлило отразиться на дальнейшем развитии революции и ликвидации контр-революционных фронтов.

Во время вечернего заседания съезда 22 марта было получено радио о советской революции в Венгрии, что вызвало у делегатов взрыв энтузиазма. Съезд избрал Ц. К. из 19 членов в след. составе: Белобородов, Бухарин, Дзержинский, Евдокимов, Зиновьев, Калинин, Каменев, Крестинский, Ленин, Муранов, Радек, Раковский, Серебряков, Смилга, Сталин, Стасова, Стучка, Томский, Троцкий.

<sup>71)</sup> *Конференция на Принцевых островах* (в Мраморном море) проектировалась некоторыми державами Антанты для разрешения «русского вопроса». 23 января 1919 г. было получено Советским правительством радио, предлагавшее всем фактическим правительствам, существовавшим тогда на территории бывшей Российской империи, прислать своих представителей на Принцевы острова, чтобы под руководством Антанты выработать меры к прекращению гражданской войны. Советское правительство отвечало нотой от 4 февраля, изъявляя свое согласие не только на переговоры с местными белогвардейскими правительствами, но и соглашаясь признать денежные займы царского правительства и предоставить концессии иностранному капиталу. Правительства Колчака, Деникина и других белогвардейцев от всяких переговоров с советской Россией отказались и дальнейшей дипломатической переписки о «Принцевых островах» не последовало.

<sup>72)</sup> *Ф. Э. Дзержинский*—один из старейших деятелей польской социал-демократии, член Центр. К-та П. С.-Д. На Лондонском съезде Р.С.-Д.П.(1907г.) был избран членом обще-русского Ц. К. В с.-д. движении принимает участие с начала 90-х годов. В первый раз был арестован в 1897 г. в Ковно и выслан на три года в Витскую губ., откуда бежал. В 1900 г. вновь был арестован в Варшаве и выслан на 5 лет в Вилуйск. Вновь бежал и вновь арестован в 1905 г., но вскоре революция вернула ему свободу. Подвергался новым арестам в 1907 и 1908 г.г. и был приговорен судом к поселению, но, водворенный в Енисейскую губ., бежал оттуда в 1909 г. Последний раз подвергся аресту в 1912 г. и был приговорен к 9 годам каторги, которую отбывал в Орловском центре и в Бутырьках, откуда его освободила февральская революция. На апрельской конференции 1917 г. вошел в состав Ц. К., членом которого состоит непрерывно до настоящего времени. Председатель

В. Ч. К. и Г. П. У. с октябрьской революции и народный комиссар путей сообщения и внутренних дел.

<sup>73)</sup> Заседание Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) 10 октября 1917 г. было посвящено вопросу о восстании и о взятии власти. Боролись два резко противоположных течения. Архивы Ц. К. Р. К. П. сохранили не вошедшую в XIV том «Собр. суждений» конспективную запись речи Ленина, настаивавшего на скорейшей организации восстания:

«Слово получает... (в протоколе фамилия Н. Ленина опущена по конспиративным соображениям). Констатирует, что с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это не допустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса. Теперь уже, по видимому, время значительно упущено. Тем не менее, вопрос этот стоит очень остро и решительный момент близок. Положение международное таково, что инициатива должна быть за нами. То, что затевается со сдачей Нарвы и сдачей Питера, еще больше вынуждает нас к решительным действиям. Политическое положение также внушительно действует в эту сторону. 3—5 июля решительные действия с нашей стороны разбились бы о то, что за нами не было большинства. С тех пор наш подъем идет гигантскими шагами. Абсентеизм и равнодушие масс можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций. Большинство теперь за нами. Политическое дело совершенно созрело для перехода власти. Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические силы, чтобы притушить это движение. Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян. Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело. Между тем мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха. Ждать до Учредительного Собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу. Областным съездом \*) и предложением из Минска \*\*) надо воспользоваться».

После продолжительных прений Ц. К. решил «взять курс на восстание», избрал Политическое Бюро из 7 членов и принял следующую резолюцию, предложенную Лениным: «Ц. К. признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К\* сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах,—все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, ясное подготавливание второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками

\*) Речь идет о Олезде Сове оз Северной области, созванном 20 октября 1917 г.

\*\*, Минская большевистская организация, имевшая сильное влияние на солдат, предлагала Ц. К. организованный захват штаба Западного фронта, находившегося в Минске.

и пр.)—все это ставит на очередь дня вооруженное восстание. Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, Ц. К. предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (Съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)».

Протоколы заседания Ц. К. 10 октября 1917 г. со значительными пропусками опубликованы в № 10 журнала «Пролетарская Революция» 1922 г., стр. 460—465.

<sup>74)</sup> *С. ольный институт благородных девиц* был предоставлен правительством Керенского для помещения Ц. И. К. советов рабочих и солдатских депутатов первого созыва. II съезд Советов 25—26 октября 1917 г., организовавший Советскую власть, состоялся в Смольном. Выделенный им В. Ц. И. К. продолжал оставаться в Смольном и руководил, оттуда советской работой вплоть до переезда правительства в Москву (в Кремль) 12 марта 1918 года («Смольный период» и «Кремлевский период»).

<sup>75)</sup> *Выход из старых профессиональных союзов*, захваченных шейдемановцами и профсоюзными бюрократами типа Легина (см. том XVII прим. 100), всеми мерами саботировавшими революционную борьбу пролетариата, был весьма популярен в 1919 г. в коммунистической партии Германии и особенно горячо отстаивался так называемой «принципиальной оппозицией», отколовшейся от партии в 1920 г. и образовавшей коммунистическую рабочую партию Германии. Оппозиция, не надеясь преодолеть засилье шейдемановцев в старых профессиональных союзах, агитировала за образование «Всеобщего Рабочего Союза» (Allgemeine Arbeiter Union), долженствующего включить в себя «всех революционных пролетариев» и даже «всех пролетариев». Коммунистическая партия Германии вскоре преодолела эту «детскую болезнь левизны». См. статью П. Ленина того же названия, напечатанную в XVII томе «Собран. сочин.».

<sup>76)</sup> *А. Д. Цюрюпа* род. в 1870 г., по профессии агроном и статистик; начал работать в марксистских кружках на юге в половине 90-х годов, но вскоре подвергся административной высылке в Симбирск. губ.; позднее работал в Уфе, Харькове, Туле и др. городах, примыкая сначала к искровцам, затем к большевикам. Был арестован в Тамбовской губ. в 1903 г. и выслан в Олоецкую губ., откуда возвратился по амнистии 1905 г. Позднее работал в Уфимск. губ. После октябрьской революции несколько лет руководил продовольственным снабжением республики, будучи народным комиссаром продовольствия; в настоящее время состоит заместителем председателя Совета народных комиссаров.

<sup>77)</sup> *Крестьянская политика Р. К. П.* изменялась в течение революции в зависимости от политической обстановки и носила в значительной части компромиссный характер, преследуя свою главную цель—укрепление союза городского пролетариата с деревней. Декрет о земле 26 октября 1917 г. ликвидировавший остатки феодальных отношений в деревне и национализировавший всю землю, в виде уступки средним («трудовым») слоям крестьянства проводил «социализацию» земли, заимствовав последнюю из эс-эровской программы. Обострившийся продовольственный кризис в городах и содействие хлебной монополии кулаческих элементов повели к об-

разованию комитетов бедноты, созданных для усиления пролетарского влияния в деревне и проведения разверстки. Комбеды, вследствие отсутствия в деревне дисциплинированных пролетарских элементов, не могли не обострить отношений с крестьянами-середняками и, когда наладившийся продовольственный аппарат взял проведение разверстки в свои руки, были заменены волостными и сельскими советами. Заключенный 26 октября 1917 г. союз города и деревни с упразднением комбедов был вновь укреплен той линией крестьянской политики, которую Н. Ленин провел на VIII съезде Р. К. П. (см. «речь о работе в деревне» и резолюцию о том же). Затянувшаяся гражданская война и антановская интервенция вызвали сельско-хозяйственный кризис. Хлебная монополия при отсутствии снабжения деревни фабрикатами вследствие промышленной разрухи в городах оказалась тягостной для крестьянского середняка и была заменена в 1921 г. натуральным продовольственным налогом. Пролетариат пошел еще раз на сознательную уступку мелко-буржуазной деревне в целях укрепления союза с крестьянином-середняком. Декрет о земле II съезда Советов, а также VIII, X и XII съезды Р. К. П. являются основными вехами крестьянской политики Р. К. П., построенной на принципе проведения наиболее выгодного для пролетариата при данных условиях соглашения с деревней.

<sup>78)</sup> *Речь Ленина «о мелко-буржуазных партиях»* была произнесена на собрании партийных работников Московской организации 27 ноября 1918 г.—см. том XV стр. 567—580.

<sup>79)</sup> *Издательство «Коммунист»* возникло в 1918 году в Москве и являлось издательством Центрального Комитета Р. К. П. В конце 1919 г. слилось с издательствами В. Ц. И. К., Московского и Петербургского Советов, образовав «Государственное Издательство».

<sup>80)</sup> *Оргбюро и Политбюро*—Организационное бюро и Политическое бюро Ц. К. Р. К. П.—орг. цы Центрального Комитета Р. К. П., ведающие: первое—организационными вопросами и второе—политическим руководством партийной работы. Постановления Оргбюро могут быть пересмотрены Политбюро в том случае, если они касаются политики и затрагивают компетенцию последнего. Повседневную работу руководства партий несут секретариат, состоящий в настоящее время из трех членов Ц. К. Один из секретарей обязательно входит для связи в Оргбюро и Политбюро. Члены Оргбюро и Политбюро избираются из числа членов Ц. К. его пленумом, который решает наиболее важные вопросы партийной жизни. Указанная организация Ц. К. Р. К. П. сложилась постепенно в течение 1918—1919 г.г.

<sup>81)</sup> *Пересмотр партийной программы*, принятой на II съезде Р. С.-Д. Р. П. в 1903 году и являвшейся сколком Эрфуртской программы германской с.-д. 1890 г., стал неизбежным после февральской революции, отчасти вследствие развития новых форм капитализма (империализм), отчасти вследствие накопления нового революционного опыта (Советы). Апрельская конференция 1917 г. рассматривала вспрос об изменении партийной программы и выделила особую комиссию для ее разработки. VII Чрезвычайный съезд Р. К. П., созданный по вопросу о подписании Брестского мира, ограничился заслушанием докладов о пересмотре программы Ленина и Бухарина и, не открывая, вследствие обстоятельств момента дис-

куссии, вопрос отложи). Очередной VIII съезд, после обстоятельной подготовки вопроса в печати и обсуждения на съезде, принял новую партийную программу, в главной своей части написанную Лениным.

Н. Ленин неоднократно в своих печатных работах и публичных выступлениях возвращался к вопросу о программе. Его статьи, тезисы и речи по этому поводу:

Статья «Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы»—том XIV ч. 1 стр. 113 и послед.

Статья «К пересмотру партийной программы»—том XIV часть 2 стр. 147—173.

Материалы к ст. I «К пересмотру партийной программы»—том XIV ч. 2 стр. 451—461.

Доклад на VII съезде Р. К. П. «Об изменении партийной программы»—том XV, стр. 147—158.

Черновой набросок «проекта новой программы»—том XV стр. 158—164.

Речь на VIII съезде Р. К. П. «о партийной программе»—том XVI стр. 111—136.

«Программа Р. К. П.»—том XVI стр. 469—494.

<sup>82)</sup> *Тридцатилетняя война*—см. том XV прим. 150.

<sup>83)</sup> *Национальный вопрос* обсуждался на апрельской конференции Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) 1917 г. в Петербурге. Речь Н. Ленина, произнесенную в секции по национальному вопросу, см. «Собр. сочин.» том XIV часть 2 стр. 446—450.

<sup>84)</sup> *Признание Россией независимости Финляндии*—см. том XV прим. 38.

<sup>85)</sup> *Декрет о гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния* был принят в заседании Ц. И. К. второго созыва 12 декабря 1917 г. в Смольном. Первая статья декрета гласила: «Российская республика впредь признает лишь гражданские браки». В том же заседании был одобрен декрет о расторжении брака, установивший развод супругов через народные суды.

<sup>86)</sup> *Р. Р. С.*—*Польская партия социалистическая*—мелко-буржуазная радикальная партия Польши с социалистической фразеологией и националистической идеологией. Возникла в 1893 г. Наряду с обычной программой-минимум социалистических партий II Интернационала, Р. Р. С. выдвигала независимость и суверенность польского государства. В 1906 г. от Р. Р. С. отделилось левое крыло («левица»), в 1918 г. слившееся в С.-Д. Польши и Литвы (П. С.-Д.) в коммунистическую партию Польши. Основное ядро Р. Р. С., после раскола именовавшее себя также «революционной фракцией», в настоящее время составляет руководящую партию польской республики, растеряв последние остатки социалистических украшений и являясь национал-демократической буржуазной организацией.

<sup>87)</sup> *В. В. Шмидт*—народный комиссар труда, в то время член Ц. К. Р. К. П.

<sup>88)</sup> *Новоиспеченцы*, «Новая Жизнь»—см. том XV прим. 55.

<sup>89)</sup> *В. Н. Подбельский*—сын народника Подбельского, казненного царским правительством в Сибирской ссылке. Энергичный и самоотверженный партийный работник, участник октябрьского восстания, член Московского Комитета Р. К. П., руководивший в 1917 и 1918 г.г. работой городского района. После лево-эс-эровского мятежа П. взял на себя тяжелые

обязанности наркома почты и телеграфа, вынеся всю тяжесть работы по организации и обслуживанию связи в годы гражданской войны. Скончался 25 февраля 1920 г., получив на субботнике легкое ранение, повлекшее за собой заражение крови.

*Декрет о гражданском браке*—см. прим. 85, в тексте ошибочно указан прим. 89.

<sup>90)</sup> *Г. Л. Пятаков*—председатель Киевского Совета в первом большевистском составе и глава первого Украинского советского правительства. В период споров о Брестском мире примыкал к «левым коммунистам» (см. том XV прим. 123). Экономист и хозяйственник. В настоящее время состоит председателем Главного Кооперационного комитета. Ч. ен Ц. К. Р. К. П.

<sup>91)</sup> *Сунница*—делегат VIII съезда Р. К. П. от 1-й армии, действовавшей в то время на Оренбургском фронте. В своей речи на съезде он подверг резкой критике проект партийной программы, предложенной съезду, трактуя ее, как перечень декретов, изданных Советской властью, и настаивая на широкой формулировке программы международного характера. В то же время он протестовал против признания права наций на самоопределение. От имени Оренбургской губернской конференции и конференции 1-й армии он внес в президиум следующее письменное предложение: «поручить комиссии переработать предложенный проект в форме программы международной коммунистической партии, при чем эта программа подлежит утверждению съезда Коммунистического Интернационала».

<sup>92)</sup> *А. И. Рыков*—см. том XIV прим. 331.

<sup>93)</sup> *К. Каутский «Аграрный вопрос»* написал в 1899 году; на русском языке впервые появился в 1906 г. в переводе Н. Рожкова, в издании Петровской библиотеки в Москве. Изложение этой работы Каутского Н. Ленин дал в 1901 г. См. том IX статья «К. капитализм и сельское хозяйство».

<sup>94)</sup> *Венгерская Советская социалистическая республика* была образована 21 марта 1919 г. Мелко-буржуазное правительство графа Карольи, не пользовавшееся в стране авторитетом и не решавшееся взять на себя ответственность за принятие чрезвычайно тяжелых для Венгрии военных требований Антанты, под давлением революционных масс принуждено было уступить от власти и передать последнюю социал-демократам. Венгерская социал-демократическая партия, утратившая за время войны доверие пролетариата, поддерживавшего после ноябрьской революции 1918 г. коммунистические лозунги, под давлением тех же масс предложила вождям венгерской коммунистической партии, находившимся в то время в тюремном заключении, разделить с нею власть. Согласно соглашению, подписанному социал-демократами и коммунистами, обе партии сливались в одну на основе признания коммунистической программы. Был образован Совет Народных Комиссаров Венгерской Советской Социалистической Республики, в состав которого вошли, как коммунисты (Бела-Кун—председатель, Тибор Самуэли—наркомвоен, Варга—наркомзем и др.), так и с.д., а на местах созданы Советы. Венгерская буржуазия, учитывая опыт русской революции, не решилась на открытую борьбу, ожидая более благоприятного момента. Антанта ответила блокадой и войной, бросив на красную Венгрию белые войска Румынии и Чехо-Словакии. Венгерские коммунисты организовали Красную армию численностью до 280.000 человек.

использовав старые части империалистической армии, организовав новые рабочие отряды. Первое наступление чехов и румын на фронте протяжением в 600 километров было отбито при энергичной поддержке рабочих Будапешта, и Красная армия вторглась в пределы Словакии. Между тем внутри страны начались штатания. Коммунисты, растворившись в социал-демократической партии, колебавшейся непрерывно между пролетарской революцией и ее саботажем, были недостаточно многочисленны и опыты, чтобы служить скрепляющим цементом. Недостаток товаров и съестных продуктов, вызванный блокадой, бойкот советских денег лавочниками и сельскими кулаками, недостаток опытных агентов власти создавали недовольство крестьянства, неполучившего земли вследствие колебаний коммунистов в решении аграрного вопроса, и вызывали неуверенность отсталых слоев городского пролетариата, разлагавшихся под влиянием контр-революционной агитации социал-демократов. Надежда на создание советского коридора в Россию была потеряна вследствие бунта атамана Григорьева в правобережной Украине (см. прим. 150), армия которого должна была участвовать в прорыве на Венгрию. В период нового наступления румын, поддержанных чехами, венгерская Красная армия потерпела поражение, и румыны, прорвавшие фронт, находились в двух переходах от Будапешта. Антанта взяла на себя обязательство остановить наступление румын, снять блокаду, снабдить Венгрию продовольствием и оказать поддержку любому «рабочему» правительству при том условии, если в нем не будет коммунистов. 4 августа 1919 г. в Будапеште по настоянию социал-демократов было решено образовать социал-демократическое парламентское правительство без коммунистов, несмотря на энергичные протесты и контр-агитацию последних. Антанта, однако, не сдержала своих обещаний; румынская армия заняла Будапешт, разогнала социал-демократическое правительство и провозгласила кровавую диктатуру адмирала Хорти. Часть коммунистов погибла в боях на фронте. Тибор Самуэли, организатор Красной армии, застрелился; другие эмигрировали в Австрию, где подверглись интернированию; часть была подвергнута аресту и спаслась от смертной казни только благодаря вмешательству Советской России, добившейся их освобождения в обмен на знатных венгерских офицеров, военнопленных империалистической войны; десятки тысяч коммунистов и пролетариев подверглись расстрелу. В Венгрии воцарился белый террор и военная диктатура, однако революционная энергия пролетариата не ослабела и он накапливает силы для новых боев.

<sup>96)</sup> *Резолюция IX съезда Р. К. П. об отношении к среднему крестьянству и о работе в деревне* была написана И. Лениным и частично переработана в комиссии съезда, внесшей в нее незначительные поправки.

<sup>96)</sup> *Саботаж чиновников и служащих*—см. том XV прим. 29.

<sup>97)</sup> *Генерал Краснов*—см. том XV прим. 11.

<sup>98)</sup> *Адмирал Колчак*—см. том XVII прим. 6.

<sup>99)</sup> *М. И. Калинин*—см. том XVII прим. 28.

<sup>100)</sup> *Бела-Кун*—см. том XVII прим. 17.

<sup>101)</sup> *Первый Интернационал*, иначе «Международное Общество Рабочих», был основан в 1864 г. в Лондоне и находился под ближайшим влиянием Карла Маркса, которым был написан в качестве его программы «Учредительный

адрес». Во главе Общества стоял Генеральный Совет в числе 50 членов, К. Маркс носил официальное название «секретаря для Германии». В первый период с марксистским течением внутри Интернационала спорили бланкисты (см. том XIV прим. 30) и пудонисты (см. том XIV прим. 256). В 1869 г. в Интернационал вступил Бакунин (см. том XIV прим. 299) и повел ожесточенную борьбу против Маркса. В 1872 г. на конгрессе в Гааге Бакунин был исключен. Местопребывание Генерального Совета было постановлено перенести в Нью-Йорк (см. том XIV прим. 313). Однако Бакунин и вызванная им борьба разложили организацию, и «Международное Общество Рабочих» распалось.

<sup>102)</sup> *Второй Интернационал*, возникший в 1889 г., распался в 1914 г. с момента объявления войны, вследствие измены его мелко-буржуазных и социал-патриотических вождей. Причины его распада и характеристику социального движения эпохи 1889—1914 г.г.—см. в статьях Ленина за годы войны, напечатанных в XIII томе «Собрания сочинений». Желтые вожди соглашательских партий использовали фирму II Интернационала и на Бернской конференции в 1919 г. восстановили международную организацию правого крыла социалистического движения. Каутский «центр», во главе с немецкими независимыми и русскими меньшевиками, пытался в 1920 г. организовать отдельно на конференции в Вене («2½ Интернационал»), но в настоящее время, в целях борьбы с III Коммунистическим Интернационалом, вдет переговоры об объединении с вторым.

<sup>103)</sup> *Чартизм*—мощное социальное движение в середине XIX столетия за демократизацию палаты общин в Англии, вызванное промышленными кризисами и безработицей 1825 и 1836 г.г. В 1839 г. в Палату была представлена покрытая 1.280.000 подписей петиция (хартия), со следующими требованиями: избирательное право для всех мужчин, отмена имуществ. ценза для депутатов, равные избирательные округа, вознаграждение депутатов и годичные выборы. После завоевания парламента, чартисты хотели приступить к экономическим и социальным реформам. Чартизм распался на два крыла: правое—соглашательское и левое—революционное. Палата петицию отвергла, и чартисты отвечали широкой митинговой кампанией в рабочих центрах и рядом уличных демонстраций, повлекших столкновения с войсками. В 1842 г. была подана вторая петиция с еще большим количеством подписей, вновь отвергнутая палатой, и в 1848 г.—третья—с тем же результатом. Движение постепенно заглохло, с одной стороны, вследствие решительного сопротивления господствующих классов, с другой—благодаря общему оживлению хозяйственной конъюнктуры и окончанию промышленных кризисов. Чартистское движение, направленное против феодальных пережитков, подобно революции 1848 г. на континенте, несмотря на внешнюю свою неудачу, подорвало господство феодальных классов в Англии.

<sup>104)</sup> *Носке*—см. том XVII прим. 20.

<sup>105)</sup> *Давид*—правый социал-демократ, берпштейнианец, автор работы «Сельское хозяйство и социализм» (разбор ее—см. «Собран. сочин.» том IX) идеолог мелко-буржуазных крестьянских интересов. В годы империалистической войны—крайний социал-шовинист. После революции 1918 года, вошел в первое соглашательское правительство республиканской Германии.

<sup>106)</sup> *Легин*—см. том XVI прим. 100.

<sup>107)</sup> *Статья К. Каутского «Славяне и революция»* была напечатана в «Искре» № 18, 10 марта 1902 г. См. подробнее об этой статье—«Детская болезнь «левизны» в коммунизме» гл. I, XVII том «Собран. сочинений», стр. 116—117.

<sup>108)</sup> *А. Ф. Керенский*—см. том XIV прим. 134.

<sup>109)</sup> *«Успехи и трудности Советской власти»*—речь Н. Ленина на митинге в Петербурге 13 марта 1919 г.—см. стр. 60 и послед. настоящего тома. Настоящее «послесловие», извлеченное из личного архива И. Ленина, как видно из подстрочного примечания, не было напечатано вопреки воле автора. В 1921 г. Н. Ленин целиком включил это «послесловие» во вновь написанное им «предисловие» к одной из своих речей, печатавшихся в Петербурге отдельным оттиском, подчеркивая, что он не принимает на себя ответственности за точность записи и редакции своих речей, и рекомендуя вместо стенограмм, в случае необходимости, печатать газетные рефераты его речей. Указанное «предисловие» 1921 г., подобно «послесловию» 1919 г., также не было напечатано и появляется впервые в XVIII томе «Собран. сочинений». Та же мысль о неточности записи речей подчеркнута Лениным и в 1922 г. в предисловии к брошюре «Старые статьи на близкие к новым темы», изданной Московским Советом (см. «Собр. соч.» том XVIII).

<sup>110)</sup> *А. В. Луначарский* (псевдоним Воинсов) вошел в революционное движение на гимназической скамье, участвуя в кружках г. Киева. В 1897 г., будучи студентом Московского университета, работал в Моск. с.-д. организации, но вскоре подвергся аресту и был выслан сначала в Калугу, потом в Вологодскую губ. В конце 1904 г. выехал в Женеву, где вошел в редакционную работу большевистских центральных органов «Вперед» и «Пролетарий» и весной 1905 г. участвовал на III съезде Р. С.-Д. Р. П. (одни большевики). В конце 1905 г. вернулся в Петербург, где принимал ближайшее участие в издании большевистского легального органа «Новая Жизнь». Участвовал на Стокгольмском объединительном (1906 г.) и Лондонском (1907 г.) съездах Р. С.-Д. Р. П., а также в русской делегации на Штутгартском международном социалистическом конгрессе (1907 г.). В годы реакции за границей Л. вошел вместе с Богдановым, Станиславом Вольским, Алексинским и другими в основное ядро группы «впередовцев» (иначе «богдановцы», «отзовисты», «ультиватисты»), разойдясь с большевистской фракцией как в области политических вопросов (отношение к думской с.-д. фракции, соотношение легальной и нелегальной работы и пр.), так и в области вопросов философских (эмпириокритицизм и «богостроительство»). В 1910 и 1911 г.г. Л. принимал деятельное участие в работе партийных школ, организованных «впередовцами» на о. Капри и в Болоньи для рабочих из России. С начала империалистической войны Л. решительно примкнул к интернационалистам, сотрудничая в Парижском «Голосе» и «Нашем Слове». После февральской революции, возвратившись в Петербург, Л. вошел в организацию «межрайонцев» (см. том XIV прим. 120) и вместе с нею влился в большевистскую партию на VI съезде Р. С.-Д. Р. П. (болш.). С октябрьской революции Л. состоит народным комиссаром просвещения, работая одновременно в 1918—1919 г.г. в Северной коммуне (Петербургская область). Литератор. Драматург.

<sup>111)</sup> *«Всегда Вперед»*—меньшевистская газета, издававшаяся в Москве взамен запрещенной *«Вперед»*.

<sup>112)</sup> *«Дело Народа»*—газета правых социалистов-революционеров.

<sup>113)</sup> *Генерал Деникин*—см. том XVII прим. 5.

<sup>114)</sup> *Белогвардейское наступление на Петербург в мае 1919 года*—см. том XVII прим. 9.

<sup>115)</sup> *Н. Г. Чернышевский*—см. том XV прим. 118.

<sup>116)</sup> *В. К. Вольский*—член партии социалистов-революционеров, депутат Учредительного Собрания, один из организаторов эс-эровской власти на Волге в 1918 г. и член Самарского Комитета Учредительного Собрания. После колчаковского переворота разорвал с тактикой гражданской войны официального право-эс-эровского Ц. К., вступил в переговоры с Советской властью и вместе с группой единомышленников (Ракитников, Буревой, Святицкий и др.) организовал автономную партийную группу *«Народ»*, отказавшуюся от вооруженной борьбы с Советами и высказывавшуюся за полупризнание Советской власти.

<sup>117)</sup> *Н. В. Святицкий*—социалист-революционер, член Учредительного Собрания и Самарского Комитета членов Учредит. Собрания, один из основателей группы *«Народ»*.

<sup>118)</sup> *П. В. Аксельрод*—см. том XIV прим. 59.

<sup>119)</sup> *Борис Сивинков*—см. том XIV прим. 197.

<sup>120)</sup> *Н. Д. Авксентьев*—см. том XIV прим. 196.

<sup>121)</sup> *Е. Д. Брешко-Брешковская*—см. том XIV прим. 238.

<sup>122)</sup> *Бентам* (1748—1832)—английский философ и публицист, разрабатывавший вопросы морали (утилитаризм) и права, по преимуществу государственного; сторонник свободы, парламентаризма и демократии в их буржуазном понимании; предшественник и учитель Дж.-Ст. Милля. Классовая подоплека теоретических построений Б., как и других родственных ему идеологов, великолепно вскрыта К. Марксом.

<sup>123)</sup> *Дом московского дворянства*, иначе *«Благородное собрание»*, был национализирован Московским Советом в ноябре 1917 года, немедленно после октябрьской победы и передан московским рабочим организациям, как *«Дом Профессиональных союзов»*.

<sup>124)</sup> *П. Н. Милоков*—см. том XIV прим. 2.

<sup>125)</sup> *В. М. Чернов*—см. том XIV прим. 105.

<sup>126)</sup> *«Речь»*—кадетский ежедневный орган, издававшийся в Петербурге Гессеном при ближайшем участии Милокова, Винавера и Набокова.

<sup>127)</sup> *М. И. Фрумкин* (псевдоним Л. Германов), род. в 1878 г., вошел в рабочее движение в 1896 г. в Гомеле, в 1899 г. в Киеве примкнул к Р. С.-Д. Р. П. В 1901 г. работал в Петербурге в комитете *«Рабочего Знамени»* и, выданный провокатором Гуровичем, был арестован накануне подготавливавшегося объединения с *«искровцами»*. Сосланный в Восточную Сибирь, Ф. бежал и в 1903 г. вошел в Петербургский Комитет (большевистский), но вскоре подвергся новому аресту. В качестве агента Ц. К. и члена Северо-Западного комитета в 1905 г. Ф. работал в Минске и Вильне. В 1906 г. вошел в петербургскую военную организацию и, после нового ареста, перешел на нелегальное положение, работая в Баку и в Москве (Центр. Бюро проф. союзов). В 1911 г. был приговорен судебной палатой на поселение

в Сибири, где пробыл до половины 1918 г., работая после февральской революции в Красноярске и Омске. В 1919—1921 г. Ф. состоял членом Сибирского и Кавказского бюро Ц. К. Р. К. П., в настоящее время заместитель народного комиссара внешней торговли.

<sup>128)</sup> *В. В. Шер*—меньшевик-интернационалист, примыкавший в 1917 г. к группе Мартова, автор книги о профессиональном движении рабочих печатников. В 1917 г. ближайший сотрудник команд. войсками Моск. военного округа, а позднее военного министра Верховского.

<sup>129)</sup> *Сухаревка*—один из самых больших рынков Москвы, в годы гражданской войны и запрещения частной торговли сохранил полулегальное существование; Сух резка—синоним свободной торговли, мешечничества и спекуляции.

<sup>130)</sup> *Белый террор в Финляндии*—см. том XIV прим. 56.

<sup>131)</sup> *Н. Ленин «Пролетарская революция и ренегат Каутский»*—см. «Собр. сочин» том XV стр. 443—581.

<sup>132)</sup> *Независимая социал-демократическая партия Германии*—см. том XVII прим. 53.

<sup>133)</sup> *Отто Бауэр*—см. том XIV прим. 20.

<sup>134)</sup> *Первое коалиционное Временное правительство* было создано 5 мая 1917 г. Исполнительным Комитетом Петербургского Совета, руководимым меньшевиками-оборонцами (Дан, Церетели) и социалистами-революционерами (Гоч). Начиная с апрельского кризиса, вызванного нотой Миллюкова от 18 апреля, вследствие полной неустойчивости буржуазной власти перед соглашательскими партиями советского большинства встала дилемма или целиком взять власть в свои руки, устранив совершенно буржуазию или пойти с ней на коалицию. Соглашатели, после незначительных колебаний, выбрали последнее. В министерство кн. Львова (правее к.-д.) вошли меньшевики—Церетели (министр почт и телеграфа) и Скобелев (министр труда); социалисты-революционеры—Чернов (министр земледелия) и Керенский (военный и морской министр), а также народные социалисты—Пешехонов (продовольствие) и Переверзев (юстиция). Коалиция была обусловлена выполнением условий Амстердамского конгресса, разрешившего вхождение социалистов в буржуазное министерство в исключительных случаях под контролем партии и на основе определенной программы, в основу которой И. К. Петербургского Совета были положены четыре пункта: 1) активная работа в пользу мира на основе манифеста Петерб. Совета 14 марта, 2) регулирование промышленности и финансовые реформы, 3) подготовительные меры к решению аграрного и рабочего вопроса и 4) ускорение созыва Учредительного Собрания. Ни одно из этих обязательств не было выполнено. Первая коалиция окончилась банкротством 2 июля, когда кадеты ушли из правительства, недовольные соглашением, заключенным Терещенко и Церетели с Украинской Радой. Несмотря на массовые требования петербургских рабочих и солдат в июльские дни отказаться от коалиции и создать правительство советских партий, Ц. И. К., выбранный на I съезде Советов, образовал второе коалиционное министерство во главе с Керенским и с ухудшенным персональным составом. Второе коалиционное правительство было сорвано корниловским выступлением. Третье коалиционное министерство также во главе с Керенским было создано Ц. И. К. в сентябре при участии членов кадетской партии и московских

промышленников, стоявших правее к.-д., несмотря на вотум «демократического совещания», запретившего коалицию с кадетами. 25 октября 1917 г. третье коалиционное правительство было уничтожено победой пролетарской революции.

<sup>135)</sup> *Деймиг*—*Däumig*—один из вождей независимой с.-д. партии Германии, «сторонник Советской системы» в 1919 г., после раскола независимых на партейтаге в Галле в 1920 г. остался с меньшинством, отказавшимся от подчинения «21 условию» вступления в Коминтерн, и в 1922 г. вместе с охвостом независимых вошел в шейдемановскую официальную с.-д. партию, возвратившись под желтые знамена II Интернационала.

<sup>136)</sup> *Аустерлиц*—австрийский социал-демократ правого крыла.

<sup>137)</sup> *Генерал Людендорф*—начальник штаба германского главнокомандования в конце империалистической войны, вождь германского империализма и реакции, один из вдохновителей Капповского переворота 1920 г. (см. том XVII прим.).

<sup>138)</sup> *Гаазе*—см. том XIV прим. 46.

<sup>139)</sup> *Л. Мартос*—см. том XIV прим. 13.

<sup>140)</sup> *Йоган Якоби*—по профессии врач, немецкий радикал старого типа; в начале 40-х годов прошлого столетия выступил, как политический деятель и сотрудник радикальной печати («Немецко-французские ежегодники», «Рейнская газета», «Кенигсбергская газета» и др.); автор резких конституционных памфлетов, направленных против короля; во время революции 1848 г. был избран в Прусское Национальное Собрание, где руководил крайней левой; неоднократно подвергался судебным преследованиям со стороны прусского правительства. В 70-х годах Я. примкнул к эйзенхацим и вместе с ними вошел в с.-д. партию, в которой, впрочем, особой роли не играл.

<sup>141)</sup> *Сражение при Садовой* (4 июля 1866 г.) явилось решающим в войне между Пруссией, действовавшей в союзе с Италией и Австрией, и, закончившись полным разгромом австрийской армии, передало Пруссии гегемонию в Германии. Австро-прусская война 1866 г. явилась началом возвышения Пруссии и послужила прологом франко-германской войны 1870 г.

<sup>142)</sup> *Гинденбург*—главнокомандующий германской армией во второй половине империалистической войны, «герой» Восточной Пруссии и Балкан; его имя является синонимом германского империализма.

<sup>143)</sup> *Генерал Фош*—главнокомандующий французской и всей союзной армией на западном театре войны во вторую ее половину, начальник генерального штаба после войны, один из вдохновителей Версальского мира и Рурской оккупации 1923 г., вождь французского империализма.

<sup>144)</sup> *Чистка коммунистической партии* от неустойчивых и случайных элементов в первый раз была произведена летом 1919 г. в период ожесточенных боев с Колчаком и впоследствии, по постановлению Центрального Комитета, вновь производилась неоднократно. Особенно тщательно была произведена переэгистрация членов партии в 1921 г., после перехода к «новой экономический политике».

<sup>145)</sup> *Восстание левых эс-эров в июле 1918 года*—см. том XV прим. 152.

<sup>146)</sup> *Дрославский белогвардейский мятеж в 1918 году*—см. том XV прим. 165.

<sup>147)</sup> *Северный фронт*—см. том XV прим. 162.

<sup>148)</sup> *Нуланс*—французский посол в России в годы войны и в первый период революции, организатор контр-революционных заговоров и восстаний, действовавший через посредство русского белогвардейского офицерства, деятелей кадетской партии, социалистов-революционеров и Бориса Савинкова и подготовивший на деньги французского генерального штаба чехо-словацкий мятеж, Ярославское восстание, захват Казани, оккупацию Архангельска и пр.; вдохновитель иностранной интервенции и злейший враг Советской России, до настоящего времени не отказавшийся от своих планов.

<sup>149)</sup> *Генерал Краснов*—см. том XV прим. 11.

<sup>150)</sup> *Атаман Григорьев*—офицер старой армии, весной 1919 г. стал во главе повстанческих войск, действовавших в юг-западной части Украины, и в марте занял Одессу, эвакуированную антантовской оккупационной армией. При соприкосновении с наступавшей с Севера Красной армией Григорьев признал Советскую власть, подчинился красному командованию и вошел со своими отрядами в состав Красной армии, передав 6 апреля Одессу Советским властям. Вскоре, однако, Григорьев отказался повиноваться и, отрешенный от командования, поднял 10 мая бунт, ликвидированный через несколько дней. Григорьевщина, смешанная с партизанщиной и отсутствием дисциплины в повстанческих украинских отрядах, сорвала возможную помощь Советской Венгрии со стороны Советской России. Венгерская революция осталась предоставленной собственным силам и погибла под натиском соединенных войск румын и чехо-словаков (прим. 94).

<sup>151)</sup> *Махно*—см. том XVII прим. 63.

<sup>152)</sup> *Петлюра*—см. том XVII прим. 169.

<sup>153)</sup> *Ген. Корнилов*—см. том XV прим. 225.

<sup>154)</sup> *Независимая рабочая партия в Англии*—I. L. P.—См. том XVII прим. 15.

<sup>155)</sup> *Рамсей Макдональд*—см. том XIV прим. 52.

<sup>156)</sup> *Кейр Гарди*—английский социалист правого направления, член независимой рабочей партии.

<sup>157)</sup> *Жан Жорес*—см. том XIV прим. 315.

<sup>158)</sup> *Ллойд-Джордж*—см. том XV прим. 115.

<sup>159)</sup> «Тезисы 4 апреля 1917 года» напечатаны в статье «О задачах пролетариата в данной революции»—см. «Собрание сочинений» том XIV часть 1 стр. 17—19. Об истории этих тезисов и о реферате Н. Ленина 4 апреля 1917 г. подробнее см. статью «Письма о тактике», помещенную в том XIV часть 1 стр. 26 и след.

<sup>160)</sup> *Базельский манифест*—см. том XIV прим. 7.

<sup>161)</sup> *Фабианское общество*—см. том XIV прим. 294.

<sup>162)</sup> *Мергейм*—см. том XIV прим. 65.

<sup>163)</sup> *Г. М. Гайдман*—см. том XIV прим. 210.

<sup>164)</sup> *Зубатов*—см. том XVII прим. 118.

<sup>165)</sup> *Генерал Ренненкамф*—«герой» Японской войны и усмиритель Сибири после декабрьского восстания 1905 года, организовавший карательную экспедицию вдоль железнодорожной магистрали. Военнополевой

суд, заседавший в его поезде; приговорил сотни рабочих к расстрелу, приводя приговор в исполнение немедленно, на ближайшей остановке. В 1917 г. Ренненкамф командовал русскими армиями, вторгшимися в Восточную Пруссию и сейчас же жестоко разгромленными немцами.

<sup>166)</sup> *Анри Барбюс*—выдающийся французский писатель, участник империалистической войны; получил широкую известность своими романами, в которых он с необыкновенной силой изобразил ужасы и бессмысленность мировой бойни. Организатор пацифистского международного союза инвалидов империалистической войны и один из друзей Советской России, борющийся с антантовской интервенцией. В 1923 г. Б. вступил во французскую коммунистическую партию.

<sup>167)</sup> *Н. Ленин* «Государство и революция», учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции—см. «Собрание сочинений» том XIV ч. 2. стр. 295—396.

<sup>168)</sup> *Генерал Маннергейм*—см. том XV прим. 56.

<sup>169)</sup> *Заговор командного состава на Красной Горке*—см. том XVII прим. 9.

<sup>170)</sup> *Буллит*—см. том XVII прим. 167. О переговорах с ним—см. речь Н. Ленина «О концессиях», «Собран. сочин.» том XVII стр. 382 и посл.

<sup>171)</sup> *Фриттиоф Хансен*—выдающийся исследователь полярных стран, совершивший в 1888 г. переход на лыжах поперек о. Гренландии и в 1893—1896 г.г. путешествие к Северному полюсу на корабле «Фрам», достигнув 86°13' северной широты; позднее—деятельный гуманист и пацифист, противник антантовской интервенции в Советской России и организатор международной помощи русским голодающим в 1921 г. Неоднократно приезжал в Москву. Почетный член Москов. Совета.

<sup>172)</sup> *Высшие армейские организации*, армейские и фронтовые комитеты, избранные сейчас же после февральской революции, в марте 1917 г. и с тех пор не подвергавшиеся переизбранию, будучи составлены из представителей офицерства, преимущественно прапорщиков, и мобилизованных мелко-буржуазных интеллигентов, очень быстро оторвались от солдатской массы и не выражали ее политических настроений, являясь орудием империалистической политики крупной буржуазии. Незадолго до созыва II съезда Советов, опасаясь победы на нем большевиков, фронтовые комитеты опубликовали в печати ряд резолюций, протестуя против созыва съезда. Особенно любопытна телеграмма комитета одной из армий, подписанная его председателем прапорщиком Виленкиным, членом партии к.-д. и корниловцем, угрожавшая большевикам «всей мощью революционной армии». Такая же бумажно-резолютивная кампания была открыта фронтовыми комитетами против Советской власти в ноябре 1917 г. Искосол (Исполн. Ком. Сов. Солд. Д.) 12 армии требовал «немедленного восстановления революционного порядка в Петрограде». Председатель общearмейского комитета Перекрестов и начальник штаба верховн. главнокомандующего—ген. Духнин за совместными подписями телеграфировали из Могилева: «от имени армий фронта мы требуем немедленного прекращения большевиками насильственных действий, отказа от вооруженного захвата власти, безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии Временному Правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного Собрания—хозяина земли русской. Действующе-

щая армия поддержит это требование». Другие высшие армейские организации обременяли телеграфные провода аналогичными резолюциями. (Однако действующая армия поддержала Крыленко, назначенного Советом Народных Комиссаров главкомом и с энтузиазмом принятого солдатской массой.

<sup>173)</sup> *Чехо-словацкий мятеж*—см. том XV прим. 139.

<sup>174)</sup> *Сазонов*—министр иностранных дел Николая II, один из вдохновителей русского империализма и виновников империалистической войны. Сторонник захвата Дарданелл, англо-французского союза и *entente cordiale* («сердечного соглашения») с Англией. Посол правительства Керенского в Лондоне.

<sup>175)</sup> *В. А. Маклаков*—крупный московский присяжный поверенный, член III и IV Государственных Дум от II (домовладельческо-купеческой) избирательной курии г. Москвы, член партии к.-д., примыкавший к ее правому крылу, посол правительства Керенского в Париже.

<sup>176)</sup> *Международная стачка 21 июля 1919 г.* была декларирована, под давлением рабочих низов, организацией II Интернационала, как протест против атантовской интервенции в России. Стачка не осуществилась, так как соглашательские партии II Интернационала, декларирующие стачку, не приняли никаких мер для ее действительного проведения. В крупных фабричных центрах различных стран местами состоялись одиночные разрозненные выступления, продемонстрировавшие лишний раз предательскую политику вождей желтого Интернационала.

<sup>177)</sup> *9 января 1905 года*—см. том XV прим. 144.

<sup>178)</sup> *«Письмо английскому коммунисту»* извлечено из статьи «Социализм в Англии», напечатанной в № 5 журнала «Коммунистический Интернационал», и является ответом Н. Ленина на обращенное к нему и помещенное в том же номере письмо английского коммуниста. Имя последнего редакции «Комм. Интерн.» не опубликовано, очевидно, по конспиративным соображениям.

Английский коммунист пишет из Лондона 16 июля 1919 г.:

«Дорогой товарищ Ленин!

Мне давно уже очень хотелось бы поговорить с Вами. Рабочее движение в Англии на моих глазах разрушается парламентским и муниципальным политиканством. И вожди, и массы ждут с нетерпением только выборов и, готовясь к избирательной кампании, совершенно забывают о социалистической работе; мало того, они сознательно подавляют всякую социалистическую пропаганду для того, чтобы не оттолкнуть от себя избирателей. Представители, избираемые рабочими в парламент и муниципальные советы—люди с приличной внешностью, очень самоуверенные и в высшей степени снисходительные по отношению ко всем преступлениям капитализма.

Я знаю, конечно, что невозможно, по крайней мере в Англии, вызвать революционное настроение в массах, всецело занятых мыслью об избирательных победах: сознание классовых интересов обыкновенно улетучивается по мере приближения выборов. Партия, пользующаяся успехом на выборах, с революционной точки зрения безнадежна. У нас, как Вы знаете, имеются следующие партии и группы:

1) Тред-юнионисты и рабочие политики устарелого типа, лишены всякого идеализма и широкого кругозора; они—не социалисты.

2) Члены Независимой Рабочей Партии (I. L. P.). Они зачастую буржуазны, зачастую крайне религиозны.

3) Члены Британской Социалистической Партии (B. S. P.). Сами они считают себя более передовыми, чем «независимцы», но на деле этого незаметно, а с коммунистической точки зрения многие из них, пожалуй, даже безнадежнее «независимцев». Обе эти партии слишком заняты избирательными успехами, а после выборов их представители, выбранные рабочими, обыкновенно забывают рабочих с их интересами.

4) Революционные индустриалисты, признающие необходимость непосредственного действия. Это—самый многообещающий элемент; в этой среде встречаются замечательные люди, в характере которых, при всем их великодушии и гуманности, чувствуется некоторая беспощадность, которая окажется нам очень необходимой, когда наступит революция. Правда, многим из них, вне пределов их специальности, не хватает организаторских способностей.

Впечатление, произведенное русской революцией на все эти элементы, было различное. Вожаки первой группы перепугались, между тем, как некоторые из рядовых рабочих этой группы под влиянием событий в России превратились в революционеров того типа, который мы упомянули в пункте 4-м. То же надо сказать и о Независимой Рабочей Партии: большинство ее вождей встревожились и перепугались, а некоторые из рядовых рабочих стали революционерами 4-го типа. Из приверженцев Британской Социалистической Партии некоторые заколебались, настроение стало довольно революционным. В среде революционных рабочих 4-й группы давно уже возникла мысль о переустройстве общества на советских началах, хотя они тогда еще не знали о Советах. Известия о событиях, происходящих в России, придали им еще больше мужества. В эту группу входят, главным образом, рабочие рудников и машиностроительных заводов, хотя за последнее время рабочие этого типа стали появляться и в других отраслях промышленности.

Рабочие этой революционно-настроенной группы относятся с презрением к парламентской работе и ни за что не согласятся примкнуть к партии, которая гонится за мандатами на парламентских и муниципальных выборах. К этой же группе следует причислить членов Рабочих Комитетов и фабричных старост (Workers Committees and Shop Stewards), хотя среди них есть довольно много и малосознательных элементов.

Кроме упомянутых выше четырех групп, у нас есть еще (5) Социалистическая Рабочая Партия (S. L. P.), бывшая раньше против парламентаризма, но на последних выборах выставившая также своих кандидатов, вследствие чего партия эта потеряла доверие рабочих 4-й группы, значительное число которых входит в эту партию.

6-ю группу составляет «Социалистическая Федерация Рабочих», которая значительно меньше и моложе всех остальных партий. Благодаря обстоятельствам своего возникновения, федерация эта и сейчас еще в значительной степени состоит из женщин, но теперь большинство ее новых членов—мужчины; с большим правом, чем какая-либо другая организа-

тия, она может быть названа партией бедноты. Такой состав ее объясняется тем, что она ведет уличную агитацию, да и главная квартира ее находится в Ист-Энде \*). Впрочем, в нее входит также некоторое количество конторщиков и квалифицированных рабочих. На конференции, состоявшейся на Троицу, Федерация объявила себя Коммунистической партией, но по предложению нескольких товарищей было решено пока не переименовывать партию, а сначала приложить все старания к тому, чтобы организовать одну коммунистическую партию, объединив группы 3-ю, 5-ю, 6-ю и 7-ю, при ближайшем участии группы 4-й; под 7-й группой мы разумеем Южно-Уэлльское Социалистическое Общество. Многие утверждают, что Соц. Раб. Парт. невозможно будет склонить к вступлению в коммунистическую партию, хотя отдельные члены ее, пожалуй, и войдут в новую партию; по-моему, однако, с уверенностью утверждать это нет никакого основания.

Вы спросите, зачем я пишу обо всем этом? Затем, чтобы сказать, что парламентаризм у нас тормозит все движение. Брит. Соц. Парт. и Соц. Раб. Партия, по-прежнему, стараются провести на выборах своих кандидатов, и это отталкивает от них рабочих 4-й группы, а также членов Соц. Фед. и Южно-Уэлльского Соц. Общества.

Не знаю, представляете ли Вы себе, насколько у английских рабочих слабее сознание классовых интересов, чем у рабочих других стран, и насколько сильнее развиты у нас всякие политические интриги.

Мне очень хотелось бы, чтобы Вы высказались о парламентской работе. Я читал письмо финских коммунистов к Вам. У нас тоже чувствуется жгучая потребность в такого рода воззваниях. Мне хотелось бы, чтобы Вы своим словом дали толчок нашему движению, сдвинув его с мертвой точки реформизма. Слова Ваши имеют у нас большой вес—по крайней мере, для тех, кто искренне желает революции. Мне думается, что, если бы Вы были здесь, Вы сказали бы: посвятите все свои силы непосредственному революционному выступлению и бросьте всю эту возню около политической машины. Мне думается так. По-моему, ни в одной стране, кроме Англии, нет политического аппарата, который так трудно было бы завоевать рабочим и который до такой степени был бы приспособлен для одурачивания рабочих.

Искренно уважающий Вас (подпись).

P. S. Мне хотелось сказать Вам, что рядовые рабочие индустриалисты во все большее и большее число приходят к убеждению в необходимости революции и ждут лишь руководителей, которые помогли бы им организовать ее. Но мы тяжелы на подъем, а Россия уже столько сделала для всего мира. Вы скажете, что все это—результат объективных условий. Да, но Ваше ясное изложение идей революции открывает глаза и указывает путь всем, кто слушает Вас и читает Ваши статьи; кроме того, многолетняя революционная пропаганда подготовила русский народ к умелому использованию объективных условий.

Если бы только нам удалось достигнуть того, чтобы все, кто верит в революцию, посвятили ей все свои силы, которые они теперь затрачивают на выборы и избирательные кампании! Затем, кроме пропаганды, необходимо

\*) Один из беднейших кварталов Лондона.

также заняться организацией. В настоящее время мы чувствуем себя, как дети, заблудившиеся в незнакомом лесу, или как путешественники, попавшие в неведомую страну. Нам придется обследовать каждый округ для того, чтобы наметить себе план действий, когда назреет выступление. Мы постараемся выполнить эту работу, но Вы очень поможете нам привлечь новые силы к этой работе, если согласитесь в форме речи или статьи—Ваше слово дойдет к нам так или иначе—дать нам Ваши указания. А наши пропагандисты непременно считают нужным приводить в оправдание революции такие аргументы, как напр.: «это не мы вызвали столкновение, это правительство виновато в нем». Как будто массам приходится оправдываться в том, что они причиняют беспокойство господам капиталистам».

<sup>179)</sup> Учредительный съезд коммунистической партии Германии в декабре 1918 г., на котором были представлены союз «Спартак» (см. том XIV прим. 62) и ряд молодых лево-радикальных организаций, возникших во время войны, рассматривал вопрос о парламентаризме и по предложению Отто Рюлле 62 голосами против 23 постановил бойкотировать Учредительное Собрание. Защита Р. Люксембург и К. Либкнехтом участия партии в избирательной борьбе разбилась о стихийно-революционное настроение молодых коммунистических организаций. Потерпевшая поражение в январских 1919 г. уличных боях в Берлине (см. прим. 23), комм. партия временно принуждена была уйти в подполье и вследствие вотума съезда оказалась лишенной возможности использовать парламентскую трибуну для революционной агитации. В 1920 г. партия отказалась от тактики бойкота, что повлекло за собою вместе с разногласиями по другим вопросам (лево-коммунистический лозунг: «вон из профессиональных союзов» и др.—см. прим. 75) откол «слева» Коммунистической Рабочей Партии Германии, зараженной анархосиндикалистскими предрассудками.

<sup>180)</sup> *Workers Committees* — рабочие комитеты в Англии—возникли во время империалистической войны, как реакция против соглашательства и отказа от стачечной борьбы официальных тред-юнионов. Движение, начавшееся в Лондоне, Глазго и Манчестере, охватило всю страну. Рабочие комитеты, в большинстве случаев враждебные политической борьбе, руководили рядом стачек и достигли большой популярности в рабочей среде. Большая забастовка механиков 1917 г. была создана рабочими комитетами. Особенно сильны *Workers Committees* в Шотландии, где они находятся в руках коммунистических элементов. Рабочие Комитеты объединены в Областные комитеты и в Национальный Комитет Рабочих Комитетов и имеют собственную прессу: ежемесячник «*Solidarity*» в Лондоне и еженедельник «*The Worker*» в Глазго. Движение *Workers Committees*, чрезвычайно сильное во время войны, значительно ослабело после ее окончания.

<sup>181)</sup> *Первые Советы рабочих депутатов*—см. том XVII прим. 48.

<sup>182)</sup> *Генерал Каледин*—см. том XV прим. 12.

<sup>183)</sup> *Опубликование тайных международных договоров Николая II*—см. том XV прим. 100.

<sup>184)</sup> *Партийный состав съездов Советов и возрастание влияния большевиков на них*—см. том XV прим. 212.

185) *Первый съезд Советов рабочих депутатов*—см. том XV прим. 211.

186) *Аграрное движение в 1917 году*—см. том XIV прим. 283.

187) *И. Майский*,—активный противник Советской власти, старый меньшевик и член меньшевистского Ц. К., состоял министром труда и членом Совета управляющих ведомствами при Самарском Комитете Учредительного Собрания в 1918 г.; по мере развития революции постепенно эволюционировал влево, признал свою ошибку и в настоящее время состоит членом Р. К. П.

188) *Г. Е. Зиновьев*—см. том XIV прим. 187.

189) *«Vorwärts»—Вперед*—центральный орган немецких социал-демократов большинства, примыкающих ко II Интернационалу.

190) *О книге К. Каутского «Терроризм и коммунизм»*—см. подробнее книгу Л. Троцкого «Терроризм и коммунизм». Государств. Издат. Петербург 1920 г.

191) *Об отношении большевиков к смертной казни до революции 1917 г.*—см. также том XIV прим. 208.

192) *Второй съезд Р. С.-Д. Р. П.*—см. том XV прим. 215.

193) *Жан Лонге*—см. том XIV прим. 48.

194) *Турати*—см. том XV прим. 215.

195) *Генерал Кавеньяк*—см. том XV прим. 111.

196) *Генерал Галифе*—кровавый усач и учитель Парижской Коммуны 1871 г., командовавший войсками версальцев.

197) *Гюисманс*—см. том XIV прим. 77.

198) *Трульстра*—см. том XIV прим. 42.

199) *Фридрих Адлер*—см. том XIV прим. 75.

200) *Базельский манифест*—см. том XIV прим. 7.

201) *«Freiheit»—«Свобода»*—центральный орган немецкой независимой с.-д. партий. В 1922 г. независимые объединились с шейдемановцами, прекратив самостоятельное существование.

202) *Луи Блан*—см. том XIV прим. 25.

203) *А. О. Ледрю-Роллен (1807—1874)*—один из мелко-буржуазных деятелей революции 1848 г. Будучи адвокатом, в 1841 г. был избран от г. Парижа в палату, где примкнул к республиканцам, продолжая издавать основанную им радикальную газету «*Reforme*». Л.-Р., не будучи социалистом, завоевал однако большую популярность у парижских рабочих, вследствие чего буржуазия сочла нужным включить его после мартовской революции в состав временного правительства, в котором он состоял министром внутренних дел и вел нерешительную соглашательскую политику. После июньских дней, закончившихся поражением парижских рабочих, Л.-Р. примкнул в Национальном собрании к «Горе», левой мелко-буржуазной парламентской оппозиции, будучи одним из ее вождей. На президентских выборах 1849 г. Л.-Р. конкурировал с Луи Бонапартом, как кандидат левых, однако получил ничтожное число голосов. После переворота Бонапарта был изгнан из Франции.

<sup>204)</sup> *Большевики и Государственная Дума* (бойкот и участие в избирательной кампании)—см. том XVII прим. 108, 109, 128 и 90, а также том XV прим. 60.

<sup>205)</sup> *Фон-дер-Гольц*—немецкий генерал и один из крупнейших деятелей юнкерской реакции в Германии. Весною 1919 г. командовал немецкими войсками под Ригой, сражавшимися вместе с белыми латышскими частями против Красной армии.

<sup>206)</sup> *Наступление ген. Юденича на Петербург*—см. том XVII прим. 9.

<sup>207)</sup> *Статья «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата»*, напечатанная в журнале «Коммунистический Интернационал» № 6, имеет пометку «продолжение следует», однако продолжения не было напечатано и статья осталась неоконченной.

<sup>208)</sup> *Точную дату произнесения «речи на конференции рабочих»* редакции не удалось выяснить.

<sup>209)</sup> *В. Н. Яковлева* начала работать в Московской большевистской организации в 1904 г., неоднократно подвергаясь арестам. В 1912—1913 г.г. состояла членом Московского Областного Бюро. Дважды подвергалась ссылке в Нарымский край, откуда оба раза бежала. Последний раз была сослана в Астраханскую губернию, откуда вернулась в 1916 г. и незадолго до февральской революции вошла во вновь созданное Моск. Областное Бюро Ц. К. в качестве секретаря, в период керенщины усиленно организуя область и готовя к октябрю революцию. В октябре 1917 г. Я. состояла членом партийной пятерки, руководившей восстанием в Москве и входила в Московский революционный комитет. Позднее последовательно несла различную советскую и партийную работу в Москве и Сибири, где была членом Областного Бюро Ц. К. Р. К. П. В настоящее время состоит одним из заместителей наркомпроса и руководителем главпрофобра.

<sup>210)</sup> *А. И. Свидерский* род. в 1878 г.; начал работать в социал-демократических кружках в 1898 г.; позднее примкнул к искровцам, а после раскола—к большевикам; будучи профессиональным революционером, в разное время входил в качестве члена в партийные комитеты: Петербургский, Самарский, Южно-Уральский, Киевский, Тульский и в Ц. К. латышской социал-демократии, а также исполнял обязанности агента Ц. К. (общерусского). Неоднократно подвергался полицейским преследованиям. Два раза был под судом. Отбыл в 1899—1902 г.г. трехлетнюю ссылку в Уфимской губ.; в 1903 г. был выслан на три года в Олонецкую губ., по прибытии куда бежал и перешел на нелегальное положение. Со времен октябрьской революции непрерывно работает в Наркомпроде. Ныне член коллегии Р. К. И.

<sup>211)</sup> *Виксель*—см. том XV прим. 10.

<sup>212)</sup> *Совещание по работе в деревне*—см. том XVII прим. 166

Речь Н. Ленина на втором совещании по работе в деревне 12 июня 1920 г.—см. том XVII стр. 219—229.

<sup>213)</sup> *Речь Ленина на VIII съезде Р. К. П. «о работе в деревне»*—см. стр. 139—154. Резолюция съезда по тому же вопросу—стр. 158—161.

<sup>214)</sup> *Наступление ген. Юденича на Петербург* (12—25 октября 1919 г., совпало по времени с захватом Деникинской армией Орла и продвижением ее к Туле (см. том XVII прим. 9 и 5). Белая Эстония, состоявшая в войне

с Советской Россией, не решилась принять активного участия в нападении и ограничилась пассивной поддержкой Юденича, являясь для него военной базой. Соседняя с Петербургом Финляндия, также находившаяся в состоянии войны с Советской республикой, несмотря на усиленное давление Антанты, в решительные дни предпочла воздержаться от всяких военных выступлений, заняв на деле позицию, близкую к нейтралитету. После разгрома Юденича, Эстония не предприняла никаких шагов для его спасения, интернировала его армию и 2 февраля 1920 г. подписала мирный договор с Советской республикой.

<sup>215)</sup> *Съезд земельных коммун и сельско-хозяйственных артелей* 3 декабря 1919 г. является вторым всероссийским сельско-хозяйственным съездом, несмотря на то, что в «Правде», поместившей о нем пространный отчет, он наименован первым. Первый съезд, названный в официальном отчете о нем Наркомзема («Труды I Всеросс. съезда земельных комитетов и коммун», вып. I, изд. Наркомзема 1918 г.) «Первым Всеросс. съездом земельных отделов, комитетов бедноты и коммун», состоялся в первой половине декабря 1918 г. Речь Ленина на этом съезде—см. «Собр. сочин.» том XV стр. 589—599.

<sup>216)</sup> *VII съезд Советов состоялся* 6—9 декабря 1919 года. На съезд были допущены с совещательными голосами представители мелко-буржуазных социалистических партий, огласившие свой декларацию (см. прим. 228). Кроме общеполитических вопросов и отчета Совета Народных Комиссаров, на съезде детально рассматривались вопросы советского строительства, для чего была выделена особая секция (см. прим. 237).

<sup>217)</sup> *Японская оккупация восточной Сибири* началась 6 апреля 1920 г. захватом Владивостока, вылившись после чехо-словацкого мятежа в форму междусоюзнической интервенции. После разгрома Колчака Япония пробовала удержать за собою большую часть восточной Сибири, но под давлением повстанческого движения, приведшего к образованию Дальне-Восточной республики, принуждена была ограничиться оккупацией Уссурийского края и Приморской области, поддерживая созданное ею во Владивостоке белогвардейское правительство Меркулова. Народно-революционная армия Д.-В. Р. в союзе с местными повстанцами к концу 1922 г. ликвидировала дальневосточную белогвардейщину, вынудив тем самым эвакуацию японских войск из Сибири. В настоящее время Япония продолжает удерживать в своих руках северную часть Сахалина.

<sup>218)</sup> *К. Расел*—см. том XIV прим. 73.

<sup>219)</sup> *Среди французских оккупационных войск* в Одессе, а также во флоте весной 1919 года под влиянием русской революции развилось значительное революционное движение, которое вынудило французское правительство откатиться, как от оккупации Одессы, избранной им в качестве базы для интервенций в глубь страны, так и от самой интервенции и отозвать войска. Руководители движения во флоте, матросы Марти, Бадица и др., были присуждены военным судом к многолетней каторге, которую большинство из них отбывают до настоящего времени, несмотря на неоднократные демонстративные избрания их французскими рабочими в парижский и другие муниципалитеты и настойчивые требования амнистии.

В английских войсках, действовавших на севере, точно так же велась революционная пропаганда и наблюдались случаи отказа целых воинских частей выполнять боевые приказы. Эта пропаганда нашла свое художественное отражение в романе У. Синклера «Джимми Хиггинс».

<sup>220)</sup> *Лорд Черчилл*—см. том XVII прим. 154.

<sup>221)</sup> *Г. В. Чичерин*—см. том XVII прим. 156.

<sup>222)</sup> *Робеспьер*—один из вождей великой французской революции, член Учредительного Собрания (Генеральные Штаты) и Конвента. Руководитель Клуба Якобинцев и «Горы», крайней левой Конвента; фактический глава французского правительства (Комитет Общественного Спасения) в период наибольшего подъема революции (2 июня 1793 г.—27 июля 1794 г.). Его падение 9 термидора II года и последовавшая затем казнь были началом реакции.

<sup>223)</sup> *Дантон* (1759—1794 г.г.)—см. том XIV прим. 282.

<sup>224)</sup> *Английские дипломатические агенты Локкарт и Райли*, при помощи подкупа начальников отдельных воинских частей, а также при содействии российских эс-эров и белогвардейцев, пытались организовать взрывы железнодорожных мостов, пожары продовольственных складов и военные заговоры. Наиболее крупная попытка заговора, установленная Верховным Трибуналом, была совершена Райли в 1918 г., пробовавшем безуспешно подкупить командира латышского батальона, расположенного в Кремле, т. Берзина, с целью захвата Совета Народных Комиссаров и свержения Советской власти.

<sup>225)</sup> *Переход к мирному строительству* был поставлен в порядок дня Советской властью в конце 1919 г., когда с разгромом Колчака и Деникина выяснилось близкое окончание гражданской войны. Ряд армий был снят с военных фронтов и употреблен для хозяйственных работ. В. Ц. И. К. опубликовал декрет об отмене смертной казни, допуская последнюю только в местностях, объявленных на военном положении. IX съезд Р. К. П. в марте 1920 г., готовя в условиях «военного коммунизма» хозяйственное возрождение страны, высказался за введение всеобщей трудовой повинности и милитаризации труда. 1 мая 1920 г. было превращено в грандиозный всероссийский «субботник». Польское нападение весной 1920 г. сорвало намечавшийся переход к мирному строительству и отсрочило почти на год переход Советской России к мирной жизни.

<sup>226)</sup> *Ксандрос*—инженер, работник центральных государственных организаций по топливу. Член Р. К. П.

<sup>227)</sup> *Н. А. Семашко* (псевдоним Александров)—по профессии—врач, родился в 1869 г., принял участие в революционном движении на гимназической скамье в 1891 г. В 1893 г. примкнул к социал-демократам, вошел в один из марксистских кружков в Москве. В 1894 г. подвергся аресту и был выслан на три года на родину, в Елец; позднее переехал в Казань, где в 1900 г. за участие в демонстрации подвергся новому аресту и высылке, работая последовательно в Самаре, Орле и Нижнем. После разгрома декабрьского восстания был привлечен к суду и после годичного заключения, выпущенный под залог, в 1907 г. эмигрировал за границу, где пробыл до осени 1917 г., работая в Женеве и в Париже в большевистских организациях и партийной печати под ближайшим руководством Лэчина и состоял

секретарем Заграничного Бюро Ц. К. (З. Б. Ц. К.). Со времени октябрьской революции состоит народным комиссаром здравоохранения.

<sup>228)</sup> На VII съезд Советов были допущены представители «оппозиционных» партий: меньшевики, Бунд и эс-эровская группа «Народ», огласившие декларации и выступившие с большими политическими речами. От имени Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков) выступал Мартов, речь которого оказалась значительно левее оглашенной им официальной декларации меньшевистского Ц. К.

Л. Мартов—см. том. XIV, прим. 13.

<sup>229)</sup> Л. С. Сосновский—член президиума В. Ц. И. К., старый работник большевистской партии, в 1912—1914 г.г. принимал ближайшее участие в петербургской «Правде», в 1918 г. состоял одним из ее редакторов.

<sup>230)</sup> IX Совет партии социалистов-революционеров состоялся 18—20 июня 1919 года. На конференции боролись два течения: представленное Вольским и вылившееся позднее в организацию группы «Народ» («меньшинство П. С.-Р.»), и официального Ц. К., возглавляемое Черновым. Подавляющим числом голосов были приняты резолюции Ц. К., формулировавшие идею «третьей силы» в следующих выражениях: «в тупике гражданской войны, в который заведена Россия, две основных силы борются друг с другом, взаимно друг друга питают—большевизм и реставрация... Из этого заколдованного круга Россию может вывести только третья сила, чуждая и большевизму и реставрации..., каковой может быть только трудовая демократия России, осознавшая себя, именно, как трудовая демократия... Возрождение последней неизбежно... Поэтому IX Совет партии считает временно категорически недопустимым какое-либо смягчение непримиримой позиции партии по отношению к буржуазной реставрационной партии и по отношению к большевистской диктатуре... Задача П. С.-Р.—слиться с трудовыми массами и объединить под своим руководством назревающее сопротивление в народных массах... Выдвигаемая в настоящее время политическая ситуация отказа партии от вооруженной борьбы с большевистской диктатурой... должна истолковываться лишь как тактическое решение, продиктованное положением вещей и расчетом наиболее целесообразного употребления партийных и народных сил». Последний тезис Ц. К. в своем «извещении о IX Совете П. С.-Р.» комментировал следующим образом: «в областях, захваченных реставрацией, сейчас применимы формы борьбы эпохи самодержавия. В коммунистическом царстве партия сейчас не может выступить вооруженной как из-за отсутствия сил, так и вследствие натиска на большевизм реакции». В результате принятых на IX Совете решений последовали отколы слева и справа. Слева протестовали Буревой, Вольский, Дашевский, Ракитников, Либерман, Святицкий, Смирнов и Черненко (группа «Народ»). Справа—группа активистов, сторонников интервенции и поддержки Деникина: Авксентьев, Вишняк, Зензинов, Буднев, Фундаминский (Бунаков), Роговский и Коварский. Против последних IX Совет П. С.-Р. принял постановление: «IX Совет партии выражает самое решительное порицание тем находящимся за границей товарищам, которые выступают с пропагандой или ходатайством об интервенции, и вменяет им в обязанность полное прекращение такой деятельности, как несовместимой с дальнейшим пребыванием в рядах партии». Вскоре, однако, Черновский Ц. К. отшел

от позиции IX Совета «тактического» отказа от вооруженной борьбы с Советской властью, скатившись к взглядам группы Авксентьева и Зензинова. Состоявшийся в августе 1921 г. X Совет П. С.-Р. одобрил возвращение партии на прежний путь вооруженной борьбы с Советской властью.

<sup>231)</sup> Намек на меньшевика Майского—см. прим. 187.

<sup>232)</sup> *М. Ф. Владимирский* (псевдоним Камский)—начал с.-д. работу в Москве в 1885 г. в марксистских кружках, образовавших вскоре «Московский Рабочий Союз» (1895—1896 г.г.); после ареста и высылки вновь вернулся в Москву, где в 1898—1899 г.г. состоял членом Центральной группы, но был выдан провокатором Серебряковой. После раскола примкнул к большевикам, работая в разных городах и выполняя поручения Ц. К. В 1905 г. в качестве члена Московского комитета принимал участие в руководстве декабрьским вооруженным восстанием. Неоднократно подвергался репрессиям и арестам, был вынужден эмигрировать за границу, где продолжал партийную работу под ближайшим руководством Ленина, возвратился в Россию весной 1917 г. и вошел в качестве члена в Московский комитет. В период октябрьских уличных боев состоял в «партийном центре», руководившем восстанием. После октября работал в «Бюро районных дум», заменившем распущенную Советской властью эс-эровскую городскую управу, одновременно работая в президиуме Московского Совета; позднее перешел в народный комиссариат внутренних дел, работой которого руководил в течение нескольких лет в качестве заместителя наркома.

<sup>233)</sup> *Декрет о земле* II съезда Советов, принятый 26 октября 1917 г., а также «положение о социализации земли», утвержденное Ц. И. К. II созыва в 1917 г., воспроизводят основные положения эс-эровской аграрной программы. «Декрет о земле»—см. том XV стр. 21, речь Ленина на II съезде Советов, содержащая обоснование декрета—см. том XV стр. 19.

<sup>234)</sup> *Центральная ложа Большого театра*, бывшая до февральской революции императорской ложей, в настоящее время обычно предоставляется на съездах дипломатическим представителям иностранных государств. На VII съезде Советов в 1919 г. ложа была предоставлена представителям «оппозиционных» партий и групп, участвовавших на съезде с совещательными голосами: меньшевикам, бундовцам, эс-эровской группе «Народ» и некоторым другим.

<sup>235)</sup> *Г. И. Петровский*—председатель В. У. Ц. И. К. (Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета Советов), рабочий, старый большевик, член IV Государственной Думы от рабочей курии Екатеринославской губернии и один из руководителей большевистской части с.-д. думской фракции. В ноябре 1914 г. был арестован на партийной конференции, на которой обсуждалась тактика фракции по отношению к войне, и вместе с другими депутатами-большевиками был сослан на поселение в Сибирь, откуда вернулся после февральской революции.

<sup>236)</sup> *В Грузии, обгьявшеий себл в 1918 г. самостоятельной*, власть находилась в руках меньшевиков, провозгласивших «демократическую республику» и конструировавших себя, как национальную партию. Грузинское правительство, после поражения Германии и проникновения в Черное море англо-французского флота, целиком ориентировалось на Антанту,

превратившись в ее вассала. Не рискуя выступить открыто против Советской России на стороне Деникина, меньшевики оказывали ему всемерную поддержку, отказывая в праве убежища русским большевикам и энергично преследуя грузинских коммунистов. В стране действовала военная контрразведка, составленная из старых царских офицеров. Восстания крестьян, пытавшихся захватывать помещичью землю, беспощадно подавлялись. Восстание осетинского народа в 1920 г. было подавлено карательными отрядами, уничтожившими десятки аулов и заставившими тысячи осетинских семейств эмигрировать на Северный Кавказ в пределы Советской России. Зато деникинское офицерство и русская буржуазия, бежавшая в Грузию после разгрома Деникина, были встречены там как почетные гости. Мирный договор, заключенный Грузией с Советской Россией в 1920 г., по которому меньшевистское правительство обязалось легализовать грузинских коммунистов, систематически нарушался. Победоносное восстание грузинских крестьян, поддержанное Красной армией, сделало в 1921 г. Грузию советской республикой.

<sup>237)</sup> *Организационная секция VII съезда Советов* рассматривала ряд основных вопросов съездского строительства. Тезисы, предложенные докладчиком Владимирским, заместителем народного комиссара внутренних дел, по инициативе депутатов с мест, были подвергнуты коренной переработке. Взамен их были приняты «постановления по советскому строительству», установившие двойную подчиненность местных учреждений (отделов) губернским Советам («горизонтальная» зависимость) и наркоматам («вертикальная» зависимость), а также расширены права губисполкомов в отношении промышленных предприятий, ранее подчиненных через различные главки и центры исключительно В. С. Н. Х. Постановления по организационному вопросу VII съезда Советов были подтверждены и развиты VIII съездом Советов в 1920 г. и заложили основы административного права Советской республики.

<sup>238)</sup> *Вопрос о коллегиальном и единоличном управлении в промышленности* рассматривался на IX съезде Р. К. П. в марте 1920 г. и разрешен в сторону предпочтения единоличного управления. В речи в организационной секции VII съезда Советов Ленин впервые ставит этот вопрос, разрешая его в пользу единоличия. Законченный взгляд Ленина отразился в его речи на IX съезде Р. К. П. «о хозяйственном строительстве» — см. «Собр. сочин.» том XVII стр. 85—91.

<sup>239)</sup> *Левые социалисты-революционеры* участвовали в выборах в Учредительное Собрание на основе единых избирательных списков с правыми. Формальный раскол П. С.-Р. произошел как раз в период между составлением списков и подачей бюллетеней. В результате выборы не отразили действительного настроения страны. На заседании Учредительного Собрания 5 января 1918 г. советским партиям большевиков и левых эс-эров противостоял блок буржуазных и мелко-буржуазных партий. За кандидатуру Спиридоновой в председатели У. С. при 601 депутате, избранных, по подсчету Святыцкого, голосовало 195 человек против 323 голосов, поданных буржуазным блоком за Чернова. Если исключить отсутствовавших депутатов, в том числе 14 кадетов, объявленных вне закона и 69 украинцев, по тактическим соображениям, воздержавшихся от голосо-

вания, соотношение советских и буржуазных партий в У. С. выразится цифрами 39% и 61%. Подробнее—см. том XV прим. 28 и 37.

<sup>240)</sup> *Народные социалисты*—«л.-э.ы»—народническая интеллигентская группа, организовавшаяся вокруг журнала «Русское Богатство» (Мякшин, Пешехонов и др.) и отколовшаяся от партии социалистов-революционеров на ее первом съезде (28 декабря 1905—3 января 1906 г.), не признав методов революционной борьбы. В период царизма народные социалисты были близки к думской крестьянской группе «трудовиков». В период капитализма составляли крайнее правое крыло советских партий, на муниципальных и др. выборах обычно блокировались с Плехановской группой «Единство», занимавшей аналогичное с ними место у социал-демократов.

<sup>241)</sup> *Группа и газета «Единство»*—см. том XIV прим. 27.

<sup>242)</sup> *Переговоры о коалиции советских партий в октябре 1917 года*—см. том XV прим. 18.

<sup>243)</sup> *Речь идет о декабрьской 1919 г. конференции Р. К. П.*, на которой рассматривалась политика партии на Украине в связи с национальным вопросом. Стенограммы выступления Ленина на конференции пока отыскать не удалось. В периодической печати отчетов о конференции не публиковалось.

<sup>244)</sup> *Украинские эс-эры*, выделившиеся в 1917 г. в самостоятельную организацию, после октябрьской революции в борьбе с Советской властью придерживались германской ориентации, тогда как их русские сородичи остались верны Антанте, поддерживая ее интервенцию, имевшую целью возобновление военной борьбы с Германией на русской территории. Киевская Рада, руководимая украинскими эс-эрами (Голубович) и меньшевиками (Винниченко), теснимая рабочими отрядами и съездскими войсками, в начале 1918 г. в период Брестских переговоров Советской республики с Германией, заключила с центральными державами сепаратный от Советской России мир, выговорив себе военную помощь со стороны Германии, и на немецких штыках вернулась в Киев. Однако немецкое командование предпочло мелко-буржуазной раде гетмана Скоропадского, которому вскоре передало власть над оккупированной германскими войсками Украиной. Напротив, русские эс-эры всю свою политику связали с чехо-словацкими войсками, выступившими против большевиков по приказу Антанты. На северном фронте (Архангельск) они боролись против Красной армии совместно с английским десантом.

<sup>245)</sup> *Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком*, написанное Лениным 24 августа 1920 г., напечатано на стр. 300 и послед. настоящего тома.

<sup>246)</sup> *«Борьбисты»*—Украинская Коммунистическая Партия (У.К.П.)—см. том XVII прим. 76.

## Летопись событий.

1919 год.

Январь.

3. Знятие Красной армией Харькова.
- 6 - 13. Восстание рабочих и солдат в Берлине.
9. Занятие Красной армией Митавы.
16. Убийство Р. Люксембург и К. Либкнехта.
18. Открытие мирной конференции в Версале.  
— Занятие Красной армией Полтавы.
21. Занятие Красной армией Луганска и Оренбурга.
22. Высылка представителя Р. С. Ф. С. Р. Воровского из Швеции.
24. Занятие Красной армией Уральска.
25. Предложение Антанты созвать конференцию „по русскому вопросу“ на Принцевых островах, в Мраморном море.
26. Воззвание 8-ми коммунистических партий и лево-социалистических организаций с призывом об основании III Коммунистического Интернационала.  
— Занятие Красной армией Екатеринослава.

Февраль.

3. Смерть Фр. Меринга.
4. Занятие Красной армией Виндавы.
5. Образование Белорусской Советской Социалистической республики.
8. Соглашение с право-эс-эровской группой „Народ“, отказавшейся от вооруженной борьбы с Советской властью.

10. Первое предложение Р. С. Ф. С. Р. Польше приступить к мирным переговорам.
12. Арест К. Радека в Берлине
15. Отставка Донского атамана Краснова, сторонника германск. ориентации; избрание Донским атаманом деникинца Богаевского (антантовск. ориент.).
18. Конференция правых социалистов-революционеров.
20. Занятие поляками Белостока и Бреста.  
— Отказ французских солдат и матросов в Одессе сражаться с русскими революционными войсками.
22. Волнения в английских оккупационных войсках на северном фронте.
27. Амнистия В. Ц. И. К. социалистам-революционерам и др. группам, боровшимся на фронтах против Советской власти, при условии прекращения борьбы.  
— Занятие Красной армией Орска и острова Эзеля.

### М а р т.

2. Занятие Красной армией Херсона.
- 2—7. I Конгресс Коммунистического Интернационала.
3. Занятие Красной армией Актюбинска.
6. III Всеукраинский съезд Советов в Харькове  
— Переход Колчака в наступление на восточном фронте.
7. Занятие Красной армией станицы Каменской в Донской области.
10. Уличные бои в Берлине.
12. Занятие Красной армией Николаева.
16. Смерть Я. М. Свердлова.  
— Занятие Колчаком Уфы.  
— Занятие поляками Барановичей.  
— Занятие Махно Бердянска.
17. Занятие Красной армией Мелитополя.
18. Оставление Красной армией Митавы.
- 18—23. VIII съезд Р. К. П.
20. Занятие Красной армией Жмеринки
21. Советская республика в Венгрии.
25. Занятие Красной армией Мариуполя.
27. Восстание рабочих против белых в Одессе.
29. Восстание против белых в Крыму.

### А п р е л ь.

6. Занятие Красной армией Одессы.
7. Образование Советской республики в Баварии.
9. Занятие Красной армией Волочиска.
10. Занятие Красной армией Симферополя.
11. Занятие Колчаком Бугульмы.
12. Занятие Красной армией Ялты и Житомира.
19. Наступление румын на Венгерскую Советскую республику.
21. Занятие Красной армией Каменец-Подольска.
23. Оставление Красной армией Вильны.
29. Занятие Красной армией Севастополя.

### М а й.

3. Вторжение бело-финских войск в Советскую Россию
5. Падение Баварской Советской республики.  
— Занятие Красной армией Олонца.
6. Начало наступления Деникина.
9. Занятие Красной армией Бугульмы.
10. Бунт атамана Григорьева.
13. Вступление Красной армии в Бессарабию.
15. Ликвидация Григорьевщины.
16. Первое наступление генерала Юденича на Петербург.
17. Занятие Красной армией Белебея.
19. Занятие Красной армией Кременчуга.
20. Белогвардейский десант у Красной Горки на южном берегу Финского залива.
24. Оставление Красной армией Риги.
24. Занятие Туркестанской Красной армией Мерва и крепости Кушки.
26. Занятие поляками Молодечна.  
— Занятие Красной армией Ровно и Дубно.

### И ю н ь.

4. Съезд махновцев в м. Гуляй-поле. Начало махновского мятежа.
5. Форт Ино на финляндском берегу обстреливает Кронштадт.

10. Занятие Красной армией Уфы.
12. Измена форта Красная Горка.
13. Занятие Красной армией Бирска на восточном фронте.
16. Ликвидация заговора на Красной Горке.
17. Появление „зеленых“ на Кубани, в деникинском тылу.
21. Занятие Деникиным Феодосии и Калача.
23. Занятие Деникиным Синельникова.
24. Занятие Деникиным Харькова.
30. Занятие Деникиным Царицына и Екатеринослава.

#### Июль.

1. Занятие Красной армией Перми.
4. Занятие Красной армией Красноуфимска.
8. Обстрел черноморских берегов французским флотом.
11. Освобождение Уральска от осады казаков.
13. Занятие Красной армией Златоуста.
14. Занятие Красной армией Екатеринбурга.
16. Английское предложение Советской России вступить в переговоры об обмене военнопленными.
20. Занятие Красной армией Онеги.
24. Занятие Красной армией Челябинска.
29. Занятие Деникиным Камышина.
31. Занятие Деникиным Полтавы.

#### Август.

3. Поражение англичан на северном фронте, близ Онеги.
4. Падение Венгерской Советской республики.
5. Занятие Красной армией Ямбурга, ликвидация первого наступления Юденича на Петербург.
8. Оставление Красной армией Минска.
9. Занятие Красной армией Тюмени.
11. Занятие Красной армией Асхабада.
17. Прорыв конницей Мамонтова южного фронта.
18. Занятие Деникиным Херсона и Николаева.  
— Налет Мамонтова на Тамбов.
19. Оставление Красной армией Казатина.
22. Налет Мамонтова на Козлов.  
— Мятеж командира конного корпуса Миронова на южном фронте.

23. Занятие Деникиным Одессы.
25. Занятие Красной армией Пскова.
27. Эвакуация английских войск с северного фронта.
30. Оставление Красной армией Киева и занятие его Петлюрой.
31. Занятие Деникиным Киева.

### Сентябрь.

1. Восстание партизан на Амуре.
3. Образование Военно-Революционного Комитета в Сибири.
11. Предложение Р.С.Ф.С.Р. мирных переговоров правительствам Латвии, Литвы и Финляндии.  
— Оставление Красной армией Борисова.
13. Соединение Туркфронта с ташкентской группой, восстановление ж.-д. связи с Туркестаном.
14. Ликвидация бунта Миронова.
17. Занятие партизанами Томска.
21. Оставление Красной армией Курска.
22. Раскрытие белогвардейского заговора „Национального Центра“ в Москве.
23. Взрыв Московского Комитета Р.К.П. „анархистами подполья“ и левыми эс-эрами.

### Октябрь.

6. Занятие Деникиным Воронежа.
11. Занятие Юденичем Ямбурга. Начало второго наступления Юденича на Петербург.
12. Занятие Деникиным Чернигова.  
— Авантюра фон-дер-Гольца и захват Риги.
13. Занятие Деникиным Орла.
15. Восстание в Дагестане против Деникина.
16. Занятие Юденичем Красного села.
17. Занятие Деникиным г. Новосия Тульск. г. Наибольший успех Деникина.
19. Занятие Красной армией Орла. Перелом на южном фронте.  
— Победа конницы Буденного над конницей Мамонтова и Шкуро под Воронежем.
21. Поражение Юденича в Пулкове.
29. Отказ Финляндии от содействия Юденичу.

• Ноябрь.

5. Занятие Красной армией Чернигова.
14. Занятие Красной армией Ямбурга. Ликвидация армии Юденича.
- Занятие Красной армией Омска.
17. Занятие Красной армией Курска.
25. Раскрытие белогвардейского заговора в Петербурге связанного с Юденичем.

Декабрь.

5. Открытие русско-эстонской мирной конференции в Юрьеве.
  6. Занятие Красной армией Белгорода.
  - 6—9. VII съезд Советов.
  11. Занятие Красной армией Семипалатинска.
  12. Занятие Красной армией Харькова.
  13. Занятие Красной армией Ново-Николаевска.
  16. Занятие Красной армией Киева.
  20. Занятие Красной армией Томска.
  22. Второе предложение Р.С.Ф.С.Р. Польше приступить к мирным переговорам.
  24. Занятие Красной армией станции Тайга.
  25. Занятие Красной армией Красноводска.
  27. Восстание рабочих и партизан в Иркутске.
  - Арест Колчака партизанами в Нижнеудинске.
  28. Занятие Красной армией Мариинска.
  30. Занятие Красной армией Синельникова.
  31. Занятие Красной армией Екатеринослава.
-

# СО Д Е Р Ж А Н И Е.

## Я н в а р ь.

	<i>Стр.</i>
Письмо к рабочим Европы и Америки . . . . .	5
О профессиональных союзах. Речь . . . . .	12
Все на работу по продовольствию и транспорту. Речь . . . . .	25

## Ф е в р а л ь.

Ответ на запрос крестьянам . . . . .	28
--------------------------------------	----

### **I Конгресс Коммунистического Интернационала.**

Вступительная речь . . . . .	35
Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата . . . . .	36
Заключительная речь . . . . .	52
Заявление участников Циммервальдской конференции . . . . .	53

## М а р т.

Завоеванное и записанное . . . . .	54
Об основании Коммунистического Интернационала. Речь . . . . .	56
Успехи и трудности Советской власти. Речь . . . . .	60
Памяти Я. М. Свердлова. Речь . . . . .	87

### **VIII Съезд Р. К. П.**

Вступительная речь . . . . .	93
Отчет Центрального Комитета Р. К. П. . . . .	95
Партийная программа. Речь . . . . .	111
Заключительное слово по вопросу о партийной программе. . . . .	130
О работе в деревне. Речь . . . . .	139
Заключительная речь . . . . .	154
Резолюция о отношении к среднему крестьянству . . . . .	158

## А п р е л ь.

Ответ на открытое письмо специалиста . . . . .	162
Внешнее и внутреннее положение. Речь . . . . .	166

	<i>Стр.</i>
Третий Интернационал и его место в истории . . . . .	180
ослеловие к статье: «Успехи и трудности Советской власти» . . . . .	188

**М а й.**

Приветственная речь на I Всеросс. съезде по внешкольному об- разованию . . . . .	188
Об обмане народа лозунгами свободы и равенства. Речь . . . . .	192
Привет венгерским рабочим . . . . .	225
Герои Бернского Интернационала . . . . .	220

**И ю н ь.**

Предисловие к речи «Об обмане народа лозунгами свобода и ра- венства». . . . .	237
Великий почин. Коммунистические субботники . . . . .	241

**И ю л ь.**

Современное положение. Речь . . . . .	261
О задачах III Интернационала. Рамсей Макдональд о III Интер- национале . . . . .	267
Ответ на вопросы американского журналиста. . . . .	288
Речь на конференции фабрично-заводских комитетов и профсою- зов . . . . .	288

**А в г у с т.**

Речь на Всеросс. съезде работников просвещения и социалисти- ческой культуры . . . . .	204
Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колча- ком . . . . .	300
Письмо английскому коммунисту . . . . .	307

**С е н т я б р ь.**

Речь на беспартийной конференции Басманного, Лефортовского, Алексеевского и Сокольнического районов . . . . .	313
Как буржуазия использует ренегатов . . . . .	310

**О к т я б р ь.**

Привет итальянским, французским и немецким коммунистам . . . . .	330
Речь в Свердловском университете . . . . .	330
Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата . . . . .	347

**Н о я б р ь.**

Речь на конференции московских рабочих . . . . .	350
Советская власть и положение женщины . . . . .	362
Речь на заседании В. Ц. И. К., Московского Совета и заводских комитетов . . . . .	365

	<i>Стр.</i>
Речь на Всеросс. совещании по работе в деревне . . . . .	374
Речь на II Всеросс. съезде коммунистических организаций народов Востока . . . . .	381
Речь на I-м съезде земельных коммун. и сельско-хозяйственных артелей . . . . .	391

**VII Съезд Советов.**

Доклад Совета Народных Комиссаров . . . . .	403
Заключительное слово по докладу . . . . .	423
Речь в организационной секции . . . . .	430
Заключительная речь . . . . .	435

**Д е к а б р ь.**

Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата .	439
Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу победы над Деникиным . . . . .	459

**П р и л о ж е н и я.**

Программа Р. К. П. . . . .	469
Примечания . . . . .	497
Летопись событий . . . . .	536

---

XVI том Собрания сочинений **Н. Ленина** (В. И. Ульянова)

подготовлен к печати и снабжен примечаниями

**Н. Овсянниковым**

под редакцией **Л. Каменева.**

---



11